МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 1 / 2021

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2021

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора
Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь
К. Р. Амбарцумян – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Исмаил Тогрул Рафик оглы – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Мюллер В.** – д-р ист. наук, профессор; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р соц.-полит. наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Бредихин С. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Грушевская Т. М.** – д-р филол. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Мехди Хоссейни Тагиабад** – директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (Иран); **Мирошниченко Н. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цихорацкий Петр** – профессор Вроцлаского университета (Польша); **Цыбенко В. В.** – канд. ист. наук, доцент; **Чаннов С. Е.** – д-р юрид. наук, профессор; **Чичман Ласло** – д-р полит. наук, профессор Будапештского университета «Корвинус» (Венгрия); **Шаронов С. А.** – д-р юрид наук, профессор; **Шварц Искра** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (Австрия); **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес редакции и издателя:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2021

HUMANITIES AND LAW STUDIES
Scientific bulletin

Founder
Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief
Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief
Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor
Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Ismail Togrul – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu.** – Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bredikhin S. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Grushevskaya T. M.** – Doctor of Philology, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I.** – Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdova A. M.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klychnikov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasnova I. A.** – Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Manaenko G. N.** - Doctor of Philology, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Hosseini Mehdi** – Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Iran) Professor; **Miroshnichenko N. V.** – Doctor of Law, Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshev A. N.** – Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzhenkov A. Ya.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Sumskoy D.** – Doctor of Law, Professor; **Tsikhoratskii Petr** – Doctor of History, Professor (Poland); **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Channov S. E.** – Doctor of Law, Professor; **Chichman Laslo** – Doctor of Political Sciences, Professor of Budapest University «Corvinus» (Hungary); **Sharonov S. A.** – Doctor of Law, Professor; **Iskra Schwartz** – Doctor of History, Professor (Austria); **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M.** – Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S.** – Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address of the editorial office and the publisher:
1, Pushkin Street, Stavropol 355017.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus Federal University”, 2021

СКФУ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Багаева А. А. Проблемы формирования и развития высших органов власти в Грузии (1991 – 2018 гг.).....8

Вартумян А. А., Карданова М. Л. Формирование основных направлений внешней политики Испании в конце XX – начале XXI в. 14

Гаврилов С. Н. Английский военный флот в кризисе преемственности власти 1553 г.: события на «Greyhound». 23

Гранкин Ю. Ю. Система имперского управления Кавказом как путь к цивилизационному компромиссу. 30

Гурова Е. А. Об особенностях некоторых социально-экономических инструментов имперской политики на Северном Кавказе во второй половине XIX века.....36

Джумаев Д. И. Структура сельской общины и тухума у рутульцев: эволюция общественной системы во второй половине XVIII – начале XX в.....43

Задерейчук И. П. Развитие земледелия у немцев Крыма в 1804 – 1930-е гг. 53

Михайлов В. Б. Начало политической деятельности Эвмена из Кардии. 61

Саенко А. В. Битва на Фирисвеллире как дуалистичный «краеугольный камень» шведской и датской историографии.....67

Скорик А. П. Немецкие колонисты в политотдельский период коллективизации на Дону. 74

Стегленко Е. В. Личность М. И. Платова в оценке Е. П. Савельева. 84

Судавцов Н. Д. Вклад генерала Апанасенко в победу во Второй мировой войне.....90

Телепень С. В. Viri militares Римской империи I–II вв.: образ и карьера. 97

Узнародов И. М. Всеобщие парламентские выборы 1868 года в Великобритании: тактика в отношении избирателей-рабочих.....106

Ченикалова Е. В. Исторические предпосылки создания Ново-Афонского монастыря на Кавказе. 113

Шамарина О. А. Исторические истоки современной турецкой политики «мягкой силы».....120

Шаожева Н. А., Гугова М. Х. Формирование и деятельность политических партий Российской Федерации в 90-е гг. XX в. (региональный контекст). 129

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Борисова О. Н., Жуков А. П., Плиева А. М. Понимание закона субъектом с точки зрения психологии сознания.....139

Захарин А. Н., Нутрихин Р. В. Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства стран-участниц ЕАЭС. 145

Клюковская И. Н, Тер-Аванесова И. Н. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий и их влияние на динамику коррупционных проявлений. 152

Колесникова К. В., Макарова Т. И. К вопросу об элементах экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования в странах ЕАЭС. 161

Погожева О. В., Плиев С. М. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних на территории Ставропольского края: современный правовой и институциональный анализ. 168

Рыженков А. Я. Прощение долга как юридический факт в гражданском праве. 174

Шаронов С .А. Юридико-фактические свойства договора оказания охранных услуг.....180

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Винник Ю. В. Специфика актуализации диалогизма комического (на материале французской политической карикатуры). 187

Грязнова В. М., Мамедова А. Н. Специфика семантической структуры существительных с мелиоративной оценкой в сигнификативно-денотативном компоненте прямого значения в современном русском языке....195

Суетина О. Г. Реализация принципов сегментации и архитектоники в текстах судебных решений верховных судов стран англо-саксонской правовой системы. 204

Шатских М. В. Актуализация реалий как дискурсообразующего маркера романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» в инокультурной интерпретации. 211

РЕЦЕНЗИЯ

Вартумян А. А. История национально-территориальных конфликтов в Центрально-Восточной Европе: спорные территории и их урегулирование (1938 – 1949 гг.). 218

НЕКРОЛОГИ

Памяти Татьяны Николаевны Плохотнюк (7.11.1958 г. – 30.12.2020 г.) известного ученого, педагога, друга....221

Памяти Евгения Георгиевича Пономарева (18.03.1952 г. – 29.12.2020 г.) гражданина, ученого, педагога 224

СКФУ
СЕВЕРО - КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

CONTENTS

HISTORY

Bagaeva A. Problems of formation and development of higher authorities in Georgia (1991 – 2018). 8

Vartumyan A., Kardanova M. Formation of main directions of foreign policy of Spain in the late XX - early XXI century. 14

Gavrilov S. The English navy in the 1553 succession crisis: events aboard the «Greyhound». 23

Grankin Yu. The system of imperial governance in the Caucasus as a path to civilizational compromise. 30

Gurova E. On peculiarities of some social and economic instruments of the imperial politics in the North Caucasus in the second half of the XIX century. 36

Dzhumaev D. The structure of the rural community and tukhum among the rutulians: the evolution of the social system in the second half of the 18th - early 20th centuries. 43

Zadereychuk I. The development of agriculture of Crimean Germans in 1804 – 1930. 53

Mikhaylov V. Beginning of political activity of Eumenes of Cardia. 61

Saenko A. The battle of Fyrisvellir as dualistic “Cornerstone” of Swedish and Danish historiography. 67

Skorik A. German colonists during the work of political departments in time of collectivization on the Don. 74

Steglenko E. M. I. Platov’s personality in the evaluation of E.P. Savelyev. 84

Sudavtsov N. General I. Apanasenko’s contribution to the victory in the Second World war. 90

Telepen S. Viri militares of the Roman Empire I – II centuries: image and career. 97

Uznarodov I. The 1868 general elections in Great Britain: tactics for working-class voters. 106

Chenikalova E. Historical background of creation New Athos monastery in the Caucasus. 113

Shamarina O. Historical background of the modern Turkish «soft power» policy. 120

Shaozheva N., Gugova M. Formation and activities of political parties of the Russian Federation in the 1990s (regional context). 129

LEGAL SCIENCES

Borisova O., Zhukov A., Plieva A. The subject’s law awareness on a psychological level. 139

Zakharin A., Nutrikhin R. Legal problems of the formation of a single environmentally safe space of the EAEU member states. 145

Klyukovskaya I., Ter-Avanesova I. Development of modern it and their impact on the dynamics of corruption. 152

Kolesnikova K., Makarova T. On the issue of the elements of the economic mechanism of environmental protection and nature management in the EAEU countries. 161

Pogozheva O., Pliev S. Prevention of deviant behaviour of minors in the territory of the Stavropol Krai: a modern legal and institutional analysis. 168

Ryzhenkov A. Debt forgiveness as a legal fact in civil law. 174

Sharonov S. Legal and factual properties of the contract for the provision of security services. 180

PHILOLOGICAL SCIENCES

Vinnik J. Peculiarities of comic dialogism conveyance (on the material of French political caricature). 187

Gryaznova V., Mamedova A. Peculiarities of semantic structure of nouns with meliorative evaluation in the significative-denotative component of direct meaning in modern Russian. 195

Suetina O. Implementation of segmentation and architectonics principles in the texts of judicial decisions (based on judicial decisions of supreme courts of the Anglo-Saxon legal system). 204

Shatskih M. Actualization of realities as a discourse-forming marker of Boris Pasternak’s novel «Doctor Zhivago» in foreign cultural interpretation. 211

REVIEW

Vartumyan A. History of national-territorial conflicts in Central Eastern Europe: disputed territories and their settlement (1938 – 1949).....218

OBITUARIES

In memoriam of Tat'yana Plokhotnyuk (7.11.1958 – 30.12.2020) – famous scientist, teacher, friend.....221

In memoriam of Evgeniy Ponomarev (18.03.1952 – 29.12.2020) – citizen , scientist, teacher.....224

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94 (41/99)
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.1

А.А. Багаева

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ГРУЗИИ (1991 – 2018 гг.)

Процесс государственного строительства в постсоветских республиках сопровождался демонстрацией ими приверженности различным политическим системам, различным социально-экономи¬ческим моделям. В этих республиках имелись свои оценки об¬щей истории, видение национальных интересов, не совпадающие с интересами других постсоветских республик. Особенно в этом отношении выделялась Грузия: после августовских событий 2008 г. и выхода из СНГ государственное строительство в этой республике оказалось под воздействием целого ряда негативных факторов, осложняющих политическое положение в этой стране и в целом, регионе Южного Кавказа. Эти события вызвали интерес к ним со стороны российских исследователей: их изучение актуализировалось в связи с ростом угроз национальной безопасности России по всему периметру ее кавказских границ.

Новизной исследования является изучение специфической формы власти в Грузии, зависящей от национально-исторических особенностей и грузинских культурных традиций. В ходе исследования установлено, что политические институты создавались в Грузии с некоторой оглядкой на другие постсоветские страны, но в целом она придерживалась своего пути развития. Внимание автора исследования сосредоточено на проблемах, отрицательно воздействующих на процесс государственного строительства в Грузии – радикальный национализм, гражданское противостояние, этнополитические проблемы и др. В результате их подробного анализа автором статьи сделан вывод, что конституционная реформа в целом способствовала замене президентской формы правления на парламентскую, однако отсутствие правовой базы для функционирования демократических институтов перечеркивало усилия грузинского руководства по созданию социально ориентированного, демократического государства.

Ключевые слова: постсоветская Грузия, конституция, президентская власть, парламентская форма правления, демократические институты, гражданское общество.

Arina Bagaeva

PROBLEMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF HIGHER AUTHORITIES IN GEORGIA (1991 – 2018)

The process of state-building in post-Soviet republics was accompanied by a demonstration of their commitment to different political systems, different socio-economic models. These republics had their own assessments of the common history and vision of national interests, which did not coincide with the interests of other post-Soviet republics. Especially in this respect, Georgia stood out: after the events of August 2008. State-building in this republic was influenced by a number of negative factors that complicate the political situation in this country and in the South Caucasus region as a whole. These events aroused interest in them on the part of Russian researchers: their study was updated in connection with the growing threats to Russia's national security along the entire perimeter of its Caucasian borders.

The novelty of the research is the study of the specific form of power in Georgia, which depends on the national-historical features and Georgian cultural traditions. The study found that political institutions were created in Georgia with some regard for other post-Soviet countries, but in general it followed its own path of development. The author's attention is focused on the problems that negatively affect the process of state-building in Georgia – radical nationalism, civil confrontation, ethno-political problems, etc. As a result of their detailed analysis, the author of the article concluded that the constitutional reform as a whole contributed to the replacement of the presidential form of government with a parliamentary one, but the lack of a legal framework for the functioning of democratic institutions negated the efforts of the Georgian leadership to create a socially oriented, democratic state.

Key words: post-Soviet Georgia, constitution, presidential power, parliamentary form of government, democratic institutions, civil society.

После распада СССР и возникновения на постсоветском пространстве молодых независимых государств особую актуальность приобрела для них проблема создания высших органов власти. Наряду с другими постсоветскими государствами в Грузии утвердилась республиканская форма правления, были заложены основы президентской власти в стране. Эти меры были направлены на внесение кардинальных изменений в структуру высших органов власти и управления,

приведение их в соответствие с существующими политическими реалиями. Однако политическая система в стране так и не сформировалась. За время независимого существования Грузии в ее Конституцию неоднократно вносились изменения и дополнения, чтобы решить существующие проблемы, но безрезультатно: наоборот, возникали новые, обостряющие и без того жесткое противостояние между оппозиционными силами и официальной властью. В политических кругах велись ожесточенные споры о необходимости разработки и утверждения новых избирательных систем; оппозиция требовала внесения изменений и дополнений в действующую Конституцию, считая это обязательным условием успешного государственного строительства, хотя на самом деле эти требования составляли важную часть борьбы за власть. К тому же возрастала напряженность в обществе: граждане республики выражали недовольство по поводу множества выдвигаемых политических и юридических норм и формул (по сути – эфемерных) и в результате, политическая система в Грузии стала носить хронический неустойчивый характер.

31 марта 1991 г. состоялся общенародный референдум, в ходе которого гражданам Грузии следовало определиться, желают ли они восстановления ее независимости на основе «Акта о независимости» («დამოუკიდებლობის აქტი»), принятого 26 мая 1918 г. в Грузинской Демократической Республике [13]. В общей сложности в референдуме приняло участие около 90,3 % жителей республики, при этом 98,9 % из них положительно ответили на поставленный вопрос. На этом основании 9 апреля 1991 г. Верховный совет провозгласил восстановление независимости Грузии [14]. Этот акт означал, что Республика Грузия становится правопреемницей Грузинской Демократической Республики 1918 – 1921 гг.

На основании нового избирательного закона, принятого годом раньше [13], 28 октября 1990 г. прошли выборы в парламент с участием многих партий и организаций. В них победили праворадикальные националисты, вошедшие в политический блок «Круглый стол – Свободная Грузия» («მრგვალი მაგიდა – თავისუფალი საქართველო») под руководством с З. Гамсахурдиа. На первой сессии нового состава Верховного совета были внесены коренные изменения в действующую советскую Конституцию. Из официального названия республики были удалены слова «Советская Социалистическая» и утверждено новое название – «Республика Грузия» (საქართველოს რესპუბლიკა); была изменена государственная символика Грузии – герб, флаг, гимн. Высшим органом власти Грузии стал Верховный совет (საქართველოს უზენაესი საბჭო), избравший З. Гамсахурдиа своим председателем. Местными властными органами были объявлены собрания народных представителей (საკრებულოები), а органами местного самоуправления стали префектуры (პრეფექტურები). Верховный совет принял решение об упразднении руководящей роли Коммунистической партии, утверждался политический плюрализм и вводилось многообразие форм собственности; был принят также закон о переходном периоде [12], который должен был действовать до принятия Конституции Грузии. В соответствии с этим в советской Конституции было записано, что переходный период в Грузии будет считаться завершенным после ее признания другими страны, она станет членом ООН, а грузинскую территорию покинут оккупационные войска.

Логическим развитием внутриполитических событий в республике стало учреждение президентской власти. В марте 1991 г. на сессии Верховного совета З. Гамсахурдиа был избран президентом Грузии, а после всенародных выборов в мае 1991 г. он уже официально занял президентскую должность. Президентский статус законодательно закрепил за ним неограниченную власть: все сферы гражданского общества оказались под непосредственным контролем президента, были монополизированы средства массовой информации. Во всех префектурах на руководящие посты назначалась радикальные националисты, пользующиеся исключительными правами на местах и подотчетные только президенту. В этих условиях оппоненты режима З. Гамсахурдиа выступили противниками института президентства: они потребовали его немедленного упразднения, считая, что передача управления в руки одного лидера приведет к узурпации власти с его стороны.

После прихода к власти З. Гамсахурдиа политический курс по выводу Грузии из состава СССР ускорился. Новое руководство стремилось заручиться поддержкой Запада в своих усилиях по решению данного вопроса. В феврале 1991 г. в американском посольстве в Москве состоялась встреча госсекретаря США Дж. Бейкера с З. Гамсахурдиа, в ходе которой последний сообщил, что Грузия не примет участия во всесоюзном референдуме о сохранении СССР. В ответ грузинскому лидеру было дано обещание, что США немедленно окажут материальную и финансовую помощь [2]. Воодушевленные таким вниманием, власти Грузии инициировали проведение референдума, по итогам которого было принято решение о выходе республики из состава СССР.

Между тем, общественно-политическая и социально-экономическая ситуация в Грузии осложнялась с каждым днем, республика стала ввергаться в хаос, при этом особую остроту приобрела проблема межэтнических отношений. В то время как этнические меньшинства составляли 30% населения страны, в октябрьских 1990 г. выборах в Верховный совет им было выделено только 9 депутатских мест (всего в работе

Верховного совета было задействовано 245 депутатов). Ситуацию в межэтнических отношениях осложнял также тот факт, что З. Гамсахурдиа и его сторонники выдвинули националистический лозунг «Грузия для грузин», что способствовало заметному усилению напряженности во взаимоотношениях с этническими меньшинствами, а в дальнейшем привело к вооруженным конфликтам с абхазами и южными осетинами.

Обострению межэтнических отношений националисты способствовали еще до своего прихода к власти в республике. Так, будучи сопредседателем «Общества Святого Ильи Праведного» (1988 г.) и лидером политического блока «Круглый стол – Свободная Грузия», Гамсахурдиа объявил СССР «модернизированной Российской империей», выход из которой должен был привести к восстановлению грузинской государственности и разрешению спорных вопросов с Абхазией и Южной Осетией по сценарию, разработанному в Тбилиси. Эти заявления произвели в автономиях эффект разорвавшейся бомбы: опасаясь нежелательных для себя последствий после восстановления государственности Грузии (т. е. отчуждения абхазов и осетин), представители последних стали искать у Москвы поддержку в вопросе повышения статуса своих автономий с их дальнейшим подчинением Центру. Но когда вдруг Центр перестал существовать, СССР распался на 15 отдельных субъектов, все на миг зависло в воздухе, тревога в автономиях возросла. Как следствие, изменился настрой среди абхазов и южных осетин: на смену недоверию официальному Тбилиси пришел сепаратизм в автономиях, ставивший своей целью выход из состава Грузии. Между тем, эти действия воспринимались властью в штыки и как следствие, напряженность с автономиями росла с каждым днем.

В этот период наблюдалось также заметное осложнение в отношениях власти с политической оппозицией и вооруженными формированиями – Национальной гвардией во главе с Т. Китовани и «Мхедриони» (руководитель Дж. Иоселиани). Оппоненты жестко критиковали З. Гамсахурдиа за его «диктаторские» методы правления, а после подавления протестного митинга в Тбилиси 2 сентября 1991 г. политическое противостояние между властью и оппозицией резко обострилось. Наиболее значимым событием того времени стал раскол отрядов Национальной гвардии на тех, кто поддерживал режим и его противников, участились вооруженные столкновения между ними. Отряды неформалов, среди которых особо выделялся «Мхедриони», стали сооружать на улицах Тбилиси баррикады. В декабре 1991 г. отряды Национальной гвардии и «Мхедриони» совершили военный переворот, в результате которого вся власть в республике перешла в руки Военного совета во главе с Т. Китовани и Дж. Иоселиани. Но поскольку не удалось урегулировать ситуацию в республике и навести порядок, был сформирован Государственный Совет, который возглавил прибывший из Москвы Э. Шеварднадзе.

Таким образом, в период правления З. Гамсахурдиа произошел полный развал экономики, усилилось межэтническое противостояние, переросшее в вооруженные конфликты с многочисленными жертвами, появлением проблемы беженцев. В республике произошло разобщение среди политических элит, приведшее к политическому кризису; возросла преступность, упал жизненный уровень населения, наконец, в стране была развязана гражданская война. В этой связи представляется справедливым утверждение грузинского исследователя Л. Таркхинишвили, что сложность переходного периода в Грузии заключалась в том, что в ее политической жизни сохранялось влияние бывших советских элит, сопротивляющихся власти и мешавших проведению реформ в стране [1, с.17–18].

С приходом к власти Э. Шеварднадзе начался процесс экономической стабилизации, укреплялась общественная безопасность, стали налаживаться дружественные отношения с соседними государствами. В августе 1995 г. была принята Конституция, закрепляющая разграничение между законодательной и исполнительной властью [10]. Конституция законодательно оформляла общее руководство исполнительной властью со стороны администрации президента, расширяла сферу компетенции президента. Так, глава государства напрямую участвовал в формировании правительства, определял его структуру, назначал министров. Правительство выполняло функции консультативного органа при президенте [8].

Согласно Конституции президенту страны была отведена ведущая роль в законодательной сфере: так, он мог выступить с конкретной законодательной инициативой, наложить вето на решение парламента, объявить всенародный референдум. В Грузии была введена четырехуровневая система управления государством – центральная, региональная, районная и местная. Центральный уровень повторял американскую модель управления: в частности президент, избираемый на пятилетний срок, осуществлял руководство исполнительной властью, правительство было подотчетно главе государство и подчинялось ему. Что касается парламента, то за ним сохранились всего лишь представительные функции. В июле 1999 г. в Конституцию страны были внесены две поправки, согласно которым для прохождения в парламент политическим партиям нужно было преодолеть не пятипроцентный барьер, как раньше, а семипроцентный. Тем самым власти рассчитывали закрепить существующую форму правления и не допустить в будущем изменения политической системы в Грузии.

После выборов 2000 г. Э. Шеварднадзе сохранил за собой пост президента, заручившись поддержкой 79,8% избирателей. Однако в результате массовых антиправительственных выступлений в Тбилиси, кульминацией которых стал захват непримиримой оппозицией во главе с М. Саакашвили здания парламента 22 ноября 2003 г. (эти события вошли в грузинскую историю как «Революция роз» («ვარდების რევოლუცია») Э. Шеварднадзе вынужден был немедленно подать в отставку. Важной причиной радикализации протестных выступлений было то, что власти задумали провести референдум по внесению изменений в Основной закон, предусматривающий сокращение числа депутатов парламента, и на этом основании провести новые выборы в парламент, что совершенно не устраивало оппозицию. В результате произошла насильственная смена власти в Грузии, открывшая новую страницу в ее постсоветской истории.

В период правления Э. Шеварднадзе произошла некоторая стабилизация в экономической и политической сферах, но главные проблемы – обеспечение территориальный целостности и формирование демократического, правового государства, так и не были решены. В январе 2004 г. в Грузии состоялись досрочные президентские выборы, в ходе которых победила партия «Единое национальное движение» («ერთიანი ნაციონალური მოძრაობა»). Лидер партии М. Саакашвили стал президентом, набрав 96 % голосов избирателей. С этого времени начался новый этап в развитии грузинской государственности, который сопровождался реформированием политической системы. Реформы осуществлялись с применением западных образцов и были направлены на ослабление президентской власти. Одной из первых среди реформ стала замена государственного флага Республики Грузия: соответствующий декрет был подписан 25 января 2004 г. [11]. Произошли изменения также в исполнительной власти: в частности, общее количество министров было сокращено с 18 до 13 человек.

По рекомендации действовавших в Грузии международных организаций власти начали борьбу с коррупцией, а приоритетным направлением во внешней политике стал курс на интеграцию страны в структуры Европейского союза (ЕС) и вступление в НАТО. Несмотря на имеющиеся изъяны, реформирование политической системы проходило успешно, что позволило Грузии подняться в рейтинге показателей во многих сферах политической и хозяйственной жизни, повысить свой авторитет на международной арене. Хотя проведенные реформы не смогли решить все проблемы в стране, тем не менее, они способствовали ее выходу из кризиса, сложившегося в период правления Э. Шеварднадзе.

Новые власти, как и их предшественники, неоднократно подвергали изменениям Конституцию Грузии. В частности, за период 2004 – 2010 гг. в отдельные разделы Основного закона было внесено 17 поправок. Согласно заявлениям правительства, эти меры были направлены на совершенствование высших органов власти, развитие демократических институтов, обеспечение защиты гражданских прав и свобод. Реформы в системе государственной власти в первую очередь затрагивали высшие исполнительные органы. Так, внесенными в Конституцию поправками предусматривалась полная передача исполнительной власти в стране правительству во главе с премьер-министром; президент и его администрация освобождались от контроля над аппаратом правительства. Эти конституционные поправки должны были расчистить путь для замены в будущем президентской формы правления в парламентскую.

Реформирование высших органов власти было продолжено после победы М. Саакашвили на президентских выборах в 2008 г. (53 % голосов избирателей) [7]. Прежде всего, был снижен избирательный барьер для политических партий (до пяти процентов), введена в практику выборов в парламент мажоритарная система наряду с пропорциональной.

В мае 2008 г. Конституция Грузии подверглась очередным изменениям: в частности, внесенными в нее поправками власть президента заметно ослабевала и наоборот, возросли полномочия парламента и правительства. В Конституции было зафиксировано, что после выборов 2013 г. президентские полномочия приобретут вид гаранта территориального единства и независимости Грузии, а исполнительная власть перейдет к аппарату правительства во главе с премьер-министром, подотчетного парламенту. На деле это означало, что президентская должность становится чисто номинальной и формальной.

После неудачи, постигшей партию «Единое национальное движение» в выборах в парламент в 2012 г., к власти в стране пришла новая политическая сила – коалиция «Грузинская мечта» («ქართული ოცნება»). Она сформировала правительство, возглавляемое Б. Иванишвили. В октябре 2013 г.: завершилось пребывание М. Саакашвили в должности президента: в прошедших выборах он не участвовал, поскольку конституционные нормы не допускали выдвижения на должность президента в третий раз подряд. Должность главы государства занял Г. Маргвелашвили, за которого отдали голоса 61 % избирателей. Это были первые выборы, в результате которых президентский пост был занят мирным путем, а не в ходе военного переворота или революции, как раньше.

Период правления Г. Маргвелашвили в основном был застойным: страна, добившаяся динамичных показателей в экономике и социальной сфере, вновь столкнулась со многими сложными проблемами в общественно-политической и социально-экономической жизни. Конституциональные изменения привели к ослаблению демократических и государственных институтов. Причиной этого стало возросшее противостояние президента с лидерами «Грузинской мечты» – партии, выдвинувшей в свое время кандидатуру Г. Маргвелашвили на пост главы государства. После прихода к власти этой партии курс на интеграцию Грузии в структуры Евросоюза и вхождение в НАТО был продолжен. Уже в первые месяцы работы нового парламента депутаты, представляющие в нем партию «Грузинская мечта», выступили с инициативой о внесении новых изменений в Конституцию страны. Была создана конституционная комиссия для работы над поправками в Основной закон, в основном состоящая из членов партии «Грузинская мечта». По заявлению инициаторов данного мероприятия Конституция должна была стать оплотом демократии в Грузии. На самом деле, по конституционным поправкам президент мог руководить государством лишь формально, а реальная власть полностью переходила к премьер-министру, подотчетного парламенту.

Очередные выборы президента в 2018 г. прошли уже в соответствии с вступившими в силу изменениями в Конституцию. 28 октября того же года был проведен первый тур выборов главы государства. В нем приняли участие 25 кандидатов, 19 из которых были представлены партиями, а 6 – инициативными группами [6]. Двое кандидатов, набравших наибольшее количество голосов избирателей, прошли во второй тур. В нем одержала победу С. Зурабишвили, поддержанная партией «Грузинская мечта» (59,5% избирателей) [6]. Впервые в постсоветской истории главой государства стала женщина, которой предстояло вывести республику из застойного состояния. Она должна была стать гарантом соблюдения законности и правопорядка, развития демократии, либеральных ценностей, защитником прав и свобод граждан. Между тем, в оппозиционных кругах были уверены, что «мечтатели» поддержали С. Зурабишвили, зная, что этот политик лишен каких-либо политических амбиций и вполне удовлетворен тем, что войдет в историю как глава грузинского государства, хотя и лишенная реальной власти.

После прошедших выборов полномочия, которыми был наделен глава государства, подвергались дальнейшему пересмотру в сторону их сокращения. Будучи главой государства, верховным главнокомандующим национальной армией Грузии, президент руководил внешней политикой, был ответственен за отношения с другими странами. В то же время, он не имел права вмешиваться в работу правительства, не мог отменить его решения во внутриполитической, экономической, социальной сферах, выдвигать законопроекты без согласования и одобрения со стороны парламента. Все решения, принимаемые президентом и его администрацией, подлежали согласованию с правительственным кабинетом во главе с премьер-министром.

В целом, подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что процесс формирования политической системы в постсоветской Грузии носил сложный и противоречивый характер. Вносимые практически ежегодно поправки и дополнения в Основной закон подвергали политическую систему постоянным испытаниям. Идеальной формой правления в стране политический истеблишмент считал общеевропейскую модель парламентской республики, но в первые годы независимости в Грузии утвердилась президентская власть. В дальнейшем, в результате неоднократных поправок и дополнений в Основной закон полномочия президента постоянно менялись. Внесенными поправками в Конституцию в 2018 г. в целом завершился процесс перехода к парламентской форме правления. Институт президентской власти подвергся значительным преобразованиям, но в то же время, в повестке сохранялись проблемы создания правовых основ функционирования демократических институтов. Их решение нельзя было откладывать, ибо в противном случае Грузия полностью лишалась возможности претендовать на право считаться поступательно развивающимся демократическим, социально ориентированным государством.

Источники и литература

1. Таркхинишвили Л. Грузия: путь к демократии? / Пер. с англ. И. Синициной. Варшава: CASE – Центр социально-экономических исследований, 1997. 55 с.
2. Уткин А. Большая Восьмерка: цена вхождения. URL: http://profilib.com/chtenie/9076/anatoliy-utkin-bolshaya-vosmerka-tsena-vkhozhdeniya-72.php (Дата обращения: 14.06.2020).
3. 26 მაისი საქართველოს დამოუკიდებლობის დღეა (26 мая – День независимости Грузии). URL: https://www.radiotavisupleba.ge/a/1740315.html (Дата обращения: 16.06.2020).
4. არჩევნების ისტორია. თბილისი, 2009 (История выборов. Тбилиси, 2009). URL: https://www.tabula.ge/ge/elections-2016/history (Дата обращения 15.06.2020).
5. სალომე ზურაბიშვილი: პრეზიდენტის როლი ჩემზეა გამოჭრილი (Саломе Зурабишвили: роль президента создана для меня). URL: https://www.tabula.ge/ge/story/73670-salome-zurabishvili-prezidentis-roli-chemzea-gamochrili (Дата обращения 23.06.2020).

6. საპრეზიდენტო არჩევნების ეგზიტპოლის შედეგები ცნობილია (Известны результаты экзит-полла на президентских выборах). URL: https://imedinews.ge/ge/archevnebi-2018/83091/saprezidento-archevnebis-egzitpolis-shedegebi-tsnobilia (Дата обращения: 22.06.2020).
7. საქართველო: რიგგარეშე საპრეზიდენტო არჩევნები, 2008 წლის 5 იანვარი: დასკვნითი ანგარიში (Грузия: внеочередные президентские выборы, 5 января 2008 года: заключительный отчет). URL: https://www.osce.org/ka/odihr/elections/georgia/30959 (Дата обращения: 21.06.2020).
8. საქართველოს კანონი აღმასრულებელი ხელისუფლების სტრუქტურისა და საქმიანობის წესის შესახ (Закон Грузии «О структуре и правилах деятельности органов исполнительной власти»). URL: https://matsne.gov.ge/ka/document/view/1230745?publication=17 (Дата обращения: 20.06.2020).
9. საქართველოს კონსტიტუცია (Конституция Грузии). URL: http://www.parliament.ge/ge/ kanonmdebloba/constitution-of-georgia-68 (Дата обращения: 14.06.2020).
10. საქართველოს კონსტიტუციონალიზმის განვითარების ისტორია (История развития конституционализма Грузии). URL: https://www.civiceducation.ge/ka/lessons/2-23 (Дата обращения: 19.06.2020).
11. საქართველოს ორგანული კანონისაქართველოს სახელმწიფო დროშის შესახებ (Органический закон Грузии «О государственном флаге Грузии»). URL: https://matsne.gov.ge/ka/document/view/13270?publication=5 (Дата обращения: 21.06.2020).
12. საქართველოს რესპუბლიკის კანონი საქართველოს რესპუბლიკაში გარდამავალი პერიოდის გამოცხადების შესახებ (Закон Республики Грузия об объявлении переходного периода в Республике Грузия). URL: https://matsne.gov.ge/ka/document/view/32056?publication=0 (Дата обращения: 17.06.2020).
13. საქართველოს საკანონმდებლო ორგანოს არჩევნები, 1990 წ. (Выборы в Законодательное собрание Грузии, 1990 г.). URL: https://ka.wikipedia.org/wiki/საქართველოს_საკანონმდებლო_ორგანოს_არჩევნები_1990 (Дата обращения: 16.06.2020).
14. საქართველოს სახელმწიფოებრივი დამოუკიდებლობის აღდგენის აქტი, 9 აპრილი, 1991 წელი (Закон «О восстановлении государственной независимости Грузии» от 9 апреля 1991 года). URL: https://ka.wikipedia.org/wiki/საქართველოს_სახელმწიფოებრივი_დამოუკიდებლობის_აღდგენის_აქტი (Дата обращения: 15.06.2020).

References

1. Tarkhinishvili L. Gruzija: put' k demokratii? / Per. s angl. I. Sinicinoj. (Tarkhinishvili L. Georgia: the path to democracy? / Trans. from the English. I. Sinicina). Warsaw: CASE-Center for socio-economic research publ., 1997, 55 p. (In Russian)
2. Utkin A. Bol'shaja Vos'merka: cena vhozhdenija (Utkin A. the Big Eight: the price of entry). URL: http://profilib.com/chtenie/9076/anatoliy-utkin-bolshaya-vosmerka-tsena-vkhozhdeniya-72.php (Accessed: 14.06.2020). (In Russian)
3. 26 მაისი საქართველოს დამოუკიდებლობის დღეა (May 26 is the Independence Day of Georgia). URL: https://www.radiotavisupleba.ge/a/1740315.html (Дата обращения: 16.06.2020). (In Georgian).
4. არჩევნების ისტორია. თბილისი, 2009 (Election history. Tbilisi, 2009). URL: https://www.tabula.ge/ge/elections-2016/history (Accessed: 15.06.2020). (In Georgian).
5. სალომე ზურაბიშვილი: პრეზიდენტის როლი ჩემზეა გამოჭრილი (Salome Zurabishvili: the role of the president is cut off from me). URL: https://www.tabula.ge/ge/story/73670-salome-zurabishvili-prezidentis-roli-chemzea-gamochrili (Accessed: 23.06.2020). (In Georgian).
6. საპრეზიდენტო არჩევნების ეგზიტპოლის შედეგები ცნობილია (The results of the presidential election exit poll are known). URL: https://imedinews.ge/ge/archevnebi-2018/83091/saprezidento-archevnebis-egzitpolis-shedegebi-tsnobilia (Accessed: 22.06.2020). (In Georgian).
7. საქართველო: რიგგარეშე საპრეზიდენტო არჩევნები, 2008 წლის 5 იანვარი: დასკვნითი ანგარიში (Georgia: extraordinary presidential election, January 5, 2008: final report). URL: https://www.osce.org/ka/odihr/elections/georgia/30959 (Accessed: 21.06.2020). (In Georgian).
8. საქართველოს კანონი აღმასრულებელი ხელისუფლების სტრუქტურისა და საქმიანობის წესის შესახ (Law of Georgia on the structure and rules of activity of the executive authorities). URL: https://matsne.gov.ge/ka/document/view/1230745?publication=17 (Accessed:20.06.2020). (In Georgian).
9. საქართველოს კონსტიტუცია (Constitution of Georgia). URL: http://www.parliament.ge/ge/ kanonmdebloba/constitution-of-georgia-68 (Accessed: 14.06.2020). (In Georgian).
10. საქართველოს კონსტიტუციონალიზმის განვითარების ისტორია (History of development of constitutionalism of Georgia). URL: https://www.civiceducation.ge/ka/lessons/2-23 (Accessed: 19.06.2020). (In Georgian).
11. საქართველოს ორგანული კანონისაქართველოს სახელმწიფო დროშის შესახებ (Organic Law of Georgia on the national flag of Georgia). URL: https://matsne.gov.ge/ka/document/view/13270?publication=5 (Accessed: 21.06.2020). (In Georgian).
12. საქართველოს რესპუბლიკის კანონი საქართველოს რესპუბლიკაში გარდამავალი პერიოდის გამოცხადების შესახებ (Law of the Republic of Georgia on declaring the transition period in the Republic of Georgia). URL: https://matsne.gov.ge/ka/document/view/32056?publication=0 (Accessed: 17.06.2020). (In Georgian).
13. საქართველოს საკანონმდებლო ორგანოს არჩევნები (1990) (Elections to the legislature of Georgia, 1990). URL: https://ka.wikipedia.org/wiki/საქართველოს_საკანონმდებლო_ორგანოს_არჩევნები_1990 (Accessed: 16.06.2020). (In Georgian).
14. საქართველოს სახელმწიფოებრივი დამოუკიდებლობის აღდგენის აქტი, 9 აპრილი, 1991 წელი (Restoration of State independence of Georgia Act, April 9, 1991). URL: https://ka.wikipedia.org/wiki/საქართველოს_სახელმწიფოებრივი_დამოუკიდებლობის_აღდგენის_აქტი (Accessed: 15.06.2020). (In Georgian).

Сведения об авторе:

Багаева Арина Альбертовна – аспирант кафедры всеобщей истории Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ) / armina-bagaeva@mail.ru

Information about the author:

Bagaeva Arina – Postgraduate student, Chair of World History, North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov (Vladikavkaz) / armina-bagaeva@mail.ru

УДК 94
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.2

А. А. Вартумян
М. Л. Карданова

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИСПАНИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

Испания после гражданской войны долгое время находилась в международной изоляции. Только восстановление демократии позволило стране постепенно занять достойное место на мировой арене. В XXI веке Испания активизировала свою внешнюю политику, которая приобрела устойчивый многовекторный характер, что закономерно нашло отражение в документах испанского внешнеполитического ведомства. Первый Стратегический план внешнеполитической деятельности Испании был представлен министерством иностранных дел еще в 2000 г. и зафиксировал окончание переходного периода, занявшего последнюю четверть XX в. и связанного с преодолением Испанией ее внешнеполитической изоляции, и начало нового этапа, характеризующегося поиском Испании своего места в мире с учетом имеющихся у нее ресурсов и внешнеполитических амбиций. Европейский вектор остается ведущим во внешней политике Испании. В XXI веке выделяется интенсивность внешней связи Испании с Североамериканским и Латиноамериканским векторами. Смена власти США в 2021г., вступление в должность президента Дж. Байдена, должна положительно отразиться на динамике двухсторонних отношений между Испанией и США. Колониальное прошлое страны, географическая близость определили особый интерес Испании к развитию сотрудничества с Африканским континентом. Рост экономического потенциала Азиатско-Тихоокеанского бассейна в глобальной экономике предопределило расширение сотрудничества Испании с данным регионом, в том числе с Китаем, Индией и др. В статье представлена иерархия внешнеполитической традиции Испании с учетом расстановки приоритетов ее «векторной дипломатии». Большое внимание в статье уделяется историческим предпосылкам и историко-культурному фактору при формировании основных направлений внешней политики Испании на рубеже XX-XXI вв., во многом определяющими взаимоотношения Мадрида с испаноговорящими государствами. Автор приходит к выводу о синтезе исторического прошлого страны и современных реалий при выстраивании Испанией многовекторной внешней политики.

Ключевые слова: Латинская Америка, «фабрика мыслей», Европейский вектор, Атлантическая ось, исламизм, союз для Средиземноморья, «арабская весна».

Arushan Vartumyan
Maryana Kardanova

FORMATION OF MAIN DIRECTIONS OF FOREIGN POLICY OF SPAIN IN THE LATE XX - EARLY XXI CENTURY

Spain, after the civil war, was in international isolation for a long time. Only the restoration of democracy enabled the country to gradually take its rightful place on the world stage. In the 21st century, Spain has stepped up its foreign policy, which has acquired a stable multi-vector character, which is naturally reflected in the documents of the Spanish Foreign Ministry. The first Strategic Plan for Spain's foreign policy was presented by the Ministry of Foreign Affairs back in 2000 and marked the end of the transition period that took place in the last quarter of the twentieth century and associated with Spain's overcoming of its foreign policy isolation, and the beginning of a new stage, characterized by Spain's search for its place in the world, taking into account its resources and foreign policy ambitions. The European vector remains the leading one in Spanish foreign policy. In the XXI century, the intensity of Spain's external ties with the North American and Latin American vectors stands out. The change of power in the United States in 2021, the inauguration of President J. Biden, should have a positive effect on the dynamics of bilateral relations between Spain and the United States. The article presents the hierarchy of foreign policy diplomacy, taking into account the prioritization of its vector diplomacy. Much attention in the article is paid to the historical background and the historical and cultural factor in the formation of the main directions of Spanish foreign policy at the turn of the XX-XXI centuries, which largely determine the relationship of Madrid with the Spanish-speaking states. The author comes to the conclusion about the synthesis of the country's historical past and modern realities while building Spain's multi-vector foreign policy.

Key words: Latin America, «think tank», European vector, Atlantic axis, Islamism, union for the Mediterranean, «Arab spring».

К 2008 г. сложилась ситуация, когда абсолютное большинство аналитиков из испанского научного сообщества, т.н. «фабрик мысли» и представителей государственных структур стали выступать за доктринальное оформление основ внешней политики Испании с выделением ее приоритетов, векторов, целей и средств. Работа на данном направлении продолжалась в течение шести лет и завершилась принятием двух базовых документов:

– Закон «О деятельности и международной службе государства» (подписан королем Испании Х. Карлосом II 25 марта 2014 г. [1]);

– Стратегия внешних действий (утверждена на заседании Совета министров Испании 26 декабря 2014 г., включает в себя собственно Стратегию внешнеполитической деятельности и План действий во внешней политике на 2015-2018 гг.) [2].

В этих документах отражены основные векторы внешней политики Испании, обоснована их значимость для нее. В частности, в Стратегии внешних действий седьмой раздел посвящен именно территориальному измерению испанской политики, в нем выделяются подразделы «Европа», «Средиземноморье и Ближний Восток», «Латинская Америка и Карибский бассейн», «Трансатлантические отношения», «Страны Африки к югу от Сахары» и «Азиатско-Тихоокеанский регион» [3]. Рассмотрим, какие именно внешнеполитические векторы выделяются в испанской политике в настоящее время и как соотносятся они по степени значимости между собой.

Европейский вектор в испанской политике является ключевым, что подтверждается данными Королевского института Элькано, согласно которым на европейские страны приходится 61,1% всего испанского экономического, военно-политического и социокультурного присутствия в мире (для сравнения доля стран Латинской Америки – 13,6 %, Северной Америки – 8,4 %, Ближнего Востока и стран Магриба – 7,2 %, Азиатско-Тихоокеанского региона – 7%, Африки южнее Сахары – 2,7 %) [4]. В данном рейтинге учитываются суммарные показатели экспорта и импорта энергоресурсов, всех видов товаров и услуг, инвестиций, присутствия вооруженных сил и военной техники Испании на территории других стран, данные о миграции, масштабах сотрудничества в сферах культуры, туризма, спорта, информационного, технологического, научного и образовательного обмена, об участии Испании в программах регионального развития [5]. Европейский вектор реализуется через участие Испании в работе учреждений в составе Европейского союза, нацеленного на консолидацию стабильной и единой демократической Европы, наделенной собственным голосом на международной арене.

Для Испании европейская интеграция имеет исключительное значение, выступает краеугольным камнем ее внешней политики и гарантией обеспечения безопасности ее граждан. Испания отдает явное предпочтение Евросоюзу как платформе для интеграции в глобальный мир. В 2015 г. в Испании отмечалось тридцатилетие с момента подписания Договора о присоединении Испании к Европейскому союзу, которого добился председатель испанского правительства А. Суарес. В июне 1991 г. Испания присоединилась к Шенгенскому соглашению, в декабре 1995 г., председательствуя в Евросоюзе, добилась утверждения единой европейской валюты «евро», став одним из ее учредителей.

Испания неоднократно председательствовала в Европейском совете: дважды во время работы Ф. Гонсалеса (1989 и 1995 гг.), третий – в 2002 г. при Х. М. Аснаре и четвертый – в 2010 г. при Х. Л. Р. Сапатеро, используя этот пост для усиления политической и экономической интеграции внутри Евросоюза и использования его механизмов для продвижения испанских интересов в мире. Европейским парламентом трижды руководили испанцы: Э. Барон (1989 – 1992 гг.), Х. М. Гил-Роблес (1997 – 1999 гг.) и Ж. Боррель (2004 – 2007 гг.); с 1999 г. на протяжении десятилетия Верховным представителем по Общей внешней политике и политики безопасности ЕС (CFSP) был представитель Испании Х. Солана; в составе Европейской комиссии работали испанцы М. Ореха, П. Солбес, Л. де Паласио, А. Матутес, М. Марин, Х. Альмуния и – с 1 ноября 2014 г. – М. Ариас Каньете [6]. О важности европейского вектора для испанской политики свидетельствует и тот факт, что ранее руководивший Европейским парламентом Ж. Боррель в июне 2018 г. был назначен испанским министром иностранных дел.

Испания исторически играла и продолжает играть активную роль в строительстве европейского проекта, участвуя в переговорах по договорам Амстердама (1997), Ниццы (2001), несостоявшегося Конституционного договора (2004 год) и Лиссабона (2009 год), регулярно вносит на рассмотрение и поддерживает региональные программы в таких областях, как политика гражданства, политика сплоченности, поддержка культурного и языкового разнообразия в европейских странах, сотрудничество по линии правоохранительных и судебных органов, борьба с терроризмом, а также выступает в роли посредника и представителя Евросоюза в вопросах, связанных с реализацией европейской политики, ориентированной на Латинскую Америку и южный берег Средиземного моря.

Европейский вектор был и остается ведущим во внешней политике Испании ввиду того, что Европейский союз воспринимается её правительством как естественная основа ее политического и экономического развития. Тем не менее, XXI в. ознаменовался выделением и/или интенсификацией внешних связей Испании в рамках еще нескольких внешнеполитических векторов, среди которых несколько менее значимыми, чем европейский, и имеющими равное значение в сопоставлении друг с другом являются североамериканский и латиноамериканский векторы.

Под североамериканским вектором в данном контексте подразумевается, в первую очередь, укрепление всестороннего многоуровневого стратегического партнерства между Испанией и США, поскольку ее сотрудничество с Канадой, хотя и осуществляется и положительно оценивается обеими сторонами, тем не менее, не имеет

настолько всеобъемлющего характера и гораздо менее масштабно (оно охватывает взаимодействие в таких секторах, как авиакосмическая промышленность, сельское хозяйство, торговля морепродуктами, фармацевтика, информационно-коммуникационные технологии и финансовые услуги; Испания выступает посредником при заключении торговых договоров между Канадой и Евросоюзом; Испания и Канада сотрудничают в области инноваций через Национальный исследовательский Совет Канады (NRC) и Национальный исследовательский Совет Испании (CSIC); между этими двумя странами подписано более 100 соглашений, стимулирующих академическую мобильность и способствующих образовательным обменам) [7].

Соединенные Штаты рассматриваются Испанией как дружественная страна, военно-политический союзник и стратегический партнер во внешней политике, вопросах укрепления обороны, безопасности, экономического и технологического развития, с которым имеются крепкие исторические, культурные и языковые связи, общие демократические ценности и геостратегические интересы. Испаноязычное сообщество в Соединенных Штатах уже достигло численности 57,5 млн. человек и в настоящее время составляет 17,4% населения (к 2060 г. США станут лидером в мире по числу говорящих на испанском языке). Испанская община, проживающая в этой стране, также растет и превосходит 100000 человек, которые занимают видные позиции в деловой, научной, технологической, образовательной, культурной и спортивной сферах американского общества [8]. Испания имеет девять генеральных консульств в городах Нью-Йорк, Бостон, Майами, Чикаго, Хьюстон, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Сан-Хуан в Пуэрто-Рико и в Вашингтоне, округ Колумбия.

Испано-американские двусторонние связи интенсивно развиваются с момента подписания в 1976 г. в Вашингтоне Договора о дружбе и сотрудничестве между Соединенными Штатами и Испанией, их укреплению в значительной степени способствовало вступление Испании в НАТО в 1982 г. и в Европейский союз в 1985 г., подписание в 1988 г. первой версии Соглашения о сотрудничестве в области обороны между США и Испанией, которое впоследствии было изменено три раза (последний – 17 июня 2015 г.). Этот новый внешнеполитический вектор привел к тому, что в 1995 г. в год своего председательства в Европейском совете Испания положила начало новой трансатлантической повестки дня для стимулирования отношений между Европейским союзом и Соединенными Штатами.

Теракты в США 11 сентября 2001 г. придали новый импульс двусторонним отношениям между заинтересованной в борьбе с терроризмом Испанией и Соединенными Штатами, в результате чего в декабре 2001 г. руководители внешнеполитических ведомств двух стран Х. Пике и М. Олбрайт подписали историческую Совместную декларацию (т.н. «Мадридская декларация»), предусматривающую углубление двусторонних связей не только на политическом уровне, но также и в области обороны и безопасности, поддержку экономического, финансового, научного, промышленного, технологического и культурного сотрудничества. В последующие годы были достигнуты важные соглашения, касающиеся сотрудничества в области юстиции, проведены многочисленные обмены визитами на высшем и высоком уровне. «Атлантическая ось» официально стала вторым из основных векторов внешней политики Испании в 2012 г., что на практике проявилось в виде интенсификации двусторонних политических связей с США: встреча двух лидеров состоялась в Вашингтоне в январе 2014 г., министры иностранных дел и торговли двух стран обменялись многократными визитами и провели переговоры по всем направлениям сотрудничества, а кульминацией стал исторический визит короля Испании в США в сентябре 2015 г. [9].

Смена власти в США в 2017 г., вступление в должность президента Д. Трампа положительно отразилось на динамике двусторонних отношений между Испанией и США: по приглашению Д. Трампа премьер-министр Испании М. Рахой совершил официальный визит в США в сентябре 2017 г., министр иностранных дел А. Дастис трижды посещал эту страну в 2017 г. и председательствовал на XXII Испанско-Американском форуме в Уильямсбурге, штат Вирджиния. Эти визиты подтвердили приверженность сторон к развитию взаимодействия по линии правоохранительных органов, совместной борьбе с терроризмом и радикальным исламизмом, укрепления торговых связей. Таким образом, значимость североамериканского вектора в политике Испании обусловлена, прежде всего, интересами обороны и безопасности: Испания видит в США надежного союзника в борьбе с терроризмом, от проявлений которого регулярно страдают испанские граждане.

Латиноамериканский вектор во внешней политике Испании обладает сопоставимой значимостью с североамериканским и определяет ее отношения с т.н. Иберо-Америкой. Ценность Иберо-Америки для испанского правительства базируется на следующих положениях [10]:

– Иберо-Америка исторически была и остается приоритетом для внешней политики Испании в силу исторических, социальных, культурных, политических, экономических и языковых связей;
– отношения Испании с иберoамериканскими странами уникальны по богатству и разнообразию и поддерживаются правительствами

во всех сферах, при этом Испания ведет политический диалог со всеми странами региона вне зависимости от степени политической близости;
– Испания является одним из основных инвесторов в Латинской Америке, обеспечивая свое заметное присутствие в таких секторах, как банковское дело, энергетика, связь, строительство и управление инфраструктурой, туризм и сфера услуг;
– испаноязычная культура в Латинской Америке достигла высокого уровня качества во всех ее проявлениях и пользуется заслуженной популярностью во всем мире;
– Испания нацелена на постоянное обновление исторически сложившихся отношений с латиноамериканскими странами с учетом новых вызовов и возможностей, она выступает за развитие политического и экономического диалога и видит этот регион одним из двигателей восстановления мировой экономики;
– роль Испании в Иберо-Америке также подкрепляется ее участием в различных латиноамериканских многосторонних организациях в качестве наблюдателя и в Ибероамериканском сообществе наций в качестве одного из основателей и участника.

Европейский, североамериканский и латиноамериканский векторы испанской внешней политики образуют триаду, в которой европейский вектор составляет первый уровень значимости, североамериканский и латиноамериканский векторы можно разместить на втором. Вместе с тем, этими тремя векторами в XXI в. внешняя политика Испании не исчерпывается, в ней усиливается влияние еще четырех внешнеполитических векторов: средиземноморского, африканского, азиатско-тихоокеанского и ближневосточного, каждый из которых заслуживает отдельного рассмотрения.

Средиземноморский вектор сохраняет свою значимость для Испании ввиду того, что стабильность и процветание данного региона оказывают прямое влияние на стабильность и процветание самой Испании, являющейся частью Средиземноморья, и на стабильность и процветание Европейского союза, в чем, как было отмечено ранее, она также заинтересована. Отношения между Испанией и средиземноморскими странами характеризуются не просто как добрососедские, но еще и как взаимозависимые, что не в последнюю очередь связано с обострившейся в последние годы проблемой миграции. Средиземноморский вектор внешней политики Испании реализуется на двух уровнях и подразумевает:

а) развитие двусторонних связей с каждым государством по отдельности;
б) взаимодействие с ними через многосторонние форматы – как через структуры Европейского союза, так и за счет участия Испании в инициативах регионального сотрудничества (Союз для Средиземноморья, «Диалог 5+5», ОБСЕ, ОЭСР и пр.) [11].

Наиболее значим для Испании Союз для Средиземноморья – созданная 13 июля 2008 г. ассоциация, объединяющая 42 страны с общей численностью 750 млн человек. Она была предложена президентом Франции Н. Саркози для имеющих выход к Средиземному морю стран, однако именно Испания настояла на том, чтобы одним из участников ассоциации стал весь Европейский союз. В Испании же в Барселоне была подписана Барселонская декларация с основной заявленной целью превратить Средиземноморье в мирный, стабильный и безопасный регион путем активизации политического диалога и создания новых возможностей в области экономического и культурного сотрудничества. В Барселоне регулярно проходят совещания министров иностранных дел стран-участниц союза, на последней из которых (в январе 2017 г.) участники утвердили «Дорожную карту» на ближайшие годы, выделив в качестве приоритетов содействие инклюзивному росту, программы для молодежи и женщин, поддержание региональной стабильности и стимулирование региональной интеграции [12].

Южная часть средиземноморского вектора политики Испании представлена взаимодействием со странами африканского Магриба. Традиционно Испания проводит активную политику в странах Магриба, направленную на минимизацию и разрешение имеющихся конфликтов [13]. С начала 2011 г. Магриб стал эпицентром глубоких социально-политических преобразований в рамках т. н. «Арабской весны», Испания с пониманием отнеслась к смене власти в Тунисе, поддержала посреднические усилия Организации Объединенных Наций в конфликте в Ливии и организовала в сентябре 2014 г. в Мадриде конференцию «Стабильность и развитие в Ливии» для представителей 21 страны. Она выступает приверженцем политического решения проблемы Западной Сахары в рамках принципов ООН и оказывает ее народу гуманитарную помощь; ведет интенсивный политический диалог с Марокко, Тунисом, Алжиром и Мавританией в рамках договоров о дружбе, стала к 2012 – 2013 гг. главным торговым партнером для Марокко и Алжира и довела долю импорта природного газа из Магриба до 45 % от всего объема, требуемого для испанской экономики [14].

Западная часть средиземноморского вектора политики Испании реализуется через «Диалог 5+5», в котором участвуют с европейской стороны Испания, Португалия, Франция, Италия и Мальты, а также пять стран Магриба: Марокко, Алжир, Ливия, Мавритания и Тунис. Диалог осуществляется в формате министерских конференций, для каждой из которых выбирается актуальная тема (к примеру: «Миграция» (2002 г.), «Оборона» (2004 г.),

«Туризм» (2006 г.), «Образование» (2009 г.), «Окружающая среда и возобновляемые источники энергии» (2010 г.), «Сельское хозяйство и продовольственная безопасность» (2013 г.), «Вода» (2015 г.), «Финансы» (2017 г.) и др. Подобные встречи бывают эффективными – так, в марте 2015 г. на первом совещании на уровне министров по водным ресурсам была утверждена Стратегия водных ресурсов для Западного Средиземноморья – инициатива Испании и Алжира [15].

Испания стала инициатором и поддерживает Средиземноморский диалог НАТО, объединивший семь стран, не являющихся членами стратегического альянса: Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Мавритания, Марокко и Тунис. Эта инициатива является важной частью адаптации НАТО к новой ситуации в области безопасности, отражает убежденность членов НАТО в том, что безопасность в Европе тесно связана с безопасностью в Средиземноморье, она направлена на поддержание мира и стабильности в Средиземноморском регионе и улучшение имиджа НАТО в средиземноморских странах.

В отличие от средиземноморского вектора, интерес к которому Испания не прекращала демонстрировать на протяжении всей своей истории, повышенное внимание африканскому вектору стало уделяться лишь в XXI столетии, при этом под африканским вектором правительством Испании подразумевается развитие отношений со странами тропической саванны Сахель и государствами, расположенными к югу от пустыни Сахара (т. н. «Черная Африка»). Интерес Испании к данному региону существенно возрос вследствие многомерного кризиса в Мали 2012 г., показавшего существование многочисленных и серьезных проблем для Испании и Европейского союза, среди которых особенно важны увеличение численности террористических групп с радикальной идеологией джихадистов, а также расширение преступных сетей, посвященных всем видам незаконного оборота, включая торговлю людьми.

Испания преследует три внешнеполитические цели в Сахеле: [16]

– стабилизация политической ситуации и разрешение конфликтов, в особенности, в Мали и районе озера Чад, а также борьба с сетями торговцев людьми, которые распространяются по всему региону;
– упорядочение и усиление контроля над миграционными потоками в регионе;
– содействие распространению демократических принципов и соблюдению прав человека как основ для процветания региона, экономическому развитию и созданию рабочих мест.

Испания участвовала в продвижении и активно поддерживает соглашение о примирении сторон, подписанное в 2014 г. между правительством и повстанческими группами в Мали. Она участвует во всех миссиях – гражданских и военных – Европейского союза и ООН в регионе, включая (но не ограничиваясь ими) следующие:

– EUTM Mali (миссия Европейского союза, целью которой является обучение подразделений малийской армии и консультационная помощь);
– EUCAP Sahel Mali (миссия по наращиванию потенциала Европейского союза в Мали);
– EUCAP Sahel Niger (миссия Европейского союза по наращиванию потенциала в Нигере);
– MINUSMA (миссия ООН в Мали) и др.

Кроме того, испанская гражданская гвардия возглавляет проект Евросоюза GAR-SI Sahel (Группы быстрого реагирования – наблюдение и вмешательство в Сахеле [17]) по созданию подразделений жандармерии в Сенегале, Мали, Буркина-Фасо, Чаде и Нигере. Испания активно участвовала вместе с Францией в проведении операции «Серваль» [18] и продолжает сотрудничать с Францией в рамках операции «Бархан». В рамках Миссии ООН в Центральноафриканской Республике размещены испанские войска.

Африканский вектор Испании в субрегионе Западная Африка реализуется через двустороннее взаимодействие с государствами, образующими Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), выступающее в роли основной интеграционной группировки в регионе. Основной проблемой региона являются незаконный оборот наркотиков и пиратство в Гвинейском заливе, что ставит под угрозу способность имеющих выход к нему стран продавать свои ресурсы (в первую очередь – нефть). Международное сообщество выступает за усиление контроля над Гвинейским заливом за счет создания региональных контрольных центров, и Испания поддерживает эту инициативу, участвуя в заседаниях Группы G7++ Друзья Гвинейского залива [19].

Испания участвовала и в программах стабилизации политической ситуации в Сомали в 2005 – 2012 гг., в т.ч. через предоставление военных для операций Европейского Союза и НАТО по борьбе с пиратством в водах Индийского океана и на сомалийской территории, в особенности в рамках EUNAVFOR Atalanta [20]. Она поддерживает особые отношения с Экваториальной Гвинеей благодаря глубоким историческим связям и общему языку, стремится к увеличению двустороннего торгового оборота, открывает культурные центры в ней (основные из них были открыты в 2003 и 2001 гг. в Малабо и Бате) [21]. В 2018 г. в связи с принятием третьего плана в рамках программы «Планы Африки» африканский вектор испанской политики был включен в число ее стратегических внешнеполитических приоритетов, при этом Испания намерена сосредоточиться на решении проблем нищеты, минимизации угроз миру и безопасности, продвижении демократии на территории всего африканского континента [22].

Следующий внешнеполитический вектор Испании – азиатско-тихоокеанский – актуализировался именно в XXI столетии ввиду высоких темпов экономического роста одноименного региона, ставшего в этом отношении мировым лидером. Примечательно, что понятие азиатско-тихоокеанского вектора в работе и документах испанского правительства и МИД Испании употребляется в чрезвычайно широком смысле и охватывает такие территории, как:

– собственно Азиатско-Тихоокеанский регион;
– Восточная Азия;
– Юго-Восточная Азия;
– Южная Азия;
– Центральная Азия.

В январе 2018 г. в целях более широкого внедрения Испании в политическую, экономическую, научную и социальную жизнь региона было утверждено Стратегическое видение Испании в Азии на 2018 – 2022 гг., в котором анализируются последние события в политической и экономической сферах в Азии и Испании, проблемы и возможности для Испании на ближайшие годы, предлагаются рекомендации по обновлению испанской политики в АТР [23].

Реализация азиатско-тихоокеанского внешнеполитического вектора Испании в отношении названных выше субрегионов и регионов в XXI в. характеризуется следующими чертами:

1. В Океании в последние годы наблюдается возвращение Испании после длительного периода отсутствия, она развивает отношения с Соломоновыми Островами, Науру, Папуа-Новой Гвинеей, Тувалу и Вануату через посольство в Канберре; с Фиджи, Островами Кука, Самоа, Тонгу и Кирибати через посольство в Веллингтоне, а также с Маршалловыми островами, Палау и Федеративными Штатами Микронезии через посольство в Маниле. В 2011 г. Испания разработала и внедрила новую стратегию своей политики в Тихом океане, начала активно участвовать в работе саммитов Форума тихоокеанских островов, добившись к 2014 г. статуса партнера по диалогу [24].
2. Стратегические отношения Испании с Восточной Азией направлены на развитие всестороннего сотрудничества с тремя ведущими экономиками региона: Китаем, Японией и Республикой Корея. Двусторонние отношения Испании с Китаем являются частью «Интегрального стратегического партнерства», предусмотренного в Совместной декларации, подписанной по случаю официального визита президента Х. Цзиньтао в Мадрид в 2005 г. и возобновленного в 2009 г. Партнерство предусматривает проведение регулярных встреч на высшем уровне, продвижение испанского бренда и присутствия в Китае через торговые палаты и расширение сети генеральных консульств, экономических и коммерческих офисов, туристических офисов и Институт Сервантеса; главным инструментом публичной дипломатии выступает созданный в 2004 г. фонд – Совет Испания-Китай. Двусторонние отношения Испании с Японией в XXI в. получили мощный импульс в связи с запуском в 2013 г. Испано-японской ассоциации мира, роста и инноваций, предусматривающей четыре базовых приоритета: укрепление политических связей и сотрудничества в области безопасности; продвижение экономических и торговых отношений; развитие сотрудничества в области науки и техники и содействие обмену между гражданскими обществами. Двусторонние отношения Испании с Республикой Корея развиваются в рамках подписанных в 2007 г. Совместной декларации и Меморандума о взаимопонимании; в 2013 г. Испания разработала и приняла Комплексный план развития корейского рынка, который содержит различные меры поддержки испанской торговли и инвестиций в этой стране, поощрения инвестиций в обоих направлениях; также благодаря улучшению авиасообщения между двумя странами с 2012 г. начался значительный рост числа южнокорейских туристов в Испании [25].
3. В Юго-Восточной Азии приоритетными странами для Испании являются Филиппины, Индонезия и Вьетнам. Филиппины – единственная страна в регионе, входящая в Ассоциацию испанского сотрудничества, благодаря чему в ней наблюдается последовательный рост числа испанских компаний; Испания участвует в миротворческих процессах на территории Филиппин в рамках Программы устойчивых сообществ за мир и развитие, развивает в них гражданский диалог. Индонезия привлекает Испанию как самая густонаселенная мусульманская страна в мире, играющая ключевую роль в АСЕАН и являющаяся членом Группы двадцати, что позволяет продвигать с ней совместные инициативы в области межрелигиозного диалога, борьбы с терроризмом, реформирования глобальной финансовой архитектуры. Вьетнам – государство, с которым Испания первой из европейских стран создала стратегическое партнерство в 2009 г. для продвижения интересов испанских компаний и партнерства в области обороны [26].
4. В Южной Азии в рамках своего внешнеполитического вектора Испания ориентируется на взаимодействие с Ассоциацией регионального сотрудничества Южной Азии (SAARC), объединившей Афганистан,

Бангладеш, Бутан, Индию, Мальдивские Острова, Непал, Пакистан и Шри-Ланку, и на развитие двусторонних связей с Индией в соответствии с имеющимися рамочными соглашениями (последнее Рамочное соглашение о партнерстве в интересах мира, роста и инноваций между Испанией и Индией было подписано в мае 2017 г., оно содержит «дорожную карту» для двусторонних отношений). У Испании имеется интегральный план развития рынка Индии, ориентированный на увеличение доли испанских компаний в промышленном секторе этой страны; она участвует в обсуждении соглашение о свободной торговле между Индией и Европейским союзом. Помимо этого, следует отметить участие Испании с 2001 г. в стабилизации политической и экономической обстановки в Афганистане в рамках миссии ИСАФ под командованием НАТО (2001 – 2014 гг.), консультационной Миссии решительной поддержки НАТО (2014 г.), выделению ею финансовой помощи Афганистану в сумме более 500 млн. евро с 2005 по 2015 гг. на инфраструктурные проекты (аэропорт, дороги, новые распределительные структуры для водоснабжения, канализации и электричества, строительство 7 сельских клиник) [27].

5. Центральная Азия представляет геостратегический интерес для Испании как территория, расположенная между тремя крупными державами – Россией, Китаем и Индией; Испания использует ее в логистических целях для доставки необходимых грузов своему воинскому контингенту в Афганистане, а также продвигает в ней интересы испанских компаний – в первую очередь, в энергетической сфере [28].

Другим внешнеполитическим вектором современной Испании является ближневосточный, в рамках реализации которого в XXI в. она сосредоточилась на подписании торговых соглашений со странами Ближнего Востока, позволяющих на более выгодных условиях экспортировать испанские товары и инфраструктурные технологии в регион, в особенности на территорию стран Персидского залива (здесь особо выделяются двусторонние отношения с Саудовской Аравией, имеющие статус перспективного экономического партнерства). Внимание Испании также привлекают конфликты в Сирии и Ираке, борьба с т.н. «Исламским государством», арабо-израильский конфликт, она пытается внести конструктивный вклад в решение этих проблем как в рамках Европейского союза, так и на двусторонней основе. Значимым приоритетом испанской политики в регионе является Палестина: в рамках Генерального плана сотрудничества на 2018 – 2021 гг. Испания поддерживает жизнеспособность палестинского государства путем борьбы с нищетой, укрепления государственных структур и институтов и поддержки гражданского общества в области демократических ценностей и построения мира, она уделяет существенное внимание оказанию гуманитарной помощи Палестине и вносит вклад в процесс реконструкции Газы. Испания проводит также активную культурную политику на Ближнем Востоке через представительства Института Сервантеса в городах Амман, Тель-Авив, Бейрут и Каир [29].

В целом, обобщая результаты проведенного анализа внешнеполитических векторов в структуре современной испанской внешней политики, представляется возможным составить их иерархию по степени значимости для испанского правительства и изобразить ее в виде схемы.

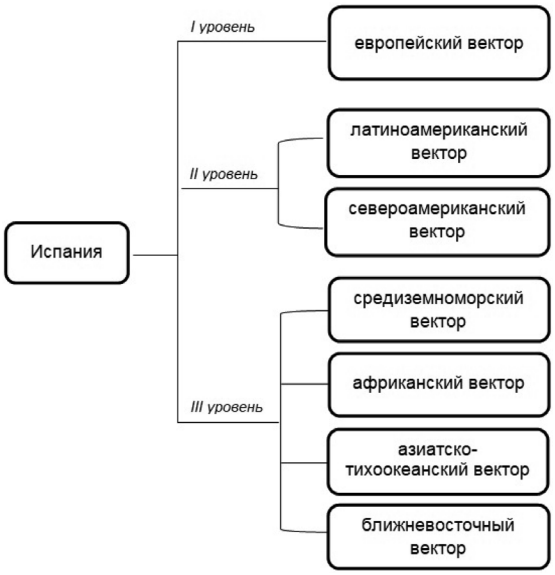

Рисунок 1. Иерархия внешнеполитических векторов Испании по степени значимости на 2018 г.

В данной схеме семь существующих векторов разделены на три уровня: первый соответствует европейскому вектору, второй – латиноамериканскому и североамериканскому векторам, третий – средиземноморскому, африканскому, азиатско-тихоокеанскому и ближневосточному векторам. Векторы третьего уровня между собой роднит то, что они менее значимы для Испании, чем векторы первого и второго уровней, и приобрели особую актуальность для испанского правительства лишь в XXI в.

Представленная иерархия не означает отсутствия интереса у Испании к государствам, территориально не входящим в эти семь векторов, – он имеется, поскольку внешняя политика Испании носит глобальный характер. Однако он выражен

недостаточно сильно для того, чтобы включить их в разработанную схему. Вместе с тем, в перспективе предложенная схема может претерпеть изменения в случае смены приоритетов испанской внешней политики.

Таким образом, представленный материал свидетельствует о росте международного признания Испании на международной арене в конце XX – начале XXI вв. Страна, используя историко-культурный ресурс, в том числе опыт построения колониальной империи, стремится адаптировать внешнюю политику к современным реалиям. Осознавая собственную культурную и историческую принадлежность к Европе, Испания отводит европейскому направлению особое стратегической значение в своей внешней политике. Расширение евроатлантического сотрудничества и фактор расширения связей Испании с США после Второй мировой войны выводят отношения Испании с США в особый ранг внешнеполитической стратегии страны. Историко-культурная близость Испании со странами Латинской Америки высветила третье стратегическое направление внешней политике Испании (иберо-американское). В последние годы Мадрид развивает контакты и с другими регионами мира (Африка, Азиатско-Тихоокеанский бассейн и т. д.).

Источники и литература / References

1. Ley 2/2014, de 25 de marzo, de la Acción y del Servicio Exterior del Estado // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2014-3248 (Accessed: 15.06.2020).
2. El Gobierno aprueba la Estrategia de Acción Exterior // España Exterior, URL: http://www.espanaexterior.com/noticias/el-gobierno-aprueba-la-estrategia-de-accion-exterior/ (Accessed: 15.06.2020).
3. Estrategia de Acción Exterior // Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/ESTRATEGIA%20DE%20ACCION%20EXTERIOR%20castellano.pdf (Accessed: 15.06.2020).
4. Olivié I., Gracia M., Gomariz M. Spain in the world: an analysis of the Elcano Global Presence Index 2016 // Fundación Real Instituto Elcano, URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/spanishforeignpolicy/ari103-2017-olivie-gracia-gomariz-spain-in-the-world-analysis-elcano-global-presence-index-2016 (Accessed: 15.06.2020).
5. Chislett W. Global Spain: the country's economic, military and soft presence. July 2017 // Fundación Real Instituto Elcano, URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/57d01e71-349f-413d-8c6e-cd0f3863d534 /WP8-2017-Chislett-Global-Spain-economic-military-soft-power.pdf?MOD=AJPERES& CACHEID=57d01e71-349f-413d-8c6e-cd0f3863d534 (Accessed: 15.06.2020).
6. La Unión Europea // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/ PoliticaExteriorCooperacion/UnionEuropea/Paginas/Inicio.aspx (Accessed: 15.06.2020).
7. Canada – Spain Relations: Fact Sheet // Embassy of Canada to Spain, URL: http://www.canadainternational.gc.ca/spain-espagne/bilateral_relations_ bilaterales/canada-spain-espagne.aspx?lang=eng (Accessed: 15.06.2020).
8. España y Estados Unidos // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/ PoliticaExteriorCooperacion/Espa%C3%B1ayEEUU/Paginas/inicio.aspx (Accessed: 15.06.2020).
9. España y Estados Unidos // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/Espa%C3%B1ayEEUU/Paginas/inicio.aspx (Accessed: 15.06.2020).
10. Foreign Affairs and Cooperation: Ibero-America // Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/ en/PoliticaExteriorCooperacion/Iberoamerica/Paginas/Inicio.aspx (Accessed: 15.06.2020).
11. Mediterráneo // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/Politica ExteriorCooperacion/Mediterraneo/Paginas/inicio.aspx (Accessed: 15.06.2020).
12. Asociación Euro-Mediterránea: del proceso de Barcelona a la Unión por el Mediterráneo // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/Mediterraneo/Paginas/PartenariadoEuroMediterraneo.aspx (Accessed: 15.06.2020).
13. Oriente Próximo y Magreb // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/ PoliticaExteriorCooperacion/OrienteProximoMagreb/Paginas/Inicio.aspx (Accessed: 15.06.2020).
14. España y el Magreb // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/Politica ExteriorCooperacion/OrienteProximoMagreb/Paginas/EspElMagreb.aspx (Accessed: 15.06.2020).
15. Otros procesos: Diálogo 5+5 y Foromed // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/ Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/Mediterraneo/Paginas/OtrosProcesos.aspx (Accessed: 15.06.2020).
16. Sahel y Malí // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/ PoliticaExteriorCooperacion/Africa/Paginas/Sahel.aspx (Accessed: 15.06.2020).
17. GAR-SI SAHEL // Directorate General for International Cooperation and Development, URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/t05-eutf-sah-reg-2016_fr.pdf (Accessed: 15.06.2020).
18. Mali: Decisiva Y Contundente Reacción Militar de Francia para Frenar El Avance Yihadista, URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/ docs_analisis/2013/DIEEEA06-2013_Reaccion_de_Francia_en_Mali_JDA.pdf (Accessed: 15.06.2020).
19. África Occidental // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/Politica ExteriorCooperacion/Africa/Paginas/AfricaOccidental.aspx (Accessed: 15.06.2020).
20. Cuerno de África // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/ PoliticaExteriorCooperacion/Africa/Paginas/CuerdoDeAfrica.aspx (Accessed: 15.06.2020).

21. Guinea Ecuatorial // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/ PoliticaExteriorCooperacion/Africa/Paginas/GuineaEcuatorial.aspx (Accessed: 15.06.2020).
22. África // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExterior Cooperacion/Africa/Paginas/Inicio.aspx (Accessed: 15.06.2020).
23. Asia y Pacífico // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/Politica ExteriorCooperacion/AsiaPacifico/Paginas/Inicio.aspx (Accessed: 15.06.2020).
24. Pacífico // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExterior Cooperacion/AsiaPacifico/Paginas/Pac%C3%ADfico.aspx (Accessed: 15.06.2020).
25. Asia Oriental // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/Politica ExteriorCooperacion/AsiaPacifico/Paginas/Asia-Oriental.aspx (Accessed: 15.06.2020).
26. Filipinas y Sureste asiático // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/Politica ExteriorCooperacion/AsiaPacifico/Paginas/filipinas.aspx (Accessed: 15.06.2020).
27. Asia Meridional // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/Politic aExteriorCooperacion/AsiaPacifico/Paginas/Asia-Meridional.aspx (Accessed: 15.06.2020).
28. Asia Central // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/Politica ExteriorCooperacion/AsiaPacifico/Paginas/AsiaCentral.aspx (Accessed: 15.06.2020).
29. España y Oriente Próximo // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/OrienteProxio (Accessed: 15.06.2020).

Сведения об авторах:

Вартумян Арушан Арушанович – доктор политических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / pragpu@mail.ru

Карданова Марьяна Лионовна – старший преподаватель кафедры туризма и гостиничного дела института сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске (Пятигорск) / mkardanova@yahoo.com

Information about the authors:

Vartumyan Arushan – Doctor of Political Sciences, Professor, Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / pragpu@mail.ru

Kardanova Maryana - Senior Lecturer, Chair of Tourism and Hotel Business, Institute of Service, Tourism and Design (branch) of the North-Caucasus Federal University in Pyatigorsk (Pyatigorsk) / mkardanova@yahoo.com

УДК 94(420).05D
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.3

С.Н. Гаврилов

АНГЛИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ ФЛОТ В КРИЗИСЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ 1553 г.: СОБЫТИЯ НА «GREYHOUND»

В июне 1553 г. умирающий от туберкулеза юный король Англии Эдуард VI и его регент Джон Дадли, 1-й герцог Нортумберленд спешно отстранили Марию Тюдор, бывшую католичкой, от престолонаследия и назначили преемницей протестантку леди Джейн Грей. Вскоре после смерти Эдуарда Джейн была провозглашена королевой.

Мария не смирилась с этим и призвала своих сторонников к восстанию против герцога, пытавшегося захватить всю власть в стране. Ее лагерь во Фрамлингеме стал местом притяжения всех сил, недовольных действиями Нортумберленда. События этих дней вошли в английскую историю как кризис преемственности власти 1553 г. Одним из центральных событий этого кризиса стала посылка герцогом Нортумберлендом военного флота против Марии, чтобы предотвратить ее бегство на континент и лишить ее возможности получения помощи. Но военная эскадра поддержала Марию. Как писали современники, переход флота на сторону законной королевы стал одной из главных причин ее победы.

Исследование роли флота в этих событиях довольно актуально, поскольку до сих пор участие военно-морских сил недостаточно изучено. Исторические источники, которые могли бы рассказать о произошедшем, довольно скудны, а те, которые сохранились до наших дней, весьма тенденциозны. Все их авторы являлись сторонниками Марии Тюдор. Большинство современных историков, в том числе и специалистов по истории английских военно-морских сил, предпочитают не упоминать роль военной эскадры в поражении герцога Нортумберленда. Те же историки, которые признают вклад флота в победу Марии, в основном опираются на свидетельства современников, утверждавших, что причиной мятежа простых моряков была их преданность и естественная любовь к законной королеве. Именно поэтому моряки поднялись против своих капитанов, служивших герцогу, и заставили их перейти на сторону Марии Тюдор.

В основе данного исследования лежат частично сохранившиеся материалы судебного процесса, имевшего место в 1555 г., но затрагивающего события на военном корабле «Greyhound», произошедшие во время кризиса преемственности власти 1553 г. Анализ протоколов суда по иску бывшего капитана корабля к управляющему позволяет автору впервые поставить под сомнение свидетельства современников, а также основанное на этих свидетельствах утвердившееся в историографии мнение, что движущей силой мятежа простых моряков на военных кораблях, посланных Джоном Дадли, герцогом Нортумберлендом против Марии Тюдор, была их преданность и естественная любовь к королеве Марии.

Ключевые слова: английский флот, кризис власти, моряки, «Greyhound», восстание, Мария Тюдор, суд.

Sergey Gavrilov

THE ENGLISH NAVY IN THE 1553 SUCCESSION CRISIS: EVENTS ABOARD THE «GREYHOUND»

In June 1553, the young king of England, Edward VI, who was dying of tuberculosis, and his regent, John Dudley, 1st Duke of Northumberland, hastily removed Mary Tudor, being Catholic, from the throne and appointed Lady Jane Grey, being protestant, as king's successor. Soon after Edward's death, Jane was proclaimed Queen.

Mary did not accept this and called on her supporters to rebel against the Duke, who was trying to seize all power in the country. Her camp at Framlingham became a place of attraction for all forces dissatisfied with the actions of Northumberland. These events were called in English history as the 1553 succession crisis. One of the central events of this crisis was the sending of a fleet against Mary to prevent her from escaping to the continent and to deprive her of possible foreign aid. However, the military squadron supported Mary. As contemporaries wrote, the transition of the fleet to the side of the legitimate Queen was one of the main reasons for her victory.

The study of the fleet's role in these events is quite relevant, since the participation of the Navy is still insufficiently studied. Historical sources that could tell about what happened are quite scarce, and those that have survived are very tendentious. All their authors were supporters of Mary Tudor. Most modern historians, including specialists in the history of the English Navy, do not mention the role of the military squadron in the defeat of the Duke of Northumberland. Those historians who recognize the contribution of the Navy to Mary's victory mostly rely on the evidence of contemporaries who claimed that the reason for the mutiny of ordinary seamen was their loyalty and natural love for the legitimate Queen. That is why the seamen raised a revolt against their captains serving the Duke, and forced them to go over to the side of Mary Tudor.

This study is based on partially preserved materials of a trial that took place in 1555 and concerning the events 1553 succession crisis aboard Greyhound, one of the squadron's warships. Analysis of the court records allows the author for the first time to cast doubt on the stories of contemporaries of events, as well as the statements of modern historians based on these stories, that the reason for the insurrection of ordinary seamen against the captains was their natural love towards Mary Tudor.

Key words: English Navy, succession crisis, seamen, «Greyhound», rebellion, Maria Tudor, trial.

История военно-морского флота эпохи Тюдоров традиционно привлекает внимание исследователей. И, тем не менее, по сию пору в этой истории остается довольно много белых пятен. Одним из них является участие королевского флота в событиях, последовавших за смертью юного короля Эдуарда VI. Если историки и касаются данной проблемы, то лишь вскользь. На сегодняшний день единственным исследованием участия военно-морских сил в восшествии на престол Марии является вышедшая в 1992 г. статья историка из Канады Джэймса Элсопа «Режим в море: Военно-морской флот и кризис преемственности власти 1553 г.» [2, p. 577–590], в которой автор ставит под сомнение укоренившуюся в историографии точку зрения, согласно которой переход военных кораблей на сторону Марии Тюдор сыграл значительную роль в падении режима герцога Нортумберленда.

Отчасти причиной столь слабого внимания к данной теме является нехватка достоверных источников, способных пролить свет на происходившее в дни кризиса преемственности власти. Те немногочисленные современные исследователи, которые не обходят этот сюжет стороной, предпочитают повторять краткие изложения событий современниками. Дирмэйд МакКаллох, например, подчеркивая народную поддержку, полученную Марией Тюдор, пишет о «простых матросах военно-морской эскадры, поднявших бунт против своих офицеров в поддержку Марии» [6, p. 173]. Вторит ему и Кевин Шарп: «Нортумберленд послал корабли к побережью Норфолка не допустить усиление Марии и отрезать ее от возможной иностранной помощи. Но простые матросы на борту этих «шести или семи кораблей», … побуждаемые их естественной к ней любовью, восстали против своих капитанов и привели корабли в соседний порт, лояльный Ее Высочеству» [9, p. 247]. Аналогично события излагает и исследовавшая кризис 1553 г. Анна Вайтлок: «По мере того, как кризис преемственности власти усиливался, народная поддержка часто помогала сохранять баланс сил. Это случилось, например, когда обычные матросы королевской военно-морской эскадры у побережья Саффолка в Оруэлле вынудили своих офицеров отказаться от поддержки королевы Джейн в пользу поддержки королевы Марии» [16, p. 285].

Казалось бы, специалисты, профессионально занимающиеся историей флота, уж точно не могут не уделить детальное внимание участию военно-морских сил в рассматриваемых событиях.

Но Майкл Оппенгейм, один из членов-основателей знаменитого Сообщества военно-морских записей, автор, впервые отринувший «героический подход» предшественников к изучению флота и написавший, пожалуй, первый серьезный труд по его истории [7], а также современный историк королевского флота Николас Роджер, издавший большую обзорную работу, посвященную развитию морских сил в Англии [8], ни разу не упоминают произошедшее. И даже Дэвид Лоадс, создавший наиболее полное на сегодняшний день исследование по флоту династии Тюдоров, в своей работе ограничивается лишь следующими пятью строками: «Военно-морской флот даже внес небольшой вклад в успех Марии, поскольку шесть кораблей, которые герцог Нортумберленд послал к Оруэллу преградить ей путь к бегству на континент, подняли восстание, и их орудия стали вкладом в ее армию, собиравшуюся во Фрамлингеме» [5, p. 158]. Впрочем, в ином своем труде, посвященном истории правления королевы Марии, он более подробно описывает события и подвергает сомнению традиционную точку зрения, сложившуюся в историографии, относительно роли мятежа простых матросов [4, p 178].

Дошедшие до нас нарративные источники, на которые и опираются современные исследователи, весьма немногословны и, хотя различаются по стилю передачи информации и по содержанию, но, в целом, в изложении событий лишь повторяют друг друга. Но вряд ли они могут претендовать на достоверность, поскольку их составители, во-первых, не являлись прямыми очевидцами и могли узнать о происходящем на кораблях военной эскадры только от третьих лиц, и, во-вторых, что гораздо более важно, все авторы, поддерживающие лагерь Марии, сами являлись весьма заинтересованными сторонами в бурных событиях 1553 г., а поэтому могли намерено искажать информацию.

Первый из упоминаемых источников – так называемая Хроника Тауэра, т.е. хроника правления девятидневной королевы Джейн Грей и двух первых лет правления Марии, составленная анонимным лондонским хронистом. Событиям на шести кораблях посвящен в ней лишь абзац, но он крайне информативен [12, p. 8–9]. Автор указывает, что шесть кораблей были посланы патрулировать воды перед Ярмутом для захвата Марии, если она предпримет попытку бежать на континент. В это время некий Джернингем провозгласил в Ярмуте власть от ее имени. И все находившиеся на кораблях, услышав об этом, сошли на берег и отправились туда. Затем капитаны решили возвратиться на свои корабли. Матросы же спросили Джернингема, что он собирается делать, и присоединятся ли к нему их капитаны? Он ответил: «Да, возможно они присоединятся». В ответ моряки ему заявили: «Либо они пойдут с тобой, либо мы выбросим их за борт». Капитаны, в растерянности наблюдая этот разворот событий, подтвердили, что они с радостью будут служить королеве Марии. И затем они пришли вместе с их людьми к ней и передали большие орудия. И переход кораблей доставил огромную

радость Марии и людям в ее лагере, и это стало также причиной насмешек над силой герцога. И как приход кораблей доставил радость Марии и ее партии, так он стал причиной боли в сердце для герцога и всего его лагеря, сердца людей в котором уже готовы были обратиться против самого герцога. И после того, как о переходе кораблей стало известно в Тауэре, «каждый начал пытаться обломать герцогу рога» [12, p. 8–9].

Второй источник – записи испанского купца-резидента в Лондоне. Подача информации о событиях Антонио де Гуарасом в целом схожа с текстом хрониста Тауэра, но испанский купец, возможно, будучи в этих событиях более заинтересованной персоной, явно гипертрофированно передает некоторые моменты, в том числе и сильно преувеличивает силу посланного Нортумберлендом флота. Он утверждает, что «самый малый из кораблей был в двести тонн, другие же – по четыре или пять сотен тонн. И команды насчитывали около двух тысяч человек, причем все они состояли из наилучших моряков» [10, p. 94]. По словам, де Гуараса, «наш Господь пожелал, чтобы матросы …, ведомые их естественной любовью к Марии, во благо ее восстали против своих капитанов и пришли в соседний порт, лояльный Ее Высочеству, выкрикивая великие восхваления и приветствия: «Долгой жизни нашей королеве Марии!» [10, p. 94].

Третий источник – «Жизнь английской королевы Марии» [15], составленный Робертом Уингфилдом, набожным католиком и верным сторонником королевы-католички. Он удостоился чести принимать ее в своем доме на пути из Фрамлингема в Лондон. В целом его повествование в подаче информации практически не отличается от предыдущих, но местами оно более детально передает интересующие нас события [15, p. 258–259]. Автор сообщает, что пять кораблей, посланных против Марии, были загнаны штормом в бухту Оруэлла. По словам Уингфилда, корабельные офицеры были вынуждены остаться в гавани против своей воли, поскольку команды фактически уже находились в состоянии мятежа из-за нежелания правительства в Лондоне признать королевой Марию. Джернингем, осуществлявший власть от ее имени на берегу, приказал командующему эскадры Ричарду Бруку явиться к нему и отправился вместе с ним во Фрамлингем к Марии. Именно там 17 июля, как известно из Актов Тайного Совета, Брук поклялся в своей верности королеве [1, p. 432].

Заинтересованность всех трех рассказчиков, учитывая их фигуры и стиль повествования, вполне очевидна. Им было необходимо описать переход простых моряков на сторону Марии Тюдор как вполне естественное и закономерное явление, как восстановление справедливости и должного порядка. Иначе ведь и быть не могло. Но если анонимный хронист из Тауэра и Роберт Уингфилд делают упор на их преданности законной королеве, то де Гуарас усматривает в этом само божественное вмешательство. Испанский резидент даже преувеличивает силу флота, посланного против Марии, но перешедшего на ее сторону, тем самым усиливает в глазах читателя триумф законной правительницы, защитницы истинной веры.

Подтверждение перехода кораблей на сторону Марии также есть и в донесении испанских послов, которые, впрочем, как и вышеупомянутые авторы, не были очевидцами событий, но лишь слышали о происходящем. Так в донесении от 19 июля 1553 г. испанскому императору послы упоминают о том, что целый ряд знатных персон, среди которых графы Пемброк и Шрюсберри, лорд-хранитель тайной печати, граф Арундел, сэр Джон Мэйсон, три их секретаря и иные люди, собрались у лорда-казначея, разделявшего их точку зрения, и решили провозгласить Марию королевой. При этом о своем решении они сообщили послам императора с просьбой доставить ему эти добрые для него вести, рассчитывая в дальнейшем на сотрудничество и хорошие отношения с ним. В донесении императору послы сообщают, что они «не уверены в причинах, которые подвигли этих джентльменов пойти на новую прокламацию. Но, как говорят, они были весьма впечатлены народным подъемом, ростом сил Марии и фактом, полученным этим утром, что семь лучших военных кораблей сдались Марии» [3, p. 90 – 109].

В данном исследовании не ставится задача рассмотрения роли флота в падении режима Джона Дадли, герцога Нортумберленда и восхождении на трон Марии Тюдор. Этой проблеме посвящено упомянутое исследование Дж. Д. Элсопа, в котором он вполне обоснованно подвергнул сомнению укоренившуюся в историографии точку зрения. Я лишь попытаюсь обратить особое внимание на утверждение трех указанных современников событий и изложении, основанном на данных утверждениях уже современных нам историков о том, что простыми моряками, поднявшими восстание против своих капитанов и заставившими последних перейти на сторону законной королевы, двигала их преданность королеве Марии и естественная любовь к ней.

В силу того, что нарративные источники отличаются явной тенденциозностью, и доверять им в полной мере мы не можем, единственными документами, позволяющими нам пролить свет на это, являются фрагментарно сохранившиеся материалы судебного процесса [14, p. 283–297], имевшего место в Верховном суде Адмиралтейства в январе – марте 1555 г., т.е. спустя два года после затрагиваемых событий. Следует сразу оговорить, что на основе материалов данного судебного процесса мы не можем, конечно,

судить о поведении моряков на остальных пяти посланных герцогом Нортумберлендом кораблях, но в целом настроение простых моряков вряд ли могло сильно отличаться во всей эскадре, состоящей из флагмана «Hart» (300 тонн), «Antelope» (300 тонн), «Greyhound» (200 тонн) и трех малых кораблей (до 30 тонн каждый).

Судебный иск против Джона Харлока, служившего в июле 1553 г. управляющим на «Greyhound», подал бывший капитан этого корабля Джилберт Грайс. Он предъявил обвинение управляющему в незаконном вскрытии принадлежащего капитану сундука и хищении всего его содержимого [14, p. 281]. Здесь стоит особо оговорить, что на английских кораблях управляющий (master) являлся вторым по старшинству человеком после капитана, часто, согласно традиции, назначавшегося из представителей благородного сословия и не имевшего навыков управления кораблем. У управляющего были большие обязанности, которые описаны еще в Законах Олерона, древнем своде законов морского права, имевшем континентальное происхождение и предположительно введенном в Англии Ричардом I [11, p. 89–132]. Именно управляющий осуществлял общее руководство кораблем во время плавания. Согласно распоряжению капитана или инструкциям, полученным от лорда-адмирала, он вел корабль из порта в порт, отвечал за его сохранность и порядок на борту, отдавал приказы офицерам и матросам и даже мог подвергнуть наказанию провинившегося. Власть этого офицера была так велика, что капитан, имевший право арестовать любого матроса и офицера на борту, не имел права ареста управляющего, даже если последний нарушил закон. В лучшем случае капитан мог лишь приостановить выплату ему жалования до момента передачи дела высшим офицерам флота или самому лорду-адмиралу, если речь шла об уголовном преступлении [13, p. 13, 22–24].

В процессе в Высшем Суде Адмиралтейства в качестве свидетелей приняли участие несколько моряков, в то время проходивших службу на упомянутом корабле. Среди них: управляющий вооружением Уильям Конвей, его помощник Уильям Харрис, канониры Томас Паркар, Джон Грен, Джеймс Малам, Томас Лисси, Брайан Уэст.

Исходя из показаний обвиняемого и свидетелей, вырисовывается общая картина происходившего, частично подтверждающая изложение событий тремя вышеупомянутыми нарративными источниками. «Greyhound», бывший одним из шести кораблей эскадры, был послан к восточному побережью Англии с целями, изначально морякам неизвестными. Внезапно разыгравшийся шторм оторвал корабль от остальной эскадры и загнал его дальше на север по побережью в гавань маленького городка Лоустофт. Здесь на борт поднялся служащий королевы Марии Тюдор некто Веллер со своими товарищами. Согласно показаниям канонира Томаса Паркара, на борту он вел себя весьма уверено и задал всем присутствующим вопрос: «Готов ли Грайс и вся команда, как от них требуется, отдать свои сердца службе королеве Марии, в тот момент находящейся во Фрамлингеме? И каждый из команды ответил, что готов жить и умереть ради Ее Милости» [14, p. 292]. Этот визит, видимо, очень насторожил капитана Грайса, и он быстро снял свою ливрею служащего герцога Нортумберленда. Затем вместе с Велером капитан отправился на берег, но при попытке вернуться на борт корабля Джилберт Грайс был взят под арест и позднее препровожден в лагерь Марии во Фрамлингем. Там он и поклялся в верности королеве. Между тем, «Greyhound», оставшись на попечение управляющего Харлока, простоял в гавани еще пару дней, а затем взял курс на Гарвич, где в водах Оруэлла, воссоединился с остальными кораблями эскадры. Именно там уже и был вскрыт сундук капитана. Все его содержимое за исключением части изъятого добра, которую управляющий разделил между «своими людьми», досталось самому Харлоку [14, p. 283–297].

К большому сожалению, в самих показаниях отсутствуют даты происходящего. Остается для нас также загадкой и то, чем закончилось это судебное разбирательство, был ли управляющий наказан и вернул ли похищенное добро, принадлежащее капитану.

Тактика защиты управляющего Джона Харлока строилась на утверждении, что капитан Джилберт Грайс являлся предателем, следовательно, вскрытие его сундука, а также присвоение его вещей не может трактоваться как преступление, поскольку является всего лишь конфискацией добра, принадлежащего преступнику, т.е. делом вполне законным. Это явно прослеживается в эмоционально окрашенных показаниях Харлока, сильно отличающихся в этом отношении от вполне нейтрально окрашенных показаний остальных моряков. Особенно обращает на себя внимание та часть, где он упоминает, что «Greyhound» в компании пяти других королевских кораблей, «предательски был послан герцогом Нортумберлендом, вынашивающим свои злокозненные и дьявольские цели против Ее королевского величества», а Грайс являлся «служащим герцога и человеком, специально наделенный полномочиями для содействия в его дьявольских замыслах» [14, p. 287].

Харлок показывает, что в тот момент, когда корабль дрейфовал неподалеку от городка Ли, находясь еще в водах Темзы, Грайс имел с ним приватный разговор, в ходе которого по секрету поведал ему о том, что «король Эдуард мертв, но благодаря Господу, как капитан заявил, королевство имеет другого короля. Этот король – сын

герцога, его господина, лорд Гилдфорд, которого женили на дочери герцога Саффолка, также являющейся королевой. Что касается их, то они посланы для задержания леди Марии» [14, p. 288]. На суде ответчик заявил, что «за такие слова Грайс – злодей и предатель, а леди Мария – законная королева, и ради нее он готов жить и умереть…» Он также сказал, что упомянутые 15 фунтов, находившиеся в сундуке Грайса, были частью посланной герцогом посылки из 20 фунтов для распределения среди моряков «ради наилучшего осуществления его злого и предательского намерения» [14, p. 288]. Столь весьма эмоциональные эпитеты, которыми управляющий щедро наделяет капитана в своих показаниях, способны были, по его замыслу, убедить судей в его трактовке событий.

Харлок на суде выставляет себя чуть ли не самым верным служащим королевы Марии Тюдор, придавая всему происходившему в те дни на борту корабля характер восстания против капитана-предателя и, таким образом, действительно как бы подтверждает слова авторов нарративных источников о политическом характере мятежа в защиту прав законной королевы. Однако, при более детальном анализе некоторые детали показаний как самого управляющего, так и показаний его сослуживцев заставляют нас усомниться в этом.

Как утверждал сам Джон Харлок, о задачах посланной Нортумберлендом эскадры он узнал уже в самом начале экспедиции. Но при этом, следует заметить, в тот момент он вовсе не возмутился и продолжал исправно исполнять свои обязанности, возможно, прельстившись обещанными ему в случае успеха предприятия рыцарскими шпорами [14, p. 288]. Более того, эти задачи ему сообщил лично капитан Грайс. Следовательно, у самого капитана, предоставившего секретную информацию управляющему своего корабля, полученную им, вероятно, от стоявшего во главе заговора Нортумберленда, не было никакого на тот момент повода сомневаться в надежности своего офицера.

Весьма важны и показания о событиях на «Greyhound», происходивших во время стоянки на якоре в гавани Лоустофта. После того, как Грайс был задержан на берегу и отправлен во Фрамлингем, согласно показаниям Джона Харлока, «некто мистер Пули, служащий Ее королевского Величества, поднялся на борт указанного корабля и спросил управляющего и его компанию о том, какие письма или записи имеются в сундуке капитана. Он также распорядился вскрыть сундук предателя, с тем, чтобы все записи, найденные там, доставить в суд» [14, p. 288–289]. Здесь важно обратить внимание на то, что Харлок саботировал приказ служащего Марии. Он не стал вскрывать сундук, и Пули не получил в свое распоряжение записи капитана. И это свидетельствует в пользу того, что, по крайней мере, на тот момент моряки не являлись сторонниками Марии. Сундук был вскрыт корабельным плотником в присутствии ответчика и команды, согласно показаниям Уильяма Конвея, Брайана Уэста, других свидетелей [14, p. 284, 296], а также и самого управляющего, не ранее, чем через два дня после визита на борт служащего Марии, т.е. в тот момент, когда корабль уже находился в Гарвиче, воссоединившись с эскадрой [14, p. 284, 289, 295]. Видимо, до этого момента Джон Харлок, как и вся команда, оставшись без капитана и не имея достоверной информации о том, что происходит, находились в растерянности, не знали, что предпринять и выжидали дальнейшего разворота событий. Возможно, они не могли решить, к какому лагерю примкнуть выгоднее и безопаснее.

Более того, показания свидетельствуют в пользу того, что изъятие и отсылка документов, которые так нужны были сторонникам Марии, не были приоритетом при вскрытии. Значительно больше места в показаниях уделено деньгам и личным вещам, которые были обнаружены в капитанском сундуке. Пятнадцать или шестнадцать моряков получили по 2 шиллинга и 6 пенсов из обнаруженных 15-ти фунтов [14, p. 284]. Остальным же не тот момент ничего не досталось, но им была обещана их доля по возвращении в Лондон. Как показал канонир Брайан Уэст, в Гарвиче Джон Харлок купил себе бот за 9 фунтов [14, p. 296–297], потратив на себя большую часть изъятых из сундука денег. Таким образом, управляющий мог просто воспользоваться приказом упомянутого мистера Пули постфактум для придания видимости законности вскрытия и фактического разграбления сундука арестованного капитана. И конечно на суде, пытаясь оправдать свои действия, он был заинтересован объяснить свой поступок именно этим приказом.

Версию того, что ни сам Харлок, ни команда не были в тот момент настроены в пользу Марии Тюдор и не испытывали к ней каких-либо верноподданнических чувств, подтверждает и тот факт, что Грайс вполне доверял своему управляющему. Никто из участников процесса ни разу не заявил, что капитан в Лоустофте покинул борт корабля под принуждением или будучи арестованным. Следовательно, с корабля он сошел добровольно, намереваясь, возможно, узнать свежие новости на берегу [14, p. 292], как сообщает Томас Паркар, а также нанять больше матросов [14, p. 294], как утверждает Уильям Конвей. Версию того, что капитан покинул корабль по собственной воле, подтверждают показания сопровождавшего его Томаса Паркара о том, что задержан Велером он был лишь в тот момент, когда уже собрался возвращаться на корабль [14, p. 292]. Более того, будучи арестованным на берегу, он, согласно показаниям Уильяма Конвея [14, p. 284], Томаса Паркара [14, p. 286], Брайана Уэста [14, p. 296]

и самого Джона Харлока, отослал на борт три своих кольца. Этот шаг должен был подтвердить его просьбу к управляющему сойти на берег и держать ответ вместе с ним перед Велером. Кстати, Харлок, по свидетельствам очевидцев тут же надел эти кольца на свой палец [14, p. 296], но на берег так и не сошел.

Таким образом, события на «Greyhound», по крайней мере, до того момента, пока он не воссоединился с кораблями эскадры в водах Оруэлла, не свидетельствуют ни в пользу мятежных настроений матросов против своего капитана, ни в пользу их естественной любви к королеве Марии и преданности ей. Вскрыть сундук команда решилась, находясь уже в Гарвиче, т.е. тогда, когда стало известно о раскладе сил не в пользу герцога Нортумберленда, и, следовательно, служащего ему Джилберта Грайса.

Мятеж, о котором сообщают нам нарративные источники, а также донесение испанских послов своему императору Филиппу II [1, p. 432], если и имел место, случился уже в Гарвиче. Посланец Марии Джернингем разговаривал в Гарвиче, как с командами кораблей, так и с командирами. И, как правильно замечают Джэймс Элсоп и Дэвид Лоадс, мы не имеем никаких достоверных свидетельств того, что мятежники передали свои корабли представителям Марии Тюдор после этих переговоров. Военные корабли попали в руки Джернингема, но гораздо позднее, только после того, как капитаны пришли к ней [2, p. 290; 4, p. 178].

События на «Greyhound», предшествующие мятежу, заставляют нас задуматься о его истинной природе. И здесь, быть может, гораздо больший интерес представляет даже не то, что имеется в сохранившихся материалах судебных показаний, сколько то, что в них отсутствует. Ни один из опрашиваемых свидетелей ни разу не подтвердил заявление Харлока о его действиях в пользу Марии. Никто из свидетелей также не утверждал, что команда имела какую-либо свою позицию в этом политическом вопросе. Действительно, как отмечалось выше, члены команды в Лоустофте ответили поднявшемуся на борт Велеру, что готовы служить и умереть ради Марии. Но можно ли объяснить такой ответ их политическими взглядами? Обстановку растерянности, в которой оказалась команда, легко себе представить. Внезапно разыгравшийся сильный шторм, обрушившийся на корабль, долго гонял его по водам и, в конечном итоге, загнал его на север, оторвав от эскадры. Не удивительно, что люди были напуганы и измотаны. Даже капитан не знал, что предпринять, он не имел сведений о том, что за это время произошло на берегу, и каков расклад политических сил в стране. И в этот момент на борт поднимается Велер, демонстрирующий всем своим видом уверенность и властность, сообщает им, что во Фрамлингеме находится законная королева Мария, и задает им прямой вопрос. Конечно положительный ответ моряков, даже не знавших о цели экспедиции, не вызывает удивления, как не вызывает удивление и растерянность капитана, из осторожности поспешившего снять ливрею служащего герцога и также не ответившего посланнику Марии отрицательно.

Причины мятежа станут более понятны, если мы обратим внимание на общее состояние моряков. Из семи человек, выступавших в качестве свидетелей в судебном процессе, лишь управляющий над вооружением Уильям Конвей и его помощник Уильям Харрис были профессиональными канонирами [14, p. 283, 295]. Остальные же попали на корабль, видимо, не имея даже малого военного опыта. Томас Паркар и Джон Грен в мирной жизни являлись простыми лодочниками, Томас Лисси – обувщиком, Джеймс Малам – стряпчим, Брайан Уэст – изготовителем оловянной посуды [14, p. 285–286, 290–291, 296]. Судя по их схожим показаниям того, что они знакомы с Харлоком и Грайсом примерно с момента начала кризиса престолонаследия, на корабль они попали в спешке, непосредственно перед началом событий и явно не по своему желанию [14, p. 285–286, 290–291, 296].

Легко представить себе, как эти вполне мирные люди на сильно потрепанных штормом кораблях, не имевшие никакого военного опыта, спешно призванные на флот, уставшие, испуганные и растерянные, чувствовали себя перед лицом неизвестности. Оказавшись в самом центре водоворота бурных событий июля 1553 г., они желали лишь одного – выжить и как можно скорее вернуться домой к родным очагам. Их не интересовала политика.

Таким образом, подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что военно-морской флот Англии, перешедший на сторону Марии Тюдор, сыграл значительную роль в кризисе преемственности власти 1533 г. Однако, если мятеж моряков против своих капитанов, заставивший последних поддержать законную наследницу престола, действительно имел место, то его причиной была вовсе не любовь простых моряков к королеве Марии Тюдор и не верноподданнические к ней чувства, на чем настаивают авторы весьма тенденциозных нарративных источников, и вслед за ними повторяют современные исследователи. Проведенный анализ показаний участников судебного процесса по иску капитана «Greyhound» Джилберта Грайса против управляющего Джона Харлока, принимавших участие в событиях 1533 г., предшествующих переходу военных кораблей на сторону Марии, дает нам все основания утверждать, что действительной причиной возможного мятежа моряков было лишь их простое нежелание оказаться в пылу сражений в незнакомой им стихии, быть искалеченным и убитым.

Источники и литература / References

1. Acts of the Privy Council of England / Ed. by J. R. Dasent. L., 1892. Vol. IV. 492 p.
2. Alsop J. D. A Regime at Sea: The Navy and 1553 Succession Crisis // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. 1992. Vol. IV. № 24. P. 577-590.
3. Calendar of State Papers, Spain / Ed. by R. Tyler. L.: His Majesty's Stationery Office, 1916. Vol. XI. 513 p.
4. Loades D. Mary Tudor: A Life. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 410 p.
5. Loades D. The Tudor Navy. An Administrative, Political and Military History. Cambridge: Routledge, 1992. 328 p.
6. MacCulloch D. Kett's Rebellion in Context: A Rejoinder // Past and Present. 1993. № 93. P. 165-173.
7. Oppenheim M. A History of the Administration of the Royal Navy, 1509 – 1660. L., N.Y.: J. Lane. 444 p.
8. Rodger N. A. M. The Safeguard of the Seas. A Naval History of Britain, 660 – 1649. L.: Penguin, 2004. 708 p.
9. Sharp K. Selling the Tudor Monarchy. Authority and Image in Sixteenth-century England. Padstow: Yale University Press, 2009. 588 p.
10. The Accession of Queen Mary: Being the Contemporary Narrative of Antonio de Guaras, a Spanish Merchant Resident in London / Ed. by R. Garnett. L.: Lawrence and Bullen, 1892. 152 p.
11. The Black Book of Admiralty / Ed. by T. Twiss. L.: Longman, 1871. Vol. I 471 p.
12. The Chronicle of Queen Jane and of Two Years of Queen Mary and Especially of the Rebellion of Sir Thomas Wyat. Written by a Resident of the Tower of London / Ed. by J. G. Nichols. L.: J. G. Nichols., 1850. 196 p.
13. The Naval Tracts of Sir William Monson in six books / Ed. by M. Oppenheim. L.: Navy Record Society, 1913. Vol. IV. 446 p.
14. The Navy of Edward VI and Mary I / Ed. By C. S. Knighton, D. Loades. Ashgate; Ashgate Publishing, 2011. 652 p.
15. The Vitae Mariae Angliae Reginae of Robert Wingfield of Brantham / Ed. by D. MacCulloch. L.: Offices of the Royal Historical Society, 1984. 301 p.
16. Whitelock A. Princess Mary's Household and the Succession Crisis, July 1553 // The Historical Journal. 2007. Vol. 50. №. 2. P. 265-287.

Информация об авторе

Гаврилов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / serggavr75@mail.ru

Information about the author

Gavrilov Sergey – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, of Foreign History and International Relations, Institute of History and International, Relations Southern Federal University (Rostov-on-Don) / serggavr75@mail.ru

УДК 94 (470+571) “18”
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.4

Ю.Ю. Гранкин

СИСТЕМА ИМПЕРСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КАВКАЗОМ КАК ПУТЬ К ЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ КОМПРОМИССУ

Статья повествует о становлении имперской системы правового регулирования на Кавказе в ходе развертывания активной фазы Кавказской войны и в первые десятилетия после её завершения. Автор указывает на её переходный характер. Система правового регулирования жизни на территориях, подконтрольных российским властям сочетала в себе элементы имперского писаного и горского обычного права. Первые шаги по формированию системы управления Кавказом были предприняты князем М.С. Воронцовым и продолжены князем А.И. Барятинским. Оба кавказских наместника были сторонниками активного привлечения выходцев из местной среды во властные институты, которые устанавливали имперские власти в регионе.

Экспериментальной площадкой для князя М.С. Воронцова послужила Грузия, где он внёс коррективы в процессы гражданского управления и судебного производства. Российские власти не вмешивались в разбор дел, проводимый по адату, который довольно успешно мог применяться наряду с письменными законами империи. В дальнейшем эта практика получила широкое распространение и на Северном Кавказе, где приобрела своего сторонника в лице князя А.И. Барятинского, согласно программе которого следовало, что встав во главе народного суда и народной полиции, взять под своё влияние и под охрану государственной принудительной власти народное право и затем, создавая благоприятные условия для дальнейшего развития всех этих исторически сложившихся элементов, предоставить возможность горцам Кавказа и Закавказья дорасти до полной государственности и гражданственности тем естественным процессом, которым дошли до них все народы Европы.

Традиция полиюридизма вполне отвечала ментальным предпочтениям населения, казалась естественной и с пониманием воспринималась значительной частью горских обществ. Родовые институты, пока они не начинали выступать против базовых требований имперского мироустройства (например, не мотивировали занятия набеговой деятельностью), не вызывали отторжение у царской администрации. Более того, представители российской власти на Кавказе отдавали должное их эффективности и соответствию уровню развития горских племён. Находясь в условиях военной нестабильности, российская администрация сосредоточила управление горцами в руках армии, что вполне соответствовало особенностям текущего момента, хотя и являлось временной, переходной мерой. Местная администрация получила самые широкие полномочия, которые позволяли оперативно реагировать на происходящие изменения и не обращаться каждый раз по инстанциям, теряя время и авторитет в глазах населения. Горцы видели, что в ряды чиновников привлекают людей, имеющих реальные заслуги перед властью и отличающихся компетентностью в порученном им деле. И наконец, привлечение самих жителей в решение судебных вопросов, учёт их мнения и традиций не могли не импонировать и не работать на авторитет «русской партии» в среде автохтонов.

Ключевые слова: система управления, Российская империя, Кавказ, горские общества, правовое регулирование, полиюридизм, переходная мера.

Yurii Grankin

THE SYSTEM OF IMPERIAL GOVERNANCE IN THE CAUCASUS AS A PATH TO CIVILIZATIONAL COMPROMISE

The article studies the formation of an imperial system of legal regulation in the Caucasus during the deployment of the active phase of the Caucasian war and in the first decades after its completion. The author points to its transitional nature. The system of legal regulation of life in territories controlled by the Russian authorities combined elements of imperial written and mountain customary law. The first steps to form a system of governance in the Caucasus were taken by Prince M.S. Vorontsov and continued by Prince A.I. Baryatinsky. Both Caucasian governors were proponents of actively attracting people from the local environment to power institutions that established imperial authorities in the region.

An experimental site for Prince M.S. Georgia served Vorontsov, where he made adjustments to the processes of civil administration and judicial proceedings. The Russian authorities did not intervene in the adat case study, which could be quite successfully applied along with the written laws of the empire. In the future, this practice became widespread in the North Caucasus, where it gained its supporter in the person of Prince A.I. Baryatinsky, who prepared the program according to which, having stood at the head of the People’s Court and the People’s Police, took under their influence and under the protection of state coercive power the people’s law and then, creating favorable conditions for the further development of all these historically established elements, to provide an opportunity for the highlanders of the Caucasus and Transcaucasia to grow to complete statehood and citizenship by the natural process that all the peoples of Europe have reached them.

The tradition of poliuridism fully corresponded to the mental preferences of the population, seemed natural and was understood with understanding by a significant part of mountain societies. The tribal institutions, until they began to oppose the basic demands of the imperial world order (for example, did not motivate them to engage in raiding activities), did not cause rejection among the tsarist administration. Moreover, representatives of the Russian

authorities in the Caucasus paid tribute to their effectiveness and compliance with the level of development of mountain tribes. Being in conditions of military instability, the Russian administration concentrated the control of the mountaineers in the hands of the army, which fully corresponded to the peculiarities of the current moment, although it was a temporary, transitional measure. The local administration received the broadest powers, which made it possible to quickly respond to changes and not to apply every time to the authorities, losing time and authority in the eyes of the population. The Highlanders saw that in the ranks of officials they attract people who have real merits to the authorities and are distinguished by competence in the work entrusted to them. And finally, involving the residents themselves in the resolution of judicial issues, taking into account their opinions and traditions, could not but impress and not work for the authority of the "Russian party" in the midst of autochthons.

Key words: management system, Russian Empire, the Caucasus, mountain societies, legal regulation, poliuridism, transitional measure.

Первые шаги по формированию системы управления Кавказом, которую впоследствии назовут военно-народной, сделал ещё князь М. С. Воронцов. Он был сторонником активного привлечения выходцев из местной среды во властные институты, которые устанавливали имперские власти в регионе, считая, что аборигены лучше приезжих чиновников смогут развязать существующие узлы проблем и противоречий, имевших место в крае [8, с. 150-249]. С другой стороны – сохранялись опасения относительно отсутствия лояльности таких выдвиженцев к империи, объяснявшегося их кланово-фамильной предвзятостью, мешавшей не ангажированному выполнению служебных обязанностей.

Пытаясь сполна использовать положительный потенциал таких кадров и одновременно минимизировать их недостатки, князь-наместник начал эксперимент по созданию смешанного управления, при котором российские чиновники осуществляли контроль за кавказскими обществами, но непосредственно не вмешивались в их жизнь. Примечательно, что в этой системе широко применялся потенциал армии. Оказалось, что именно военные лучше всего ориентировались в перипетиях местной ситуации и могли налаживать плодотворное сотрудничество с горскими авторитетами.

Экспериментальной площадкой для князя М. С. Воронцова послужила Грузия, где он внёс коррективы в процессы гражданского управления и судебного производства. Прежде всего, был ускорен процесс разбора дел, т. к. волокита в этом вопросе весьма раздражала людей и этим подрывала авторитет государства [1, с. 843]. Наместник подчёркивал, что правительство не вмешивалось в разбор дел, проведённый по адату, который довольно успешно мог применяться наряду с письменными законами империи. В дальнейшем эта практика получила широкое распространение и на Северном Кавказе, где приобрела своего сторонника в лице князя А. И. Барятинского.

Его опыт «чечен-мехкеме» внушал оптимизм и демонстрировал эффективный способ по привлечению ещё вчера враждебного населения на сторону русской власти. Нечто подобное внедрял в Кабарде генерал А.П. Ермолов, и возможно, его наработки были применены в уже изменившихся обстоятельствах теперь в Чечне.

Открытый в крепости Грозной в 1852 г., суд опирался на опыт самих горцев, а российскому командованию оставалось лишь наблюдать за лояльностью его представителей. Князь А. И. Барятинский подготовил программу, согласно которой следовало, «встав во главе народного суда и народной полиции, взять под своё влияние и под охрану государственной принудительной власти народное право и затем, создавая благоприятные условия для дальнейшего развития всех этих исторически сложившихся элементов гражданственности, предоставить горцам Кавказа и Закавказья дорасти до полной государственности и гражданственности тем естественным процессом, которым дошли до них и все народы Европы»[5, с. 117].

На примере «мехкеме» можно лучше всего понять суть введённых управленческих новаций. Во главе этого суда находился русский офицер. Под его началом были три старшины и кадий, наиболее авторитетные в глазах соплеменников. Именно они разбирали дела в зависимости от их характера либо по адату, либо по шариату. В первом случае кадий имел совещательный голос, а во втором решающий. Это позволяло учитывать новые веяния, глубоко проникшие в горскую среду не без воздействия мюридизма, когда религиозность горцев возросла. В то же время адат как наиболее привычная и главное – устраивающая самих местных жителей судебная традиция, регламентирующая их жизнь, – не вызывала отторжение и не раздражала население.

Такая традиция полиюридизма вполне отвечала ментальным предпочтениям населения, казалась естественной и с пониманием воспринималась значительной частью общества [9, с. 214-215]. Минимизация русского вмешательства в этот процесс должна была со временем успокоить тех, кто не верил в возможность взаимоприемлемого компромисса.

Человеческий фактор всегда является наиболее уязвимой стороной любого задуманного предприятия. Такая тонкая сфера, как судебные разбирательства, не была исключением. Неудивительно, что князь А. И. Барятинский предпочитал сам отбирать кандидатуры для работы в «мехкеме». Так, в ноябре 1852 г. председателем стал полковник Бартоломей, считавшийся одним из лучших специалистов по восточным языкам

и исламской теологии. Всё это позволяло ему успешно выполнять наказ по регулированию работы горского суда.

И в дальнейшем кадровый вопрос находился в зоне особого внимания высших должностных лиц, представлявших имперскую власть на Кавказе. Эта задача считалась приоритетной, т. к., по словам Ф. К. Гершельмана, «в крае вновь присоединённом, тем более на окраине государства с обособленным инородческим населением, да к тому же населением разноплеменным, смешанным, приобретает чрезвычайно важное значение известное направление населения со стороны административного воздействия. <…> Понятно, какое серьёзное значение принадлежит в этом случае удачному подбору административных лиц и правильному общему направлению, и деятельности». Но даже при осознании сути проблемы перед властями порой возникали труднопреодолимые препятствия, т.к. в регионе существовал серьёзный кадровый дефицит, связанный с отсутствием квалифицированных, а главное – ответственных чиновников. Ведь на Кавказе «личный состав административного персонала с самого начала далеко не всегда отвечал своему положению. Довольно сказать, что на Кавказ посылались люди, политически неблагонадёжные, которые своими суждениями и несочувствием ко всему русскому, конечно, не могли оказать желательного влияния на туземное население в смысле русских интересов» [4, с. 62].

Левый фланг Кавказской линии, где ранее, под началом князя М.С. Воронцова, начинал службу князь А.И. Барятинский, стал для него своеобразной экспериментальной площадкой и он, по мнению Д. И. Романовского, «успел неоднократно на опыте убедиться сам и убедить других, что многие из его новых предположений по ведению Кавказской войны весьма и весьма полезны» [11, с. 285].

Одновременно власти осознавали, что военно-народное управление носит временный характер, но выбрать время, чтобы распространить на Кавказе общеимперские правила было чревато новыми волнениями. Недаром, когда этот шаг был сделан в 1842 г., его подвергли критике за поспешность, хотя и не вернулись к прежней управленческой модели.

Давая оценку сути военно-народного управления, и будучи недовольным эффективностью контроля за краем в начале XX столетия, Ф. К. Гершельман писал: «Установленный новый судебно-административный порядок на Кавказе в этом смысле мало сроден понятиям туземцев, склонных видеть в нём слабость администрации и где можно пользоваться этим. В этом смысле на первое время может быть больше отвечала делу форма военно-народного управления. Сущность этой системы заключается в простоте административного строя, в доступных пониманию туземного населения формах его, в предоставлении народу ведаться собственным судом, решающим дела по обычаю, и в большей самостоятельности административной власти, ближе поставленной к населению и могущей быстро и твёрдо проявлять волю без стеснения формальностями общего гражданского строя управления и без вмешательства общих судебных учреждений» [4, с. 64]. Автор отмечал, что следует учитывать особенности традиций коренных народов региона и по возможности не отвергать то, что доказывало свою витальность на протяжении столетий.

Конечно, далеко не все они могли сосуществовать с законами империи. Но в столь болезненном вопросе Ф.К. Гершельман призывал к постепенности и неторопливости, действиям «исподволь, не ломая жизни на новый лад» [4, с. 64]. Таким образом, сама система не подвергалась сомнению, была признана результативной и, по мнению современников, позитивно сказалась на ситуации в крае. В целом такой подход сохранился и в оценках исследователей и в наши дни.

Возвращаясь к начинаниям князя А. И. Барятинского, отметим, что они не ограничивались только делегированием судебных полномочий представителям местного населения. Предполагалось доверить им самоуправление, как и в случае с «мехкеме», ограничившись надзором со стороны представителя от армии. Таким образом, и джамаат с его сельским сходом и властью старшины, и тухум как родовой союз – сохраняли свои позиции в регламентации и организации жизни автохтонного населения.

Родовые институты, пока они не начинали выступать против базовых требований имперского мироустройства (например, не мотивировали занятия набеговой деятельностью), не вызывали отторжение у царской администрации. Более того, представители российской власти на Кавказе отдавали должное их эффективности и соответствию уровню развития горских племён. В частности, благодаря сбережению этих институтов удавалось снизить уровень бюрократических проволочек, столь раздражающих горцев. Отмечалось, что «многосложность судебной организации представляется для туземцев не достоинством, а недостатком» [2, с. 45]. В связи с этим сохранялось широкое применение устных договорённостей и решение споров на доверии к показаниям присутствующих при этом свидетелей. В рамках родственного коллектива эта практика вполне себя оправдывала.

Когда князь А. И. Барятинский сам стал наместником на Кавказе, он довёл эту систему до логического завершения. Потому был оправданным вывод о том, что при нём военно-народное управление достигло своего расцвета и принесло победу в затянувшемся вооружённом противостоянии в крае [10, с.100]. Сохранявшиеся

противоречия, порождающие напряжённость между горскими народами и русской властью, заключались не столько в пресловутом субъективном факторе, сколько в различном «правовоззрении» сторон [5, с.114]. Нейтрализовать существовавшие противоречия можно было с помощью цивилизационного компромисса, готовность к которому осознавалась сторонами постепенно.

Обе стороны должны убедиться в порочности и опасности взаимного неприятия, лучше узнать друг друга и в конечном итоге – устать от войны. К моменту назначения князя А. И. Барятинского наместником эти условия вполне «созрели». Когда новый правитель Кавказа говорил, что пожинает плоды усилий князя М. С. Воронцова, это следует понимать гораздо шире, чем просто военные успехи и правильная стратегия. Это была готовность договариваться, демонстрируемая участниками явления, названного в исторической науке «Кавказской войной». Раньше идти на уступки значительная часть горских обществ просто не желала. Она оказалась иммунной к тем предложениям, которые выдвигала российская сторона. А русская власть, в свою очередь, идя на переговоры, рассчитывала на «покаяние» новых подданных и их быстрое «перевоспитание». Лишь устав от кровопролития, и, убедившись в его бесплодности, обе стороны стали более терпимы друг к другу.

Будучи вынужден львиную долю времени тратить на решение военных задач, князь А. И. Барятинский в апреле 1858 г. издал «Положение о Кавказской Армии», где, помимо прочих вопросов, оговаривал и правила управления горскими народами, которые не находились в ведении гражданского управления. В частности, подчёркивалась важность адата, который должен был стать альтернативой навязываемого Шамилем превалирования во всех сферах жизни шариата [12, с. 168-169]. Правовое регулирование, основанное на религиозных канонах, далеко не всегда могло адекватно решать конфликты, имевшиеся в горской среде. При всём старании лидера мюридизма смягчить наиболее жёсткие требования шариата, он явно не мог вытеснить шлифовавшуюся веками практику обычного права. На этом и решил сыграть князь, добиваясь привлечения на свою сторону горских обществ, уставших от произвола и жестокости наибов.

Горская судебная практика основывалась на многочисленных сдержках и противовесах, которые при этом не делали её нежизнеспособной. Многое значил нравственный авторитет людей, которые участвовали в вынесении приговора. В обществе, где родовые институты уже не функционировали, применить такой подход было бы невозможно. А на Кавказе авторитет старшин, выбранных обществом, подкреплённый почитанием стариков, привлекаемых при необходимости для разбора наиболее запутанных случаев, был вполне естественным. При этом они опирались не столько на формальную букву (за неимением таковой), сколько на дух закона, исходя из собственного понимания справедливости. Рискнём предположить, что попытка собрать и классифицировать горские адаты, предпринятая российской стороной, привела лишь к их механическому пересказу. В работе горского права всегда оставалось место «творчеству», что формализованное имперское судопроизводство принять не могло, хотя и старалось понять эту особенность местного правоприменения.

Сильной стороной судебной новации князя А. И. Барятинского стало решение задачи, которую не удалось довести до логического завершения его предшественникам, а именно – определить степень вины горца в зависимости от его принадлежности к тому или иному обществу [6, с. 96]. Здесь оценка поступка, зафиксированного в адате одного племени, могла не совпадать с мнением другого, и наказание выглядело в глазах населения излишне жестоким либо неоправданно мягким. Чтобы избежать такого казуса и завоевать доверие горцев, князь Барятинский, используя институт приставов, сумел в целом добиться, чтобы судебные постановления соответствовали понятиям и обычаям того общества, в отношении которого они применялись.

Вместе с тем курс на постепенную унификацию и формализацию судопроизводства оставался неизменным. Усилиями окружного народного суда, действовавшего во Владикавказе, население приучалось к мысли, что все чиновники поступают согласно регламентирующим их действия правилам, которые фиксировались в специальном журнале. В случае несогласия с решением участкового помощника, проводившего устное разбирательство, можно было подать апелляцию на имя начальника округа [7, с.109].

Суммируя задачи, которые были сформулированы властью в этом вопросе, С. Эсадзе писал, что «основаниями суда и расправы должны были служить: права, предоставленные покорным племенам, условия, заключенные с мирными горцами и отношения к враждебным племенам. От покорных горцев можно было требовать больше, чем от мирных; от мирных же более, чем от враждебных. Племена, покорившиеся русскому правительству с правом сохранения у себя внутреннего порядка суда и расправы по народным обычаям, приняли некоторые обязанности, которые выражались условиями их покорности. Главнейшие из этих обязанностей состояли: в верноподданстве Престолу, в сохранении политической верности к России; эти обязанности ввели у них новые понятия о преступлениях, которые мы называем государственною изменою, мятежом, неповиновением установленным властям и пр.» [12, с.172].

Итак, находясь в условиях военной нестабильности, российская администрация сосредоточила управление горцами в руках армии, что вполне соответствовало особенностям текущего момента, хотя и являлось временной, переходной мерой. Местная администрация получила самые широкие полномочия, которые позволяли оперативно реагировать на происходящие изменения и не обращаться каждый раз по инстанциям, теряя время и авторитет в глазах населения. Горцы видели, что в ряды чиновников привлекают людей, имеющих реальные заслуги перед властью и отличающихся компетентностью в порученном им деле. И наконец, привлечение самих жителей в решение судебных вопросов, учёт их мнения и традиций не могли не импонировать и не работать на авторитет «русской партии» в среде автохтонов. Именно это ставили в заслугу князя А.И. Барятинскому, относя его административные усилия к числу наиболее важных достижений [3, с. 3-4].

Сложившуюся систему военно-народного управления нельзя рассматривать в отрыве от других усилий русской власти. Как представляется, она являлась частью комплексных мер, направленных на преображение региона. Задуманные начинания в сфере управления не могли проявиться без побед царской армии на поле брани, экономических достижений в сфере сельского хозяйства и промышленности, которые привели к активизации торговли между русскими и горцами, усилий в сфере образования и просвещения. Только совокупность этих мер позволила взломать традиционную локальность и в конечном итоге, если и не полностью прекратить, то в значительной степени снизить перманентную конфликтность, присущую региону.

Осознав специфику полиэтничного региона, российская администрация сочла целесообразным раздробить наместничество на отдельные территории, «более согласные с духом и нравами этих племён, при сохранении центрального управления горскими народами [2, с. 222]. На смену исчерпавшим свой потенциал приставствам в 1858 г. при Главном штабе Кавказской армии создали III Отделение по управлению горскими народами, которое в дальнейшем, в 1860 г., было заменено Канцелярией по управлению кавказскими горцами. В предпринятых шагах чётко прослеживался курс на укрупнение территорий, что было связано с необходимостью ограничить численность управленческого аппарата разумной достаточностью с сохранением эффективности в принятии решений по регулированию жизни местных народов. В итоге на Центральном и Северо-Восточном Кавказе учреждаются Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский, Кумыкский, Аргунский и Ичкеринский округа. До этого только приставств было девять, а кроме того, существовало два особых управления горцами.

Таким образом, во вновь образованных административных единицах были объединены народы, которые зачастую имели разные социально-экономические и культурные особенности. Нередко игнорировался фактор их исторического проживания в конкретных границах. Можно объяснить такой подход просчётом властей или же тем, что ещё не все общества относились к числу «покорных» и приходилось пока обустраивать их жизнь, ставя в основе административного деления принцип лояльности к империи. Естественно, это была временная мера, и в дальнейшем предполагалось пересмотреть сложившуюся этнотерриториальную карту. Но можно взглянуть на такую практику и по-другому. Власти начинали культивировать универсалистские ценности, пытаясь привить аборигенам мысль, что для подданных империи этничность вторична, а на первый план выходит торжество имперского правопорядка.

Косвенным аргументом в пользу последней гипотезы служат целенаправленные усилия на укрупнение чеченских аулов, переселяемых на равнину. Действуя постепенно, власти сохранили практику объединения семей, принадлежавших к одному роду, но при этом в каждом ауле могло теперь находиться до тысячи домов. По сравнению с прежней практикой дисперсного проживания, такая ситуация неминуемо приводила к большей консолидации общества, а заодно облегчала управление значительной массой народа.

Таким образом, была создана переходная судебно-административная система, которая максимально учитывала реалии во взаимоотношении империи и местных народов, позволяла наладить диалог в период, когда боевые действия постепенно угасали, и нужно было совместно разработать приемлемые правила будущего устройства региона.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.П. Берже. 1885. Т.X. 936 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. 1904. Т.XII. 1552 с.
3. Всеподданнейший отчёт главнокомандующего Кавказскою армиею по военно-народному управлению за 1863 – 1869 гг. СПб.: Кавказское краевое военно-народное управление, 1870. 120 с.
4. Гершельман Ф. Причины неурядиц на Кавказе. СПб.: В. Березовский, 1908.72 с.
5. Иваненко В. Разлад между уголовным законом и народным обычаем на Кавказе и его влияние на преступность // Русская мысль. 1904. №6. С.1-21.
6. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827) / Под редакцией и с послесловием В.Б. Виноградова. Ессентуки, 1999.135 с.

7. Кобахидзе Е.И. От «военно-народного» управления к «гражданскому»: административная практика России на Центральном Кавказе в конце 50-х – начале 70-х гг. XIX в. // Известия СОИГСИ. 2009. № 3 (42). С.107-128.
8. Лазарян С.С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845-1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 323 с.
9. Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. Ростов-на-Дону: 2001.400 с.
10. Невская Т.А., Кондрашева А. Северный Кавказ: традиционное общество и реформы (конец XVIII – начало XX вв.). Ставрополь: СКФУ, 2015. 368 с.
11. Романовский Д.И. Генерал-фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский и Кавказская война. 1815-1879 гг. // Русская старина. 1881. №2. С.247 – 318.
12. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.I. Тифлис: тип. «Гуттенберг», 1907. 616 с.

References

1. Akty, sobrannye Kavkazskoj arkheograficheskoj komissiej (Acts collected by the Caucasus Archaeographic Commission) / ed by A.P. Berzhe. Tiflis, 1885. Vol.X. 936 p. (In Russian).
2. Akty, sobrannye Kavkazskoj arkheograficheskoj komissiej (Acts collected by the Caucasus Archaeographic Commission). Tiflis, 1904. Vol.XII. 1552 p. (In Russian).
3. Vsepoddannejshij otchyot glavnokomanduyushhego Kavkazskoyu armieyu po voenno-narodnomu upravleniyu za 1863–1869 gg. (The most comprehensive report of the Commander-in-Chief of the Caucasian Army on military-public administration for 1863 - 1869.). St.Petersburg, 1870. 120 p. (In Russian).
4. Gershel'man F. Prichiny neuryadits na Kavkaze (Causes of turmoil in the Caucasus). St.Petersburg, 1908. 72 p. (In Russian).
5. Ivanenko V. Razlad mezhdu ugolovnym zakonom i narodnym obychaem na Kavkaze i ego vliyanie na prestupnost' (The discrepancy between criminal law and folk customs in the Caucasus and its impact on crime) // Russkaya mysl'. 1904. No. 6. P.1-21. (In Russian).
6. Klychnikov YU.YU. Deyatel'nost' A.P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816-1827) (Activities A.P. Ermolova in the North Caucasus (1816-1827) / ed by V.B. Vinogradov. Essentuki, 1999. 135 p. (In Russian).
7. Kobakhidze E.I. Ot «voenno-narodnogo» upravleniya k «grazhdanskomu»: administrativnaya praktika Rossii na TSentral'nom Kavkaze v kontse 50-kh – nachale 70-kh gg. XIX v. (From "military-popular" management to "civilian": administrative practice of Russia in the Central Caucasus in the late 50s - early 70s. XIX century) // Izvestiya SOIGSI. 2009. No. 3 (42). P.107-128. (In Russian).
8. Lazaryan S.S. Voenno-politicheskaya i administrativno-pravovaya deyatel'nost' knyazya M.S. Vorontsova v Kavkazskomkrae. 1845-1854 gg. (Military-political and administrative-legal activity of Prince M.S. Vorontsov in the Caucasus region. 1845-1854). Pyatigorsk: PSLU publ., 2012. 323 p. (In Russian).
9. Malakhova G.N. Stanovlenie i razvitie rossijskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – XIX vv. (The formation and development of Russian public administration in the North Caucasus in the late XVIII - XIX centuries). Rostov-on-Don, 2001. 400 p. (In Russian).
10. Nevskaya T.A., KondrashevaA. Severnyj Kavkaz: traditsionnoe obshhestvo i reformy (konets XVIII – nachalo XX vv.) (North Caucasus: traditional society and reforms (late 18th - early 20th centuries). Stavropol': NCFU, 2015. 368 p. (In Russian).
11. Romanovskij D.I. General-fel'dmarshal knyaz' Aleksandr Ivanovich Baryatinskij i Kavkazskaya vojna. 1815-1879 gg. (Field Marshal Prince Alexander Ivanovich Baryatinsky and the Caucasian War) // Russkaya starina. 1881. No. 2. P.247–318. (In Russian).
12. EHsadze S. Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom (Historical note on the governance of the Caucasus). Tiflis, 1907. Vol.I. 616 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / grankinj@pglu.ru

Information about the author

Grankin Yurii – Doctor of History, Professor, Chair of History of State and Law of Russia and Foreign Countries, Vice-Rector for Academic Policy, Higher Education Quality Assurance and Informatization, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / grankinj@pglu.ru

УДК 94 (470.6) “18”
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.5

Е.А. Гурова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются социально-экономические шаги российской администрации на Северном Кавказе после завершения вооружённого противостояния с частью горских народов. Эти усилия должны были обеспечить преодоление последствий и рецидивов взаимной неприязни, которая накопилась за время войны между империей и сторонниками мюридизма. Кроме того, горцы должны были адаптироваться к государственным порядкам и частично отказаться от привычного образа жизни, не согласующегося с требованиями государства. Власти поставили перед собой цель продемонстрировать все преимущества, получаемые горцами в обмен на их лояльность и законопослушность. Это привело к серьёзной трансформации в социальной сфере, что было воспринято далеко не однозначно и наряду с позитивным эффектом вызвало отторжение и сопротивление тех слоёв общества, которые не смогли принять российские новации. Среди болезненно воспринимаемых мер выделялось освобождение зависимых сословий. Считается, что боязнь потерять своих подвластных стала одним из побудительных мотивов для местной знати в принятии решения покинуть историческую родину и перебраться в Турцию. Непривычной и раздражающей горцев стала необходимость платить государственные налоги, которые хотя и уступали в размерах податям в других частях империи, но также выглядели как покушение на свободу. Никуда не исчезли и традиционные для Северного Кавказа раздражители в виде малоземелья. Шаги властей, направленные на преодоление этого положения, успехом не увенчались и лишь на время ослабили рост недовольства. Пытаясь компенсировать возникшие неудобства, империя предлагала для местных жителей новые социальные лифты. Прежде всего, речь шла о службе в вооружённых силах, где немало выходцев из местной среды смогли сделать успешную карьеру, занимаясь традиционным и близким их менталитету видом деятельности.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, северокавказские горцы, реформы, рабство.

Evgenia Gurova

ON PECULIARITIES OF SOME SOCIAL AND ECONOMIC INSTRUMENTS OF THE IMPERIAL POLITICS IN THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The article considers social and economic steps of the Russian administration in the North Caucasus after armed opposition with the part of mountain peoples. These efforts had to provide the overcoming of results and recurrences of the mutual dislike, which accumulated in the war period between Empire and muridism supporters. Besides the highlanders had to adopt the state orders and partly refuse habitual mode of life, contradicting the demands of the state. The authorities aimed to demonstrate all advantages, taken by highlanders in exchange for their loyalty and law-obedience. It led to the serious transformation in the social sphere, that was perceived differently and together with the positive effect caused the seizure and resistance of the stratus of society, which couldn’t accept Russian novation. Among the painfully perceived measures stood the release of the dependent classes. It is believed that the fear of losing their subjects became one of the motivations for the local nobility in deciding to leave their historic homeland and move to Turkey. Unusual and annoying mountaineers became the need to pay state taxes, which, although they were inferior in size to taxes in other parts of the empire, also looked like an attempt on freedom. The traditional stimuli in the form of land shortage have not disappeared anywhere. The steps of the authorities aimed at overcoming this situation were not crowned with success, and only temporarily weakened the growth of discontent. Trying to compensate for the inconvenience, the empire offered new social elevators to the locals. First of all, it was about service in the armed forces, where quite a few people from the local environment could make a successful career by engaging in a traditional and close to their mentality activity.

Key words: Russian Empire, North Caucasus, North Caucasus highlanders, reforms, slavery.

Завершившееся вооружённое противостояние открывало самые широкие возможности для очередных шагов по приобщению местных народов к порядкам империи. Они не могли не затронуть и социальную сферу, которая должна была отныне соответствовать тем правилам и принципам, по которым жила вся страна. Россия стояла на пороге величайших реформ в своей истории, которые были связаны с отменой крепостного права и последующей буржуазно-демократической трансформацией всех сторон жизни имперского общества. Кавказ не мог остаться в стороне от этих процессов и должен был включиться в них, одновременно постигая специфику непривычного для себя «русского мира», который всё ещё оставался чуждым, учитывая, что целое поколение горцев выросло в борьбе с ним. Преодолеть последствия недавнего вооружённого противо-

стояния и одновременно изменить собственный образ жизни было непросто, а потому модернизационные процессы в крае протекали в далеко не благоприятных обстоятельствах, что приходилось учитывать, как правительству в Петербурге, так и местной администрации.

Рабы или ясыри, а также крепостные никогда не составляли доминирующего слоя в северокавказском обществе. В целом будучи патриархальным, оно не нуждалось в большом количестве таких людей, экономическая целесообразность эксплуатации которых была невелика. Однако нельзя отрицать полного отсутствия таких категорий людей в местном социуме. Достаточно вспомнить, какие затратные усилия предпринимались российским командованием, чтобы освободить из плена российских подданных, в силу разных обстоятельств оказавшихся в руках горских «хищников». Вряд ли удастся точно выяснить, сколько «живого товара» было переправлено на рынки Османской империи и там продано местным покупателям. Среди невольников были и представители северокавказских этносов (например, женщины охотно приобретались для турецких гаремов).

Теперь с подобной практикой было покончено, и российские власти должны были предоставить личную свободу вчерашним рабам. Кого-то выкупали у их владельцев, других освобождали на безвозмездной основе. Многое зависело от того, какие отношения складывались у владельца с кавказской администрацией, насколько он был лоялен к порядкам империи.

Общая численность освобождённых зависимых и рабов только в Терской области насчитывала по официальным данным 26 тыс. человек [16, с.42]. Казна выделяла беднейшим из них ссуды, старалась обеспечить земельным наделом и по новому статусу приравнивала их к общинникам.

Есть мнение, что такая политика империи соответствовала тем мировым тенденциям, которые происходили в рассматриваемый период. В борьбу с рабством вступили все ведущие государства, и Россия была в их числе, внеся немалый вклад в изживание этого явления. Таким образом, происходящие на Северном Кавказе события формировали позитивный имидж Петербурга и способствовали упрочению его геополитических позиций, пошатнувшихся в результате неблагоприятного исхода Восточной (Крымской) войны [19, с.213].

Кавказская администрация предполагала, что освобождение зависимых сословий позволит ей получить в их лице социальную опору среди местных народов. Эта задача считалась первоочередной, а потому, как только ситуация дала возможность взяться за решение данной проблемы, к ней приступили безотлагательно. Уже в середине 60-х гг. XIX в. начал свою работу Кавказский комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа, который приступил к сбору информации о количестве имеющихся невольников. Примечательно, что всё это происходило на фоне аналогичной подготовки и в других губерниях страны. Власти не собирались ущемлять своих новых подданных и готовы были дать им свободу на общих основаниях. Но, естественно, игнорировать местную специфику было невозможно. Предполагалось освободить зависимые сословия либо безвозмездно, либо за счёт казны. При этом дома и полевые наделы они должны были приобретать самостоятельно. Можно было получить их за деньги, но учитывая отсутствие у большинства такой возможности, не исключалась и отработка в пользу бывшего владельца.

Учитывая весьма запутанную ситуацию с уровнем зависимости тех или иных групп у разных народов региона, приходилось действовать осторожно и весьма избирательно. В Дагестане число крепостных варьировалось в связи с зональностью владений. На равнинах их было больше, а чем выше в горы – меньше. В Чечне и Ингушетии категорий населения, которых можно было отнести к числу крепостных, почти не было [19, с.214].

В этом отношении отличалась Кабарда, где процесс феодализации зашёл гораздо дальше, чем у соседних народов. Кроме того, в кавказской администрации смотрели на Кабарду как на одну из наиболее пророссийских частей края, чьё население раньше остальных сблизилось с русскими. Ей пришлось стать своеобразным «полигоном», на котором отрабатывались методы администрации по освобождению зависимых сословий. Процесс этот происходил довольно болезненно, вызвал всплеск недовольства, который подпитывался ещё и агитацией за переселение в единоверную Турцию. Пришлось даже привлекать войска для демонстрации готовности властей применить силу. Но в конечном итоге в марте 1867 г. более 20 тыс. вчерашних рабов обрели свободу, «в первый раз вздохнув легко, полной грудью, после тяготевшего на них векового ярма» [18, с.36], как не без романтического вдохновения писал один из дореволюционных авторов по этому вопросу.

Российская администрация должна была учитывать и заслуги владельцев перед властями. Если с противниками России можно было не церемониться, то заслуженные горцы-офицеры получали существенную компенсацию, хотя и им не позволялось сохранить у себя лично зависимых людей. Многочисленные петиции в адрес местных властей, подготовленные владельцами, как правило, содержали одни и те же пожелания – максимально отсрочить практическую реализацию освобождения зависимых людей. В иной исторической ситуации эти начинания закончились бы кровопролитием, но на фоне убедительных военных побед, одержанных Кавказской

армией над своими противниками, недовольным владельцам оставалось лишь перейти к пассивному сопротивлению реформе. Многие из них выразили желание перебраться в Турцию, где рассчитывали сохранить прежний образ жизни на службе у султана [8, с.197].

Подобные настроения увлекли даже тех, кто был обласкан властью и не мог жаловаться на отсутствие карьерного роста. Как здесь не вспомнить М.А. Кундухова, который незадолго до своего решения покинуть Россию, по собственному признанию, достиг серьёзного продвижения по службе: «Высшее начальство ценило и поощряло мою службу больше, чем я мог ожидать (выделено нами – Е.Г.). В течение двух лет я был награждён чином генерал-майора, орденами Анны и Станислава I степени и арендою 12 тысяч рублей. Желая расширить моё управление, к округу моему оно решило присоединить ещё два округа: Шатоевский и Ичкеринский. Будучи уверен, что я успею оказать большую пользу службе и краю, я не знал усталости и готов был день и ночь трудиться» [14, с.39]. Но даже это не примирило его с происходящими в стране и крае изменениями, а потому он отринул все свои награды и отбыл в Османскую империю, чтобы спустя годы оказаться по разные стороны фронта со своими вчерашними сослуживцами.

Всё это привело к затягиванию процесса освобождения на десятилетия, хотя утверждать, что вопрос совершенно не решался, нельзя. В Кубанской области к началу 90-х гг. XIX в. освободили около 16,5 тыс. человек, в Кабарде и Балкарии эта цифра достигла 21 тыс., а в Дагестане – 25 тыс. При этом известны случаи, когда временная зависимость отдельных семей сохранялась вплоть до 1917 г., а в остальной империи временнообязанное состояние бывших крепостных прекратилось в январе 1883 г., и всех их перевели на выкуп [19, с.214 – 215].

Сформировать и закрепить новую социальную действительность в крае можно было, лишь подведя под неё соответствующую экономическую базу. Для этого было необходимо решить земельный вопрос, а учитывая запутанность владельческих прав, основанных на адате и шариате, эта задача была трудноосуществимой. Земельные споры и распри имели перманентный характер и возникли задолго до того, как данная территория оказалась поглощена Российской империей. Но теперь она несла ответственность за урегулирование имеющихся разногласий, и откладывать решение этого вопроса было нельзя. Зажиточный горец уже не столь охотно готов был участвовать в военных авантюрах, прекрасно понимая, что может лишиться своего благосостояния, которое желал на законных основаниях передать своим наследникам.

Империя пестовала «цивилизованных собственников», считая их залогом мира на Северном Кавказе. В этой связи весьма наглядны доводы из «Отношения исполняющего обязанность главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютанта князя Г.Д. Орбелиани», которое он адресовал управляющему военным министерством генералу-адъютанту Д. А. Милютину 6 июля 1861 г.: «Точное определение границ и пространство поземельных участков, и уверенность в ненарушимости прав отдельных лиц или целых обществ, на отведённую им поземельную собственность, составляет условия существенно необходимые для того, чтобы в массе народа явилось желание затрачивать на землю труд и капитал, а следовательно, чтобы народ сделался вполне оседлым, чтобы он прикрепился к земле материальным интересом, который могущественнее всего другого, и, наконец, чтобы проявилась в нём потребность вещественного улучшения своего быта и нравственного развития» [8, с.176]. Как видно из этих слов, мировоззреческие и воспитательные задачи явно превалировали над экономической целесообразностью. Высшие чиновники империи не скрывали того, что добиваются изменения ментальности жителей Северного Кавказа, всё ещё предпочитавших воинскую удаль достатку и благополучию, добытых мирным трудом.

Государство становилось гарантом прав собственности, а это должно было навсегда связать с ним тех владельцев, которых щедро наделили земельными участками, с помощью чего компенсировались их потери после освобождения зависимых сословий. Последних тоже предполагалось заинтересовать передачей наделов, которые перешли в ведение казны после исхода на чужбину части горского и кочевого населения Северного Кавказа. По крайней мере, на какое-то время можно было разрешить имеющиеся противоречия, хотя демографический рост вскоре вновь актуализирует эту проблему.

Как нам представляется, найти такую модель землепользования, которая утроила бы абсолютно всех, было невозможно. На Кавказе это была традиционно болезненная тема, разрешить которую не могли ни до распространения российских порядков, ни после того, как в этот процесс вмешалась царская администрация. Последняя пыталась регламентировать поземельную собственность, но нередко лишь множила число недовольных. В этой связи весьма любопытны рассуждения современного исследователя Д. Н. Прасолова, который проанализировал ситуацию, сложившуюся в пастбищном и лесном общинном землепользовании в Кабарде в интересующий нас исторический период. Автор гиперкритично оценивает шаги властей, направленные на стимуляцию животноводства в крае. Д. Н. Прасолов считает, что они лишь привели к арендным

спекуляциям. Предшествующие десятилетия он рисует как время существования социального баланса, что представляется идеализацией существовавших реалий. Причина недовольства части кабардинских владельцев скрывалась, как нам видится, прежде всего, в перераспределении земель между жителями балкарских селений, чья потребность в участках виделась властям более актуальной [5, с.83]. Об этом говорится в работе и другого исследователя, П.А. Кузьминова [13, с.45-46].

Таким образом, аграрное перенаселение региона обрекало его на социальную напряжённость, а найти альтернативу обыденному хозяйственному укладу в сложившихся исторических обстоятельствах было невозможно. Но в отдельных случаях добиться гармонизации в отношениях между отдельными обществами всё же удавалось. Так, в использовании лесных угодьев был сохранён принцип общедоступности, а это, в свою очередь, «заметно снижало потенциал социальных противоречий в данной сфере землепользования» [5, с.89].

Реформа затянулась на десять лет и завершилась к середине 70-х гг. XIX в. Пришлось создать множество межевых и сословно-поземельных комиссий, в которые входили не только русские военные и гражданские чиновники, но и представители горской знати. Общую координацию обеспечивал Кавказский комитет и Совет наместника, нередко принимая окончательное решение по различным спорным ситуациям под свою ответственность.

Параллельно с земельным вопросом поднимался и вопрос, связанный с упорядочиванием системы налогообложения. Уместно привести цитату из Всеподданнейшего отчёта главнокомандующего Кавказскою Армией по военно-народному управлению, где по этому поводу говорилось следующее: «Из всех мероприятий, предпринятых с целью благоустройства горских населений и поставления их в надлежащие отношения к правительственной власти, обложение податями представляло наиболее затруднения и требовало наибольшей осторожности, как в самом исполнении, так и в подготовлении к нему населения». Такой подход объяснялся тем, что, по мнению Главнокомандующего, «уплата подати служит самым наглядным фактическим выражением окончательного подчинения, побеждённого победителю, подданного правительству; в ней выражается уже не номинальное и пассивное, но действительное и притом всеобщее поголовное признание покорности. Понятно, поэтому, она должна была возбудить против себя население пылкое, легковерное, фанатически-настроенное, как в религиозном, так и в политическом отношении…» [5, с.49].

Вопрос с налогами был не менее запутанным, чем земельный, и отличался вариативностью. Часть горских обществ платила налоги деньгами, другие ограничивались натуральными поставками плодов своего труда. Были и те, кто выполнял подводную повинность или выставлял своих воинов на службу и т.п. Теперь налогообложение было унифицировано, но варьировалось в зависимости от специфики территории, где производились сборы. Полученные средства оставались на Кавказе и шли на содержание административного аппарата наместничества, в котором были трудоустроены и представители местной элиты [19, с.217].

Несмотря на то, что собираемые средства были гораздо меньше, чем аналогичные платежи русского крестьянства других губерний, они достаточно болезненно сказывались на экономическом «самочувствии» горцев и не лучшим образом влияли на их «социальное настроение» [12, с.129-130].

Опыт первой половины столетия демонстрировал негативную реакцию горцев даже на слухи о том, что их могут привлечь к службе в армии. В дальнейшем лишь добровольцы пополняли ряды вооружённых сил и участвовали в боевых действиях, как в пределах региона, так и за границами империи. Такой выбор поощрялся властями, но до всеобщей воинской повинности дело не доходило даже тогда, когда ситуация в крае полностью контролировалась царской администрацией. Вместо неё горцы платили дополнительный налог, которому «подлежат все, без различия состояния, инородцы мусульманского исповедания, принадлежащие к туземному населению Терской и Кубанской областей и Закавказья. Общая годовая сумма налога со всего подлежащего ему населения составляет 528000 р… Оклад налога с лиц, платящих подымный сбор на общие в крае повинности, исчисляется пропорционально окладу сего последнего, а с остальных лиц – определяется по соображению с ценностью имуществ, состоящих в их владении…» [7, с. 325].

Можно интерпретировать это как ущемление прав горских народов, которое практиковалось царской властью, но нам представляется, что это была преференция, предоставленная населению окраины, понёсшей серьёзные демографические потери в результате противостояния с империей и к тому же настороженно относящейся к распространению новых порядков. Власти предпочли не усугублять ситуацию и переложили тяготы воинской повинности преимущественно на славянское этническое ядро державы [2, с.25 – 26].

Те представители горской аристократии, которые предпочитали и дальше заниматься «престижной экономикой», теперь могли делать это, не участвуя в набегах, а пополняя офицерский корпус императорской армии, где многие из них сделали блестящую карьеру. Достаточно

взглянуть на данные, которые содержатся в информативных исследованиях А.В. Казакова [9], Ах. У. Мальсагова [15], Ш.М. Батчаева [1] и др., чтобы получить вполне наглядную картину такой практики.

Служба в армии была не только почётной, но и весьма выгодной. Те, кто верно служил под знамёнами императора, получали щедрые пожалования, размер которых варьировался в зависимости от чина от 1500 до 100 десятин. Больше всего офицеров-горцев давал Центральный Кавказ. В Дагестане и Чечне их было заметно меньше. Здесь выделение знати и ранее являлось не столь заметным, а кроме того, в период господства мюридизма многие старые феодальные фамилии подверглись истреблению, а новая элита пока находилась в процессе формирования [19, с.220].

По словам А. Каменского, «что касается офицерского корпуса, то он сам по себе являлся одним из каналов рекрутирования местных элит. Причём, происходило это уже на стадии получения военного образования» [10, с.126]. Этнический состав имперского офицерского корпуса традиционно был неоднороден, хотя число русских в нём и преобладало. Безусловно, определённую роль в карьерном росте играл конфессиональный фактор. Власти предпочитали назначать на высшие генеральские должности христиан, в основном выходцев из Закавказья. На это были свои основания, о чём свидетельствует переход на сторону соперника России уже упомянутого выше М. Кундухова. Но это не значит, что для мусульман карьерный рост был закрыт. Если командование убеждалось в лояльности и верности таких людей, перед ними открывались самые широкие перспективы. Именно горцы-мусульмане образовывали «средний и низший эшелон в новой военной элите края» [19, с.221].

Для аульной верхушки также существовала своя система поощрений. Как правило, это были налоговые льготы, которые давали преимущество в торговле. Наделение дополнительными участками земли практиковалось в отношении тех из них, кто поддерживал порядок во вверенном ему селении и удерживал своих соплеменников от опрометчивых поступков [21, л.1-3 об.]. Естественно, что для этого приходилось перераспределять общинную собственность, площадь которой сократилась. Это приводило к росту социальных противоречий в горских обществах, усиливалось недовольство, которое находило выражение в далеко не безобидных явлениях, в частности, абречестве.

Данное явление имеет на сегодняшний день весьма обширную историографию. Исследователи подчёркивают неоднозначность побудительных мотивов, которые толкали горцев на этот путь. Отмечается, что отличительной особенностью рассматриваемого периода был процесс маргинализации части горского населения, которое не могло найти себя в новых условиях капиталистической модернизации, охватившей регион. В качестве реакции на происходящие процессы такие люди прибегали к традиционным для Северного Кавказа методам сопротивления. Ореол борцов с несправедливостью не всегда соответствовал реальному положению вещей. Но и отрицать того факта, что местная администрация вынуждена была учитывать недовольство горцев и стараться не допускать крайностей и вопиющей несправедливости в принимаемых решениях тоже нельзя [3; 4; 11, с. 70-91; 20; 6, с. 93-101].

Проводившиеся властями социально-экономические преобразования получили достаточно высокую оценку у исследователей. Считается, что результатом предпринятых усилий стало перерождение местных военных элит, которые оказались включены в военно-бюрократический аппарат государства, связали своё будущее со службой России. Те, кто не сделал этого, либо погибли в ходе неудачного сопротивления, либо перебрались за границу. По мнению И.Л. Бабич, В.О. Бобровникова и Дж. Гаккаева, обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на сохранение серьёзного протестного потенциала на Северном Кавказе, здесь не получили распространение антиправительственные выступления, которые можно было бы сравнить с борьбой польских инсургентов или российских нигилистов. А крупные восстания в Чечне и Дагестане 1877 – 1878 гг. нельзя связывать с аграрными преобразованиями [19, с.226].

Конечно, говорить о том, что социально-экономический облик Северного Кавказа изменился кардинально, видимо, не стоит. Новации довольно медленно проникали в местную среду и зачастую были уделом наиболее инкорпорировавшихся в имперское пространство индивидов. Их число по сравнению с предшествующим временем, безусловно, возросло. Сказывалось прекращение вооружённого противостояния в крае, которое сопровождалось неминуемыми эксцессами и взаимной неприязнью. Теперь всё чаще горцы должны были находить способы выстраивания взаимовыгодного партнёрства, а российская власть, в свою очередь, приветствовала такие начинания. Ради этого она готова была жертвовать экономической целесообразностью. Главным было – сформировать из местных народов соотечественников, которые видели бы в Большой России свою Родину. Но на пути к этой цели стояли серьёзные препятствия, что и доказала целая череда волнений.

Источники и литература

1. Батчаев Ш.М. Карачаевцы в войнах России (Вторая половина XIX века – начало XX века). М.: РепроЦентр М, 2005. 240 с.
2. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918 – 1945 годы. М.: Вече, 2007. 512 с.
3. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература, 2002. 368 с.
4. Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 208 с.
5. Всеподданнейший отчёт главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863 – 1869 гг. СПб.: Военная типография, 1870. 120 с.
6. Гатагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1917. М.: Новый хронограф, 2016. 448 с.
7. Дагестанский сборник. Вып. I. / сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура: б.и., 1902. 680 с.
8. Избранные документы Кавказского комитета. Политика России на Северном Кавказе в 1860-70-е годы (Публикация Н.Ю. Силаева) // Сборник Русского исторического общества. Том 2 (150) / под ред. Рапова О.М. М.: РИО, «Русская панорама», 2000. С. 172-214.
9. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2006. 407 с.
10. Каменский А. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 115-139.
11. Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки) / под ред. В.Б. Виноградова. Пятигорск: РИА-КМВ, 2006. 211 с.
12. Кобахидзе Е. И. Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. 258 с.
13. Кузьминов П. А. Аграрные преобразования у народов Центрального Кавказа в 50-60-е годы XIX века // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность. Материалы научно-практической конференции 11 августа 2005 г. Нальчик, 2005. С.44-71.
14. Кундухов М. Мемуары. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. 92 с.
15. Мальсагов Ах.У. Ингуши. Краткая история, их участие в войнах России. Пятигорск: РИА КМВ, 2005. 342 с.
16. Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Т.I. Отд.VIII. С. 37-47.
17. Прасолов Д. Н. Пастбищное и лесное общинное землепользование в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность. Материалы научно-практической конференции 11 августа 2005 г. Нальчик, 2005. С. 80-91.
18. С…..в Е. Крепостные в Кабарде и их освобождение // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868.Т.I.Отд. VIII. С. 15-36.
19. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
20. Хоруев Ю.В. Абреки на Кавказе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 524 с.
21. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.Ф.12. Оп.5. Д.184.

References

1. Batchaev Sh. M. Karachaevcy v vojnah Rossii (Vtoraja polovina XIX veka – nachalo XX veka) (Karachaevs in wars of Russia (the second half of the XIX century – the beginning of the XX century). Moscow: ReproCentr M, 2005. 240 p. (In Russian).
2. Bezugol'nyj A. Ju. Narody Kavkaza i Krasnaja Armija. 1918 – 1945 gody (The peoples of the Caucasus and the Red Army. 1918-1945). Moscow: Veche, 2007. 512 p. (In Russian).
3. Bobrovnikov V.O. Musul'mane Severnogo Kavkaza: obychaj, pravo, nasilie: ocherki po istorii i jetnografii prava Nagornogo Dagestana (Muslims of the North Caucasus: tradition, law, violence: essays on history and ethnography of law of the Upland Daghestan). Moscow: Vostochnaja literatura, 2002. 368 p. (In Russian).
4. Botjakov Ju. M. Abreki na Kavkaze: Sociokul'turnyj aspect javlenija (Abraks in the Caucasus: socio-cultural aspect of the phenomenon). St.Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 208 p. (In Russian).
5. Vsepoddannejshij otchjot glavnokomandujushhego Kavkazskoju Armieju po voenno-narodnomu upravleniju za 1863 – 1869 gg. (The report of the Commander-in-Chief of the Caucasian army on the military and national management in 1863-1869). St.Petersburg, 1870. 120 p. (In Russian).
6. Gatagova L.S. Severnyj Kavkaz v jepohu pozdnej imperii: priroda nasilija. 1860-1917 (The Northern Caucasus in the epoch of the late Empire: nature of violance). Moscow: Novyj hronograf, 2016. 448 p. (In Russian).
7. Dagestanskij sbornik (The Daghestan collection of works). Issue. I. / compiler E.I. Kozubskij. Temir-Han-Shura, 1902. 680 p. (In Russian).
8. Izbrannye dokumenty Kavkazskogo komiteta. Politika Rossii na Severnom Kavkaze v 1860-70-e gody (The collected documents of the Caucasian society. The Russian politics in the Northern Caucasus in 1860-70) // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva. Vol 2 (150) / ed by Rapov O.M. Moscow: RIO, Russkaja panorama, 2000. P.172 – 214. (In Russian).
9. Kazakov A.V. Adygi (cherkesy) na rossijskoj voennoj sluzhbe. Voevody i oficery. Seredina XVI – nachalo XX v. (Adygi (Circassian) in the service in the Russian army. Voevodes and officers) Biograficheskij spravochnik. Nal'chik: Jel'-Fa, 2006. 407 p. (In Russian).

10. Kamenskij A. Jelity Rossijskoj imperii i mehanizmy administrativnogo upravlenija (Elites of the Russian Empire and mechanisms of the administrative management) // Rossijskaja imperija v sravnitel'noj perspektive. Sbornik statej / ed by A.I. Miller. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004. P.115 – 139. (In Russian).
11. Klychnikov Ju. Ju., Linec S. I. Severokavkazskij uzel: osobennosti konfliktnogo potenciala. (Istoricheskie ocherki) (The North Caucasian knot: peculiarities of the conflict potential). (Historical essays) / ed by V.B. Vinogradov. Pjatigorsk: RIA-KMV, 2006. 211 p. (In Russian).
12. Kobahidze E. I. Central'nyj Kavkaz v ob#edinitel'noj politike Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. (The Central Caucasus in the uniting politics of Russian Empire of the second half of the XIX – the beginning of the XX c.). Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN publ., 2016. 258 p. (In Russian).
13. Kuz'minov P. A. Agrarnye preobrazovanija u narodov Central'nogo Kavkaza v 50-60-e gody XIX veka (Agrarian reorganizations the Central Caucasus peoples had in 50-60 of the XIX century) // Zemel'nye otnoshenija v Kabarde i Balkarii: istorija i sovremennost'. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii 11 avgusta 2005 g. Nal'chik: Elfa, 2005. P.44-71. (In Russian).
14. Kunduhov M. Memuary. (Memories) Vladikavkaz: m. V. Gassiev publ., 2013. 92 p. (In Russian).
15. Mal'sagov Ah. U. Ingushi. Kratkaja istorija, ih uchastie v vojnah Rossii (Ingush. The short history, their participation in the wars of Russia). Pjatigorsk: RIA KMV publ., 2005. 342 s. (In Russian).
16. Osvobozhdenie zavisimyh soslovij vo vseh gorskih okrugahTerskoj oblasti (The liberation of the dependent estates in all mountain districts of the Terek region) // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Vol. I. Issue. VIII. Tiflis, 1868. P.37 – 47. (In Russian).
17. Prasolov D. N. Pastbishhnoe i lesnoe obshhinnoe zemlepol'zovanie v Kabarde vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (The pasture and timber commune land use in Kabarda in the second half of the XIX- in the beginning of the XX century) // Zemel'nye otnoshenija v Kabarde i Balkarii: istorija i sovremennost'. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii 11 avgusta 2005 g. Nal'chik, 2005. P.80 – 91. (In Russian).
18. S…..v E. Krepostnye v Kabarde i ih osvobozhdenie (Serfdoms in Kabarda and their liberation) // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Vol.I. Issue. VIII. Tiflis, 1868. P.15 – 36. (In Russian).
19. Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii (The Northern Caucasus as a part of the Russian Empire). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 p. (In Russian).
20. Horuev Ju.V. Abreki na Kavkaze (Abraks in the Caucasus). Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2010. 524 p. (In Russian).
21. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaja Osetija-Alanija (The Central State Archives of the North Ossetia-Alania Republic). F.12. Inv.5. D.184. (In Russian).

Сведения об авторе

Гурова Евгения Александровна – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, Центр археологических исследований (Армавир) / gurova.evgenija@mail.ru

Information about the author

Gurova Evgenia Alexandrovna – Postgraduate student, Chair of World and Russian History, Armavir State Pedagogical University, Head of the Archaeological Studies Centre (Armavir) / gurova.evgenija@mail.ru

УДК 94 (47).083
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.6

Д.И. Джумаев

СТРУКТУРА СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ И ТУХУМА У РУТУЛЬЦЕВ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматриваются особенности организации сельского общества у рутульцев второй половины XVIII – начала XX в. Актуальность поставленной проблемы состоит и в том, что за последние годы в истории народов Южного Дагестана накопился фактический богатый материал, имеется достаточная база исторических работ, что позволяет приступить к детальному изучению и осмыслению исторического прошлого рутулов в XVII – первой половине XIX в.

В этой связи исследование исторического прошлого рутулов – одного из коренных и малочисленных народов Дагестана, в XVII – первой половине XIX в., является значимой неотъемлемой частью исследования истории народов Дагестана в один из характеризующих периодов их общественно-политического становления. Анализ адатов народов Южного Дагестана дает много ценной информации для характеристики дагестанского джамаата, который включал в себя всех жителей одного населенного пункта, и тухумов, на которые делился этот джамаат. Обычное право рутульцев, как и всех народов Кавказа, привлекало внимание многих дореволюционных русских ученых. Использованы для написания статьи полевые материалы автора. Данное исследование рассматривается, как изучение структуры сельской общины и тухума рутульцев в означенных хронологических рамках (XVII – первая половина XX вв.).

Специальных исследований, которые целенаправленно акцентировали бы внимание на особенностях сельской общины рутульцев; на многогранных внешних взаимосвязях союзов сельских общин и беков в дагестановедении практически нет. При написании работы автор использовал большой, полевой материал по устройству и административному управлению, который был собран в Рутульском районе и некоторые материалы Центрального государственного архива Республики Дагестан.

Феодальные отношения у рутульцев, и у остальных народов Южного Дагестана своеобразно протекали по сравнению с другими краями и регионами. Своеобразие, заключалось в том, что феодальное сословие здесь не могло не считаться с такой внушительной силой, как сплоченные союзы сельских общин. Рутульская община функционировала на демократических, «народовластных» началах в ходе экономического и социального развития общества подвергалась изменениям, которые были связанны с процессом углублением управленческой верхушки и феодализации и имущественного расслоения узденства и бекства. В статье ставиться цель – проследить земельно-правовые отношения и изменения, произошедшие в социальных отношениях и системе самоуправления рутульцев.

Структура горского общества у рутульцев, как и у остальных народов Дагестана, определялась особенностями развития хозяйства, а также уровнем социального развития. В статье анализируются формы близкородственных объединений народов Северного Кавказа, специфика сельской общины и «вольных» обществ рутульцев. Показана определявшаяся адатами общественная структура сельской общины и внутритухумная система.

Ключевые слова: Восточный Кавказ, Дагестан, патронимия, тухум, джамаат, рутулы, сельское общество.

Denis Dzhumaev

THE STRUCTURE OF THE RURAL COMMUNITY AND TUKHUM AMONG THE RUTULIANS: THE EVOLUTION OF THE SOCIAL SYSTEM IN THE SECOND HALF OF THE 18TH - EARLY 20TH CENTURIES

The article examines the peculiarities of the organization of rural society among Rutulians of the second half of the XVIII – the beginning of the twentieth century. The relevance of the problem posed is also that in recent years in the history of the peoples of South Dagestan actual rich material has accumulated, there is a sufficient base of historical work, which allows us to begin a detailed study and understanding of the historical past of rutuls in the XVII – the first half of the XIX century.

In this regard, the study of the historical past of rutuls – one of the indigenous and small peoples of Dagestan, in the XVII – first half of the XIX century, is a significant integral part of the study of the history of the peoples of Dagestan in one of the characterizing periods of their socio-political formation. The analysis of the adates of the peoples of South Dagestan gives a lot of valuable information for the characterization of the Dagestan jamaat, which included all the inhabitants of the same settlement, and the tukhums into which this jamaat was divided. The customary law of the Rutulians, like all the peoples of the Caucasus, attracted the attention of many pre-revolutionary Russian scientists. Field materials of the author were used to write the article. This study is considered to give how to study the structure of the rural community and the tuhum of the Rutulians in the indicated chronological framework (XVII – the first half of the XIX centuries). The conceptual approach is new to the analysis of the structure of the rural community in Southern Dagestan. In the study, mutually conditioning processes, which are given on the example of a small people - Rutul, are of particular value. This study examines the problem of self-government of the Ruturls in a political science vein. It is local self-government that gives an outlet to the desire of territorial communities for their independent and free development.

All of the above and many other features of the relationship «feudal-union-community» indicate, first of all, that feudal relations, their development among the Rutulians, and among the rest of the peoples of Southern Dagestan, proceeded in a peculiar way in comparison with other territories and regions. The originality was that the feudal estate here could not but reckon with such an impressive force as the close-knit unions of rural communities. The Rutul community functioned on a democratic, «people's power» basis in the course of the economic and social development of society, it underwent changes that were associated with the process of deepening the management elite and feudalization and property stratification of uzdenie and bekism.

The structure of mountain society among the Rutulites, like the rest of the peoples of Dagestan, was determined by the peculiarities of the development of the economy, as well as the level of social development. The article analyzes the forms of closely related associations of the peoples of the North Caucasus, the specifics of the rural community and the «free» societies of the Rutulians. The social structure of the rural community and the internal spiritual system determined by adats are shown.

Key words: East Caucasus, Dagestan, patronymy, tuhum, jamaat, ruthuls, rural society.

В общественной жизни рутульцев особое значение имели родственные отношения. Для обозначения широкого круга родственников рутульцы использовали термин «тухум», имевший широкое распространение и у других народов Дагестана, а также названия «тум», «сихил», «къабил», «халадан». Все эти термины обозначают, в сущности, такое известное в этнографической науке явление как «патронимия». Этот термин ввел в научный оборот М.О. Косвен, который определяет патронимию как родственную группу, состоящую из некоторого числа больших или малых семей, образовавшихся в результате сегментации одной большой семьи. «Каждая из этих разделявшихся семей представляет самостоятельную единицу, вместе с тем вся эта группа семей сохраняет в ряде отношений хозяйственное, общественное и идеологическое единство» [15, с.23].

Формально главой патронимии считали самого старшего мужчину в тухуме «къыхды хыди» (старший родственник»), который пользовался большим уважением. М.М. Ковалевский писал: «В рутульском и цахурском обществе глава тухума есть лицо, которому каждый из членов обязан сообщить обо всем случившемся и к которому он должен обращаться за советом, даже в делах семейных». И далее: «Их первенствующее значение сказалось с особою силою на тех родовых сходах, на которых разбирались случаи столкновения между отдельными дворами» [13, с.123]. Старшего мужчину в тухуме называли «кьхды дид» («старый отец») [17, с.47]. По сведениям советского кавказоведа Л.И. Лаврова, «кьхды дид» играл важную роль во всех внутрисемейных делах, к нему обращались за советом, он выносил вердикт при возникающих между родственниками спорах. Главы отдельных семей в тухуме могли собираться на совет, который возглавлял «кьхды дид», где обсуждали проблемы раздела семейного имущества, заключения браков.

Одновременно с заседанием совета мужчин могло собраться женское собрание тухума, но происходило оно отдельно от мужского собрания. Женское собрание не имело права выносить собственные решения, поэтому женщины ожидали решения мужского совета. Сами они не могли входить в помещение, где заседали мужчины, поэтому они посылали туда под каким-нибудь предлогом мальчиков и через них узнавали о том, что творится на заседании. Стоит остановиться подробнее на терминах родства, поскольку они отражали особенности общественной организации. Для обозначения родственников близкого круга родства употреблялся термин «хыдиймар», «хыди», им обозначали внуков, племянников. Хыдылами являлись дети сыновей и их дети, а также дети дочерей – это была первая линия родства в тухуме. Хыдыймар второго порядка, или второй линии родства, были племянники дети брата и сестры, двоюродные братья, двоюродные сестры. Таким образом, наиболее близкое родство в тухуме обозначалось следующей родственной линией: отец – «дид», мать – «нин», брат – «шугу», сестры – «ришиймар», «хыдле», «хыдылар»-внуки, правнуки, двоюродные, троюродные братья с их детьми т. е. к категории «хыдылар» относятся родственники до четвертого колена включительно. Родственники до пятого колена «дидсур» («касаемые»), т. е. все, что происходит в доме каждого, входящего в этот круг родства, касается в нем всех и каждого [10, с. 28]. К примеру, если один мужчина из принадлежащих к этому кругу умирал, то имущество соответственно от степени родства переходило к одному из них, сирот умершего также воспитывал он. Таким образом, адаты закрепляли наследственные права агнатов.

Отсчет родства производится по мужской линии, жены сыновей и внуков в круг кровных родственников не входили. Члены «дидсур» считались близкой родней. Замужние дочери также согласно полевой информации, в «дидсур» не входили, но членами тухума являлись [22]. Для обозначения близких людей, включая и женскую родню, существовал термин «къудар». Родственников шестого колена родства называли просто «хыдиймар», т.е. родственники, которые тоже участвовали во всех мероприятиях, касающихся родных пяти первых ступеней родства, но не имели права решающего голоса. Седьмое колено родства называлось термином «бехдебыр» – близкие; их не приглашали на мелкие семейные торжества, но они обязательно участвовали в свадьбах, похоронах [16, с.123].

Самая последняя категория родства – это восьмой круг родственников. Его представителей называли «илы хъуум тыд» – имеющие запах родства, дальние родственники. А вообще для всех родственников дальше пятого колена родства существовало общее наименование – «арха». Все эти родственники разной степени родства составляли тухум, который, в свою очередь, состоял из нескольких семей.

Жители сел до сих помнят подробные истории возникновения тухумов. Разрастаясь, тухумы начинали делиться. Можно привести примеры сегментации тухумов по сведениям информаторов. Так, Исламова С. сообщает о тухуме Вердиев из с. Катрух: «Основал это тухум Верди в середине XIX в, который имел 4 сыновей – Ибрагим, Халил, Беслан, Ахмед. Позднее каждый из них стал основателем конкретного рода» [19]. Информатор Гаджирагимов Б. также подтвердил, что «каждый из сыновей Верди них стал основателем конкретного тухума. Тухум Ибрагима называется и сейчас Ибрамьир, тухум Халила называется «Висныд» – «Житель у родника», основатель третьего рода Беслан получил позднее прозвище кърlарай-Беслан «человек, который носить одежду из шкур», и род стали называть КЪрариер. Прозвище получил четвертый сын Ахмед за то, что много кушал; его назвали «Джемишды» «буйвол», а «род» – «Джемишербыр» – «буйволы» [20].

Таким образом, первоначально все четверо основателей, приведенных здесь тухумов являлись сыновьями одного отца. Любопытно, хотя основателями первых двух из четырех были братья Гаджи-Ибрам и Вали, тухумы стали называться не их именами, а именами их сыновей, которые дали большое число потомков мужского пола. «Сыновья основателей этих 4-х тухумов: Ибрам-Гаджи, Гаджи-Магьди, Нарчав, Семед, Малла-Курбан, Гьемзет были «хыдыларами» как между собой, так и для основателя тухума Вердиев, а их дети – Гаджи, Серкер, Бадир, Халик, Гюлали, Рамазан, Малла-Курбан, Гарун, Семед, Гьемзет, Закари, Магомед-Эмин, Тажидин для основателя тухума являлись «хыдылашды хЫдылар» – внуками внуков, а между собой опять-таки считались «Хыдылар». Дети Хыдылов второй линии, или второго порядка – Мажит, Шамиль, Хазарчи, Шуай, Джамидин, Нарчав, Насруллах, Магомед «тэликъды хадиймаров» (пятое колено)» переходили уже «Хыдиймар» в (шестое колено) [20]. С шестого колена «Хыдиймар» тухума уже обособляются и происходит процесс, котором писал М.О. Косвен: «Отдельные семьи, входившие в патронимию, в свою очередь, размножались, разрастались, сегментировались или делились и в результате давали начало патронимии» [15, с.134].

В другом рутульском селении Лучек «тухум Габашер, к примеру, состоял из тухумов Махсудар, Джамалар, Джумаер, Шихиер, Рашидар, Эминар; тухум Чимукlар – из Агьалаяр, КъуlбанарДжумаер, Дашдемирар, Аллагьвердияр; тухум Къарахъыер – из Мамедар, Шахбанар, Месуер» [21]. Таким образом, можно сказать, что тухум у рутульцев, это патриархальная эндогамная группа людей, ведущих происхождение от одного общего предка.

Тесно связанные родственными узами, в первую очередь, внутри рода, а затем внутри тухума, люди считали себя единой общностью как с экономической, так и с идеологической точек зрения. Эта общность особенно проявлялась в расселении дочерних семей вокруг дома основателя тухума – «Отчего дома», которое наложило соответствующий отпечаток на планировку поселений. Поэтому в поселениях до второй половины XIX в. наблюдалась теснота, вызванная скученностью. Хотя, по мнению некоторых исследователей, еще задолго до исследуемого времени был изжит «принцип родового расселения с присущей ему формой моногенного поселения» стремление быть ближе к «отчему дому» сохранялось [18, с.23]. Как писал М.М. Ихилов, «если для размещения всех патронимических семей не хватало места на «родовом участке, то для некоторых из них приобретали участок по соседству» [12, с.168].

Дома семей, входящих в патронимию, соединялись друг с другом либо этажом, либо смежными стенами. Как и у некоторых других народов Кавказа, жилища близких родственников внутри патронимии нередко имели между собой сообщение по внутренним ходам на нижних этажах домов или через оконные отверстия в смежных стенах.

В этом плане примечательны старые кварталы с. Хнов, которые производили сильное впечатление на кавказоведов и этнографов своей планировкой. В некоторых селениях (Хнов, Ихрек, Мюхрек и др.) родственные кварталы сохранялись еще до середины XIX в., но с развитием индивидуального хозяйства, что приводило к ослаблению родственных связей, а также с потерей оборонительного значения, определенная обособленность патронимических кварталов нарушается. В исследуемое время у рутульцев не было ни одного поселения, которое бы состояло из чисто патронимических кварталов, а квартал – из одной патронимии [9, с.57]. Хотя квартал мог иметь патронимическое наименование по названию одной из проживавших там издавна патронимий, он был уже населен, как правило, представителями нескольких патронимий. Процесс формирования полигенных кварталов продолжался вплоть до конца XX в. Однако надо отметить, что и в XXI в. сохраняются в аулах традиция строительства домов рядом с близкими родственниками. Таким образом небольшие родственные кварталы возникают, когда односельчане строят дома в новом

месте. Эти особенности планировки поселений связаны с переселением с горных аулов на равнину, так как при переезде учитывается такой фактор, как проживание в этой местности односельчан, и особенно родственников.

Например, «четыре территориальных квартала с. Шиназ состояли из 23 тухумов, куда входило 76 тухумов. В с. Мюхрек прослеживается 3 тухума: Сефиер, которые составляли 21 семью и 4 рода: Дамырар, Минакоер, Алибегер, Гадакъар; Минтарар – 22 семьи, входящие в 2 тухума: Бакаер, Хамзаер; Харышабыр – 21 семью в составе 3 рода: Тагьер, Балимиер, Исмиер. В каждом квартале Рутула жило несколько тумов. Так, в квартале Хъурасур жили: Сейдар – 30 семей, Шавурвр – 20 семей, Митлайер – 15 (переселились из Борча), Амьер – 10 в квартале Ады маьгьле жили тухумы: Амычар – 70 семей, Гыгытар – 50 семей, Чильфу – 30 семей, Гарнер – 60 семей. Селение Хнов состояло из 7 тумов и более чем 60 тухумов. Основоположниками некоторых тумов (тухумов) считались выходцы из других мест Дагестана или даже из других стран. Так, члены тухума Сурхаяр, считают, что ведут свое происхождение из Казикумуха, Пехливанар – из Ирана, Иманар, Ужальер – из Аравии» [8, с. 220].

Принадлежащие к одной патронимии рутульцы были связаны определенной общностью имущества. Общепатронимическую собственность в основном составляли молотильные доски, скотоводческие помещения на зимних и летних пастбищах, мельницы, меры сыпучих тел, большие котлы и др. Ими одинаково могли пользоваться все члены патронимии. Однако основное средство производства – земля – находилась, как правило, в семейной собственности. Если у некоторых народов Северного Кавказа земельный фонд наделялся по патронимиям, которые владели своими наделами коллективно, и эта земля время от времени перераспределялась» между ними, то у рутульцев пахотные и поливные покосные земли давно уже составляли частную собственность малой или изредка сохранявшейся большой семьи [3, с. 86].

В случаях отсутствия у одной семьи лошадей, ослов, а также орудий для земледелия (плуг, мотыга, соха, коса, топор и т. д.) практиковалось обращение к другим семьям (при этом отказывать было не принято) По сведениям информатора Магомедшерифовой Г.: «Если брали какой-нибудь орудие, то возвращали его с хлебом или овощами, конфетами, с пустыми руками отдавать было не желательно. Если брали лошадь на пару дней, тогда лошади забивали новые подковы. Также могли просить и крупный рогатый скот, (в основном в летний период), тогда в этом случае отдавали собственнику 8-10 кг масла и 10 кг сыра» [22].

У рутульцев индивидуальной собственностью женщин были прежде всего все подарки, которые она получила от жениха, они переходили в ее собственность еще до вступления в брак. Если же родственники или невеста отказывали жениху после сватовства, они обязаны были вернуть все подарки обратно в двойном количестве. Если от брака отказывался жених, то все подарки оставались невесте. В личную собственность жены также входило все, что дарили родственники жениха во время свадьбы. Это в основном был скот, а также могли быть фруктовые деревья (с. Хлют, Лакун, Лучек).

Собственностью женщина обзаводилась лишь выйдя замуж. Однако женщина не считалась полностью правоспособной даже в отношении своего имущества. Хотя все знали, что все это личная собственность жены, распоряжался всем этим имуществом муж. Так, в адатах рутульцев прописано: «Без согласия жены муж не имеет права распоряжаться имуществом, которое принадлежит жене, оно неприкосновенно». Если муж покушался на личную собственность жены, то ее правом было обратиться к родителям, а они уже обращались в суд [16, с.154].

На наследственную долю в собственности главы семьи женщина имела право претендовать по шариату. Шариат постепенно вытесняет право на наследство из обычного права, по которому женщина не включалась в число наследников, и имущество по смерти умершего доставалось лишь представителям мужского пола. Доля наследства мужчины приравнялась доле двух женщин. Также женщины могли получить право владеть земельной собственностью, если отец отдавал ее по назру («назер» означает «обет», обещание, данное Всевышнем»). Но при этом, если девушка выходила замуж за парня из другого аула, право собственности на землю она теряла [13, с. 204].

Что касается неполивных покосных угодий, зимних и летних пастбищ, то они продолжали оставаться собственностью союза. Каждая семья, входившая в патронимию, как правило, имела свой молочный и рабочий скот, но, если у семьи не было рабочего скота, она могла на время определенных хозяйственных работ одалживать его у родственников – членов своего тухума. Хозяйственная общность между членами патронимии выражалась, в основном, в отдельных актах взаимной помощи.

Взаимопомощь членов тухума особенно ярко проявлялась во время коллективных работ – «хIавуна», уборки урожая, в строительстве нового дома, при организации свадебных и других торжеств. При этом отношение родственников друг к другу зависело от материального положения семьи. Так, к более зажиточным родственникам приходило на помощь все семейство, а к бедным родственникам семьи ограничивались отправкой детей или женщин.

Когда один из родственников начинал строить новый дом, члены рода оказывали ему существенную помощь. Одной семье было труд-

но справиться со всеми работами – перевозкой камня, заготовкой древесины, закладкой фундамента, возведением стен и перекрытий. Каждый родственник должен был отработать определенные дни (при этом время и дни он определял он сам) на строительстве дома и один раз в неделю угостить всех, кто работал на этом строительстве. Все члены тухума, как уже говорилось, не только принимали участие в строительных работах, но и оказывали хозяину дома материальную поддержку. Причем, размер помощи зависел от степени родства. Особенно сложными работами были строительство фундамента и крыши. Мастера, которые этим занимались, получали подарки от всех родственников хозяина будущего дома. Было принято также односельчанам приносить сладости, крупы, масло, мясо. Естественно, что родственники приносили угощений больше, чем просто соседи, не являвшиеся членами патронимии [7, с.156].

Большую помощь члены патронимии оказывали родственникам и во время свадьбы, которая требовала больших затрат. Все члены патронимии во время свадьбы, кроме своего непринужденного и активного участия в организации торжества, приносили «хунча» в дом жениха и «тIабак» в дом родителей невесты. В состав «хунча» входила сушеная туша барана, «рат» (2 кг) топленого масла, 2 «ратIала» овечьего сыра и «рубэ» (12 кг) муки или крупы; «тIабак» состоял из отреза на платье, платка и «ратIала» пряжи» [23]. После свадьбы все члены тухума каждый день продолжали поочередно свадебные торжества, организуя «джарга» - угощение с крупными затратами и подарками, основной целью которого было показать невесте дорогу в дом членов патронимии. На «джарга» приглашали всех участников свадебного торжества [8, с.147].

«Большую поддержку члены патронимии от родственников получали и в случае каких-то несчастий. Так, если у члена тухума происходил падеж коровы или лошади, то все посещали его дом и выражали соболезнование словами: «бэдел гынчир кумагвыйсты» («да поможет бог») [22], а более состоятельные члены патронимии дарили теленка или жеребенка. Если же, к примеру, у кого-то из членов тухума по разным причинам погибал скот, то родственники делали так называемый «макъай»: каждая семья в тухуме отдавала пострадавшему по одной овце, в результате чего он делался владельцем 30-40 овец» [2, с.12 – 26]

Система распределения материальных благ между членами тухума постепенно изменялась с развитием экономики. Если в древности, когда почти весь получаемый продукт был жизнеобеспечивающим, каждая семья получала свою долю просто в силу принадлежности к тухуму, то позже, с ростом производства негласным правилом стала обязательная ответная помощь родственникам. О такой форме взаимопомощи с несколько изменившимся содержанием писал Закарияев З. Ш: «Коллективные формы труда внутри патронимии, ранее предполагавшие также и безвозмездную помощь несостоятельным родичам, следовательно, исключающие эквивалент во взаимоотношениях, приняли форму взаимопомощи, основанной на более или менее строго соблюдаемом паритете». [11, с. 68]

Таким образом, социальная общность членов патронимии сплачивала их более, нежели хозяйственная. Еще большим выражением этой общности было осознание идеологического единства патронимии у рутульцев, как и у других народов Кавказа. Относительно рутульцев писала Рагимова Б. Г: «Наиболее характерным моментом являлась здесь единая общефамильная генеалогия, воспоминание об общем родоначальнике группы, обычно ее основателе рода» [27, с. 48]. Каждый член патронимии у рутульцев из поколения в поколение передавал детям знание о своем тухуме, его структуре, подчеркивая моменты, касающиеся общего предка тухума и рода. Человек осознавал себя, а первую очередь, не как неповторимого индивида, а как члена рода. В старину, как правило, не спрашивали у незнакомого, чей он сын или кто он такой, а интересовались, из какого он тухума «Алаьалашикды йи?» (буквально: «из каких рода?»). Отвечали, к примеру, так: «Джумабыщйка», т. е. из тухума Джума [23].

Уже во второй половине XIX – начале XX в. джамаат у рутульцев не имел единого места захоронения, а каждый тухум имел свое кладбище, что было характерно и для некоторых других народов Кавказа. «В с. Мюхрек жители до сих пор указывают на кладбище целого ряда тухумов: Харицбыр, Минтарар, Дамырар, Молла-Рамазанар и др., где их потомков продолжали хоронить до недавнего времени. Даже в наши дни, когда у селений есть общие кладбища, каждый тухум имеет на них свое место погребения его членов. Однако у рутульцев встречалось и такое явление, как захоронение основателя рода или чем-то отличившегося члена патронимии внутри жилого дома, в углу». Его считали святым, называя «гьылды кас» («святой человек») [8, с.57].

Общественное единство патронимии выражалось также в том, что все ее члены защищали ее интересы, а сама патронимия брала под защиту каждого своего члена. Люди, затронувшие или оскорбившие честь всего тухума, либо кого-то из его членов, сурово наказывались, дело часто кончалось кровной местью, длившейся иногда до тех пор, пока не оставалось членов рода, кому можно было бы мстить. В основном такие серьезные конфликты происходили между разными тухумами, а внутритухумные проблемы в основном решались мирно.

По рассказам старожилов кровная вражда была нередко еще в начале XX в. Как свидетельствует полевой материал, в с. Мюхрек враждовали тухумы ХарыцIабыр и Дамырар. В 1915 г. в с. Джилихур в результате раздоров между тухумами Хабыер и Кузиер был убит 21 человек [24]. Однако вмешательство властей иногда предотвращало развитие конфликта и позволяло избежать многочисленных убийств на почве кровной мести. Так, в с. Ихреке рассказывают о случае, который произошел в период Октябрьской революции: «однажды работавший каменщиком немолодой уже человек по имени Вали похитил девушку по имени Расиат, которая имела пятерых братьев, и заперся с ней в своем доме, боясь их мести. Поскольку братьям не удавалось проникнуть в дом, они стали разбирать его перекрытие, чтобы пристрелить похитителя. Юзбаши – глава этого села, попытавшийся отобрать пистолет у одного из братьев, погиб здесь при случайном выстреле из этого пистолета. За это все пятеро братьев были заключены в тюрьму и умерли там. Сестра же, уйдя от похитителя, вышла замуж в Рутуле и, как рассказывают, ни разу после этой трагедии и до конца своей жизни не спала в нормальной постели, а в знак траура по братьям укладывалась на ночь на куче тряпья в углу помещения» [22]. Вмешательство властей, хотя и повлекло здесь гибель юзбаши и позже пятерых братьев, но предотвратило трагедию еще большего масштаба, которая могла привести к длительной кровной мести. Вообще же дела, связанные с похищениями девушек, тухумы старались уладить полюбовно, не доводя дело до кровопролития.

Джамаат у рутулов, как и у народов всей остальной части Дагестана, был политической единицей, имевший свои органы управления и территорию. Рутульский джамаат состоял из тухумов, которые состояли из малой индивидуальной семьи, что составляло особую низовую ячейку структуры общины. Рутулы использовали для обозначения тухума различные термины: в Рутуле тухум называют словом «халалан», в Мюхрек употребляют широко в термин «тухум», в Шиназе род называли «къабиль». В маленьких аулах Рутульского союза тухумы компактно занимали в ауле отдельный квартал, о чем сообщает совпадение в названиях кварталов. «Так, в ауле Джилихур располагалось пять кварталов, названия которых соответствовали проживающим в них пяти тухумам: Кинук. Вачалар, Кевер, Даилер, Вабдиер. Кроме этих был тухум, члены которого жили разбросано по всем кварталам – Фабалиер. Тухум Кинук пришел в Джилихур из соседнего аула Ихрек.» [1, с.465]. «В селении Киче совпадало число кварталов и тухумов. Там жили 3 тухума в 3 кварталах: Риталан – 22 семей, Цифнер – 9 семей, Дамырар – 12 семей. По воспоминаниям старожилов они пришли из крупного селения, которое местные называли даже городом Харьыц. Аул был уничтожен и разорен ханом Магомедом Казикумухским в конце XVII в, и после этого часть жителей бежала и осела в соседних аулах и основала селение Мюхрек. «А в селение Ихрек также проживали 4 тухума в четырех кварталах; Ахмады – 20 семей, Челевар – 90 семей, Къярсанар – 70 семей и Карачир – 80 семей» [22].

Совершенно иной была ситуация в самом большом ауле – Рутуле, которые был разделен на 4 квартала, и в нем располагались 19 тухумов. «В каждой части квартала проживало по несколько тухумов. Так, в северной части жили: Кайидер – 30 семей, Завурыер – 20 семей, Гальбрар – семей, которых переселились из Борча. В восточном квартале жили ДакIыер, Сюдолнер, Амырар, Сейбулаз, Циндиьфуер, Дарманнер: итого – 7 тухухом. В западной части аула – Меетер, Дъадимер, Тетинер, – всего 4 тухума». И в южном квартале, также проживали четыре тухума Вакьеер, причем этот тухум был самым крупным в Рутуле» [8, с.67].

Причем каждый тухум, в свою очередь разделялся на более мелкие части, которое именовалось «нихил». Тухум в основном назвали в честь предка. Возникновение названий тухума могло быть также связано с особенностями деятельности и занятий лиц, входивших в него, со склонностями жителей к определенному ремеслу (например: тухум Карацырь (каменщики), с местностью проживания. Сама структура тухума полностью выстраивалась на подчинении всех его членов одному главному лицу. В ауле Рутул главного старейшину называли «кьшды», который даже в современное время пользуется большим авторитетом, при обращении к нему его называют уважительно «баба дид» [4, с.67]. М. М. Ковалевский писал: «Звание это достигается путем свободного выбора, но часто бывает и наследственным; вообще же в главы тухума выбирается лицо, славящееся энергией, добропорядочностью, красноречием, хлебосольством» [13, с.164]. Специальных прав у главы тухума не было. Глава тухума был тем человеком, к которому все члены обращались за советом, который, впрочем, не носил обязательный характер, но которому все члены семьи сообщали обо всем случившемся. Его приказы имели более этическое значение, чем правовое. Но если результатом уклонения от его совета был причинен вред для всего тухума, старейшина мог наказать любого виновного побоями или даже бранью. Александров В. А. писал «По внутреннему устройству тухум более всего напоминал республику, главой которой являлся старейшина» [6, с. 34].

Хашаев Х. М. отмечал, что тухум – это союз родственников со стороны отца, а родственники по материнской линии в него не входили. Все родственники по отцовской линии являлись одинаковыми члены тухума [29, с.88].

Для решения важных дел, которые касались тухума, собирался сход. На сходе поднимались проблемы защиты и охраны его членов, вопросы, связанные с кровной местью. Решались также вопросы присоединения новых членов по просьбе того или иного человека, или же в случае уменьшения какого-либо тухума вследствие различных обстоятельств: болезней, войны, кровной мести), а также вопросы выдворения из тухума тех лиц, которые позорили остальных членов тухума. На сходе обсуждались дела, связанные с браками или подготовкой к свадьбе членов этого тухума, принимались решения о заключении союзов и установлении дружественных отношений с другими тухумами. В экономическом плане тухум занимался распределением земельных угодий между своими членами и разделением между семьями видов сельскохозяйственных занятий. Несколько родов занимались уборкой хлеба, жатвой и осенней сборкой картофеля, льна, кукурузы, другие занимались перегоном крупного и мелко рогатого скота или заготовкой сена и древесины на зиму.

Все споры, которые происходили в одном тухуме между семьями, благодаря вмешательству родственников, заканчивались мирно. А если ссора происходила между разными тухумами, все члены тухума, даже старики, женщины и дети, включались во вражду [1, с.567]. По преданиям старожил селения Аран о вражде между тухумами «Хаялал» и «Цундик» говориться, что в праздник первой борозды «Цундик» умышленно пустили несколько собак в место, где собрались обедать представители «Хаялал». Посчитав эти действия направленными для того, чтобы оскорбить и унизить представителей другого тухума, члены «Хаялал» этого не вынесли, убив всех присутствующих из тухума «Цундик» [26]. В итоге противостояния двух тухумов вражда полностью истребила оба рода.

М. М. Ковалевский «писал, что выходить из тухума добровольно не принято было у всех народов Южного Дагестана, кроме цахуров под опасением вражды между тухумами» [13, с.65]. Исследователь также отмечал, что «в основном человека, который хотел покинуть тухум, уговаривает старейшина, но если он стоит на своем, то прибегают к угрозам и бывали случаи убийств» [13, с.68] Как гласит «рутульская пословица «Аде йшьды, аде йкъхсты» – «В каком роде родился, там и умрешь» [25].

Сельское общество –«джамаат» – всегда оставалось на стороне тухума, к которому принадлежал недовольный, и жители села уговаривали его не *покидать свой тухум. Если род старался задерживать членов, которые хотят покинуть тухум, то другой род заявлял готовность полностью принять в свой род каждого желающего из любого тухума, так как любой тухум хотел увеличить число своих членов, и кроме того, такой отказ считался позорным делом [28, с.58]. Переход из одного тухума в другой оправдывался только в том случае, если в тухуме оставалось несколько семей или несколько лиц в пределах одного и того же селения, которые желали примкнуть к более крупному роду. Однако у рутульцев и ахтынцев были требования к этому случаю – присоединиться малый род мог только, если в другом тухуме было около 40 семей.

Развитие экономики приводило к разделению больших родственных семей тухумов и созданию малых семей – «хыдылар», которые проживали недалеко от большой семьи, либо уходили и переселялись в другие места, образуя новые населенные пункты или кварталы. Например, выходцы из аула Рутул в XVIII в. образовали селения Киче и Куфа. Уже XIX в. возникают и новые кварталы в Рутуле, например, «Курах-дыдый», который стал крупным кварталом сейчас [8, с. 46].

В конце XIX – начале XX вв. тухум лишь сохраняет лишь некоторые формы организации родового патриархального строя. Основным социально-экономическим звеном джамаата становится малая индивидуальная семья. «В состав тухума входят индивидуальные семьи, у которых имелось в частной собственности земля, скот, имущество и они по-разному занимали разное экономическое и политическое положение в сельской общине. Верховным собственником общинных земель являлось сельская община, состоявшая из тухумов, вышедших из разных мест, что не являлось характерным для родовой общины» [10, с. 76].

Теперь члены тухума разделяются на малые семья и их связывает с тухумом только сельская община. Главным образом, малые семьи в общественном и экономическом аспекте делят совместные владении, бывшие в общинной собственности: покосные луга, горные пастбища и лесные рощи. Один из адатов Самурского округа гласит: «Если несколько человек, не связанные родственными узами, владеет одним карманом, то никто из совладельцев не может отделить своей части для возведения на ней постройки, а только пользуется этим карманом для молотьбы хлеба» [2, с.123 – 116].

Единство патронимии наиболее полно проявлялось в плане социальном – во взаимной выручке, взаимопомощи. Необходимость этих обычаев диктовалась нелегкими условиями существования хозяйств, необходимостью самозащиты от посягательств других тухумов, а также наличием пережитков родовых отношений.

Таким образом, в конце XIX – середине XX в. тухумные отношения и особенно взаимоотношения более узкого круга родственников (до 3-4 колена) внутри тухума играли еще значительную роль в быту и общественной жизни рутульцев. В настоящее время с развитием современной

рыночной экономики и социальных последствий процесса глобализации тесные связи между членами тухума начинают разрушаться.

Каждый родственник должен был отработать определенные дни (при этом время и дни он определял он сам) на строительстве дома и один раз в неделю угостить всех, кто работал на этом строительстве. Каждый родственник должен был отработать определенные дни (при этом время и дни он определял он сам) на строительстве дома и один раз в неделю угостить всех, кто работал на этом строительстве.

Источники и литература

1. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа / под ред. И. Я. Сандрыгайло. Тифлис: Тип. Главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1899. 622 с: URL: https://avidreaders.ru/book/adaty-dagestanskoy-oblasti-i-zakatalskogo-okruga.html (Дата обращения: 05.06.2020)
2. Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис: Изд. кавк. горек, упр. 1875. С. 1 – 72. URL: https://lab-adat.ru/?p=90 (Дата обращения: 07.06.2020)
3. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.: Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса. М.: Наука, 1988. 237 с.
4. Агларов М.А. Территория сельских обществ и их союзов горного Дагестана в XV – XIX вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX вв. Махачкала, 1981. С. 83 – 99.
5. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Неравенство тухумов как показатель разложения сельской общины Нагорного Дагестана (XVIII – XIX вв.) 1984. 244 с.
6. Александров В.А. Сельская община в России (XVII – нач. XIX в.). М.: Наука, 1976. 323 с.
7. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX вв. Махачкала, 1999. 339 с.
8. Булатова А.Г. Рутульцы (XIX – начало XX в). Историко-этнографическое исследование. М.: б.и., 2003. 276 с.
9. Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана. Проблемы, история изучения, перспективы / Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX вв. Махачкала, 1981. С. 13 – 25.
10. Джалилова Х.М. Рутулы: социально-экономическое и политическое развитие в XVII – первая пол. XIX вв.: автореф. дисс. … канд.ист. наук. Махачкала, 2000. 26 с.
11. Закарияев З.Ш. Социально-политическое развитие союзов сельских общин Самурской долины в XV – XVIII вв.: дис. … канд. ист. наук. Махачкала, 2000. 170 с.
12. Ихилов М.М. Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахуров, агулов. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1967. 369 с.
13. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М.: Тип. Мамонтова, 1890. Т.I. – 2.
14. Краббе К.К. Замечания о Докузпаре, Ахтах и Рутуле до 1835г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. литературы; 1958. С.335 – 336.
15. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа М.: Изд-во вост. лит., 1961. 32 с.
16. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П. А. Зеленого, 1882. Вып. 1. – 2.
17. Лавров Л.И. Рутульцы в прошлом и настоящем // Кавказский этнографический сборник, вып.3. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 115 с.
18. Магомедов Р.М. Адаты дагестанских горцев как исторический источник, М.: Изд-во. вост. литературы, 1960. 11 с.
19. ПМА 2019/1 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Исламова Севда 1957 г.р. с. Верхний Катрух).
20. ПМА 2019/1 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Гаджирагимов Беслан 1965 г.р. с. Верхний Катрух).
21. ПМА 2019/2 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Гасилов Рустам 1955 г.р. с. Лучек).
22. ПМА 2019/3 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Магомедшерифова Гюльчичек 1949 г.р. с. Ихрек).
23. ПМА 2019/3 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Гасанова Истарай 1976 г.р. с. Ихрек).
24. ПМА 2019/4 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Магомедова Наифат 1967 г.р. с. с.Мюхрек)
25. ПМА 2019/5 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Саламова Тамила 1977 г.р. с. с.Аран)
26. ПМА 2019/3 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Надирова Гюльмира 1975г.р. с. Ихрек)
27. Рагимова Б. Г. Сельская община у самурских лезгин в конце XVIII—XIX в.: автореф. дис. канд. … ист. наук. Л., 1987. 20 с.
28. Хашаев Х.М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке: Материалы к сессии. Махачкала, 1954. 97 с. (на правах рукописи).
29. Хашаев Х.М. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. // Ученые записки институте истории, языка и литературы. 1956. Т.1. С. 42 – 79.

References

1. Adaty Dagestanskoi oblasti i Zakatal'skogo okruga (Adats of the Dagestan region and the Zakatala district) / ed by d. I.Ya. Sandrygailo. Tiflis: Tip. Glavnonach. grazhd. chast'yu na Kavkaze, 1899. 622 p. URL: https://avidreaders.ru/book/adaty-dagestanskoy-oblasti-i-zakatalskogo-okruga.html (Accessed: 05.06.2020). (In Russian).

2. Adaty yuzhno-dagestanskikh obshchestv (Adats of South Dagestan societies) // SSKG. Tiflis: Izd. kavk. gorek, upr., 1875. P. 1 – 72. URL:https://lab-adat.ru/?p=90 (Accessed: 07.06.2020). (In Russian).
3. Aglarov M.A. Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v. (Rural community in Nagorno-Dagestan in the XVII - early XIX centuries): Issledovanie vzaimootnosheniya form khozyaistva, sotsial'nykh struktur i etnosa. Moscow: Nauka, 1988. 237 p. (In Russian).
4. Aglarov M.A. Territoriya sel'skikh obshchestv i ikh soyuzov gornogo Dagestana v XV—XIX vv. (The territory of rural societies and their unions of mountain Dagestan in the XV-XIX centuries) // Obshchestvennyi stroi soyuzov sel'skikh obshchin Dagestana v XVIII – nach. XIX vv. Makhachkala, 1981. 83 – 99 p. (In Russian).
5. Aliev B. G., Umakhanov M.-S.K. Neravenstvo tukhumov kak pokazatel' razlozheniya sel'skoi obshchiny Nagornogo Dagestana (XVIII – XIX vv.) (Tukhum inequality as an indicator of the decomposition of the rural community of Nagorno-Dagestan (XVIII-XIX centuries). Moscow, 1984. 244 p. (In Russian).
6. Aleksandrov V. A. Sel'skaya obshchina v Rossii (XVII-nach. XIX v.) (Rural community in Russia (XVII-beginning XIX century). Moscow: Nauka, 1976. 323 p. (In Russian).
7. Aliev B. G. Soyuzy sel'skikh obshchin Dagestana v XVIII-1 pol. XIX vv. (Unions of rural communities of Dagestan in the XVIII-1 pol. XIX centuries). Makhachkala, 1999. 339 p. (In Russian).
8. Bulatova A.G. Rutul'tsy (XIX – nachalo KhKh v). Istoriko-etnograficheskoe issledovanie (Rutultsy (XIX – began XX in). Historical and ethnographic research). Moscow, 2003. 276 p. (In Russian).
9. Gadzhiev V.G. Soyuzy sel'skikh obshchin Dagestana. Problemy, istoriya izucheniya, perspektivy (Unions of rural communities of Dagestan. Problems, history of study, prospects) // Obshchestvennyi stroi soyuzov sel'skikh obshchin Dagestana v XVIII – nach. XIX vv. Makhachkala, 1981. P. 13 – 25. (In Russian).
10. Dzhalilova Kh. M. Rutuly: sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie v XVII-1 pol. XIX vv. (Rutuly: socio-economic and political development in the XVII-1 pol. XIX centuries): abstract of thesis. Makhachkala, 2000. 26 p. (In Russian).
11. Zakariyaev Z.Sh. Sotsial'no-politicheskoe razvitie soyuzov sel'skikh obshchin Samurskoi doliny v XV – XVIII vv. (Socio-political development of unions of rural communities of the Samur Valley in the XV – XVIII centuries): thesis. Makhachkala, 2000. 170 p. (In Russian).
12. Ikhilov M.M. Narodnosti lezginskoi gruppy: Etnograficheskoe issledovanie proshlogo i nastoyashchego lezgin, tabasarantsev, rutul'tsev, tsakhurov, agulov (Nationalities of the Lezgi group: Ethnographic study of the past and present Lezgins, Tabasarans, Rutulians, Tsakhurs, Aguls). Makhachkala: FAN SSSR, 1967. 369 p. (In Russian).
13. Kovalevskii M. M. Zakon i obychai na Kavkaze (Law and custom in the Caucasus). Moscow: Mamontov's publ., 1890. Vol. 1 – 2.
14. Krabbe K.K. Zamechaniya o Dokuzpare, Akhtakh i Rutule do 1835g. (Remarks on Dokuzpara, Akhty and Rutul until 1835) // IGED. Moscow: Vost. Literatury, 1958. P.335 – 336.
15. Kosven M.O. Etnografiya i istoriya Kavkaza (Ethnography and history of the Caucasus). Moscow: Vost. Literatury, 1961. 32 p.
16. Leontovich F.I. Adaty kavkazskikh gortsev: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza (Adaty of the Caucasian highlanders: Materials on customary law of the North and East Caucasus). Odessa: P. A. Zelenogii's publ., 1882. Issue. 1 – 2.
17. Lavrov L.I. Rutul'tsy v proshlom i nastoyashchem (Rutultsy in the past and present) // Kavkazskii etnograficheskii sbornik. Issue.3. Moscow: 1962. 115 p.
18. Magomedov R.M. Adaty dagestanskikh gortsev kak istoricheskii istochnik (Adaty of the Dagestan highlanders as a historical source). Moscow: Vost. Literatury, 1960. 11 p.
19. PMA 2019/1 – Polevye materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutulsky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Islamova Sevda 1957 g.r. s. Verkhnii Katrukh).
20. PMA 2019/1 – Polevye materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutulsky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Gadzhiragimov Beslan 1965 g.r. s. Verkhnii Katrukh).
21. PMA 2019/2 – Polevye materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutulsky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Gasilov Rustam 1955 g.r. s. Luchek).
22. PMA 2019/3 – Polevye materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutulsky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Magomedsherifova Gyul'chichek 1949 g.r. s. Ikhrek).
23. PMA 2019/3 – Polevye materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutulsky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Gasanova Istarai 1976 g.r. s. Ikhrek).
24. PMA 2019/4 – Polevye materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutulsky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Magomedova Naifat 1967 g.r. s. s. Myukhrek).
25. PMA 2019/5 – Polevye materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutulsky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Salamova Tamila 1977 g.r. s. s. Aran).
26. PMA 2019/3 – Polevye materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutulsky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Nadirova Gyul'mira 1975g.r. s. Ikhrek).
27. Ragimova B. G. Sel'skaya obshchina u samurskikh lezgin v kontse XVIII – XIX v. (Rural community at the Samur Lezgins at the end of the 18th – 19th centuries): Avtoref. dis. kand. ist. nauk. L., 1987. 20 p.

28. Khashaev Kh.M. Obshchestvenno-ekonomicheskii stroi Dagestana v XIX veke: Materialy k sessii (Socio-economic structure of Dagestan in the XIX century: Materials for the session). Makhachkala, 1954. 97 p. (na pravakh rukopisi).
29. Khashaev Kh.M. K voprosu o tukhumakh, sel'skikh obshchinakh i «vol'nykh» obshchestvakh Dagestana v XIX v. (On the issue of tukhums, rural communities and «free» societies of Dagestan in the XIX century) // Uchenye zapiski institute istorii, jazyka i literatury. Vol. 1. 1956. P. 42 – 79.

Информация об авторе

Джумаев Денис Ибримович – аспирант кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / den061094@gmail.com

Information about the author

Dzhumaev Denis Ibrimovich – Postgraduate student, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / den061094@gmail.com

УДК 94 (477) (=112.2) «181/193»
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.7

И. П. Задерейчук

РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У НЕМЦЕВ КРЫМА В 1804 – 1930-Е ГГ.

В статье анализируются вопросы, связанные с развитием земледелия в местах компактного проживания немцев на территории Крымского полуострова. Общеизвестно, что немецкая колонизация юга Российской империи была направлена на активное аграрное освоение земель. Немцы, проживая в Крыму, смогли создать развитую агрономическую систему, ввести в сельскохозяйственный оборот значительные земельные массивы степного Крыма. Это было связано с развитием транспортной инфраструктуры, ростом спроса на зерно на внутренних и внешних рынках. В климатических условиях полуострова основное внимание уделялось выращиванию озимой пшеницы, под которую отводилась большая часть земельных площадей. Одновременно выращивание таких культур как рожь, кукуруза, просо было рассчитано исключительно для внутреннего потребления. Лишь земли тех волостей (Бютенской, Табулдинской, Цюрихтальской), в которых находились небольшие крымские реки, немцы использовали для разведения картофеля и других овощей.

После установления советской власти и проведения сплошной коллективизации в местах компактного проживания немцев продолжало доминировать выращивание озимой пшеницы, но при этом осуществлялись попытки по распространению культуры производства хлопка.

В статье указывается, что немцы применяли интенсивный подход к организации земледелия, использовали механизацию труда, новые технологии для повышения урожая (употребление удобрения, высадка лесополос, создание семенных хозяйств). Широкое внедрение немецкими хозяйствами технических новинок позволяло им уменьшать потери при сборе урожая, обрабатывать целинные земли степного Крыма. Немецкий опыт был наглядным примером для окружающего населения, которое активно перенимало многие новшества используемые немцами и внедряло их в свои хозяйства.

Ключевые слова: российские немцы, Крым, Таврическая губерния, зерновое хозяйство, немцы Крыма.

Ivan Zadereychuk

THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE OF CRIMEAN GERMANS IN 1804 – 1930

The article analyzes the issues related to the development of agriculture in places of compact residence of Germans on the territory of the Crimean Peninsula. It is well known that the German colonization of the south of the Russian Empire was aimed at active agrarian development of the land. Living on the territory of Crimea, the Germans were able to create an expanded agronomic system and to introduce significant land tracts of the steppe Crimea into agricultural circulation. This was due to the development of transport infrastructure as well as the growth in demand for grain in the domestic and foreign markets. In the climatic conditions of the peninsula, the main attention was paid to the cultivation of winter wheat, for which most of the land area was allocated. At the same time, the cultivation of such crops as potatoes, rye, corn and millet was assigned only to domestic consumption. Only the lands of those volosts (Byutenskaya, Tabuldinskaya, Zurichtal), in which there were small Crimean rivers, were used by the Germans for growing potatoes and other vegetables.

After the establishment of Soviet government and the implementation of complete collectivization, the cultivation of winter wheat continued to dominate in places of compact residence of the Germans, and attempts were made to spread the culture of cotton production.

It is stated in the article that the Germans applied an intensive approach to the organization of agriculture, the mechanization of labor and new technologies to increase the yield (the use of fertilizers, planting forest belts, the creation of seed farms). The widespread use of technical innovations by German farms allowed them to reduce losses during harvesting season and to cultivate the virgin lands of the steppe Crimea. The German experience was a good example for the surrounding population, who actively adopted many of the innovations applied by the Germans and introduced them into their farms.

Key words: Russian Germans, Crimea, Taurida province, grain farming, Crimean Germans.

Современное развитие земледелия в Крыму происходит в сложных условиях. Они вызваны острым дефицитом пресной воды, что приводит к значительным рискам, связанным с угрозой засухи. Все это порождает потребности обращения к ранее накопленному опыту ведения хозяйства, особенно в период активного экономического освоения земель предгорного и степенного Крыма в XIX в. – начале XX в. Примером практически образцового землепользования могут служить этнические немцы. Им удалось в указанный исторический период сформировать на территории полуострова свою успешную агрокультуру, достигнув успеха в занятии земледелием. Именно немцы стали пионерами, внедрившими в экономический оборот значительные ресурсы целинных земель полуострова.

Проблемы, связанные с развитие земледелия в местах компактного проживания немцев Крыма не были должным образом освещены в историографии. Исследование коллектива авторов под редакцией С. И. Бобылевой [16] посвящено вопросам развития сельского хозяйства лишь в первой половине XIX в., а положение в крымских колониях там практически не затрагивается. Работа Ю. Н. Лаптева [14] посвящена системе землепользования и обработки земли. До сегодняшнего дня остаются малоизученными вопросы, связанные с выращиванием немцами Крыма полевых культур, внедрением передовых технологий в обработку земли, созданием семенных хозяйств и т.п. Таким образом, целью данной статьи является изучение особенностей становления и трансформации системы земледелия в местах компактного проживания немцев на территории Крымского полуострова в климатических условиях юга России.

Главная задача переселения немцев на юг Российской империи заключалась в вовлечении в хозяйственный оборот огромных земельных массивов и их окультуривание. Тем не менее, вплоть до середины XIX в. ведущую роль в хозяйстве Таврической губернии занимало животноводство, что было связано с низкими рыночными ценами на зерно, обусловленными его переизбытком [16, с. 61 – 63]. В первой половине XIX в. немцы на территории Крыма не уделяли значительного внимания выращиванию зерновых культур. Каждый сеял хлеб в тех объемах, которые были нужны для домашнего обихода. Прежде всего, это было связано с тем, что территории, которые они заселяли, были более приспособлены под занятие виноградарством и огородничеством, а лишь затем под выращивание пшеницы. Во-вторых, в указанный период немцы только обустраивали свои поселения, набирались необходимого опыта жизни в новых для них природно-климатических условиях Крыма, экспериментировали с севооборотом. Помимо этого, слабое развитие транспортной инфраструктуры полуострова (отсутствие железной дороги, слабость портовой инфраструктуры), низкие цены на хлеб, нехватка зерновых хранилищ, недостаток предпринимателей, работавших на экспорт, – все это не способствовало развитию зернового хозяйства в регионе в целом и у немцев в частности.

Система землепользования в немецких колониях выглядела следующим образом. Земля каждой колонии была разделена на усадебную, сенокосную, пастбищную и полевую [16, с. 64]. Первые переселенцы использовали трехпольную систему земледелия. По пару сеяли либо ячмень, либо пшеницу, редко рожь. Посев хлебов по пару продолжался не менее 3-х лет, но чаще 4 или даже 5. Главным посевным хлебом, возделываемым для рынка, являлась пшеница [14, с. 22].

В качестве удобрения полей применяли конский навоз и золу, которая бережно сохранялась в хозяйстве в крытом помещении, вследствие чего исключалась возможность ее выщелачивания. Кизяковая зола, собираемая от печей, очень хорошо действовала на корнеплоды и возмещала потерю питательных веществ [14, с. 23].

Спустя 10 лет после создания первых колоний в Крыму наметилась тенденция к росту благосостояния среди немцев, и они стали продавать излишки зерновых. Например, в отчете главного судьи Конторы опекунства иностранными поселенцами Юга России С.Х. Контениуса в 1815 г. говорилось о том, что в трех колониях Нейзацкого округа урожай картофеля превысил посев в 10 раз. Цюрихталь и Кроненталь находились, правда, в худшем положении, но и там никому не угрожал голод. Жители Цюрихталя выращивали яровые сорта пшеницы; а излишки урожая продавали в Феодосии [22].

В конце 50-х гг. XIX в. ситуация стала резко изменяться, что, прежде всего, было связано с ростом мировых цен на зерно. Кроме того, повышение в пореформенный период спроса на хлеб на внутреннем и внешнем рынках, развитие капитализма и товарно-денежных отношений, потребность в деньгах, все это привело землевладельцев юга к переориентации хозяйств с преимущественного развития скотоводства на более доходное зерновое производство [2, с. 42]. Немцы начинали активно скупать земли под распашку для выращивания зерновых культур [19], что зачастую приносило им хорошие прибыли. Например, купив 1000 дес. земли по 14 руб. за десятину и распахав 300 дес. под пшеницу, немцы нередко за один год могли вернуть стоимость затраченных средств на покупку земли [21, с. 10].

Безземельные немцы северных уездов Таврической губернии активно покупали земли в Перекопском уезде, благодаря чему, росло их землевладение. К началу 1860 г. у них было 6 333 дес. земли, к 1870 г. – 15 262 дес., к 1880 г. – 28 602 дес., к 1887 г. 34 600 дес. Земская перепись 1887 г. зарегистрировала в колониях Перекопского уезда 237 наличных домохозяев [15]. Всего по результатам земской переписи 1886–1887 гг. во владении немцев Крыма было зарегистрировано 202913 дес. земли, из которых только 10678 дес. они получили в надел от государства. Из общего количества сельского немецкого населения 80 % числились середняками, 17 % безземельными и брали землю в аренду для обработки и 3 % составляли крупные землевладельцы [13, с. 8].

К началу XX в. распашка земель в Крыму достигла колоссальных масштабов. В Перекопском и Феодосийском уездах под плуг поступили даже солончаковые земли, обработка которых стала выгодной лишь с изменением условий хлебного рынка и увеличением народонаселения.

По свидетельству сельскохозяйственного обзора за десятилетие 1899–1908 гг., замечаемое из года в год сокращение пастбищных угодий, поступающих под распашку, достигло такой степени, что «вопрос о выпасе скота в некоторых уездах губернии, особенно северных, начал приобретать характер особенной остроты» [17, с. 20–21].

Всего к началу XX в. было распахано 88,6 % угодий, выгона осталось 8,3%, остальные земли составили 3,1% [17, с. 21–22]. К 1909 г. ситуация по уездам выглядела следующим образом: в Перекопском уезде из 89,3% земельных угодий выгон составил 8,4%, сенокос и др. – 2,3%; в Евпаторийском уезде из 86,5%, 12%, и 1,5%; в Симферопольском уезде из 74,9%, 18,8% и 6,3%); в Феодосийском уезде из 75,8%, 16,7% и 7,5% соответственно. Фактически в начале XX в. полеводство стало основным видом хозяйственной деятельности немцев в степных районах. В 1910 г. сохранялся рост процента распашки земли, в Симферопольском уезде он составил – 15%; в Евпаторийском – 8,3%; в Перекопском уезде – 7,5%; в Феодосийском – 3,3% [17, с. 22–23].

В результате таких масштабов распашки земель в начале XX в. в Крыму значительно увеличились площади, отведенные под выращивание различных сельскохозяйственных культур. В большей мере немцы выращивали озимую пшеницу и яровой ячмень, кроме того, свои поля они засевали в небольшом количестве яровой пшеницей, овсом, просом, кукурузой, картофелем, льном и бахчевыми. При этом главной культурой была озимая и яровая пшеница и яровой ячмень. Они преобладали над всеми другими культурами и составляли 2/3 всей посевной площади, так как имели экспортное значение. В крымских уездах в отличие от материковых уездов практически не осуществлялось выращивание яровой пшеницы. В Перекопском уезде в среднем более 80% отводилось под озимую пшеницу и яровой ячмень, а в целом по Крыму более 50% [17, с. 23].

Распределение земли под выращивание различных культур можно рассмотреть на примере деревни Окречь Цюрихтальской волости Феодосийского уезда. В 1905 г. 1143 дес. земли было занято под озимой пшеницей, 713 дес. под ячмень, 194 дес. под овес, 134 дес. под рожь, 109 дес. под сенокос и 1111 дес. находилось под паром, а всего в их владении находилось 3404 дес. земли [5, л. 83].

В деревне Ней-Цюрихталь весной 1912 г. под паром находилось 1967 дес. земли; под озимой пшеницей – 1143 дес.; под яровым овсом – 654 дес.; поля для кукурузы занимали 7,5 дес. и 4 десятины занимали поля под картофель. При этом немцы на арендованных землях засеяли 634 дес. озимой пшеницей и 326 дес. яровым ячменем [8, л. 10 – 11].

В 1913 г. ситуация с урожайностью по двум селам Ней-Цюрихталь и Конграт выглядела следующим образом [7, л. 19]:

Таблица 1.

Урожайность зерновых в селениях Конграт и Ней-Цюрихталь за 1913 г.

Вид земли	озимых				яровых			
	рожь		пшеница		овес		ячмень	
	дес.	пуд	дес.	пуд	дес.	пуд	дес.	пуд
Ней-Цюрихталь								
собственная земля	25	740	1349	110060	495	46250	482	34330
аренда	-	-	345	46130	243	19000	192	14410
Конграт								
собственная земля	-	-	593	59500	145	15300	262	15900
аренда	-	-	25	2400	10	1000	-	-

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, о том, что немцы активно занимались развитием зернового хозяйства. Особое внимание в их хозяйствах уделялось именно озимой пшенице, что объяснялось климатическими особенностями полуострова. Именно благодаря поступившей в осенне-весенний период влаге посевы давали хорошие урожаи, а солнечные дни мая-июня позволяли достигнуть зерну высокого товарного качества. Наряду с этим из приведённых в таблице данных видно, что накануне социальных потрясений немцы активно брали в аренду земли, которые в основном отводили под выращивание зерновых.

Интересные сведения о соблюдении пропорции посевов под различные сельскохозяйственные культуры были собраны и систематизированы Таврическим статистическим комитетом за период с 1903 по 1908 гг., большее количество данных поступало из немецких хозяйств [18, с. 10].

Таблица 2.

Пропорция посевов по уездам Крыма за 1903–1908 гг. [18, с. 5]

Название уезда	Озимые хлеба			Яровые хлеба			Прочие посевы				
	пшеница	рожь	ячмень	пшеница	ячмень	овес	просо	кукуруза	картофель	баштан	прочее
Перекопский	48,3	3	0,6	0,3	40,2	4,6	1,1	1,1	0,1	0,5	0,2
Евпаторийский	47,8	0,9	2,6	-	32	13,9	0,3	1,8	0	0,4	0,3
Симферопольский	43,7	3,3	2,5	0,8	23,2	23,7	0,2	0,7	0,4	1,4	0,1
Феодосийский	53,7	0,4	3,7	0,3	26,2	10,3	0,1	0,3	0,1	0,6	4,3

Указанные в таблице сведения лишний раз подтверждают, что в начале XX в. немецкие хозяйства, которые в четырех крымских уездах владели значительными земельными наделами, активно занимались выращиванием двух основных культур – озимой пшеницы и ярового ячменя. Такой подход был продиктован ростом российского экспорта зерновых, среди которого доминировало зерно, выращенное на юге страны. Благодаря солнечным дням это зерно отличалось высоким качеством и было конкурентоспособным на внешних рынках. Все остальные культуры, такие как просо, кукуруза, картофель, бахчевые, прежде всего, производились для собственных потребностей, и лишь незначительная часть полученного урожая уходила на продажу окружающему населению. Сложившаяся ситуация в земледелии была связана не только с особенностями землепользования в степном Крыму, но и высоким спросом на пшеницу в начале XX в.

Активное выращивание зерновых культур на экспорт продолжалось вплоть до 1917 г. о чем могут свидетельствовать данные о количестве земли, отведенной под выращивание зерновых культур по Перекопскому уезду, приведенные ниже в таблице №3 [6, л. 5]:

Таблица 3.

Состояние выращивания зерновых по Перекопскому уезду в 1917 г.

Название волости	Озимая рожь	Озимая пшеница		Яровая пшеница	Ячмень	
		по пару	по стерне		озимый	яровой
Ак-Шеихская	459,5	10427,08	108	445,01	1888,05	4573,23
Александровская	251,75	5344,3	4,5	27	390,62	3722,61
Богемская	480,25	6846,3	794	308	839,92	6225,93
Бютенская	101	3156	13,5	5	475	1374,91
Воинская	287,94	6065,5	547,8	142,5	53,66	6259,1
Джурчинская	345	5829,1	1116	519,5	826	4568,75
Тотанайская	183,11	9087,31	10,5	99	1448,55	4332,54
Всего по уезду	2108,5	46755,5	2594,36	1546,01	5921,8	31057,07

Итак, даже накануне социальных потрясений 1917 – 1920 гг. в сельском хозяйстве продолжала сохраняться тенденция по выращиванию озимой пшеницы и ярового ячменя. Такое распределение культур было оправдано тем обстоятельством, что благодаря поступающей за осенне-зимний период влаге удавалось получать неплохие урожаи озимых в условиях региона рискованного ведения сельского хозяйства.

Помимо пшеницы, большие площади отводились под картофель. В Европе он был встречен как спасательный продовольственный ресурс. Выращивание картофеля наряду с другими овощными культурами стало особенно интенсивно развиваться по мере роста городов, население которых и являлось главным потребителем продуктов питания. Переселенцы успешно пропагандировали среди крестьянства эту культуру, делились своим богатым опытом. Подтверждением этому является информация о награждении волостного старшины Нейзацкого колонистского округа Симферопольского уезда М. Бесслера серебряной медалью на Анновской ленте, пожалованной ему за помощь соседним казенным крестьянам в разведении «второго хлеба» [16, с. 66].

Состояние с выращиванием картофеля по волостям Перекопского уезда в 1914 г. выглядела следующим образом: Ак-Шеихская – 1,5 дес.; Александровская – 1,59 дес.; Богемская – 0,62 дес.; Бютенская – 3,25 дес.; Воинская – 4,37 дес.;

Джурчинская – 4 дес. и Тотанайская – 14,81 дес. [6, л. 5]. Именно в местах компактного проживания немцев больше всего десятин земли было отведено под картофель, а именно в Бютенской и Тотанайской волостях.

Для повышения продуктивности своих хозяйств немецкие колонисты, идя в ногу со временем, использовали всевозможные новшества: начиная с середины XIX в. вводили новые способы севооборота, постоянно совершенствовали сельскохозяйственный инвентарь. Именно благодаря использованию интенсивных технологий им удавалось достигать значительных успехов в занятии земледелием. Кроме того, немецкий опыт применения машин становился наглядным примером для окружающего их населения. Именно от них технические новинки и методика их использования распространялась по всей территории полуострова. В газете «Салгир» за 1897 г. писалось, что «должно сознаться, что немецко-колониальное население явилось культуртрегером среди темного крестьянского люда, пахавшего и сеявшего так, как пахали и сеяли их деды и прадеды, а теперь сельскохозяйственный инвентарь и техника земледелия и у наших русских крестьян получили совершенно иное, практически осмысленное направление [15].

Важное значение для экономики хозяйств имело изобретение в 60-х гг. XIX в. в молочанских колониях Таврической губернии многолемешного буккера, что было связано с ростом распашки целинных степных земель. Постепенно происходило усовершенствование буккера и вскоре он изготавливался в виде 3-х, 4-х и 5-ти лемешного орудия [3, с. 22]. В конце 60-х гг. XIX в. немцы, как правило, вспахивали поле тщательно и глубоко. Для распашки целинных земель использовали карасабан – целинный плуг, который тянуло 3 пары волов и пара лошадей. Для мягких почв употреблялся плуг более легкий и рала с 4 или 3 лемехами [21, с. 18]. В 70-е гг. XIX в. у немцев начали распространяться жнейка (жатки). Они в русских и украинских селах получили название «лобогрейки». Эти сельскохозяйственные орудия удвоили эффективность обработки земли и сбора урожая [14, с. 22].

В начале XX в. статистический комитет Таврической губернии провел подворную перепись. По ее результатам власти удалось сформировать реальное представление об обеспечении крымских хозяйств различным сельскохозяйственным инвентарём. Например, в Перекопском уезде к 1907 г. наблюдалась следующая картина [20, с. 271]:

Таблица 4.

Обеспеченность хозяйств Перекопского уезда сельскохозяйственным инвентарем по состоянию на 1907 г.

национальность	Мертвый инвентарь											
	Буккеров и скоропашек	плугов			сеялок			Катков для укатывания посевов	жаток	молотилок	Орудий для очистки зерна	Катков молотильных
		однолемешных	многолемешных	борон	При буккерах	разбросанных	рядовых					
Татары	725	629	116	527	80,5	16	-	15	434	2	171	1187
Русские	1627	1249	176	1938	814	79	9	117	1079	22	928	2284
Немцы	2738	2087	1010	3270	533	596	51	226	1446	227	1458	3058
Эстонцы	173	133	19	235	143	3	3	42	122	2	146	299
Чехи	183	150	21	206	65	27	2	17	130	11	143	309
Прочие	127	89	17	155	25	9	-	1	75	-	69	182
всего	5574	4337	1359	6331	1660	730	65	418	3286	264	2915	7320

Указанные в таблице данные красноречиво свидетельствуют о том, что в немецких хозяйствах, в отличие от других национальностей, вопросам технического обеспечения уделялось значительное внимание.

С целью получения больших урожаев пшеницы, популяризации развития зернового хозяйства, улучшения качества семян и их продажи немцы на рубеже веков активно создавали в своих имениях семенные хозяйства. Для примера можно указать лишь некоторые подобные хозяйства, размещавшиеся на территории Перекопского уезда. А.Д. Люстих в своих экономиях Ташлы-Кипчак и др. на земле в размере 26 013 дес. земли занимался развитием семенного хозяйства; И.И. Корнис в экономии Швестерталь и Брудерфельд на участке в 3 253 дес.; Я.Ф. Люц в экономия Тюбей 2 681 дес.; М.П. Дик в экономия Буковичевка 2 240 дес.; М.И. Корнис в экономия Алач 1659 дес.; Ф.Г. Глеклер в экономия Джанбилду 1255 дес.; Я.М. Майер в экономия Коктеин 500 дес. [3, с. 33 – 122]. Это только та небольшая

часть немцев, которая занималась вопросами развития семенного хозяйства и размещала сведения о себе в специальных всероссийских справочных изданиях.

Известно, что в начале XX в. прогрессивно настроенные крымские немцы принимали участие и в различных научных экспериментах, направленных на улучшение занятия зерновым хозяйством. Например, весной 1901 г. в экономии Ф.Ф. Шнейдера был поставлен опыт по исследованию влияния различных погодных и других условий на производство посева и дальнейший урожай. Для этой цели был приглашен агроном, которому предоставили все посевы, имеющиеся на его земле, из которых можно было подобрать самые разнообразные комбинации существующих способов обработки земли, а также и некоторые новые способы приготовления пашни. Кроме того, ему отдали в распоряжение людей, скот и необходимый инвентарь для производства некоторых дополнительных опытов [1, с. 1 – 4]. Благодаря такому подходу к делу немцы стремились не только улучшить модель своего хозяйства, но и в случае успеха делиться с окружающим населением своими знаниями и примером.

С установлением советской власти ситуация с сельскохозяйственной специализацией в местах компактного проживания немцев не претерпела значительных изменений. К моменту перехода в Крыму к сплошной коллективизации насчитывалось 9.1 тыс. немецких хозяйств, владевших 116 тыс. гектар земли, что в процентном соотношении составляло 21,2 % по отношению ко всей посевной площади Крыма. К 1929 г. количество земли сократилось на 16 тыс. гектар, что было связано с развернувшейся в 1929 г. борьбой с кулачеством [9, л. 2 – 3].

Интересные данные о количестве хозяйств и распределения среди них земли по состоянию на 1929 г. приведены ниже в таблице [4, л. 11]:

Таблица 5.

Экономическое состояние среди основных национальностей Крыма в 1929 г.

национальность	число хоз. в тыс.	всего посевов в тыс. га	крупного рогатого скота	лошадей тыс. голов	овец тыс. голов
русские	35,7	238,5	70,2	61,7	196,1
немцы	9,1	116	23,1	24,8	19,3
татары	33,3	101,4	37,9	35	258,2
евреи	2	22,9	3,3	2,9	1,5

Указанные в таблице данные позволяют сделать вывод, что немцы, несмотря на незначительное количество своих хозяйств, накануне проведения сплошной коллективизации владели значительным количеством земли, что и определяло род их занятий.

В 1931 г. в районе компактного проживания немцев под выращивание сельскохозяйственных культур земля распределялась следующим образом: полевой посев без совхозов – 42980 га.; сады – 40 га.; виноградники – 110 га.; табак – 4 га.; и хлопок также без совхозов 3563 га. [11, л. 1 – 4].

В немецком Биюк-Онларском районе в 1930 – 1935 гг. большое внимание отводилось выращиванию зерновых и, прежде всего, озимой пшеницы. На втором месте находилось выращивание хлопка, который вошел в производство района как довольно распространенная и хорошо привившаяся с начала 1930 г. культура; хлопок производился суходольный, не поливной. В основном инициатива по выращиванию этой технической культуры исходила от партийного руководства. Например, Биюк-Онларский райисполком в 1930 г. смог добиться посева хлопка на нескольких десятках гектаров. В 1931 г. цифра, которая была поставлена Наркомземом Крыма в 3 300 га. была перевыполнена и по итогам составила 4233 га.

С целью обеспечения Крыма высококачественным семенным материалом в конце 1935 г. из бывшего земельного массива зерносовхоза «Большевик», находящегося в составе Тельманского района, был организован первый Крымский семеноводческий совхоз. Данный совхоз был насыщен техникой – тракторами и комбайнами [10, л. 1 – 3].

Согласно экономическому описанию Тельманского района по состоянию на 1 января 1940 г. под посевы было отведено 69 053 га., из которых зерновые занимали 55 166 га. Также выращивали на 4509 га. земли хлопок, на 446 га. – подсолнух; картофель – 374 га. [12, л. 94 – 96]

Таким образом, немецкие хозяйства Крыма прошли сложный путь в своем развитии. Если на начальном этапе они ориентировались исключительно на удовлетворение своих семей продуктами питания, то уже со второй половины XIX в. масштабы развития их зернового хозяйства стали активно включаться в общероссийский экспортный рынок. Их успех, может быть объясним, прежде всего, активным использованием передовых технологий (механизация труда, вопросы удобрения и увлажнения почвы), а также трудолюбием и правильным планированием в ведении своего хозяйства. Создание семенных хозяйств, проводив-

шиеся эксперименты, призваны были выявлять наиболее оптимальные сорта пшеницы и определять оптимальные условия ее выращивания в степном Крыму. Благодаря такому подходу к делу немцам Крыма удалось не только успешно развивать свое зерновое хозяйство, но и стать пионерами по распространению передовых технологий среди других народов юга Российской империи. Успех немецкого земледелия конца XIX – первой половины XX вв. является наглядным примером огромного экономического потенциала Крыма. После становления советской власти на территории Крыма продолжала сохраняться тенденция аграрной специализации.

Источники и литература

1. Астахов А.С. Пробные посевы, устроенные в 1901 году в экономии С. Н. Рудя, Ф. Ф. Шнейдера, А. И. Пастака и гг. Серебряковых. Симферополь: типография Спиро, 1902. 28 с.
2. Бойко Я. В. Заселение Южной Украины. 1860-1890 гг. Черкассы: Сіяч, 1993. 254 с.
3. Вся Россия. Адрес-календарь Российской империи: справочная книга по торговле и промышленности на 1902 год. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. 365 с.
4. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф.Р-137. Оп.6. Д.42.
5. ГАРК. Ф.35. Оп.1. Д.161.
6. ГАРК. Ф.529. Оп.1. Д. 69.
7. ГАРК. Ф.809. Оп.1. Д.2.
8. ГАРК. Ф.809. Оп.1. Д.1.
9. ГАРК. Ф.П-1. Оп.1. Д.911.
10. ГАРК. Ф.П-110. Оп.1. Д.23.
11. ГАРК. Ф.П-110. Оп.1. Д.4.
12. ГАРК. Ф.Р-219. Оп.1. Д.156.
13. Кравцова Л. П., Беднарський І.Г. Німці Криму: історія і сучасне становище (проблема етнополітичного розвитку). Сімферополь: СФ НІСД, 2005. 39 с.
14. Лаптев Ю.Н. Традиционная бытовая культура немцев в Крыму (XIX – 20-е гг. XX вв.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры / Сост. Ю.Н. Лаптев. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 20 – 32
15. Немецкое землевладение в Крыму // Салгир. 1897. 28 февраля. С. 1 – 2.
16. Очерки по истории немцев и меннонитов Юга Украины (конец XVIII – начало XIX в.) / С.И. Бобылева, Н.В. Бочаров, О.В. Безносова, Л.С. Тутик, Н.В. Осташева, С.В. Атаманенок: Под ред. С.И. Бобылевой. Днепропетровск: Арт-Пресс, 1999. 231 с.
17. Сельскохозяйственный обзор Таврической губернии за 1910 год. Симферополь: Тип. Таврич. Губернского земства, 1912. 179 с.
18. Сельскохозяйственный обзор Таврической губернии за десятилетие 1899-1908 гг. по данным текущей статистике. Симферополь: Типография Таврического губернского земства, 1911. 167 с.
19. Степняк. Экономический рост Тавриды // Салгир. 1897. 1 января. №1. С. 1 – 2.
20. Таблица наличия инвентаря Сборник по основной статистике. Подворная перепись. Перекопский уезд. Симферополь: Тип. ТГЗ, 1907. Вып.1. 283 с.
21. Янсон Ю. Крым. Его хлебопашество и хлебная торговля. СПб.: Тип В Безобразова, 1870. 78 с.
22. Brandes D., Von den Zaren adoptiert. Diedeutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien 1751-1914. Munch., Oldenbourg, 1993. 549 p.

References

1. Astahov A.S. Probnye posevy ustroennye v 1901 godu v jekonomii S.N. Rudja, F.F. Shnejdera, A.I. Pastaka i gg. Serebrjakovyh (1901 Test Crops in the Economy of S.N. Rud', F.F. Schneider, A.I. Pastak and G.G. Serebryakov). Simferopol': Spiro publ., 1902. 28 p. (In Russian).
2. Bojko Ja.V. Zaselenie Juzhnoj Ukrainy. 1860-1890 gg. (Settlement of the South of Ukraine (1860 – 1890). Cherkassy: Sijach, 1993. 254 s. (In Russian).
3. Vsja Rossija. Adres-kalendar' Rossijskoj imperii: spravochnaja kniga po torgovle i promyshlennosti na 1902 god (The Whole of Russia. Address-calendar of the Russian Empire: a Reference Book on Trade and Industry for 1902). St.Petersburg Tip. A.S. Suvorina, 1903. 365 p. (In Russian).
4. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (State Archives of the Republic of Crimea) (GARK). F.R-137. Op.6. D.42. (In Russian).
5. GARK. F.35. Inv.1. D.161. (In Russian).
6. GARK. F.529. Inv.1. D. 69. (In Russian).
7. GARK. F.809. Inv.1. D. 2. (In Russian).
8. GARK. F.809. Inv.1. D. 1. (In Russian).
9. GARK. F.P-1. Inv.1. D. 911. (In Russian).
10. GARK. F.P-110. Inv.1. D. 23. (In Russian).
11. GARK. F.P-110. Inv.1. D. 4. (In Russian).
12. GARK. F.R-219. Inv.1. D. 156. (In Russian).
13. Kravcova L. P., Bednars'kij I. G. Nimci Krimu: istorija i suchasne stanovishhe (problema etnopolitichnogo rozvitku) (The Crimean Germans: History and Current Situation (the Problem of Ethnopolitical Development). Simferopol': SF NISD, 2005. 39 p. (In Ukrain).

14. Laptev Ju.N. Tradicionnaja bytovaja kul'tura nemcev v Krymu (XIX – 20-e gg. HH vv.) (Traditional Everyday Culture of Crimean Germans (19th century – 20s of the 20th century)) // Nemcy v Krymu. Ocherki istorii i kul'tury / compilier Ju.N. Laptev. Simferopol': Tavrija-Pljus, 2000. P. 22. (In Russian).
15. Nemeckoe zemlevladenie v Krymu (German Land Ownership in Crimea) // Salgir. 1897. February 28. P. 1 – 2. (In Russian).
16. Ocherki po istorii nemcev i mennonitov Juga Ukrainy (konec XVIII – nachalo XIX v.) (Essays on the History of Germans and Mennonites in the South of Ukraine (late 18th – early 19th centuries)) / S.I. Bobleva, N.V. Bocharov, O.V. Beznosova, L.S. Tutik, N.V. Ostasheva, S.V. Atamanenok / ed by S.I. Bobylevoj. Dnepropetrovsk, 1999. 231 p. (In Russian).
17. Sel'skohozjajstvennyj obzor Tavricheskoj gubernii za 1910 god (Agricultural Survey of the Taurida Province for 1910). Simferopol': Tavrich. Gubernskoe zemstvo publ., 1912. 179 p. (In Russian).
18. Sel'skohozjajstvennyj obzor Tavricheskoj gubernii za desjatiletie 1899-1908 gg. po dannym tekushhej statistike (Agricultural Survey of the Taurida Province for 1899 – 1908 according to Current Statistics). Simferopol': Tavrich. Gubernskoe zemstvo publ., 1911. 167 p. (In Russian).
19. Stepnjak. Jekonomicheskij rost Tavridy (Economic Growth of Taurida) // Salgir. 1897. No.1. P. 1 – 2. (In Russian).
20. Tablica nalichija inventarja Sbornik po osnovnoj statistike. Podvornaja perepis'. Perekopskij uezd (Table of Inventory Availability. Compendium of Basic Statistics. Household Census. Perekop District). Simferopol': Tavrich. Gubernskoe zemstvo publ., 1907. Issue.1. 283 p. (In Russian).
21. Janson Ju. Krym. Ego hlebopashestvo i hlebnaja torgovlja (Its Arable Farming and Grain Trade). St. Petersburg: Bezobrazov's publ., 1870. 78 p. (In Russian).
22. Brandes D., Von den Zaren adoptiert. Diedeutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien 1751-1914. Munch., Oldenbourg, 1993. 549 s.

Сведения об авторе

Задерейчук Иван Панасович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Симферополь) / zadereychuk@rambler.ru

Information about the author

Zadereychuk Ivan – PhD in History, Assistant Professor, Chair of General Humanities and Socioeconomic Disciplines, Crimean Law Institute (branch) of the University prosecutor of the Russian Federation, (Simferopol) / zadereychuk@rambler.ru

УДК 94(38).08
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.8

В. Б. Михайлов

НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭВМЕНА ИЗ КАРДИИ

В данной статье рассматривается начало политической карьеры одного из приближенных македонских царей Филиппа II и Александра III, а впоследствии и участника знаменитых войн диадохов – Эвмена из Кардии. История раннего эллинистического периода, в частности биографии деятелей той эпохи, продолжают вызывать интерес у исследователей. Зарубежная литература пополняется новыми монографиями, посвященными выдающимся представителям периода, наступившего после смерти Александра.

По нашему мнению, личность Эвмена из Кардии в отечественной историографии несправедливо обходится стороной. Актуальность работы заключается в необходимости осветить первые годы жизни вышеуказанного политического, а впоследствии и военного деятеля. В статье производится попытка выяснить происхождение Эвмена из Кардии, его становление и исполняемые им обязанности при македонском дворе во времена Филиппа II, а также его служба в период Азиатского похода Александра Македонского. Кроме того, в контексте исследования и анализа биографии Эвмена из Кардии, рассматривается его административная должность царского «секретаря» в Македонском царстве. Пребывание его на данном посту влекло за собой исполнение таких обязанностей, как ведение царского личного дневника, что говорит о важном статусе занимающегося этой деятельностью человека. В этом ключе следует рассмотреть проблему «эфемерид» и «гипомнемат» – каждодневных записей и планируемых проектов, соответственно, благодаря которым, мы знаем о последних днях жизни Александра Македонского и которые предположительно записывал Эвмен из Кардии будучи «архиграмматевсом» царя.

Ключевые слова: Эвмен, Македонское царство, секретарь, Филипп II, Александр III, македоняне, греки.

Vladislav Mikhaylov

BEGINNING OF POLITICAL ACTIVITY OF EUMENES OF CARDIA

The article examines the beginning of the political career of one of the closest Macedonian kings Philip II and Alexander III, and later a participant in the famous wars of the Diadochi - Eumenes of Cardia. The history of the early Hellenistic period, in particular the biographies of the leaders of that era, continues to arouse interest among researchers. Foreign literature is replenished with new monographs dedicated to outstanding representatives of the period that followed the death of Alexander. In our opinion, the personality of Eumenes of Cardia is unfairly ignored in Russian historiography. The relevance of the work lies in the need to highlight the first years of the life of the above-mentioned political and later military leader. The article attempts to clarify the origin of Eumenes from Cardia, his formation and the duties he performed at the Macedonian court during the time of Philip II, as well as his service during the Asian campaign of Alexander the Great. In addition, in the context of research and analysis of the biography of Eumenes of Cardia, his administrative position of the royal «secretary» in the Macedonian kingdom is considered. Being in this post entailed the fulfillment of such duties as keeping the royal personal diary, which speaks of the important status of the person engaged in this activity. In this vein, we should consider the problem of «ephemeris» and «hypomnematics» - everyday recordings and planned projects, respectively, thanks to which we know about the last days of Alexander the Great's life and which Eumenes of Cardia supposedly recorded as the «archigrammatheus» of the king.

Key words: Eumenes, Macedonian kingdom, secretary, Philip II, Alexander III, Macedonians, Greeks.

К концу правления Александра Македонского Эвмен из Кардии являлся весьма влиятельным человеком. После смерти Гефестиона, alter ego Александра, с которым, как будет показано далее, у Эвмена, было множество разногласий, последнему удалось даже получить командование над гиппархией гетайров – элитной кавалерии македонского войска. Кроме того, Эвмен из Кардии на указанный момент был также и «архиграмматевсом» царства, начальником канцелярии, достигнув самой вершины административной цепочки вновь созданного государства. Такое положение позволяло ему получить доступ к информации самого высшего уровня. Так, к примеру, в Вавилоне регент государства Пердикка оглашал планы по захвату Аравии и Северной Африки почившего царя, которые предоставил ему как раз глава царской канцелярии – Эвмен из Кардии. Однако приобретение данного статуса, влияния и авторитета не было сиюминутным актом. Политическая карьера Эвмена к моменту смерти Александра уже насчитывала двадцать лет, семь из которых он занимал должность секретаря при Филиппе II.

К сожалению, источники очень скудно описывают ранний период жизни Эвмена. Основные сведения мы можем почерпнуть, в первую очередь, из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, который опирался на несохранившееся до нашего времени произведение Иеронима из Кардии.

Эвмен родился в 361 году до н.э. в полисе Кардия, что находился на Херсонесе Фракийском. О происхождении Эвмена существуют несколько

версий, переданные Плутархом, Дурисом Самосским, Клавдием Элианом, Корнелием Непотом. Дурис и Элиан сообщают нам об Эвмене, как о выходце из «простых людей», вероятно, черпая свои сведения от одно и того же источника. По мнению первого, Эвмен был сыном извозчика и получил возможность попасть на службу к царю Филиппу II благодаря своим личным физическим качествам (Plut. Eum. I). Однако, по справедливому замечанию К. Шефера, если это утверждение считать достоверным, то отец Эвмена должен был иметь довольно крупное дело в данной сфере [16, s. 39]. Во-первых, только в этом случае он мог иметь возможность дать своему сыну хорошее образование, а во-вторых, маловероятно, чтобы царь Филипп II мог иметь дело с простым извозчиком, а также быть его гостем. Элиан сообщает нам о том, что Эвмен являлся сыном простого флейтиста, игравшего на похоронах (Ael. VH. 12. 43). Эта версия также не выдерживает критики. С большей вероятностью следует констатировать, что подобная гипотеза о его происхождении возникла уже после смерти Эвмена и служила, скорее, для очернения его личности. В античном обществе игра на музыкальных инструментах имела двойственную трактовку. С одной стороны, занятия музыкой являлись обязательными для юношей при обучении. Но, с другой стороны игра на музыкальном инструменте для состоявшегося взрослого мужчины вызывала презрительное отношение со стороны благородных граждан [13, p. 255]. Пожалуй, самым примечательным аргументом в пользу данной версии является прозвище Птолемея XII – Авлет (флейтист), чье правление в античной традиции описано крайне отрицательно. Более достоверными принято считать версии Плутарха и Корнелия Непота. Последний указывал на то, что род Эвмена из Кардии был весьма влиятелен в своем полисе (Nep. Eum. XVIII.1). Плутарх, отстраняясь от приведенного им же высказывания Дуриса, утверждает, что связь между Филиппом II и отцом Эвмена существовала в таком виде: отец был «гостеприимцем» царя (Plut. Eum. I). Если учесть, что оба античных автора испытали влияние более раннего произведения, написанного Иеронимом из Кардии, который к слову, был близким другом Эвмена и сопровождал его в период войн диадохов до самой смерти, то следует отметить взаимодополняемость высказываний Плутарха и Корнелия Непота [12, p. 67]. Стоит исключить возможность заимствования Плутархом сведений у Корнелия Непота, так как информативность работы Непота несопоставима с более подробным произведением Плутарха [6, p. 57]. По всей видимости, отец Эвмена действительно был влиятельной персоной в Кардии, и, соответственно, имел возможность завязать тесные отношения с Филиппом II.

Чтобы выяснить причины такого дружеского союза, необходимо обратиться к истории взаимоотношений самой Кардии и Македонского царства. Херсонес Фракийский во второй четверти IV века до н.э. был предметом распрей между Афинами и фракийцами во главе с Керсоблептом с одной стороны, и Македонским царством с другой [16, s. 41]. В 353 г. до н.э. фракийский царь уступил весь Херсонес афинянам за исключением Кардии (Diod. XVI.34.4). Кардия, занимая позицию независимого полиса, пыталась всячески противостоять афинской экспансии [4, p. 36]. По всей видимости, жители полиса нашли союзника в лице македонского царя Филиппа, который совершил нападение на Фракию в 352 – 351 гг. до н.э. и 342 – 341 гг. до н.э. Однако после вышеуказанных событий, союзные отношения между Кардией и Македонским царством перешли, скорее, в статус покровительственных, где покровителем являлся Филипп II. Вероятно, сближение отца Эвмена и Македонского царя произошло еще в первую фракийскую компанию Филиппа. В 343/342 г. до н.э. Эвмен из Кардии, будучи девятнадцатилетним юношей, поступил на службу к македонскому царю в качестве личного секретаря [4, p. 37; 16, s. 43; 17, s. 13]. Обстоятельства этого события также раскрываются в контексте истории Кардии. В итоговом сопоставлении, подведенном после биографий Сертория и Эвмена, Плутарх указывает на одно примечательное сходство между этими историческими персонажами (Plut. Eum. XX). И Эвмен, и Серторий, как сообщает Плутарх, являлись изгнанниками. По мнению Э. Ансона, в 342 г. до н. э. отец Эвмена был убит противостоящей его партии силой в лице тирана Гекатея, начало правления которого доподлинно неизвестно, а сам Эвмен был изгнан из родного полиса [4, p. 37]. Враждебность соотечественников – Гекатея и Эвмена, явно прослеживается в дальнейшем, когда Эвмен отказался под страхом смерти идти на примирение с тираном [8, p. 81].

Вероятно, он воспользовался хорошими отношениями своего отца с Филиппом и прибыл ко двору царя. Эвмен был назначен личным секретарем, что означало его фактическое вовлечение во все административные дела страны. Это связано с единоличной властью македонского монарха над самыми разными сферами жизни государства, такими как налогообложение, распределение доходов с рудников, демографическая политика городов и т.д. [4, p. 41]. Как отмечает Р. Вотерфилд, секретарь царя мог поддерживать всю организацию царства, за исключением тех чрезвычайных случаев, где вердикт правителя был бы решающим [18, p. 11]. А. Везин в своей работе указывает на ежедневное присутствие грамматевса при Филиппе II, у которого он мог учиться, в том числе, и дипломатическим уловкам, присущим Филиппу II. [17, s. 13]. Возникновение подобного института

управления как царская канцелярия, также является предметом дискуссий. Наиболее правдивой, кажется версия, выдвинутая Э. Ансоном, согласно которой должность секретаря в македонском царстве появилась при Филиппе II и получила свое развитие при Александре III – по мере интеграции персидских территорий в состав формирующегося государства во время Азиатского похода [3, p. 502]. Предположение Н. Хаммонда о том, что секретариат при македонском дворе возникает еще во времена Александра I, то есть с начала V века до н.э., маловероятно, так как, к примеру, в Афинах, объективно бюрократически более развитом государстве, архив появился лишь к концу указанного столетия [3, p. 503; 9, p. 131].

Попав на службу к Филиппу II, Эвмен стал частью царского окружения, которое именовалось «гетайрами» – друзьями [4, p. 42; 10, p. 120]. Фактически это был круг лиц, связанный доверительными отношениями с македонским монархом. Он, в свою очередь, мог наградить одного из гетайров земельным наделом. Хотя подобное сообщество состояло преимущественно из македонян ввиду своей традиционности, среди гетайров все-таки были и греки. Гетайры - это люди, которые занимали различные государственные должности: послы, наместники, советники и т.д. На этом этапе своей политической карьеры, находясь в новом окружении, Эвмен из Кардии, как и следовало ожидать, обрел не только врагов, но и союзников. Среди последних, особенно, следует отметить царицу Олимпиаду [4, p. 43; 16, s. 45; 17, s. 13]. Впоследствии мать Александра III и жена Филиппа II называла Эвмена «самым верным другом» (Diod. XVIII.58.2). Причина, по которой произошло сближение царицы и грамматевса, вероятно, кроется в самом происхождении этих людей. Олимпиада была дочерью Эпирского царя Неоптолема I, правившего всего один год с 361 по 360 гг. до н.э. Следующим правителем Эпира стал Арриба – дядя Олимпиады, который выдал ее замуж за Филиппа II. Как и Эвмен, она была чужеземкой в глазах македонской аристократии. Неудивителен тот факт, что Эвмен и Олимпиада предпочли союзные отношения перед традиционалистской политикой македонских элит [2, с. 53]. В цепочке событий, среди которых, мы можем перечислить женитьбу Филиппа на дочери македонского аристократа Аттала, и, последовавшую за этим ссору царя с сыном и Олимпиадой, по предположению А. Везина, Эвмен должен был поддержать свою союзницу [17, s. 13]. Однако невозможность такого развития событий обосновывается, в первую очередь, тем, что Эвмен являлся личным секретарем Филиппа вплоть до самого его убийства, а, следовательно, в этот период, власть и влияние кардийца полностью зависели от царской персоны. Более правдоподобным выглядит мнение К.Шефера о том, что Эвмен, как и в последующих событиях 323 г. до н.э., занял нейтральную позицию [16, s. 46]. О натянутых взаимоотношениях между Эвменом и македонской аристократией говорят также отношения между ним и Антипатром – советником Филиппа и наместником в Европе в правление Александра. Антипатр, будучи приверженцем старых македонских традиций, постоянно вступал в конфликты с Олимпиадой, поэтому поддержка царицы Эвменом равным образом вызвала враждебность Антипатра и к нему [4, p. 45]. Еще одним фактором раскола между грамматевсом и советником царя можно считать дружбу Антипатра с тираном Кардии – Гекатеем. В источниках мы встречаем сведения о том, что Гекатей служил у Антипатра в качестве эмиссара [11, p. 119]. Дискуссионным остается вопрос о влиянии немакедонского происхождения Эвмена на развитие его карьеры при дворе Филиппа, а позднее Александра. Тем не менее, Эвмен из Кардии, в той или иной степени, интегрировался в македонское окружение, обретя при этом союзников, с которыми у него сложились благожелательные отношения. Однако, как нам представляется, крепких дружественных союзов, возможно за исключением Олимпиады, Эвмен так и не приобрел. Существует крайне небольшое количество свидетельств, показывающих нам лояльность Эвмена из Кардии к тому или иному историческому персонажу. С другой стороны, будущий диадох стал непримиримым соперником для некоторой части македонской элиты.

После смерти Филиппа II Эвмен стал личным секретарем его сына – Александра III. Последний даже повысил его до должности «архиграмматевса» – главы царской канцелярии [16, s. 47]. Последовательный переход по службе от одного царя к другому, несмотря на все ранее произошедшие события, а, именно: добровольное изгнание Александра, затем – убийство Филиппа, обуславливается практической значимостью такого социального института как царская канцелярия [4, p. 45; 17, s. 14]. Македонскому монарху был необходим человек, способный контролировать административный аппарат царства. По мере продвижения македонской армии в ходе Азиатского похода, возрастало и влияние Эвмена, так как территория государства охватывала теперь гораздо большее пространство, чем прежде. Завоевав Персию, македоняне познакомились с подробнейшим образом с восточным бюрократическим аппаратом, который они затем стали формировать и у себя. В период персидского похода Эвмен был вынужден взаимодействовать также и с другими сподвижниками царя. Наиболее характерный эпизод - конфликтная ситуация с приближенным Александра Гефестионом. Ссоры с Гефестионом отлично показывают отношение царя к секретарю. Первый назревший конфликт заключался в том, что ранее снятый дом для

Эвмена был отдан флейтисту Эвию, за которого хлопотал Гефестион. Данный поступок вызвал большой скандал, о котором Плутарх пишет так: «Раздраженный Эвмен явился к Александру и стал кричать вместе с Ментором, что играть на флейте или быть актером выгоднее, поэтому следует бросить оружие» (Plut. Eum. II). Александр же изначально отчитал Гефестиона, однако, позже разругался и с Эвменом, увидев в его поступке неуважение и дерзость к самому себе. Во взаимоотношениях Александра и Гефестиона (Plut. Alex. XLVII), где Гефестион считался самым близким другом царя, можно воспринять ссору между ними, скорее, как дружескую перепалку, чего нельзя сказать об ухудшении отношений Александра с Эвменом. Учитывая положение Эвмена, подобный инцидент мог стоить секретарю должности, однако, вероятнее всего, ответственность и осведомленность кардийца в делах канцелярии были незаменимы в тот момент [16, s. 50]. Более того, следует отметить такой смелый поступок Эвмена, дерзнувшего вступить в конфликт со «вторым Александром», как признак возросшего авторитета секретаря. Причина указанного конфликта, вероятно, кроется в межличностных отношениях. Гефестион, который, как известно, был не самым способным военным деятелем, в отличие от того же Кратера, все время пытался обратить внимание Александра на себя [11, p. 93]. Если учитывать, что лояльность Александра для Эвмена означала собственную безопасность, то возникновение конфликтов между секретарем и Гефестионом вполне предсказуемо. Вероятнее всего, дружба Эвмена и Кратера – одного из самых доблестных полководцев Александра Македонского, о которой сообщает Плутарх, возникла на почве общей неприязни к Гефестиону [4, p. 47]. Тем не менее, Эвмен являлся весьма осторожным человеком, и чтобы отвести от себя всяческие подозрения в причастности к смерти Гефестиона, а также негодование скорбящего по нему Александра, он находился в числе первых, кто пожертвовал крупное состояние на погребальную процессию почившего [15, p. 374; 17, s. 17].

Следующий эпизод описывает инцидент уже между Александром и Эвменом. Как передает Плутарх (Plut. Eum. II), царь Македонии, среди прочих своих друзей, потребовал от Эвмена 300 талантов на содержание экспедиции Неарха к океану. Однако Александр получил лишь одну сотню. Дабы уличить Эвмена во лжи, Александр приказал тайно сжечь палатку Эвмена, в которой находились многочисленные архивные записи канцелярии. При этом обнаружилось, что денежных средств Эвмена позволяли одолжить требуемые 300 талантов Александру. Но царь не взял денег, хотя в тоже время велел Эвмену восстановить архив путем получения копий сгоревших бумаг от сатрапов и стратегов. К. Шефер подвергает данный фрагмент предания Плутарха сомнению, так как весьма маловероятно то, что Александр, уличив в таком преступлении Эвмена, оставил бы его в прежней должности [16, s. 49]. Возможно, причина такого снисходительного отношения к царскому секретарю, как и в конфликте с Гефестионом, объясняется незаменимостью кардийца [14, s. 95]. С определенной долей осторожности можно также предположить, что загруженность административного аппарата после завоевания Персии была очень высокой. Этим фактором может быть обусловлена отрешенность Эвмена от военных дел, ведь у него, как выяснится позднее, определенными военными способностями он все же обладал. До войн диадохов мы можем встретить лишь один случай, когда царский секретарь получал командование над определенным контингентом воинов. В 326 г. до н.э. во время Индийского похода Александр отправил Эвмена и 300 всадников известить соседние города о взятии Сангалы (Arr. Anab. V.24.6). Однако в военном характере этого маневра можно усомниться и назвать его скорее дипломатической миссией [4, p. 48]. Как оказалось, по прибытии Эвмена и его солдат ждали города, брошенные беженцами, которые узнали о падении Сангалы до появления эмиссара. Следует признать, что Эвмен нужен был Александру, в первую очередь, как глава канцелярии, но не как военный.

Политическая позиция Эвмена из Кардии окрепла еще больше, когда в 324 году до н.э. Александр Македонский решил приобщить к своим ориенталистским убеждениям и свое войско. Результатом такого решения стала грандиозная свадьба в Сузах, в которой приняли участие множество солдат и командиров македонской армии, получивших в жены девушек из знатных персидских семей. Эвмена же Александр женил на Артониде – сестре Барсины, у которой от Александра был сын Геракл. Таким образом, Эвмен стал одним из самых влиятельных греков в окружении Александра [16, s. 49; 17, s. 15].

В этом же году произошло еще одно событие, повлиявшее на карьеру Эвмена из Кардии [5, p. 88]. Осенью в Экбатанах умер Гефестион, и занимаемая им должность хилиарха оказалась вакантной. На этот пост Александр назначил Пердикку – гиппарха гетайров, верного сподвижника царя, македонянина из выдающегося близкого Аргеадам рода. В свою очередь, Эвмен занял должность гиппарха гетайров. Но если для Пердикки занимаемая ранее должность была весьма почетной и, таким образом, повышала его авторитет среди окружения царя, а также войска в целом, то Эвмену – иноземцу, к тому же выходцу из административной сферы государственного управления, приходилось встречаться в основном с завистью и негодованием македонян. В примечательном пассаже, передаваемом

Плутархом, мы находим следующее высказывание, принадлежавшее одному из командиров, Неоптолему, который утверждал, что: «…шел за царем со щитом и копьем, в то время, как секретарь провожал его с грифелем и табличкой для письма» (Plut. Eum. I). Кроме того, в исторических источниках встречается информация о том, что еще в период войн диадохов Эвмен послал перед боем к противостоящему войску, некоего Ксенния македонянина, с целью убедить противника перейти на сторону кардийца. Это суждение предполагает, что солдаты противника с большей вероятностью предпочли бы говорить с македонянином, а не с греком [7, p. 3].

Сохранилась ли за Эвменом из Кардии должность архиграмматевса после его назначения гиппархом, доподлинно неизвестно. Несмотря на это, свидетельства событий, произошедших уже после смерти Александра Македонского, позволяют нам предполагать совмещение этих должностей. Как мы помним, одной из обязанностей Эвмена было составление «эфемерид» и «гипомнемат» – каждодневных записей и воспоминаний монарха. В них содержались фактически каждые действия и решения царя: от сведений о досуге до важнейших стратегических и дипломатических планов [1, с. 141; 9, p. 132]. Степень секретности этих сведений, как правило, разнилась – большинство событий, произошедших с Александром, окружение царя могло наблюдать воочию, другие, желающие их выяснить, могли это сделать без особых хитросплетений. Тем не менее, должность царского секретаря предполагала определенную степень ответственности. О требованиях указанного административного института Корнелий Непот писал следующее: «Тот [Филипп] держал его при себе в качестве секретаря, а чин этот ценится у греков гораздо выше, чем у римлян. Ведь у нас писцы не без основания считаются наемниками, у них же, напротив, на эту должность допускаются только почтенные люди испытанной честности и усердия, поскольку писец неизбежно причастен ко всем замыслам господина» (Nep. Eum. XVIII.1). Однако, пожалуй, самыми известными фрагментами эфемерид являются отрывки, содержащие информацию о последних днях Александра Македонского. Среди исследователей до сих пор нет единого мнения по поводу происхождения этих сведений. Э. Ансон и Н. Хаммонд считают, что последние дни жизни македонского царя были записаны Эвменом из Кардии и Диодотом Эритрейским, когда последний, видимо, был подчиненным Эвмена [3, p. 501; 9, p. 133]. П. Родс отвергает подлинность имеющейся в ежедневных записях информации, утверждая, что эфемериды были сфальсифицированы Эвменом и написаны так, чтобы скрыть отравление Александра [15, p. 349]. Однако версия эта весьма маловероятна, ведь, как указывалось ранее, окружение царя было рядом с ним даже в момент его кончины, и фальсификация эфемерид была бы возможна лишь после смерти всех очевидцев.

Таким образом, к 323 г. до н.э. Эвмен из Кардии оказался одним из влиятельнейших соратников умершего царя. Он занимал должность гиппарха, что обеспечивало ему военную поддержку. Также в его руках находилась царская канцелярия, содержащая ценные бумаги не только государственного характера, но и личную переписку царя. Однако не стоит забывать, что власть и авторитет секретаря Филиппа II, а затем и Александра III полностью зависели от расположения монарха. В 323 г. до н.э. в Вавилоне, в результате продолжительных стычек и конфликтов между пехотой и всадниками, Пердикка стал регентом царства, то есть фактически первым лицом государства. Вероятнее всего, стремление быть в хороших отношениях с новым правителем побудило Эвмена из Кардии воспользоваться своим положением и выдать несостоявшиеся планы Александра Пердикке для оглашения их войску.

По всей видимости, это действие было одним из последних, произведенных Эвменом из Кардии в должности главы царской канцелярии.

Источники и литература/ References

1. Шахермайр Ф. Александр Македонский. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 559 с. Shakhermair F. Aleksandr Makedonskii (Alexander the Great). Rostov-na-Donu: Feniks, 1997. 559 p. (In Russian).
2. Шофман А. С. Распад империи Александра Македонского. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. 224 с.Shofman A. S. Raspad imperii Aleksandra Makedonskogo (The collapse of the empire of Alexander the great). Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1984. 224 p. (In Russian).
3. Anson E.M. The «Ephemerides» of Alexander the Great // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte, 1996. Bd. 45, H. 4, P. 501 – 504.
4. Anson E. M. Eumenes of Cardia. A Greek among Macedonians. Leiden; Boston, 2004. 285 p.
5. Badian E. Collected papers on Alexander the Great. London – New York. Routledge, 2012. 536 p.
6. Boswoth A.B. History and artifice in Plutarch's Eumenes // Plutarch and the Historical Tradition. London – New York. Routledge, 1992. P. 56 – 89.
7. Champion, J. Antigonus the One-Eyed: Greatest of the Successors. Barnsley. Pen & Sword Books Ltd, 2014. 235 p.
8. Grainger, J. D., Antipater's dynasty. Alexander the Great's regent and his successors. Barnsley – Havertown. Pen & Sword Books Ltd. 2019, 264 p.
9. Hammond N. G. L. The Royal Journal of Alexander // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte, 1988. Bd. 37, H. 2, P. 129-150
10. Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great, a Prosopographical Study. Malden – Oxford – Carlton. Blackwell Publishing, 2006. 389 p.

11. Heckel W. Alexander's Marshals: a study of the Makedonian aristocracy and the politics of military leadership. Abingdon – New York. Routledge. The second edition, 2016. 373 p.
12. Hornblower J. Hieronymus of Cardia. Oxford. Oxford University Press, 1981. 301. p
13. Howe T., Müller S., Stoneman R. Ancient Historiography on War and Empire. Oxford – Havertown. OXBOW Books, 2017. 304 p.
14. Lotze D. Griechische Geschichte. Von den Anfängen bis zum Hellenismus. München. C.H. Beck, 2010. 127 S.
15. Rhodes P. J. A history of the classical Greek world: 478–323 B.C. Malden – Oxford – Carlton. Blackwell Publishing, 2006. 407 p.
16. Schäfer C. Eumenes von Kardia und der Kampf um die Macht im Alexanderreich. Frankfurt am Main. Clauss, 2002. 201 S.
17. Vezin, A. Eumenes von Kardia: Ein Beitrag zur Geschichte der Diadochenzeit. Münster: Druck und Verlag der Aschendorffschen Buchhandlung, 1907. 163 S.
18. Waterfield R. Dividing the Spoils: The War for Alexander the Great's Empire (Ancient Warfare and Civilization). Oxford. Oxford University Press, 2012. 304 p.

Сведения об авторе

Михайлов Владислав Борисович – аспирант кафедры археологии и истории древнего мира Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / wlad_27@mail.ru

Information about the author

Mikhaylov Vladislav – Postgraduate student, Chair of Archaeology and Ancient History, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / wlad_27@mail.ru

УДК 393.05.9
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.9

А. В. Саенко

БИТВА НА ФИРИСВЕЛЛИРЕ КАК ДУАЛИСТИЧНЫЙ «КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ» ШВЕДСКОЙ И ДАТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Битва на Фирисвеллире (она же «битва на Фирисвалларне») – значимое событие раннешведской истории, сражение между конунгом Эриком и претендентом на трон Свеаланда Стирбьёрном Сильным. Фактически указанное сражение является наиболее ранним из событий шведской истории, будучи отображенным как в письменных источниках Дании и Древней Исландии, так и в памятниках рунической письменности. В силу этого, а также ряда других обстоятельств битва двух претендентов–язычников стала важным событием, как для шведской, так и датской историографии. При этом подходы к описанию и трактовки сражения оказались разными у шведских и датских историков и в равной степени были подвержены влиянию различных тенденций как в исторической науке, так и социально-политической направленности. Данная статья является первой русскоязычной работой, исследующей как работы скандинавских историков по битве на Фирисвеллире, так и развитие исторической мысли в контексте данной битвы. Автор вводит в русскоязычный научный оборот ряд работ зарубежных исследователей, ранее остававшихся по тем или иным причинам вне поля зрения русскоязычной скандинавистики. Предлагается концепт сражения на Фирисвеллире как своеобразного «краеугольного камня» не сколько именно шведской и датской историй, сколько историографии в указанных странах. Описываются события, предшествующие сражению, а также исторический контекст и ландшафт. Рассматриваются ключевые теории, касающиеся сражения, как с точки зрения шведских историков, так и с точки зрения историков датских. Сделан обзор их развития с течением времени. Дается характеристика различий в восприятии, обосновываются причины как разного подхода к восприятию битвы, так и причин с одной стороны угасания, а с другой – неослабевающего интереса к событию. Статья базируется на письменных источниках, а также на классических, и современных исследованиях – лундских теоретиков гиперкритической школы братьев Вейбулль, шведских историков Й. Лундквиста, К.Л. Тунберга, Г. Дальбек и др., а также ряда датских историков.

Ключевые слова: Шведская история, датская история, историческая память, Средневековая Скандинавия, военная история.

Aleksandr Saenko

THE BATTLE OF FYRISVELLIR AS DUALISTIC “CORNERSTONE” OF SWEDISH AND DANISH HISTORIOGRAPHY

The Battle of Fyrisvellir (also known as the “Battle of Firisvallarna”) is a significant event in early Swedish history, the battle between the king Eric and the candidate for the throne of Svealand Styrbjörn Strong. In fact, this battle is the earliest event in Swedish history, being reflected both in written sources in Denmark and Ancient Iceland, and in the monuments of runic writing. Due to this, as well as a number of other circumstances, the battle of the two pagan pretenders became an important event for both Swedish and Danish historiography. At the same time, the approaches to the description and interpretation of the battle turned out to be different among Swedish and Danish historians and were equally influenced by various trends in both historical science and socio-political events. This article is the first Russian-language work examining both the work of Scandinavian historians on the Battle of Fyrisvellir and the development of historical thought in the context of this battle. The author introduces into the Russian-language scientific circulation a number of works by foreign researchers who, for one reason or another, remained outside the field of vision of Russian-speaking Scandinavian studies. The concept of the battle on Fyrisvellir is proposed as a kind of «cornerstone» not so much of Swedish and Danish history, but of historiography in these countries. The events preceding the battle, as well as the historical context and landscape are described. The key theories regarding the battle are examined, both from the point of view of Swedish historians and from the point of view of Danish historians. The author provides an overview of their development over time. The characteristic of differences in perception is given, the reasons for both a different approach to the battle perception, and reasons on the one hand for the extinction, and on the other, for the unremitting interest in the event, are substantiated. The article is based on both classical and modern studies – Lund theorists of the hypercritical Weibull brothers’ school, Swedish historians J. Lundquist, K.L. Thunberg, G. Dalbeck and others, as well as Danish historians.

Key words: Old Uppsala, the Viking Age, historical memory studies, paganism, runic writing, military history.

Фирисвеллир (др.сканд. Fyrisvellir, «заливной луг» или «поля» Фириса) – пологая речная долина на правом берегу реки Фирис, географически ограниченная в современности южными окраинами Уппсалы на юге и Старой Уппсалой на севере. В шведской историографии так же распространено современное название Фирисвалларна (шв. Fyrisvallarna) имеющее близкое древнескандинавскому смысловое значение («пастбище Фириса»).

В раннесредневековые времена данная долина служила перевалочным пунктом для путешествующих по реке к городу Уппсала (современная Старая Уппсала) и расположенному там же крупному языческому храму. В VI веке н.э. из-за характерного для Швеции сильного подъема земли относительно уровня моря часть реки стала несудоходной. Далее порога Kvarnfallet путешествие по Фирису было невозможно, поэтому товары, равно как и люди, остаток пути (~15 км) проводили остаток пути по суше [19, с. 52]. Таким образом, существовали отдельно два центральных города – непосредственно Уппсала и её порт, Остра Арос, (др. сканд. Östra Aros, «восточный порт», в противопоставление «западному», Вестеросу), разделенные полем Фирисвеллир.

В XI в. торговый город перерос Уппсалу, и основная активность сосредоточилась в нём. В 1273 г. архиепископ шведский после масштабного пожара в Уппсале перенес свою кафедру в Остра Арос, тем самым завершив процесс «переезда» власти и разделения двух Уппсал.

В 980 гг. именно на Фирисвеллире произошла довольно кровопролитная битва, которая, вероятно несколько подстегнула процесс политогенеза в Свеаланде. Одновременно, в силу ряда характеристик, впоследствии данное событие отлично легло в русло датско–шведского соперничества, что серьёзно повлияло на оценки характера и роли сражения.

Раннесредневековую Швецию довольно сложно характеризовать с социально–политической точки зрения. Несмотря на вероятное наличие некоторых законодательных актов, большая часть её политических институтов были откровенно архаичными (альтинги, титулатура конунгов, смешанная роль религии). Данные обстоятельства в совокупности с сильной территориальной фрагментарностью [18, p. 35 – 44] мешают назвать Швецию государством в классическом виде.

Для разрешения данного парадокса шведская историография с середины 1960-х годов вместо данного термина использует историографический конструкт «Раннее государство», включающий в свою характеристику как некоторые черты раннефеодального строя, так и вождества [18, p. 2–4]. В целом дискуссия о точном времени образования Шведского государства не прекращается, приводятся аргументы как в пользу более раннего его образования, так и более позднего [18, p. 48–54].

Так или иначе, по сложившемуся в современной науке мнению, в X в. единого государственного образования на территории современной Швеции не существовало. Наиболее значимыми объединениями был Свеаланд на востоке, объединенный вокруг конунгов Уппсалы, и Гёталанд на западе. При этом провинции, входящие в эти аморфные объединения, обладали де-юре и де-факто сильно расширенной автономией на грани независимости, вплоть до отдельной системы сбора дани и отдельных областных законов, являвшимися измененными вариантами «материнских».

Битва в исторической памяти и исторической традиции Швеции

К 980 гг. в Свеаланде возникла кризисная ситуация. В 975 г. во время пира внезапно умер один из двух правящих конунгов Свеаланда, Олаф II Бьёрнссон. Его соправитель, Эрик, провозгласил конунгом своего ещё не рожденного сына [1, I]. В свою очередь, этому воспротивился сын конунга Олафа – Стирбьёрн (или Стюрбьёрн) Сильный. Заручившись помощью датского короля, а также йомсвикингов он совершил несколько набегов на шведское побережье, а затем организовал поход на Уппсалу. В некоторых источниках Стирбьёрн зовется конунгом йомсвикингов, однако данный вопрос остается неясным.

Так или иначе, в состав армии вторжения входили как йомсвикинги и шведы–союзники Стирбьёрна, так и датчане, вместе с королем Харальдом Синезубым. У порога Кварнфоллет армия была вынуждена сойти с кораблей, согласно «Пряди о Стирбьёрне Шведском Воителе» – из-за завалов на реке, созданных конунгом Эриком [1, II]. Для вдохновения своих войск Стирбьёрн сжег корабли, после чего большая часть датского войска вместе с королём ушла.

Впоследствии Стирбьёрн вместе с йомсвикингами прорвался сквозь лес, где его безуспешно пытались задержать свеи, и вышел к Уппсале. Там Эрик, по совету лагмана Торгни погнал на строй армии вторжения собранное и связанное стадо, которое сломило порядки наступающих войск [1, II], однако данная уловка не привела к победе, а лишь затянула ход сражения. Два дня битва продолжалась с переменным успехом, пока на третий день к Эрику не подошли подкрепления со всего Свеаланда. В битве погибла большая часть йомсвикингов, включая Стирбьёрна. По итогу борьбы за Эриком закрепилось почетное прозвище «Победоносный» (др. сканд. Sigrsæli).

Битва в исторической памяти и исторической традиции Швеции

Несмотря на то, что описание сражения в источниках (прежде всего исландских) подразумевает довольно масштабное событие, скандинавские историки довольно быстро забыли о нём.

Наиболее подробные пересказы событий, прямо или косвенно, представлены в исландских сагах. Так, «Сага о Людях с Песчаного берега» (Бьёрн с Широкого залива упоминается как йомсвикинг в конце 900х годов) [3, XXIX]. «Сага о Кнютлингах» [2, II] кратко пересказывает события, приведшие к битве, и дает ещё одно её название, бытовавшее в Средневековой Исландии – «Svíar Fýriseltu», «погоня на Фирисе» (из-за преследования разбитого войска Стирбьёрна).

Наиболее подробное описание событий сохранилось в «Книге с Плоского острова», сохранившей в составе саги о святом Олафе «Прядь о Стирбьёрне шведском воителе». Несмотря на определенные художественные преувеличения, особенно заметные в заключительной части пряди, произведение содержит так же несколько важных деталей о происхождении Стирбьёрна и его характере. При этом из упомянутых исландских произведений «Flateyjarbók» является довольно поздним источником – большая её часть написана в конце XIV в., однако некоторые отрывки и вовсе в XV в.

Однако если взглянуть на шведские хроники, то они обходят крупную распрю стороной, а первые исторические произведения, возникшие всё в том же XV в., описывают сражение очень расплывчато и по материалам «Деяний данов». Определенный всплеск интереса наблюдается только с расцветом шведского великодержавия и ростом интереса к древней истории в XVI–XVIII вв. Андерс Ботин и Улоф Далин, исследуя материалы исландских саг, провозгласили битву на Фирисвеллире своеобразной «отправной точкой» шведской истории, поскольку она к тому времени являлась наиболее ранним из выявленных событий [10, p. 594–596]. Данная точка зрения доминировала вплоть до появления гиперкритических работ братьев Вейбулль [24, p. 20].

Следующий всплеск интереса к событиям под Уппсалой был вызван ростом интереса к древней истории в XIX в. В 1846–1847 гг. археологами были проведены раскопки великих курганов Уппсалы (под руководством Б.Э. Хильдебрандта). В частности, был раскопан курган Эрика Победоносного, по некоторым источникам насыпанный по его приказу непосредственно после битвы. Литературно обработанная компиляция из исландских саг была включена Андреасом Фрюкселлем в состав «Очерков по шведской истории» (шв. Berättelser ur svenska historien), популярнейшего в стране исторического сочинения [Fryxell, 1846, p. 124–129]. Шведский писатель финского происхождения Густав Хенрик Меллин включил сильно беллетризированное описание битвы с обеих сторон в качестве отдельных текстов в книгу для школьного чтения (шв. Lärobok i fäderneslandets historia) [21, p. 101]. В целом, по выражению шведского историка Стэна Кёрнера, на рубеже XIX–XX веков битва являлась «самым обсуждаемым событием шведской истории» [14, с. 391].

Однако классические исследования шведских историков серьёзно полагались на исландские саги в качестве исторических источников, и закономерно были подвергнуты серьёзной критике лундских историков, в особенности – братьев Вейбулль. Любопытно, что Лауриц и Курт Вейбулль, несмотря на схожесть позиций, подошли к критическому осмыслению событий по-разному [24, p. 99].

Лауриц Вейбулль разделил понятия «Битва на Фирисвалларне» и «Битва под Уппсалой». По его мнению, обе битвы случились примерно в одно время, однако сильно отличались масштабами и были зафиксированы разными свидетельствами. В то время как «битва на Фирисвалларне» была в основном зафиксирована исландскими сагами, записанными ближе к XIV в. и сильно преувеличенными, «битва под Уппсалой» оставила свидетельства в виде серии рунических камней, оставленных по всей южной Швеции. Л. Вейбулль так же отсортировал источники по степени достоверности, отвергнув некоторые из них как позднейшие литературные памятники [24, p.99].

Курт Вейбулль, в целом придерживаясь вышеописанной линии, ввел теорию, по которой битва на Фирисвалларне являлась сражением между Эриком Победоносным и армиями местных вождей Хундинга и Торкеля Гримссона (упомянутых на памятниках рунической письменности), которые в сагах превратились в одного литературного персонажа – Стирбьёрна Сильного [24, p.99].

В противовес лундским историкам, представители «уппсальской школы» подвергали сомнению связь рунических камней с битвой между Эриком и Стирбьёрном, указывая на сведения из исландских саг как на единственно надежные [6, p. 245].

Несмотря на высокую оценку трудов братьев Вейбулль, уже в 1960–е годы их оценка сражения подверглась пересмотру. Тому способствовали как новые открытия рунических камней, содержащих сведения о битве под Уппсалой, так и новые анализы литературных источников исландского происхождения [14, p. 391].

Любопытно, что, используя критический метод анализа, введенный в шведскую историческую науку именно лундской «гиперкритической» школой, исследователи последовательно опровергали точки зрения не только представителей «уппсальской школы», но и Вейбуллей. Так, постепенно появились критические оценки разделения битвы на две, а также критика участия вышеописанных местных вождей в битве. Своеобразным логическим финалом дискуссий 1940–1980-х гг. и главной теоретической работой по интерпретации письменных и археологических памятников, прямо или косвенно касающихся сражения, является магистерская работа Карла Л. Тунберга «Битва на Фирисвалларне», вышедшая в 2012 гг.

В данном исследовании, в частности, исследована логическая связь между памятниками рунической письменности, оставленными воинами армии вторжения, и исландскими сагами, прямо или косвенно описывающими битву. Тунберг, не оспаривая существование позднейших включений в саги, опираясь на предыдущие исследования саговедов, уверенно аттрибутирует «Прядь о Стирбьёрне шведском воителе» как базирующуюся на

аутентичном более раннем произведении. При этом он отождествляет оборот Hundings (использованный Куртом Вейбуллем в качестве аргумента в пользу «вождя Хундинга) не с именем отдельного вождя, а с титулатурой Стирбьёрна [24, p.46].

По мнению Тунберг, несомненно, что в конце 900х годов под Уппсалой произошла кровопролитная битва, в которой сражались шведский конунг Эрик и претендент на его трон Стирбьёрн [24, p.98 – 100]. С той или иной стороны в ней, крайне вероятно, принимали участие исландцы. Последние, скорее всего, и донесли информацию на родину, где их рассказы были включены в ряд саг. Стоит отдельно отметить, что автор обходит стороной крайне противоречивый вопрос участия датских войск в сражении[1].

Таким образом, шведские исследования по битве на Фирисвеллире в целом следуют общему развитию шведской исторической науки:

– Ранняя историческая наука, чьими представителями были преимущественно, королевские антиквары, заново открыли событие и представили свою идеализированную трактовку.
– Новый всплеск интереса к древнескандинавской истории произошел в конце XIX в., с сильным остаточным влиянием романтического подхода к истории, а также безраздельным доверием к исландским источникам.
– Гиперкритическая «лундская школа», последовательно опровергла теории предыдущих поколений историков и переосмыслила источники, на которых эти теории базировались.
– Для середины XX в. Характерно размытие границ между «лундской» и «уппсальской» школами исторической науки с переоценкой классических исследований обеих школ и построением новых теорий на их базе.

Битва в датской исторической традиции

Несмотря на серьёзную вовлеченность датской стороны в «политический кризис X века» в Свеаланде, событие осталось лишь немногим лучше запечатленным в Дании.

Уже в составленной в XII в. хронике «Деяния данов» уппсальские события отмечены сильно вскользь, хотя и проливают некоторую ясность на характер сотрудничества Стирбьёрна и Харальда Синезубого. Согласно хронике, Харальд Синезубый был вынужден произвести отвод датского войска, чтобы защитить свои владения от набегов свеев, в то время как Стирбьёрн не стал дожидаться возвращения союзников и ввязался в битву [5, X]. Возможно, характер описания ухода датского войска от войска йомсвикингов был продиктован определенной тенденциозностью Саксона Грамматика, стремящегося обосновать и упрочить датскую точку зрения на различные события, в том числе – приведшие к отходу датских сил из Швеции.

Следующий всплеск интереса к походу возник уже в XVIII в. Датский историк, архивист и популяризатор истории Якоб Лангебек (1710 – 1775) связал Стирбьёрна с легендарными основателями датской династии Эстридсонов. Аттрибутируя Стирбьёрна (чьё имя переводится с древнескандинавского как «Дикий медведь») с легендой о том, что дедом Торкеля Блистающего был медведь, Лангебек вывел от него (через ярла Ульфа) родословную датских королей, включая Кнуда Великого [15, p.281–282]. Данную теорию поддерживали в том или ином виде многие скандинавские учёные вплоть до XX в.

Так, Петер Андреас Мунк в считающейся долгое время в Норвегии классической работе Det Norske Folks Historie рассматривает данную теорию как доказанную [22, p.101]; аналогичной позиции придерживался генеалог Уилльям Джордж Сирл в капитальном исследовании генеалогии древнеанглийской знати и духовенства [23, p. 355].

Начало XX в. принесло «ветер перемен» в исторические теории. Однако датские историки, в особенности исследователи эддической литературы, как ни странно, оппонировали в диспутах, касающихся битвы на Фирисвеллире членам «лундской школы» (которые, в свою очередь, противостояли классической шведской историографии и консервативной «уппсальской школе»).

Так, Элизабет Якобсен, датский рунолог, археолог и историк (1882–1961 гг.) оппонировала Курту Вейбуллю в его определении «вождя Хундинга» [14, p. 391]. Финнур Йонссон – Лаурицу Вейбуллю в его отсеивании части исландских текстов как позднейших и, следовательно, неправдоподобных [14, p. 392–395], кроме того, им была предложена альтернативная трактовка оборота «Her hunding» в значении «hers hundmarg» («с бесчисленной армией») [14, p. 394].

Таким образом, датские историки заняли любопытную позицию. Их интерес к битве на Фирисвеллире скорее касался личности Стирбьёрна Сильного как явного предка датской королевской династии. В то же время, в Дании существовала сильная школа исследования рунической письменности и исландской литературы, которая оппонировала новым шведским тенденциям не менее яро, чем шведская традиционная «уппсальская школа».

Однако, несмотря на насыщенное диспутами начало XX века, уже к середине количество датских исследований, касающихся сражения, резко падает. Датская историческая наука стала всё больше исследовать проблемы непосредственно датского раннего средневековья, и всё меньше – зарубежного. Современные исследования в целом следуют этой тенденции – автором не было выявлено ни одной работы за последние 20 лет,

1 Свидетельства, приведенные в исландских сагах, либо крайне лаконичны и свидетельствуют просто о «походе Стирбьёрна», либо содержат указание на то, что датчане оставили войско йомсвикингов уже на этапе высадки. В то же время Саксон Грамматик указывает совершенно иную информацию о мотиве отхода датских войск (см. далее), а среди имен на рунических камнях присутствуют однозначно датские [24, с.3].

посвященной непосредственно битве на Фирисвеллире и вышедшей в Дании. В то же время, дискуссионные вопросы раннего Средневековья, общие для всего региона, находят отображение в работах датских историков, иллюстрацией чему, например, служит дискуссия о «королевских хуторах», хусабю [11, p. 41–55].

Две исторические традиции – датская и шведская

Как для шведской, так и датской исторической традиции битва на Фирисвеллире является своеобразной отправной точкой, «краеугольным камнем» истории Швеции как таковой. До 980 г. на территории современной Швеции событий, отображенных в письменных источниках неоднократно, не было выявлено. Кроме того, развернутых письменных источников древнешведского происхождения фактически не сохранилось[1]. И наконец, битва произошла в период расцвета существования рунических камней, и вовлекла в себя представителей всех скандинавских регионов того времени, что способствовало максимально широкому распространению информации о ней.

Однако при ближайшем рассмотрении можно заметить существенную разницу в подходах двух исторических школ. В то время как для шведских историков Эрик Победоносный стал связующим звеном королевской династии с полулегендарными королями–Инглингами, датские историки рассматривали поход Стирбьёрна до XVIII в. весьма эпизодично, как элемент феодальной распри, не требующий дополнительных исследований.

Однако в середине XVIII в. Стирбьёрн стал рассматриваться как дед Кнута II (и соответственно, английских эрлов, включая Гарольда Годвинсона), и данный подход стал красной нитью проходить через датскую историографию вплоть до середины XX в.

Нельзя не заметить, что появление теории о «Стирбьёрне–предке» совпало с разрушением шведского великодержавия. Теория о конунге Стирбьёрне, одновременно лишенного законного трона, но являющегося предком великих монархов датского происхождения становилась своеобразным подкреплением амбиций на политическое и культурное первенство на Балтике, утраченное Швецией (долгое время «монополизировавшей» битву на Фирисвеллире как событие именно шведской историей).

Новый всплеск интереса к битве на Фирисвеллире возник во второй половине XIX в., с расцветом классического европейского национализма и очередным ростом интереса к древнескандинавской истории. В Швеции этот период отмечен первыми историческими исследованиями и академическими работами по кризису 980 гг. и личности Эрика Победоносного. В Дании этот период отмечен продолжающимися работами по вышеописанной теории Стирбьёрна.

Однако, как только спала волна идеализированного и романтизированного отношения к раннесредневековой истории, а в Швеции возникла критическая лундская школа, все теории, касающиеся битвы при Фирисвиллире подверглись беспощадному переосмыслению. XX в. стал конечным для теорий о влиянии Стирбьёрна на датскую королевскую династию, данная теория уже тогда стала считаться устаревшей [7].

В то же время шведской историографией большая часть исторических исследований по теме была отвергнута как недостаточно историчная, вместе с ней был сильно сужен круг исторических источников, признаваемых в качестве аутентичных. При этом датские исследователи древнескандинавской литературы оппонировали лундским историкам, в частности, братьям Вейбулль, и именно условно «датский» подход к атрибуции саг и прядей, включающих в себя поход Стирбьёрна, признаётся большинством шведских историков как верный (с некоторыми оговорками).

Однако в отличие от Дании, в Швеции битва как была, так и осталась тем самым «краеугольным камнем» шведской истории. Работы по теме продолжают выходить, и интерес ней со стороны академического сообщества и рядовых шведов не ослабевает, чему свидетельством является, в частности, популярность исторических романов «по мотивам».

Данное противоречие с одной стороны, удивляет, однако с другой, не представляется чем–то необычным. Для датской исторической памяти битва при Уппсале является событием «чужим». Однозначно идентифицируемый как датский король Харальд Синезубый, с большой долей вероятности покинул Стирбьёрна вместе с датским войском, и с претендентом остались йомсвикинги, являющиеся своеобразным общим культурным феноменом для всей Скандинавии. Генеалогические же штудии, соединяющие данное событие с Данией, представлялись и представляются весьма уязвимыми для критики.

В то же время, на территории Швеции сохранились многочисленные памятники рунической письменности, оставленные участниками битвы. Эрик Победоносный является одним из первых шведских королей, чьё существование подтверждено письменными источниками, им же был насыпан один из великих курганов Уппсалы – важным символом древних времен, сохранившимся до наших дней, и один из первых исследованных памятников железного века. С раскопками великих курганов связано становление современной шведской археологии (раскопки Б.Э. и Г.О. Хильдебрандта). Фирисвеллир через триста лет после битвы стал местом для новой Уппсалы – «второй

1 Наиболее ранним по времени составления письменным источником шведского происхождения, дошедшим до современности, являются отдельные вставки из т.н. «языческого закона» (др. шв. Hepnalagh), сохранившиеся в старшей редакции Вестьётлага [12, pp. 113–114].

столицы» Швеции вплоть до начала XVIII в., а также одного из интеллектуальных и церковных центров страны вплоть до современности.

Таким образом, проявляется некоторая искусственность привязки датской истории к битве и в то же время естественность – таковой для шведской истории. Данная двойственность проявилась в развитии теорий, связанных с битвой на Фирисвеллире и, по мнению автора, различие в роли и интересе разных исторических школ будет проявляться в дальнейшем ещё сильнее.

Источники и литература

1. Прядь о Стюрбьёрне Шведском Воителе (перевод Н.Топчий) URL: https://norroen.info/src/konung/styrbjorn/ru.html (Дата обращения: 30.08.2020).
2. Сага о Кнютлингах (перевод Т.Ермолаева, комментарии О.Кутарева) URL: https://norroen.info/src/konung/knytlinga/ru.html (Дата обращения: 30.08.2020).
3. Сага о людях с Песчаного Берега // Исландские саги / пер. Циммерлинг А. В., Агишев С. Ю. Т.2. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 23-129.
4. Сага о Хервёр и Хейдреке // Перевод Т.Ермолаева, Н.Топчий. URL: https://norroen.info/src/forn/hervor/ru.html (Дата обращения: 30.08.2020).
5. Саксон Грамматик. Деяния Данов. // Пер. с лат. А.С. Досаева, под ред. И.А. Настенко. М.: Русская Панорама, 2017. 616 с.
6. Bolin S. Svenskt biografiskt lexikon. Band 14. Stockholm: Bonnier, 1953. 700 p.
7. Bolton T. Was the Family of Earl Siward and Earl Waltheof a Lost Line of the Ancestors of the Danish Royal Family // Nottingham Medieval Studies, 51. Nottingham, 2007. pp.41–71.
8. Brenner S.O. Nachkommen Gorms des Alten (König von Dänemark): I. –XVI. Lyngby:1964. 477 p.
9. Dahlbäck, G. Stad och Land – en studieav förhållandet mellan medeltidsstäderna Uppsala och Stockholm och deras närmaste omland // Scandia, 44(1) 1978. Lund: Historiska institutionen, Lunds universitet, 1978. pp. 58–75.
10. Dalin O. Svea Rikes Historia, vol.1. Stockholm, 1806.
11. Hedenstierna–Jonson Ch. Same, same but different. Three case studies reflecting Swedish Husabyar from an archaeological and geographical perspective. // Husebyer – status quo, open questions and perspectives. Studies in Archaeology & History Vol. 20(3). Lisbeth E. Christensen, Thorsten Lemm & Anne Pedersen (eds.). Copenhagen: Jelling Series, 2016. 190 p.
12. Henrikson, A. Svensk historia. Stockholm: Bonniers, 1963. 516 p.
13. Jones, G. A. History of the Vikings. Oxford: Oxford University Press, 1973. 550 p.
14. Körner, S. Slaget på Fyrisvallarna. Till tolkningen av Torvald Hjaltasons skaldeverser// Scandia, 28(2). Lund: Historiska institutionen, Lunds universitet, 1962. pp. 391–398.
15. Langebek J. Scriptores Rerum Danicarum Medii Ævi. Vol. 3. Kopenhagen: 1774. 633 p.
16. Lindkvist, T. Riksbildning och statsbildning. Regionala variationer i det blivande Sverige // Med hammare och fackla, XLI. Göteborg: Sancte Örjans Gille, Göteborgs universitet, 2010. pp. 15–40.
17. Lindquist J. Gammla Uppsala Project. In: Hansen, J. & Runge, M. (eds) 2018: From Central Space to Urban Place, seminar 1. Social organisation of land in South Scandinavia AD 400–1100. Archaeological & Historical Studies in Centrality, vol. 2. Odense: University Press of Southern Denmark, 2010, 181 p.
18. Line, P. Kingship and State Formation in Sweden 1130–1290. Boston: Leiden, 2007. 721 p.
19. Lönnroth, E. Från svensk medeltid. Stockholm: Bonnier, 1959. 229 p.
20. Making Nordic Historiography: Connections, Tensions and Methodology, 1850–1970. Oxford: Berghahn Books, 2017. 332 p.
21. Mellin, G.H. Lärobok i fäderneslandets historia. Stockholm: Hos bokhandlaren K. R. Looström, 1845.
22. Munch P. A. Det Norske Folks Historie. Vol. 1, no. 2. Christiania: Tønsberg, 1863. 480 p.
23. Searle W.G. Anglo–Saxon bishops, kings and nobles: the succession of the bishops and the pedigrees of the kings and nobles. London: Cambridge University Press. 1899. 440 p.
24. Thunberg C.L. Slaget på Fyrisvallarna i ny tolkning. En kritisk undersökning av källsituation och forskningsläge. Med introduktion av en fjärde tolkningslinje. University of Gothenburg, 2012. 140 p.

References

1. Prjad' o Stjurb'jorne Shvedskom Voitele (Styrbjarnar þáttr Svíakappa) URL: https://norroen.info/src/konung/styrbjorn/ru.html (Accessed: 30.08.2020). (In Russian).
2. Saga o Knjutlingah (Knýtlinga saga) URL: https://norroen.info/src/konung/knytlinga/ru.html (Accessed: 30.08.2020). (In Russian).
3. Saga o ljudjah s Peschanogo Berega (Eyrbyggja saga) // Islandskie sagi, / translated by Cimmerling A. V., Agishev S. Ju.Vol.2. Moscow, 2002. (In Russian).
4. Saga o Hervjor i Hejdreke (Hervarar saga ok Heiðreks) // Perevod T. Ermolaeva, N. Topchij. URL: https://norroen.info/src/forn/hervor/ru.html (Accessed:30.08.2020). (In Russian).
5. Sakson Grammatik. Dejanija Danov. (Saxo Grammaticus. Gesta Danorum) / translated by A.S. Dosaeva, pod red. I. A. Nastenko. Moscow: Russkaja Panorama, 2017. 616 p. (In Russian).
6. Bolin S. Svenskt biografiskt lexikon. Band 14. Stockholm: Bonnier, 1953. 700 p.
7. Bolton T. Was the Family of Earl Siward and Earl Waltheof a Lost Line of the Ancestors of the Danish Royal Family // Nottingham Medieval Studies, 51. Nottingham, 2007. pp.41–71.
8. Brenner S.O. Nachkommen Gorms des Alten (König von Dänemark): I. –XVI. Lyngby:1964. 477 p.

9. Dahlbäck, G. Stad och Land – en studieav förhållandet mellan medeltidsstäderna Uppsala och Stockholm och deras närmaste omland // Scandia, 44(1) 1978. Lund: Historiska institutionen, Lunds universitet, 1978. P. 58–75.
10. Dalin O. Svea Rikes Historia, vol.1. Stockholm, 1806.
11. Hedenstierna–Jonson Ch. Same, same but different. Three case studies reflecting Swedish Husabyar from an archaeological and geographical perspective. // Husebyer – status quo, open questions and perspectives. Studies in Archaeology & History Vol. 20(3). Lisbeth E. Christensen, Thorsten Lemm & Anne Pedersen (eds.). Copenhagen: Jelling Series, 2016. 190 p.
12. Henrikson, A. Svensk historia. Stockholm: Bonniers, 1963. 516 p.
13. Jones, G. A. History of the Vikings. Oxford: Oxford University Press, 1973. 550 p. Körner, S. Slaget på Fyrisvallarna. Till tolkningen av Torvald Hjaltasons skaldeverser// Scandia, 28(2). Lund: Historiska institutionen, Lunds universitet, 1962. pp. 391–398.
14. Langebek J. Scriptores Rerum Danicarum Medii Ævi. Vol. 3. Kopenhagen: 1774. 633 p.
15. Lindkvist, T. Riksbildning och statsbildning. Regionala variationer i det blivande Sverige // Med hammare och fackla, XLI. Göteborg: Sancte Örjans Gille, Göteborgs universitet, 2010. P. 15–40.
16. Lindquist J. Gammla Uppsala Project. In: Hansen, J. & Runge, M. (eds) 2018: From Central Space to Urban Place, seminar 1. Social organisation of land in South Scandinavia AD 400–1100. Archaeological & Historical Studies in Centrality, vol. 2. Odense: University Press of Southern Denmark, 2010, 181 p.
17. Line, P. Kingship and State Formation in Sweden 1130–1290. Boston: Leiden, 2007. 721 p.
18. Lönnroth, E. Från svensk medeltid. Stockholm: Bonnier, 1959. 229 p.
19. Making Nordic Historiography: Connections, Tensions and Methodology, 1850–1970. Oxford: Berghahn Books, 2017. 332 p.
20. Mellin, G.H. Lärobok i fäderneslandets historia. Stockholm: Hos bokhandlaren K. R. Looström, 1845.
21. Munch P. A. Det Norske Folks Historie. Vol. 1. No. 2. Christiania: Tønsberg, 1863. 480 p.
22. Searle W.G. Anglo–Saxon bishops, kings and nobles: the succession of the bishops and the pedigrees of the kings and nobles. London: Cambridge University Press. 1899. 440 p.
23. Thunberg C.L. Slaget på Fyrisvallarna i ny tolkning. En kritisk undersökning av källsituation och forskningsläge. Med introduktion av en fjärde tolkningslinje. University of Gothenburg, 2012. 140 p.

Сведения об авторе

Саенко Александр Владимирович – аспирант института истории и международных отношений Южного Федерального Университета (Ростов–на–Дону) / saenkosfedu@yandex.ru

Information about the author

Saenko Aleksandr – Postgraduate student, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov–on–Don) / saenkosfedu@yandex.ru

УДК 94(470.6)»1930»
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.10

А. П. Скорик

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ В ПОЛИТОТДЕЛЬСКИЙ ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ НА ДОНУ

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов рассматривается историческая повседневность немецких колонистов в условиях проведения социалистических преобразований в сельском хозяйстве. Для анализа избраны четыре группы немецких колоний, входивших в число верхне-донских поселений (колхозов), ранее не привлекавших внимания исследователей и административно располагавшихся в Тарасовском районе Северо-Донского округа Северо-Кавказского (Азово-Черноморского) края. Эти колонии не имели никакого особого статуса, но в силу достаточно однородного их этнического состава, составляли обособленные немецкие поселения, где в быту звучала преимущественно немецкая речь, и многие местные жители не знали русского языка. Образование колхозов заметно изменило привычную жизнь немецких колонистов, реальное их экономическое положение ухудшилось, и они активнее стали получать продовольственную и денежную помощь с исторической родины (das Vaterland). Посылки из Германии в советскую глубинку с приходом к власти Адольфа Гитлера начали восприниматься партийно-советским руководством в качестве «контрреволюционных деяний» немецкого населения, которое рассматривалось большевистской номенклатурой в качестве возможной пятой колонны, на что собственно и уповал Гитлер. Однако большинство населения немецких колоний жило простыми житейскими заботами о хлебе насущном. Когда же в политотдельский период, в 1934 г. положение дел в колхозах стало улучшаться, бывшие колонисты, а теперь колхозники, искренне радовалось не только возможности получить натуроплату на заработанные трудодни, но и обрести обычные вещи за свой ударный труд в виде ботинок, пальто, отреза ткани, или пополнить своё личное подсобное хозяйство поросёнком, тёлкой, курами. Они оказались не прочь отметить свои успехи в тяжёлом сельскохозяйственном труде всей колонией с хорошей закуской и русской водкой. Среди российских немцев верхне-донских поселений имелось немало лиц, готовых верой и правдой служить советской власти.

Ключевые слова: коллективизация, колхоз, комиссия, немцы, премия, социальное обследование, ударник.

Aleksandr Skorik

GERMAN COLONISTS DURING THE WORK OF POLITICAL DEPARTMENTS IN TIME OF COLLECTIVIZATION ON THE DON

On the basis of archival materials introduced into scientific circulation for the first time, the article examines the historical everyday life of German colonists in the context of socialist reforms in agriculture. For the analysis, four groups of German colonies were selected, which were among the Upper Don settlements (collective farms), which had not previously attracted the attention of researchers and were administratively located in the Tarasovsky region of the North Don district of the North Caucasian (Azov-Black Sea) region. These colonies did not have any special status, but due to their rather homogeneous ethnic composition, they constituted isolated German settlements, where mainly German was spoken in everyday life, and many local residents did not know Russian. The formation of collective farms markedly changed the usual life of the German colonists, their real economic situation worsened, and they began to receive more food and money aid from their historical homeland (das Vaterland) more actively. With the arrival of Adolf Hitler, parcels from Germany to the Soviet outback began to be perceived by the party-Soviet leadership as «counter-revolutionary actions» of the German population, which was considered by the Bolshevik nomenclature as a possible fifth column, which Hitler actually hoped for. However, the majority of the population of the German colonies lived with simple everyday worries about their daily bread. When, during the work of political departments in time of collectivization, in 1934, the state of affairs on the collective farms began to improve, the former colonists, and now collective farmers, were sincerely happy not only about the opportunity to receive payment in kind for their workdays, but also to find ordinary things for their shock work in the form of boots, coats, cutting fabric, or replenish your personal subsidiary farm with a piglet, heifer, chickens. They were not averse to celebrating their successes in hard agricultural work with the whole colony with a good snack and Russian vodka. Among the Russian Germans in the Upper Don settlements there were many people who were ready to serve the Soviet regime with faith and truth.

Key words: collectivization, collective farm, commission, Germans, premium, social examination, drummer.

Немецкие колонии в конце 1920-х гг., как и иные национально-территориальные образования, попали в жернова процесса коллективизации, и ничем не выделялись на их фоне. Однако приход Адольфа Гитлера к власти в Германии в январе 1933 г. заставил партийные структуры большевиков обратить внимание на реальное положение дел в немецких колониях, где тогда уже функционировали колхозы. Организационно-хозяйственным укреплением колхозов на местах занимались, созданные в январе 1933 г., политотделы МТС. Названные обстоятельства

способствовали формированию корпуса архивных документов, отразивших повышенный интерес региональных большевиков к населению немецких колоний. Местные партработники явно опасались формирования «пятой колонны» из немцев, о чём свидетельствует закрытое (отправленное составителями «в особую папку») постановление бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) от 15 ноября 1934 г.: «Во исполнение решения ЦК ВКП(б) от 5.XI – 34 г., обязать секретарей райкомов и начальников политотделов Ванновского, Мальчевского, Анапского, Матв[еево]-Курганенского, Крапоткинского, Тарасовского, Армавирского, Калмыцкого, Кущёвского и Старо-Минского развернуть активную политическую работу в немецких с/с [сельсоветах] и колхозах. Созвать актив партийных и беспартийных, и общих собраний в пунктах, населённых немцами, на которых вскрыть имеющиеся факты, и разъяснить населению, что Советская власть не потерпит попыток антисоветских действий и не остановится перед тем, чтобы отказать им в праве проживания в СССР и изгнать из пределов СССР, потребовать от немецкого населения полного прекращения связи с заграничными буржуазно-фашистскими организациями и получения денег и посылок» [5, л. 3]. Однако материалы о ситуации в немецких колониях стали собирать ещё в конце 1933 г., что подтверждают докладная записка ОГПУ «О политическом состоянии немецких колоний Северо-Кавказского края» [16, л.53–74] и обследование немецких колоний Тарасовского района (20 октября 1933 г.) [7, л.1–17]. Это обследование, наряду с другими архивными документами, впервые вводимыми в научный оборот, позволяют выяснить и детально описать жизнедеятельность конкретных немецких колонистов.

Цель настоящей статьи – реконструировать привычную историческую повседневность, жизненные реалии немецких колонистов на примере верхне-донских поселений (колхозов) российских немцев, административно входивших в состав Тарасовского района Северо-Донского округа Северо-Кавказского (Азово-Черноморского) края в политотдельский период (1933–1934 гг.) осуществления коллективизации на Дону. Этому благоприятствует наличие коллекций документов, отложившихся в архивных фондах в результате повышенного внимания местных большевиков к немецким колониям именно в политотдельский период, что не исключает обращения к иным сведениям, хронологически выходящим за обозначенные временные рамки. С другой стороны, избранный для нашего исследования период не только полон разнообразных исторических свидетельств, но и отражает благоприятный перелом в ходе осуществления коллективизации сельского хозяйства, когда безоглядное экспериментарство отходит на второй план, и партийно-советское руководство волнуют реальные производственные показатели. Исторические судьбы немецких колоний уже освещались в научной литературе, в том числе историками Северо-Кавказского федерального университета, например, в фундаментальных работах профессора Т.Н. Плохотнюк [1, 2], но мы избрали недостаточно изученный сюжет, с учётом нашего прежнего обращения к данной теме в рамках казачьей проблематики [3, с. 290–291, 324–325].

К концу 1930-х гг. немцы составляли четвёртую по численности (около 40 тыс. человек) этническую группу населения Дона после русских, украинцев и армян. Однако отдельного национального административного района для немцев на Дону не создавалось (в отличие от Кубани, где Ванновский немецкий район просуществовал с февраля 1928 г. по май 1941 г.), а компактно проживавшие группы немцев по-прежнему сохранялись и традиционно назывались в обиходе и официальных документах немецкими колониями. Колхозная реальность не сразу изменила сложившиеся социальные отношения. Тем самым, перед нами особый сюжет существования колонистов как «отдельной социальной группы, явно невписывающейся в традиционные представления о социальной структуре раннесоциалистического общества в России» [4, с.105], в чём и заключается его историографическая новизна. Да и в исследуемые времена это поняли большевики, которые попробовали изучить жизнь немецких колонистов, естественно, в социально-классовом духе.

В Тарасовский район Северо-Кавказского края в октябре 1933 г. для выполнения обследования направилась бригада (или комиссия – оба названия употребляются в архивном деле) в составе: представитель Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) товарищ Гиз (руководитель организованной партийной группы, вероятно, немец по национальности), представитель Шахтинско-Донецкого сектора ОГПУ Бережной, представитель Тарасовского райкома ВКП(б) Исаев, представитель Курнаково-Липовской машинно-тракторной станции Тарасовского района Кравцов, поскольку МТС обслуживала в районе три сельских совета с немецким населением. Как нам удалось установить, это Ново-Мартыновский (Ново-Мариновский), Рыновский, Сидоро-Ивановский сельские советы.

В качестве объекта обследования партийцы избрали 8 немецких колоний, расположенных в двух сельских советах Тарасовского района. Выбор немецких колоний для изучения состояния дел осуществлялся по социально-классовым признакам. Четыре немецких колонии (Вянки, Рыновка, Харциево, Ютково или Юдковка), входившие в состав Рыновского сельского совета характеризовались партийной комиссией «как более состоятельные и насыщенные кулацко-зажиточным населением» [7, л.1]. Четыре немецких

колонии (Липово-Романовка, Мариновка (точнее, Матвеевка), Погореловка, Сидоро-Ивановка), входившие в состав Сидоро-Ивановского сельского совета, «имевший экономическое затруднение по сравнению с другими вышеуказанными колониями» [7, л.1], считались экономически менее состоятельными.

Обе группы немецких колоний входили в зону ответственности Курнаково-Липовской МТС (директор МТС Фёдор Андреевич Проценко, начальник политотдела МТС Николай Михайлович Белов) Тарасовского района. Но полное название МТС произносилось не всегда, прежняя первая часть наименования, произошедшего от названия волостного поселения Курнаково, изначально (с 1807 г.) утвердившегося по фамилии генерал-майорши А.В. Курнаковой, сокращалась до более краткого варианта названия «Курно». В обиходе пользовались сокращённым вариантом Курно-Липовская (вторая часть названия происходила от топонима балки Липовой), а при написании чаще первое слово обозначали лишь одной буквой – К.-Липовская. Кстати, Анна Васильевна Курнакова, это супруга генерал-майора Семёна Ивановича Курнакова (1758–1817), героя Наполеоновских войн, сподвижника А.В. Суворова и М.И. Кутузова, приятеля М.И. Платова, выстроившего первый каменный двухэтажный дом в Новочеркасске (1810 г.), сохранившийся до настоящего времени (ул. Атаманская, 28), где легендарный атаман женил своего младшего сына и где бывали в своё время множество известных личностей: от императора Александра I до певца Фёдора Шаляпина.

Не менее занимателен поиск ответа на другой вопрос. Ни из материалов крайкомовского обследования, ни из материалов Тарасовского райкома ВКП(б) не удалось выяснить, почему же партийная группа, действовавшая от имени Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в октябре 1933 г. в Тарасовском районе, не стала детально изучать положение дел в немецком колхозе имени Макса Гёльца Ново-Мартыновского (Ново-Мариновского) сельского совета, соседнего с немецким колхозом «Ленин Фельд» Рыновского сельсовета.

У нас имеется два предположения. Во-первых, проверяющим лицам было важно социально-политическое противопоставление на контрасте именно двух групп немецких колоний. Во-вторых, немецкий революционер Макс Гёльц (1889–1933), имя которого носил колхоз Тарасовского района, при загадочных обстоятельствах 15 сентября 1933 г. утонул в реке Оке в районе города Горький (Нижний Новгород). Причём, ОГПУ накануне его гибели уже готовилось к аресту этого редкого бабника, кутилы, немецкого Робин Гуда, за которым в Германии, помимо достаточно активных революционных выступлений, тянулся след тёмных дел, ограблений банков, поджогов и подрывов храмов, струился довольно длинный шлейф обманутых женщин, фиксировалось присуждение к пожизненному заключению в немецкой тюрьме, выделялось бурное противостояние с тюремной администрацией, своей известностью вышедшее далеко за пределы государственных границ Германии, и пр. С 1929 г. Гёльц постоянно находился на территории СССР, получил орден Красного Знамени, исколесил не менее 40 городов Советского Союза, избирался депутатом Ленинградского горсовета, трудился партийным работником в Новокузнецке, продолжал, мягко говоря, фривольный образ жизни, дебоширил, трижды женился на молоденьких девушках, в том числе дважды на школьницах, имел связь с германской разведкой (псевдоним Макс Кифер), и пр. Акцентировать внимание на столь противоречивой личности, когда ситуация до конца ещё не прояснилась, в ОГПУ (где имели свой интерес к изучению ситуации в немецких колониях, созданию там агентурной сети, выявлению «контрреволюционных элементов», контролю за антисоветскими настроениями и т.п.) не хотели, а председатель комиссии Гиз отметил в дополнительных своих комментариях сложность взаимодействия с представителем Шахтинско-Донецкого сектора ОГПУ Бережным. Примечательно, что в Ростове н/Д до сего дня сохранился переулок Гёльца в Пролетарском районе города (посёлок Александровка).

Кроме того, в Тарасовском районе существовала ещё одна группа немецких колоний (точный их перечень нам установить не удалось), объединявшаяся в немецкий колхоз имени Эрнста Тельмана. На 19 августа 1934 г. председателем колхоза имени Эрнста Тельмана Тарасовского района являлся беспартийный Борщёв [9, л.23]; парторгом был Иосиф Кондратьевич Франц, но его, «как не справившегося с работой» 13 мая 1935 г. по решению Тарасовского райкома ВКП(б) сменяет Ерохин, член ВКП(б) с 1931 г. [10, л.93]. Колхоз имени Тельмана не входил в 1933 г. в зону ответственности Курнаково-Липовской МТС. Эта группа немецких колоний фиксируется в составе Курнаково-Липовской МТС, начиная с 19 августа 1934 г. Колхоз назвали в честь председателя ЦК и лидера боевого крыла коммунистической партии Германии, известного политического оппонента Гитлера.

Поводом для отправки партийной комиссии в Тарасовский район, именно в немецкие колонии, по нашему мнению, могло послужить судебное разбирательство, когда одновременно 29 мая 1933 г. завели уголовное дело на трёх председателей немецких колхозов по статье 111 УК РСФСР за «невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить» с формулировкой обвинения «будучи руководителем колхоза, допустил гибель урожая» [11, л.50]. Но предсе-

датели немецких колхозов Яков Давыдович Герт, Карл Карлович Рейхерт и Карл Карлович Томас не были осуждены, а уголовное дело в отношении них прекратили, хотя, судя по всему, должностей они всё же лишились. Названия колхозов рядом с фамилиями отстранённых от должностей председателей в архивных документах не указываются, но есть все основания предположить, что это колхозы «Ленин Фельд», «Роте Фане», имени Макса Гёльца. С другой стороны, посылкой комиссии региональные большевики отреагировали на критические сигналы с мест. К примеру, окончивший советско-партийную школу кандидат в члены ВКП(б) Ренгольд Иванович Ганауэр из колонии Сидоро-Ивановка заявлял: «Мы вот сеем участок в 62 га, знаем хорошо, здесь ожидать нечего. Мы сеять будем, об этом хорошо знают все… МТС и Политотдел. На моё заявление в райорганизации мер никаких не принято, смотрят на количество. Немцы-колонисты предоставлены сами себе, мы живём как сироты, на нас никто не обращает внимания и т.д.» [7, л.6].

Вместе с тем, большевистская партия выдвигала именно немцев на ответственные должности в колониях. Председателем колхоза «Роте Фане» Сидоро-Ивановского сельсовета с сентября 1933 г. являлся Антон Антонович Фишер. Именно благодаря ему колхоз выходит из прорыва в 1934 г., и здесь отлично справились с проведением основных сельскохозяйственных кампаний, «начиная с подготовительных работ к весеннему севу и кончая уборкой хлебов»: прежнее отстающее положение колхоза осталось в прошлом. В хозяйстве широко использовалось социалистическое соревнование и ударничество, когда «в борьбе за первенство и завоевание знамени им[ени] великого борца революции тов. Димитрова, колхоз оправдал своё название «Роте Фане» (в переводе с немецкого языка: «Красное знамя») [17, л.44]. Заметим, Г.М. Димитров в 1929–1933 гг. являлся одним из самых авторитетных агентов Коминтерна в Германии (псевдоним «Бриллиант»). Его в феврале 1933 г. нацисты обвинили в поджоге рейхстага, заточили в тюрьму, но в ходе Лейпцигского процесса Димитрову удалось доказать своё алиби. Выступления Димитрова на Лейпцигском процессе на прекрасном немецком языке широко использовались коммунистическими партиями в антинацистской пропаганде. Поэтому вовсе не случайно в немецком колхозе «Роте Фане» Курнаково-Липовской МТС Тарасовского района Азово-Черноморского края в борьбе за производственные успехи применялось имя коммуниста Г. М. Димитрова.

По итогам сельскохозяйственного сезона 1934 г. лучших колхозников-ударников немецкого колхоза «Роте Фане» поощрили вручением следующих премий: Яков Бек приоделся в пальто, Наталью Брем наградили отрезом ткани (мануфактуры), Эмилия Брем обзавелась тёлкой, Ренгольду Ганауэру достались сапоги, Яков Ганауэр увеличил своё личное подсобное хозяйство за счёт поросёнка, Феликса Генга обрадовали парой ботинок, Р. Гофман стал обладателем пальто, Фридриху Зеель досталась мануфактура (отрез ткани), Яков Миллер расширил свой гардероб за счёт телогрейки и тёплых (тканевых) брюк, Якову Рейхерту преподнесли ботинки, М. Цильковский получил телогрейку и тёплые (тканевые) брюки, П. Цильковский обрел ботинки, Яков Цильковский привёз домой заслуженную своим трудом кровать, Алида Цимфер приоделась в джемпер, Лидия Цимфер доставила домой трёх кур, Эдуард Штенцель получил ботинки, Мартин Яшинский обзавёлся коровой [17, л.48]. 14 августа 1934 г. «по случаю завершения работ по уборке урожая и сева» правление колхоза устроило праздник, и для его весёлого проведения «было куплено на 300 руб. водки» [17, л.65].

19 августа 1934 г. на заседании (протокол № 24) бюро Тарасовского райкома ВКП(б) «за досрочное выполнение годового плана зернопоставок, натуроплаты и возвращения ссуд» приняло решение занести на «красную доску» колхоз «Роте Фане» (председатель А.А. Фишер) [9, л.23]. На тот момент Антон Антонович одновременно являлся парторгом возглавляемого им колхоза. За образцовую работу председатель колхоза получает от политотдела Курнаково-Липовской МТС велосипед, на котором он ездил и с которым изображён в газете Северо-Донского округа «Большевистский путь» 17 августа 1934 г. Сутулящийся Фишер, судя по рисунку, одет в рубаху-косоворотку на выпуск, подпоясанную ремнём, штаны-галифе, сапоги и картуз [17, л.44].

На учёте в партийной организации Сидоро-Ивановского сельского совета состоял кандидат в члены ВКП(б) Карл Егорович Шиц, который по своему социальному происхождению являлся выходцем из кулацко-зажиточной семьи Рыновского сельсовета. В 1933 г. он работал председателем Сидоро-Ивановского сельского совета, но в голодный 1932 г. «за проявленный саботаж» районные власти сняли его с предшествующей занимаемой должности председателя колхоза «Ленин Фельд». По характеристике комиссии, К.Е. Шиц «в данное время по-разлагательски относится к вопросу использования коров на севе, в то же время свою корову для использования на севе не даёт» [7, л.8]. В разговоре по этому вопросу с представителями проверяющей комиссии он заявлял: «Я бригадиру говорил, что, если он прикрепит колхозника к моей корове, тогда на сев я её дам». Подобные «разлагательские действия» ряда лиц привели к тому, что в колхозе не использовались для проведения посевных работ 15 коров, которых колхозная администрация привлекала для осуществления посева вовсе не от хорошей жизни,

а из-за острой нехватки живой тягловой силы. Но проверяющую комиссию негативное отношение к продуктивному скоту никак не беспокоило, и она сделала итоговый вывод о социальной непопулярности председателя Сидоро-Ивановского сельсовета Шица, который «среди колхозников и вообще колонистов авторитетом не пользуется» [7, л. 8]. Это замечание вышестоящих проверяющих лиц не прошло даром для председателя сельсовета: при очередной партийной чистке К.Е. Шица исключили из партии и на этом основании решением бюро Тарасовского райкома ВКП(б) от 21 июня 1934 г. (протокол № 16) «сняли с работы» [8, л.122]. На его место председателя Сидоро-Ивановского сельсовета тарасовские большевики выдвинули беспартийного немецкого крестьянина А.Ф. Тринца [9, л. 95].

Тринц Александр Филиппович, 1910 г. рождения, по национальности немец, происходил из крестьян, по социальному положению колхозник, образование низшее, член ВЛКСМ с 1930 г., в 1937 г. привлекался к судебной ответственности за хулиганство и был приговорён к трём месяцам принудительных работ. С 1938 г. работал председателем колхоза имени Эрнста Тельмана Тарасовского района. До этого работал председателем немецкого национального Сидоро-Ивановского сельского совета, и в этот карьерный период окончил советско-партийную школу [12, л.9]. Перед приёмом в ряды ВКП(б) 17 марта 1939 г. характеризовался как добросовестный, дисциплинированный работник, самостоятельно изучающий историю ВКП(б), и его рекомендовали в партию известные в немецких колониях руководители: председатель сельского совета Я. Ф. Бурман, заведующий магазином И. К. Франц и председатель колхоза «Роте Фане» А. А. Фишер [15, л.116].

Председателем колхоза «Ленин Фельд» с 1932 г. работал член ВКП(б) с 1928 г., батрак по социальному происхождению Фёдор Фёдорович Керн. Он характеризовался исключительно как инициативный работник, пользующийся авторитетом среди колхозников [7, л. 8]. Тем не менее, бюро Тарасовского райкома ВКП(б) после рассмотрения материалов крайкомовского обследования немецких колоний своим решением от 18 октября 1933 г. исключило Ф.Ф. Керна из партийных рядов. Правда, уже 8 января 1934 г. (протокол № 71) бюро Тарасовского райкома ВКП(б) пересмотрело прежнее жёсткое решение и приняло следующую редакцию: «Тов. Керн оставить в рядах ВКП(б), объявив ему строгий выговор с последним предупреждением» [8, л.5]. Далее ситуация кардинально изменяется, и 19 августа 1934 г. на заседании (протокол № 24) бюро Тарасовского райкома ВКП(б) «за досрочное выполнение годового плана зернопоставок, натуроплаты и возвращения ссуд» приняло решение занести на «красную доску» колхоз «Ленин Фельд» (председатель Ф.Ф. Керн) [9, л.23]. Но, видимо, Фёдор Фёдорович слишком много здоровья положил на алтарь колхозного строительства, очень тяжело пережил исключение и восстановление в партийных рядах, поэтому заболел туберкулёзом. Из постановления (протокол № 43) бюро Тарасовского райкома ВКП(б) от 2 февраля 1935 г. узнаём о его длительной и выматывающей болезни. Поэтому местные большевики решают, «учитывая тяжёлое состояние здоровья (туберкулёз в острой форме) пред[седателя] колхоза им. «Ленин-фельд» тов. Керн… не представляется возможным в дальнейшем его использование», а также возбуждают «ходатайство перед окружной лечебной комиссией о предоставлении в кратчайший срок» бесплатного места в санатории для излечения туберкулёза [10, л.20]. И вот 1 марта 1935 г. бюро Тарасовского райкома ВКП(б) выдвигает другого человека: «Вследствие длительной болезни тов. Керн от работы пред[седателя] колхоза освободить, рекомендовать на должность пред[седателя] колхоза тов. Шпиц Я. Л. [правильно: Шпис. – А. С.] Поручить Райзо [районному земельному отделу] оформить через общее собрание колхозников, не нарушая правил устава с/х артели» [10, л.49]. Яков Лукьянович Шпиц(с), кандидат в члены ВКП(б), хотя и стал председателем колхоза «Ленин Фельд», но в 1933 г. «за вредительство в уборке урожая» был осуждён на один год исправительных работ, а «в 1934 г. высказывал националистическое настроение». К тому же его отец происходил «из зажиточных, применял наёмный труд» [11, л. 122].

1934 г. сложился весьма удачно для колхоза «Ленин Фельд» Рыновского сельского совета. По итогам сельскохозяйственного сезона 1934 г. лучших колхозников-ударников поощрили вручением премий: Карл Карлович Бернт увеличил своё личное подсобное хозяйство за счёт поросёнка, Вильгельм Бехтольд привёз домой заслуженную своим трудом кровать, Карла Бехтольда одарили библиотекой, Наталье Вульфер преподнесли ботинки, Алексей Иванович Гаах для своего досуга получил балалайку, Андрей Иванович Гаах обзавёлся тёлкой, Ольга Гутар обрела гитару, Ольга Каземир получила платье, Фёдор Фёдорович Керн (председатель колхоза) заполучил желанный патефон, Фёдор Фёдорович Клейн стал обладателем библиотеки, Розалию Лаупер обрадовали парой ботинок, Кондратий Меер приоделся в брюки, Павел Павлович Мильц увеличил свой гардероб за счёт телогрейки и тёплых (тканевых) брюк, Эмиля Таберта обрадовали балалайкой, Емельян Фербер утеплился за счёт врученной ему телогрейки, Иосиф Шируж стал носить тёплые (тканевые) брюки, Берта Карловна Шиц получила ботинки [17, л.48]. В сентябре 1934 г. по случаю окончания сельскохозяйственного

сезона правление колхоза устроило праздник урожая, для чего отпустили продуктов «стоимостью в 1500 руб.», а также «было куплено спиртных напитков на 300 руб.» [17, л.65об].

В действовавшей в колхозе «Ленин Фельд» школе крестьянской молодёжи (ШКМ) трудился обществоведом член партии с 1932 г. Андрей Карлович Томас, 1909 года рождения, колхозник-бедняк, выпускник советско-партийной школы 1933 г., также не обладавший общественным авторитетом [7, л. 10]. Мы уточнили ряд деталей его биографии и актуального социального статуса.

С февраля 1930 г. по февраль 1931 г. Андрей Карлович работал рядовым колхозником колхоза «Ленин Фельд». В январе 1931 г. он был принят кандидатом в члены ВКП(б) Тарасовским райкомом партии (протокол № 41 от 19 января 1931 г.). В феврале 1931 г. его командировали в Новороссийск на учёбу в советско-партийную школу, где он стал членом партии и учился вплоть до февраля 1933 г. После окончания совпартшколы вернулся домой в Тарасовский район [14, л.262]. В 1934 г. А. К. Томас работал избачом в Рыновской избе-читальне, хотя впоследствии его обвинили «в бездействии» на этой должности. Кроме того, он «преподавал по совместительству в НСШ [начальной средней школе] обществоведение, где допускал безграмотные формулировки, както утопия происходит от слова «топить», капитализм свергнут потому, что Ленин поклялся и мстил за брата, повешенного царским правительством» [11, л.124]. Это не помешало Андрею Карловичу стать парторгом немецкого колхоза «Ленин Фельд». В качестве актуального социального компромата на него фигурировали крупный земельный участок отцовского хозяйства размером в 30 десятин и дядя-кулак, высланный на Север. Однако в протоколе заседания бюро Тарасовского райкома ВКП(б) от 24 февраля 1936 г. мы читаем: «По проверенным данным Томас Андрей Карлович – сын колхозника-середняка и вообще чуждость не подтверждена. Работает парторгом в колхозе, с работой справляется, проверку партдокументов прошёл, в партии оставить» [11, л.132]. Причём, коммунист А.К. Томас имел выговор с занесением в учётную карточку «за неуплату членских взносов в течение 4-х месяцев», вынесенный тем же Тарасовским РК ВКП(б) 17 ноября 1935 г. [11, л.159]. Выговор был снят решением бюро Тарасовского РК ВКП(б) 10 мая 1936 г. (протокол № 123) [12, л.164].

В 1935 г. в Рыновской партийной ячейке появляется член партии с 1928 г., с достаточно редкой немецкой фамилией, Ольга Яковлевна Конке, которая утверждается 25 марта 1935 г. решением (протокол № 53) бюро Тарасовского райкома ВКП(б) заведующей избой-читальней Рыновского сельсовета [10, л.64]. Но уже через два месяца, 21 мая 1935 г. решением (протокол № 59) бюро Тарасовского райкома ВКП(б) её срочно переводят на должность председателя районного общества Красного Креста (РОКК) [10, л.100]. С этой коммунисткой приключается занимательная и поучительная житейская история с исключительно большевистским финалом.

Итак, Конке Ольга Яковлевна, 1903 г. рождения, служащая, член ВКП(б) с 1928 г., партийный билет № 1442016, имела низшее политическое образование (очевидно, закончила школу политграмоты или совпартшколу I-й ступени). Партийным взысканиям подвергалась трижды: 14 января 1933 г. получила выговор за прогулы; 8 августа 1933 г. ей объявили новый выговор за прогулы; 17 ноября 1933 г. вынесли выговор за непосещение партийных собраний. Удивительно, но она трижды теряла свой партийный билет, однако, согласно её заявлению, его трижды похищали у неё неустановленные лица примерно в одной и той же ситуации, когда она совершала поездки на железнодорожном транспорте. Первый раз партийный билет у молодого коммуниста О.Я. Конке украли в 1929 г. при следовании в вагоне пассажирского поезда из Кисловодска. Через некоторое время документ нашли, передали в окружком ВКП(б), который вернул партбилет хозяйке. Но этот же партийный билет в 1935 г. опять пропал у О. Я. Конке теперь уже в городе Миллерово. 4 апреля 1935 г. бюро Тарасовского райкома ВКП(б) объявляет ей (протокол № 54) выговор «за халатное отношение к хранению п[артийного]/билета» [10, л.71]. Через некоторое время органы окружной милиции нашли утраченный партбилет и вернули его пострадавшему лицу. 8 июня 1935 г. многострадальный партбилет похитили у О.Я. Конке теперь уже на железнодорожной станции Тарасовка. При проверке в справочнике ЦК ВКП(б) за 1931 г. партийный билет № 1442016 значился аннулированным. На заседании (протокол № 71) бюро Тарасовского райкома ВКП(б) 6 августа 1935 г. местные большевики вынесли окончательное решение: «Тов. Конке, как балласт, исключить из партии» [10, л.147–148]. За этим решением скрывалась ещё одна деталь: О.Я. Конке «в период проверки партдокументов порвала партбилет, в связи с тем, что в последнем было исправление года рождения» [11, л.80], то есть выходит, что с трудами восстановленный партийный билет оказался неверно оформленным, или же женщина совершила очередной весьма экстравагантный поступок, и за этим скрывался какой-то очень важный в её партикулярном пространстве мужчина (или как говорят французы, à la recherche d'un homme?).

Одной из отсталых частей населения немецких колоний, согласно выводам комиссии, считались женщины-колонистки. Привлечению этой социально-демографической группы к активному участию в хозяйственно-политических кампаниях

районные организации Тарасовского района не уделяли должного внимания, и такая ситуация сохранялась в течение 1933 г. В политотделе Курнаково-Липовской МТС отсутствовал женский организатор (выдвиженку Луконину прикомандировали только 15 октября 1933 г.), поэтому лишь от случая к случаю политотдельцы проводили политико-массовую работу с женщинами-колонистками. В результате женщины-колонистки активно использовались «контрреволюционными элементами» в «контрреволюционных целях» в качестве ядра противостоящих антисоветских сил.

В привлечении на свою сторону женщин-колонисток сильно преуспело лютерано-католическое духовенство. Действующий пастор Цейслер в большинстве случаев осуществлял свою «контрреволюционную деятельность» именно с помощью оказываемого духовно-религиозного влияния на женщин-колонисток, «которые на сегодняшний день являются более религиозно убеждёнными» [7, л. 9]. За активную «контрреволюционную деятельность» пастора Цейслера арестовали и препроводили из Рыновского сельского совета в бывший центр Донецкого округа Северо-Кавказского края, город Миллерово.

Пастор Ягулов, окормлявший немецкую колонию Погореловка Сидоро-Ивановского сельского совета, в октябре 1933 г. находился в Тифлисе (с 1936 г. – Тбилиси). Ягулов также проводил «контрреволюционную деятельность», используя своё пасторское моральное влияние на женщин немецких колоний. В результате в немецкой колонии Погореловка вместо отсутствующего пастора Ягулова пастором стала женщина-колонистка Анна Ивановна Вольф, а помогала ей в церковных делах Регина Гейн [7, л.9]. Они добровольно взвалили на себя нелёгкую ношу повседневного духовного попечения о верующих немцах-колонистах. Обе женщины по социальному статусу в немецкой колонии Погореловка считались единоличницами, то есть они не вступили в местный колхоз «Роте Фане» Сидоро-Ивановского сельского совета. Судя по всему, эти женщины-колонистки имели лютеранское вероисповедание, ибо только в протестантских церквах ранее других христианских церквей допускалась процедура ординации женщин (возведения их в духовный сан).

Высокую степень оказываемого духовно-религиозного влияния церкви на женщин-колонисток подтверждали демонстрируемые образцы общественного поведения во время ответственных советских мероприятий. Так, в конце сентября месяца 1933 г. в колхозе «Роте Фане» Сидоро-Ивановского сельского совета помощник начальника политотдела Курнаково-Липовской МТС по комсомольской работе Сидоров организовал женскую конференцию, во время которой женщины-колонистки находились в эмоционально приподнятом настроении, и, казалось бы, весьма важное агитационно-пропагандистское мероприятие прошло очень успешно. Однако после завершения конференции «женщины-немки вместо советской песни, спели божественную песню на немецком языке» [7, л. 9]. Как отмечала проверяющая комиссия, «аналогичные явления зарегистрированы и по другим обследованным колониям» Тарасовского района [7, л. 9].

Председателя колхоза «Роте Фане» Сидоро-Ивановского сельсовета Адольфа Мартыновича Фогельзана районные организации выдвинули на ответственную работу, но не проверили должным образом подлинность его личных документов и не установили неприемлемое социальное происхождение. Он считался руководством Тарасовского района членом ВКП(б), а позже на поверку вышло, что ещё при обучении в советско-партийной школе его исключили из рядов большевистской партии из-за установленного кулацкого социального происхождения [7, л.11]. Правда, 2 сентября 1933 г. на заседании (протокол № 57) бюро Тарасовского райкома ВКП(б) рассматривалось персональное дело Адольфа Мартыновича Фогельзана, где приняли жёсткое решение: «За несвоевременную дачу подвод, вследствие чего испортилось 4,5 цент[нера] огурца предколхоза им. Роте-Фане С.-Ивановского с/совета т. Фогельзан объявить выговор» [6, л.6]. Но уже 19 августа 1934 г. на заседании (протокол № 24) бюро Тарасовского райкома ВКП(б) «за досрочное выполнение годового плана зернопоставок, натуроплаты и возвращения ссуд» решило занести на «красную доску» колхоз имени Макса Гёльца (председатель А. М. Фогельзан) [9, л.23]. Однако не прошло и года, как успешный председатель колхоза имени Макса Гёльца А.М. Фогельзан 9 мая 1935 г. отстраняется от должности с формулировкой «освободить от работы пред[седателя] колхоза, как не справившегося с данной работой», и вместо него направляется Т.Н. Турченко, член ВКП(б) с 1930 г., командированный Северо-Донским окружкомом ВКП(б) [10, л.104]. Видимо, этот большевистский выдвиженец на тот момент находился в фаворе у местных партийцев, поскольку в протоколе указаны его инициалы, чего в отношении других лиц практически не делалось. Однако Т.Н. Турченко долго не продержался. 17 января 1936 г. в качестве председателя колхоза имени Макса Гёльца значится беспартийный Биль [12, л.12а]. А вот бывшему председателю колхоза имени Макса Гёльца А. М. Фогельзану предъявили обвинение по статье 109 УК РСФСР «за халатное отношение в противопожарном мероприятии» [11, л.83, 101], поскольку он злоупотребил служебным положением и не выполнил требования противопожарной безопасности. С должности Адольфа Мартыновича сняли, но не осудили, он проживал в колхозе «Ленин Фельд» Рыновского сельсовета, работал рядовым колхозником, оста-

ваясь кандидатом в члены ВКП(б). В качестве партийного поручения ему доверили общественную должность колхозного пропагандиста, и даже отправили летом 1935 г. учиться (единственный рядовой колхозник среди 16 председателей колхозов и колхозных парторгов Тарасовского района) на полуторамесячные районные курсы пропагандистов по истории партии [10, л.159], хотя в его активе значилась оконченная политшкола I-й ступени [10, л.160].

Превратности судьбы настигли также парторга Якова Филипповича Бурмана из колхоза имени Макса Гёльца. Местные большевики зацепились за маленькое «пятнышко» в его социальном происхождении. 4 апреля 1935 г. бюро Тарасовского райкома ВКП(б) решило (протокол № 54): «1. Принимая во внимание, что тов. Бурман проживал в кулацком хозяйстве до 15-летнего возраста и что отец его вошёл в кулацкое хозяйство до революции не в качестве сына, а как работник, что тов. Бурман чистку партии в 1934 году прошёл и эти обвинения тов. Бурману были предъявлены комиссией, Бюро Райкома считает возможным оставить тов. Бурмана в рядах партии. 2. Принимая во внимание, что тов. Бурман как парторг колхоза слабо вёл массово-политическую работу среди колхозников и групп сочувствующих, тов. Бурману объявить выговор, с работы парторга снять и оставить рядовым колхозником с дачей соответствующей парт[ийной] нагрузки» [10, л.71]. Казалось бы, человека уже сильно наказали, ведь парторг колхоза по тем временам получал приличную для деревни заработную плату, поскольку ставка парторга по Азово-Черноморскому краю на 1 октября 1934 г. составляла 120 руб. в месяц [5, л.95]. И это, не учитывая целенаправленного продовольственного обеспечения парторгов. Однако компромат на Я.Ф. Бурмана стал упоминаться в других партийных документах: «Выходец из кулацкой семьи, воспитывался у родного дяди-торговца. Сам лично заведовал магазином дяди» [11, л.80]. В протоколе № 109 заседания бюро Тарасовского райкома ВКП(б) от 17 февраля 1936 г. даётся более развёрнутая личностная характеристика: «БУРМАН Яков Филиппович, член партии с 1931-го года, год рождения 1904, обвиняется как выходец из кулацкой семьи, вопрос разбирался на бюро Райкома в 1935 году. Тов. Бурман воспитывался у дяди-кулака по необходимости, и с момента достигшего возраста трудоспособности никакой связи с дядей-кулаком не имел, работает в колхозе. Проверку партдокументов прошёл, оставить в партии» [11, л.106]. А вскоре, 27 февраля 1936 г. тарасовские большевики сняли с Я. Ф. Бурмана вынесенный 4 апреля 1935 г. выговор [11, л.156]. Позже он вновь выдвигается на ответственную административную работу и становится председателем сельского совета [15, л. 116].

До поры до времени местные партийцы закрывали глаза на факты недостойного поведения работников Курнаково-Липовской МТС в немецких колониях. Так, разбитной директор этой МТС, член партии Фёдор Андреевич Проценко в колхозных производственных бригадах немецких колхозов публично пел неприличные песни и открыто рассказывал нецензурные анекдоты. После таких своеобразных встреч с полномочным представителем советской власти немцы откровенно высмеивали в разговорах между собой незадачливого большевика Ф. А. Проценко. Сам же директор Курнаково-Липовской МТС имел своё собственное отношение к немцам и в разговоре с ним членов проверяющей комиссии сформулировал его следующим образом: «Всех немцев я признаю за чалдонов, это недоразвитые люди и т. д.» [7, л.13]. Примечательно, но чалдонами называли коренных русских и их потомков в Сибири. Видимо, этого важного обстоятельства полуграмотный большевик Ф. А. Проценко явно не знал, а потому так разглагольствовал о немцах. Толи так уж по-житейски совпало, толи кто-то из вышестоящего начальства очень сильно постарался, но осенью 1933 г. заместителем начальника политотдела Курнаково-Липовской МТС по партийно-массовой работе становится большевик с литературной фамилией Лермонтов [6, л. 143]. Сумел ли этот партийный персонаж в политотдельской действительности культурно подкорректировать своеобразное поведение директора МТС, об этом история умалчивает. Тем не менее, большевика Ф.А. Проценко не стоит представлять бестолковым простачком и недотёпой: он цепко отслеживал хозяйственно-экономические интересы МТС. 22 декабря 1934 г. Ф. А. Проценко осудили по статье 109 УК РСФСР («злоупотребление властью или служебным положением») к одному году исправительно-трудовых работ с выплатой 15 % отчислений с заработной платы, поскольку он, «будучи директором МТС, пользуясь своим служебным положением, забирал в колхозах постройки для МТС, тогда как они были необходимы для колхозов, и к тому же не оплачивал их стоимость» [11, л.93].

Среди населения немецких колоний активно обсуждался вопрос о возможности обратного переезда в Германию (хотя комиссия указывала лишь на отдельные случаи), где для немецких колонистов виделась более благополучная жизнь, нежели в Советской России. В частности, по этому вопросу Яков Гит в разговоре с колхозниками утверждал: «Упорно носятся слухи, что нас всех будут переселять куда-то к Виленской губернии [то есть в Белоруссию – А. С.], и уже теперь наш хлеб прекратили принимать за границей» [7, л.15]. Колхозник Иван Битнер, получив письмо от своего отца из Германии, высказывался следующим образом: «Если бы ты знал, как живётся

хорошо в Германии, прежде всего там безработные получают 46 рублей в месяц, картофель стоит 90 коп. центнер, самый лучший костюм – 5 руб. Мой отец пишет так: «Почему ты до сих пор голодаешь и молчишь, ведь мы читаем газеты, да и сами видим, что прошлый год Россия вывезла в Германию излишков хлеба 3.000.000 тонн. Центнер вашего хлеба у нас стоит 3 рубля, вот потому я мог догадаться, что ты голодаешь. Отец заставляет, чтобы я скорей переезжал в Германию, и я перееду» [7, л.15].

Неоднократно политотдел Курнаково-Липовской МТС предпринимал целенаправленные попытки послать публичный протест с осуждением «клеветнической пропаганды германского фашизма» в отношении голодающих немцев-колонистов в Советской России и необходимости оказания им со стороны Германии продовольственной и финансовой помощи. На собраниях колхозных бригад прорабатывался текст предполагаемого протеста, но дальше общего обсуждения дело так и не пошло. В частности, в немецком колхозе «Роте Фане», в немецкой колонии Липово-Романовка (Липовка) Сидоро-Ивановского сельского совета в 1933 г. «при проработке колхозники протест подписать категорически отказались и заявили: «Мы действительно голодаем и голодали, было бы хорошо, если бы мы все получили бы эту помощь, от всяких протестов мы отказываемся» [7, л.15].

Однако «в среде основной батрацко-бедняцкой части» колхоза «Ленин Фельд» Рыновского сельского совета (колонии Вянки, Рыновка, Харциево, Ютково) «вокруг высылаемых посылок из Германии и произведённого ареста пастора Цейслера» царили другие общественные настроения. В разговорах жителей немецкой колонии Вянки звучали следующие фразы: «Никто не хочет больше получать из заграницы помощи, как посылки, а также и деньги, если ещё будут присылать посылки, то никто их принимать не будет»; «давно нужно было бы так поступить с провокаторами, а то вот он – ЦЕЙСЛЕР с Миллерово при допросе бежал, а из-за него забрало ОГПУ других немцев» [7, л.15].

Актуальность получения зарубежной помощи снижается в благополучном 1934 г., когда помимо роста натуральных выплат по трудодням, в колхозах выделяли премии. По итогам сезона лучших колхозников-ударников колхоза имени Эрнста Тельмана поощрили следующими премиями: Аполлона Вит получила джемпер, Тимофей Вит стал обладателем новой телогрейки и ватных брюк, Яков Иванович Вит справил новые сапоги, Матвей Вольф принёс домой поросёнка, Еф. Геберт увеличил своё личное подсобное хозяйство на 3 курицы, Эрике Потоцкой достался отрез ткани (мануфактура), Матвей Фриз расширил свой гардероб за счёт телогрейки и ватных брюк, Доротея Шидловская приоделась в премиальный костюм, Мария Штиль получила ботинки [17, л. 48]. 15 сентября 1934 г. по случаю завершения сельскохозяйственного сезона правление колхоза устроило «праздник, на который колхозом израсходовано 800 руб. 35 к. и из этой суммы на 399 р. 50 к. было куплено 34 литра водки [получается, по 11,75 р. за литр – А. С.], при чём, кроме этого каждый колхозник лично на свои деньги покупал на 15 руб. водки» [17, л. 65об].

По итогам сезона 1934 г. лучших колхозников-ударников немецкого колхоза имени Макса Гёльца поощрили следующими премиями: Франц Генулер заполучил гитару, Кондратий Кондратьевич Кунгель расширил свой гардероб за счёт телогрейки и тёплых (тканевых) брюк, Иосиф Майер принёс домой 2 курицы, Иван Валентинович Ульрих обзавёлся тёлкой, Елена Шрейбер приоделась в джемпер, Марии Штранц достались 2 курицы [17, л.48]. Точных сведений об итоговом празднике урожая в колхозе имени Макса Гёльца не имеется, но они проходили практически в каждом колхозе Курнаково-Липовской МТС с обязательным приглашением сотрудников политотдела (Белова, Сидорова, Зимина и др.) [17, л.65об].

С точки зрения исторических совпадений интересен фрагмент о кандидате в члены ВКП(б) с 1931 г. Якове Иосифовиче Геринге, однофамильце государственного и военного деятеля нацистской Германии. Работал Я.И. Геринг трактористом, по происхождению из крестьян, по социальному положению колхозник. Его исключили «за политическую неграмотность, за отрыв от партии» и как аварийщика. Но затем бюро Тарасовского райкома ВКП(б) 8 июля 1936 г. (протокол № 128) приняло новое решение: «Принимая во внимание, что тов. Геринг малограмотный и он оторвался от парторганизации вследствии своей малограмотности и слабого общеполитического уровня, считать возможным прежнее решение Райкома отменить, из кандидатов партии перевести в сочувствующие. Предложить первичной парторганизации приблизить тов. Геринга к парторганизации и принять все необходимые меры поднятия его политического и общеобразовательного уровня» [13, л.53].

Таким образом, немецкие колонисты в ходе коллективизации переживали те же социально-экономические трудности, что и население соседних русских колхозов и районов. Но вместе с тем, у них существовала возможность получить из-за рубежа продовольственную и денежную помощь, актуальность которой снижается как раз в результате политотдельского периода коллективизации, и люди в колониях радовались совершенно обычным вещам, получаемым от колхоза за свой ударный труд. По-разному складываются жизненные истории простых немецких колонистов, по-прежнему сохранявших опреде-

лённую социальную обособленность, а примеры биографий партийно-советских выдвиженцев указывают на преобладающую тенденцию неустойчивости жизненных и карьерных траекторий российских немцев, входивших в состав местной номенклатуры. Тем не менее, многие выдвиженцы из числа населения немецких колоний демонстрировали свою преданность советской власти и желание работать на благо социалистической России.

Источники и литература

1. Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2001. 238 с.
2. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.): сборник документов / сост., пред. Т.Н. Плохотнюк. Ставрополь: изд-во СГУ, 2002. 272 с.
3. Скорик А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2009. 540 с.
4. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Красные партизаны в советской действительности 1920-х – 1930-х годов (на материалах Юга России) // Российская история. 2009. № 4. С. 104–114.
5. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.8. Оп.1. Д.64.
6. ЦДНИРО. Ф.110. Оп.1. Д.48.
7. ЦДНИРО. Ф.110. Оп.1. Д.50.
8. ЦДНИРО. Ф.110. Оп.1. Д.51.
9. ЦДНИРО. Ф.110. Оп.1. Д.52.
10. ЦДНИРО. Ф.110. Оп.1. Д.58.
11. ЦДНИРО. Ф.110. Оп.1. Д.64.
12. ЦДНИРО. Ф.110. Оп.1. Д.69.
13. ЦДНИРО. Ф.110. Оп.1. Д.70.
14. ЦДНИРО. Ф.110. Оп.1. Д.75.
15. ЦДНИРО. Ф.110. Оп.1. Д.84.
16. ЦДНИРО. Ф.166. Оп.1. Д.10.
17. ЦДНИРО. Ф.110. Оп.1. 188.

References

1. Plohotnyuk T.N. Rossiyskiye nemtsy na Severnom Kavkaze (Russian Germans in the North Caucasus). Moscow: Public Academy of Sciences of Russian Germans, 2001. 238 p. (In Russian).
2. Nemetskoye naseleniye Severnogo Kavkaza: sotsial'no-ekonomicheskaya, politicheskaya i religioznaya zhizn' (poslednyaya chetvert' XVIII – seredina XX v.): sbornik dokumentov (The German population of the North Caucasus: socio-economic, political and religious life (last quarter of the 18th – mid 20th centuries): collection of documents) / Comp., Prev. Ph.D. T.N. Plohotnyuk. Stavropol: SSU publishing house, 2002. 272 p. (In Russian).
3. Skorik A.P. Kazachestvo Yuga Rossii v 30-e gody XX veka: istoricheskiye kollizii i opyt preobrazovaniy (Cossacks of the South of Russia in the 30s of the 20th century: Historical Collisions and Experience of Transformation): thesis. Stavropol, 2009. 540 p. (In Russian).
4. Skorik A.P., Tikidzhian R.G. Krasnyye partizany v sovetskoy deystvitel'nosti 1920-kh – 1930-kh godov (na materialakh Yuga Rossii) (Red partisans in Soviet reality in the 1920s – 1930s (based on materials from the South of Russia) // Rossiyskaya istoriya. 2009. No. 4. P.104–114. (In Russian).
5. Center for Documentation of the Contemporary History of the Rostov Region (TsDNIRO). F.8. Inv. 1. D.64. (In Russian).
6. TSDNIRO. F.110. Inv. 1. D.48. (In Russian).
7. TSDNIRO. F.110. Inv. 1. D.50. (In Russian).
8. TSDNIRO. F.110. Inv. 1. D.51. (In Russian).
9. TSDNIRO. F.110. Inv. 1. D.52. (In Russian).
10. TSDNIRO. F.110. Inv. 1. D.58. (In Russian).
11. TSDNIRO. F.110. Inv. 1. D.64. (In Russian).
12. TSDNIRO. F.110. Inv. 1. D.69. (In Russian).
13. TSDNIRO. F.110. Inv. 1. D.70. (In Russian).
14. TSDNIRO. F.110. Inv. 1. D.75. (In Russian).
15. TSDNIRO. F.110. Inv. 1. D.84. (In Russian).
16. TSDNIRO. F.166. Inv. 1. D.10. (In Russian).
17. TSDNIRO. F.166. Inv. 1. 188. (In Russian).

Информация об авторе

Скорик Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, директор научно-исследовательского института истории казачества и развития казачьих регионов Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова (Новочеркасск) / s_a_p@mail.ru

Information about the author

Skorik Alexander – Doctor of Science (History), Doctor of Science (Philosophy), Professor of Social and Human Sciences, Director of the Research Institute of the History of the Cossacks and the Development of Cossack Regions, South-Russian State Polytechnic University (Novocherkassk Polytechnical Institute) (Novocherkassk) / s_a_p@mail.ru

УДК 94(470 + 571)»17/1917»
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.11

Е.В. Стегленко

ЛИЧНОСТЬ М.И. ПЛАТОВА В ОЦЕНКЕ Е. П. САВЕЛЬЕВА

Статья посвящена исследованию донского историка начала XX века Евграфа Петровича Савельева о донском атамане Матвее Ивановиче Платове. Один из самых ярких военачальников и администраторов донского казачества всегда вызывал внимание различных исследователей. В последнее время деятельность М.И. Платова находит широкое отражение в различных формах исторической памяти. Однако отдельные аспекты его биографии и их восприятие казачеством все еще недостаточно изучены.

Одним из ярких примеров формирования образа Платова в казачьей историографии выступает работа Е.П. Савельева «Атаман М.И. Платов и основание г. Новочеркасска (в 1805 г.)». Она была издана в Новочеркасске в 1906 г. и является серьезным вкладом в изучение многогранной деятельности атамана Платова. Однако данная работа практически не учитывалась в советской и российской историографии. Между тем, Е.П. Савельев выступает типичным представителем интеллектуальной среды донского казачества начала XX века. Ее взгляды широко востребованы в современном казачьем движении, что придает дополнительную актуальность исследованию.

Е.П. Савельев характеризует основные этапы жизни М.И. Платова: от удачного офицера екатерининской эпохи до героя Отечественной войны 1812 года. Отдельные негативные сюжеты из биографии Платова (обвинения в финансовых растратах, заточение в Петропавловскую крепость) Е.П. Савельев описывает в своем исследовании, но рассматривает как недоразумения и результат дворцовых интриг. Отдельно выделяет Е.П. Савельев административную деятельность и политическую гибкость донского атамана. Эти качества особенно ярко проявились в принятии решения об основании Новочеркасска. Подобные выводы о М.И. Платове в значительной степени соответствуют его историческому облику.

Научная новизна статьи заключается в осмыслении работы Е.П. Савельева «Атаман М.И. Платов и основание г. Новочеркасска (в 1805 г.)» как недостаточно изученного историографического источника в контексте анализа традиции историописания начала XX века.

Ключевые слова: М. И. Платов, Е. П. Савельев, донская историография, казачество, «индийский поход», Отечественная война 1812 г, донской историк.

Elena Steglenko

M.I. PLATOV'S PERSONALITY IN THE EVALUATION OF E. P. SAVELYEV

The article focuses on the research on the Don ataman (Cossack chieftain) Matvey Platov by the Don historian of the early 20th century Evgraf Savelyev. One of the outstanding Don Cossacks' military commanders and administrators has always attracted the attention of various researchers. Recently his endeavors have been broadly recognized in various forms of historic memory. However, some aspects of his biography and their perception by the Cossacks are still insufficiently studied.

One of the brightest examples of the formation of the image of Platov in Cossack historiography is the work of E.P. Saveliev Ataman M.I. Platov and Foundation of the Town of Novocherkassk (in 1805). It was published in Novocherkassk in 1906 and is a serious contribution to the study of the multifaceted activities of Ataman Platov. However, this work was practically ignored in Soviet and Russian historiography. Meanwhile, E. P. Savelyev is a typical representative of the intellectual environment of the Don Cossacks of the early twentieth century. Her views are widely demanded in the modern Cossack movement, which gives additional relevance to the study.

E.P. Savelyev characterizes the milestones of the Platov's life – from an auspicious officer of the times of Catherine the Great to the hero of the Patriotic War of 1812. Certain notorious episodes of the Platov's biography (embezzlement accusation, confinement in Peter and Paul's Fortress) are described by E.P. Savelyev in his work but are considered a misunderstanding and the result of the court's scheming. E.P. Savelyev singles out administrative work and political flexibility of the ataman. He especially demonstrated these qualities when decision to found Novocherkassk was made. Such conclusions about M. I. Platov to a great extent correspond to his historical image.

The scientific novelty of the article consists in understanding the work of E. P. Savelyev «Ataman M. I. Platov and the foundation of Novocherkassk (in 1805)» as an insufficiently studied historiographic source in the context of analyzing the tradition of historiography of the early twentieth century.

Key words: M. I. Platov, E. P. Savelyev, the Don historiography, the Cossacks, the Indian Campaign, Patriotic War of 1812, the Don historian.

Матвей Иванович Платов сыграл выдающуюся роль в истории Дона и военной истории России в целом, в том числе, в победе русской армии в Отечественной войне 1812 г., получив всестороннюю оценку в научных исследованиях и научно-популярных работах, посвященных как глубокой и противоречивой личности знаменитого атамана, так и его многообразной деятельности. В дореволюционной историографии он выступал в роли несомненного героя, преданного Отечеству, престолу и вере полководца, мудрого наставника вольных казаков. В известных трудах Н. Ф. Смирного [13], Н. Ф. Дубровина [4], Е. И. Тарасова [14], В. И. Харкевича [15], П. А. Ни-

ве [7], П.Н. Краснова [5] был сформирован апологетический портрет М.И. Платова, в рамках которого определенные недостатки атаманской личности рассматривались как недоброжелательный вымысел, недостойный исследовательского и общественного внимания. В советский период оценочные суждения о знаменитом атамане носили преимущественно позитивный характер, но они относились к славной военной биографии рассматриваемого персонажа. В постсоветской историографии наметилась тенденция к реалистичному отображению платовского образа, которой активно противодействует конъюнктурная линия, связанная с казачьим возрождением. В частности, критический портрет М. И. Платова, предложенный в известном труде В. И. Лесина [6], полностью контрастирует с апологетическими работами М. П. Астапенко [1, 2]. Наиболее объективная характеристика неоднозначной личности и обширной деятельности легендарного атамана содержится в фундаментальных исследованиях В. М. Безотосного [3] и А. И. Сапожникова [10, с. 63 – 75, 11, 12, с. 96 – 148], основанных на значительном источниковом материале, часть которого впервые введена в научный оборот. Вместе с тем, некоторые характеристики рассматриваемой знаковой фигуры до настоящего времени не находились в центре исследовательского внимания.

Исследовательский стиль Е. П. Савельева имеет в научном сообществе неоднозначную репутацию, сравнимую с традиционно дискуссионным платовским образом. Многие профессиональные исследователи рассматривают донского историка в качестве убежденного популяризатора недостаточно аргументированных концепций, тогда как оппонирующая сторона убеждена в том, что оригинальные оценки и широкий кругозор талантливого автора заслуживают пристального внимания со стороны современных ученых. Как представляется, в контексте указанного обстоятельства известный интерес представляет выборочная характеристика личности и деятельности М. И. Платова, предложенная Е. П. Савельевым и не становившаяся еще объектом целенаправленного изучения.

Рассматривая сложные биографические сюжеты, каждый историк руководствуется исходным набором методологических принципов, определяющих реальное содержание исследовательской практики. Во вводной части «Истории казачества с древнейших времен до конца XVIII века» соответствующие идеи сформулировал и Е. П. Савельев, теоретические размышления которого представляют несомненный интерес. Применительно к персональной истории он отмечал, что «историк должен быть беспристрастен, объективен и независим … скрывать, извинять и замалчивать требующие порицания действия исторических личностей – это значит затемнять ход жизни народа и его стремление к будущему ... благородные мыслители и исторические деятели должны трудиться над развитием человеческой культуры и утверждением нравственных воззрений в обществе, которое в этом случае должно быть единомыслящим на пространстве всего культурного мира» [8, с. 4]. Е. П. Савельев выступал за объективное изображение выдающихся личностей, лишенное как искусственного пафоса, так и осознанного упрощения. Исторический портрет М. И. Платова, сформированный в известных трудах донского историка, оказался ярким и колоритным описанием, но одновременно не сводимым к лубочной картинке.

Неоднозначной личности донского атамана посвящено специальное исследование Е. П. Савельева «Атаман М. И. Платов и основание г. Новочеркасска (в 1805 г.)» [8], в котором он уделяет значительное внимание систематизированному описанию основных событий военной и административной деятельности избранного героя. Романтизируя екатерининскую эпоху и образ казака-воина, Е. П. Савельев рисует панорамный портрет молодого казачьего полковника: «После Калалахской битвы о Платове заговорили все. Необыкновенное мужество, присутствие духа в минуту величайшей опасности и благоразумная распорядительность, оказанная молодым Платовым, предвозвестили в нем будущего героя» [8, с. 5]. Подобный имидж полкового командира складывался не только в ближайшем офицерском и казачьем окружении, но и в среде высшего командования и в придворных кругах. Е. П. Савельев отмечает, что «начальство обратило на него внимание; даже вся армия, двор и императрица. Светлейший князь Потемкин до самой своей смерти остался его истинным благодетелем и покровителем» [8, с. 5]. В первом приближении начинает формироваться типичный портрет удачливого офицера екатерининской эпохи, для которого воинская доблесть и царская милость открывали блестящие карьерные перспективы.

Но для донского патриота гораздо большее значение имела другая сторона противоречивой личности М. И. Платова, который обладал обостренным чувством собственного достоинства и жестким характером. Е. П. Савельев указывал, что «имея природное доброе сердце и тонкий ум, как о нем единогласно отзываются современники, Платов в окружающей среде был грубовато прост, прям, иногда даже резок, что давало повод многим, в особенности «адъютантствующей» прилизанной молодежи регулярных полков, всегда толкавшихся в передних главнокомандующих, слагать про него разные непозволительные анекдоты и давать ему непристойные клички, а потом при случае с подобострастной улыбкой передавать их своим патронам, всегда завидовавшим славе донского героя» [8, с. 10]. Прошедший

в полном соответствии с казачьими традициями трудный воинский путь с нижних ступеней армейской иерархии, будущий легендарный атаман всегда ненавидел многочисленных представителей офицерского корпуса, добившихся высоких чинов за счет личной родовитости или длительного пребывания на штабной работе. По справедливому замечанию Е. П. Савельева, «он по своей прямоте не всегда жаловал выслужившихся по протекции выскочек-дворянчиков, которыми в то время переполнена была вся русская армия, не любил их полупрезрительное отношение к «казачкам», по их выражению, не терпел их покровительственный тон и всячески старался не давать в ординарцы и проводники подобным лицам своих казаков» [8, с. 10]. М. И. Платов не доверял и казачьим офицерам, изменявшим вековым традициям из карьерных соображений. Е. П. Савельев отмечает, что «не любил он также и тех из своих донцов, которые позволяли себе отступать из подражания от своих казацких обычаев, от покроя платья и вообще державшихся от своих братьев станичников особняком» [8, с. 10].

К началу правления Павла I М. И. Платов являлся одним из самых известных российских генералов, пользовавшихся огромным авторитетом в казачьей и армейской среде. Неожиданная опала и тюремное заключение донского героя вызвало серьезное недоумение, как в офицерском корпусе, так и на Дону. По мнению Е. П. Савельева, «оклеветанный низкими завистниками перед подозрительным императором Павлом Петровичем, в одну несчастную осеннюю ночь, он был тайно арестован и с фельдъегерем отвезен сначала в Кострому, а потом в Петербург и замурован, как какой-нибудь великий преступник, в одном из сырых и темных казематов Петропавловской крепости» [8, с. 12]. Донской историк хранит понятное молчание об истинных причинах жестких мер против талантливого генерала, что определяется принципиальным нежеланием оперировать непроверенными фактами о финансовой нечистоплотности избранного героя. Современные историки, глубоко исследовавшие архивные документы, пришли к очевидному выводу о том, что М. И. Платов, как и многие высшие офицеры екатерининской эпохи, часто не видел принципиальной разницы между собственными и казенными средствами, а потому у нового императора имелись достаточные основания для уголовного преследования казачьего генерала.

От «горькой участи» донского героя фактически спас несостоявшийся «индийский поход, задуманный императором Павлом I в рамках намечавшего союза с наполеоновской Францией. По справедливому замечанию Е. П. Савельева, «важность предпринимаемого дела требовала от посылаемых в такую трудную экспедицию особого воодушевления, а это могло быть достигнуто только тогда, когда во главе казачества станет человек, горячо любимый войском и имеющий на него большое влияние; таковым на совете государя оказался опальный Матвей Иванович Платов, сидевший уже четвертый год под секретным номером в подземном каземате Петропавловской крепости. Вспомнили, наконец, об этом замурованном донском богатыре и решили воспользоваться его силой и влиянием на казачье войско» [8, с. 14]. Донской историк полагал, что рискованная военная акция требовала привлечения именно казачьих частей в качестве главной ударной силы. Он писал: «Совершалось необычайное дело: по слову императора двинулись в необозримые снежные степи отборные войска русской земли, в поход, имевший целью достижения таких стран, пути к которым не прошло еще ни одно войско, а прежние попытки терпели грустную неудачу. Примеры подобных походов считаются во всемирной истории единицами, и каждый из них стяжал их предводителю и войскам бессмертную славу. И передовым вождем такого знаменитого похода был выбран тюремный сиделец, извлеченный из мрака каземата. Беззаветная преданность родной земле повела эти тысячи народа в безвестный путь, где в девяти случаях из десяти ждала их верная смерть» [8, с. 26]. Однако, несмотря на возвышенный пафос описываемых событий, Е. П. Савельев справедливо указывает на сомнительную цель данного предприятия, в котором даже сильная личность и безусловный авторитет донского атамана, не смогли остановить открытого возмущения среди его казаков: «Наши войска отказались следовать за знаменитым Суворовым при переходе его через Альпы. Этот гениальный полководец сумел воодушевить их, сам показал пример беззаветной храбрости и бесстрашия. У Суворова была цель: перед ним за скалами и в ущельях был враг, которого надлежало выбить... И он выбил, поборов все природные препятствия. Цель у Платова была далекая, сказочная Индия, за многие тысячи верст, страна неведомая, никем не исследованная, к которой не было никаких дорог. Следовательно, была цель химерическая, вернее, не было никакой цели. Перед ним расстилалась также никому неведомая безбрежная песчаная степь, безлюдная безводная пустыня, непреодолимая для войск не только сто лет тому назад, но и в настоящее время» [8, с. 28]. Возможно, «индийский поход» принес бы М. И. Платову новую славу, но подобный исход нельзя считать гарантированным делом, а потому донской генерал испытал очевидное облегчение, когда получил неожиданное известие о полной отмене прежних планов.

«Бедный» Павел I был убит собственными приближенными в Михайловском замке, а казачье войско, измученное тяжелым многоверстным переходом, вернулось на Дон. Е. П. Саве-

льев высоко оценил героические усилия славных предшественников: «Рассматривая оренбургский поход донских казаков, нельзя не поражаться выносливостью казачества и самоотверженной преданностью престолу, и отечеству. По слову Царя Дон поднялся, встал, как один человек, в полном боевом вооружении, с пушками, снарядами и провиантом. В течение месяца среди стуж и метелей, а потом оттепелей, по бездорожью, через опасные переправы Донские полки прошли тысячное расстояние, спешным маршем, делая в сутки по 40 и 55 верст, при сравнительно малых потерях в людях и лошадях. Это важное в жизни сынов тихого Дона событие заслуживает быть отмеченным на страницах русской истории» [8, с. 32].

В привычной обстановке М. И. Платова ожидала новая важная задача, связанная с давно назревшим основанием новой столицы донского казачества. Применительно к спорному вопросу, связанному с территориальным размещением Новочеркасска (в окончательном варианте – на пересечении несудоходных рек Тузлова и Аксая), Е. П. Савельев отмечает определенную уступчивость М. И. Платова, которая определялась не личным интересом (близость к «милым ему Мишкинским хуторам»), а неприятными воспоминаниями о недавнем заключении. Донской историк справедливо отмечал, что «он [М. И. Платов – Е.С.] не забыл еще каземат Петропавловской крепости. Он хорошо знал, с кем ему в данном деле придется бороться и решил покориться. О ростовской бухте и Азове де-Волант не хотел и слышать. Из двух зол пришлось выбирать меньшее. Не оставаться же опять городу в черкасском болоте, нужно исполнить указ Государя, к тому же последовавший по его просьбе» [8, с. 38]. Е. П. Савельев также полагал, что истинной причиной состоявшегося выбора стали политические интриги и «сговор» между инженерными специалистами из Петербурга и быстро развивающимися городами – Азовом и Нахичеванью, «откупившимися» от подобного соседства.

Широкий размах и высокий темп развернувшегося строительства Новочеркасска восхищали осведомленных современников, пафосные настроения которых отчасти передались и Е. П. Савельеву. По восторженному замечанию донского историка, «два рабочих полка, местные крестьяне, нанятые рабочие мастера, плотники строили город так быстро, что уже через год торжественная процессия из нескольких десятков тысяч лиц обоего пола, включая жителей соседних станиц, представителей воинской казачьей верхушки, во главе с атаманом Платовым вносила в новое здание войсковой канцелярии регалии и знамена Войска Донского [8, с. 43]. Е. П. Савельев отмечает также постоянное внимание М. И. Платова к начавшемуся заселению новой донской столицы, которая привлекала многих донских жителей. Он отмечал то существенное обстоятельство, что «переселяться дозволялось только генералам и офицерам, разным промышленным и торговым людям из казаков низовых станиц и старого города, жителям же верхних станиц в этом было отказано, так как, по мнению Платова, в городе им было делать нечего. Торговых казаков Платов переселял силою; доходило дело даже до «порки». Ведь нельзя же быть городу без торговли. Промышленные ремесленные люди для столичного города войска Донского были необходимо нужны» [8, с. 43]. Донской историк полагал, что именно благодаря неуемной энергии войскового атамана новая донская столица быстро превратилась не только в административный центр, но и в процветающий торговый город.

Блистательное участие М. И. Платова в Отечественной войне 1812 г. Е. П. Савельев описывает высоким стилем, отдавая очевидное предпочтение ярким и образным оценкам. Следует заметить, что авторские размышления донского историка не тождественны полноценному хронологическому описанию военных действий, в которых принимали участие донские полки, в целом, и легендарный атаман, в частности. Вместе с тем, событийные фрагменты и значимые явления, избранные Е. П. Савельевым, позволяют сформировать не в полной мере традиционный портрет М. И. Платова, в котором отчетливо выделяются различные качества неординарной личности. В данном контексте примечательным выглядит авторское описание казачьей части русской армии, возглавляемой донским атаманом: «Казаки ночь проводили на аванпостах, а днем рыскали в партиях, встречались с неприятелем, разсыпали гибкую и тягучую лаву перед фронтом врага, маячили и заманивали его в западни и подводили его под свои донския казацкия пушки. И вся эта нестройная, на первый взгляд, дикая орда, в виде одиночных всадников на косматых, плохо очищенных маленьких лошадках, одушевлялась одним лицом, жила одним духом, одной волею – вся смотрела, верила, боялась и уважала одного человека, атамана Матвея Ивановича Платова. Это не был изнеженный вельможа, гордый своим положениемъ; нет, это был закаленный в боях воин, разделявший с своими «детушками» все тягости тревожной военной жизни. Он спал на голой земле, под кустом, покрывшись буркой; в четыре часа вставал, ему подводили его сераго коня, и он летел на аванпосты, ходил в партии, учил офицеров военной хитрости и часто всю ночь следил сам за движениями врагов, а при блеске восходящаго солнца, лежа на песке, писал донесения» [8, с. 61]. Длительное вынужденное отступление русской армии от западной границы не соответствовало деятельной натуре М. И. Платова, стремившегося к постоянному контакту с неприятельскими войсками. Е. П. Савельев справедливо

замечал, что «не любил так воевать Платов! Его пылкое сердце рвалось вперед, рвалось в ширь, и хотелось ему громких побед, хотелось пленных, орудий, взятых с боя» [8, с. 61]. С таким настроением громкие победы можно было ожидать в самой ближайшей перспективе, что и произошло в известных сражениях у Мира и Романова.

Успешные действия донских казаков под командованием М. И. Платова вызывали не только мощное воодушевление в русской армии, но и завистливое недовольство тщеславных карьеристов и менее успешных военачальников. По справедливому замечанию Е. П. Савельева, «слава донского атамана росла с неимоверной быстротой; даже кавалеристы Мюрата повторяли имя Платова на все лады. Но, несмотря на такия боевыя заслуги казаков, некоторые из русских полководцев, исключая Барклая и Багратиона, их недолюбливали и предъявляли к ним такия требования, которых они не в состоянии были выполнить. Это главным образом происходило от того, что многие завидовали славе донского героя» [8, с. 63-64]. Подобное отношение в полной мере проявилось в ходе Бородинского сражения, когда отдельные штабные сотрудники и высшие офицеры пытались обвинить М. И. Платова в относительной неудаче предпринятого рейда во французский тыл. В качестве основной причины указывалось мнимое пьянство донского атамана, который руководил боевыми действиями в нетрезвом виде. В данном контексте интересным представляется описание платовской реакции на кулуарные обвинения, предложенное Е. П. Савельевым: «Вспыхнул атаман Платов от такой гнусной лжи; хотелось ему сказать дерзость главнокомандующему, что он забывается, верит подлым людям, его окружающим; хотелось ему отхлестать нагайкой этих мальчишек, что перешептывались в углу, но вспомнил, что нечего ждать казачеству от этих зазнавшихся вельмож, что и прежде за боевыя заслуги казаков он получал от них только пустыя похвалы на словах, а на деле же одни притеснения и угрозы. Знал он, что донцов оценит лишь один государь и история, а не эти случайные выскочки, и сдержался» [8, с. 68]. Значимым представляется то обстоятельство, что донской историк видел в легендарном атамане убежденного сторонника самодержавия, живущего по известному фаталистическому принципу: «жалует царь, да не жалует псарь».

Заграничные походы раскрывают многогранную личность М. И. Платова в новом свете, связанном с живым восприятием зарубежной культуры. По меткому наблюдению Е. П. Савельева, «все театры желали видеть в своих стенах Платова. Посидев полчаса, час в одном театре, Платов спешил в другой, третий ... Везде его приветствовали бурными восклицаниями. За ходом пьесы никто не следил: взоры всех обращались на знатного гостя. Каждый старался предупредить его желания» [8, с. 73]. «Дикий казак», интересующийся театральными постановками и модными вернисажами, покорил европейскую публику и был благожелательно принят английскими придворными кругами. Е. П. Савельев отмечает то обстоятельство, что «принц-регент подарил Платову великолепные золотые часы с гербом, свой портрет, осыпанный драгоценными камнями, для ношения на груди, с надписью на обороте: «От Его Королевскаго Высочества Георга, Августа, Фридриха, принца-регента соединеннаго Великобританскаго и Ирландскаго королевства, Атаману Генералу Графу Платову, в ознаменование почтения, уважения и удивления к безсмертным подвигам, подъятым для пользы отечества своего и для спасения Европы. 1814 г.» [8, с. 73].

Яркий образ М. И. Платова, созданный донским историком Е. П. Савельевым, в значительной мере соответствует исторической действительности. Безусловно, отдельные авторские рассуждения имеют излишне категоричный и апологетичный характер, но в целом избранная линия на беспристрастное описание известных фактов была выдержана в полной мере. Единственным исключением следует признать упомянутый эпизод с истинными причинами тюремного заключения М. И. Платова, но и здесь Е. П. Савельев предпочел не опираться на непроверенные факты, хотя они и нашли подтверждение в дальнейшей исследовательской практике. Следует признать, что работа донского историка является серьезным вкладом в последовательное изучение сложной личности и многогранной деятельности выдающегося донского военачальника и администратора.

Источники и литература

1. Астапенко М.П. Атаман Платов. Ростов-на-Дону: Гефест, 2003. 317 с.
2. Астапенко М.П., Левченко В.Г. Атаман Платов: Жизнеописание. М.: Современник, 1988. 239 с.
3. Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. М.: РОССПЭН, 1999. 192 с.
4. Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. (1812-1815 гг.). СПб: Типография Императорской Академии наук, 1882. 691 с.
5. Краснов П.Н. Донцы и Платов в 1812 году. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1912. 41 с.
6. Лесин В.И. Атаман Платов. М.: Молодая гвардия, 2005. 403 с.
7. Ниве П.А. Отечественная война 1812. В 5 т. Т. 4. СПб: Типография Морского министерства, 1912. 640 с.
8. Савельев Е.П. Атаман М.И. Платов и основание г. Новочеркасска (в 1805 г.). Новочеркасск, б. и., 1906. 88 с.
9. Савельев Е.П. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. Ч. III. / Репринт издания 1918 г. Ростов н/Д, 1990. 443 с.

10. Сапожников А.И. Атаман Платов. Проблемы историографии // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. Сборник научных трудов. М.– СПб: Петербургский филиал ИРИ РАН, 1992. С. 63–75.
11. Сапожников А.И. Граф Матвей Иванович Платов. Опыт научной биографии: автореферат дис. ... канд. ист. наук: СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1995. 17 с.
12. Сапожников А.И. Род Платовых. Поколенная роспись и материалы для биографии знаменитого атамана // Краеведческие записки. Вып. 6. Новочеркасск: Музей истории донского казачества. 2003, С. 96–148.
13. Смирной Н.Ф. Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова. М.: Типография С. Селивановскаго, 1821. Ч. 1. 240 с. Ч. 2 178 с. Ч. 3. 183 с.
14. Тарасов Е.И. Донской атаман Платов. (1751– 1818). Его жизнь и подвиги. СПб: Изд. Вестника казачьих войск, 1902. 32 с.
15. Харкевич В.И. Действия Платова в арьергарде Багратиона в 1812 году: Кавалерийские бои при Мире и Романове. СПб: Типография Главного управления уделов, 1901. 48 с.

References

1. Astapenko M.P. Ataman Platov (Ataman Platov). Rostov-on-Don: Gefest, 2003. 317 p. (in Russian).
2. Astapenko M.P., Levchenko V.G. Ataman Platov: Zhizneopisanie (Ataman Platov: Biography). Moscow: Sovremennik, 1988. 239 p. (in Russian).
3. Bezotosnyi V.M. Donskoi generalitet i ataman Platov v 1812 godu (Don generals and ataman Platov in 1812). Moscow: ROSSPEN, 1999. 192 p. (in Russian).
4. Dubrovin N.F. Otechestvennaya voina v pis'makh sovremennikov. (1812-1815 gg.) (Patriotic War of 1812 in contemporaries's letters. (1812-1815). Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1882. 691 p. (in Russian).
5. Krasnov P.N. Dontsy i Platov v 1812 godu (Dones and Platov in 1812). Moscow: I.D. Sytin's publ., 1912. 41 p. (in Russian).
6. Lesin V.I. Ataman Platov (Ataman Platov). Moscow: Molodaya gvardiya, 2005. 403 p. (in Russian).
7. Nive P.A. Otechestvennaya voina 1812 (Patriotic War in 1812). V 5 t. T. 4. St. Petersburg: Morskoe ministerstvo, 1912. 640 p. (in Russian).
8. Savel'ev E.P. Ataman M.I. Platov i osnovanie g. Novocherkasska (v 1805 g.) (Ataman M. I. Platov and Foundation of Novocherkassk (in 1805). Novocherkassk, 1906. 88 p. (in Russian).
9. Savel'ev E.P. Istoriya kazachestva s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka. Ch. III. / Reprint izdaniya 1918 g. (The history of the Cossacks from ancient times to the end of the XVIII century. Part III / Peprint edition 1918) Rostov-on-Don, 1990. 442 p. (in Russian).
10. Sapozhnikov A.I. Ataman Platov. Problemy istoriografii // Ekonomicheskie i sotsial'no-politicheskie problemy otechestvennoi isto-rii. Sbornik nauchnykh trudov istoriografii (Ataman Platov. Problems of historiography // Economic and socio-political problems of national history. Collection of proceedings). Moscow – St. Petersburg: IRI RAN (branch), 1992. P. 63–75. (in Russian).
11. Sapozhnikov A.I. Graf Matvei Ivanovich Platov. Opyt nauchnoi biografii (Count Matvey Ivanovich Platov. Experience of scientific biography): abstract of thesis. St. Petersburg: SPbSU publ., 1995. 17 p. (in Russian).
12. Sapozhnikov A.I. Rod Platovykh. Pokolennaya rospis' i materia-ly dlya biografii znamenitogo atamana // Kraevedcheskie zapiski Vyp. 6. (Genus of Platov. Generational list and materials for the biography of famous ataman // Local history notes. Vol. 6.). Novocherkassk: Muzei istorii donskogo kazachestva. 2003, P. 96–148. (in Russian).
13. Smirnoi N.F. Zhizn' i podvigi grafa Matveya Ivanovicha Platova (Life and deeds of Count Matthew Ivanovich Platov). Moscow: S. Selivanovskii's publ., 1821. Part 1 – 3. (in Russian).
14. Tarasov E.I. Donskoi ataman Platov. (1751– 1818). Ego zhizn' i podvigi (Don Ataman Platov. (1751-1818). His life and deeds). St. Petersburg: Vestnik kazach'ikh voisk, 1902. 32 p. (in Russian).
15. Kharkevich V.I. Deistviya Platova v ar'ergarde Bagrationa v 1812 godu: Kavaleriiskie boi pri Mire i Romanove (Platov's actions in the rearguard of Bagration in 1812: cavalry battles at Mir and Romanov). St. Petersburg: Glavnoe upravlenie udelov, 1901. 48 p. (in Russian).

Сведения об авторе

Стегленко Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры истории России института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / steglenko@sfedu.ru

Information about the author

Elena Steglenko – Lecturer, Department of Russian History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-na-Donu) / steglenko@sfedu.ru

УДК 94(47).084.8
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.12

Н. Д. Судавцов

ВКЛАД ГЕНЕРАЛА И.Р. АПАНАСЕНКО В ПОБЕДУ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В статье идёт речь о командующем Дальневосточным фронтом генерале И.Р. Апанасенко, внёсшего значительный вклад в оборону СССР на Дальнем Востоке и обеспечение победы во Второй мировой войне. Будучи назначенным командующим фронтом в январе 1941 г., И. Р. Апанасенко с первых дней своего пребывания на Дальнем Востоке особое внимание уделял укреплению обороноспособности региона, повышению боевой готовности войск к отпору врагу, что было очень важно в условиях Второй мировой войны. С первых же дней командования фронтом генерал И. Апанасенко уделил большое внимание боевой подготовке войск в условиях, приближённых к фронтовым. Угроза нападения Японии на СССР значительно возросла после вторжения германских войск на территорию Советского Союза 22 июня 1942 года. С началом Великой Отечественной войны пришлось направлять войска с Дальнего Востока на запад, сохраняя при этом боеготовность фронта. Отправляя укомплектованные и полностью обеспеченные воинские соединения, генерал Апанасенко взял на себя огромную ответственность, формируя по собственной инициативе вместо убывавших дивизий новые под теми же номерами. Он широко использовал дезинформацию, вводя в заблуждение японское командование, создавая видимость, что кадровые воинские части продолжали оставаться на местах. Командующий провёл мобилизацию мужчин до 55 лет, изымал заключённых из лагерей и включал их в формируемые дивизии. В результате численность войск фронта не только не уменьшилась, а удвоилось. Не получая от наркомата обороны и генштаба вооружение, боеприпасы, снаряжение, довольствие, командующий фронтом организовал их производство на месте. Была расширена сеть военных совхозов. Фронт стал базой боевой подготовки войск для западных фронтов из числа призывников, направлявшихся из других территорий в состав Дальневосточного фронта. Именно в 1941-1942 гг. не только было предотвращено нападение Японии на СССР, но и заложены основы подготовки к военным действиям советских войск на Дальнем Востоке в 1945 г.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Дальневосточный фронт, Япония, военные действия, героизм, генерал И. Р. Апанасенко.

Nikolay Sudavtsov

GENERAL I. APANASENKO'S CONTRIBUTION TO THE VICTORY IN THE SECOND WORLD WAR

The article deals with the commander of the Far Eastern Front, General I.R. Apanasenko, who made a significant contribution to the defense of the USSR in the Far East and ensuring victory in World War II. Being appointed commander of the front in January 1941, from the first days of his stay in the Far East, I.R. Apanasenko paid special attention to strengthening the defense capability of the region, increasing the combat readiness of troops to repel the enemy, which was very important during the Second World War. From the very first days of commanding the front, General I. Apanasenko paid great attention to the combat training of troops in conditions close to those of the front. The threat of a Japanese attack on the USSR increased significantly after the invasion of German troops into the territory of the Soviet Union on June 22, 1942. With the outbreak of World War II, troops had to be sent from the Far East to the west, while maintaining the combat readiness of the front. Sending out manned and fully secured military units, General Apanasenko took upon himself a huge responsibility, forming, on his own initiative, new divisions with the same numbers instead of departing ones. He made extensive use of misinformation, misleading the Japanese command, giving the appearance that regular military units continued to remain in place. The commander mobilized men up to 55 years old, removed prisoners from the camps and included them in the divisions being formed. As a result, the number of front troops not only did not decrease, but doubled. Not receiving weapons, ammunition, equipment, rations from the People's Commissariat of Defense and the General Staff, the front commander organized their production on the spot. The network of military state farms was expanded. The front became the base for the combat training of troops for the western fronts from among the conscripts sent from other territories to the Far Eastern Front. It was in 1941-1942 not only was the Japanese attack on the USSR prevented, but the foundations were laid for the preparation for military operations of the Soviet troops in the Far East in 1945.

Key words: World War II, Far Eastern Front, Japan, military operations, heroism, General I.R. Apanasenko.

В январе 1941 года командующим Дальневосточным фронтом был назначен выходец со Ставрополья генерал-полковник И.Р. Апанасенко. К концу 1930-х годов обстановка на Дальнем Востоке была очень сложной. Япония с конца 1920-х годов проявляла повышенную агрессивность в данном регионе. Руководство страны, вынашивая планы расширения территории своего государства, неоднократно устраивало вооружённые конфликты с соседними государствами. Против СССР совершались провокации: конфликт на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 г., на границе у озера Хасан в 1938 г., вторжение на территорию союзницы СССР Монгольской Народной республики в 1939 г. В условиях начала 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны, заключенного

антикоминтерновского пакта между Германией, Италией и Японией возросла агрессивность Японии, угрожавшей советскому Дальнему Востоку.

Руководство СССР, принимая меры по нейтрализации Японии на востоке, наращивало военную мощь государства для отражения возможной японской агрессии. Приказом народного комиссара обороны от 1 июля 1940 г. был создан Дальневосточный фронт с размещением штаба в городе Хабаровске. В его оперативном подчинении находились Тихоокеанский флот и Краснознамённая Амурская флотилия. Командующим фронтом был назначен генерал-полковник Г. М. Штерн, который в январе 1941 г. да был освобождён от должности и затем репрессирован. Встал вопрос о командующем, который бы смог обеспечить безопасность Дальнего Востока. И. Сталин остановил свой выбор на хорошо зарекомендовавшем себя командующем Среднеазиатским военным округом генерал-полковнике И. Апанасенко, которого знал ещё по гражданской войне.

После назначения командующим Дальневосточным фронтом генерал Апанасенко, сдав дела в Ташкенте, на некоторое время задержался в Москве, где побывал в Наркомате обороны, генеральном штабе. Особый интерес И. Апанасенко в генеральном штабе проявил к восточному направлению и, прежде всего, к вооружённым силам Японии, чтобы иметь более чёткое представление о Дальневосточном фронте. Генерал Апанасенко попросил дать ему возможность подобрать командные кадры для фронта по своему усмотрению. Так начальником штаба фронта был назначен заместитель начальника Генерального штаба РККА генерал-лейтенант И. В. Смородинов, начальником оперативного отдела генерал А. К. Казаковцев, командиром корпуса, а затем заместителем командующего фронтом генерал В. С. Голубовский и другие.

Состоялась у И. Апанасенко встреча с И. Сталиным, который дал ему наставления, главным из которых было: сделать всё для того, чтобы фронт при необходимости дал мощный отпор японским агрессорам.

Прибыв в г. Хабаровск генерал Апанасенко сразу же стал знакомиться с положением дел на фронте. Он находился постоянно в движении. Бывая в войсках, он глубоко вникал в положение дел, организацию учений, бытовые нужды личного состава, организацию боевой подготовки и т.д. Особое внимание он уделял территории, прилегающей к Маньчжурии, оккупированной японскими войсками. Главным для него было обеспечение безопасности советского государства на Дальнем Востоке и противодействие Японии в осуществлении своих замыслов.

Его интересовало всё. Для него не было мелочей во всём, что касалось боеспособности фронта. В первые же дни он решил рассмотреть защищённость советских рубежей со стороны территории Китая, оккупированной Японией. Особое внимание он уделил оперативной обстановке. Уже первое знакомство показало, что в войсках дела обстоят не так хорошо, как это преподносилось в средствах массовой информации, да и по линии наркомата обороны.

Офицер штаба фронта подполковник Григоренко, позже генерал-диссидент, так описывал в своих мемуарах рассмотрение этого вопроса: «Начали с плана прикрытия. Докладывал я, так как был ответствен за эту часть оперплана. Казаковцев стоял рядом. По мере доклада Апанасенко бросал отдельные реплики, высказывал суждения. Когда я начал докладывать о расположении фронтовых резервов, Апанасенко сказал:

– Правильно! Отсюда удобнее всего маневрировать. Создастся угроза здесь, мы сюда свои резервы, – и он повел рукой на юг. – А создастся здесь, сманеврируем сюда, – двинул рукой на запад.

Казаковцев, который молчал, когда рука Апанасенко двигалась на юг, теперь спокойно, как о чем-то незначительном, бросил:

– Сманеврируем, если японцы позволят.

– Как это? — насторожился Апанасенко.

– А так. На этой железной дороге 52 малых тунеля и больших моста. Стоит хоть один взорвать, и никуда мы ничего не повезем.

– Перейдем на автотранспорт. По грунту сманеврируем.

– Не выйдет. Нет грунтовки параллельно железной дороге [3, с. 190].

У Апанасенко над воротником появилась красная полоска, которая быстро поползла вверх. С красным лицом, с налитыми кровью глазами он рявкнул:

– Как же так! Кричали: Дальний Восток – крепость! Дальний Восток – на замке! А оказывается, сидим здесь, как в мышеловке!».

Командующий фронтом поставил задачу срочно построить вдоль железной дороги, идущей недалеко от границы, шоссированную дорогу и отвёл на это всего пять месяцев. Для многих это казалось нереальным. Но Апанасенко был не из тех людей, которые не достигали поставленной цели. В кратчайшие сроки для этого были привлечены не только воинские части, но и население края. О ходе работ командующему докладывали ежедневно, и он в случае необходимости принимал оперативные меры, предъявляя жёсткие требования к военным, советским, партийным органам. Обладая как командующий фронтом практически неограниченной властью, он даже снял с работы двух секретарей райкомов ВКП(б) и отправил их в войска. 1 сентября 1941 г. дорога из Хабаровска в Куйбышевку-Восточная длина 946 километров была построена [3, с. 190].

Побывав в местах дислокации войск, генерал Апанасенко обнаружил, что ко многим воинским городкам нет подъездных путей и в распутицу во-

инские части не могли выйти из них, что значительно снижало их боеспособность. Командующий фронтом был этим чрезвычайно возмущён и потребовал немедленно приступить к дорожному строительству. В связи с этим 1 августа 1941 г. было приято постановление военного совета Дальневосточного фронта «О содержании существующих и строительства новых дорог на территории Хабаровского края», в котором устанавливалась очерёдность, жёсткие сроки ремонта и строительства новых дорог, подъездных путей к железнодорожным станциям в сжатые сроки. Для этого предусматривалось формирование трёх дорожно-строительных батальонов [6].

В сжатые сроки на территории фронта создался самый настоящий бум дорожного строительства, которое велось ускоренными темпами не зависимо от погоды. То, что не делалось десятилетиями, благодаря напористости генерала Апанасенко было сделано за несколько месяцев. В итоге осенью 1941 г. дороги были построены на только к местам дислокации воинских подразделений, но и в самих военных городках. Это имело чрезвычайно важное значение не только для повышения боеспособности войск, но и для народного хозяйства, населения Дальнего Востока, так как значительно улучшило транспортное сообщение на территории фронта.

С первых дней командующий фронтом столкнулся с невысокой воинской подготовкой, слабой дисциплиной в войсках. Поэтому он потребовал от командиров всех уровней отличной боевой выучки личного состава воинских соединений фронта. Он считал, что войска должны всегда быть готовыми дать отпор противнику. Генерал Апанасенко исходил из того, что хорошая выучка – залог сокращения потерь личного состава в боевых условиях и повышения эффективности боевых действий воинских частей. А для этого в воинских соединениях боевая подготовка личного состава должна была соответствовать требованиям времени. Основное внимание было уделено подготовке войск в полевых условиях. Подготовка войск была приближена к боевым условиям, исходя из суворовского: «Тяжело в учении, легко в бою». Поэтому в учениях, смотрах командующий принимал личное участие. Он не терпел расхлябанности и требовал от подчинённых строжайшего исполнения воинской дисциплины и боевой готовности в любое время года, суток.

Командир 78-й стрелковой дивизии полковник Белобородов позже в своих мемуарах об этом писал: «Личный состав нашего соединения прошёл длительную и серьёзную школу боевой учёбы. Тактические занятия днём и ночью, в жару и холод приучили бойцов и командиров к трудностям, закалили их волю, выработали выносливость. Перед отправкой на фронт командующий 35 армией генерал-майор В. А. Зайцев проверил нашу боевую готовность. Остался доволен выучкой бойцов, подготовкой командиров и штабов» [8, с.157].

В то же время И.Р. Апанасенко внимательно следил за поведением японских войск. Он исключал вопросы внезапности нападения, считая, что армия для того и создана, чтобы в любое время суток дать противнику отпор, если он вздумает нарушить границу.

А активность японских войск в приграничной зоне в этот период была очень высока. Так, с декабря 1940 г. по 12 марта 1941 г. пограничной охраной Хабаровского округа было задержано 497 нарушителей государственной границы. На советскую территорию они проникали группами от 2 до 20 человек. В июле 1941 г. в приграничной территории Приморского края была задержана группа японских диверсантов в форме политработников Красной Армии. Поэтому не случайно военный совет Дальневосточного фронта уже в первые дни гитлеровской агрессии указывал политическим органам, партийным, комсомольским организациям: «Помните, мы в любую минуту можем оказаться перед фактом войны здесь, на востоке...» [9, с.44-45].

С началом войны Дальневосточный фронт был приведен в боевую готовность. Поскольку рассчитывать на резервы и новое оружие не приходилось, то по указанию командующего фронтом на Дальнем Востоке развернулись грандиозные оборонительные работы. До 1941 г. на Дальнем Востоке было создано 12 укрепленных районов. После 22 июня помимо них началось строительство еще семи, включая Камчатский оборонительный район и укреплений, прикрывавших наиболее уязвимые участки Транссибирской железнодорожной магистрали, которая в отдельных местах шла вдоль границы. Укрепления строили солдаты и гражданское население. В июле 1941 года жители Хабаровска, используя только подручные средства и материалы, соорудили в нерабочее время 14-километровый противотанковый ров. По подсчетам командования, в 1941–1943 годах каждый житель Дальнего Востока в среднем одну неделю в месяц работал на строительстве оборонительных сооружений. В городах Приморья и Хабаровского края все подвалы каменных зданий, стоящих на перекрестках улиц, были переоборудованы в противотанковые и пулеметные доты, готовили и бомбоубежища. На случай японского наступления заранее создавали партизанские отряды, подпольные группы [5].

Несмотря на то, что Япония в любой момент могла напасть на территорию Дальнего Востока СССР, дальневосточники оказывали активную помощь действующей армии на западе. Первый воинский эшелон убыл из Хабаровска на запад уже 29 июня 1941 года. Осенью 1941 года сложилось крайне тяжёлое положение под Москвой.

Германские войска прилагали огромные усилия, чтобы захватить столицу СССР. Ставка Верховного главнокомандования принимала энергичные меры для защиты Москвы, подтягивая резервы из глубинных районов страны. Одним из важных резервов был Дальний Восток откуда Ставка Верховного главнокомандования понемногу забирала войска, но делала это с учётом обстановки в регионе.

Генерал армии Апанасенко в этих условиях, анализируя ситуацию, несмотря на угрозу со стороны Японии, произведя необходимые расчеты, решил предложить Верховному главнокомандующему И. Сталину направить с Дальнего Востока для защиты столицы 8 стрелковых дивизий. В начале октября генерал Апанасенко, избранный на 18-й партийной конференции кандидатом в члены ЦК ВКП(б), вместе с партийным руководством Дальнего Востока был вызван в Москву, где должен был состояться пленум ЦК ВКП(б). Но в связи с угрозой захвата германской армией Москвы, пленум отменили. Генерал Апанасенко попросил Сталина принять его. Сталин принял дальневосточников. 12 октября 1941 г. На ней генерал Апанасенко и предложил Верховному главнокомандующему взять с Дальнего Востока 8 дивизий. И. В. Сталин, исходя из ситуации на Востоке, согласился взять оттуда 5 дивизий, согласовав все вопросы с Генеральным штабом. Ставка Верховного главнокомандования директивой от 12 октября 1941 г. приказала командующему Дальневосточный фронтом отправить в течение пяти дней 14 – 15 октября в распоряжение Верховного Главнокомандования, общее направление Москва, 3 стрелковые, 2 танковые дивизии по железной дороге полностью укомплектованные [11, с. 242]. Потом под Москву было направлено ещё 7 дивизий. Без этих свежих, хорошо подготовленных, вооружённых дальневосточных дивизий, которые часто называют сибирскими, намного сложнее было бы выиграть битву под Москвой осенью и зимой 1941 г.

В то же время, чтобы ввести в заблуждение японцев, вместо убывавших дивизий по приказу командующего Дальневосточным фронтом на их месте были сформированы новые второочередные дивизии под теми же номерами. Для их комплектования командующий провёл мобилизацию мужчин до 55 лет, способных носить оружие. Но этого было мало, особая нужда ощущалась в офицерах. Поэтому командующий фронтом приказал провести отобрать в лагерях заключённых, особенно командных кадров, ставших жертвами репрессий. Начальники лагерей жаловались во все инстанции, в том числе наркому внутренних дел Л. Берии на самоуправство командующего фронтом.

Но И. В. Сталин, не давая Апанасенко в обиду, в то же время не вмешивался в его действия. Это позволило фронту сохранить боеспособность. В местах дислокации воинских частей вместо убывших танков, самолётов устанавливались макеты и создавалась видимость их наличия в отведённых для этого местах. И такой манёвр удался, так как японское командование находилось в заблуждении, считая, что никакой переброски войск с Дальнего Востока на запад произведено не было и против них продолжают находиться полнокровные дивизии, хотя немецкая разведка настаивала на том, что войска с Дальнего Востока перебрасываются на запад. Германское командование доказывало, что советский Дальний Восток оголён, тем самым, стремясь подтолкнуть Японию к войне с СССР.

Генерал Апанасенко лично провожал дивизии на фронт и потребовал, чтобы они убывали на запад полностью укомплектованными. Согласно его приказу, в конечном пункте Куйбышевка - Восточная было сосредоточено всё недостающее для убывающих войск, взятое из резервов Дальневосточного фронта и подготовленное по заявкам командиров дивизий. При этом он просил руководство страны, чтобы эшелонам с войсками с Дальнего Востока железнодорожники обеспечили зелёный свет. Как показали дальнейшие события, это имело огромное значение не только с точки зрения скорости доставки на фронт под Москву воинских соединений. Зная о значительных расстояниях в СССР, руководство Германии и Японии даже предположить не могло, что с востока под Москву войска будут доставлены в такие сжатые сроки. Расчёт был на то, что для переброски такого количества войск потребуются месяцы. К тому же в это время на восток шла эвакуация предприятий, населения из угрожаемых районов. Но все эти расчёты были опрокинуты. Судите сами. Поезда шли с кратковременными остановками, чтобы сменить локомотивы или по каким-то чрезвычайным обстоятельствам, преодолевая по 1000 километров в сутки. Они нередко прибывали непосредственно на фронт и, разгружаясь, с ходу вступали в бой.

78-я стрелковая дивизия в начале Великой Отечественной войны дислоцировалась в Уссурийском крае. В октябре 1941 г. дивизия была переброшена с Дальнего Востока под Москву, в район города Истра, и вошла в состав 16-й армии генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского Западного фронта (командующий – генерал армии Г. К. Жуков). На тот момент дивизия насчитывала 14 тысяч человек личного состава. В неё входили три стрелковых полка, один полк лёгкой и один полк гаубичной артиллерии, другие воинские подразделения. Всего насчитывалось свыше 130 артиллерийских и 60 миномётных стволов, 12 тяжёлых гаубиц. Кроме того, в разведывательном батальоне имелось 23 лёгких танка, в автопарке – 450 машин. Всё это нужно было срочно доставить на фронт, где решалась судьба Москвы и всей войны.

О том, как решалась эта проблема, о темпах продвижения эшелонов на запад, командир 78 стрелковой дивизии полковник А.П. Белобородов рассказал в своих воспоминаниях: «Железнодорожники открыли нам зеленую улицу. На узловых станциях мы стояли не более пяти-семи минут. Отцепят один паровоз, прицепят другой, заправленный водой и углем, – и снова вперед! Точный график, жесткий контроль. В результате все тридцать шесть эшелонов дивизии пересекли страну с востока на запад со скоростью курьерских поездов. Последний эшелон вышел из-под Владивостока 17 октября, а 28 октября наши части уже выгружались в Подмосковье, в г. Истре и ближайших к нему станциях» [2, с.17].

Дальневосточные дивизии храбро сражались под Москвой и многие стали гвардейскими. Дивизии сразу же вступили в боевые действия с противником, храбро и самоотверженно защищая столицу. Бывший командующий 16-й армией К. К. Рокоссовский писал: «Обрадовала нас прибывшая из Сибири 78-я стрелковая дивизия. Ее привел под Москву замечательный боевой командир полковник А.П. Белобородов. Состояла она преимущественно из сибиряков, а среди наших прекрасных солдат сибиряки всегда отличались особой стойкостью, была полностью укомплектована и снабжена всем положенным по штатам военного времени. Трудно даже сказать, насколько своевременно сибиряки влились в ряды наших войск! Если под Волоколамском великую роль сыграла дивизия генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова, то в ноябре не менее значительный вклад в решающие бои за Москву внесла дивизия полковника Афанасия Павлантьевича Белобородова» [10, с.72]. За отвагу в боях, стойкость и мужество личного состава 78-й стрелковой дивизии 26 ноября 1941 года ей было присвоено почётное звание 9-я гвардейская стрелковая дивизия. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая 1942 года дивизия была награждена орденом Красного Знамени, а наиболее отличившийся ее 22-й гвардейский стрелковый полк – орденом Ленина [1].

Всего с 29 июня по 5 декабря 1941 г. с Дальнего Востока на запад, преимущественно под Москву, было отправлено 12 стрелковых, 5 танковых, 1 мотострелковая дивизия, всего личного состава 122,5 тыс. человек. А также было отправлено 2188 орудий и минометов, 2209 танков, 1534 трактора, 12318 автомобилей [15].

Войска на запад продолжали отправлять и в последующем. Перебрасывались дивизии с Дальнего Востока и под Сталинград. Летом 1942 г. разворачивалась грандиозная битва на Юге СССР. После поражения советских войск под Харьковом германское руководство приняло решение начать наступление на Сталинград и Кавказ. Согласно директиве Генштаба командующему Дальневосточным фронтом генералу армии И. Р. Апанасенко от 11 июля 1942 г. в район Сталинграда с Дальнего Востока без промедления были отправлены восемь стрелковых дивизий и три стрелковые бригады, которые в конце июля - начале августа 1942 года прибыли в район назначения. В 21 армию влились 87, 96, 98, в 64 армию 126, 204, 208 стрелковые дивизии. Сразу же после выгрузки они вступали в тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами противника. Уже 9 сентября 1942 года военный совет 64-й армии объявил бойцам дальневосточных дивизий благодарность: «За стойкость и упорство в обороне и умелые действия по уничтожению фашистских танков и пехоты» [15].

96-я стрелковая дивизия под командованием полковника Д.С. Жеребина в упорных, тяжёлых боях с 12 по 26 августа захватила плацдарм на правом берегу Дона и овладела городом Серафимович. Завоёванный плацдарм явился важным отправным пунктом в ходе дальнейших наступательных операций по окружению и уничтожению Сталинградской группировки противника. В период боёв под Сталинградом с 12 августа 1942 г. по 31 января 1942 г. дивизией было уничтожено более 10 тыс. и захвачено в плен более 16 тыс. солдат и офицеров противника. За успешные операции в районе Сталинграда, проявленные личным составом дивизии мужество и героизм 7 февраля 1943 года она была преобразована в 68-ю гвардейскую стрелковую дивизию [13, с.214]. Кроме того, с первых дней Сталинградской битвы в боях принимали участие воины-дальневосточники, переброшенные сюда после сражения под Москвой, в том числе и 9-я гвардейская стрелковая дивизия.

Германское командование очень надеялось на помощь Японии во время битвы за Сталинград. Но японское правительство заняло выжидательную позицию. А тем временем с Дальнего Востока в 1941 – 1942 гг. на запад было переброшено 22 дивизии и другие воинские части, поэтому Япония могла без риска напасть на СССР. Но японская разведка докладывала, что все эти дивизии стоят на месте, проводя тренировки и учения [7]. Генералу Апанасенко пришлось формировать и третьеочередные дивизии. Но теперь уже генеральный штаб выделил для них номера и поставил их на все виды довольствия. В общей сложности с Дальневосточного фронта благодаря усилиям и ответственному отношению генерала Апанасенко к судьбе Родины было отправлено на запад более 20 дивизий, которые в исторической литературе фигурируют и известны как сибирские.

Всего в годы Великой Отечеств, войны Дальневосточный фронт направил из своего состава на советско-германский фронт и, прежде всего, под Москву и Сталинград 23 дивизии (16 стрелковых, 2 кавалерийских, 4 танковых, 1 моторизованную), 19 бригад (3 стрелковых, 3 воздушно-десантных,

13 артиллерийских), а также авиационные части. Всего из фронта убыло около 250 тыс. солдат и офицеров, 3,3 тыс. орудий и миномётов, около 2 тыс. танков и другой техники. Кроме, того, было направлено более 100 тыс. человек маршевого пополнения [12, с. 86]. Но при этом численность фронта не только не уменьшилась, а значительно увеличилась. На 22 июня 1941 года Дальневосточный фронт имел численность 703,7 тыс., 1 июля 1942 года 1446 тыс., в 1943 году 1115 тыс. человек [14, с. 55].

Всё это стало возможным потому, что генерал Апанасенко поступил не только как исполнитель, но и продемонстрировал государственный подход к делу. Он взял на себя огромную ответственность. Выполняя указания об отправке на запад воинских соединений, он в то же время делал всё для повышения обороноспособности фронта, который находился под постоянной угрозой начала военных действий со стороны Японии, хотя с нею и был заключён в апреле 1941 г. договор о нейтралитете. Но опасность её вступления в войну не исключалась.

Пользуясь предоставленной ему властью, как командующий фронтом, генерал Апанасенко провёл мобилизацию мужчин в возрасте от до 55 лет. Более того, он дал указание прокурорам внимательно проверить состав заключённых в лагерях на предмет того, чтобы отобрать из числа осужденных военных тех, кого можно было направить в войска вместо отправленных на фронт. На действия командующего фронтом шёл поток жалоб начальников лагерей наркому внутренних дел Л. Берии на самоуправство генерала Апанасенко. Более того, по приказу командующего фронтом формировались новые дивизии под номерами соединений, отправленных на запад. Вместо отправленных танковых и авиационных подразделений в местах их дислокаций были изготовлены и выставлены макеты танков и самолётов, что создавало иллюзию того, что воинские части продолжают оставаться на своих местах. Германская разведка обращала внимание японцев на то, что с Дальнего Востока отправляются войска на запад. Но в Японии были уверены, что войска фронта находятся на месте и пополняются мобилизуемыми в армию. Действительно состав фронта пополнялся мобилизованными с запада. Здесь они проходили военную подготовку и затем направлялись в действующую армию.

При этом, Дальневосточный фронт не получал вооружения, боеприпасов, довольствия для формируемых воинских частей. Поэтому всё необходимое для них приходилось изыскивать на месте. В этих условиях генерал Апанасенко принял меры по обеспечению формируемых дивизий всем необходимым, изготовленным на месте. Учебные винтовки были переделаны под боевые ремонтировали старые орудия. На предприятиях, в артелях промысловой кооперации наладили производство оружия, выпуск миномётов, артиллерийских снарядов, патронов, мин, военного снаряжения боеприпасов, пошив формы и т. д. Для обеспечения войск продовольствием повышалась эффективность работы военных совхозов, создавались новые. Генерал Апанасенко сформировал в начале 1942 года даже на две дивизии больше, чем их было летом 1941 года. Когда новые формирования стали реальностью, Генеральный штаб вынужден был дать им номера и поставить на все виды довольствия.

Дальневосточный фронт стал одной из основных баз военной подготовки пополнения действующей армии. Сюда направлялась призванная в армию молодёжь из других регионов страны. Здесь были обучены и сформированы десятки воинских соединений. Это позволяло военному совету фронта постоянно иметь обученные силы для защиты дальневосточных рубежей. Пройдя основательную военную подготовку, значительная часть из них направлялась на западный театр военных действий.

На протяжении Великой Отечественной войны войска Дальневосточного фронта совместно с Тихоокеанским флотом находились в состоянии боевой готовности, занимаясь боевой и политической подготовкой личного состава и в соответствии с планом прикрытия государственной границы создавали оборонительные рубежи.

Дивизии, маршевое пополнение с Дальнего Востока на фронтах Великой Отечественной войны покрыли себя неувядаемой славой. 7 дивизий: 76, 32, 96, 98, 204, 422 стрелковые, 107 мототострелковая, 112 танковая бригада стали гвардейскими. Сотни тысяч дальневосточников были награждены орденами и медалями, более 1100 человек удостоены звания Герой Советского Союза, более 300 стали полными кавалерами ордена Слава [8, с.153].

Генерал И. Апанасенко, будучи командующим фронтом, всё время рвался на фронт борьбы с фашизмом. Однако, Верховный главнокомандующий неизменно отказывал ему в этом. Он считал, что его место на Дальнем Востоке. И только, когда стало очевидным, что Япония не вступит в войну против СССР, генерал армии И. Апанасенко в апреле 1943 года был отозван с Дальнего Востока и назначен заместителем командующего Воронежским фронтом. Под городом Белгородом генерал Апансенко был смертельно ранен и согласно его завещанию, похоронен, а городе Ставрополе.

Анализ показывает, что во многом, благодаря решительным действиям генерала армии И. Р. Апанасенко, как командующего Дальневосточным фронтом, в самые тяжёлые для советского государства первые два года войны с Германией Япония была удержана от вступления в войну с СССР. Газета «Дальневосточные ведомости» писала:

«Командование и стратегия Иосифа Родионовича Апанасенко привели к тому, что в самые тяжелые годы войны, когда судьба страны буквально зависла над пропастью, на Дальний Восток так и не произошло вторжение военных сил милитаристской Японии» [4]. Это также создало благоприятные условия для подготовки дальневосточного региона к войне с Японией в августе-сентябре 1945 г., что повлияло на быстрейшее завершение Второй мировой войны.

Источники и литература

1. 78-я стрелковая дивизия… URL: http://samsv.narod.ru/Div/Sd/sd078/main1.html (Дата обращения: 21.01.2021).
2. Белобородов А.П. Всегда в бою. М.: Экономика, 1984. 352 с.
3. Григоренко П. Воспоминания // Звезда. 1990. №6.
4. Дальневосточные ведомости. 2017. 7 декабря.
5. Дальний Восток: тыл, ставший фронтом URL: https://mywebs.su/blog/history/27246/ (Дата обращения: 21.01.2021).
6. Командующий Дальневосточным фронтом И.Р. Апанасенко URL: https://gakhk.khabkrai.ru/news/komanduyushchiy-dalnevostochnym-frontom-i-r-apanasenko/#gallery-1 (Дата обращения: 21.01.2021).
7. Красная звезда. 1990. 15 сентября.
8. Краснознамённый Дальневосточный: История Краснознамённого Дальневосточного военного округа. 3-е изд. испр. и доп. М.: Воениздат, 1985. 348 с.
9. Крюков И.В. Боевая подготовка в войсках Дальневосточного фронта в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 7 (261). История. Вып. 49. С.44-45.
10. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1973. 367 с.
11. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5- 1). М.: ТЕРРА, 1996. 448 с.
12. Советская военная энциклопедия. Т. 3. М.: Воениздат, 1977. 672 с.
13. Сталинградская битва. Июль 1942- февраль 1943: энциклопедия. 5-е изд. испр. и доп. Волгоград: Издатель, 2012. 800 с.
14. Судавцов Н.Д. Воины-дальневосточники генерала Апанасенко защитили Москву в 1941 г. // Вестник Калмыцкого университета. 2016. №2(30). С. 55.
15. Тихоокеанская звезда. 2015. 13 января.

References

1. 78-ja strelkovaja divizija… (78th Infantry Division ...) URL: http://samsv.narod.ru/Div/Sd/sd078/main1.html (Accessed: 21.01.2021). (In Russian).
2. Beloborodov A.P. Vsegda v boju (Always in the fight). Moscow: Jekonomika, 1984. 352 p. (In Russian).
3. Grigorenko P. Vospominanija (Memoirs) // Zvezda. 1990. No. 6. (In Russian).
4. Dal'nevostochnye vedomosti. 2017. December 7. (In Russian).
5. Dal'nij Vostok: tyl, stavshij frontom (Far East: the rear, which has become a front) URL: https://mywebs.su/blog/history/27246/ (Accessed: 21.01.2021). (In Russian).
6. Komandujushhij Dal'nevostochnym frontom I.R. Apanasenko (Commander of the Far Eastern Front I.R. Apana) URL: https://gakhk.khabkrai.ru/news/komanduyushchiy-dalnevostochnym-frontom-i-r-apanasenko/#gallery-1 (Accessed: 21.01.2021). (In Russian).
7. Krasnaja zvezda. 1990. September15. (In Russian).
8. Krasnoznamjonnyj Dal'nevostochnyj: Istorija Krasnoznamjonnogo Dal'nevostochnogo voennogo okruga (Red Flag Far East: History of the Red Falg Far East Military District). Moscow: Voenizdat, 1985. 348 p. (In Russian).
9. Krjukov I.V. Boevaja podgotovka v vojskah Dal'nevostochnogo fronta v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 godov (Combat training in the troops of the Far Eastern Front during the Great Patriotic War of 1941-1945) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. No. 7 (261). Istorija. Issue. 49. P.44-45. (In Russian).
10. Rokossovskij K.K. Soldatskij dolg (Soldier's duty). Moscow: Voenizdat, 1973. 367 p. (In Russian).
11. Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja: Stavka VGK. Dokumenty i materialy. 1941 god (Russian archive: Great Patriotic War: Headquarters of the Supreme Command. Documents and materials. 1941). Vol. 16 (5- 1). Moscow: TERRA, 1996. 448 p. (In Russian).
12. Sovetskaja voennaja jenciklopedija (Soviet military encyclopedia). Vol. 3. Moscow: Voenizdat, 1977. 672 p. (In Russian).
13. Stalingradskaja bitva. Ijul' 1942 – fevral' 1943: jenciklopedija (Stalingrad battle. July 1942 - February 1943: encyclopedia). Volgograd: Izdatel', 2012. 800 p. (In Russian).
14. Sudavcov N.D. Voiny-dal'nevostochniki generala Apanasenko zashhitili Moskvu v 1941 g. (General Apanasenko's Far Eastern warriors defended Moscow in 1941) // Vestnik Kalmyckogo universiteta. 2016. No. 2(30). P. 55. (In Russian).
15. Tihookeanskaja zvezda. 2015. January 13. (In Russian).

Информация об авторе

Судавцов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / 249609@mail.ru

Information about the author

Sudavtsov Nikolay – Doctor of Science (History), Professor, Leading Researcher, Department of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / 249609@mail.ru

УДК 94(38).09
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.13

С. В. Телепень

VIRI MILITARES РИМСКОЙ ИМПЕРИИ I–II вв.: ОБРАЗ И КАРЬЕРА

В статье рассматривается комплексная проблема viri militares (военных предводителей по преимуществу) как явления римской идеологической и социальной жизни. Актуальность проблемы обусловлена её недостаточной изученностью при очевидной значимости решения таковой для понимания государственно-политических механизмов ранней Римской империи.

В условиях становления и развития системы императорского единовластия полководческий статус оставался для носителей республиканских традиций (в качестве которых по-прежнему выступают представители сенаторской знати) одним из средств обеспечения аристократической идентичности. Между тем реальное содержание империя и ауспиций для высших магистратов в эпоху Принципата зачастую заменяется лишь видимостью полноценной полководческой деятельности, теперь находившейся под полным контролем принцепса. В этой связи в литературных произведениях, которыми по сути являются сочинения римских историков, выражение vir militaris (viri militares – мн. ч.) и близкие к нему по смыслу являются средством глорификации по отношению к выразителям аристократических взглядов и приемом скрытой критики императорской власти. В перечне качеств, приписываемых авторами полководцам, особенно заметным являются аллюзии к полководцам республиканского времени. С другой стороны, данные эпиграфики, анализируемые в сочетании с информацией, содержащейся в литературно-историческом нарративе, позволяют обнаружить признаки, очевидно, оформившегося с началом Принципата сообщества командиров сенаторского ранга. Для последних, как представляется, военная деятельность в системе cursus honorum (стандартной сенаторской карьеры) была своего рода специализацией. Принцепсы были вынуждены иногда стимулировать её даже невзирая на то, что некоторые выпестованные властью полководцы могли становится угрозой императорскому единодержавию. В анализируемых карьерах представителей знати обнаруживаются некоторые закономерности, которые показывают, что большинство тех, кто со временем достиг статуса наместников военизированных (императорских) провинций, прошли фазы вигинтивирата (гл. обр. в коллегии виокуров), латиклавного трибуната, командования легионом в ранге императорского легата.

Ключевые слова: Римская империя, Принципат, сенат, аристократия, принцепс, viri militares.

Sergey Telepen

VIRI MILITARES OF THE ROMAN EMPIRE I – II CENTURIES: IMAGE AND CAREER

The article deals with the complex problem of viri militares (military leaders for the most part) as a phenomenon of Roman ideological and social life. The relevance of the problem is due to its insufficient study with the obvious significance of its solution for understanding the state and political mechanisms of the early Roman Empire.

In the conditions of the formation and development of the system of imperial autocracy, the commander's status remained for the carriers of republican traditions (which are still represented by representatives of the senatorial nobility) as one of the means of ensuring aristocratic identity. Meanwhile, the real content of the empire and the auspices for the highest magistrates in the era of the Principate is often replaced only by the appearance of full-fledged military leadership, now under the full control of the princeps. In this regard, in literary works, which are, in fact, the works of Roman historians, the expression vir militaris (viri militares – plural) and those close to it in meaning are a means of glorification in relation to the spokesmen of aristocratic views and a method of latent criticism of the imperial power. In the list of qualities attributed by the authors to the generals, allusions to the generals of the republican time are especially noticeable. On the other hand, the epigraphic data, analyzed in combination with the information contained in the literary-historical narrative, reveal signs of the community of commanders of the senatorial rank that apparently took shape with the beginning of the Principate. For the latter, it appears that military activity in the cursus honorum system (the standard senatorial career) was a kind of specialization. The princeps were sometimes forced to stimulate it, even despite the fact that some commanders fostered by the authorities could become a threat to the imperial autocracy. In the analyzed careers of representatives of the nobility, some regularities are found that show that most of those who eventually attained the status of governors of the militarized (imperial) provinces passed through the phases of vigintivirat (chiefly in the college of viokurs), laticlave tribunate, commanding a legion with the rank of imperial legate.

Key words: Roman Empire, Principate, senate, aristocracy, princeps, viri militares.

Военная реформа императора Августа (27 г. до н.э. – 14 н.э.) и его преобразование политической системы в своей совокупности ограничили возможности сенаторов в том, что касалось реализации ими своих полководческих амбиций. В период Республики полководец – это прежде всего консул или претор, наделенный империем и правом ауспиций, не ограниченных властью какого-либо иного магистрата [11, p. 47]. Но с установлением единовластия Августа ситуация изменилась,

и над римскими военачальниками, которыми по сути оставались магистраты высшего ранга, отныне устанавливался контроль со стороны принцепса [25, p. 253]. Теперь не только высшая военная власть – верховное командование, но и слава победителя должны были принадлежать почти исключительно императору: ducis boni imperatoriam virtutem esse (Tac. Agr. 39, 2) – «честь слыть выдающимся полководцем должна принадлежать императору» (пер. А. С. Бобовича). Именно поэтому Гней Домиций Корбулон, один из наиболее амбициозных генералов I в., выражает сожаление об изменившемся, по сравнению со временами Республики, положении полководцев: beatos quondam duces Romanos (Tac. Ann. XI. 20. 2) – «О, какими счастливцами были некогда римские полководцы» (пер. А. С. Бобовича).

Тем не менее и с началом Империи римские авторы (и прежде всего Корнелий Тацит) продолжают использовать выражение vir militaris (варианты перевода – «доблестный воин», «опытный полководец», «настоящий воин» и т.д.), а также близкие к нему по смыслу слова и выражения. Например, о Корбулоне Корнелий Тацит пишет: multa auctoritate, quae viro militari pro facundia erat (Ann. XV. 26. 3) – [обратился к войску] «с твердостью и уверенностью, заменявшими этому доблестному воину красноречие» (пер. А. С. Бобовича). При этом Тацит характеризует Корбулона как опытного военачальника, «успевшего за многие годы хорошо изучить как наших воинов (т. е. римских солдат – С. Т.), так и врагов» (пер. А. С. Бобовича) (Ann. XV. 25. 2: militum atque hostium tot per annos gnarus gerendae rei praeficitur). Веспасиана, тогда еще не принцепса, но уже прославленного командира, Тацит также указывает в качестве «опытного полководца» (Hist. II. 75: notum viro militari). Тесть же Тацита Гней Юлий Агрикола, по мнению римского историка, относится к тем, кого отличают militaria ingenia («военные таланты»), и связано это с рано обозначившимся стремлением будущего покорителя Северной Британии к «огромной и всезатмевающей славе» (Agr. 4. 5: magnae excelsaeque gloriae). Также Гая Светония Паулина, наместника Британии в 58–62 гг., Тацит, в свою очередь, аттестует как quod vetustissimus consularium et militia clarus gloriam nomenque Britannicis expeditionibus meruisset (Hist. II. 37. 1) – «старшего консулярия, прекрасного полководца, стяжавшего громкую славу британскими походами» (пер. Г. С. Кнабе). Причем о мотивах полководческого рвения Паулина Тацит говорит в другом месте: Sed tum Paulinus Suetonius obtinebat Britannos, scientia militiae et rumore populi, qui neminem sine aemulo sinit, Corbulonis concertator, receptaeque Armeniae decus aequare domitis perduellibus cupiens (Ann. XIV. 29. 2) – «Но в описываемое время британцами правил Светоний Паулин, знанием военного дела и славой в народе, который для всякого находит соперника, состязавшийся с Корбулоном и стремившийся укрощением неприятеля сравняться в заслугах с покорителем Армении (т. е. с Корбулоном – С. Т.)» (пер. А. С. Бобовича). Паулин dignum fama sua ratus, qua nemo illa tempestate militaris rei callidior habebatur (Tac. Hist. II. 32. 1) – «считался самым искусным полководцем своего времени и оттого смело судил о ходе кампании» (пер. Г. С. Кнабе). О полководческих достижениях Секста Юлия Фронтина Тацит пишет в подобных же выражениях: vir magnus, quantum licebat (Ann. XVII. 2) – «муж исключительно выдающихся качеств» (пер. А. С. Бобовича).

В некоторых случаях характеристики, уместные по преимуществу в отношении командиров сенаторского достоинства, приводятся Тацитом и в адрес офицеров не столь высокого ранга, т.е. не принадлежавших к сенаторской знати, а именно в – адрес примипиляриев (по сути, старших центурионов). Так историк характеризует некоего Эмилия: testis Aemilius e militaribus viris (Ann. IV. 42. 2) – «свидетель Эмилий, человек военный» (пер. А. С. Бобовича). Этот примипилярий, зафиксированный также в эпиграфическом источнике (ILS 2686), впервые упоминается у Тацита выше: e numero primipilarium Aemilius (Ann. II. 11. 1) – «из числа примипиляриев» (пер. наш, так как перевод А. С. Бобовича не отражает прямого указания Тацита на принадлежность Эмилия к «числу примипиляриев»). Таким образом, слова римского историка, возможно, подтверждают предположение Бриана Добсона о существовании в период Принципата такой категории viri militares, как «корпус примипиляриев» [9, S. 6, 175]. Роль этих офицеров, имевших всадническое достоинство, не следует приуменьшать. Когда Луций Цезенний Пет, действовавший на Востоке одновременно с Корбулоном, но во главе отдельной армии, советовался со своим штабным окружением, verum ubi a viris militaribus adversus urgentes casus firmatus erat (Tac. Ann. XV. 10. 1) – «ободряемый в угрожающих обстоятельствах сведущими в военном деле людьми» (пер. А. С. Бобовича), то здесь у Тацита могли подразумеваться как легаты легионов, так и примипилярии. Одного из последних Тацит характеризует следующим образом: pauci militarium virorum. inter quos maxime insignes Cornelius Martialis... (Hist. III. 73. 2) – «Немногие настоящие воины – самые известные из них Корнелий Марциал…» (пер. А. С. Бобовича). А по поводу потерь на Дунае при Домициане у того же автора читаем: tot militares viri cum tot cohortibus expugnati et capti (Agr. 41. 2) – «столько военачальников вместе со столькими когортами разгромлено и захвачено в плен» (пер. А. С. Бобовича). Последнее, вероятно, относится к офицерам всаднического ранга, которые в это время стояли во главе когорт [4, p. 101]. О Субрии Флаве, преторианском трибуне,

имевшем также всадническое достоинство (PIR2 S 942), Тацит написал: nec minus nosci decebat militaris viri sensus incomptos et validos (Ann. XV. 67. 3) – «эти бесхитростные и резко выраженные мысли солдата (буквально «истинного воина» – militaris viri – С. Т.) не менее достойны широкой огласки» [, чем последние слова Сенеки, воспитателя Нерона, также приговоренного к смерти] (пер. А. С. Бобовича). Закономерно, что императором Отон, готовясь сразиться с приближающимися легионами Вителлия, поставил примипиляриев во главе своего войска: summa expeditionis Antonio Novello, Suedio Clementi primipilaribus… permissa (Tac. Hist. I. 87) – «Верховное командование было поручено примипиляриям Антонию Новеллу и Сведию Клементу» (пер. Г. С. Кнабе).

Отрицательные характеристики неудачливым либо бесталанным командирам Тацит дает также, используя выражения, указывающие на противоположные типу vir militaris качества. Так, Вителлий у историка был nullis stipendiis, nulla militaris fama (Hist. II. 76. 4) – «без денег, без боевых заслуг» (пер. Г. С. Кнабе). Однако употребляемое Тацитом выражение – nullis castrorum experimentis, применительно к Требеллию Максиму (Agr. 16. 3), вероятно, не следует рассматривать в том же ключе, что и вышеприведенное относительно Вителлия. Выражение указывает лишь на то, что Требеллий был мягче по отношению к варварам-провинциалам, чем даже его миролюбивый предшественник Петроний Турпиллиан [6, p. 101]. Тем не менее в результате недостаточной воинственности Требеллия discordia laboratum, cum adsuetus expeditionibus miles otio lasciviret (Agr. 16. 3) – «положение осложнилось смутой в самом римском войске, так как длительная праздность развратила привыкших к походам воинов» (пер. А. С. Бобовича).

Агрикола, разумеется, был противоположностью Требеллия. Свое военное обучение – prima castrorum rudimenta – он проходил под руководством Светония Паулина (Tac. Agr. 5. 1–3). Решительность Агриколы, его стремительность, способность импровизировать и вместе с тем сдержанность и трудолюбие – все это проявилось уже в его первой кампании (Tac. Agr. 18). Данные качества дополняются умением выбирать место для лагеря (Tac. Agr. 20. 2; 22. 2), внимательным отношением к подчиненным (ibidem 19; 21). Его качества суммируются Тацитом как vigorem, constantiam et expertum bellis animum (Agr. 41. 3) – «энергия, твердость и испытанное в стольких войнах мужество» (пер. А. С. Бобовича).

Помимо Тацита имеются и другие свидетельства о положении военачальников в период Принципата. У Аврелия Виктора Траян характеризуется как «обладающий опытом в военном деле» (Aurel. Vict. Epitom. 13. 3: habens diligentiam in re militari). Адриан, согласно сообщению его биографа (условного Элия Спартиана), armorum peritissimus et rei militaris scientissimus (SHA Hadr. XIV. 10) – «прекрасно владел оружием и был очень сведущ в военном деле» (пер. С. П. Кондратьева). О Пертинаксе говорится как об обладавшем прежде всего таким качеством, как «усердие» (SHA Pert. II. 1, 7: industria). Причем у Плиния Старшего относительно уроженца захолустной Далмации Луция Тария Руфа [22, p. 35], имевшего «самое низкое происхождение» (infima natalium humihtate), говорится уже конкретно о «ратном усердии» (Plin. Mai. Nat. hist. XVIII. 37: militari industria), которое обеспечило Руфу успешную карьеру, вплоть до достижения консулата (см.: PIR T 14; PIR2 R 206). Эту характеристику можно сравнить с той, которую Тацит дает выдвиженцу (т.е. также homo novus) из числа всадников (PIR2 S 1018) Августа Публию Сульпицию Квиринию, который impiger militiae et acribus ministeriis consulatum sub divo Augusto (Ann. III. 48) – «отличившись на военной службе и ревностным исполнением возлагаемых на него обязанностей, был удостоен при божественном Августе консульства» (пер. А. С. Бобовича). За эти же качества Марк Корнелий Фронтон, хвалит Гая Авидия Кассия, полководца всаднического происхождения, в 175 г., впрочем, поднявшего мятеж против Марка Аврелия. Фронтон, цитируя Юния Максима, служившего под командой Кассия, пишет: Ita de laboribus et consiliis tuis et industria et vigilantia praedicator ubique frequentissimus extitit... itinerum tuorum et disciplinae ad priscum morem institutae ac retentae; tum in agmine ducendo et manu conserenda strenuissimi vigoris tui et consultissimae opportunitatis (Fronto Ep. ad amicos I. 6). – «Так неизменно он появлялся повсюду, восхваляя твои труды, меры, усердие и бдительность… [рассказывая] о твоих походах и о дисциплине, которую ты восстановил и поддерживаешь в соответствии с древними обычаями; затем о твоей неутомимости в походе и безошибочном чутье, когда следует начинать битву» (пер. наш).

Дион Кассий (в сохранившихся частях его труда) делает несколько замечаний по поводу стиля командования, который демонстрируют viri militares, выступающие здесь в качестве образцовых полководцев. Корбулон – один из них. Так, у Диона содержится рассказ о том, как Клавдий запретил дальнейшую кампанию, «зная его [Корбулона] доблесть и боевую выучку его армии» (Dio LXI. 30. 4: τήν τε γὰρ ἀρετὴν αὐτοῦ καὶ τὴν ἄσκησιν – ср.: Tac. Ann. XI. 20. 2., цит. выше). Корбулон Диона Кассия удостаивается похвалы автора также в рассказе о войне на Востоке – за свою верность древним традициям: ἀγγελθεὶς μόνον ἐξεφόβησεν. ὅμοια γὰρ δὴ τοῖς πρώτοις Ῥωμαίων, οὐχ ὅτι τῷ γένει λαμπρὸς ἦ τῷ σώματι ἰσχυρός, ἀλλὰ καὶ τῇ ψυχῇ ἀρτίφρων ἦν, καὶ πολὺ μὲν τὸ ἀνδρεῖον πολὺ δὲ καὶ τὸ δίκαιον τό τε πιστὸν ἐς πάντας καὶ τοὺς οἰκείους

(LXII. 19. 2) – «Он напоминал римлян прежних времен не только блистательностью своего рода и телесной крепостью, но и рассудительностью, отличаясь великой храбростью и не меньшей справедливостью и честностью в отношениях как со своими, так и с врагами» (пер. Е. А. Молева). Агриколе Дион воздает должное, отмечая, что тот μείζονα ἢ κατὰ στρατηγὸν καταπράξας (LXVI. 20. 3) – «совершил деяния, слишком величественные для простого военачальника» (пер. С. К. Сизова). Живший позже, во времена Адриана, командир преторианской гвардии Квинт Марций Турбон удостаивается от Диона похвалы: μὲν στρατηγικώτατος ἀνήρ (Dio LXIX. 18. 1) – «муж исключительно сведущий в военном деле» (пер. А. В. Махлаюка). В замечании об Иудейской войне Дион пишет: τότε δὴ τότε τοὺς κρατίστους τῶν στρατηγῶν ὁ Ἁδριανὸς ἐπ᾽ αὐτοὺς ἔπεμψεν, ὧν πρῶτος Ἰούλιος Σεουῆρος ὑπῆρχεν, ἀπὸ Βρεττανίας ἧς ἦρχεν ἐπὶ τοὺς Ἰουδαίους σταλείς (LXIX. 13. 2) – «Тогда только Адриан послал против них своих лучших полководцев, первым среди которых был Юлий Север, направленный против иудеев из Британии, где он был наместником» (пер. А. В. Махлаюка). В этом рассказе Диона о ведении Севером войны акцент делается на осторожности полководца.

Самую полную и наиболее яркую характеристику военачальника периода Принципата Дион дает Публию Марцию Веру, полководцу Марка Аврелия. Вер был способен не только одолевать своих противников силой оружия, опережать их своей скоростью, не только превосходил их стратегическим мышлением, что является истинным достоинством полководца, но умел и убеждать варваров, умиротворять щедрыми подарками и искушать светлыми надеждами. Во всем, что он говорил или делал, ощущалась уверенность, которая рассеивала недоверие. Он знал подходящий момент для клятвенных обещаний, подарков и пиров. Поскольку в дополнение к этим качествам он сочетал в себе настойчивость в своих начинаниях и энергию вкупе со скоростью в борьбе с врагом, он тем самым ясно давал понять варварам, что его дружбы стоит искать больше, чем вражды (LXXI. 3. 11). В другом месте Дион характеризует братьев Квинтилиев (также военачальники Марка Аврелия) словами: «отличались они умом, храбростью и большой опытностью» (LXXI. 33. 1: ἀνδρίαν ἐμπειρίαν τε πολλὴν ἔχοντες) и «пользовались великой славой благодаря своей образованности, военному искусству, единодушию и богатству» (пер. А. В. Махлаюка) (LXXII. 5. 3: μεγάλην γὰρ εἶχον δόξαν ἐπὶ παιδείᾳ καὶ ἐπὶ στρατηγίᾳ καὶ ὁμοφροσύνῃ καὶ πλούτῳ). Дион также предлагает яркое, хотя не во всем положительное, описание Ульпия Марцелла, наместника Британии в 70–80 гг. II в., который отличался огромной энергией и педантизмом, но более всего – особым воинским аскетизмом (LXXII. 8. 3–5).

Из всего вышесказанного следует, что по крайней мере в сообщениях современников период Принципата отмечен относительно многочисленными примерами авторитетных viri militares, причем приводится довольно подробный перечень их выдающихся качеств, достоинств и заслуг. Очевидно, что императоры относились к полководцам зачастую настороженно. Именно это обстоятельство отражено у Тацита, который пишет по поводу военной славы Агриколы и таившейся в ней опасности для самого полководца: nec minus periculum ex magna fama quant ex mala – (Agr. 5. 4) – «и благожелательная молва в городе была чревата не меньшей опасностью, чем дурная» – пер. А. С. Бобовича). Однако при всем этом власть не могла не быть заинтересованной в толковых администраторах и военачальниках, которые в лице наместников провинций по-прежнему были необходимы императорам. В связи с этим закономерной была дальнейшая эволюция системы cursus honorum, со времен Республики обеспечивавшей государство соответствующими кадрами из числа представителей главным образом сенаторской аристократии. При всей проблематичности отделения собственно военных этапов сенаторской карьеры от условно штатских (особенно если говорить о высших магистратурах), все-таки, как нам представляется, имеется возможность увидеть некоторые тенденции в том, каким образом шел процесс пополнения круга viri militares в период Принципата. В этом нам помогут не только литературные источники, но также и данные эпиграфики, позволяющие в ряде случаев применить методику просопографического анализа.

Прежде всего отметим, что в период Принципата, очевидно, соблюдение условия decem stipendia (опыт участия в десяти годичных военных кампаниях), существовавшего в республиканском прошлом, уже не было обязательным для карьеры будущего сенатора [6, p. 103]. Но и прежние широкие возможности для занятия различных постов, ранее доступных молодым аристократам, теперь оказываются купированы. Вместо этого предполагался военный трибунат – этап карьеры, состоявший в относительно недолгой службе в качестве одного из трибунов латиклавиев (т.е. трибунов сенаторского ранга – tribuni laticlavii). Данная должность была всего одна на легион, поэтому, вероятно, при Августе молодым аристократам иногда поручалось командование алой в качестве ее префекта (Suet. Aug. 38. 2). Высказывалось мнение, что военный трибунат в условиях милитаристской системы государственного устройства Римской империи обеспечивал молодому аристократу бóльшую «заметность» перед лицом императора — главы войска [6, p. 103]. Правда, для этого надо было приложить определенные усилия, продемонстрировав и служебное рвение, и успехи в освоении тех зна-

ний, которые необходимы будущему полководцу. Тацит пишет в связи с этим, что Агрикола, став трибуном латиклавием, не уподобился тем молодым аристократам, которые превращали свой трибунат «в непрерывный разгул» (Agr. 5. 1: qui militiam in lasciviam vertunt), но напротив, постигал начала офицерской службы, «изучая провинцию» и добиваясь «известности в войсках» (ibidem: sed noscere provinciam, nosci exercitu). А у Плиния Младшего читаем о трибунате юного Марка Ульпия Траяна: neque enim prospexisse castra brevemque militiam quasi transisse contentus (Plin. Min. Pan. 15. 2) – «и уже в то время судьба наставляла тебя (Плиний обращается здесь к императору Траяну – С. Т.) долго и основательно учиться» (пер. В. С. Соколова).

Еще в 1934 г. Генри Стюарт Джонс заключил, что при Августе установилась практика обязательной годичной службы для молодых аристократов, претендовавших на стандартный cursus honorum [13, p. 161]. Далее это мнение развил Эрик Бирли, отметив, что поскольку годичных вакансий трибунов латиклавиев было в основном в полтора раза (25–33, по числу легионов в I–II вв. [3, с. 46], против 20 ежегодных претендентов, см. далее) больше, чем претендовавших на этот пост молодых аристократов, которые должны были предварительно пройти годичный вигинтивират (низшая магистратура, которую одновременно занимали в течение года 20 человек), то фактически трибуны латиклавии должны были служить дольше одного года [8, p. 77]. Затем было установлено, что значительная часть представителей знатных семей вообще не проходили военный трибунат: при Юлиях–Клавдиях – 50 %, при Флавиях – 14 %, 20 % – при Антонинах [6, p. 104, n. 24]. А из этого следует, что в реальности служить трибунами латиклавиями молодые аристократы должны были два–три года, причем речь, скорей всего, о тех, кого император намечал для дальнейшей специализации по военной линии – в военачальники уровня наместника императорской провинции [14, s. 618, n. 64].

Разумеется, те, кто не получал должность военного трибуна, могли и не слишком к этому стремиться, если только им гарантировалось занятие дальнейших постов, предполагавшихся более или менее стандартной сенаторской карьерой. Но с другой стороны, желающие пройти этап военного трибуната нуждались в покровительстве влиятельных лиц, выдвижение со стороны которых могло обусловливаться как фактором непотизма, так и деловыми качествами претендента на трибунат. Если говорить о членах императорской фамилии, то здесь, с учетом роли принцепса в военной иерархии Рима, получение своего рода командирской стажировки (в качестве латиклавия) было особенно важным. Мнение «Писатели истории Августов» (т. е. SHA) о военной подготовке Адриана уже приводилось выше. Он, как оказалось, стал одним из двух известных нам представителей сенаторского сословия, которые последовательно были военными трибунами в трех легионах (второй – Луций Миниций Наталис, см.: ILS 1061; PIR M 439; PIR2 M 620). В биографии Адриана этот этап карьеры длился три года, если не больше, после чего последовало его участие в дакийских войнах, а затем в парфянском походе при Траяне. Затем два года или около того он был легатом Нижней Паннонии (ILS 308; SHA Hadr. II–IV; PIR2 A 184). Что касается Траяна, то о начале военной карьеры будущего императора известно из Панегирика Плиния Младшего, напоминающего слушателям о том, сколь прилежен в исполнении обязанностей военного трибуна был Траян смолоду (Pan. 15. 1–2). Здесь Плиний говорит о «десятилетней службе» Траяна трибуном (per stipendia decem). Как прокомментировал Рональд Сайм, «десятилетняя служба» – это обще место, метафора, смыслом употребления которой является указание на основательность военной подготовки Траяна через отсылку к практикам республиканского времени [23, p. 31]. Для траянова правления, стоит отметить, вообще характерна пропаганда республиканских воинских доблестей [1, с. 104]. Однако проблемой здесь является то, что других указаний на столь продолжительную трибунскую карьеру представителей аристократической молодежи мы не имеем. Возможно, Тацит эксплуатирует здесь освященное обычаем правило относительно десятилетнего временно́го промежутка между наступлением совершеннолетия и занятием представителем сенаторской знати первой государственной магистратуры. Траян же, вероятно, служил в течение двух или трех лет под командой своего отца в Сирии, а затем, возможно, с перерывом в несколько месяцев, еще два или три года состоял при Квинте Юлии Кордине Рутилии Галлике, как раз когда тот захватил в плен германскую пророчицу Веледу, сыгравшую важную роль в батавском восстании под предводительством Юлия Цивилиса (CIL XVI 23; Stat. Silv. I. 4. 89–90).

Что касается возраста прохождения военного трибуната, то на этот счет есть прямые свидетельства. Так, пасынок Август и будущий император Тиберий начал службу военным трибуном латиклавием, очевидно, в возрасте всего шестнадцати лет (см.: Suet. Tib. 9. 1; Dio LIII. 26; Plin. Mai.), хотя это и помешало ему закончить требующееся наследнику образование [2, с. 62]. Но Тиберий принадлежал императорской фамилии и для него ранний возраст трибуната вполне объясним. Однако и представители сенаторских семей могли становиться военными трибунами в столь же юные годы. Например, Криспин, сын флавианского сенатора Марка Веттия Болана, согласно Стацию, также стал латиклавием в шестнадцать

лет (Silv. V. 2. 10–12, 173–174). Однако другие свидетельства говорят о предоставлении этого поста семнадцати- и восемнадцатилетним. Например, Юлий Агрикола начал служить в качестве военного трибуна, вероятно, получив эту должность от Светония Паулина при назначении того наместником Британии в 58 г., а это значит, что Агрикола стал трибуном вскоре после того, как ему исполнилось 18 лет [7, p. 54–56, 73–75]. Наконец, об Адриане известно, что вскоре после (nec multo post) того, как он в свои 15 лет посетил родную Италику (римский город в Испании, в 9 км. к северо-западу от современной Севильи), он «сейчас же поступил на военную службу» (ac statim militiam iniit), что имело место, вероятно, в 91–92 гг. После этого он был назначен Траяном «децемвиром для решения судебных дел, а вскоре затем сделан трибуном второго Вспомогательного легиона. Затем, уже в последние годы правления Домициана, он был переведен в Нижнюю Мезию» (пер. С. П. Кондратьева) (SHA Hadr. II. 2–3: decemvir stlitibus iudicandis datus atque inde tribunus secundae Adiutricis legionis creatus. Post haec in inferiorem Moesiam translatus extremis iam Domitianis temporibus). Можно, таким образом, вывести следующие даты: в 94 г. в возрасте 17 или 18 лет. Адриан стал децемвиром (т. е. членом одной из коллегий вигинтивиров), в 95 г.– трибуном легиона II Вспомогательного, в 96 г. V Македонского, в 97 г., после усыновления Траяна Нервой, стал трибуном XXII Первородного, где служил до 98 или 99 г. Иначе говоря, военный трибунат будущего императора продолжался с 17 лет до 21 года (PIR2 A 184). И у нас нет оснований полагать, что биография Адриана была уникальной. Известен возраст некоторых военных трибунов – представителей сенаторской аристократии: Квинт Сициний Максим, который был трибуном IV Флавиева легиона, умер в 23 года (AE 1913. 172) и служил при Адриане (см.: PIR2 S 700), а другой трибун того же ранга Сальвий Ненолай Кампаниан, который был последовательно трибуном латиклавием в легионах V Македонском и I Вспомогательном, умер, согласно его надгробию, в возрасте 21 года (CIL III 6755) и служил при Марке Аврелии (PIR2 S 140). Оба трибуна, как это следует из указанных надписей, до своего трибуната прошли вингинтивират. Однако есть свидетельства и о том, что некоторые из этих магистратов не проходили затем этап военного трибуната. В первые два столетия Империи таких, согласно эпиграфическим данным, было примерно половина из числа прошедших через этап вигинтивирата [19, p. 78]. Правда, свое время Д. Макалиндон утверждал, что «если какая-либо должность когда-либо была опускаема в надписях, отражающих этапы карьеры, то [военный трибунат] можно предполагать как на наиболее вероятное здесь опущение» [16, p. 191]. Однако Энтони Бирли приводит достаточно убедительные факты, также эпиграфического характера, согласно которым, напротив, если какие-то посты в подобных надписях опускались, то военный трибунат – реже всего [6, p. 105–108].

Высказывалось мнение, что императорское назначение молодых аристократов в некоторые из вигинтивиратских коллегий (всего таковых было четыре) можно рассматривать как своего рода отбор кадров для будущей военной карьеры. В частности, это были не только представители плебейских родов, которые проходили вигинтивират в качестве монеталов (т. е. членов коллегии triumviri monetales), но и патрицианская молодежь, представители которой в период своего вигинтивирата часто назначались виокурами (т.е. в коллегию quadriumviri viarum curandarum) [8, p. 79–80, 95]. Р. Сайм и позже Дункан-Джонс поддержали эту точку зрения [20, p. 280; 12, p. 19]. Правда, со стороны других исследователей были высказаны сомнения относительно столь раннего «программирования» vir militaris [10, p. 192–194]. Но, как это было нами показано в специальной статье, позиция, впервые высказанная Рональдом Саймом, является более убедительной, подтверждаясь данными статистического анализа примерно 617 сенаторских биографий периода ранней Римской империи [см.: 4].

Также имеются надписи, согласно которым часть назначений на должность трибуна латиклавия имели место лишь после прохождения квестуры (см.: ILS 1064, 1092; AE 1953. 175, 1961. 320, 1969–1970. 601, 707, 1974. 129, 1979. 296, 1981. 233; CIL VIII 2754, 9247).

Объяснение этих различий в прохождении этапов карьеры представляет собой определенную проблему. По поводу одной биографии (конкретно – Гая Минуция Фундана), демонстрирующей как раз вариант, когда вигинтивират был в ходе карьеры пропущен, а латиклавный трибунат как раз имел место, Р. Сайм пишет: «Что касается проблемы пропуска в ходе cursus honorum обычно предшествовавшей военному трибунату стадии [вигинтивирата], возможно следующее предположение: Фундан, претендуя на вступление в amplissimus ordo (высшее сословие – С. Т.), не мог получить latus clavus до тех пор, пока не достиг того возраста, когда он уже был готов к военной службе – девятнадцати или двадцати лет» [21, p. 610]. Т. е. Сайм подразумевает, что вигинтивират был доступен до прохождения латиклавного трибуната детям сенаторов, а перед выходцами из всаднической среды, очевидно, вставали серьезные препятствия для того, чтобы начать свою карьеру с должности вигинтивира. Но здесь возникает вопрос, насколько возможным было пропустить должность вигинтивира, которая согласно источникам, со времен Августа, кажется, была обязательной для претендентов на занятие более высоких постов в государстве (Dio

LIV. 26. 5; Tac. Ann. III. 29. 1). Пример Агриколы показывает, что какая-то возможность попустить этот пост существовала. Если он отправился в Британию с наместником Светонием Паулином в 58 г. примерно в возрасте восемнадцати лет и затем вернулся в Рим лишь в 61 г. в возрасте двадцати одного года, чтобы затем в январе 62 г. баллотироваться на должность квестора (всегда следовала после вигинтивирата и никогда до), а весной или летом 63 г. отправиться в провинцию Азию с проконсулом Луцием Сальвием Отоном Тицианом [7, p. 74], то он, очевидно, никогда не занимал должность вигинтивира.

С учетом биографии Агриколы, которая показывает его как человека по преимуществу военного, для представителей полуформального круга viri militares, очевидно, существовали определенные послабления в том, что касается обязательного прохождения всех этапов cursus honorum. По крайней мере, некоторые из сенаторов зарекомендовали себя настоящими viri militares, проведя в походах многие годы. Известен пример Авла Цециния Севера, который, в передаче Тацита, говорит о quadraginta stipendia, т.е. о своей «сорокалетней службе» (Ann. III. 3. 2). Тридцать пять лет провел в походах Тит Флавий Сабин – старший брат императора Веспасиана: quinque et triginta stipendia in re publica fecerat, domi militiaeque clarus (Tac. Hist. III. 75. 1) – «Тридцать пять раз участвовал он в походах, прославил имя свое и на военном и на гражданском поприще» (пер. Г. С. Кнабе). Однако о доконсулярном этапе карьеры Цецины нам ничего не известно, а о Сабине известно, что он командовал легионом в ходе завоевания Британии в 40-е гг. I в. (Dio LX. 20. 3). Вообще продолжительность занятия поста легата легиона, как и военного трибуна, довольно редко может быть высчитана точно. Редкий пример – случай Тита Аврелия Фульва (ординарный консул 89 г.), который был легатом легиона III Галльского в течение как минимум пяти лет (ILS 232; Tac. Hist. I. 79). Здесь, тем не менее, обнаруживается существенный момент: те, кто затем становился командиром легиона, иногда пропускали этап военного трибуната. Так, Тит Цезерний Стациан в 30–40-е гг. II в. был легатом легионов XIV Сдвоенного и затем III Августа, но, судя по эпиграфическим данным, военный трибунат он не проходил (CIL VIII. 7036, XIII. 5609; PIR2 C 183). То же можно сказать о Луции Септимии Севере, который до своего императорства успевшего побыть командиром легиона, однако, очевидно, также не проходившего трибунат (SHA Sev. I–IV). Но и пост легата легиона тоже не был видимо, обязательным этапом сенаторской карьеры. Известны два представителя сенаторской знати середины – второй половины II в., которые были военными трибунами, но затем так и не стали легионными легатами – это Гай Аррий Антонин и Луций Дазумий Туллий Туск. При этом первый из них затем был наместником Каппадокии и Дакии (PIR2 A 1088), а второй – Верхней Германии (PIR2 D 16). Заметим, что все это были приграничные провинции, требовавшие от их наместников солидной командирской подготовки. Между тем, Маркоманнские войны 166–180 гг. показали, что военачальники из числа сенаторов были в недостаточной мере подготовлены для командования войсками в условиях затяжного военного конфликта [6, p. 115]. Кроме того, в это время в Риме имела место эпидемия «моровой язвы» (pestilentia), приведшая к смерти в том числе многих представителей знатных фамилий (SHA M. Aur. XIII. 5). В этих условиях могущественный при императоре Коммоде префект претория Перенний, по сути, вслед за Отоном (см. выше) продолжил практику замены высшего командного состава, традиционно комплектовавшегося кадрами из сенаторского сословия, представителями сословия всадников: Hic tamen Perennis, qui tantum potuit, subito, quod bello Brittanni comilitibus equestris loci viros praefecerat amotis senatoribus… hostis appellatus (SHA Comm. VI. 2) – «Однако этот столь могущественный Перенний за то, что он во время британской войны поставил во главе воинов лиц всаднического сословия, отстранив сенаторов,… был объявлен врагом» (пер. С. П. Кондратьева). Но то, за что был «объявлен врагом» Перенний, при Септимии Севере, провозглашенном императором в 193 г. при поддержке полевых войск, становится все более частой практикой. Например, он назначил командирами трех новых (Парфянских) легионов всадников, как и наместника новой провинции – Месопотамии [18, Spp. 1436, 1478, 1539]. Кроме того, он активно привлекал к назначению на командные должности сенаторов из числа вновь приписанных к сенаторскому сословию всадников, т.е. адлектов (adlecti) [5, s. 43; 17, s. 162, 270].

Начиная со времени правления Септимия Севера (193–211) сенаторы все боле уклоняются от занятия должностей, связанных с командованием войском, предпочитая должности более мирного характера, связанные, например, с управлением финансами [6, p. 115–116]. Завершается этот процесс видимо, в середине III в., когда сенатор Рогациан (PIR2 R 73) счел возможным заявить о своем отказе занять государственную должность, предполагавшую власть над вооруженными людьми [24, p. 5–6].

Таким образом, viri militares в течение первых двух столетий нашей эры выступают в качестве особой категории военачальников главным образом сенаторского ранга. Литературные источники показывают, сколь важное место занимал в общественном сознании тип выдающегося полководца, посвятившего себя служению государству. Культурное и идеологическое значение данного образа, исключительного по своему значению

для поддержания аристократической идентичности в эпоху императоров (особенно «плохих» – Нерона, Домициана и т. п.), совершенно закономерно наиболее полным образом отражено такими яркими представителями сенаторской среды, как Тацит и Дион Кассий. Однако, как показывают в том числе данные эпиграфики, vir militaris как тип аристократа не был лишь литературным топосом. Факты карьеры, отражаемые официальными надписями, показывают определенную специализацию тех исторических лиц, которые затем фигурируют в литературных источниках представленными в качестве образцов воинского мужества и полководческих талантов. Из этого можно заключить, что viri militares – это не только литературный образ эпохи Принципата, но и реальная социальная группа внутри сенаторского слоя Римской империи. Во всяком случае, это положение сохранялось вплоть до эпохи Северов, чтобы затем постепенно, в связи с бюрократизацией государственной машины, полупрофессионалы viri militares из числа сенаторов уступили место профессионалам из незнатных выдвиженцев, своим происхождением, интересами и идеологией не связанным со старыми аристократическими фамилиями.

Источники и литература

1. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: Изд. РАН, 1995. 656 с.
2. Борисов Ю.Д. Тиберий Клавдий Нерон. Путь к власти. М.: Изд. Россельхозакадемии, 2001. 151 с.
3. Ле Боэк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с франц. М. Н. Челинцевой. М: РОССПЭН, 2001. 400 с.
4. Телепень С.В. Виокурат и его роль в военной карьере римского сенатора // Современная научная мысль. 2017. № 4. С.6–11.
5. Alföldy G. Fasti Hispanienses senatorische Rechtsbeamte und Offiziere in den spanischen Provinzen des Römischen Reiches von Augustus bis Diokletian. Wiesbaden: F. Steiner Verlag, 1969. 335 S.
6. Birley A. R. Senators as Generals // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit / Hrsg. von E. Birley, G. Alföldy, B. Dobson, Werner Eck. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. P. 97–119.
7. Birley A. R. The Fasti of Roman Britain. Oxford: Clarendon Press, Oxford University Press, 1981. xii, 476 p.
8. Birley E. The Roman Army: Papers 1929–1986. Amsterdam: J. C. Gieben, 1988. x, 457 p.
9. Dobson B. Die Primipilares. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1978. 386 S.
10. Dobson B. The “Rangornung” of the Roman Army // Actes du VII-e Congrès international d’épigraphie grecque et latine, Constantza, 9–15 septembre 1977 / sous la direct.du M.D.Pippidi. București: Editura Academiei; Paris: Société d’édition Les Belles Lettres, 1979. P.191–204.
11. Drogula F. K. Commanders and Command in the Roman Republic and Early Empire. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2015. x, 422 p
12. Duncan-Jones R. P. Power and privilege in Roman society, – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – xii, 229 p.
13. Franke T. Die Legionslegaten der römischen Armee in der Zeit von Augustus bis Traian. Bochum: Brockmeyer, 1991. iii, 692 S.
14. Franke T. Die Legionslegaten der römischen Armee in der Zeit von Augustus bis Traian. Bochum: Brockmeyer, 1991. iii, 692 S.
15. Jones H. S. Senatus Populusque Romanus // The Cambridge Ancient History. Volume X: The Augustan Empire, 44 B.C. To A.D. 70. Cambridge: Cambridge University Press, 1934. P.159–181.
16. McAlindon D. Entry to the Senate in the Early Empire // Journal of Roman Studies. 1957. P. 191–195.
17. Piso I. Fasti Provinciae Daciae. Die senatorischen Amtsträger. Bonn: R. Habelt Verlag, 1993. xi, 339 S.
18. Ritterling E. Legio // RE Bd. XII A. Hbbd. 24. 1925. Spp. 1329–1829.
19. Steiner A. P. The Vigintivirate during the Empire. Diss. A Study of the Epigraphical Evidence, Ohio: State University, 1973. 388 p.
20. Syme R. Antistius Rusticus, a Consular from Corduba // Roman Papers: in 7 vol. Vol. IV. Oxford: Clarendon Press, 1988. P.278–294.
21. Syme R. Minicius Fundanus from Ticinum // Roman Papers: in 7 vol. Vol. Vol. VII. Oxford: Clarendon Press, 1991. P.603–619.
22. Syme R. Provincial At Rome. Rome and the Balkans 80 BC-AD 14. Exeter: University of Exeter Press, 1999. xxvi, 238 p.
23. Syme R. Tacitus: in 2 vol. Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 1958. xii, 464 p.
24. Varhelyi Z. The Religion of Senators in the Roman Empire: Power and the Beyond. Cambridge, NewYork: Cambridge University Press, 2010. xii, 267 p.
25. Vervaet F. J. The High Command in the Roman Republic. The Principle of the summum imperium auspiciumque from 509 to 19 BCE. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. 369 p.

References

1. Abramzon M. G. Monety kak sredstvo propagandy oficial’noj politiki Rimskoj imperii (Coins as a means of promoting the official policy of the Roman Empire). Moscow: RAN, 1995. 656 p. (In Russian).
2. Borisov Ju. D. Tiberij Klavdij Neron. Put’ k vlasti (Tiberius Claudius Nero. The Path to Power). Moscow: Russian State Agricultural Academy, 2001. 151 p. (In Russian).
3. Le Bohek Ya. Rimskaja armija jepohi Rannej Imperii (Roman Army of the Early Empire) / transl. from French M.N. Chelintseva. Moscow: ROSSPEN, 2001. 400 p. (In Russian)
4. Telepen S. V. Viokurat i ego rol’ v voennoj kar’ere rimskogo senatora (Viokurat and his Role in the Military Career of a Roman Senator) // Sovremennaja nauchnaja mysl’. 2017. No. 4. P. 6–11. (In Russian)
5. Alföldy G. Fasti Hispanienses senatorische Rechtsbeamte und Offiziere in den spanischen Provinzen des Römischen Reiches von Augustus bis Diokletian. Wiesbaden: F. Steiner Verlag, 1969. 335 S.
6. Birley A. R. Senators as Generals // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit / Hrsg. von E. Birley, G. Alföldy, B. Dobson, Werner Eck. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. P. 97–119.

7. Birley A. R. The Fasti of Roman Britain. Oxford: Clarendon Press, Oxford University Press, 1981. xii, 476 p.
8. Birley E. The Roman Army: Papers 1929–1986. Amsterdam: J. C. Gieben, 1988. x, 457 p.
9. Dobson B. Die Primipilares. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1978. 386 S.
10. Dobson B. The “Rangornung” of the Roman Army // Actes du VII-e Congrès international d’épigraphie grecque et latine, Constantza, 9–15 septembre 1977 / sous la direct.du M.D.Pippidi. București: Editura Academiei; Paris: Société d’édition Les Belles Lettres, 1979. P.191–204.
11. Drogula F. K. Commanders and Command in the Roman Republic and Early Empire. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2015. x, 422 p
12. Duncan-Jones R. P. Power and privilege in Roman society, – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – xii, 229 p.
13. Franke T. Die Legionslegaten der römischen Armee in der Zeit von Augustus bis Traian. Bochum: Brockmeyer, 1991. iii, 692 S.
14. Franke T. Die Legionslegaten der römischen Armee in der Zeit von Augustus bis Traian. Bochum: Brockmeyer, 1991. iii, 692 S.
15. Jones H. S. Senatus Populusque Romanus // The Cambridge Ancient History. Vol. X: The Augustan Empire, 44 B.C. To A.D. 70. Cambridge: Cambridge University Press, 1934. P.159–181.
16. McAlindon D. Entry to the Senate in the Early Empire // Journal of Roman Studies. 1957. P. 191–195.
17. Piso I. Fasti Provinciae Daciae. Die senatorischen Amtsträger. Bonn: R. Habelt Verlag, 1993. xi, 339 S.
18. Ritterling E. Legio // RE Bd. XII A. Hbbd. 24. 1925. Spp. 1329–1829.
19. Steiner A. P. The Vigintivirate during the Empire. Diss. A Study of the Epigraphical Evidence, Diss. Ohio: State University, 1973. 388 p.
20. Syme R. Antistius Rusticus, a Consular from Corduba // Roman Papers: in 7 vol. Vol. IV. Oxford: Clarendon Press, 1988. P.278–294.
21. Syme R. Minicius Fundanus from Ticinum // Roman Papers: in 7 vol. Vol. Vol. VII. Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 603–619.
22. Syme R. Provincial At Rome. Rome and the Balkans 80 BC-AD 14. Exeter: University of Exeter Press, 1999. xxvi, 238 p.
23. Syme R. Tacitus: in 2 vol. Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 1958. xii, 464 p.
24. Varhelyi Z. The Religion of Senators in the Roman Empire: Power and the Beyond. Cambridge, NewYork: Cambridge University Press, 2010. xii, 267 p.
25. Vervaet F. J. The High Command in the Roman Republic. The Principle of the summum imperium auspiciumque from 509 to 19 BCE. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. 369 p.

Список сокращений

Продолжающиеся и многотомные научные издания:

PIR – Prosopographia Imperii Romani. In 9 vol. – 1nd ed. – Berolini : Academiae scientiarvm Regiae Borvssicae, 1897–1898.
PIR2 – Prosopographia Imperii Romani ; ed. E. Groag et A. Stein – 2nd ed. – Berolini ; Lipsiae : W. Gruyter, 1933– ....
RE – Pauly’s Real-Encyclopädie der Classischissen Altertumswissenshcaft. Neue Bearbeitung ; Hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1893–…

Публикации эпиграфических источников:

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum ; ed. A. Degrassi. – Berlin : Academiae litterarvm Regiae Borvssicae, 1863 –…
ILS – Inscriptiones Latinae Selectae: in 9 Bdn. ; ed. H. Dessau. – Berolini : Apud Weidmannos, 1892–1916. altera ed. – 1954–1955.
AE – L’Annee epigraphique. – Paris, 1888 –…

Античные литературные источники:

Aurel. Vict. Epitom. – Аврелий Виктор «Извлечения о жизни и нравов римских императоров»
Dio – Дион Кассий «Римская история»
Fronto Ep. ad amicos – Фронтон «Письма к друзьям»
Plin. Mai. Nat. hist. – Плиний Старший «Естественная история»
Plin. Min. Pan. – Плиний Младший «Панегирик Траяну»
SHA – Scriptores Historiae Augustae – «Писатели истории Августов»
Comm. – «Жизнеописание Коммода»
Hadr. – «Жизнеописание Адриана»
M. Aur. – «Жизнеописание Марка Аврелия»
Pert. – ««Жизнеописание Пертинакса»»
Sev. – «Жизнеописание Септимия Севера»
Stat. Silv. – Стаций «Сильвы»
Suet. Светоний
Aug. «Жизнеописание Августа»
Tib. «Жизнеописание Тиберия»
Tac. – Тацит
Agr. – «Жизнеописание Юлия Агриколы»
Ann. – «Анналы»
Hist. – «История»

Информация об авторе

Телепень Сергей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина (Мозырь, Белоруссия) / telepen_serg@mail.ru

Information about the author

Telepen Sergey – PhD in History, Associate Professor, Chair of History and Social Sciences, Mozyr State Pedagogical University named after I. P.Shamyakin, (Mozyr, Republic of Belarus) / telepen_serg@mail.ru

УДК 94(411).08
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.14

И. М. Узнародов

ВСЕОБЩИЕ ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1868 ГОДА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ТАКТИКА В ОТНОШЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ-РАБОЧИХ

В статье рассматривается предвыборная борьба либеральной и консервативной партий Великобритании накануне выборов в палату общин в 1868 г. Показаны особенности избирательной кампании. Поскольку в результате избирательной реформы электорат был существенно увеличен за счёт рабочих, старые методы борьбы за голоса избирателей требовали существенного обновления. По сути дела, в ходе данных выборов происходила отработка новой тактики и методов работы с избирателями. В статье анализируются подходы обеих партий к рабочему электорату, для чего помимо исследовательской литературы используются разнообразные документы, в том числе средства массовой информации того времени. В результате автор приходит к выводу о том, что в 1868 г. новые избиратели шли в фарватере главных политических партий и не представляли реальной угрозы власть имущим.

Ключевые слова: Великобритания, избиратели-рабочие, избирательная тактика, консервативная партия, либеральная партия парламентские выборы.

Igor Uznarodov

THE 1868 GENERAL ELECTIONS IN GREAT BRITAIN: TACTICS FOR WORKING-CLASS VOTERS

The article examines the electoral struggle of the Liberal and Conservative parties in Great Britain on the eve of the elections to the House of Commons in 1868. The features of the election campaign are shown. As a result of the electoral reform, the number of voters had been significantly increased at the expense of the working classes. Because of that, the old methods of competing for votes required a significant update. In fact, during these elections, they develop new tactics and methods of working with voters. The article analyzes the approaches of both parties to the working-class electorate. For that purposes in addition to research literature the article bases on various documents, including the mass media of that time. As a result, the author concludes that in 1868 the new voters followed the main political parties and did not pose a real threat to those in power.

Key words: United Kingdom, working-class voters, electoral tactics, Conservative party, Liberal party, parliamentary elections.

Парламентские выборы 1868 г. в Великобритании стали первыми выборами после избирательной реформы[1]. Новые избиратели-рабочие вполне могли оказать если не решающее, то достаточно серьезное влияние на соотношение сил между основными политическими партиями – либеральной и консервативной. От выборов 1868 г. ждали ответа на вопросы о влиянии новых избирателей на британскую политику, о возможности самостоятельных политических действий рабочих, о перспективах сохранения существовавших в Соединённом Королевстве порядков.

Цель статьи – рассмотреть, как изменилась борьба партий за голоса электората после избирательной реформы, выявить особенности их тактики в отношении избирателей-рабочих.

Согласно новому избирательному закону, от городских округов избирались 366 депутатов, от сельских округов – 283, а университеты посылали в палату общин 9 представителей. Графства по-прежнему оставались опорой могущества консерваторов, но только с их помощью они не могли обеспечить себе победу. Поэтому вполне понятно их внимание к городским округам, а там почти безраздельно господствовали либералы, опиравшиеся на городские средние слои населения. Однако в условиях значительного увеличения городского электората за счёт трудящихся, у консерваторов появился шанс поколебать позиции либералов [5, p. 151, 159]. Всё зависело от того, кому отдадут голоса новые избиратели.

Конечно, в предстоящей борьбе шансы либералов выглядели предпочтительнее благодаря их связям с рабочими. Но стоявшая перед ними задача не была простой, так как им одновременно требовалось сохранить своё влияние на городскую буржуазию. Предстояло учесть особенности электората в каждом округе и вести избирательную кампанию так, чтобы, получив доверие одной категории избирателей, не лишиться его у другой. Похожие проблемы встали и перед тори, которые не собирались превратиться в партию лендлордов и рабочих и, надеясь на симпатии последних, всё же ещё большие ожидания связывали с переходом части буржуазии на свою сторону. Этим объясняется то, что проблемы рабочих по-настоящему поднимались лишь в крупных городских, промышленных округах, где явно преобладали

1 Избирательная реформа 1867 – 1868 годов существенно увеличила электорат за счёт трудящихся. В результате он приобрёл массовый характер, что сделало малопригодными прежние методы работы с избирателями [1, с. 39-57].

рабочие избиратели. Там, где рабочие не составляли большинства электората, их проблемы занимали в предвыборной борьбе менее важное место.

Избиратели из рабочих не являлись однородной массой. Хотя они, в основном, представляли высокооплачиваемых, квалифицированных работников, их политические взгляды были далеко не одинаковыми. Ф. Паркин справедливо указывал, что большую роль в определении политических пристрастий рабочих играет круг социальных ценностей, который формируется под воздействием места проживания и места работы [16, p. 280]. Это хорошо видно на примере рабочего электората разных по величине городских избирательных округов, существовавших в Соединённом Королевстве с конца шестидесятых до середины восьмидесятых годов прошлого века. Их условно делят на 113 малых округов с населением до 16 тыс. человек, 139 средних округов с населением до 50 тыс. человек и 114 больших округов с населением свыше 50 тыс. человек [9, p. 39, 92].

Малые округа представляли собой небольшие городки с небольшими предприятиями, где отношения рабочих с хозяином складывались иначе, чем на больших фабриках или заводах. Обе стороны были на виду друг у друга. Возникавшие проблемы тут же разрешались. Атмосфера таких предприятий носила доверительный характер и позволяла хозяину оказывать на рабочих большое влияние. В результате политические пристрастия хозяина определяли и позиции рабочих. Отсутствию острых классовых конфликтов способствовало и то, что в таких городках рабочие жили бок о бок с представителями средних слоёв населения, которые способствовали распространению на соседей своих представлений об общественных ценностях.

Другая картина наблюдалась в крупных городах. На больших предприятиях существовала внушительная дистанция между рабочими и их владельцами. Здесь заметно проявлялись классовые противоречия и обычным было негативное отношение к хозяину. В крупных городах имелись отдельные рабочие районы, в которых влияние буржуазных средних классов не ощущалось и на первом месте стояли чисто пролетарские интересы. Такая среда являлась благоприятной для проведения политики «социального уважения», которая рядом авторов рассматривается в качестве главной причины существования рабочих консерваторов [16, p. 278-279].

Эта политика была своеобразным городским вариантом отношений «почтительности», сложившихся в английском сельском обществе после избирательной реформы 1832 г. На покровительство богатых землевладельцев зависимые от них люди и небогатые соседи отвечали «почтительным» отношением, в том числе отдавая им свои голоса на выборах. Городские тори пытались перенести опыт сельских коллег в свои округа, используя пропагандистские возможности Национального союза консервативных и конституционных ассоциаций. «Социальное уважение» основывалось не на покровительстве, а на подчеркнутой заинтересованности консерваторов в улучшении правового и экономического положения рабочих. На подобную заботу последние отвечали соответствующим уважением консервативных претендентов на место в палате общин. Со временем такая тактика получила обоснование в виде концепции торийской демократии.

В средних избирательных округах проявлялись особенности и малых, и больших округов. Настроения избирателей тут во многом зависели от того, к какому типу округов они были ближе, к малым или большим.

Помимо работы и места проживания существовали и другие факторы, влиявшие на настроения рабочих избирателей. Определённую роль играл так называемый традиционализм – симпатии к той или иной партии, сложившиеся в семье. Подчёркивая важность политических пристрастий, культивировавшихся в семейной атмосфере, А. Ли достаточно убедительно показал, что поддержка рабочими политических партий всё же всегда была экономической по природе [12, p. 93-95]. После 1867 г. роль традиционализма в определении позиции избирателей постепенно уменьшилась, а на первый план выдвинулись социально-экономические мотивы. Поэтому рабочие избиратели все больше начинали воспринимать предвыборные призывы и обещания партий через призму своей квалификации и получаемых доходов.

Серьёзным фактором, влиявшим на пристрастия избирателей-рабочих, являлась их принадлежность к своим классовым организациям – профсоюзам и рабочим клубам. В крупных промышленных центрах, где тред-юнионы были сильны, их политическое влияние отчетливо ощущалось. Профсоюзы не только воздействовали на своих членов, но даже на первых порах после изменения избирательного закона, когда на местах ещё не окрепли партийные организации, сами принимали участие в избирательных кампаниях. Так, в 1868 г. профсоюзный совет Бирмингема активно поддерживал либералов, а профсовет Манчестера – консерваторов. Позиция последнего объяснялась антирабочей политикой предпринимателей-либералов. Вспомнили даже об участии капиталистов в разгроме чартистского движения. В результате усилий С. Николсона и У. Вуда – президента и вице-президента манчестерского профсоюза – 7 тыс. рабочих города отдали свои голоса консервативному кандидату [6, p. 341-344].

В то же время нельзя не отметить того, что большинство рабочих не состояло в тред-юнионах. Это отчетливо видно по имеющимся данным.

В 1868 г. Конгресс тред-юнионов объединял 118 тыс. членов, в 1874 г. – 1 млн 192 тыс. членов, но во время депрессии его численность резко упала, и в 1881 г. в его рядах насчитывалось 464 тыс. человек [11, vol. 1, p. 192].

Политическая ориентация рабочих была также определенным образом связана с их религиозной принадлежностью. Там, где нонконформизм имел сильные позиции – в Уэльсе, западных районах Англии, Шотландии, рабочие в подавляющем большинстве поддерживали либералов. В других районах религиозные мотивы не имели столь важного значения [11, vol. 2, p. 130].

При известной неоднородности рабочих избирателей и наличии многих факторов, в той или иной степени влиявших на их политическую позицию, наибольший эффект предвыборная агитация могла дать лишь при индивидуальном подходе к ним. Но при наличии многочисленного электората это не представлялось возможным. Поэтому основная тяжесть в избирательных кампаниях пришлась на средства общего воздействия на голосующих. Для того чтобы привлечь на сторону своей партии максимально возможное число избирателей, требовалась хорошая организация, в том числе достаточно многочисленные сторонники-активисты.

В рассматриваемое время партийная организация подразумевала прежде всего способность обеспечить необходимое количество подготовленных для предвыборной борьбы кандидатов в парламент, выставить достаточное количество добровольных помощников для ведения избирательной кампании, правильно тактически её построить, подкрепив соответствующими агитационными изданиями, хорошо скоординировать усилия всех своих сторонников. Без организации было трудно собрать необходимые для работы с массовым электоратом денежные средства, а без солидной финансовой опоры любая избирательная кампания практически лишалась шансов на успех. Однако на выборах 1868 г. партийные организации ещё не могли проявить себя по-настоящему.

Избирательная кампания 1868 г. отличалась продолжительностью. Время выборов (ноябрь) объявили почти за год до их проведения, а первые предвыборные выступления состоялись в мае. Внешне эти выборы мало отличались от предыдущих. В масштабе всей страны социальные вопросы не имели большого значения, а расположением новых избирателей стремилось заручиться не так уж много кандидатов в члены парламента. Главным вопросом выборов стал вопрос об отделении от государства ирландской протестантской епископальной церкви. Поэтому в целом выборы приобрели религиозную окраску.

Выборы показали, что для приобретения рабочих голосов вовсе не обязательно высказываться по специфическим рабочим проблемам и поддерживать требования проведения социальных реформ. Рабочих, как и других избирателей, интересовали не только свои собственные проблемы, но и проблемы общества в целом. Это подтвердил ход избирательной кампании в рабочих округах. В качестве примера можно привести промышленный Ланкашир, где баллотировался лидер либералов У. Гладстон.

Он энергично вел предвыборную борьбу, выступив в юго-западных районах графства с пятнадцатью большими речами и проведя множество бесед с избирателями. Его отношение к ирландской епископальной церкви было резко отрицательным, что позволяло ему срывать овации рабочих-нонконформистов и рабочих-ирландцев, хранивших верность католическому вероисповеданию. В одной из речей он сравнил ирландскую государственную церковь с деревом, которое подавляет всё, что ни попадет в его тень, и выразил уверенность в том, что, только срубив его, можно оздоровить обстановку в Ирландии [13, p. 193]. При этом лидер либералов обходил рабочий вопрос молчанием.

Консерваторы также вовсю эксплуатировали религиозный вопрос, делая ставку на антикатолические настроения рабочих-англикан. Временами дело доходило до беспорядков и актов насилия по отношению к «папистам» и поддерживавшим их либералам. В результате Гладстона провалили и ему пришлось срочно выставлять свою кандидатуру в Гринвиче, где он и был избран. Неудача лидера либералов в Ланкашире резко контрастировала с его популярностью в других частях страны. Центральная печать широко освещала его избирательную кампанию. Произнесённые им, речи оказали большое воздействие на ход предвыборной борьбы его коллег по партии. Многие либералы считали необходимым в посланиях к избирателям подчёркивать, что являются сторонниками Гладстона, рассчитывая на получение дополнительных голосов.

В то же время в округах со значительным процентом избирателей-рабочих кандидаты в депутаты не ограничивались одними религиозными проблемами, стремились найти и другие пути к их сердцам. Очень часто представители обеих партий пытались использовать чувство благодарности новых избирателей. Тори связывали с реформой 1867 г. особенно большие надежды на правах партии, чьё правительство провело её в жизнь. Подобная благодарность представлялась им вполне закономерной.

Тон здесь задавал сам лидер консерваторов Б. Дизраэли, специально выделив реформу в своем послании избирателям. Он подчеркнул, что именно консерваторам удалось решить нерешаемую на протяжении многих лет проблему, и дал высокую оценку произведённым в избирательном законе изменениям. Лидер тори назвал реформу

важнейшим событием в британской политике, придавшим новые силы и стабильность государству [14, Oct. 10]. В таком же ключе выступали перед своими избирателями многие рядовые консерваторы. Подобные идеи содержались и в пропагандистских изданиях партии.

Иногда акценты несколько смещались, и реформа получала более справедливую оценку. Так, в специально изданной для рабочих избирателей брошюре Национального союза консервативных и конституционных ассоциаций говорилось, что новый избирательный закон «не даёт рабочим превосходства над остальными согражданами, но обеспечивает им справедливую часть политического влияния» в обществе [2, с. 4, no. 7]. А. Юинг, баллотировавшийся в Думбартоншире от консервативной партии, даже критиковал избирательный закон за то, что не все трудящиеся получили право голоса, и высказывал мнение о том, что расширение политических прав рабочих не несёт угрозы устоям британского общества [8, Aug. 4].

Либералы энергично оспаривали авторство тори по отношению к реформе. Гладстон, а за ним и его сторонники, говорили о том, что подлинными вдохновителями произведенных в избирательном законе изменений являлись либералы. В наиболее полном виде эта позиция получила выражение в широко распространившейся листовке, которая имела заглавие «Кто дал нам билль о реформе 1867 года: тори или либералы?». В ней подробно разбиралась предыстория реформы. Консерваторов обвиняли в том, что они сорвали билль Гладстона-Рассела 1866 г. и вообще выступали против предоставления права голоса рабочим. По мнению анонимных авторов листовки, тори решились на реформу избирательного закона, руководствуясь лишь стремлением удержаться у власти. Первоначально их законопроект мало затрагивал рабочих, но либералы добились отмены самых несправедливых положений билля. После перечисления всех изменений следовало следующее заявление: «Билль в том виде, в каком его предложил Дизраэли, содержал массу противоречий и имел целью надуть народ, не удовлетворив его справедливых притязаний на политическую власть. Он по-прежнему нуждается в многочисленных исправлениях, но всё, что в нём есть хорошего, было включено в него либеральной партией» [7, f. 100].

В отличие от консерваторов, у которых лишь изредка звучали критические замечания в адрес избирательного закона, многие либеральные кандидаты отводили его критике значительное место в своих выступлениях и решительно призывали к дальнейшему расширению избирательных прав в стране [17, Aug. 15, 29; Sept. 12; 8, Aug. 1; Sept. 9]. Тем самым они стремились не только отобрать авторство на реформу у своих оппонентов, но и создать у рабочих избирателей впечатление, что дальнейшая демократизация британского общества зависит исключительно от либералов.

Другим распространенным методом воздействия на рабочих избирателей стало определение позиции кандидатов в депутаты по рабочему вопросу. Они давали оценки тому, что уже было сделано для рабочих обеими партиями, и высказывались по проблемам, волновавшим трудящихся накануне выборов: о легализации профсоюзов, об отношениях между рабочими и хозяевами, о фабричном законодательстве.

Консерваторы в целом не проявили большого энтузиазма в обсуждении рабочего вопроса. Очевидно, сказалось отсутствие ясной позиции по социальным вопросам у Дизраэли и других руководителей партии. Дизраэли не стал развивать идеи, которые он высказал во время прошлогоднего визита в Шотландию, и тем самым лишил важной поддержки реформаторские тенденции городских тори. К тому же лидер консервативной партии, в отличие от Гладстона, не любил массовых кампаний и выступлений перед избирателями, что уменьшило его личное воздействие на ход предвыборной борьбы. Р. Блейк полагает, что нежелание апеллировать к тем, кому тори предоставили право голоса, можно объяснить или слабым знанием нужд рабочих, или боязнью раскола своей партии [3, p. 512]. Последнее представляется более вероятным, поскольку опорой консерваторов продолжали оставаться сельские округа, а действовавшие там политики, с большим подозрением относились к новым идеям.

Большинство предвыборных агитационных материалов консервативной партии в крупных городских округах отличала одна особенность: в той или иной степени, в них говорилось о заслугах тори перед рабочими. Например, Р. Монтгомери, выставивший свою кандидатуру в Северном Эйршире, убеждал своих избирателей в том, что его партия всегда поддерживала меры, специально направленные на пользу рабочих. По его подсчетам, тори внесли в палату общин не менее 19 законопроектов, которые затрагивали развитие промышленности, условия труда рабочих и т. д., но практически каждый из них встречал сильное противодействие либеральной партии [8, Sept. 9].

В распространявшейся брошюре «Консервативное законодательство для рабочих: шахты и фабрики» подробно анализировалась законодательная деятельность обеих партий в этой сфере. Результаты тори, конечно, оценивались куда выше, чем результаты их соперников. Не сомневаясь в своей правоте, авторы брошюры призывали либералов доказать обратное [2, G. 4. No. 8].

В листовке под названием «Новый политический катехизис», использовавшейся в Англии и Уэльсе и изданной в Шотландии в виде совместного обращения консервативных кандидатов

к своим избирателям, особенно подчеркивалось, что именно тори провели закон о десятичасовом рабочем дне и, ограничив систему оплаты труда товарами, «спасли рабочих от мучительного угнетения» [8, Nov. 16].

В округах, где они имели дело со значительным числом рабочих избирателей, тори также обещали проведение некоторых социальных реформ. В Бирмингеме и Шеффилде консервативные кандидаты специально начинали свои послания к избирателям обещаниями полной легализации тред-юнионов. В Ланкашире практически все тори поддержали идею легализации профсоюзов и дали обещание улучшить существующее фабричное законодательство, а также способствовать достижению взаимопонимания между рабочими и предпринимателями [18, p. 123-124]. Они явно стремились затронуть важные для трудящихся проблемы и удовлетворить их ожидания.

К этому же стремились и либералы, имевшие серьёзные виды на рабочие голоса. Очевидец выборов, известный деятель рабочего движения Дж. Хауэлл в книге о рабочих проблемах, основанной на собственных воспоминаниях, с разочарованием отмечал меркантильные мотивы, которыми руководствовались политики в предвыборной борьбе. «Некоторые «отважные» либеральные кандидаты, – писал он, – были вынуждены преклонить колено перед рабочими, чтобы избежать опасности лишиться своих мест на выборах» [10, p. 168.]. В данном плане они мало отличались от тори, однако значительно чаще своих соперников обращались к рабочему вопросу и уделяли главное внимание не столько былым заслугам, сколько злободневным проблемам. В таком ключе либеральные кандидаты вели избирательную кампанию в промышленных районах Ланкашира, Йоркшира, центральной Англии, Шотландии.

Там они часто подчеркивали, что рабочий вопрос не менее важен, чем вопрос ирландский, что необходимо прекратить «унизительную войну предпринимателей против рабочих и рабочих против предпринимателей, которая истощает жизнь страны на протяжении последних двадцати лет». Звучало получавшее всё больше приверженцев мнение о том, что интересы предпринимателей и рабочих совпадают, а забастовки идут во вред и тем, и другим. Решение сложных проблем во взаимоотношениях между трудом и капиталом связывалось с сильным либеральным правительством во главе с Гладстоном, «чьи сердце и симпатии были целиком на стороне народа» [14, Sept. 2, 17; 8, Sept. 26].

Либеральные кандидаты активно поддерживали идею совершенствования фабричного законодательства. В качестве первоочередных мер предполагалось внести в парламент законопроекты о сокращении продолжительности рабочего дня, об ответственности предпринимателей за увечья рабочих, полученные на производстве, о регулировании условий труда женщин и детей [17, Aug. 15; Sept. 12].

Все же наиболее популярной была тема легализации профсоюзов. Многие не просто заявляли о своей позиции, но старались обосновать ее общедемократическими соображениями. Дж. Миллер говорил избирателям Эдинбурга, что все должны быть равны перед законом и что «рабочий человек имеет такое же право на защиту своего труда, как капиталист на защиту своего капитала» [17, Aug. 15]. Шеффилдский радикал Дж. Роубак в своем предвыборном обращении указывал на необходимость в условиях рынка рабочей силы защищать трудящихся и отмечал важную роль тред-юнионов в этом деле. «Что я желаю рабочему, – писал кандидат в депутаты, – так это подлинной свободы. Я хочу, чтобы он сам решал свою судьбу и был огражден как от деспотизма своего хозяина, так и от деспотизма своих собратьев по классу» [14, Sept. 17].

Часто поддержка профсоюзов сопровождалась характерными для либералов сопутствующими разъяснениями. Ч. Паркер, выступая в Перте, сказал, например, что свобода тред-юнионов не должна выходить за определенные пределы. Рабочий имеет право выбирать, где ему работать, а хозяин – право выбирать работника [15, Nov. 7]. По мнению другого представителя либералов С. Дента, рабочие имели право объединяться в случае, если они не получали справедливой и достаточной заработной платы, и даже – прибегнуть к стачке, но при этом никоим образом не препятствовать тем, кто желал продолжать работать [14, Sept. 22]. Интересно, что данная концепция легла впоследствии в основу законов о профсоюзах, проведенных правительством Гладстона и вызвавших вполне понятное неодобрение тред-юнионов.

Среди кандидатов от обеих партий нашлись и такие, кто предпочел не высказываться по конкретным проблемам, волновавшим рабочих, а ограничиться заверениями в дружбе, признанием их роли в обществе, обещаниями вплотную заняться рабочим вопросом. Иногда выступления таких политиков превращались в оды рабочему классу, как произошло в Таунворте с либералом сэром Г. Литтон-Булвером. Он не удовлетворился констатацией своих дружеских чувств по отношению к рабочим, назвал последних важнейшим элементом британской конституции и поделился своей радостью в связи с тем, что они, наконец, заняли в политике подобающее им место. Далее он указал, что именно «в массах живут чувства общества» и если кто-нибудь захочет пробудить национальную гордость и достоинство, то ему следует прежде всего обратиться к ним. После стольких реверансов в сторону рабочих избирателей сэр Генри достойно завершил свою речь,

сказав, что «благородная и здоровая кровь интеллигентного, независимого рабочего класса вливается в кровеносные сосуды других классов и возвращает к жизни народ» [14, Aug. 14.].

В одном ряду с подобными заявлениями, отличавшимися демагогическим характером, стояли и обещания улучшить жизнь рабочих путем снижения цен и налогов [7, f. 103, 105; 14, Aug. 7; 8, Aug. 6; Oct. 22], поскольку они не подкреплялись конкретными предложениями в области законодательства и носили исключительно общий характер.

Во время избирательной кампании имели место и случаи, не связанные с предвыборной агитацией. Там, где это было необходимо, либералы старались получить одобрение рабочих организаций, заранее договариваясь о приемлемых кандидатах в депутаты [9, p. 94.]. Консерваторы, в свою очередь, не исключали возможности прямого давления на рабочих со стороны предпринимателей. В Глазго, где тори не имели шансов на успех из-за традиционно сильных позиций либералов, их кандидат сэр Дж. Кемпбелл прямо обратился к коллегам-предпринимателям с просьбой «использовать свое влияние, насколько будет возможным», для организации ему рабочей поддержки [8, Oct. 21].

Выборы принесли большой успех либеральной партии, которая получила 387 мест в палате общин против 271 у консервативной партии [5, p. 10]. Несомненно, что среди разных факторов, определивших результат, было и то, что либералы энергичнее и более умело апеллировали к рабочим.

Консерваторам не удалось потеснить соперников в крупных городских округах, где преобладали новые избиратели. Из 114 депутатских мест, приходившихся на эти округа, тори получили лишь 25, что примерно соответствовало доле их мест на выборах 1865 г., из 100 вакансий в палате общин они заполнили 22 [9, p. 92].

Однако нельзя сказать, что избирательная реформа ничего не изменила. Количество поданных за консерваторов голосов позволяет сделать вывод о росте их влияния в больших городах. Если бы последние не были ущемлены и в стране существовали равные округа, то благодаря поддержке рабочих избирателей консервативная партия имела бы больше мест в парламенте.

Единственным районом, где тори получили ощутимую поддержку новых избирателей и добились успеха, был Ланкашир. Из 32 мест они получили 19, в том числе половину мест от Ливерпуля и Манчестера [4, p. 298]. Здесь им удалось эффективно использовать антикатолические настроения рабочих и их тягу к социальным реформам.

Итак, выборы 1868 г. подтвердили прогнозы оптимистов, заявлявших, что избиратели из рабочих пока не представляют реальной угрозы власть имущим и не имеют возможности для того, чтобы ощутимо изменить жизнь британского общества. Однако появление многочисленного отряда избирателей-рабочих побудило консервативную и либеральную партии предпринять усилия, чтобы получить их голоса на выборах.

Выборы также показали, что большая часть кандидатов в парламент в городских округах обязательно упоминала о рабочих проблемах и обещала предпринять те или иные шаги в сфере законодательства в интересах трудящихся. Однако кандидаты от обеих партий всё же ограничивались текущими проблемами, а общее состояние рабочего вопроса не стало предметом углублённого анализа. Часто в их заявлениях и выступлениях перед избирателями присутствовал элемент демагогии. И консерваторы, и либералы разглагольствовали о заслугах своих партий перед рабочими, заверяли последних в своих дружеских чувствах, обещали сделать для трудящихся всё, что в их силах. Вместо конструктивных предложений они использовали также дежурную критику своих противников, когда те находились у власти, чтобы использовать недовольство правительством со стороны электората.

Предвыборные баталии показывают, что кандидаты-либералы всё же были активнее и выглядели в глазах рабочих более привлекательно, чем их соперники из консервативной партии. Тем не менее, тори тоже находили достаточный отклик у трудящихся. Появление довольно многочисленной категории избирателей, такой, как рабочие-консерваторы, следует рассматривать как успех в деле расширения избирательной базы консерватизма. В этом плане реформа 1867 г. оправдала надежды Дерби и Дизраэли.

Выборы также показали, что при наличии своих специфических интересов избиратели-рабочие очень живо реагировали на проблемы, затрагивавшие интересы общества в целом. Поэтому далеко не всегда требовалось высказываться по рабочим проблемам, чтобы получить их голоса. Поведение рабочих избирателей опровергло самые мрачные предсказания и опасения противников расширения избирательного права в Соединенном Королевстве.

Источники и литература / References

1. Узнародов И.М. Политические партии Великобритании и рабочие избиратели (50-е – начало 80-х годов XIXвека): монография. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1992. 192 с.
Uznarodov I.M. Politicheskie partii Velikobritanii i rabochie izbirateli (50-e – nachalo 80-kh godov XIX veka): monografiya (Great Britain Political Parties and Working-class Voters. 1850s – early 1880s). Rostov-on-Donu: RSU publ., 1992. 192 p. (In Russian).

2. Archives of the British Conservative Party. Series 1. Pamphlets and Leaflets. Brighton: Harvester Press Microform Publications, 1978. Part 1.
3. Blake R. Disraeli. London, 1984. 819 p.
4. Briggs A. Victorian People: A Reassessment of Persons and Themes. 1851 - 1867. Harmondsworth, 1970. 312 p.
5. Craig F.W.S. British Electoral Facts. 1832-1980. Chichester, 1981. 224 p.
6. Fraser W. H. Trades Councils in England and Scotland. 1858-1897. A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy at the University of Sussex. 1967. 892 p.
7. Gladstone Papers in the Library of the British Museum. Add. MSS. 44798.
8. The Glasgow Herald. 1868.
9. Hanham H.J. Elections and Party Management: Politics in the Time of Disraeli and Gladstone. London, 1959. 449 p.
10. Howell G. Labour Legislation, Labour Movements and Labour Leaders. Vol. 1. London, 1902. 543 p.
11. Jennings I. Party Politics. Vol. 1. Cambridge, 1960. 387 p.; Vol. 2. Cambridge, 1960. 416 p.
12. Lee A. Conservatism, Traditionalism and the British Working Class. 1880-1918 // Ideology and the Labour Movement / Ed. by D. E. Martin and D. Rubinstein. L., 1979. 276 p.
13. Magnus Ph. Gladstone. A Biography. L., 1970. 482 p.
14. The Morning Post. 1868.
15. North British Daily Mail. 1868.
16. Parkin F. Working-Class Conservatives: Theory of Political Deviance // The British Journal of Sociology. 1967. Vol. 18. No. 3. P. 278-290.
17. The Reformer. 1868.
18. Smith P. Disraelian Conservatism and Social Reform. London-Toronto, 1967. 358 p.

Сведения об авторах

Узнародов Игорь Миронович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой политики и глобализации Ростовского государственного экономического университета (Ростов-на-Дону) / iguz2010@yandex.ru

Information about the authors

Uznarodov Igor' – Dr. of Historical Sciences, Professor, Head of Chair of World Policy anf Globalization, Rostov State Economic University (Rostov-on-Don) / iguz2010@yandex.ru

УДК 271.22
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.15

Е.В. Ченикалова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ НОВО-АФОНСКОГО МОНАСТЫРЯ НА КАВКАЗЕ

Ново-Афонский мужской монастырь на Черноморском побережье Кавказа, которому в 2020 г. исполняется 145 лет, – неординарное явление в жизни православной России, имевшее ряд исторических, геополитических и духовно-нравственных предпосылок.

В свете возрождения интереса к истории русского монастырского строительства, создания и деятельности монастыря на Черноморском побережье Кавказа актуальна и заслуживает внимания.

Важной причиной создания афонской обители на Кавказе служило то, что Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне, несмотря свой расцвет с середины XIX в., в 1874 г. оказался под угрозой вытеснения греческим правительством и духовенством. В монастыре происходили конфликты между греками и русскими монахами, жившими в одной обители и отстаивавшими проведение богослужения на своем языке, а также и по другим вопросам. Созданию монастыря русской частью монахов Пантелеимонова монастыря предшествовала длительная поисковая работа подходящего места для основания обители. Поэтому обращение к истории развития связей России и Афона, как причины зарождения русского монашества, монастырского строительства на Руси, роли Афона в судьбах русского православия представляет несомненный интерес и описана сравнительно мало в исторической литературе.

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на Черноморском побережье Кавказа в Абхазии, строился с 1875 г. как «запасная» обитель Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне на случай вынужденного выселения русских монахов с Афона. Его создание положило начало формированию плеяды монастырей Кавказского Афона. В каждой из обителей монахи открывали школы для детей и взрослых, обучали грамоте и основам православной веры, современному ведению сельского хозяйства. Монастыри распространяли духовную литературу, братия писали иконы, изготавливали из дерева кресты, лили свечи и прочие атрибуты, а также неустанно занимались сельским хозяйством, помогая бедным и многодетным семьям. Просветительская и миссионерская деятельность Ново-Афонского монастыря была обширна и не ограничивалась только пределами России. В XXI веке православные должны знать и помнить об этих трудах скромных, порой недостаточно известных, но заслуживающих изучения их деятельности служителях Русской Православной Церкви и России – основателях и строителях Ново-Афонского и прочих монастырей Кавказа.

Ключевые слова: Афон, Ново-Афонский монастырь, Кавказ, просвещение, история Русской Православной Церкви.

Elena Chenikalova

HISTORICAL BACKGROUND OF CREATION NEW ATHOS MONASTERY IN THE CAUCASUS

The New Athos Monastery on the Black Sea coast of the Caucasus, which turns 145 in 2020, is an extraordinary phenomenon in the life of Orthodox Russia, which had a number of historical, geopolitical, spiritual and moral preconditions. In light of the revival of interest in the history of Russian monastery construction, the creation and activities of the monastery on the Black Sea coast of the Caucasus, it is relevant and deserves attention.

An important reason for the creation of the Athos monastery in the Caucasus was the fact that the St. Panteleimon Monastery on Athos, despite its flourishing from the middle of the 19th century, in 1874 was under the threat of being ousted by the Greek government and clergy. In the monastery there were conflicts between the Greeks and Russian monks who lived in the same monastery and defended the conduct of services in their own language, as well as on other issues. The creation of the monastery by the Russian part of the monks of the Panteleimon Monastery was preceded by a long search for a suitable place for the founding of the monastery. Therefore, an appeal to the history of the development of ties between Russia and Athos, as the reason for the emergence of Russian monasticism, monastery building in Russia, the role of Athos in the fate of Russian Orthodoxy is of undoubted interest and is relatively little covered in historical literature.

The New Athos Simon-Cananite Monastery on the Black Sea coast of the Caucasus in Abkhazia was built since 1875 as a «reserve» abode of the Russian St. Panteleimon Monastery on Athos in case of the forced eviction of Russian monks from Athos. Its creation marked the beginning of the formation of a galaxy of monasteries on the Caucasian Athos. In each of the monasteries, monks opened schools for children and adults, taught literacy and the basics of the Orthodox faith, modern agriculture. The monasteries disseminated spiritual literature, the brethren painted icons, made crosses from wood, poured candles and other attributes, and also tirelessly engaged in agriculture, helping poor and large families. The educational and missionary activity of the New Athos Monastery was extensive and was not limited only to the borders of Russia. In the 21st century, Orthodox Christians should know and remember about these works of the modest, sometimes insufficiently known, but deserving study of their activities by the ministers of the Russian Orthodox Church and Russia - the founders and builders of New Athos and other monasteries in the Caucasus.

Key words: Athos, New Athos Monastery, Caucasus, Abkhazia, education, history of the Russian Orthodox Church.

Полуостров Святой Афон, как его иногда обозначают на картах Греции – восточный отросток полуострова Халкидики, оканчивается горой Афон, возвышающейся на 2033 м. над уровнем моря, расположенной на окончании полуострова и круто обрывающейся в Эгейское море. Гора и крупнейшее в мире средоточие православного монашества на полуострове Айон-Орос на северо-восточном побережье Греции, между заливами Айон-Орос и Иерисос Эгейского моря, в русскоязычной литературе приводятся под общим названием Святой Афон.

С византийского периода расцвета вселенского православия эта земля стала считаться одной из величайших его святынь. Там было основано двадцать монастырей и множество дополнительных монашеских поселений – киновий, скитов, калив, келий монахов из разных стран – Греции, Сербии, России, Болгарии, Грузии [2, 10].

По своему статусу Святая Гора Афон в Греции – это особая монашеская республика, государство в государстве, состоящее из столицы – небольшого городка Кареи с управляющим органом – Протатом, в который входят представители от каждого монастыря. Она является духовной наследницей Византии, строго хранящей православные богослужебные и духовные традиции. Как оплот православия, Афон распространяет свое влияние на все континенты.

Русские, сербы и другие славянские иноки, движимые почитанием этого Удела Пресвятой Богородицы, каким благоговейно почитается Афон в православном мире, поселились здесь уже в IX – X вв., строя свои монастыри. К сожалению, за 1000-летний период пребывания на Афоне русских насельников и развитии русских обителей бывали периоды расцвета и почти полного угасания, что объяснялось внешними и внутренними, обычно политическими причинами. Это касалось и других афонских монастырей. Борьба Греции с турецким владычеством не прошла бесследно и для Афона [13].

Целью статьи является описание причин и исторических предпосылок создания Ново-Афонского монастыря, как детища Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, а также первые шаги его становления.

Как ни странно, именно процветание русской афонской обители к середине XIX в., когда она стала крупнейшим монастырем Афона после длительного периода обнищания, послужило причиной строительства «резервной» обители на Кавказе. Особенно возросло русское присутствие на Афоне, Когда русский Пантелеимонов монастырь был создан почти заново, развились опасения и недовольства русскими у греческой части населения монастыря. Это объяснялось различиями в богослужебных традициях двух народов, в ревности по поводу своих, греческих, устоев жизни и спасения души [11].

Русские иноки стали появляться на Святой Горе, как ее называют, начиная с IX в. [8]. Многие оставались там до конца своей жизни, а другие возвращались в Россию. Первым посланцем Афона на Русь по сохранившимся записям стал преподобный Антоний Печерский, основатель первого официального монастыря в России – Киево-Печерской лавры. Именно во время своего пребывания на Афоне он усвоил и принес на Русь исконно византийские правила монашеской жизни, получив наставления и благословения афонских старцев вернуться на Родину. Таким образом, начало монастырского строительства на Святой Руси самым непосредственно связано с Афоном [3].

С X по XII вв. русские монахи на Афоне построили и подвизались сначала в первой деревянной обители – лавре Пресвятой Богородицы, называемой также Древодел (Ксилургу), или Старый Русик. Впоследствии русские монахи переселились на побережье Адриатики, где основали Прибрежный Свято-Пантелеимонов монастырь и ряд принадлежащих ему скитских обителей [8].

В обосновании на Афоне русских насельников и развитии русского монастыря бывали периоды расцвета и почти полного угасания, что объяснялось внешними и внутренними, чаще политическими обстоятельствами. Особенно губительной для связей России и Афона стала эпоха преобразований Петра I. Афон потерял под влиянием обращения Петровской России к духовным ценностям Запада, значение духовного центра для русского народа. Причинами охлаждения внимания и любви населения и правительства России к Афону стали не только русско-турецкие войны, а Афон был оккупирован Турцией с 1424 г. по 1830 г., но и «выхолащивание духовности из русского общества» [8]. Можно отметить, что в период турецкого владычества Афон рассматривался, как источник постоянной дани, а многие монастыри беднели материально и численно, монахи уезжали в другие места [13]. В 1735 г. умер последний русский монах в Русском монастыре, и в нем поселились греки, переселившиеся в 1760 г. на побережье Адриатики и основавшие Прибрежный Пантелеимонов монастырь [8].

Вновь значительным стало русское присутствие на Афоне с середины XIX в., когда русский Пантелеимонов монастырь, благодаря материальной помощи из России, возобновлении связей России и Афона, восстановлению понимания правящими кругами в России его роли для духовности народа был создан практически заново [11].

Хотя в афонских монастырях, скитах и кельях греческих, сербских, болгарских и других – русские монахи жили традиционно, но с середины XIX века после периода упадка обители, перехода ее к грекам и последующего приглашения ими в 1840 г. 11-ти русских насельников, произошло

быстрое восстановление численности братии и значимости русского монастыря [14]. Это стало во многом заслугой нового духовника обители иеросхимонаха Иеронима. В широко расстроившемся Пантелеимоновом монастыре к началу XX в. жили 4800 – 5000 монахов [8]. Этому способствовало и покровительство Афону с 1848 г. Императорского Дома, благодаря чему Русский монастырь (а также другие монастыри Афона) приобрел благотворителей во всех сословиях Российской империи [3].

Историограф русского Афона, игумен Петр Пиголь пишет: «Иеросхимонах Иероним (Соломенцов, 1806-1885, духовник Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря, и его преданный ученик схиархимандрит Макарий (Сушкин, 1821 – 1889), игумен обители, великие старцы, стяжавшие многие дарования, возобновители и устроители в XIX в. русского монашества на Афоне. Возродив из страшной бедности и отстроив Пантелеимонов монастырь, они создали в обители совершенное монашеское общежитие» [11].

Несмотря на это, Ново-Афонский монастырь на Кавказе возник как «отрасль русского афонского Свято-Пантелеимонова монастыря, его филиал и запасная обитель на случай переселения русских иноков с Афона». Монастырь на Черноморском побережье Кавказа был основан в большой мере настойчивыми трудами его духовника старца иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова) [5; 6].

Год основания Нового Афона, 1875 г., был переломным в истории Пантелеимонова монастыря. Игуменом стал схиархимандрит Макарий (Сушкин), в обители водворился мир. И хотя многие проблемы монастырской жизни разрешились, намерение создать обитель в России изменено не было. А немногим ранее оно было поддержано представителями российской власти на Кавказе и в Петербурге. Отцы Иероним и Макарий были поистине великие молитвенники и аскеты, заботившиеся о братии, творившие дела милосердия, религиозного просвещения и духовно-культурного влияния на окружающих и паломников. Деятельность русских старцев была хорошо известна в России, и на них возложили задачу помочь в деле христианского просвещения Абхазии, что соответствовало и желанию самих русских пантелеимоновцев [11].

Иеросхимонах Иероним, в миру Иван Павлович Соломенцов родился 28 июня 1805 или 1806 г. в городе Старом Осколе, у благочестивых родителей из купеческого сословия. Склонность к духовной жизни была почти общей в его семье (до 15 человек из его родственников были в монашестве); не прельщаясь богатством, он рано начал проситься у родителей в монастырь; держал строгий пост, ночи проводил в молитве. Наконец, в 1831 г. родители отпустили его в монастырь. Побывав в нескольких российских монастырях, он в 1836 г. уехал на Афон и вскоре там постригся в монашество с именем Иоанникий. В ноябре 1840 г. был рукоположен в иеродиакона, затем в иеромонаха и тогда же назначен общим духовником русского Пантелеймонова монастыря. В 1841 году Иоанникий принял схиму с именем Иеронима [12]. Он явился ктитором-воссоздателем и духовником Свято-Пантелеимонова монастыря. Он неустанно трудился над обновлением обители, привлёк многих благотворителей, продолжал издательскую деятельность монастыря. В восстановлении русского монашества на Афоне он стал главным делателем, имевшим большое влияние на жизнь Святой Горы в целом. Изданные при нем душеполезные книги, брошюры и листки, расходясь в огромном количестве в России, с большим избытком покрывали расходы по изданию, а число иноков в монастыре возросло до 800 [5].

Однако растущий приток паломников и насельников из России, дипломатические отношения русских с османскими чиновниками снова начали вызывать антирусские настроения греческой части населения монастыря. Обострения привели к тому, что в 1863 г. игумен Герасим, также грек по национальности, обращается к русскому посланнику в Константинополе графу Н.П. Игнатьеву с просьбой к России о покровительстве монастырю [3; 14].

Конфликт был временно разрешен, но постоянно возобновлялся по различным поводам. В такой обстановке старцы Пантелеимонова монастыря вынуждены были искать прибежища для устройства обители в России. Противоречия более касались разного образа аскетических способов служения Богу и выбора средств духовного спасения у русского и греческого монашества монастыря [11].

Поиск места для будущей обители продолжался 8 лет – с 1867 по 1875 г. Старцы афонского монастыря рассматривали возможности приобретения участка на территориях Бессарабии, Крыма, Новороссийского края, Кавказа, или даже Самарской губернии. В поиске и выборе места для создания монастыря принимал участие ряд выдающихся энергичных, талантливых и глубоко образованных отечественных священнослужителей, государственных деятелей и монахов.

Так, на протяжении многих лет монастырю помогал, архимандрит Леонид (Кавелин). Он учился в Калужской гимназии, окончил Первый Московский кадетский корпус, в 1840 – 1852 гг. служил в лейб-гвардии Волынском полку. А затем принял постриг в Оптиной пустыни и был направлен в 1857 г. в Иерусалим, в Русскую Духовную Миссию духовником русских паломников. В 1863 г. был назначен начальником Миссии в Иерусалиме. Пройдя ряд других послушаний, с июня 1877 г. он стал наместником Троице-Сергиевой Лавры.

В октябре 1867 г. о. Макарий (Сушкин) писал о. Леониду (Кавелину): «Мы посылаем нашего собрата Досифея по известному вам делу. Он

должен отправиться в Одессу для исследования об участках земли количества и качества. Преимущественно мы намереваемся таковые более рассмотреть в Бессарабии, а в Крыму и на Кавказе нам кажется и отдаленно, и тем более, что в Крыму земля безводная и безлюдная и платеж в рабочую пору дорогой за работу. А на Кавказе свирепствуют желтые лихорадки, то это у нас и содержится на втором плане, а дело починать нами назначено означенному о. Досифею с Бессарабии, а после смотря по делу...» [9].

Еще в 1859 г., возвращаясь из Иерусалима в Россию, о. Леонид посетил Святую Гору Афон, где провел несколько недель, которые оставили в его сердце «самые отрадные и светлые воспоминания...». Архив архимандрита Леонида (Кавелина), известного ученого-монаха, археографа, книговеда, хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки [7; 9].

Именно о. Леонид впоследствии напишет книгу «Абхазия, и в ней Ново-Афонский монастырь», пожив в монастыре и сохранив для истории сведения о первых годах строительства обители. Предваряя основной текст книги, он пишет: «Посетив находящуюся в Закавказье Ново-Афонскую Симоно-Кананитскую обитель и пробыв под гостеприимным ее кровом в течение двух летних месяцев 1884 года, я, по неимению доселе цельного описания оной, тогда как о нем постоянно спрашивают иноков, как русские богомольцы, так и иностранцы-туристы, решился выполнить этот недостаток, т.е. составить описание обители, разделив оное на две части: 1) описание дикой живописной Абхазии и древних памятников ее христианства; 2) описание Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители, построенной и еще строящейся (главный монастырь, ограда коего по-афонски будет состоять из жилых зданий) в центре Абхазии, на развалинах древней Анакопии (Никопсии)» [1, с. 5].

И далее архимандрит Леонид дает оценку монастыря: «Добрая слава обители, ее миссионерско-культурное значение для края, ее великолепные служения с подобным афонскому пением, в каждый год более и более привлекают к ней внимание русских благочестивых людей» [1, с. 102]. Говоря о православии и связях Абхазии с Россией, о. Леонид упоминает древнее просвещение населения побережья и гор христианской проповедью апостолов, позднее утраченной под влиянием вторжения персов-зороастрийцев (огнепоклонников – Е.Ч.), восстановленной при византийском императоре Юстиниане, когда абхазцы «крестились вторично». Он говорит: «Известно, что в XI веке весь абхазский берег и прилегающие к нему горы были покрыты церквями, монастырями и замками». Приводит и более поздние факты: «В 1810 году Абхазия вступила в подданство России и владетельный князь ее, Сефир-Бей принял христианство, но стечение различных неблагоприятных обстоятельств … не позволяло русскому правительству сделать все желаемое для восстановления христианства в Абхазии. Одним из средств для этого было учреждение в Абхазии миссионерского православного монастыря, каковым и есть ныне Ново-Афонская Симоно-Кананитская обитель» [1, с. 105].

Дело с поиском места закончилось приобретением в 1875 г. участка на Кавказе и основанием Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря.

Начинать строительство монастыря выпало уже другому иеромонаху – Арсению Минину, человеку также выдающемуся, незаурядного трудолюбия и энергии. Яркий и плодовитый духовный писатель, он обладал глубокими духовными и светскими познаниями, вел активную общественную деятельность. Родившийся в купеческой семье, Александр Минин после окончания уездного училища, много занимался самообразованием. Служил в Москве, затем в Енисейске на золотых приисках, был успешным предпринимателем. Однако, отправившись на Афон в августе 1857 г., он неожиданно для всех поступил в число послушников Пантелеимонова монастыря. Пройдя различные послушания, Минин был пострижен в монашество Великим постом, 6 марта 1859 г. с именем Арсений. По послушанию он был отправлен в Москву служить при Афонской часовне. Отец Арсений был активным общественным деятелем, организуя разнообразные дела благотворительности. Через его руки шли пожертвования на Афон, в различные благотворительные общества, членом которых он состоял, в Японию, на Алтай, на постройку отдельных церквей и прочее; он издал множество назидательных книжек для удовлетворения духовных нужд населения. Жизнь о. Арсения была подвижнической, аскетической, человека глубоко верующего. Вокруг него группировался круг преданных ему лиц, и его влияние на них было весьма велико. Его называли «ангелоподобным батюшкой, апостолом православия» [2].

Наладив деятельность московской часовни, он уже просил в 1873 г. разрешения вернуться на Афон, но его посылают на Черноморское побережье для поиска места для основания монастыря.

В августе 1875 г. монастырские уполномоченные вместе с иеромонахом Арсением прибыли на Кавказ на берег Черного моря в Абхазии, в 20 верстах от Сухума, при реке Псыртсха, где стояли развалины древнего храма X в. во имя апостола Симона Кананита, построенного на месте погребения святого. За будущим монастырем утвердилось и название Ново-Афонского Симоно-Кананитского, как свидетельство связи Кавказского края с Афоном.

27 ноября 1875 г. было опубликовано высочайшее распоряжение об отводе в Абхазии «327 десятин земли и передаче монастырю развалин

храма апостола Симона Кананита, башни, оставшейся от времен генуэзцев, а также о предоставлении братии права рыбной ловли в реке Псыртсха» [2]. Оно гласило:

«Настоятель и братия Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря!

Государь Император, по всеподданейшему докладу Обер-Прокурора Святейшего Синода, согласно определению Святейшего Синода, в 8 день декабря 1879 года, Высочайше соизволил на учреждение устроенного с моего разрешения в Сухумском отделе мужского монастыря на следующих основаниях». Далее перечислялись все условия деятельности обители, приема в нее насельников, взаимодействия с местным церковным начальством.

В «отношении внутреннего ее строя и хозяйственной части, состоя в зависимости от Пантелеимонова монастыря, действует по указанию и по распоряжению последнего». Настоятель новой обители назначался на первый раз по избранию афонского Пантелеимонова монастыря из русского ее братства, а на последующее время настоятель обители избирается братиею ее с согласия Пантелеимонова монастыря из братий той или другой обители и об избранных представляется каждый раз на утверждение Святейшего Синода.

В новообразуемой обители разрешалось иметь монашествующих сначала до 50 человек, а впоследствии, когда «по нуждам и для распространения просветительной деятельности сей обители в крае окажется необходимым и по средствам монастыря будет возможно, число монашествующих в ней может быть увеличиваемо по мере надобности и средств обители, без испрошения особых каждый раз разрешений на то».

Недостойных звания монаха насельников, из монастыря было положено тут же удалять, а осужденных светским или церковным судом – не принимать. Земля монастыря не могла перейти в собственность Пантелеимонова монастыря, а «в случае смутных обстоятельств на востоке и невозможности дальнейшего пребывания на Афоне, братство Пантелеимонова монастыря получает убежище в новой обители, как отрасли сего монастыря, обязанной своим началом и образованием усердию его братства, и в таком случае настоятель Пантелеимонова монастыря вступает с разрешения Святейшего Синода в управление этою обителию, подчиняясь духовному … начальству, на одинаковом с русскими монастырями основании».

Далее Главнокомандующий Кавказской армией великий князь генерал-фельдмаршал Михаил Николаевич высказывал надежду, что обитель «послужит местному населению примером жизни мирной и труженической, образцом человеколюбия, кротости и терпения! Да воспитает школа, устроенная при обители, в молодом поколении привычку к полезному труду и любовь к знанию, необходимому для земледельца!».

Братия с большими трудностями и с энтузиазмом принялись за строительство Покровского храма на берегу, выравнивания строительных площадок для верхнего монастырского комплекса: валили деревья, вырубали кустарники, разбивали обломки скал, уравнивали холмы и засыпали овраги.

Получив права, обитель стала строиться еще быстрее. В помощь отцу Арсению старец Иероним избрал одного из самых близких своих учеников – отца Иерона (Васильева), незадолго до того, 23 марта 1875 г., рукоположенного в иеромонаха. Он с братией прибыл на Кавказ 28 ноября 1875 г. Это были наиболее умелые и опытные в строительстве монахи, которые знали, как возводить храмы и рассчитывать технические сооружения. Активно принялся за работу и сам будущий настоятель обители 45-летний иеромонах Иерон выходец из крестьян Костромской губернии, который еще во времена бурного строительства в Русике проявил себя как одаренный инженер-самоучка и архитектор. Уже за первый год создания монастыря были построены на берегу церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы и школа для 40 50 абхазских мальчиков.

Однако вскоре во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. монахам пришлось эвакуироваться, а все построенное было разорено турецкими войсками и абхазскими мусульманами. По окончании войны, трудами абхазских христиан и иноков монастыря все было вновь быстро отстроено с еще большим благолепием. Покровский храм вновь был открыт в 1879 г.

Монастырские сооружения удивляли высоким уровнем научно-технического прогресса, редко встречавшегося и в центре России. Завершено строительство Новоафонского монастыря было в 1896 г.

В своей разносторонней деятельности о. Арсений (Минин) продолжал заботиться и о московской часовне, часто ездил по в другие города России. В эти годы о. Арсений начал выпуски христианской газеты «Душеполезные размышления». Скончался отец Арсений от тяжелого воспаления легких 17 ноября 1879 г. и был погребен в Москве на кладбище Ново-Алексеевского монастыря.

После его смерти первым официально избранным на Афоне по жребию с весны 1880 г. игуменом Ново-Афонского монастыря стал архимандрит Иерон (Васильев), многолетний наместник монастыря, духовный писатель.

В 1884 г. Святейший Синод передал Ново-Афонскому монастырю на попечение также и древний собор Успения Богородицы в Пицунде, бывший кафедральный собор абхазских католикосов, построенный при византийском императоре

Юстиниане в VI веке. Он действовал до захвата побережья Турцией в XVII в. Собор, бывший в запустении, был восстановлен монахами в первоначальном виде.

В настоящее время он восстановлен одновременно с работами по восстановлению РПЦ Ново-Афонского монастыря; с 1991 г. возобновлены службы. Собор относится к юрисдикции Русской Православной Церкви.

Задуманный план старцев Иеронима и Макария оправдался, и монастырь мог стать надежным запасным прибежищем на случай выселения русских монахов с Афона [2].

До революции 1917 г. Ново-Афонский монастырь был одним из главных духовных центров Кавказа. В 1924 г. монастырь был закрыт советскими властями за «контрреволюционную агитацию». Некоторое время обитель была заброшена, использовалась под склады. В период грузино-абхазского конфликта 1992—1993 гг. в монастыре размещался военный госпиталь. По окончании военных действий монастырь был передан РПЦ. Его восстановление было поручено игумену Петру (Пиголю). Именно он, афонский монах, а в прошлом – капитан северного флота России, стал восстанавливать эту историческую афонскую обитель. Однако в 2011 г. Правительство Абхазии передало монастырь Абхазской православной церкви в безвозмездное и бессрочное пользование.

Надо отметить, что по истории монастырей Черноморского побережья сохранилось мало исторических материалов. Большая их часть хранилась в Республиканском архиве Абхазии в Сухуми и погибла при пожаре 22 октября1992 г. в результате грузино-абхазского вооруженного конфликта [4]. Очень сильно пострадал от бомбежек и обстрелов и Ново-Афонский монастырь, корпуса которого и обрушенные крыши до сих пор не восстановлены.

История Ново-Афонского, как и других афонских монастырей Кавказа – яркий пример просветительской деятельности Русской Православной Церкви на Кавказе и других окраинах великой Державы. Разностороннее рассмотрение истории образования монастыря на Черноморском побережье Кавказа показывает непростые отношения русских насельников-монахов на Афоне с греческой братией монастыря, турецкими чиновниками, Протатом, Константинополем. Большие сложности были и в образовании самого Ново-Афонского монастыря. Живущие в XXI веке православные должны знать и помнить об этих трудах скромных, порой недостаточно известных, но заслуживающих изучения их деятельности служителях Русской Православной Церкви и России – основателях и строителях Ново-Афонского и прочих монастырей Кавказа.

Источники и литература

1. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь / сост. А. [архимандрит] Л. [Кавелин]. М.: Тип. В.Ф. Рихтер. 1885. 138 с.
2. Анастасия (Ченикалова Е.В.), монахиня. Очерки об афонских монастырях Кавказа. Изд. 2-е, испр. и доп. Ставрополь: АГРУС, 2014. 200 с.
3. Бибиков М.В. Афонские традиции русского монашества // Международная научная конференция «Русь – Святая гора Афон: тысяча лет духовного и культурного единства» (Москва, 21 – 24 сентября 2016 года). URL: http://acathist.ru/en/novosti/item/1608-bibikov-m-v-afonskie-traditsii-russkogo-monashestva. / Sunday, 09 February 2020 15:45. (Дата обращения: 21.09.2020).
4. Бороденко В.Е. Монастыри и монашество // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. Краснодар, 2009. С. 218 – 230.
5. Духовное наследие иеросхимонаха Иеронима. М.: Сибирская Благозвонница, 2012. 670 с.
6. Жизнеописание иеросхимонаха Иеронима. М.: Сибирская Благозвонница, 2012. 639 с.
7. Кащеев А. А. История написания архимандритом Леонидом (Кавелиным) Книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» // Русско-Византийский вестник. 2018. № 1. С. 120-125.
8. Кирион (Ольховик), иеромонах. История святогорских монашеских традиций в Ксилургу, Старом Русике и Свято-Пантелеимоновом монастыре. // Международная научная конференция «Русь – Святая гора Афон: тысяча лет духовного и культурного единства» (Москва, 21–24 сентября 2016 года) URL: https://monasterium.ru/publikatsii/doklady-2/rus-afon/tysyacheletie-russkogo-afona/. (Дата обращения: 21.09.2020).
9. Монастырь Афонский русский Пантелеимонов. Письма к архимандриту Леониду (Кавелину). 1862–1885. 119 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 148. Леонид (Кавелин). Картон 7. Ед. хр. 40. Л. 13.
10. Мухин В.С. Афон – крупнейшее в мире средоточие православного монашества // Православная энциклопедия. Т. 4. М.: Православная энциклопедия, 2002. С. 103 – 181.
11. Петр (Пиголь), игумен. Основы внутренней жизни Ново-Афонского монастыря: единство афонской традиции. // Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России. Материалы конференций (2007 2015 гг.). М.: Древохранилище, 2016. С. 336 343.
12. Половцев А.А. Русский биографический словарь. Т.1. Изд. под наблюдением председателя Императ. Рус. Историч. Об-ва А. А. Половцова. СПБ.: тип. И. Н. Скороходова, 1896. 892 с.
13. Энциклопедия Афона. Турецкое владычество. URL: https: athos.guide/encyclopedia/turetskoe-vladychestvo. (Дата обращения: 20.09.2020).
14. Якушев М.И. Греко-русский «Пантелеимоновский процесс» на Афоне // Международная научная конференция «Русь – Святая гора Афон: тысяча лет духовного и культурного единства» (Москва, 21–24 сентября 2016 года). URL: https://monasterium.ru/doklady/rus-afon/greko-russkiy-panteleimonovskiy-protsess-na-afone / Sunday, 09 February 2020 15:45. (Дата обращения: 18.09.2020).

References

1. Abhazija i v nej Novo-Afonskij Simono-Kananitskij monastyr' / sost. A.[arhimandrit] L.[Kavelin]. (Abkhazia and in it the New Athos Simon-Kananitsky monastery). Moscow: V.F. Rihter pub, 1885. 138 p. (In Russian).
2. Anastasija (Chenikalova E.V.), monahinja. Ocherki ob afonskih monastyrjah Kavkaza (Essays on the Athonite monasteries of the Caucasus). Stavropol': AGRUS, 2014. 200 p. (In Russian).
3. Bibikov M.V. Afonskie tradicii russkogo monashestva. (Athos traditions of Russian monasticism) // Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Rus' – Svjataja gora Afon: tysjacha let duhovnogo i kul'turnogo edinstva» (Moskva, 21 – 24 sentjabrja 2016 goda). URL: http://acathist.ru/en/novosti/item/1608-bibikov-m-v-afonskie-traditsii-russkogo-monashestva / Sunday, 09 February 2020 15:45. (Accessed: 21.09.2020). (In Russian).
4. Borodenko V.E. Monastyri i monashestvo. (Monasteries and monasticism) // Delo mira i ljubvi. Ocherki istorii i kul'tury pravoslavija na Kubani. Krasnodar, 2009. 304 p. (In Russian).
5. Duhovnoe nasledie ieroshimonaha Ieronima. (Spiritual heritage of Hieroschemamonk Jerome). Moscow: Sibirskaja Blagozvonnica, 2012. 670 p. (In Russian).
6. Zhizneopisanie ieroshimonaha Ieronima. (Biography of Hieroschemamonk Jerome). Moscow: Sibirskaja Blagozvonnica, 2012. 639 p. (In Russian).
7. Kashheev A. A. Istorija napisanija arhimandritom Leonidom (Kavelinym) Knigi «Abhazija i v nej Novo-Afonskij Simono-Kananitskij monastyr'» (The history of writing by archimandrite Leonid (Kavelin) the Book «Abkhazia and in it the New Athos Simon-Cananite Monastery»). // Russko-Vizantijskij vestnik. 2018. No. 1. P. 120 – 125. (In Russian).
8. Kirion (Ol'hovik), ieromonah. Istorija svjatogorskih monasheskih tradicij v Ksilurgu, Starom Rusike i Svjato-Panteleimonovom monastyre. (History of Svyatogorsk monastic traditions in Ksilurgu, Stary Rusik and St. Panteleimon Monastery) // Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Rus' – Svjataja gora Afon: tysjacha let duhovnogo i kul'turnogo edinstva» (Moskva, 21–24 sentjabrja 2016 goda) URL: https://monasterium.ru/publikatsii/doklady-2/rus-afon/tysyacheletie-russkogo-afona/. (Accessed: 21.09.2020). (In Russian).
9. Monastyr' Afonskij russkij Panteleimonov. Pis'ma k arhimandritu Leonidu (Kavelinu). 1862 – 1885. 119 l. (Monastery of Athos Russian Panteleimonov. Letters to Archimandrite Leonid (Kavelin). 1862–1885. 119 l.) // Manuscript Division of the Russian State Library. F. 148 Leonid (Kavelin). Karton 7. Ed. hr. 40. L. 13. (In Russian).
10. Muhin V.S. Afon – krupnejshee v mire sredotochie pravoslavnogo monashestva (Athos - the world's largest center of Orthodox monasticism) // Pravoslavnaja jenciklopedija, 2002. Vol. 4. P. 103 – 181. (In Russian).
11. Petr (Pigol'), igumen. Osnovy vnutrennej zhizni Novo-Afonskogo monastyrja: edinstvo afonskoj tradicii. (Foundations of the inner life of the New Athos Monastery: the unity of the Athos tradition). // Duhovnoe nasledie Vizantii i Afona v istorii i kul'ture Rossii. Materialy konferencij (2007 - 2015 gg.). Moscow, 2016. P. 336 – 343. (In Russian).
12. Polovcev A.A. Russkij biograficheskij slovar'. (Russian biographical dictionary). Vol.1. Izd. pod nabljudeniem predsedatelja Imperat. Rus. Istorich. Ob-va A. A. Polovcova. St. Petersburg: I. N. Skorohodov publ., 1896. Vol. 1. 892 p. (In Russian).
13. Jenciklopedija Afona. Tureckoe vladychestvo. (Encyclopedia of Athos. Turkish rule). URL: https://athos.guide/encyclopedia/turetskoe-vladychestvo. (Accessed: 20.09.2020). (In Russian).
14. Jakushev M.I. Greko-russkij «Panteleimonovskij process» na Afone (Greco-Russian «Panteleimon process» on Mount Athos) / Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Rus' – Svjataja gora Afon: tysjacha let duhovnogo i kul'turnogo edinstva» (Moskva, 21–24 sentjabrja 2016 goda). URL: https://monasterium.ru/ doklady/rus-afon/greko-russkiy-panteleimonovskiy-protsess-na-afone . / Sunday, 09 February 2020 15:45. (Accessed: 18.09.2020). (In Russian).

Сведения об авторе

Ченикалова Елена Владимировна – доктор биологических наук, профессор лаборатории защиты растений Северо-Кавказского федерального научного аграрного центра (Михайловск) / entomolsgau@mail.ru

Information about the author

Chenikalova Elena Doctor of Sciences (Biology), Professor, Plant Protection Laboratory, North-Caucasus Federal Scientific Agrarian Center (Mikhailovsk) / entomolsgau@mail.ru

УДК 94 (41/99)
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.16

О.А. Шамарина

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЕЦКОЙ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

В последние годы Турецкая Республика все более активно заявляет о себе как о региональном лидере. Используя свое выгодное геополитическое положение на стыке двух цивилизаций, а также имперское прошлое, Турция пытается расширить зону своего влияния, посредством включения в орбиту своей внешней политики территорий, некогда входивших в состав Османской империи, апеллируя к их общему историко-культурному прошлому и идейным ценностям. Одной из ключевых стратегий, способствующих формированию привлекательного образа страны с целью упрочения ее влияния на международные отношения, является стратегия мягкой силы. В связи с этим представляется актуальным проанализировать концептуальную основу турецкой политики «мягкой силы». На основе проведенного анализа работ отечественных и зарубежных исследователей, а также теоретических конструкций «мягкой силы» и фактологического материала деятельности политических лидеров страны – Мустафы Кемаль Ататюрка, Тургута Озала и Реджеп Таип Эрдогана, автор представил три ключевые точки зрения относительно причин ее формирования и исторических истоков. Автор приходит к выводу, что, несмотря на господствующую точку зрения среди зарубежных историков, в соответствии с которой концепт «мягкой силы» был впервые реализован в полной мере после прихода к власти ПСР во главе с Р.Т. Эрдоганом, основы современной политики государства, базирующиеся на представлении об исторической, геополитической и культурной уникальности Турции, были заложены именно Ататюрком, оформленные в последующем курсе на евроинтеграцию Т. Озала. Проделанная работа имеет научную новизну, поскольку ранее в отечественной научной литературе не был представлен исторический анализ с учетом комплексных многоуровневых факторов, оказавших влияние на выбор политической линии Турции. Кроме этого, изучение исторического контекста турецкой политики «мягкой силы» важно и с точки зрения осмысления и выявления специфики ее современного этапа. Автором были введены в научный оборот новые фактологические данные, включен значительный пласт ранее не исследованных и не переведенных на русский язык источников.

Ключевые слова: «мягкая сила», Турция, Партия справедливости и развития, Р.Т. Эрдоган, политика «неоосманизма» Т. Озал, Мустафа Кемаль Ататюрк.

Olesy Shamarina

HISTORICAL BACKGROUND OF THE MODERN TURKISH «SOFT POWER» POLICY

Over the last years the Republic of Turkey is more actively holding itself out as a regional leader. Using its advantageous geopolitical position at the junction of two civilizations as well as the imperial past Turkey is trying to expand its zone of influence by including the former Ottoman Empire territories into its foreign policy orbit by appealing to the common historical and cultural past and ideological values. One of the key strategies bringing on the country's attractive image creation which is aimed at the strengthening its influence on international relations is the Soft Power strategy. In this regard, it seems relevant to analyze the conceptual basis of Turkish "Soft Power" policy. Based on the analysis of the scientific works of Russian and foreign researchers, as well as "Soft Power" theoretical constructions and factual material on the Turkish political leaders activities – Mustafa Kemal Ataturk, Turgut Ozal and Recep Taip Erdogan, the author presented three key points of view regarding the reasons for its formation and historical background. The author concluded that despite the prevailing point of view among foreign historians according to which the concept of "soft power" was first fully implemented after the AKP headed by R.T. Erdogan, the foundations of modern state policy based on the idea of the historical, geopolitical and cultural uniqueness of Turkey were laid by Ataturk. They were later formalized in the course on European integration by T. Ozal. The submitted paper has a scholarly importance since the historical analysis was not presented in the Russian academic literature taking into account the complex multilevel factors that influenced the choice of the political line in Turkey. In addition, the study of the historical context of Turkish "Soft Power" politics is also interesting from the point of view of understanding and identifying the specifics of its current stage. The author introduced new factual data into scientific circulation included a significant layer of previously unexplored and not translated into Russian sources.

Key words: "Soft Power", Turkey, Justice and Development Party, R.T. Erdogan, T. Ozal Policy of "Neo-Ottomanism", Mustafa Kemal Ataturk.

Конец второй половины XX столетия вошел в историю международных отношений не только как период кардинальных трансформаций в балансе сил на мировой арене, ранее поддерживаемом сверхдержавами в эпоху биполярной конфронтации. Он также ознаменовался сменой парадигм и средств достижения и лоббирования собственных целей во внешней политике. Отныне такие инструменты невоенного воздействия как информационно-пропагандистские стратегии, продвижение привлекательности культуры, образования, моделей организации жизни общества наряду с экономическими инициативами прочно вошли во внешнеполитический арсенал многих стран мира. История не раз доказала обоснованность и эффективность таких шагов, когда в эпоху

культурно-информационной глобализации гуманитарные проекты стали объективно приоритетным средством в поддержании собственной национальной безопасности, дополнив, а зачастую и вытеснив исключительно «жесткую» силу. Все эти компоненты были сведены в понятии «мягкая сила» американским профессором Гарвардского университета Джозефом Наем, автором работы «Пределы лидерства: изменение природы американской мощи», введшего этот термин в отношении глобальной мощи США [7]. Наиболее развернуто Най представил свой концепт в изданной в 2004 г. книге «Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике» [28]. Дебаты, последовавшие после выхода в свет книги, а также огромное множество работ, апеллирующих данным термином в отношении внешнеполитической линии той или иной страны, наглядно демонстрируют актуальность и своевременность идей Д. Ная [7].

Однако сложность в построении теоретической модели «мягкой силы» состоит не только в отсутствии ее четкого определения, но и заключается в проблемах определения ее источников, критериев и показателей применительно к «мягкой силе» каждой отдельной страны. Остро эта проблема стоит и в Турции, где на сегодняшний день существуют различные точки зрения и подходы относительно причин формирования и исторических истоков современной турецкой политики «мягкой силы».

Большинство турецких исследователей, как правило, историков, связывают концепт «мягкой силы» исключительно с приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) и теми реформами, которые, по мнению турецких аналитиков М.Б. Алтунышык [10, p. 42] и Дж. Чандар [16, p. 4-5], запустили процесс модернизации и укрепления только набиравшей свой вес турецкой силы. Действительно, после прихода к власти в 2002 году умеренной исламской Партии справедливости и развития (Adalet ve Kalkınma Partisi, AKP) в Турции наметилась тенденция к смене внешнеполитических приоритетов. От господствовавших долгое время доктрины реализма и откровенно прозападной ориентации в сторону большей многовекторности внешней политики страны. При этом особо подчеркивались ее исламские корни и некогда великое имперское прошлое. Вот почему именно в этот период оказались востребованными идеи профессора Стамбульского университета Бейкент Ахмета Давутоглу, ставшие основой политики «нулевых проблем с соседями» и долгое время рассматриваемые в качестве стратегической «дорожной карты» для реализации нового внешнеполитического курса страны [7].

Перемены на международной арене и внешнеполитической парадигме Турции в начале XXI столетия потребовали от нового руководства страны оформления инструментальной базы для ее реализации, выработки механизмов, которые бы смогли более энергично продвигать «турецкую модель» развития в близлежащих регионах, наиболее восприимчивых к турецкой идеологии [7]. Отметим, что в качестве основополагающих элементов в понятие «турецкая модель» включалось три составляющих: светское государственное устройство, демократическое правление (утвержденные светские порядки в стране совместно с системой партийного плюрализма и политикой европеизации), а также свободные рыночные отношения [4, с. 133]. «Турецкая модель» развития государства противопоставлялась, таким образом, варианту «исламской демократии» и «иранской исламской революционности» [4, с. 133]. Таким важнейшим механизмом, как отмечают турецкие исследователи Алтынай [9] и Калын [22], стала именно политика «мягкой силы». Они полагают, что турецкий потенциал «мягкой силы» получил свое оформление именно с трансформационными процессами, начавшимися с реформами, инициированными ПСР в начале 2000-х гг.

Их коллега, историк Стамбульского университета Сельджен Онер в своей работе «Мягкая сила Турции: новые инструменты и вызовы» [29] отмечает, что Турция в период Холодной войны и вплоть до 1990-х годов рассматривалась на мировой арене исключительно как страна, отдающая приоритет «жесткой» силе из-за доминирующего влияния вооруженных сил на политику страны и недостатков в обеспечении демократии и прав человека. Приход к власти в 2002 г. исламской по происхождению Партии справедливости и развития поставил на повестку дня новые требования и видения будущего развития страны [13, p. 11-12]. Одним из таких основных направлений деятельности партии стала перспектива вступления Турции в ЕС, когда республика получила официальный статус кандидата. Европеизация Турции, которая была провозглашена в качестве основной цели ПСР после своего первого прихода к власти в 2002 году, положительно повлияла на набиравшую обороты «мягкую» силу Турции. Основными, «реформистскими» положениями новой партии в отличие от предыдущего курса страны провозглашались демократия, верховенство права, незыблемость прав человека. В противовес «слепому подчинению» лидеру приоритет отдавался коллективным действиям, сотрудничеству и диалогу. На повестку дня были вынесены и самые злободневные вопросы, волновавшие всех граждан Турции – это вопросы создания новых рабочих мест, повышения уровня заработной платы, проблемы медицинского обслуживания, предоставление доступного образования в стране и другие. Вместо политических споров ПСР обещала социальное примирение, открытый диалог и сотрудничество с другими партиями [Цит. по: 3, с. 144].

Еще до официального формирования нового правительства лидер ПСР Р.Т. Эрдоган совершил в конце 2001 г. серию блиц-визитов по странам Европейского Союза, где провел «неформальные» встречи с политическими лидерами стран, в том числе с председателем Европарламента Пэт Кокс [8, с. 44]. Не вступив официально в должность представителя правительства, а являясь лишь лидером партии, Р.Т. Эрдоган, таким образом, хотел продемонстрировать европейскому сообществу серьезность своих намерений и готовность Турции к преобразованиям. Помимо прочего, 19 марта 2001 г. правительство Бюлента Эджевита обнародовало «Общую стратегию Национальной программы». В рамках нее были подготовлены и вынесены на рассмотрение меджлиса три пакета конституционных поправок – «Пакеты мер по гармонизации с ЕС», которые были приняты абсолютным большинством в 2001 – 2002 гг. Помимо прочего, был проведен пересмотр действующего Гражданского кодекса в сторону его дальнейшей демократизации [34, p. 182].

Всего, с конца 2002 и вплоть до 2010 г. правительство ПСР приняло семь крупных пакетов конституционных реформ, которые, по сути дела, можно назвать мерами по адаптации Турции к европейским условиям. Неудивительно, что газета European Voice назвала Эрдогана «европейцем 2004 года» за реформы, проводимые в его стране [20]. Выступая перед журналистами на очередной встрече в 2003 г., генеральный секретарь ПСР Халук Ипек отметил: «Пока ещё мы только в начале пути» [16, p. 4-5].

Именно этот прообраз «мягкой» демократии и стал новым ключевым дипломатический стилем во внешней политике Турции в начале XIX столетия. Помимо курса на европеизацию и совместных экономических инициатив, ПСР в лице Р. Т. Эрдогана с 2000-х гг. в большей степени, в сравнении с политикой страны конца прошлого века, начала придавать особое значение гуманитарным проектам. Именно в этот период времени турецкое руководство активизировало рычаги для распространения своего религиозного, идеологического и культурного влияния в десятках стран мира. По большому счету, эти инициативы координировались тремя влиятельными государственными учреждениями, действующими при премьер-министре Турции: Турецким Агентством по сотрудничеству и развитию (Türkiye Işbirliği ve Kalkınma Idaresi, TIKA), Турецкими культурными центрами имени Юнуса Эмре и Управлением по делам религии, Диянет [17]. Несмотря на то, что официально эти организации были основаны в XX веке, пик их активности приходится на современный этап. Так, только TIKA за последние 20 лет развернуло свою деятельность в 150 странах мира. На сегодняшний день Агентство имеет 62 Программных офиса в 60 государствах [33].

В пользу этой точки зрения высказывается также американский исследователь Л. Рабин, эксперт Технологического института Джорджии (США), который отмечает, что Турция полноценно смогла начать реализовывать свой потенциал «мягкой силы» лишь после ослабления влияния ряда мусульманских стран – Египта, Саудовской Аравии и Ирана, в рамках политики «нулевых проблем с соседями» [31, p. 143], которая подразумевала не пассивный, как это было при М. К. Ататюрке, а активный поиск «нуля» – чтобы добиться стабильности в регионе, необходимо установление здесь лояльных для Анкары режимов.

Подтверждает данную позицию и официальная статистика – термин турецкая «мягкая сила» впервые появляется в научных публикациях (на турецком и английском языках) с 2001 г., то есть, когда ПСР приходит к власти в Турции 2002 г. [7]. В работе турецких исследователей Йоханана Бенхаима и Керема Октема [12, p. 5] по состоянию на 2013 г. приводятся следующие цифры: термин «мягкая сила» упоминался в 371 статье за 2001 г., ссылки на «турецкую модель» можно найти в 49 записях за тот же период исследований. В период же с 2011 г. по 2013 г. наблюдался значительный рост числа употреблений понятия «турецкая модель» в научных изданиях, что, безусловно, объясняется повышением престижа Турции на мировой арене и попытками использованием ее модели в странах, дестабилизированных Арабской весной [7].

В соответствии с другой, также распространенной точкой зрения, «мягкая сила» Турции восходит к курсу на евроинтеграцию и реформам Тургута Озала (1983 – 1993). Его политика была направлены на унификацию правовой и политической системы страны с нормами Европейского союза [2, с. 83]. И уже тогда оформление «мягкой силы» стало возможным благодаря внешним факторам, сложившимся в постбиполярный период.

После распада СССР Турция больше не рассматривалась в качестве щита от коммунистической угрозы и рисковала превратиться в периферию. В изменившихся условиях было необходимо отказаться от статуса-кво и добиться нового места на мировой арене. Соответственно, активизация внешней политики вполне вписывалась в стратегию государства.

Проводимый им внешнеполитический курс получил негласное наименование «неоосманизм». Т. Озал исходил из того, что длительное время в силу международных причин Турция игнорировала поддержание контактов с соседними странами, ранее входившими в состав Османской империи. В условиях же нестабильной ситуации на Ближнем Востоке и на Балканах, когда вопрос об обеспечении национальной безопасности стал на повестку дня, руководству страны было необходимо инициировать более активную внешнюю по-

литику, которая была бы нацелена на интеграционные процессы в регионе. Помимо укрепления мира и стабильности здесь, политика интеграции со среднеазиатскими и закавказскими республиками имела под собой и экономическую выгоду, поскольку новообразованные государства представляли собой еще «незанятый» рынок инвестиций [32, s. 341]. В 1992 г. премьер-министр Турции С. Демирель в своей речи отметил: «Туркмения, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан и Киргизия заинтересованы в нашей стране. Турция расширится, несмотря на то, что границы останутся неизменными. Другими словами, Турция расширит свое влияние от Адриатики до Великой китайской стены. Все нации на Кавказе являются нашими братьями. Турция – зрачок в глазу всего региона» [19, p. 53].

Ключевое значение во внешнеполитическом курсе Т. Озал уделил международному экономическому сотрудничеству. Именно усилиями турецкого президента в рамках политики «неоосманизма» в феврале 1992 г. была возрождена созданная в 1977 г. тремя странами-учредителями – Турцией, Ираном и Пакистаном Организация экономического сотрудничества [18] (ОЭС). Если до 1992 г. сотрудничество в рамках ОЭС носило преимущественно двусторонний характер, то теперь деятельность организации значительно активизировалась посредством включения в её состав пяти тюркских республик – Азербайджана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. В качестве основополагающих целей ОЭС провозгласила ряд экономических инициатив: нормализация транспортного сообщения, коммуникации, содействие укреплению внешней торговли посредством облегчения таможенных тарифов и учреждения совместного Банка инвестиций и развития.

Помимо ОЭС, при Т. Озале Турция также стояла у истоков учреждения межправительственной Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), которая была создана для развития сотрудничества, мира, стабильности и процветания в бассейне Чёрного моря [15]. На сегодняшний день организация объединяет 12 государств Причерноморья и Южных Балкан, При этом ОЧЭС ни в коем случае не противопоставлялась ЕЭС, наоборот, отмечалось, что данный союз способствует достижению более высокой степени интеграции в западную экономику [26, p. 64].

Помимо экономической помощи государствам региона, особое внимание уделялось также гуманитарным проектам. Практически во время всех своих встреч на международном уровне Т. Озал подписывал соглашения касательно вопросов культурно-образовательной сферы. Причем во всех этих документах отмечалось общее историческое прошлое, с которым тюркские республики связывали, помимо прочего, религиозные, культурные, лингвистические связи. В рамках организации была также налажена система по переподготовке государственных служащих, военных и педагогических кадров из стран региона в Стамбуле или Анкаре. Таким образом, несмотря на господствовавшее долгое время мнение относительно пассивности Турции в работе ОЧЭС, большинство западных исследователей признают, что именно благодаря усилиям Т. Озала организация стала консолидирующей интеграционной структурой региона [24].

Распад СССР поставил перед Турцией первостепенную задачу по выработке общей языковой платформы с тюркоязычными республиками Центральной Азии. С этой целью в 1991 г. в Стамбуле состоялся научный симпозиум по тюркскому алфавиту, на котором по указанию руководства страны ученые Турции должны были в крайне короткие сроки разработать общий для всего тюркского мира алфавит. Турция предложила всем техническую помощь для проведения этой реформы и послужила примером для аналогичных изменений в Центральной Азии. Под руководством Ассоциации турецкого языка и Министерства культуры несколько комитетов в Турции даже разработали и предложили новый «общий тюркский алфавит» для постсоветских стран [23]. Хотя Узбекистан, Азербайджан и Туркменистан не приняли этот вариант полностью, их алфавиты были на деле довольно близки к предложенной Турцией графике.

В целях содействия культурному обмену с Центральной Азией Турция при президентстве Т. Озала возглавила создание Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). Основанная в 1993 г. Азербайджаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, Туркменистаном и Турцией, ТЮРКСОЙ стала, по сути, тюркским эквивалентом ЮНЕСКО. В качестве основополагающих целей организации определялось укрепление культурных связей между тюркским населением Евразии и более широкое продвижение тюркской культуры на мировой арене. Организация работала совместно с различными министерствами, муниципалитетами и частными организациями и в результате обеспечила лучшее взаимопонимание между Турцией и Центральной Азией.

В дополнение к инициативам ТЮРКСОЙ Турция достигла заметных успехов в области образования. Так, сразу после распада Советского Союза Министерство образования Турции разработало весьма амбициозную программу, получившую название «Большой студенческий проект». Цель программы состояла в том, чтобы упростить процесс подачи заявлений и поступления в турецкие университеты для абитуриентов из Центральной Азии. Тысячи студентов из бывших советских республик региона впоследствии получили стипендии на обучение в различных вузах

Турции. Всего было выделено на эти цели около 10 тысяч стипендий. В республиках появилась турецкая литература, газеты. Турецкое национальное телевидение начало вещание в регионе под названием Avrasya (Евразия). Позже в этих странах начали открывать свои филиалы и частные телевизионные станции. Программа позволила тысячам студентов из Центральной Азии из первых уст получить сведения о Турции, и их присутствие в разных городах страны само по себе было выгодно для отношений Турции с регионом.

Параллельно с «Большим студенческим проектом» Турция развернула настоящую агитационную кампанию, рекламирующую обучение в вузах Центральной Азии. Министерство образования страны пошло настолько далеко, что подписало с рядом стран ЦА конвенцию, в соответствии с которой все дипломы, выданные ведущими учебными заведениями Центральной Азии, не требовали дополнительной легализации в Турции. Тысячи турецких студентов в специальных языковых центрах по всей стране изучали не только языки Центральной Азии, но даже русский язык, что еще более способствовало укреплению отношения с регионом. Важной инициативой Турции по созданию благоприятной турецкой среды в регионе стало открытие в ряде стран турецких государственных университетов, среди которых наиболее значимыми акторами «мягкой» силы Анкары стали Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави (МКТУ имени Х.А. Ясави) и Кыргызско-турецкий университет Манас.

Первым университетом, начавшим свою деятельность в Центральной Азии, стал МКТУ имени Х. А. Ясави, расположенный в южном казахском городе Туркестан с филиалами в Шымкенте и Кентау [20]. Университет был открыт 6 июня 1991 г. по личной инициативе первого президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Однако через год во время личной встречи Н. Назарбаева и премьер-министра Турции Сулеймана Демиреля было принято решение о реорганизации университета в Международный университет, который стал управляться на корпоративных началах Межправительственным Полномочным Советом. Несмотря на тот факт, что Совет на паритетных началах был представлен по пять членов от каждой страны, его штаб-квартира находится именно в Анкаре. Сам Нурсултан Назарбаев писал, что именно этот университет в скором времени станет образовательным центром возрожденного тюркского мира.

Еще одной значимой инициативой Т. Озала стало создание Турецкого Агентства по сотрудничеству и развитию TIKA, начавшего свою деятельность на территории стран региона с 1992 г. Не менее важной структурой в вопросах религиозного продвижения интересов Турции среди мусульманских общин на Балканах и в бывших советских республиках стал учрежденный Управлением по делам религий еще в 1995 г. Евразийский исламский совет [10] (Avrasya Islam Şurası, EIC).

Учитывая затяжной системный кризис, в котором находились молодые республики, премьер-министр Турции С. Демирель совместно с политической и бизнес элитой страны весной 1992 г. совершил серию рабочих визитов по странам Средней Азии с целью обсуждения существующих региональных проблем и совместного поиска возможных вариантов их разрешения. Однако на деле переговоры сводились к созданию союза тюркских государств как интеграционной площадки взамен на финансовую поддержку со стороны Турции [5]. Министр иностранных дел Турции Х. Четин заявил: «Мы поможем им, но Турция одна не решит их проблем. Я полагаю, что мировое сообщество также должно принять на себя ответственность» [14, p. 3]. Стороны договорились о ежегодном проведении «тюркских саммитов», которые собирали лидеров Турции и четырех тюркских республик Центральной Азии. Однако с 1992 по 1995 г. состоялось всего три встречи на высшем уровне. Более того, на тот период времени уровень экономического развития Турции не располагал к оказанию финансовой помощи этим странам, пытающимся стабилизировать свои экономики в условиях рыночного перехода.

Исследователь из Университета Тафтса, США М. Муфти в своем докладе пришел к выводу, что приоритет в инструментальной базе реализации политики «мягкого внедрения» отдавался экономическим и торговым инициативам [27, p. 3]. Эксперт, таким образом, приходит к выводу, что утверждение Турции в качестве регионального лидера и расширение зоны распространения «турецкой модели» развития посредством применения «мягких» инструментов внешнеполитической доктрины происходит задолго до прихода к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития во главе с Р. Т. Эрдоганом.

Таким образом, можно заключить, что при Т. Озале Турция начала претендовать на роль регионального лидера посредством реализации интеграционных проектов с постсоветскими тюркскими республиками, что стало возможным вследствие пересмотра внешнеполитических устоев государства, заложенных еще М.К. Ататюрком. В частности, отказ от пассивной внешней политики в пользу ее активизации и продвижения государственных интересов на международной арене. Конечно, не все удалось в силу ряда внутренних и внешних причин. Тот факт, что новообразованным республикам, только освободившимся от советского коммунистического прошлого, возможно, претили навязанные модели развития, к сожалению, не сильно волновал политическое руководство Турции. Тургут Озал

рассматривал экономические и гуманитарные проекты как способ распространения турецкого влияния на Кавказе и в Средней Азии. Такой центростремительный прагматизм и недостаток понимания потребностей среднеазиатских государств объясняет падение турецкого влияния и престижа в этом регионе [7, с. 179-180].

Осознавая это, европейские и американские союзники Турции начинают постепенно отходить от идеи популяризации турецкой модели в центральноазиатских республиках отчасти из-за глубоко укоренившегося секуляризма в этих обществах. С 1996 г. страны ЕС переходят на прямой уровень взаимоотношений с бывшими советскими республиками, заключая двусторонние договоры о сотрудничестве, в обход Турции.

Менее распространенной является третья, альтернативная точка зрения.

С момента своего официального провозглашения в качестве независимого суверенного государства 29 октября 1923 г. внешнеполитическая парадигма Турецкой Республики претерпела заметные изменения. Политические и идейные основы турецкого государства были заложены Мустафой Кемаль Ататюрком. Его «Шесть стрел» – республиканизм, национализм, народность, лаицизм, этатизм и революционность, а также лозунг «Мир в стране – мир во всем мире» означали отказ от османских имперских амбиций и ориентацию на турецкий национализм в демократических пределах. В соответствии с третье точкой зрения, которую в большей степени разделяют отечественные и европейские исследователи, «мягкая сила» Турции исторически восходит к реформам Мустафы Кемаль Ататюрка первой половины XX в. Так, Д.М. Ковба и А.С. Исаков полагают, что после преобразования абсолютной монархии Османской империи в республику «нового» европейского типа, Турция впервые предстала на мировой арене как обладатель мягкой силы и прообраз для распространения турецкой модели развития в соседних странах [3, с. 83]. Турецкий лидер и его политические союзники концептуализировали в Турецкой Республике современное светское прозападное государство в то время, когда секуляризм был исключением в исламском мире [25, p. 539]. Для многих западных стран, и особенно Франции, кемалистская Турция и ее светские институты представляли собой потенциальную модель развития и модернизации других мусульманских странах [30, p. 300]. Не стоит забывать и тот факт, что длительное пребывание в составе Османской империи многочисленных этнических групп, проживающих ныне на территории Евразии, в том числе курдов, боснийцев, албанцев, греков, не могло ежеминутно перечеркнуть многовековой исторический опыт сосуществования в рамках великой империи [6]. Именно историческое наследие и культурные связи с уже независимыми соседними странами в первые годы существования Турецкой Республики позволяют говорить о зарождении прообраза «мягкой силы», распространяющейся от Балкан до Ближнего Востока и Центральной Азии. Активизация же конкретных механизмов по реализации данной политики стала возможной благодаря влиянию внешнего фактора – распада СССР, пересмотра внешнеполитических инициатив руководством Турции и вхождением ряда новообразованных стран в потенциальную сферу влияния Анкары.

В Афганистане, Иране, Пакистане и даже некоторых новых независимых бывших османских провинциях на Ближнем Востоке после Второй мировой войны местные модернизаторы часто находились под влиянием турецкого кемалистского опыта [21, p. 1-17]. Точно так же Турция рассматривалась как потенциальная страна для подражания во время волны независимости движения в бывших колониях после Второй мировой войны. Например, в Тунисе реформы секуляризации режима Хабиба Бургибы отразили те, которые проводились в кемалистской Турции 1920-х годов, особенно с точки зрения секуляризации семейного права и рационализации реформ как части иджтихада или независимых рассуждений [35, p. 55].

Таким образом, рассмотренные позиции отечественных и зарубежных исследователей относительно причин формирования и исторических истоков турецкой политики «мягкой силы» позволяют прийти к следующим выводам. Политика и Мустафы Кемаль Ататюрка, и Тургута Озала заложила прочный базис для институционального оформления «мягкой силы». Конечно, говорить о подобной политической линии в чистом виде в период руководства М. К. Ататюрка не представляется возможным в силу относительно пассивной внешней политики страны, которая привела к фактической изоляции Турции на мировой арене. Вместе с тем, нельзя отрицать того факта, что основы современной политики государства, базирующиеся на представлении об исторической, геополитической и культурной уникальности Турции, наследницы некогда великой Османской империи, страны, являющейся прообразом развития для мусульманских республик, были заложены именно Ататюрком. Вектор либерализации, заданный Т. Озалом в рамках его политики «неоосманизма», предусматривающей вовлечение в орбиту влияния территорий, ранее входивших в состав Османской империи, был также основан на концептуальных идеях Ататюрка – общности историко-культурного прошлого. Многочисленные гуманитарные и экономические проекты, инициированные Т. Озалом в конце прошлого столетия, доказали обоснованность и эффективность таких инструментов набирающей оборот политики «мягкой силы». Окончательное же осмысление

этого концепта в качестве основополагающего ресурса внешней политики страны нашло воплощение в деятельности правящей в настоящее время Партии справедливости и развития. Р.Т. Эрдоган смог оптимально совместить военный, исторический, геополитический и культурный потенциал с «мягкими» рычагами лоббирования государственных интересов на мировой арене. Во внешнеполитическую стратегию ПСР включила старые инструменты политики «мягкой силы», доставшиеся «в наследство» от Т. Озала и М. К. Ататюрка, совместив их с теми, которые встали на повестку дня в новых мировых реалиях XXI столетия.

Источники и литература

1. Алиева А.И.К. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. Т. 6. № 3. С. 63-94.
2. Ковба Д. М. «Мягкая сила»: рецепция концепта азиатскими государствами в // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2018. Т. 13. № 3 (179). С. 79-88.
3. Надеин-Раевский В.А. Р.Т. Эрдоган как пример политика-харизматика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 6. С. 138-154.
4. Овсепян Л. Турецкая модель и обусловленность внешней политики Анкары в странах Центральной Азии стратегическим интересам Запада // Центральная Азия и Кавказ. № 2 (62). 2009. С. 130-137.
5. Савин Д.А. Тургут Озал: человек и политик (по материалам англо-американской печати): дисс. … канд. ист. наук. Ярославль, 2012. 221 с.
6. Сафонкина Е.А. Турция как новый актор политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 2. С. 145-166.
7. Шамарина О.А. Дискурс турецкой «мягкой силы» в контексте трансформации внешнеполитического курса Турции в 2001-2015 годах (на основе анализа выступлений турецких политических лидеров) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 494-498.
8. Шлыков В.И. Влияние фактора переговоров с ЕС на проведение реформ в Турции (1999 – 2009 гг.) // Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 37-58.
9. Altınay H. Turkey's Soft Power: an unpolished gem or an elusive mirage? Insight Turkey. 2008. Vol. 10. No. 2. P. 55-66.
10. Altunışık M. B. The possibilities and limits of Turkey's Soft Power in the Middle East. Insight Turkey. 2008. Vol. 10. No. 2. P. 41-54.
11. Avrasya İslam Şurası (official website). URL: https://avrasyaislamsurasi.diyanet.gov.tr/tr-TR/ (Accessed: 05.06.2020).
12. Benhaïm Y., Öktem K. The rise and fall of Turkey's soft power discourse. Discourse in foreign policy under Davutoğlu and Erdoğan // European Journal of Turkish Studies (Online). 2015. No. 21. P. 1-26. URL: https://journals.openedition.org/ejts/5275 (Accessed: 05.06.2020).
13. Bilgin P. Hard power, Soft power: toward a more realistic power analysis. Insight Turkey. 2008. Vol. 10. Issue 2. P. 5-20. URL: http://pbilgin.bilkent.edu.tr/Bilgin-Elis-IT-2008.pdf (Accessed: 05.06.2020).
14. Brown J.M. Turkish Premier to Bolster Links With Central Asia // Financial Times. April 27. P. 3.
15. BSEC – The Black Sea Economic Cooperation (official website). URL: bsec-organization.org (Accessed: 05.06.2020).
16. Çandar C. Turkey's "Soft Power" strategy: a new vision for a Multi-Polar World. SETA Policy Brief. 2009. No. 38. December. P. 3-11. URL: http://setadc.org/wp-content/uploads/2015/05/SETA_Policy_Brief_No_38_Turkeys_Soft_Power_Strategy_Candar.pdf (Accessed: 05.06.2020).
17. Çavuşoğlu M. Speech at the Opening of the 7th Ambassadors' Conference. Ministry of Foreign Affairs. 5 January [online] / URL: http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-mevlut-cavusoglu_nun-vii_-buyukelcilerkonferansinin-acilisinda-yaptigi-konusma_-5-ocak-2014_-ankara.tr.mfa (Accessed: 05.06.2020).
18. Economic Cooperation Organization (official website). URL: http://www.eco.int/ (Accessed: 05.06.2020).
19. Gürler R.T. Turkey's Soft Power towards Central Asian Countries after the Cold War. Sakarya. 2011. P. 100-113. URL: http://uli.sakarya.edu.tr/sites/uli.sakarya.edu.tr/file/1371681799-recepgurler.pdf.pdf.pdf (Accessed: 05.06.2020).
20. Haberin Erdoğan named European of the Year. NTV-MSNBC URL: http://arsiv.ntv.com.tr/news/298717.asp?cp1=1 (Accessed: 05.06.2020).
21. Jung D. Turkey and the Arab World: Historical Narratives and New Political Realities. Mediterrenean Politics, vol. 10. No.1 (Winter 2005). P. 1-17.
22. Kalın İ. Soft power and public diplomacy in Turkey. Perceptions. 2011. Vol. XVI. No. 3. Autumn. P. 5-23.
23. Kara A. Türk Keneşi (Konseyi) ve Türk Dünyasının 34 Harfli Ortak Alfabe Sistem. Prof. Dr. Kara A. personal website (December 7, 2012). URL: http://www.abdulvahapkara.com/turk-kenesi-ve-alfabe/ (Accessed: 05.06.2020).
24. Lachiner S. Turgut Ozal period in Turkish Foreign policy: Ozalizm // Turkish Weekly. 2009. March 9. URL: http://www.turkishweekly.net/article/333/turgut-ozal-period-in-turkish-foreignpolicy-ozalism.html (Accessed: 05.06.2020).
25. Mango A. Ataturk: The Biography of the Founder of Modern Turkey. New York: Overlook Press, 2002. 539 p.
26. Mayal S.Y. Turkey: Thwarted ambition. Washington, 1997. 64 p.
27. Mufti M. A little America: the emergence of Turkish hegemony. Middle East Brief. 2011. No. 51. 117 p.
28. Nye J. Soft Power: the means to success in world politics. NY, 2004. 192 p. URL: http://www.academia.edu/28699788/Soft_Power_the_Means_to_Success_in_World_Politics_-_Joseph_S._Nye_Jr (Accessed: 05.06.2020).
29. Öner S. Soft Power in Turkish foreign policy: new instruments and challenges. Euxeinos. 2013. No. 10. P. 7-15.
30. Pérouse J. Édouard Herriot, un pédagogue laïc en Turquie (1934): la bonne foi et la méprise» in V. Schiltz (éd.), De Samarcande à Istanbul: étapes orientales. Hommages à Pierre Chuvin - II, CNRS Éditions, 2015. 320 p.
31. Rubin L. A typology of soft powers in Middle East politics. The Dubai Initiative. Working Paper. 2010. No. 5. 143 p.
32. Şahin M., Çevik B.S. Türk Dış Politikası ve Kamu Diplomasisi. Ankara, 2015. 611 s.

33. TIKA (official website). URL: https://www.tika.gov.tr/tr (Accessed: 05.06.2020).
34. Usul A. From Euro-skepticism to euro-enthusiasm to euro-fatigue // Secular and Islamic Politics in Turkey. Ed. U. Cizre. N.Y., 2008. P. 175-198.
35. Weideman J. Tahar Haddad after Bourguiba and bin Ali: A Reformist between Secularists and Islamists // International Journal of Middle East Studies. 2016. Vol. 48. No. 1. February. P. 47-65.

References

1. Alieva A.I.K. «Myagkaya sila» v sovremennoj vneshnej politike Turcii ('Soft Power' in foreign policy of modern Turkey) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2014. Vol. 6. No. 3. P. 63-94. (In Russian).
2. Kovba D.M. «Myagkaya sila»: retseptsiya kontsepta aziatskimi gosudarstvami ("Soft Power": concept reception by Asian states) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2018. Vol. 13. No. 3 (179). P. 79-88. (In Russian).
3. Nadein-Raevskii V.A. R.T. Erdogan kak primer politika-kharizmatika (R.T. Erdogan as an example of charismatic politics) // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2017. No. 6. P. 138-154. (In Russian).
4. Ovsepyan L. Turetskaya model' i obuslovlennost' vneshnei politiki Ankary v stranakh Tsentral'noi Azii strategicheskim interesam Zapada (Turkish model and Ankara's foreign policy conditionality in Central Asian countries to the strategic interests of the West) // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2009. No. 2 (62). P. 130-137. (In Russian).
5. Savin D.A. Turgut Ozal: chelovek i politik (po materialam anglo-amerikanskoi pechati) (Turgut Ozal: person and politician (based on the materials of the Anglo-American press): thesis. Yaroslavl', 2012. 221 p. (In Russian).
6. Safonkina E.A. Turciya kak novyj aktor politiki «myagkoj sily» (Turkey as a new "Soft Power" policy actor) // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2014. Vol. 9. No. 2. P. 145-166. (In Russian).
7. Shamarina O.A. Diskurs tureckoj «myagkoj sily» v kontekste transformacii vneshnepoliticheskogo kursa Turcii v 2001-2015 godah (na osnove analiza vystuplenij tureckih politicheskih liderov) (The discourse of Turkish «Soft Power» in the context of the Turkish foreign policy transformation in 2001-2015 (based on Turkish political leaders' speech analysis) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. Vol. 19. No. 4. P. 494 – 498. (In Russian).
8. Shlykov V.I. Vliyanie faktora peregovorov s ES na provedenie reform v Turtsii (1999 – 2009) (The impact of negotiations with the EU on reforms in Turkey (1999 – 2009) // Turtsiya v usloviyakh novykh vnutrennikh i vneshnikh realii. Moscow: IWH of RAS publ., 2010. P. 37 – 58. (In Russian).
9. Altınay H. Turkey's Soft Power: an unpolished gem or an elusive mirage? Insight Turkey, vol. 10. No. 2. 2008. P. 55-66.
10. Altunışık M. B. The possibilities and limits of Turkey's Soft Power in the Middle East. Insight Turkey. 2008. Vol. 10. No. 2. P. 41-54.
11. Avrasya İslam Şurası (official website). URL: https://avrasyaislamsurasi.diyanet.gov.tr/tr-TR/ (Accessed: 05.06.2020).
12. Benhaïm Y., Öktem K. The rise and fall of Turkey's soft power discourse. Discourse in foreign policy under Davutoğlu and Erdoğan // European Journal of Turkish Studies (Online). 2015. No. 21. P. 1-26. URL: https://journals.openedition.org/ejts/5275 (Accessed: 05.06.2020).
13. Bilgin P. Hard power, Soft power: toward a more realistic power analysis. Insight Turkey. 2008. Vol. 10. Issue 2. P. 5-20. URL: http://pbilgin.bilkent.edu.tr/Bilgin-Elis-IT-2008.pdf (Accessed: 05.06.2020).
14. Brown J.M. Turkish Premier to Bolster Links With Central Asia // Financial Times. April 27. P. 3.
15. BSEC – The Black Sea Economic Cooperation (official website). URL: bsec-organization.org (Accessed: 05.06.2020).
16. Çandar C. Turkey's "Soft Power" strategy: a new vision for a Multi-Polar World. SETA Policy Brief. 2009. No. 38. December. P. 3-11. URL: http://setadc.org/wp-content/uploads/2015/05/SETA_Policy_Brief_No_38_Turkeys_Soft_Power_Strategy_Candar.pdf (Accessed: 05.06.2020).
17. Çavuşoğlu M. Speech at the Opening of the 7th Ambassadors' Conference. Ministry of Foreign Affairs. 5 January [online] / URL: http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-mevlut-cavusoglu_nun-vii_-buyukelcilerkonferansinin-acilisinda-yaptigi-konusma_-5-ocak-2014_-ankara.tr.mfa (Accessed: 05.06.2020).
18. Economic Cooperation Organization (official website). URL: http://www.eco.int/ (Accessed: 05.06.2020).
19. Gürler R.T. Turkey's Soft Power towards Central Asian Countries after the Cold War. Sakarya. 2011. P. 100-113. URL: http://uli.sakarya.edu.tr/sites/uli.sakarya.edu.tr/file/1371681799-recepgurler.pdf.pdf.pdf (Accessed: 05.06.2020).
20. Haberin Erdoğan named European of the Year. NTV-MSNBC URL: http://arsiv.ntv.com.tr/news/298717.asp?cp1=1 (Accessed: 05.06.2020).
21. Jung D. Turkey and the Arab World: Historical Narratives and New Political Realities. Mediterrenean Politics, vol. 10. No.1 (Winter 2005). P. 1-17.
22. Kalın İ. Soft power and public diplomacy in Turkey. Perceptions. 2011. Vol. XVI. No. 3. Autumn. P. 5-23.
23. Kara A. Türk Keneşi (Konseyi) ve Türk Dünyasının 34 Harfli Ortak Alfabe Sistem. Prof. Dr. Kara A. personal website (December 7, 2012). URL: http://www.abdulvahapkara.com/turk-kenesi-ve-alfabe/ (Accessed: 05.06.2020).
24. Lachiner S. Turgut Ozal period in Turkish Foreign policy: Ozalizm // Turkish Weekly. 2009. March 9. URL: http://www.turkishweekly.net/article/333/turgut-ozal-period-in-turkish-foreignpolicy-ozalism.html (Accessed: 05.06.2020).
25. Mango A. Ataturk: The Biography of the Founder of Modern Turkey. New York: Overlook Press, 2002. 539 p.
26. Mayal S.Y. Turkey: Thwarted ambition. Washington, 1997. 64 p.
27. Mufti M. A little America: the emergence of Turkish hegemony. Middle East Brief. 2011. No. 51. 117 p.
28. Nye J. Soft Power: the means to success in world politics. NY, 2004. 192 p. URL: http://www.academia.edu/28699788/Soft_Power_the_Means_to_Success_in_World_Politics_-_Joseph_S._Nye_Jr (Accessed: 05.06.2020).
29. Öner S. Soft Power in Turkish foreign policy: new instruments and challenges. Euxeinos. 2013. No. 10. P. 7-15.

30. Pérouse J. Édouard Herriot, un pédagogue laïc en Turquie (1934): la bonne foi et la méprise» in V. Schiltz (éd.), De Samarcande à Istanbul: étapes orientales. Hommages à Pierre Chuvin - II, CNRS Éditions, 2015. 320 p.
31. Rubin L. A typology of soft powers in Middle East politics. The Dubai Initiative. Working Paper. 2010. No. 5. 143 p.
32. Şahin M., Çevik B.S. Türk Dış Politikası ve Kamu Diplomasisi. Ankara, 2015. 611 s.
33. TIKA (official website). URL: https://www.tika.gov.tr/tr (Accessed: 05.06.2020).
34. Usul A. From Euro-skepticism to euro-enthusiasm to euro-fatigue // Secular and Islamic Politics in Turkey. Ed. U. Cizre. N.Y., 2008. P. 175-198.
35. Weideman J. Tahar Haddad after Bourguiba and bin Ali: A Reformist between Secularists and Islamists // International Journal of Middle East Studies. 2016. Vol. 48. No. 1. February. P. 47-65.

Сведения об авторе

Шамарина Олеся Александровна – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (Саратов) / shamarina.olesya@yandex.ru

Information about the author

Shamarina Olesia – Postgraduate Student, Chair for International Relations and Foreign Policy of Russia, Saratov State University named after N. Chernishevskii (Saratov) / shamarina.olesya@yandex.ru

УДК 316.752
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.17

Н.А. Шаожева
М.Х. Гугова

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 90-Е ГГ. XX В. (РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ)

В статье анализируется формирование политических партий в 1990-е гг. в России. Показано, что после ухода КПСС с политической арены на ее основе были созданы различные партии, придерживающиеся традиционалистской (коммунистической) идеологии; на базе Демократической партии России сформировались политические организации и движения в основном либерального толка. Центристы в партийной системе представляли собой «третью власть» – «партию власти». На этом общероссийском фоне в Кабардино-Балкарии сформировались региональные отделения общероссийских политических партий и движений, которые сыграли определенную роль в политическом пространстве региона.

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что трансформация коммунистического режима, сопровождающаяся политическими и социально-экономическими преобразованиями, сформировала специфику либерализации российского общества, которая заключалась в том, что именно правящая коммунистическая и посткоммунистическая политическая элита инициировала реформы, играла ключевую роль в партийном строительстве и пыталась сохранить за собой контроль за политическими процессами, в том числе и в Кабардино-Балкарии.

Основными источниками исследования послужили архивные материалы, собранные в Центре документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики, которые содержат подробные данные, позволяющие изучить вопросы, связанные с формированием и деятельностью региональных отделений федеральных политических партий в указанный исторический период. Информация, полученная из архивных статистических документов, дополняется опубликованными сведениями из средств массовой информации.

Сделан вывод о том, что партогенез в Кабардино-Балкарии в 90-х гг. XX в. начался позже, чем на федеральном уровне и стал результатом общих тенденций российского партийного строительства. Показательно, что в регионе с появлением партий либерально-демократической направленности зародилась определенная партийная конкуренция. Не располагая значительными политическими ресурсами и механизмами партийного строительства, региональные отделения федеральных партий КБР формировались как избирательные штабы в период выборных компаний и участвовали в основном в общероссийских мероприятиях.

Ключевые слова: трансформация, посткоммунистический режим, Кабардино-Балкарская Республика, демократизация, этапы, региональные отделения федеральных партий.

Natal'ja Shaozheva
Marina Gugova

FORMATION AND ACTIVITIES OF POLITICAL PARTIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE 1990s (REGIONAL CONTEXT)

The article analyzes the formation of political parties in the 1990s in Russia. It is shown that after the CPSU left the political arena on its basis, various parties adhered to traditionalist (communist) ideology were created, and on the basis of the Democratic Party of Russia formed political organizations and movements mainly liberal. Centrists in the party system were the «third power» - the «party of power.» Against this background, in the 1990s, the regional branches of all-Russian political parties and movements were formed in Kabardino-Balkariya, which played a role in the political space of the region.

The relevance of the stated theme is due to the fact that the transformation of the communist regime, accompanied by political and socio-economic transformations, has formed the specifics of the liberalization of Russian society. It was that it was the ruling communist and post-communist political elite that initiated reforms, played a key role in party building and tried to maintain control over political processes, including in Kabardino-Balcaria.

The main sources of the study were archival materials collected at the Centre for Documentation of the Recent History of the Kabardino-Balkar Republic, which contain detailed data to examine the issues related to the formation and activities of regional offices of federal political parties during the historical period. Information from archival statistics is supplemented by published information from the media.

It is concluded that the party-management in Kabardino-Balkariya in the 1990s began later than at the federal level and was the result of general trends of Russian party building. It is significant that in the region with the advent of liberal-democratic parties, a certain party competition has begun. Lacking significant political resources and party building mechanisms, the regional branches of the federal parties of the CBD were formed as electoral headquarters during the period of elected companies and participated mainly in all-Russian events.

Key words: transformation, post-communist regime, Kabardino-Balkarian Republic, democratization, stages, regional branches of federal parties.

В конце XX в. в России произошла трансформация коммунистического режима, которая привела к реформированию политической и социально-экономической систем. Однако, несмотря на провозглашенные руководством страны цели, она представляла собой минимальную либерализацию общественной жизни, проявившуюся в частичном формировании демократических ценностей, политических структур, неспособных реализовать взаимосвязь между элитами и массами, в неконкурентных выборах.

Отсутствие в России необходимых структурных предпосылок демократии, таких как: развитая экономика, высокий уровень жизни, мощный средний класс, рыночные механизмы, демократические ценности, защищенные законом, не давали возможностей для развития эволюционных механизмов становления либерального режима в стране. На повестке дня стоял совсем другой вопрос, а именно, удастся ли власти, навязавшей обществу направление и способ движения, сохранить единство элиты, удержать отдельные ее части от соблазна воспользоваться в своих интересах плодами либерализации [11, с. 71]. Речь могла идти не столько о смене политического режима, сколько о внутрирежимных изменениях.

Поэтому, в указанный исторический период либерализация общественной жизни в России представляла собой вариант «навязанного демократического транзита» [8, с. 13], при котором вектор движения к демократии зависел от деятельности небольшой группы политической элиты, изначально инициирующей реформы и пытающейся сохранить за собой контроль за политическими процессами.

Активизация общественной жизни в России в 90-е гг. XX в. предопределила становление партий и общественных движений, которые должны были приобрести качественно новые характеристики, высокий правовой статус и играть значимую политическую роль в обществе. Существенное влияние на развитие партийной системы оказывали как федеральные, так и региональные политические элиты, раскол в которых зародился не в постсоветский период, а сформировался в недрах советского общества. Он и способствовал формированию идеологических альтернатив, создающих почву для политической конкуренции.

Цель данного исследования – анализ становления и деятельности региональных организаций федеральных политических партий в Кабардино-Балкарии в 90-е гг. XX в. Теоретической основой работы явились идеи о социальной обусловленности общественных эволюционных тенденций в сфере политического плюрализма, концепт их важности в политической модернизации общества, разработанные отечественными и зарубежными учеными. Наиболее значимыми работами, связанными с осмыслением демократизации российского общества, являются исследования Коргунюка Ю. Г., Заславского С. Е., Шмачковой Т. В., Гельмана В .Я, Голосова В.Т., Лапкина В. В., Пантина В. И., Лапаевой В. В. [10] и др. В них освещаются различные аспекты многопартийности в России, анализируется расстановка сил накануне избирательных компаний, исследуются правовые аспекты деятельности политических партий. Немало работ посвящено периодизации истории становления многопартийности в России. Это работы Шашковой Я. Ю., Лебедева В. А., Макаренко Б. И., Кобринского А. Л. [37] и др. Понимание сущности и роли политических партий представлены в работах Дюверже М., Роккана С., Лейпхарта А., Липсета С. [3].

Различные аспекты этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарии в период с 1991 по 1999 гг. рассматривались в работах региональных исследователей: Аккиевой С. И., Тетуева А. И., Борова А. Х., Гуговой М. Х. и др. [1].

Особую группу источников представляют архивные данные, собранные в Центре документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики и материалы средств массовой информации.

Формирование федеральных политических партий в 1990-е гг.

Вступление России в новую эпоху после 1991 г. сопровождалось распадом двух основных политических сил – КПСС и Демократической партии России, что явилось основанием для создания новых партий и движений, которые сохранили идеологическую и структурную преемственность по отношению к этим политическим организациям. И, если раньше «партийное размежевание отражало конфликт, прежде всего, по линии «консерваторы-либералы», то теперь по линии… традиционалисты-прогрессисты» [9, с. 234].

Так, после ухода КПСС с политической арены были созданы различные партии, придерживающиеся традиционалистской (коммунистической) идеологии. Консервативное крыло представляли: Коммунистическая партий Российской Федерации, Российская коммунистическая рабочая партия, Российская партия коммунистов, объединение «Союз» и др., отстаивающие идею сохранения СССР и выступающие против реформ. КПРФ заняла центристскую позицию. Она осталась не только верна социалистическим идеалам, но, с учетом современных трендов предприняла попытки вписаться в систему «устойчивого развития». Специализированную версию традиционализма представляла Аграрная партия России, цели и задачи которой отражали модернизационные аспекты экономического и социального развития. Это касалось демократии, народовластия, широкого самоуправления, внедрение рыночных механизмов в систему агропромышленного комплекса, но вместе с тем, выступающая против купли-продажи земли и за спасение отечественной духовности и культуры [20].

На базе Демократической партии России сформировались политические организации и движения в основном либерального толка: Социал-демократическая партия Российской Федерации, Демократическая партия России, партия А. Руцкого «Свободная Россия», Либерально-демократическая партия России В.В. Жириновского. Их идеологические концепции акцентировали внимание на частной собственности и рынке, которые выступали в качестве условий свободы, минимальном вмешательстве государства в экономику и на экономической целесообразности реализации социальных функций государством.

В указанный период были созданы партии этнократической направленности: Национал-республиканская партия России, Русское национальное единство. Их идеи заключались в создании такой модели политической власти, при которой управление экономическими, социальными, политическими и духовными процессами осуществлялось бы с позиций примата национальных интересов.

С 1993 г. стали формироваться новые принципы партийного строительства, обусловленные тем, что партии получили возможность участвовать в избирательных компаниях. Идеологическая направленность партийных программ стала наполняться социально-политическим содержанием, где политический расчет и отстаивание интересов политической элиты определяли линию партий и общественно-политических движений. В массовом сознании партии стали ассоциироваться с их лидерами, деятельность которых была направлена на концентрацию властных и материальных ресурсов с целью достижения и реализации своих интересов в общественной и политической сферах.

В этих условиях власть начинает занимать центристскую позицию и более активно формировать собственную партию – «партию власти», так как политической элите в своей деятельности для проведения пропрезидентского и проправительственного курса необходима была новая структура, которая обеспечила бы ей участие в демократических выборах и формировании своей фракции в парламенте. Данный тренд был обусловлен тем, что передел собственности уже закончился, открытая борьба за власть прекратилась, между элитами стал складываться определенный консенсус, направленный на необходимость выработки совместных правил игры, дающих им возможность выжить в непростых политических условиях.

Интерпретация «партии власти» может быть представлена в качестве «совокупности структур, объединений и группировок, консолидированных вокруг главы государства и проводящих его курс, которые в той или иной степени участвуют в определении целей и стратегий развития России и отдельных, входящих в нее, регионов [36, с. 28]. Иными словами, это был конгломерат, куда входили Президент РФ, его команда, Председатель Правительства РФ и его заместители, министры, главы республик и губернаторы регионов, которые группировали вокруг себя региональные элиты. По словам С. Хенкина, основные структурные элементы «партии власти», так называемые «команды», группировались вокруг своих лидеров и держались на «патронажно-клиентских связях», соперничающих между собой за раздел сфер влияния и близость к Президенту, который, как правило, «остается «над схваткой», лавируя и поддерживая сложный баланс интересов [36, с. 30].

Первоначально такая ставка делалась на «Демократическую Россию», затем на политическое объединение «Выбор России» и «Партию российского единства и согласия». Но надежды в отношении этих движений не оправдались, так как они погрязли в политических склоках, кроме того, ДВР и ПРЕС провалили парламентские выборы 1993 г. И в мае 1995 г. был создан крупнейший партийный блок «Наш дом – Россия», в который вошли политические группы, депутатские группы, общественные объединения. Это была политическая машина, выражавшая интересы, сложившейся в 90-е гг. XX в. административно-хозяйственной номенклатуры, а также региональной политической элиты, политическая сила которых определялась степенью влияния на федеральную власть. Поэтому идеология не играла сколько-нибудь значимой роли в политической жизни НДР. Тем не менее, либеральные компоненты определяли НДР как партию правоцентристскую. Заметными были социально-демократические лозунги, отражающие интересы широких народных масс, например, принцип социальной защиты, справедливости, устойчивый рост доходов и т.д. Консервативное направление проявлялось в идее сильного государства и сильной власти.

НДР представляла собой иерархическую структуру, по сути, вертикаль исполнительной власти, внутреннее устройство которой было «многоэтажным и многокоридорным». Она включала огромный бюрократический аппарат, «штаты которого заметно возросли даже по сравнению с советским периодом». Она была перегружена всевозможными советами и комиссиями при государственных институтах. Входящие в нее центры влияния нередко дублировали друг друга, что замедляло процессы принятия политических и управленческих решений [36, с. 30]. Формально эту партию возглавлял В.С. Черномырдин, а на деле ею управляла администрация Президента РФ. Региональные отделения возглавлялись либо главами республик, либо губернаторами и их ставленниками.

В 1998 г. по инициативе мэра г. Москвы Ю.М. Лужкова было сформировано общественное движение «Отечество». Уже в 1999 г. на

II съезде ОПОО «Отечество» Ю.М. Лужков выступил с идеей создания избирательного блока, состоявшего из движения «Отечество» и движения «Вся Россия» под председательством М. Шаймиева (Президента республики Татарстан), М. Рахимова (Президента республики Башкортостан), Р. Аушева (Глава республика Ингушетия) и губернатора Санкт-Петербурга В. Яковлева. Председателем избирательного блока был избран Е. Примаков [1]. В общем, избирательный блок «Отечество – Вся Россия» составляли избирательные объединения: ОПОО Отечество, ОПОО «Регионы России», ОПОД «За равноправие и справедливость», Аграрная партия России, политическая партия «Союз христианских демократов России». Движение ОВР стало практически первой центристской организацией, которая не признавала, как левый, так и правый радикализм [19, л. 2].

В 1999 г., в связи с политической неудачей партии «Наш дом – Россия» власть предприняла шаги по формированию новой «партии власти». Так было создано межрегиональное движение «Единство». В дальнейшем, противостояние ОВР и «Единства» станет ключевым политическим событием, которое кардинально изменит расстановку сил в стране.

Формирование и деятельность региональных отделений федеральных политических партий в 1990-е гг.

Воссоздать общероссийскую картину становления многопартийности невозможно без обобщений на региональном уровне. В 1990-е гг. в Кабардино-Балкарии сформировались региональные отделения общероссийских политических партий и движений – Коммунистическая партия Кабардино-Балкарии, Кабардино-Балкарская республиканская организация Аграрной партии России, региональная организация «Наш дом – Россия», Нальчикская городская организация «Либерально-Демократическая партия России», Кабардино-Балкарское региональное отделение Общероссийской политической общественной организации «Отечество».

17 октября 1992 г. в Кабардино-Балкарии на состоявшемся Учредительном собрании коммунистов была создана первая после ликвидации КПСС партия «левой» (традиционалистской) направленности – Коммунистическая Трудовая партия Кабардино-Балкарской Республики. Основными ее постулатами явились: отстаивание интересов рабочего класса, трудового крестьянства и интеллигенции, принципов бесклассового общества и установление подлинного народовластия через формирование Советов [33, л. 5].

Данную общественно-политическую организацию можно рассматривать в большей степени как клуб по интересам, объединяющий ветеранов войны и труда, которые в прошлом не занимали высоких должностей в государственных структурах республики и до конца оставались верны коммунистическим идеалам. Кроме того, в нее входили представители научной, военной и творческой интеллигенции, которые так и не смогли адекватно воспринять реформирующуюся действительность.

С первых шагов Коммунистическая Трудовая партия КБР открыто выступала против проведения незаконной приватизации, изменения общественного и экономического строя страны, за возвращение власти Советам. 11 декабря 1992 г. на заседании бюро оргкомитета партии было принято постановление, адресованное VII Съезду народных депутатов РФ, в котором выражалось возмущение в отношении увеличивающегося числа миллионеров, «выкормившихся за счет распродажи страны и обнищания народа» [24, л. 3].

6 февраля 1993 г. на первой конференции Коммунистической Трудовой партии КБР было принято решение о переименовании ее в Коммунистическую партию Кабардино-Балкарской Республики (КП КБР), основные задачи которой заключались в создании организационных и материальных условий для деятельности республиканской парторганизации на основе принципа демократического централизма и расширения прав первичных парторганизаций. Председателем исполкома КП КБР был избран Шхагошев Ш.А. [22, л. 82, 83]

Компартия КБР открыто отстаивала все то, что было завоевано советским строем во главе с КПСС, что напрямую сказывалось на численности партии, которая была самой крупной массовой партией в республике и обладала целой сетью первичных парторганизаций – 1994 г – 2337 тыс. чел., 1995 г. – 3237 тыс. чел., 1996 г. – 3647 тыс. чел. (в этом году только у республиканского отделения Аграрной партии России численный состав приблизился к этой цифре – 3660 тыс. чел.) [17, л. 22], 1997 г. – 3058 тыс. чел., 1998 г. – 3174 тыс. чел. [31, л. 1-21, 81].

В 90-х гг. активная деятельность Коммунистической партии КБР проявилась в решении вопроса, касающегося восстановления бывших балкарских районов и провозглашения республики Балкария. В обращении Президиума исполкома Компартии КБР к участникам референдума 17 декабря 1994 г., который проводился по решению Парламента КБР в населенных пунктах республики, входивших на момент выселения балкарского народа в состав Эльбрусского, Чегемского и Хуламо-Безенгиевского районов, было отмечено, что «за прошедшие десятилетия в Кабардино-Балкарии произошли значительные демографические и социально-экономические изменения и восстановить то, что было полвека назад практически невозможно. Игнорировать данные обстоятельства – значит сознательно обрекать людей на ничем не оправданные ли-

шения и тяготы, усугублять экономическую и политическую ситуацию в республике» [13, л. 1]. В этой ситуации Компартия КБР открыто призвала проголосовать за сохранение всех районов в том виде, в котором они существуют. В ноябре 1996 г. на заседании Президиума КП КБР решение V Съезда балкарского народа о восстановлении Эльбрусского и Черекского районов Кабардино-Балкарской Республики на момент выселения балкарцев было признано неконституционным [26, лл. 28, 30].

Позже, группа активистов-балкарцев Компартии КБР подготовила обращение к Президенту КБР с требованием приостановить деятельность Национального Совета балкарского народа, так как его практические шаги могли вовлечь значительную часть балкарской молодежи республики в межнациональный конфликт, способствуя его эскалации. Что касается образования республики Балкария, было выражено мнение о необходимости собрать Съезд общественности КБР с участием представителей всех наций и «решить этот вопрос раз и навсегда». В результате, решение о создании республики Балкария на V Съезде балкарского народа было также признано неконституционным, а сам съезд – незаконным [25, л. 27, 27 об.].

Компартия КБР остро ставила вопрос о социально-экономических проблемах в СМИ, в Парламенте КБР. Это касалось роста безработицы в республике, который был обусловлен тем, что большинство населения трудилось в негосударственном секторе экономике, так как 20 государственных заводов было закрыто, 24 работали частично. Неплатежеспособность предприятий, достигшая более 54%, порождала обнищание народа [21, л. 9]. В октябре 1998 г. КП КБР организовала и провела во всех районах КБР массовые акции протеста против протаскивания в ГД закона о купле-продаже земли на основе внедрения новых форм собственности: смешанной, частной и фермерской [4, л. 2, 11].

В 2002 г. Компартия КБР была переименована в Кабардино-Балкарское региональное отделение политической партии КПРФ.

12 марта 1994 г. на Учредительном собрании была создана Кабардино-Балкарская республиканская организация Аграрной партии России (АПР). Председателем организационного правления был избран Бесланеев Ч.М. Ее структуру составляли городские, районные первичные отделения, которые действовали на основании Устава Аграрной партии России. С 1994 по 1996 г. на территории республики было создано 109 первичных парторганизаций, объединенных в 10 районных, в том числе одну в г. Нальчике [6, лл. 20]. Высшим руководящим органом республиканского отделения являлись конференция или общее собрание членов республиканского отделения, Совет республиканского отделения и Правление Совета республиканского отделения.

На протяжении 1990-х гг. единственным направлением в деятельности регионального Совета АПР было целенаправленное расширение политического представительства АПР в органах государственной власти и участие в региональных и федеральных выборных компаниях для решения своей основной политической задачи – обеспечение достойного политической представительства.

В силу определенной слабости организационных структур АПР и лидерства в республике КП КБР, накануне выборов в Государственную Думу 1995 г. члены Правления АПР предприняли шаги по налаживанию конструктивного диалога с руководством КП КБР для создания блока оппозиционных сил. Однако коммунисты приняли решение самостоятельно участвовать в выборах.

24 августа 1999 г. на внеочередной конференции регионального отделения АПР обсуждался вопрос вхождения в блок Е. М. Примакова, но сохраняя свою политическую самостоятельность в качестве политического объединения [23, л. 3]. В 2002 г. Председатель республиканского отделения «Аграрной партии России» А.А. Маремуков, заменивший на этом посту З.Х. Балкизова, назначенного в 1998 г., обратился с письмом к Председателю АПР В.Н. Плотникову по вопросу объединения АПР с партией «Единая Россия». И только в 2008 г. 10 октября на XV внеочередном съезде политической партии АПР было принято решение об объединении Аграрной партии России и Всероссийской политической партии «Единая Россия» [16, л. 1. 2].

К моменту создания регионального отделения партии «Наш дом – Россия» в республике не было серьезной общественно-политической организации демократической направленности. Сформировавшиеся в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. как местные организации, так и региональные отделения общероссийских партий, выступавших под демократическими лозунгами, к 1995 г. либо утратили свое влияние, либо распались, либо продолжали существовать номинально.

14 июня 1995 г. в Кабардино-Балкарской Республике было создано региональное отделение федеральной партии «Наш дом – Россия» (НДР). На первоначальном этапе организационную работу возглавил Вице-президент КБР Г.С. Губин. Позже Председателем Совета Кабардино-Балкарской региональной организации ВОПД «Наш дом – Россия» стал Г.К Пытов (заместитель Председателя Правительства КБР, с 1997 г. он стал помощником Президента КБР В.М. Кокова), руководителем исполкома – А.Ш. Кушхаунов [28, л. 19]. Совет региональной организации НДР был сформирован из 21 человека. В его состав входили главы администраций районов и городов республики и их заместители, депутаты Парламента КБР, члены Правительства, ректоры вузов

и директора НИИ, генеральный директор Союза предпринимателей и промышленников КБР. В структуру региональной организации входило 11 городских и районных организаций, количество членов составляло 76 человек [5, л. 2].

Либеральные, консервативные и заметные социал-демократические лозунги, содержащиеся в Уставе регионального отделения НДР, определяли ее как партию центризма. Руководитель исполкома А. Кушхаунов четко выразил позицию партии, указав на то, что она «не хочет идти ни вправо, ни влево… мы именно партия центра, стремящаяся оказать стабилизирующее влияние, укрепить мир и единство в республике [12, с. 2].

Так как «блок строился не по принципу идейной общности, а по сугубо корпоративному признаку отношения к исполнительной власти» [36, с. 32], то платформа регионального отделения НДР отражала интересы и содержала задачи, важные только для региональной правящей элиты: возможность беспрепятственно участвовать в выборах, активно взаимодействовать с политическими фракциями в парламенте и органах местного самоуправления, вступление в коалиции, блоки и избирательные объединения и осуществление общеполитических акций, направленных на содействие свободным демократическим выборам органов государственной власти [32, л. 3, 4].

Деятельность Совета, исполкома актива региональной организации НДР в течение 1995 – 1997 гг. была связана с агитационно-пропагандистской работой и мероприятиями, направленными на проведение выборов в Государственную Думу, Президентов РФ и КБР, проведением IV съезда ВОПД НДР, принятием новой Конституции КБР, выборами в Парламент КБР. Это имело определенный общественный резонанс, а участие в их подготовке и проведении способствовало укреплению влияния НДР в общественно-политической жизни в республике.

После дефолта, произошедшего в августе 1998 г. и затяжной болезни Б. Н. Ельцина, политический рейтинг НДР существенно снизился. В октябре 1999 г. на VIII съезде движения руководство НДР выступило с инициативой создания массовой правоцентристской партии. 25 февраля 2000 г. на расширенном заседании Совета Кабардино-Балкарского регионального отделения ВОПД «Наш дом – Россия» эта идея была поддержана. Предполагалось, что эта партия будет создана не под конкретного лидера и не для обслуживания интересов власти, а для реализации определенной идеологии [15, л. 1,2]. Но осуществить задуманное не удалось, так как наблюдалось резкое падение доверия к существующим политическим организациям, как левого, так и правово толка.

Деятельность Движения «Наш дом Россия» в Кабардино-Балкарии завершилась 22 сентября 2000 г. На конференции региональной организации НДР было принято решение о прекращении деятельности партии в связи с вхождением в состав партии «Единство» [29, л. 1].

Возникшая в 1989 г. Либерально-демократическая партия Советского Союза, являлась таким же добровольным общественным объединением как все другие партии, созданные в целях участия в политической жизни и стоящая на правоцентристских позициях. Это была «карликовая» партия, которая, хоть и находилась в оппозиции к КПСС, но пользовалась покровительством у нее по причине того, что коммунисты всеми силами пытались дезориентировать общественное сознание: разрушить политическую дихотомию демократы – коммунисты и дискредитировать саму идею многопартийности. Именно на ее основе в 1992 г. и была создана Либерально-демократическая партия России (ЛДПР).

Нальчикская городская организация «Либерально-Демократическая партия России» была зарегистрирована Минюстом КБР 27 ноября 1996 г. Изначально она строилась по территориальному принципу. Высшим руководящим органом регионального отделения ЛДПР являлась конференция, проводившаяся не реже одного раза в два года. В компетенцию конференции входило выполнение решений руководящих органов ЛДПР, определение основных направлений деятельности регионального отделения в период выборных компаний, выборы Координационного Совета, который в период между конференциями должен был стать руководящим органом регионального отделения ЛДПР и избирался он сроком на два года [35, л. 1].

6 августа 1999 г. Нальчикский городской суд вынес решение, в котором партия была признана прекратившей свою деятельность за несоблюдение действующего Закона о политических партиях и общественных организациях Российской Федерации по Кабардино-Балкарской Республике. 12 октября 2002 г. прошла первая учредительная конференция Кабардино-Балкарской региональной организации общероссийской общественно-политической организации ЛДПР, на которой было принято решение о возобновлении деятельности региональной партии, принятие нового Устава и Программы. 10 октября 2006 г. Кабардино-Балкарская региональная организация ЛДПР прошла перерегистрацию в Минюсте КБР и была переименована в Кабардино-Балкарское региональное отделение политической партии ЛДПР. С 2006 г. организация название не меняла [35, л. 1].

Кабардино-Балкарское региональное отделение ОПОО «Отечество» (КБ РО ОПОО «Отечество») было образовано 8 декабря 1998 г. под председательством первого заместителя Председателя Правительства КБР Ю.К. Альтудова. Но уже к марту 1999 г. на V съезде регионального отделения ОВР он был освобожден от обязан-

ностей Председателя региональной организации «Отечество – Вся Россия» и назначен З. А. Нахушев, на тот момент занимавший должность Председателя Совета Республики Парламента КБР [7, с. 1]. Высшим руководящим органом КБ РО ОПОО «Отечество» являлась конференция, которая созывалась не реже одного раза в шесть месяцев. Контрольный орган регионального отделения – контрольно-ревизионная комиссия. В период между конференциями региональным отделением руководил Совет, состоявший из 18 человек, избираемый сроком на один год. При региональном отделении было создано 11 местных отделений [34, л. 1,2].

Деятельность регионального отделения ОВР в 1999 г. сводилась к следующему. Во-первых, к конструктивному взаимодействию местных отделений ОВР и глав муниципальных образований, принимающих активное участие в работе Советов регионального и местных отделений «Отечества». Например, из 130 глав муниципальных образований 62 являлись председателями местных отделений ОВР [30, л. 16] Во-вторых, велась активная работа по поддержке блока на парламентских выборах. 1 декабря 1999 г. в Нальчике состоялся митинг в поддержку избирательного блока ОВР, в котором приняли участие 1500 чел. Участники митинга жестко осудили беспрецедентную травлю, которой подверглись лидеры блока со стороны СМИ [14, л. 65].

Несмотря на сокращение численности ОВР в Кабардино-Балкарии (уменьшение на 1854 человека, что составило в общей сложности 30 %. Наибольшие потери имели Майский район (61,2 %), Зольский район (55,4 %) и г. Прохладный (51,4 %). Наименьшие – Прохладненский район (12 %), г. Нальчик – 18,2 %, Черекский район (20 %), Баксанский район (20,8 %) [18, л. 4]), позиции ОПОО «Отчество» в республике были достаточно прочными. Так, среди депутатов Советов местного самоуправления в Урванском районе 80% от общего числа депутатов были представители «Отечества». В Городском Совете местного самоуправления г. Нальчика из 35 депутатов – 19 члены «Отечества». В Черекском районе в Совет местного самоуправления входили 11 человек от «Отечества», что составляло 62% от общего числа [18, лл. 13, 14, 17].

В 2001 г. произошло слияние блока ОВР с движением «Единство» в партию «Единая Россия». В связи с чем, на IV съезде ОПОО «Отечество» 9 апреля 2002 г. было принято решение о самороспуске ОВР. 9 февраля 2002 г. уже в соответствии с Уставом регионального отделения ОПОО «Отечество-вся Россия» было ликвидировано Кабардино-Балкарское региональное отделение ОПОО ОВР [27, л. 2].

Таким образом, партогенез в Кабардино-Балкарии в 90-х гг. XX в. начался позже, чем на федеральном уровне и стал результатом общих тенденций российского партийного строительства. Деятельность региональных отделений федеральных политических партий и движений можно охарактеризовать следующим образом:

- формировались они как избирательные штабы в период выборных компаний 90-х гг. и, несмотря на активность, они так и смогли в полной мере стать субъектами региональной политики и завоевать устойчивые позиции в политическом пространстве Кабардино-Балкарии; (роль региональных политических партий в период выборов будет рассмотрена в дальнейшем);
- ярко выраженного партийного плюрализма в Кабардино-Балкарии не сложилось (впрочем, как и на федеральном уровне), так как региональные партии не смогли выстроить отношения сотрудничества с местной властью. Ни партии коммунистической, ни либерально-демократической направленности, сформировавшиеся в указанный период, не имели влияния на органы власти в регионе, хотя лидерство и оппозиционность в республике «левых» партий были очевидными;
- оставаясь малочисленными, за исключением КП КБР, региональные отделения политических российских партий не имели определенной социальной базы, соответственно значительной поддержкой населения не пользовались.

К началу 2000 г. в Кабардино-Балкарии сформировалась своего рода «двухпартийная система», при которой на политической арене появилась новая «партия власти» («Единая Россия») и оппозиция. Их деятельность в дальнейшем изменит расстановку сил в республике.

Источники и литература

1. Аккиева С.И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. 2002. 441 с.
2. Боров А.Х. Кабардино-Балкария на выборах 1990-х г.: поиск стабильности в нестабильной политической среде. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2016. №5(73). С. 166-170.
3. Второй этап II съезда ОПОО Отечество // Архив официального сайта ОПОО Отечество. URL:http://web.archive.org/web/20010311232852/http://www.otech.ru/docs/22.html. (Дата обращения: 20.08. 2020).
4. Гельман В.Я. О становлении российской партийной системы и практиках политических коалиций // Полис. 1997. №3. С. 188-191
5. Голосов В.Т. Партийные системы России и стран Восточной Европы: тенденция, структура, динамика. М.: Магистр, 1999. 284 с.

6. Гугова М.Х. Формирование многопартийности в Кабардино-Балкарии в последней четверти XX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2007. №1(17). С. 123-135.
7. Дюверже М. Политические партии. М.: академический проект, 2000. 538 с.
8. Кабардино-Балкарская правда. 1999. 30 марта.
9. Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применения транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций//Полис. 2004. № 4. С. 6-27.
10. Кобринский А. Лидеры ЛДПР, КПРФ и «Яблока» в Государственной Думе 1995 – 1999. По материалам стенограмм пленарных заседаний Государственной Думы. М.: МГУ, 2003. 503 с.
11. Коргунюк Е.Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007. 544 с.
12. Коргунюк Е.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие) М.: Вагриус, 1996. 249 с.
13. Лапаева В.В. Становление многопартийности в России (социально-правовой анализ) // Государство и право. 1995. №8. С. 3-13.
14. Лапкин В.В., Пантин В.И. Политические ориентации и политические институты в современной России: проблемы коэволюции// Полис. Политические исследования. 1999. № 6. С. 70-80.
15. Лебедев В. А. Идеологическое многообразие и российская многопартийность: размышления о судьбе статьи 13 Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. №11. С. 2-5.
16. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследовании. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.
17. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. №4. С. 204–234.
18. Макаренко Б.И. Партийная система в России: эволюция, нынешнее состояние и перспективы. М.: Центр Карнеги, Центр полит. исслед. 2001. С. 11.
19. Моя республика. 1997. 30 октября.
20. Программа Аграрной партии России. Принята на учредительном съезде АПР 23 февраля 1993 г. URL: http://viperson.ru/articles/programma-agrarnoy-partii-rossii. (Дата обращения: 6.10.2020).
21. Тетуев А.И. Этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии в период системной трансформации российского общества: особенности и основные тенденции. Нальчик: Принт Центр, 2018. 240 с.
22. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы КБР (далее – УЦДНИ АС КБР). Ф. 2623. Оп. 1. Д. 1.
23. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2623. Оп. 1. Д. 10.
24. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2623. Оп. 1. Д. 14.
25. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2623. Оп. 1. Д. 60.
26. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2623. Оп. 1. Д. 61.
27. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 1.
28. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 118.
29. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 12.
30. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 34.
31. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 39.
32. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 97.
33. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2665. Оп. 1. Д. 17.
34. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2665. Оп. 1. Д. 2.
35. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2665. Оп. 1. Д. 22.
36. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2665. Оп. 1. Д. 34.
37. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2665. Оп. 1. Д. 35.
38. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2665. Оп. 1. Д. 4.
39. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2665. Оп. 1. Д. 76.
40. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2665. Оп. 1. Д.21. Л. 1-21.
41. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2665. Оп. 1. Д.23.
42. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2665. Оп. 1. Д.9.
43. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2679. Оп. 1. Д. 1.
44. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 161.
45. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 23.
46. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 36.
47. Хенкин С.М. «Партия власти»: штрихи к портрету // Полития. 1997. 31(3). С. 28 -36.
48. Шашкова Я.Ю. Динамика руководящего состава региональных отделений политических партий в Юго-Западной Сибири в 1990-2000-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. №413. С. 162 – 171.
49. Шмачкова Т.В. Теории коалиции и становление российской многопартийности: методики рационализации политического процесса // Полис. 1996. №5. С.28-52.

References

1. Akkieva S.I. Razvitie etnopoliticheskoj situacii v Kabardino-Balkarskoj Respublike (postsovetskij period). (Development of the ethnopolitical situation in the Kabardino-Balkar Republic (post-Soviet period). Moscow: In-t of ethnology and anthropology of the Russian Academy of Sciences publ, 2002. 441 p. (In Russian).
2. Borov A.H. Kabardino-Balkariya na vyborah 1990-h g.: poisk stabil'nosti v nestabil'noj politicheskoj srede (Kabardino-Balcaria in the elections of the 1990s: the search for stability in an unstable political environment) // Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. 2016. No. 5(73). P. 166-170. (In Russian).

3. Vtoroj etap II s»ezda OPOO Otechestvo (The second level congress OPOO Native land). URL:http://web.archive.org/web/20010311232852/http://www.otech.ru/docs/22.html. (Accessed: 20.08. 2020). (In Russian).
4. Gel'man V.Ya. O stanovlenii rossijskoj partijnoj sistemy i praktikah politicheskih koalicij. (On the formation of the Russian party system and the practices of political coalitions) // Polis. 1997. No. 3. P. 188-191. (In Russian).
5. Golosov V.T. Partijnye sistemy Rossii i stran Vostochnoj Evropy: tendenciya, struktura, dinamika. (Party systems of Russia and Eastern Europe: trend, structure, dynamics). Moscow: Master, 1999. 284 p. (In Russian).
6. Gugova M.H. Formirovanie mnogopartijnosti v Kabardino-Balkarii v poslednej chetverti HH v. (Formation of multi-partyism in Kabardino-Balkariya in the last quarter of the 20th century) // Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. 2007. No. 1(17). P. 123-135. (In Russian).
7. Dyuverzhe M. Politicheskie partii (Political parties) Moscow: An academic project, 2000. 538 p. (In Russian).
8. Kabardino-Balkarskaya pravda. March 30. 1999. (In Russian).
9. Karl T.L., Shmitter F. Demokratizaciya: koncepty, postulaty, gipotezy. Razmyshleniya po povodu primeneniya tranzitologicheskoj paradigmy pri izuchenii postkommunisticheskih transformacij. (Democracy: concepts, postulates, hypotheses. Reflections on the application of the transit paradigm in the study of post-communist transformations) // Polis. 2004. No. 4. P. 6-27. (In Russian).
10. Kobrinskij A. Lidery LDPR, KPRF i «Yabloka» v Gosudarstvennoj Dume 1995 – 1999. Po materialam stenogramm plenarnyh zasedanij Gosudarstvennoj Dumy. (Leaders of the LDPR, cpr and Yabloko in the State Duma 1995 - 1999. According to the transcripts of the plenary sessions of the State Duma). Moscow: MSU publ., 2003. 503 p. (In Russian).
11. Korgunyuk E.G. Stanovlenie partijnoj sistemy v sovremennoj Rossii. (The formation of a party system in modern Russia. M.: INDEM Foundation). Moscow City Teachers' University, 2007. 544 p. (In Russian).
12. Korgunyuk E.G., Zaslavskij S.E. Rossijskaya mnogopartijnost' (stanovlenie, funkcionirovanie, razvitie). (Russian Multiparty (formation, functioning, development)) Moscow: Vagrius, 1996. 249 p. (In Russian).
13. Lapaeva V.V. Stanovlenie mnogopartijnosti v Rossii (social'no-pravovoj analiz). (Becoming multiparty in Russia (social and legal analysis))//State and law. 1995. No. 8. P. 3-13. (In Russian).
14. Lapkin V.V., Pantin V.I. Politicheskie orientacii i politicheskie instituty v sovremennoj Rossii: problemy koevolyucii. (Political orientations and political institutions in modern Russia: the problems of co-evolution)// Polis. Political research. 1999. No. 6. P. 70-80. (In Russian).
15. Lebedev V. A. Ideologicheskoe mnogoobrazie i rossijskaya mnogopartijnost': razmyshleniya o sud'be stat'i 13 Konstitucii Rossijskoj Federacii. (Ideological Diversity and Russian Multipartyism: Reflections on the Fate of Article 13 of the Constitution of the Russian Federation) // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2010. No. 11. P. 2-5. (In Russian).
16. Lejphart A. Demokratiya v mnogosostavnyh obshchestvah: sravnitel'noe issledovanii (Democracy in multi-part societies: comparative research). Moscow: Aspect Press, 1997. 287 p. (In Russian).
17. Lipset S., Rokkan S. Struktury razmezhevanij, partijnye sistemy i predpochteniya izbiratelej. Predvaritel'nye zamechaniya (Structures of disassociation, party systems and preferences of voters. Preliminary observations) // Politicheskaja nauka. 2004. No. 4. P. 204 – 23. (In Russian).
18. Makarenko B.I. Partijnaya sistema v Rossii: evolyuciya, nyneshnee sostoyanie i perspektivy. (Party system in Russia: evolution, current state and prospects). Moscow: Carnegie Center, Political Center. Research publ, 2001. (In Russian).
19. Moya respublika. 1997. October 30. (In Russian).
20. Programma Agrarnoj partii Rossii. Prinyata na uchreditel'nom s»ezde APR 23 fevralya 1993 g. (The program of the Agrarian Party of Russia. Adopted at the founding congress of the APR on February 23, 1993).URL: http://viperson.ru/articles/programma-agrarnoy-partii-rossii. (Accessed: 06.10.2020). (In Russian).
21. Tetuev A.I. Etnopoliticheskie processy v Kabardino-Balkarii v period sistemnoj transformacii rossijskogo obshchestva: osobennosti i osnovnye tendencii (Ethnopolitical processes in Kabardino-Balkariya during the systemic transformation of Russian society: features and major trends). Nalchik: Print Center, 2018. 240 p. (In Russian).
22. Directorate of the Center for Documentation of Contemporary History of the Archival Service of the KBR (UTSDNI AS KBR). F. 2623. Inv. 1. D. 1. (In Russian).
23. ODCMH AS CBR. F. 2326.Inv. 1. D. 10. (In Russian).
24. ODCMH AS CBR. F. 2623. Inv. 1. D. 14. (In Russian).
25. ODCMH AS CBR. F. 2623. Inv. 1. D. 60. (In Russian).
26. ODCMH AS CBR. F. 2623. Inv. 1. D. 61. (In Russian).
27. ODCMH AS CBR. F. 2638. Inv. 1. D. 1. (In Russian).
28. ODCMH AS CBR. F. 2638. Inv. 1. D. 118. (In Russian).
29. ODCMH AS CBR. F. 2638. Inv. 1. D. 12. (In Russian).
30. ODCMH AS CBR. F. 2638. Inv. 1. D. 34. (In Russian).
31. ODCMH AS CBR. F. 2638. Inv. 1. D. 39. (In Russian).
32. ODCMH AS CBR. F. 2638. Inv. 1. D. 97. (In Russian).
33. ODCMH AS CBR. F. 2665. Inv. 1. D. 17. (In Russian).
34. ODCMH AS CBR. F. 2665. Inv. 1. D. 2. (In Russian).
35. ODCMH AS CBR. F. 2665. Inv. 1. D. 22. (In Russian).
36. ODCMH AS CBR. F. 2665. Inv. 1. D. 34. (In Russian).
37. ODCMH AS CBR. F. 2665. Inv. 1. D. 35. (In Russian).
38. ODCMH AS CBR. F. 2665. Inv. 1. D. 4. (In Russian).
39. ODCMH AS CBR. F. 2665. Inv. 1. D. 76. (In Russian).
40. ODCMH AS CBR. F. 2665. Inv. 1. D. 21. (In Russian).
41. ODCMH AS CBR. F. 2665. Inv. 1. D. 23. (In Russian).
42. ODCMH AS CBR. F. 2665. Inv. 1. D. 9. (In Russian).

43. ODCMH AS CBR. F. 2679. Inv. 1. D. 1. (In Russian).
44. ODCMH AS CBR. F. 2692. Inv. 1. D. 161. (In Russian).
45. ODCMH AS CBR. F. 2692. Inv. 1. D. 23. (In Russian).
46. ODCMH AS CBR. F. 2692. Inv. 1. D. 36. (In Russian).
47. Henkin S.M. «Partiya vlasti»: shtrihi k portretu. («Party of Power»: touches to touches to the portrait.) // Politia. 1997. No. 31(3). P. 28–36. (In Russian).
48. Shashkova Ya.Yu. Dinamika rukovodyashchego sostava regional'nyh otdelenij politicheskih partij v Yugo-Zapadnoj Sibiri v 1990-2000-e gg. (The dynamics of the leadership of the regional branches of political parties in South-Western Siberia in the 1990s and 2000s) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. No. 413. P. 162–171. (In Russian).
49. Shmachkova T.V. Teorii koalicii i stanovlenie rossijskoj mnogopartijnosti: metodiki racionalizacii politicheskogo processa. (Theories of coalition and the formation of Russian multipartyism: methods of rationalization of the political process) // Polis. 1996. No. 5. P. 28–52. (In Russian).

Сведения об авторах

Шаожева Наталья Анатольевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Нальчик) / disana05@mail.ru

Гугова Марина Хабасовна – кандидат исторических наук, Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Нальчик) / gugowa@mail.ru

Information about the authors

Shaozheva Natal'ja – Doctor of Political Science, Lead Researcher, Center for Social and Political Studies, Kabardino-Balkaria Research Center of the Russian Academy of Sciences (Nalchik) / disana05@mail.ru

Gugova Marina – PhD in History, Institute of Humanities Studies – a branch of the Federal State Budgetary Research Institution Kabardino-Balkaria Research Center of the Russian Academy of Sciences (Nalchik) /gugowa@mail.ru

УДК 340:159.92
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.18

О.Н. Борисова
А.П. Жуков
А.М. Плиева

ПОНИМАНИЕ ЗАКОНА СУБЪЕКТОМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ СОЗНАНИЯ[1]

Стремительный век информационных технологий все активнее, объемнее и безысходно вовлекает индивидов в мир бесконтрольного потока данных. Информация сегодня становится детерминантой развития субъекта.

В статье речь идет об агрессивном влиянии информационной среды на формирование сознания подростков. Сегодня все чаще познание в периоде пубертата подчинено хаотичному бессистемному агрессивному влиянию знаковых систем, обедняющих полноту восприятия окружающей действительности, разрушающих объективность картины миры, уводящих от системного анализа, формирующие клиповое мышление и в итоге приводящее к деструкции процесса осмысления реальности и своего места в ней (нигилизм, девиации, делинквентность и пр.).

Раскрывается механизм осознанного понимания законов, существующих в обществе, на фоне целерационального участия социальных институтов в процессе социализации. Приводится критика педоцентрической теории и методики обучения, согласно которой решающая и руководящая роль учителя в процессах обучения и воспитания сводилась в основном к руководству самодеятельностью учащихся и пробуждению их пытливости.

Приводятся рекомендации по нивелированию траектории созревания правосознания субъекта в процессе накопления социального опыта через возврат к истокам традиционной педагогики и правовое сопровождение государственными институтами.

Ключевые слова: информация, агрессивная среда, девиантное поведение, понимание, сознание, социализация, правосознание.

Oksana Borisova
Alexey Zhukov
Aza Plieva

THE SUBJECT'S LAW AWARENESS ON A PSYCHOLOGICAL LEVEL

The fast-paced age of information technology more actively, more voluminously and desperately involves individuals in the world of uncontrolled data flow. Information today is becoming a determinant of the development of the subject.

The article deals with the aggressive influence of the information environment on the development of the consciousness of adolescents. Today, more and more often cognition during puberty is subordinated to the chaotic unsystematic aggressive influence of sign systems that impoverish the reality awareness, destroy the objectivity of the world view, lead away from system analysis, form clip thinking and ultimately lead to the destruction of the process of comprehending reality and one's place in it (nihilism, deviations, delinquency, etc.).

The mechanism of a conscious understanding of the social laws is revealed against the background of the goal-oriented rational participation of social institutions in the process of socialization. The pedocentric theory and teaching methodology, according to which the decisive and leading role of the teacher in the educational processes was reduced mainly to guiding students' self-activity and awakening their inquisitiveness, are criticized.

Recommendations for leveling the trajectory of the maturation of the subject's legal consciousness in the process of accumulating social experience through a return to the origins of traditional pedagogy and legal support by state institutions are given.

Key words: information, aggressive medium, deviant behavior, understanding (conception), conscience, socialization, legal awareness.

В ходе работы над реализацией научного проекта «Психологическое сопровождение несовершеннолетних в образовательном процессе в Республике Южная Осетия и Российской Федерации» возникший вопрос о причинах формированию аддиктивного и аутодеструктивного поведения повлек за собой необходимость исследовать методологическую составляющую феномена понимание.

Стремительный век информационных технологий все активнее, объемнее и безысходно вовлекает индивидов в мир бесконтрольного

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РЮО в рамках научного проекта № 20-513-07003 МОН РЮО

потока данных. Информация сегодня становится детерминантой развития субъекта. Открытым остается вопрос степени и качества ее влияния: весьма важно для развития личности целенаправленное организованное дозированное влияние, способствующее прогрессу в сознании, обеспечивает адекватную социализацию, рациональное осмысление процессов жизнедеятельности общества, стремление следовать установленным законам. То влияние, которое призваны оказывать социальные институты, обладающие хоть и принудительной силой для личности, но имеющие моральный авторитет и воспринимающиеся как внешняя объективная реальность. Речь идет о так называемом добровольном принятии действующих в обществе норм и следовании предписаниям нормативно-правовых актов на уровне рационального понимания, которое обеспечивается сформированной волей и мотивацией. Но, к сожалению, сегодня все чаще познание в периоде пубертата подчинено хаотичному бессистемному агрессивному влиянию знаковых систем, уводящих от системного анализа, обедняющих полноту восприятия окружающей действительности, разрушающих объективность картины миры, формирующие клиповое мышление и в итоге приводящее к деструкции процесса осмысления реальности и своего места в ней (нигилизм, девиации, делинквентность и пр.) см. Схема 1.

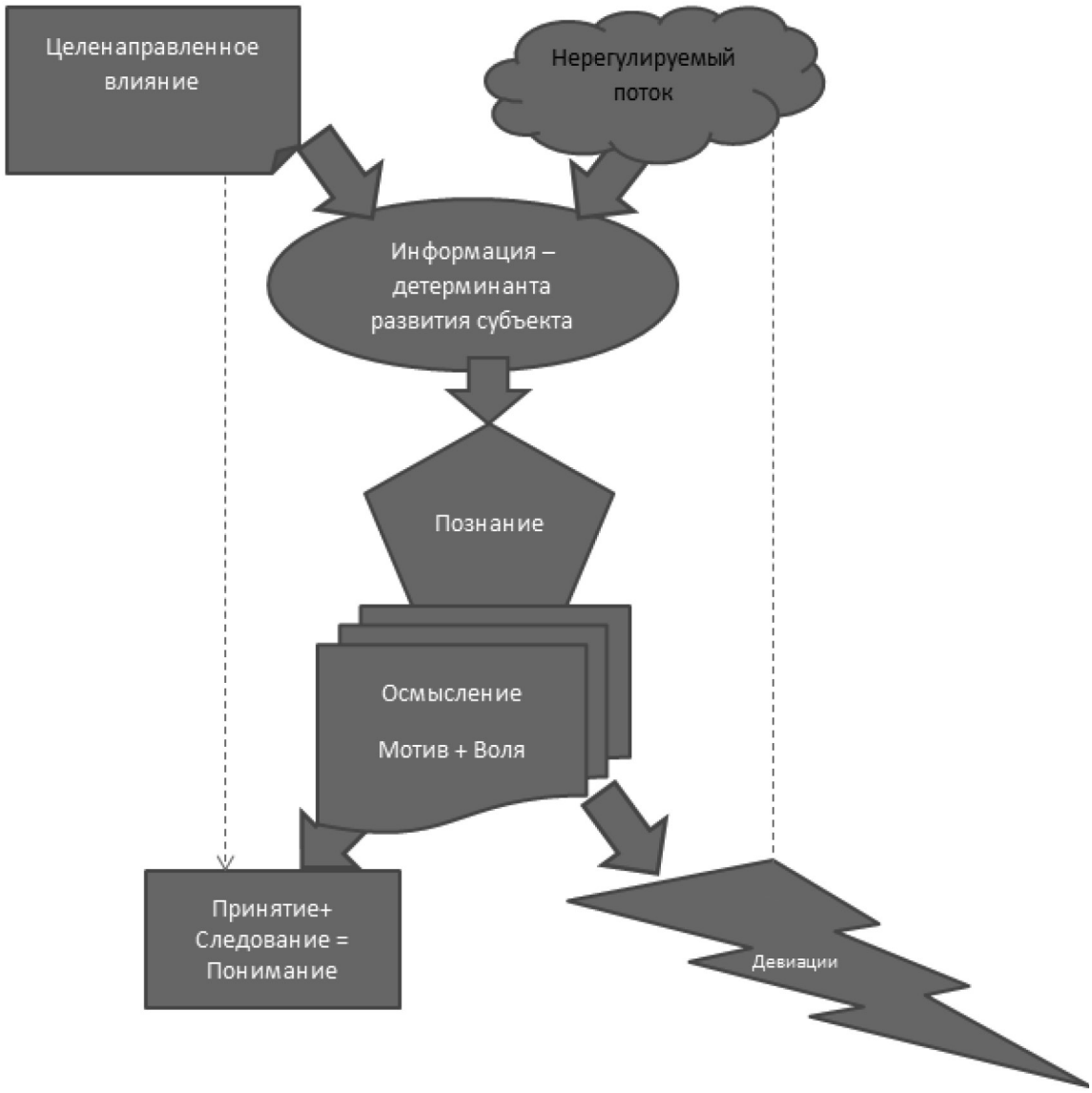

Схема 1. Влияние информации на формирование правосознания

Бороться при помощи запретов и жестких санкций оказывается совершенно неэффективным приемом. Ввиду возрастных особенностей подростков, в частности обостренного максимализма и сверхэмоционального восприятия реальности бытия опосредованных ограниченностью социального опыта, мы рискуем безвозвратно утратить возможность диалога с подрастающим поколением. Рискуем «заблокировать» все пути целерациональной коммуникации.

Следует обратить быстроразвивающийся искусственный интеллект на благо человека. Не замещая его, а создавая основу для дальнейшего развития.

Небезызвестная древнеримская юридическая формула «Законы писаны для бодрствующих» возвращает нас к функциональной психологии сознания.

Согласно метафоре Уильяма Джеймса «сознание есть приспособительный акт, созданный природой для выживания в меняющихся условиях» [7]. Объемная томограмма, как череда сменяющихся снимков окружающей человека среды, фиксируемых органами чувств может быть фиксирована только волевым актом по законам функционирования кратковременной памяти. Этот поток сознания повторить невозможно, как если бы дали вторую попытку цыпленку исправить ошибку импринтинга. С точки зрения У. Джеймса сознание опосредовано законами природы и над ним экспериментировать, используя традиционную экспериментальную психологию, непроизводительно.

Революционную идею в психологии сознания выдвинул американский философ Джон Дьюи. «Опытным» путем он предлагает решать философские проблемы, встающие перед человечеством. Так как все научные теории рождаются в ходе экспериментов и опытов, то и задачу науки он видит в перспективном планировании будущего и поиске оптимальных средств для его осуществления. Философский смысл проблемы бытия Дьюи называет курьезом «ортодоксального эмпиризма», вещь априорная и апостериорная в концепции И.Канта. Дьюи вводит категорию страха как функцию среды, которая и опосредует в дальнейшем мировоззрение человека. Полный опасности мир повергает человека в страх. Страх управляет сознанием. Добро существует само по себе, а зло – оно по всюду [8].

Отсюда, сугубо прагматически следует, что человеку следует конструировать свою картину мира на условиях выживания в мире полном опасностей. И так же задача познания заключается в создании новых и новейших способов модификации опыта в интересах человека. Истина, по Дьюи, кроется не в самом факте существования чего-либо вообще, а в способах конструирования познания. Человек ищет знание не ради абсолюта, а сугубо в интересах выживания [8].

Педоцентрическая теория и методика обучения Дьюи, наделяющая учителя определяющей и руководящей ролью в образовательном процессе, основной целью ставит руководство самодеятельностью учащихся через развитие пытливости [8].

В своей методике Дьюи большое внимание уделяет воспитанию трудом, не игнорирует такие средства оптимизации познавательных процессов как игры, импровизации, занятия художественной самодеятельностью, походы и экскурсии. Высоко ценил индивидуальность личности, свободу в противовес воспитанию дисциплины.

Эта идея либерализма активно подхвачена современной российской школой. К сожалению, разрушает исконные постулаты традиционной педагогической мысли.

Воспитание трудом, собственным примером, глубокое уважение героических подвигов предков, почтение старших формировало ту самую любовь к отчизне. Почитание отца и матери считалось главной добродетелью человека. Крестьяне заботились о том, чтобы жизнь детей была благополучной, гармонично развивались и физически и духовно: были в согласии с собой и окружающими. Прививали навыки доброты, всепрощения, самопожертвования. Предостерегали от худого глаза, злого навета, невежества, мстительности, ориентировали на поиск справедливости как наиболее целесообразного с точки зрения сохранения жизнеспособности социума способа решения конфликта (ответить на обиду, не откладывая на долгий срок, здесь и сейчас – словом или кулаком – или простить по возможности). Высоко ценилось умение прощать.

Патриархально-родовой быт крестьян органично сочетался с честным выполнением взятых на себя обязательств в части долга перед Богом и людьми. Здесь и зародилось «обычное право», которое свято чтили и прививали своим чадам родители [5].

Трансформация общественно-политического устройства и экономического уклада, уход в нуклеаризацию современной семьи, культивирование традиций радикального феминизма, значительная андрогинизация активно способствуют формированию девиантного поведения у детей (социальные проявления личности, дрейфующие в континуально-конституциональном пространстве от общепринятых, наиболее распространённых и устоявшихся норм в сторону асоциальности и аддикций), блокирует фазу понимания в общем алгоритме формирования правового сознания субъекта.

Развитие правового государства, укрепление правопорядка, формирование законопослушного гражданского общества невозможно без всестороннего и комплексного исследования проблем правосознания. Повышение уровня правовой культуры, совершенствование правовой грамотности участников гражданских правоотношений

и в целом укрепление модели социального поведения должно сопровождаться реализацией программ, ориентированных на минимизацию деформации правового сознания граждан, и в частности несовершеннолетних. Несовершеннолетние являются наиболее уязвимой частью российского общества по причине свойственной им неустоявшейся психики и несформированной до конца системы ценностей, поэтому вопросы развития и укрепления их правовой грамотности и правосознания весьма актуальны в современных условиях развития социально правового государства [4].

И.И. Карпец и А.Р. Ратинов первыми в юридической науке сформулировали идею негативного отношения к правовым нормам и ценностям, считая одной из конкретных, ближайших и непосредственных причин, порождающих преступление и отличающих его от иных антиобщественных поступков, разрушение или пробелы в правовых ценностях юридического сознания индивида: либо правовой негативизм правосознания личности, либо правовой инфантилизм [3].

С точки зрения герменевтики правовой инфантилизм можно расценить как парадигму активности субъекта, раскрывающую связи между мотивами (ценностями, ориентациями, установками), которыми руководствуется человек, и его поступками. Понять – значит осознать ту цель, которую индивид преследовал и надеялся реализовать, совершая конкретный поступок.

Понимание (как дефиниция) закона видится нам как сумма принятия нормы и следование ей. Принятие включает в себя волевой акт и мотивацию (желания, стремления, склонности, потребности, интересы), ориентированные на выполнение задачи. Следование – закономерный алгоритм правомерного поведения. Чем четче факт принятий, тем выше степень правомерности.

Сегодня идёт слом системы базовых моральных принципов и насаждение альтернативных норм. Это происходит повсеместно путём уничтожения традиционных систем семьи и брака, снижения авторитета религии. Взамен этим базовым системам предлагается абсолютизация свободы личности: дети важнее родителей, не существует авторитетов, исчезает уважение к старшим, в интернете можно говорить и призывать к чему угодно — от теракта до самоубийства, ведь это свобода личности. Такая абсолютизация свободы личности используется как «кувалда» для разрушения государственного суверенитета. А суверенное государство, на самом деле — это единственный инструмент, институт, способный обеспечить права личности и её свободу. В результате происходит замена организованного цивилизованного сообщества совокупностью легкоуправляемых отдельных индивидов [2].

Определить и оценить количественную категорию причин, опосредующих социализацию последующих поколений по сравнению с предыдущими, меняющих их мировоззренческие установки и спектр переживаний, весьма сложно. Не в одинаковой степени каждый ребенок осознает все то, что движет им и что побуждает его к действиям (мысли, чувства, поступки). С 2012 года эта тенденция набирает обороты и до настоящего момента не теряет своей «остроты».

Побуждает к пересмотру педагогических концепций и методик воспитания и обучения научный факт о снижении временного порога концентрации внимания подростков 12 – 14 лет. Мы проигрывает им 4 секунды со среднестатистических 12 секунд [6].

Психологи, психофизиологи, нейропсихологи, исследующие человека в пубертатном периоде, акцентируют внимание на доминирование у подростков иррационального над рациональным, эмоций над волевыми процессами, а это в свою очередь проявляется в экспрессивных поведенческих реакциях. Эмоциональные переживания становятся глубже, ситуативные реакции все чаще заменяются надситуативными, реакции на раздражители обретают большую устойчивость и длительность. Но поскольку обыденное бытие у подростка еще скудновато, то несовершеннолетним характерно постоянное стремление к самоутверждению, бунтарству, амбивалентности, проявлениям своей самости. В среде сверстников стремятся к постоянному противопоставлению себя, возвеличиванию своей персоны, казаться знающим жизнь. Часто это влечет за собой рефлекторное подражание асоциальным формам поведения, непринятие и даже отрицание воспитательного влияния общества [7].

Подросткам чаще других возрастов свойственен конформизм в противовес социально-активного поведения. Боязнь прослыть «белой» вороной уводит формирующееся сознание в сторону более привлекательного поведения в плане эмоциональных переживаний. Эмоциональный мир подростка гораздо ярче, чем у взрослого. При этом степень рационализма страдает. Отсюда и затруднения в принятии разумных решений. А эти тенденции подкрепляются той самой интернет-средой (Цифровой ГУЛАГ по определению М.Ковальчука). Ранний вход в эту среду сродни эффекта импринтинга. Сиюминутное запечатление лишает в последующем взрослых возможности скорректировать траекторию развития индивида в рамки социально-приемлемой идентичности (гражданина, патриота, самодостаточная личность в среде себе подобных).

Безусловно, изолировать ребенка от информационного поля невозможно, но вот создать условия, в рамках которых, тот же самый индивид будет развиваться, а не деградировать вполне реально.

Воспитание воли у подростков, как основы последующего понимания, — задача прежде всего взрослых, родителей и педагогов, как агентов

первичной социализации личности. Из-за социальной незрелости подросткам сложно регулировать волевые процессы, самостоятельно им может быть сложно принимать решения и справляться с сильными эмоциями. Обществу важно осознать и принять как данность, что это просто такой период, требующий неустанного внимания и создания условий для развития у детей ответственности и силы воли.

Со стороны государства в плане устранения проблем перехода к статусу правового назрела необходимость систематизации законодательства в области семейного воспитания, образовательной политики, медиасреды, экранной культуры, анализ международных правовых актов, определяющих права детей на образование, пользование достижениями культуры, правом на отдых и досуг и оказание иных услуг детям, безусловно, с учетом сохранения национальной самобытности.

Достаточно показателен опыт зарубежных стран с точки зрения формирования развивающей среды, основывающейся на принципах гуманизма и верховенства права.

В марте 2020 г. Некоммерческой организацией World Justice Project (WJP) опубликован обновленный Индекс верховенства права (Rule of Law Index – RLI). В 2020 г. индекс рассчитывался для 128 стран.

Первые три строки в RLI согласно результатам рейтинга, заняли Дания, Норвегия и Финляндия. Они являются в 2020 году лидерами в области соблюдения принципа верховенства права. Самые низкие результаты - Венесуэла, Камбоджа и Демократическая Республика Конго.

Итоговая оценка Российской Федерации в общем рейтинге заняла 94-е место, опустившись на четыре позиции (против 90-го в 2019 году). Из 14 государств регионального рейтинга Восточной Европы и Центральной Азии Россия заняла предпоследнее место, расположившись между Узбекистаном и Турцией [1].

Таким образом, понимание как дефиниция есть предикат законопослушания, которое формируется «опытным» путем посредством активного контроля за изменяющимся ходом событий со стороны государства.

Литература

1. Индекс верховенства права 2020. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_indeks_verhovenstva_prava_2020 (Дата обращения: 21.12.2020).
2. Ковальчук М. Колонизация заменилась технологическим порабощением // Аргументы и Факты. 2020. № 42.
3. Карпец И.И., Ратинов А.Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. №12.
4. Лещенко О.В. Деформация правового сознания несовершеннолетних: теоретико-правовая постановка проблемы URL: www.sovremennoepravo.ru (Дата обращения: 21.12.2020).
5. Национальные традиции семейного воспитания русского народа URL: https://www.baby.ru/blogs/post/246120108-157647672/ (Дата обращения: 21.12.2020).
6. Понятие мотивации, её роль в жизни человека URL: https://headlife.ru/motivaciya/ (Дата обращения: 21.12.2020).
7. Психология сознания URL: https://www.psychologos.ru/articles/view/psihologiya-soznaniya (Дата обращения: 21.12.2020).
8. Функциональная психология. Жизненное значение психики URL: https://studme.org/48143/psihologiya/funktsionalnaya_psihologiya_zhiznennoe_znachenie_psihiki (Дата обращения: 21.12.2020).

References

1. Indeks verhovenstva prava 2020 (Rule of Law Index 2020). URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_indeks_verhovenstva_prava_2020 (Accessed: 21.12.2020). (In Russian).
2. Koval'chuk M. Kolonizacija zamenilas' tehnologicheskim poraboshheniem (Colonization replaced by technological enslavement) // Argumenty i Fakty. 2020. No. 42. (In Russian).
3. Karpec I.I., Ratinov A.R. Pravosoznanie i prichiny prestupnosti (Legal awareness and causes of crime) // Sovetskoe gosudarstvo i No. No. 12. (In Russian).
4. Leshhenko O.V. Deformacija pravovogo soznanija nesovershennoletnih: teoretiko-pravovaja postanovka problemy (Deformation of the legal consciousness of minors: theoretical and legal formulation of the problem) URL: www.sovremennoepravo.ru (Accessed: 21.12.2020). (In Russian).
5. Nacional'nye tradicii semejnogo vospitanija russkogo naroda (National traditions of family education of the Russian people) URL: https://www.baby.ru/blogs/post/246120108-157647672/ (Accessed: 21.12.2020). (In Russian).
6. Ponjatie motivacii, ejo rol' v zhizni cheloveka (The concept of motivation, its role in human life) URL: https://headlife.ru/motivaciya/ (Accessed: 21.12.2020). (In Russian).
7. Psihologija soznanija (Psychology of consciousness) URL: https://www.psychologos.ru/articles/view/psihologiya-soznaniya (Accessed: 21.12.2020). (In Russian).
8. Funkcional'naja psihologija. Zhiznennoe znachenie psihiki (Functional psychology. The vital significance of the psyche) URL: https://studme.org/48143/psihologiya/funktsionalnaya_psihologiya_zhiznennoe_znachenie_psihiki (Accessed: 21.12.2020). (In Russian).

Сведения об авторах:

Борисова Оксана Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры журналистики гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / onborisova@ncfu.ru

Жуков Алексей Петрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / azhukov@ncfu.ru

Плиева Аза Муратовна – преподаватель кафедры педагогики и психологии факультета естественных наук и психологии Южно-Осетинского государственного университета (РЮО, г. Цхинвал) / aza.plieva@mail.ru

Information about the authors:

Borisova Oksana – PhD in Psychology Sciences, Associate Professor of journalism Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / onborisova@ncfu.ru

Zhukov Alexey – PhD in law, associate Professor of administrative and financial law Department, Institute of law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / azhukov@ncfu.ru

Plieva Aza – teacher of the Department of pedagogy and psychology, faculty of natural Sciences and psychology, South Ossetian State University (RSO, Tskhinval) / aza.plieva@mail.ru

УДК 341.217
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.19

А.Н. Захарин,
Р.В. Нутрихин

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОГО ПРОСТРАНСТВА СТРАН-УЧАСТНИЦ ЕАЭС[1]

Данная статья посвящена анализу проблем и определению эффективных механизмов обеспечения экологической безопасности в условиях функционирования единого экономического пространства стран-участниц ЕАЭС. Особую актуальность обеспечению экологической безопасности на современном этапе придает необходимость стабильного развития земельных и иных природоресурсных, природоохранных отношений, экологического правопорядка, внедрения механизмов гармонизации или унификации норм права в условиях стремления стран-участниц Евразийского экономического союза укреплять национальные экономики и добиваться роста их конкурентоспособности в масштабе мировой экономической системы. Поступательное развитие Евразийского экономического союза и потребность в осуществлении значимых инфраструктурных и инвестиционных проектов для реализации концепции устойчивого развития в странах-участницах ЕАЭС приводит к усилению интеграционных процессов, направленных на обеспечение экологической безопасности и эффективного природопользования в этой международной организации.

Правовым механизмом реализации такого взаимодействия для государств ЕАЭС может считаться гармонизация, позволяющая осуществить согласование общих подходов и концепций, совместную разработку правовых принципов и выработку совместных решений по актуальным для всех государств проблемам. Правовые проблемы развития интеграции правового регулирования экологической безопасности в странах ЕАЭС определяются отсутствием единообразных подходов и действующих нормативно-правовых актов по вопросам экологической безопасности, различными формами, множественностью, декларативностью и несогласованностью национального законодательства, регулирующего обеспечение экологической безопасности.

Для стран-участниц ЕАЭС, включая Россию, наличие общих вызовов в комплексной сфере охраны окружающей среды, потребность в обеспечении должного состояния экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов выводит на новый уровень проблему развития интеграционных процессов, связанных с регулированием экологической сферы. Созданию эколого-безопасного пространства государств-членов ЕАЭС будет способствовать усиление единства национального права и расширение областей общественных отношений, подлежащих регулированию на уровне Союза.

Разработка и закрепление в актах ЕАЭС правовых основ экологической безопасности не только выведет законодательство стран-участниц Союза в данной сфере на новый качественный правовой уровень, но и создаст основу для эффективного сотрудничества между государствами, послужит действенным эффективного сотрудничества между государствами, послужит действенным средством исполнения международных обязательств в сфере охраны и рационального использования окружающей среды.

Ключевые слова: экологическая безопасность, единое пространство, гармонизация законодательства.

Andrey Zakharin
Roman Nutrikhin

LEGAL PROBLEMS OF THE FORMATION OF A SINGLE ENVIRONMENTALLY SAFE SPACE OF THE EAEU MEMBER STATES

The article is devoted to the analysis of problems and the identification of effective mechanisms for ensuring environmental safety in the conditions of the functioning of the common economic space of the EAEU member states. The need for the stable development of land and other natural resource, environmental protection relations, environmental law and order, the introduction of mechanisms for the harmonization or unification of the norms of law in the context of the desire of the member states of the Eurasian Economic Union to strengthen national economies and achieve the growth of their competitiveness on a global scale economic system. The progressive development of the Eurasian Economic Union and the need for the implementation of significant infrastructure and investment projects to implement the concept of sustainable development in the EAEU member states leads to the strengthening of integration processes aimed at ensuring environmental safety and efficient use of natural resources in this international organization.

The legal mechanism for the implementation of such interaction for the EAEU states can be considered harmonization, which allows for the coordination of common approaches and concepts, joint development of legal principles and the development of joint solutions on problems that are urgent for all states. Legal problems of the development of the integration of legal regulation of environmental safety in the EAEU countries are determined by the lack of uniform approaches and existing regulatory legal acts on environmental safety, various forms, plurality, declarativeness and inconsistency of national legislation regulating environmental safety.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проект 20-511-00015 Бел_а «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств-членов Евразийского Экономического Союза»

For the EAEU member states, including Russia, the presence of common challenges in the complex sphere of environmental protection, the need to ensure the proper state of environmental safety and rational use of natural resources brings the problem of the development of integration processes related to the regulation of the environmental sphere to a new level. Strengthening the unity of national law and expanding the areas of public relations subject to regulation at the Union level will contribute to the creation of an environmentally safe space of the EAEU member states.

The development and consolidation in the EAEU acts of the legal foundations of environmental safety will not only bring the legislation of the Union member states in this area to a new qualitative legal level, but also create the basis for effective cooperation between states, serve as an effective effective cooperation between states, and serve as an effective means of fulfilling international obligations in the field of environmental protection and rational use.

Key words: environmental safety, common space, harmonization of legislation.

В XXI в. новые аспекты научного концепта экологической безопасности обуславливают важность реализации взаимодействия субъектов международных экономических отношений в интересах создания эффективных механизмов обеспечения экологической безопасности и ответственности, гарантирования защиты стран от экологической агрессии и экспансионизма, предупреждения возникновения новых видов экологических угроз в пространстве и времени [16, p. 59]. Объективизация базирующегося на экономике эколого-правового пространства определяется не территориальным принципом, а совокупностью географических, климатических, растительных, фаунистических ландшафтов. Готовность стран-участниц Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) укреплять собственные экономики и добиваться стабильного экономического прогресса, разносторонней модернизации и роста конкурентоспособности национальных экономик в масштабе мировой экономической системы определяет необходимость обеспечения экологической безопасности, стабильного развития земельных и иных природоресурсных, природоохранных отношений, экологического правопорядка, внедрения механизмов гармонизации или унификации норм действующего права [6, p. 75].

Использование природных ресурсов и охрана окружающей среды настоящее время признаются одними из наиболее значимых феноменов, подвергаемых анализу и правовому регулированию как на национальном, так и на международном уровне, что объясняется глобальным значением лесов и иного растительного мира (являющихся «зелеными легкими» планеты), характером, происхождением и состоянием всей природы Земли, существенной подвижности вод, объектов животного мира, слоев атмосферного воздуха, не поддающихся государственным и административным границам, заслуживающих совместных усилий государств с различными правовыми системами [7].

Комплексный анализ интеграционных процессов в рамках существующих интеграционных объединений регионального уровня неизбежно затрагивает и правовые аспекты, поскольку всякое взаимодействие государств реализуется за счет мобилизации не только политических, социальных, экономических, но и правовых ресурсов. При этом, если ранее в рамках региональных организаций страны сотрудничали в основном в экономической или военно-политической сферах, то современные процессы охватывают социальные, экологические и иные сферы общественной жизни.

В их числе и Евразийский экономический союз, который признается международным экономическим объединением региональной интеграции, имеющим целью функционирование единого экономического пространства и реализация интеграционного потенциала и конкурентных преимуществ в экономических сферах стран-участниц по ключевым направлениям экономического развития Союза, базовые характеристики макроэкономического взаимодействия государств-членов.

В настоящее время исследователи отмечают отсутствие в нашей стране современного научного инструментария для оценки влияния процессов интеграции на состояние экологической безопасности. Проведение экспертизы и ревизии всех международных соглашений и обязательств России в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, в т.ч. в контексте ее членства в различных международных объединениях, позволит разработать комплекс мер по гармонизации действующего законодательства применительно к сфере обеспечения экологической безопасности. Например, закрепить законодательно ужесточение правил контроля за трансграничным перемещением и инвазиями «чужеродных видов», расширить перечень карантинных организмов, в т.ч. за счет «чужеродных видов», опасных для природных экосистем и биоразнообразия [8, p. 104 – 105].

Запуская в 2011 г. переход к следующему этапу процесса интеграции, страны-участницы ЕАЭС исходили из предположения о том, что создание единого экономического пространства обеспечит выполнение важнейших задач в области роста благосостояния и улучшения качества жизни населения, стабильное развитие социально-экономической сферы, повышение уровня национальной конкурентоспособности и гарантирует свободу перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Для этого Декларация «О евразийской экономической интеграции» от 18 ноября

2011 г. закрепляет положение о введении общей системы таможенно-тарифного и нетарифного регулирования в торговой, таможенной, ветеринарной, санитарной и фитосанитарной областях [1].

Утверждение в 2007 г. Таможенного союза Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан стало закономерным развитием данного процесса. С этого момента полномочия по регулированию соответствующих сфер перешли на уровень наднационального объединения. В ст. 1 Договора от 6 октября 2007 г. Таможенный союз этих государств трактуется в качестве формы интеграции государств-членов ЕАЭС, которая предусматривает функционирование единой таможенной территории, введение единой системы мер нетарифного регулирования, конкретных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, правил регулирования торговли товарами с другими странами.

Необходимость последующего развития Евразийского экономического союза способствовала разработке единой стратегии модернизации общего экономического пространства и углублению интеграционных процессов, наряду с таможенной, и в иных областях экономики. Чему существенным образом помогли координация и применение внешнеторгового регулирования [12, p. 131].

Заключение Договора от 29.05.2014 г. (ред. от 01.10.2019 г.) о создании Евразийского экономического союза (далее – Договор о ЕАЭС), определило переход стран-участниц Евразийского объединения на новый, более глубокий уровень интеграции [18, p. 141]. Закрепление в Договоре о ЕАЭС стратегических целей евразийской интеграции, правового статуса Союза как международной организации, основ права и системы органов Объединения создает возможности для развития общего евразийского экономического пространства и проведения скоординированной или согласованной политики стран-участниц ЕАЭС как одного из основных принципов функционирования Союза [10, p. 136].

В договоре о ЕАЭС правовому регулированию экологической безопасности также уделяется определенное внимание. Непосредственно о необходимости соблюдения требований экологической безопасности в качестве принципа функционирования общего рынка газа, нефти и нефтепродуктов Союза упоминается в протоколах № 22 и 23 к Договору о ЕАЭС соответственно. Н.В. Кичигин, признавая наличие в странах ЕАЭС общего правового пространства (во всех государствах-участницах ЕАЭС существует экологическое законодательство), указывает на влияние Договора о ЕАЭС от 29.05.2014 г. на процесс унификации пространства стран ЕАЭС в части регулирования природопользования и охраны окружающей среды. Исследователь расценивает требования данного нормативно-правового акта об охране окружающей среды в качестве мер нетарифного регулирования [17, p. 130]. В целом же правовое регулирование вопросов экологии и безопасности как факторов эффективного экономического сотрудничества составляет сферу значительной компетенции государств-членов ЕАЭС.

Потребность в осуществлении общественно значимых инфраструктурных и инвестиционных программ для реализации концепции устойчивого развития в странах-участницах ЕАЭС приводит к усилению интеграционных процессов, направленных на обеспечение экологической безопасности и эффективное природопользование в этой международной организации. К. В. Колесникова и Р. В. Нутрихин связывают необходимость гармонизации правового регулирования общественных отношений в сфере экологической безопасности с отсутствием в Договоре о ЕАЭС самостоятельного раздела, который бы регулировал вопросы природопользования и охраны окружающей среды (в частности, касался бы режима приграничных вод, разработки и добычи нефти и газа и др.). На данный момент различия и особенности в правовом регулировании на национальном уровне создают препятствия для реализации общих программ модернизации в странах-участницах [12, p. 130].

В ст. 7 Договора о ЕАЭС закрепляется право Союза, не выходя за границы своих полномочий, вести международную деятельность по реализации его правосубъектности. Ее направлениями могут считаться международное сотрудничество с отдельными государствами, интеграционными структурами и организациями наднационального уровня; совместная работа по заключению странами-участницами либо независимо от них в рамках полномочий Союза международных договоров по вопросам, отнесенным полномочиям последнего [3].

Правовым механизмом такого сотрудничества для ЕАЭС может считаться гармонизация. Следуя формулировке гармонизации законодательства, содержащейся в ст. 2 Договора о ЕАЭС, Р. А. Курбанов считает менее типичным проявлением данной формы интеграции направленность на обеспечение единства в правовом регулировании. При гармонизации не исключается несовпадение в странах, осуществляющих взаимодействие, допускается проведение самостоятельной политики в различных сферах общественной жизни, определенных совокупностью национальных, исторических, социально-экономических и иных особенностей конкретного государства.

Предусмотренная законодательством ЕАЭС модель развития интеграционных процессов основана на рыночном подходе, который господствовал еще 20 лет назад и трактовал интеграцию как способ избежать осложнений, возникающих при объединении национальных рынков товаров,

услуг, капитала и рабочей силы. Этот процесс предполагал прохождение отдельных последовательных стадий, таких как отмена таможенных тарифов, создание единого рынка, свободное передвижение капитала и создание единого валютного союза.

Более точно современное состояние интеграционных процессов на уровне ЕАЭС, может трактоваться в соответствии с так называемым «сетевым» подходом, который определяет интеграцию социально-экономического пространства через сотрудничество или конкуренцию системы пересекающихся транснациональных макрорегионов. Интеграционный комплекс берет на себя управление процессом функционирования в различных областях, входящих в него государств.

Согласно позиции Н. Г. Жаворонковой, Ю. Г. Шпаковского пространственное развитие представляет собой область управленческой деятельности, образуемую на основе совокупности экономических, культурных, экологических, организационных и социальных связей. Субъекты таких связей имеют различный правовый статус, природного объекта, природного ресурса и органов управления природопользованием, агентов, осуществляющие строительство. Поэтому с юридической точки зрения не находит объяснения отсутствие в интеграционных процессах в рамках ЕАЭС четко выраженной экологической, энергетической, социальной, культурно-исторической составляющей. По мнению исследователей, среди наиболее острых противоречий сферы правового регулирования экологических отношений следует признать имеющие место и потенциальные экологические ограничения, экологическое разнообразие, устойчивое развитие, экологическая и экономическая безопасность территорий и граждан, а также и другие [9, p. 59].

Концепция устойчивого развития человечества побуждает к установлению в XXI в. экологического порядка в сфере международных экономических отношений в большей доминанте через развитие (интеграция, сотрудничество) и в меньшей – через защиту. Устойчивое развитие рассматривается не только как системное единство экономических, социальных и экологических видов деятельности, но и имманентная взаимосвязь развития и безопасности, обеспечение безопасности происходит через развитие, а развитие – через формирование безопасности [16, p. 478].

Р. А. Курбанов особенностями нового регионализма считает этап, волну или эпоху, определяющие новые риски и стратегии сотрудничества стран в большинстве областей жизни общества в целях достижения социальных, политических и экономических целей. Представляя собой комплексное, многомерное явление современный регионализм охватывает все больше новых областей, включая и трансграничные, какие как экологические вопросы, охрану окружающей среды, которые ранее не относились к компетенции региональных институтов [13, p. 14].

Для стран-участниц ЕАЭС, включая Россию, наличие общих вызовов в комплексной сфере охраны окружающей среды, потребность в обеспечении должного состояния экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов выводит на новый уровень проблему развития интеграционных процессов, связанных с регулированием экологической сферы. К вызовам, которые стоят перед государствами-членами Евразийского экономического союза и отражают состояние проблем в области окружающей среды и природопользования на уровне Союза, относится потребность в правовом обеспечении эффективного взаимодействия между государственными структурами по вопросам эксплуатации и охраны различных природных ресурсов, экологического управления, гармонизации норм национального и международного водного, земельного и лесного законодательства [10, p. 138].

Влияние перечисленных процессов на будущее определяет целесообразность более глубокого их анализа с позиций экологического права и в контексте современных тенденций. Разница в понимании сущности правовой интеграции в области природопользования и охраны окружающей среды в различные периоды эволюции экологического права делает необходимым уяснение юридического и теоретического содержания интеграции в настоящее время [11, p. 54].

К.К. Ахметов относит вопросы экологической безопасности к числу межгосударственных конфликтных областей, потенциально способных нарушить устойчивость образующегося торгово-экономического блока. В таком контексте важнейшей из проблем исследователь называет использование водных ресурсов, состояние загрязненности поверхностных водных объектов, снижение уровня вод пограничных рек. Распад Советского Союза способствовал обострению ситуации с признанием права собственности на воду. Водные объекты, как и другие природные объекты были разделены границами суверенных государств. Имеющиеся в настоящее время двусторонние и многосторонние договоры, посвященные рациональному использованию водно-энергетических ресурсов, демонстрирует практическую неэффективность [5, p. 162].

Преодолению сложившейся ситуации может способствовать разработка и реализация приоритетных технологических платформ. Наряду с другими разрабатывалась платформа «Рациональное и эффективное водопользование», целью которой является объединение потенциалов стран-участниц Союза для обеспечения инновационного развития сфер водопользования, оздоровления и сохранения водных объектов.

Активизация взаимодействия государств в самых значимых сферах научно-технологического развития ЕАЭС на основе действующих технологических платформ возможна благодаря интеграции национального законодательства государств-членов ЕАЭС [14, p. 141].

Другими формами интеграции, способствующими (наряду с евразийскими технологическими платформами) выходу из сложившейся ситуации, по нашему мнению, могут признаваться «еврорегионы» как форма международной интеграции, характеризующаяся взаимодействием двух или нескольких территориальных образований соседних стран, которые расположены в приграничных районах и обладают всеми целостнообразующими характеристиками, и «организации водных (речных) бассейнов», которые, в свою очередь, опосредуют развитие интеграционных процессов и направлены на управление трансграничными водными массивами, укрепление социальных и экономических связей прибрежных государств [13, p. 50].

Созданию эколого-безопасного пространства государств-членов ЕАЭС призвано способствовать усиление единства национального права и расширение областей общественных отношений, подлежащих регулированию на уровне Союза. Примером такого взаимодействия могут считаться процессы интеграции в рамках других региональных организаций. Так, страны БРИКС договорились о создании в 2009 г. платформы Basic, которая имеет целью координацию усилий по принятию общих решений в сфере изменения климата, гармонизации экологического законодательства всех пяти стран, дополнения компетенции полномочных органов посредством отражения в ней экологической проблематики. Проведение в жизнь экологических политик стран БРИКС осуществляется по одним направлениям, которые сводятся к экологизации общества, законодательства и государства, росте влияния природоресурсных и природоохранных элементов в различные отрасли права, улучшению естественной основы жизнедеятельности населения за счет обеспечения общего природопользования, доступности водных объектов и т.д [7]. Еще одним примером является ст. 18 Договора о создании Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь. Данная норма определяет стремление государств гармонизировать их законодательств в любых сферах взаимодействия, в том числе природоохранной, выработать и согласовать общие меры в сфере экологической безопасности, профилактики катастроф природного и техногенного характера и устранения их последствий, включая аварию на Чернобыльской АЭС [2]. В этой связи право ЕАЭС в нормативно-правовых актах Союза могло бы предусматривать регулирование вопросов охраны окружающей среды и природопользования, поскольку его создание преследовало, помимо укрепления торговых связей, и другие цели.

Природа в каждом из государств-членов ЕАЭС является уникальной и неповторимой. Обеспечение ее сохранения составляет актуальную задачу для каждой страны. Юристы из стран-участниц ЕАЭС признают значимым то обстоятельство, что в скором времени выполнение требований экологической безопасности в рамках одного правового пространства станет общей задачей. Действенное преодоление сложностей в сфере защиты окружающей среды потребует приведения в соответствие и гармонизации правовой основы регулирования природопользования и охраны природы в странах ЕАЭС [15, p. 54].

Достижение единства законодательства стран-участниц ЕАЭС, имеющее целью обеспечение гармонизации нормативно-правового регулирования общественных отношений по поводу охраны окружающей среды и устойчивого природопользования, отвечает их интересам и относится к числу приоритетных проблем. По этой причине правовое регулирование экологической безопасности как правовой категории имеет место в нормативно-правовых актах все без исключения стран-участниц ЕАЭС.

Е.Н. Абанина, проанализировав юридическое обеспечение отношений в сфере экологической безопасности на уровне законодательства стран СНГ, делает вывод об урегулировании указанных вопросов в каждом из них нормативно-правовыми актами разных форм и статуса, о различных уровнях нормативного регулирования вопросов экологической безопасности и силе правовых актов [4, p. 10].

Как показал проведенный анализ эффективность региональной интеграции во многом определяется стремлением стран-участниц интеграционных объединений развивать сотрудничество единовременно во всех сферах, что обусловлено их неразрывной связью. Невозможно достигнуть высоких результатов, к примеру, в экономическом развитии без соответствующего уровня взаимодействия в социальной или правовой сферах.

Несмотря на различия механизмов правовой интеграции перспективы развития, включая сферу обеспечения экологической безопасности, находятся в зависимости от осуществления правового сотрудничества в рамках каждого регионального объединения. Координация регионального уровня деятельности государств-членов ЕАЭС обуславливает принятие нормативно-правовых актов, которые содержат международные региональные нормы в сфере экологической безопасности.

Таким образом, отсутствие на уровне такого объединения региональной интеграции как ЕАЭС единообразия подходов и специальных актов по

вопросам экологической безопасности актуализирует проблему сближения национальных правовых систем государств-членов в этой сфере их сотрудничества. Правовые проблемы развития интеграции правового регулирования экологической безопасности в странах ЕАЭС определяются отсутствием системы нормативно-правовых актов наднационального уровня, различными формами, множественностью, декларативностью и несогласованностью национального законодательства, регулирующего обеспечение экологической безопасности.

Разработка и закрепление в актах ЕАЭС правовых основ экологической безопасности не только выведет законодательство стран-участниц Союза в данной сфере на новый качественный правовой уровень, но и создаст основу для эффективного сотрудничества между государствами, послужит действенным эффективного сотрудничества между государствами, послужит действенным средством исполнения международных обязательств в сфере охраны и рационального использования окружающей среды.

Литература

1. Декларация от 18.11.2011 «О евразийской экономической интеграции» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 20.11.2020).
2. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» // Собрание законодательства РФ. 14.02.2000. №7. Ст. 786.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, (Дата обращения: 20.11.2020).
4. Абанина Е. Н. Правовое обеспечение экологической безопасности в странах евразийского пространства: сравнительно-правовой анализ // Matters of Russian and International Law. 2019. Vol. 9. Issue. 6A. С. 8 – 12.
5. Ахметов К.К. Экологическая безопасность в контексте интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2013. №4. С. 162-165.
6. Боголюбов С.А. Единство и многообразие российского эколого-правового пространства // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 73-81.
7. БРИКС: контуры многополярного мира: монография / О.А. Акопян, Н.М. Бевеликова, К.М. Беликова и др.; отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2015. 300 с.
8. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях экономической интеграции Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2017. 160 с.
9. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю.Г. Правовые проблемы пространственного развития Российской Федерации: вопросы стратегического планирования // Юрист. 2020. № 5. С. 56 - 61.
10. Захарин А. Н., Колесникова К. В. Интеграция правового регулирования рационального природопользования и охраны окружающей среды в законодательстве ЕАЭС: состояние и перспективы // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 3. С. 135-142.
11. Игнатьева И. А. Научные основы интеграции и дифференциации в правовом регулировании экологических отношений: проблема установления предмета исследования // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 54 - 61.
12. Колесникова К. В., Нутрихин Р. В. О гармонизации законодательства Евразийского экономического союза в сфере природопользования // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 129-134.
13. Курбанов Р. А. Региональная интеграция и право. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 235 с.
14. Навасардова Э. С., Захарин А. Н. Сравнительный анализ законодательства государств-членов ЕАЭС в области органического сельского хозяйства // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 141 – 146.
15. Рзабай А. И. Региональное экологическое сотрудничество Республика Казахстан и его влияние на развитие экологического законодательства // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXVI Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2020. С. 51 – 56.
16. Успаева М. Г., Гачаев А. М. Научный концепт экологической безопасности в международных экономических отношениях // Международных журнал прикладных наук и технологий Integral. 2020. № 3. С. 59-64.
17. Шакирова Д. И. Обеспечение единства и многообразия эколого-правового пространства // Аграрное и земельное право. 2017. № 8. С. 128-132.
18. Шилова Е. В. Роль Таможенного союза в рамках Евразийского экономического союза на современном этапе интеграции // Проблемы и перспективы развития экономики и менеджмента в России и за рубежом. Материалы Седьмой международной научно-практической конференции. Рубцовск: Рубцовский индустральный институт, 2015. С. 137-142.

References

1. Deklaracija ot 18.11.2011 «O evrazijskoj jekonomicheskoj integracii» (About Eurasian economic integration) // SPS «Konsul'tantPljus». (Accessed: 20.11.2020). (In Russian).
2. Dogovor mezhdu RF i Respublikoj Belarus' ot 08.12.1999 «O sozdanii Sojuznogo gosudarstva» (On the creation of the Union State) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 14.02.2000. No. 7. Art. 786. (In Russian).
3. Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze (Podpisan v g. Astane 29.05.2014) (red. ot 01.10.2019 g.) (Treaty on the Eurasian Economic Union) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru. (Accessed: 20.11.2020). (In Russian).

4. Abanina E. N. Pravovoe obespechenie jekologicheskoj bezopasnosti v stranah evrazijskogo prostranstva: sravnitel'no-pravovoj analiz (Legal support of environmental safety in the countries of the Eurasian space: comparative legal analysis) // Matters of Russian and International Law. 2019. Vol. 9. Issue. 6A. P. 8 – 12. (In Russian).
5. Ahmetov K.K. Jekologicheskaja bezopasnost' v kontekste integracionnyh processov na postsovetskom prostranstve (Environmental safety in the context of integration processes in the post-Soviet space) // Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan. 2013. No.4. P. 162-165. (In Russian).
6. Bogoljubov S.A. Edinstvo i mnogoobrazie rossijskogo jekologo-pravovogo prostranstva (Unity and diversity of the Russian environmental legal space) // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. No. 11. P. 73-81. (In Russian).
7. BRIKS: kontury mnogopoljarnogo mira: monografija (BRICS: contours of a multipolar world) / O. A. Akopjan, N. M. Bevelikova, K. M. Belikova i dr.; otv. red. T .Ja. Habrieva. Moscow: IZiSP, Jurisprudencija, 2015. 300 p. (In Russian).
8. Zhavoronkova N. G., Shpakovskij Ju. G. Pravovoe obespechenie jekologicheskoj bezopasnosti v uslovijah jekonomicheskoj integracii Rossijskoj Federacii: monografija (Legal support of environmental safety in the context of economic integration of the Russian Federation). Moscow: Prospekt, 2017. 160 p. (In Russian).
9. Zhavoronkova N. G., Shpakovskij Ju. G. Pravovye problemy prostranstvennogo razvitija Rossijskoj Federacii: voprosy strategicheskogo planirovanija (Legal problems of the spatial development of the Russian Federation: issues of strategic planning) // Jurist. 2020. No. 5. P. 56 - 61. (In Russian).
10. Zaharin A. N., Kolesnikova K.V. Integracija pravovogo regulirovanija racional'nogo prirodopol'zovanija i ohrany okruzhajushhej sredy v zakonodatel'stve EAJeS: sostojanie i perspektivy (Integration of legal regulation of rational use of natural resources and environmental protection in the legislation of the EAEU: state and prospects) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2020. No. 3. P. 135-142. (In Russian).
11. Ignat'eva I.A. Nauchnye osnovy integracii i differenciacii v pravovom regulirovanii jekologicheskih otnoshenij: problema ustanovlenija predmeta issledovanija (Scientific foundations of integration and differentiation in the legal regulation of environmental relations: the problem of establishing the subject of research) // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2017. No. 1. P. 54 - 61. (In Russian).
12. Kolesnikova K. V., Nutrihin R. V. O garmonizacii zakonodatel'stva Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza v sfere prirodopol'zovanija (On the harmonization of the legislation of the Eurasian Economic Union in the field of environmental management) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2019. No. 2. P. 129-134. (In Russian).
13. Kurbanov R. A. Regional'naja integracija i pravo: monografija (Regional integration and law). Moscow: JuNITI-DANA, 2016. 235 p. (In Russian).
14. Navasardova Je. S., Zaharin A. N. Sravnitel'nyj analiz zakonodatel'stva gosudarstv-chlenov EAJeS v oblasti organicheskogo sel'skogo hozjajstva (Comparative analysis of the legislation of the EAEU member states in the field of organic agriculture) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2019. No. 2. P. 141 – 146. (In Russian).
15. Rzabaj A. I. Regional'noe jekologicheskoe sotrudnichestvo Respublika Kazahstan i ego vlijanie na razvitie jekologicheskogo zakonodatel'stva (Regional environmental cooperation of the Republic of Kazakhstan and its impact on the development of environmental legislation) // Sovremennaja jurisprudencija: aktual'nye voprosy, dostizhenija i innovacii: sbornik statej XXVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza: MCNS «Nauka i Prosveshhenie», 2020. P. 51 – 56. (In Russian).
16. Uspaeva M .G., Gachaev A. M. Nauchnyj koncept jekologicheskoj bezopasnosti v mezhdunarodnyh jekonomicheskih otnoshenijah (Scientific concept of environmental safety in international economic relations) // Mezhdunarodnyh zhurnal prikladnyh nauk i tehnologij Integral. 2020. No. 3. P. 59-64. (In Russian).
17. Shakirova D. I. Obespechenie edinstva i mnogoobrazija jekologo-pravovogo prostranstva (Ensuring the unity and diversity of the environmental legal space) // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2017. No. 8. P. 128-132. (In Russian).
18. Shilova E. V. Rol' Tamozhennogo sojuza v ramkah Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza na sovremennom jetape integracii (Customs Union within the Eurasian Economic Union at the current stage of integration) // Problemy i perspektivy razvitija jekonomiki i menedzhmenta v Rossii i za rubezhom. Materialy Sed'moj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Rubtsovsk, 2015. P. 137-142. (In Russian).

Сведения об авторах:

Нутрихин Роман Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / nut-roman@yandex.ru

Захарин Андрей Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / colobichin@yandex.ru

Information about the authors:

Nutrikhin Roman – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Environment, Land and Labor Right, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / nut-roman@yandex.ru

Zakharin Andrey – PhD in Philosophy, Associate Professor, Chair of Environmental, Land and Labour Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / colobichin@yandex.ru

УДК 343
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.20

И. Н. Клюковская
И. Н. Тер-Аванесова

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ДИНАМИКУ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ

Статья затрагивает одну из актуальных проблем современного общества: влияние информационно-коммуникационных технологий на социальные процессы.

Авторами ставится вопрос о зависимости уровня цифровизации общества и уровня коррупционной преступности. Проводится анализ степени влияния современных ИКТ на состояние и динамику коррупционной преступности.

Предметом исследования послужили статистические данные о показателях использования IT в мире, данные рейтингов уровня цифровой грамотности и индексов сетевой готовности, статистические данные и отчеты о состоянии преступности, индексы восприятия коррупции.

Авторы делают акцент на анализе различных аспектов цифровизации, проводя корреляцию с данными по коррупционной преступности.

Методологический базис исследования – диалектический материализм и общенаучные методы анализа, синтеза и другие. В качестве специальных использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и другие собственно юридические методы, а также метод статистического анализа.

На основании полученных выводов авторы делают заключение, что прогресс в IT сфере напрямую отражается на состоянии и динамике коррупционной преступности, формируя в обществе запрос на совершенствование средств и методов, применяемых для противодействия коррупции. Авторами разработан обширный системный комплекс мер, призванных способствовать противодействию коррупции.

В завершение в статье делается вывод, о возможности позитивного воздействия на коррупционную преступность путем модернизации способов борьбы с ней посредством использования современных IT средств. Отмечается, что системная реализация предложенного комплекса мер, при условии их последовательного выполнения, будет являться первым шагом на пути противодействия коррупционной преступности посредством информационных технологий, однако достижение поставленной цели возможно лишь при условии проведения качественной системной цифровизации в масштабе всей страны.

Ключевые слова: Коммуникация, информация, преступность, коррупция, IT, информационно-коммуникационные технологии, постиндустриальное общество, информационное общество, информационные технологии, цифровизация, цифровая статистика, социальные проблемы, рейтинг сетевой готовности, индекс цифровой грамотности, восприятие коррупции, социальные связи, модернизация общества, социум, социальный процесс-паразит, комплекс мер, противодействие коррупции.

Irina Klyukovskaya
Irina Ter-Avanesova

DEVELOPMENT OF MODERN IT AND THEIR IMPACT ON THE DYNAMICS OF CORRUPTION

The article touches upon one of the urgent problems of modern society: the influence of information and communication technologies on social processes.

The authors raise the question of the dependence of the level of digitalization of society and the level of corruption crime. The analysis of the degree of influence of modern ICT on the state and dynamics of corruption crime.

The subject of the study was statistical data on the indicators of IT use in the world, data on digital literacy ratings and network readiness indices, statistics and reports on the state of crime, and corruption perception indices.

The authors focus on the analysis of various aspects of digitalization, correlating with data on corruption crime.

The methodological basis of the research is dialectical materialism and general scientific methods of analysis, synthesis, and others. Formal legal, comparative legal and other legal methods, as well as the method of statistical analysis, were used as special ones.

Based on the findings, the authors conclude that progress in the IT field is directly reflected in the state and dynamics of corruption crime, generating a demand in society for improving the means and methods used to combat corruption. The authors have developed an extensive systemic set of measures designed to promote anti-corruption.

In conclusion, the article concludes that there is a possibility of a positive impact on corruption crime by modernizing methods of combating it through the use of modern IT tools. It is noted that the systematic implementation of the proposed set of measures, provided they are consistently implemented, will be the first step towards combating corruption-related crime through information technology, however, achieving this goal is possible only if high-quality systemic digitalization is carried out throughout the country.

Keywords: communication, information, crime, corruption, IT, information and communication technologies, post-industrial society, information society, information technology, digitalization, digital statistics, social problems, network readiness rating, digital literacy index, perception of corruption, social connections, modernization society, society, social process-parasite, a set of measures, anti-corruption.

«Всего за два-три десятка лет социум полностью преобразовывается: происходит смена мировоззрения в обществе, претерпевают изменения базовые ценности, трансформируются социальные и политические структуры, искусство становится другим, со всеми важнейшими социальными институтами происходят серьезные перемены». [26, с.204]

Оформление первых идей постиндустриального общества породили множество теорий о том, каким образом будет происходить развитие информационных технологий, и как этот процесс будет отражаться на общественных отношениях и социуме в целом. Проблемы модернизации общества, обусловленной информационно-технологическим развитием, объединяют в своих изысканиях философов и социологов, футурологов и криптологов, психологов и программистов. В социальной среде нет более популярных категорий, чем «информационное общество», «информационные технологии», «информационно-коммуникационные технологии», или «цифровизация». Ввиду постоянного и непрерывного развития высоких технологий, совершенствования и модернизации технической базы, вопрос о степени и полярности их влияния на состояние общества, приобретает сегодня острую актуальность.

Ключ к пониманию сути рассматриваемых явлений находится на стыке таких наук как кибернетика, социология и философия. Рождение понятия «информационные технологии» произошло в 1958 году, когда Гарольд Дж. Ливитт и Томас Л. Уислер в статье «Менеджмент в 1980-х» провозгласили, что мир стремительно меняется и появляются новые революционные технологии, которым еще не существует устойчивого определения. Они предложили называть их «информационные технологии» [21]. В 1959 г. известный теоретик менеджмента и социологии Питер Фердинанд Друкер, констатировал, что в мире произошел «сдвиг в сторону общества, основанного на знаниях» [26], и предрек человечеству мощный переход к новой эпохе информационных технологий, несущих громадный потенциал развития.

Идея функционирования информационно-коммуникационных технологий, заключенная в создании децентрализованной системы связанных между собой равноправных звеньев, которая даже при разрушении составных частей будет работоспособна, а информация останется сохраненной и фактически неуничтожимой на разнесённых друг от друга носителях [22], сразу стала представляться чрезвычайно перспективной для «проектировщиков реальности» своего времени. Уже в 1984 г. пионер в области мультимедиа, основатель Медиа-лаборатории Массачусетского технологического института Николас Негропонте, в эфире TED Talks предположил взрывное развитие информационно-коммуникационных средств связи, компьютерных технологий и значительное повышение их актуальности в недалеком будущем [23]. Прогнозы Негропонте, еще вчера кажущиеся совершенно фантастическими, сегодня уже никого не удивляют – человечество привыкло к беспроводной связи и миниатюрным коммуникационным устройствам, носимым буквально в карманах. На сегодняшний день, цифровизация обрела даже большее влияние, чем предполагалось ранее: данные о темпах развития информационно-коммуникационных технологий поражают воображение.

Еще в декабре 1995 г. количество пользователей интернета составляло 16 миллионов человек (менее процента от всего населения). По прогнозам, сделанным в 2017 г., количество пользователей сети интернет должно было составить четыре миллиарда человек лишь к 2020 г. Но уже по состоянию на 03 августа 2020 г. их количество превысило 4,8 миллиарда - (более 60 процентов мирового населения). В 2020 г. около 3,9 миллиарда человек использовали для доступа в интернет мобильные устройства, являясь активными пользователями социальных сетей, а в целом аудитория социальных медиа выросла на 9 % по сравнению с 2019 г.

По статистике «Internet world stats» [22], предоставленной на 30 июня 2020 года лидерами по количеству пользователей глобальной сети являются страны Азии (более двух с половиной миллиардов пользователей), среди них можно выделить явных лидеров: Китай – почти 860 миллионов, Индия – около 560 миллионов и Индонезия – почти 170 миллионов пользователей. Европейские страны набрали около 720 миллионов пользователей и лидерами по распространенности интернета в Европе являются: Германия (около 80 миллионов) Франция (60 миллионов) и Италия (55). Страны Ближнего Востока составили 183 миллиона пользователей, лидерами здесь являются Иран и Саудовская Аравия (67 и 32 миллионов пользователей, соответственно). В России количество интернет-пользователей, по данным Global Digital 2020, составило 118 миллионов и составило 81 % граждан, для сравнения: в декабре 2019 эта цифра составляла 116 миллионов.

Количество пользователей неуклонно увеличивается, а социальные связи усложняются за счёт внедрения дополнительной стороны-посредника в виде современных информационно-коммуникационных технологий. На фоне их взрывного продвижения общество пребывает в состоянии перехода в новый формат межличностных взаимодействий [9, с. 51]. В свою очередь, это порождает закономерный вопрос: как подобное будет отражаться на важнейших социальных процессах и явлениях, в том числе и на негативных, таких как преступность?

Преступность, являясь одной из острых социальных проблем, представляет собой сложное явление, среди основных закономерностей которого выделяется зависимость от степени развития научно-технического прогресса, а, с относительно недавнего времени, и степени информатизации и цифровизации общества. По нашему мнению, наиболее позитивное влияние внедрение информационно-коммуникационных технологий призвано оказать на ту сферу, в которой наиболее ярко выражена такая составляющая как личность преступника, и вес личного участия играет наибольшую роль. Наиболее показательным в этом контексте станет анализ степени влияния информационно-коммуникационных технологий на состояние и динамику коррупционной преступности.

Коррупционная преступность, являясь сложным социальным явлением, представляет серьезную угрозу для безопасности общества. Подрывая основы любой социальной системы, коррупция вызывает широкий спектр негативных последствий от деформаций в личностной сфере и ухудшения социального климата, до нарушения структуры и стабильности функционирования государственных систем.

Основой понимания коррупции может служить её определение как целеобразующей системы, характеризующей деформацию государственной власти путем противоправного обмена властного ресурса на экономическую выгоду. Представляется, что целью коррупции является объективное стремление к устойчивости этой системы, являющейся, в свою очередь, подсистемой по отношению к более общему системному образованию – обществу. Сторонники нашего подхода относят коррупционные проявления к синдромам болезненности общества, характеризуя коррумпированный социум безнадежно пораженным [13, с.14], отмечая при этом, что разложение структуры общества и управления – это одновременно и признак, и последствие коррупции.

Многие исследователи отмечали именно эту черту. Так, например, Г.Н. Борзенков определял коррупцию как «разложение управленческого аппарата» [3, с. 30-31], а Б.В. Волженкин как «социальное явление, заключающееся в разложении власти» [5, с. 47]. В.В. Астанин отмечал, что «коррупция - это социально-правовое явление разложения отношений в разных сферах управления» [2, с. 35].

Коррупция, как социальный процесс, эволюционирует вместе с пораженным ею социумом. Являясь и симптомом, и следствием, зародившись как явление социальное, коррупция эволюционирует вместе с человечеством, паразитируя на нем, приобретая новые формы и используя весь спектр самых современных инструментов. Особую опасность этому явлению придает его всепроникающий характер, и способность стремительно самосовершенствоваться, адаптируясь под изменения внешних условий. Так, Я. А. Ардельянова отмечает, что на сегодняшний день коррупция институционализировалась [1, с. 86-93]: коррупционные отношения воспроизводятся на всех уровнях общества, и регулируют социальные отношения в сфере предоставления государственных услуг, а в обществе оформилась четкая система внутренних социальных норм, направленных на формирование коррупционного поведения. По мнению Л.В. Логиновой: процесс институционализации коррупции в России произрастает из имевшего место в недавнем прошлом активного развития теневой экономики и представляет собой «процесс превращения коррупции в массовое социальное явление, становящееся общепринятой практикой, привычным элементом социально-экономической системы». [11, с. 117-123].

Коррупционная деятельность, как деятельность институциональная, вызывается целым комплексом социально-экономических и политических причин. Важнейшую роль в формировании природы этого негативного явления играет именно темп общественного развития в различных сферах: экономической, социально-культурной, информационной.

Коррупция – это сложный социально-паразитирующий процесс, противодействие которому – важнейшая задача государственной политики, решение которой требует эффективного применения широкого спектра самых разнообразных инструментов. Предположив незаменимость и высокую эффективность информационных технологий в сфере противодействия коррупции попытаемся ответить на вопрос: является ли кажущаяся доступность информации и увеличивающийся охват населения средствами информационно-коммуникационных технологий ключом к решению проблемы коррумпированности общества? Попытаемся обнаружить корреляцию между статистическим уровнем цифровизации общества и изменением уровня его коррумпированности.

Обратимся к данным докладов индекса восприятия коррупции Transparency International «The Corruption Perceptions Index» [19] за последние несколько лет.

Наилучшие показатели по противодействию коррупции на протяжении нескольких лет показывают такие страны как Дания, Швеция, Швейцария, Финляндия, Новая Зеландия, Сингапур. Страны же, лидирующие по статистическим показателям проникновения новых технологий, совершенно не относятся к странам «победившим коррупцию».

Так, например, статистика по коррупционной преступности КНР, утверждает, что с 2013 года в Китае, около 1,34 млн. чиновников (при общем количестве 70 миллионов), были уличены в коррупции [4] и понесли наказания от дисциплинарных до уголовных. Проводимая в настоящее время руководством КНР политика «охоты на тигров и мух», как олицетворение борьбы с коррупционерами любого масштаба, традиционно преподносится как успех в деле противодействия коррупции, однако это скорее индикатор непреходящей актуальности данной проблемы. Упор в противодействии коррупционным проявлениям сделан на наказание, но прочие аспекты игнорируются. За длительную историю активных действий по созданию программ по противодействию коррупции, в КНР до сих пор даже не выработан механизм, в соответствии с которым китайские чиновники были бы обязаны публиковать сведения о доходах.

Индия, хоть и прибавив за последние пару лет несколько пунктов в списке Transparency International, является рекордсменом еще одного списка «Global Corruption Barometer» [19, 25], как страна с самым высоким уровнем взяточничества в мире. На «неофициальные выплаты» правительственным чиновникам индийцы тратят около 6 трлн. рупий ежегодно. По результатам опросов Transparency International почти 70% опрошенных индийцев сообщили, что, обратившись за государственными услугами, были вынуждены заплатить взятку [25].

Франция, по различным оценкам является одной из наиболее коррумпированных стран Западной Европы. В отличие от предыдущих стран тут принимается довольно большое количество мер – но все они носят разрозненный несистемный характер, ведомства зачастую конкурируют между собой. Между служащими различного уровня существует высокий уровень личных связей и на практике не соблюдается элементарный принцип разделения властей, что не способствует антикоррупционным настроениям и соблюдению правовых норм [27].

Итак, как показывает краткий анализ, одно лишь увеличение количества «интернет имущих» [8, с. 147], отнюдь не панацея. Очевидно, что для достижения сложных социально обусловленных целей, таких как противодействие коррупции, уровень развития информационных технологий должен не просто соответствовать статистике по количественному распространению, но и иметь определенный качественный стандарт.

Достижение поставленной цели возможно лишь при условии проведения качественной системной цифровизации в масштабе всей страны. Для оценки уровня цифровизации стран используется рейтинг индекса сетевой готовности Networked Readiness Index (NRI), который представляет собой комплексный показатель, оценивающий наличие условий для развития информационно-коммуникационных технологий, готовность граждан, общества и государственных органов к их активному использованию, а также уровень использования информационных технологий. Как отмечают создатели этого индекса: «NRI стоит на четырех столпах - технологии, люди, управление и воздействие» [28]. До 2019 г. данные по расчету данного индекса ежегодно представлялись на Всемирном Экономическом Форуме в рамках доклада The Global Information Technology Report, в настоящее время подготовку доклада осуществляет Portulans Institute. В докладе за 2019 г. среди 121 страны-участника обозначены мировые цифровые лидеры [6], к ним относятся Швеция, Сингапур и Нидерланды. Немного отстают от них Дания, Швейцария, Финляндия и Новая Зеландия. Именно эти страны находятся на ведущих позициях и в области борьбы с коррупционными проявлениями. Именно от степени проникновения и воздействия цифровизации на общественную, социальную и экономическую жизнь, зависит уровень развития инноваций, повышения экономики, качества жизни, а косвенно и социальное оздоровление, как в рамках отдельно взятого государства, так и мирового сообщества в целом. В рамках доклада о проникновении цифровых информационных технологий для каждого государства рассматривается ряд важнейших показателей в ИКТ сфере: развитие государственных онлайн-сервисов, публикация и использование открытых данных, использование информационно-коммуникационных технологий в эффективном государственном управлении, влияние информационных технологий на качество и простоту регулирования общества и ведения бизнеса.

Российская Федерация в данном рейтинге занимает позицию «выше среднего» и 48 место в общей таблице, занимая первое место среди стран участниц Содружества Независимых Государств (СНГ). Наилучшие показатели у нашей страны отмечены у пользователей технологий (населения) по таким параметрам как «образованность», «цифровая грамотность» и «степень использования ИКТ» - 38 позиция. Уровень цифровизации бизнеса оценен на 35 баллов, а уровень цифровизации государственных органов на 32. Однако, эти довольно высокие показатели нивелируются существенным отставанием в области инноваций и стимулирования будущих технологий (72 место), технологической оснащенности (51) и повышении качества жизни населения (85 место) [6, с. 141].

Данная информация должна выступать в роли «дорожной карты» в процессе модернизации современного Российского общества. Именно улучшение показателей по отстающим параметрам должно способствовать противодействию социальным недугам, среди которых ведущим является коррупция.

Несомненно, за последние годы наше государство значительно продвинулось на пути к современному высоко технологическому обществу с большим весом влияния информационно-коммуникационных технологий на все сферы общественной жизни. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ осуществляется мониторинг уровня развития информационного общества в субъектах Российской Федерации. В соответствии с положениями «Концепции региональной информатизации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации №2769-р от 29 декабря 2014 года, разработана методика по оценке уровня развития информационного общества в субъектах Российской Федерации [12]. В рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», Правительством Российской Федерации сформирован национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации». Это фундаментальная программа, разработанная с учетом показателей международных рейтингов, рейтингов Международного союза электросвязи и Всемирного экономического форума, которая включает в себя ряд Федеральных проектов, касающихся модернизации и систематизации функционирования информационных технологий в Российской Федерации. Среди них: нормативное регулирование цифровой среды, информационная инфраструктура, цифровые технологии, цифровое государственное управление. Данный проект предопределяет вектор развития Российской Федерации до 2024 года, предполагая высокую важность развития информационно-коммуникационных технологий [14]. Так же, большой интерес, для перспективных исследований вызывает методология расчета индекса «Цифровая Россия» - рейтинга субъектов Российской Федерации, представляемая Центром исследования финансовых технологий и цифровой экономики Сколково-Российская Экономическая Школа. Практическое применение, несомненно, должна получить разработанная Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ информационная система АИС «Электронный регион» [16]. Большие успехи уже достигнуты – можно отметить эффективные разработки в области создания специализированных сайтов и увеличение зоны покрытия мобильных сетей.

Рассматривая же цифровизацию в качестве инструмента, способствующего противодействию коррупции, стоит заострить внимание, что в первую очередь она должна быть нацелена на обеспечение прозрачности системы управления и наибольшую эффективность будет иметь именно последовательно реализуемый комплекс мер.

Обширный комплекс мер в сфере информационно-коммуникационных технологий, призванных способствовать противодействию коррупции, по нашему мнению, можно условно подвергнуть следующей классификации по фундаментальным блокам, выделив следующие комплексы мер по характеру направленности:

1. Комплекс мер технологической направленности:

- обеспечение доступности информационно-технических средств, средств связи и средств коммуникации для всех социальных слоев населения;
- обеспечение функционирования сетей связи, сетей интернет, расширения зон покрытия и точек доступа и обеспечение доступной и качественной связи;
- разработка специализированных сайтов, и мобильных приложений, облегчающих получение услуг, позволяющих дистанцировать получателя услуги от исполнителя (чиновника, медицинского работника или работника сферы ЖКХ), минимизирующие личный контакт и как следствие вероятность злоупотреблений;
- разработка, открытие и функционирование сайтов обратной связи - горячих линий, служб доверия;
- разработка, открытие и функционирование специализированных сайтов, касающихся прозрачности управления, государственных закупок, публикации сведений о доходах чиновников, должностных лиц;
- повышение актуальности проблемы разработки и внедрения искусственного интеллекта и автоматизации тех сфер управления и предоставления услуг, которые могут быть автоматизированы без качественной потери – данная мера приведет не только к сокращению количества потенциальных коррупционеров, но и к повышению инновационного индекса;
- разработка эффективного технического инструментария для осуществления электронных операций, сводящих к минимуму вероятность бесконтрольного оборота наличных средств, разработка механизма, совершения сделок с помощью идентифицированных пользователей, с помощью смарт-карт [10];
- разработка технологических средств, направленных на обеспечение и повышение уровня сетевой безопасности, на безопасность личных данных в киберпространстве, кибербезопасности;

- разработка локального онлайн-контента, и обеспечение доступности граждан к локальному онлайн-контенту как ознакомительного свойства, так и с возможностью напрямую участвовать в процессе его создания.

2. Комплекс мер социальной направленности:

- обучение населения работе с информационно-коммуникационными технологиями, повышение уровня цифровой грамотности;
- повышение значимости общественного мнения и воспитание ментальности нетерпимости к коррупции;
- повышение роли социальных сетей в процессе воспитания общественного осуждения коррупционных действий.

3. **Комплекс мер информационной направленности:**

- обеспечение свободы доступа к информации;
- огласка информации о доходах чиновников и государственных расходах;
- расходах и доходах организаций, прозрачность бюджетов и налоговой системы;
- огласка статистики по делам коррупционной направленности.

4. **Комплекс мер правотворческой направленности:**

- меры по принятию правовых норм в следующих областях:
- электронные транзакции,
- защита прав потребителей в цифровой сфере,
- конфиденциальность и защита данных в киберпространстве,
- противодействие киберпреступности;
- законодательное упрощение процедур ведения бизнеса;
- общее повышение адаптивности правовой базы к цифровым бизнес-моделям.

Системная реализация предложенного комплекса мер, при условии их последовательного выполнения, будет являться первым шагом на пути противодействия коррупционной преступности посредством информационных технологий. Актуальность данной проблемы несомненна: 21 июля 2020 г. президент Российской Федерации подписал Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.», где одной из основополагающих национальных задач обозначена «Цифровая трансформация». На проведенной 5 августа 2020 г. встрече с главой ПАО «Ростелеком» Президент РФ так же отметил повышение значимости информационных технологий и отдельно отметил высокую роль таких активно применяемых в период пандемии инструментов как сайт «ГосУслуги». Действительно в период пандемии Covid-19 фиксировалась большая активность в онлайн сферах. В контексте нашего исследования это дает повод для осторожного оптимизма, так как по данным Генеральной Прокуратуры РФ именно в этот период (январь-май 2020 г.) число коррупционных преступлений в Российской Федерации снизилось на 5,1 %, а удельный вес преступлений коррупционной направленности, зарегистрированных в федеральных округах, от их общего количества по федеральным округам Российской Федерации, составил 14 851 (от общего количества 832 377) [17], что составило существенно меньший показатель, чем за аналогичный период прошлого года.

По ситуации на сентябрь-октябрь 2020 года, массив преступлений коррупционной направленности продемонстрировал относительно небольшой темп прироста в 0,8 % [18], напрямую подтвердив наш вывод о корреляции к активности использования средств цифрового контроля.

Можно с уверенностью сказать, что на срезе глобальных перемен, происходящих в современном обществе помимо усложнения самой структуры коррупционной преступности, мы наблюдаем очевидный запрос на совершенствование средств и методов, применяемых для противодействия коррупции. В этом свете будет огромной ошибкой сосредотачивать свое внимание лишь на правовых методах противодействия, и ограничиваться лишь применением юридических санкций; игнорируя социальную составляющую коррупции, не учитывая весь спектр происходящих изменений.

По нашему мнению, в современных условиях, комплекс мер по противодействию коррупционной преступности, невозможно представить без использования новейших информационных технологий, без своевременного и взвешенного их применения. Именно информационно-коммуникационные технологии призваны гармонично дополнить существующий комплекс методов по противодействию коррупции, и способствовать наиболее эффективному ее искоренению.

Несомненно, путь использования информационных технологий как метод противодействия коррупционным проявлениям, так же тернист и сложен, как и использование прочих. Поставленная задача непроста и требует взвешенного применения системного комплекса сложносоставных методов и инструментов. Но при этом не следует забывать о высокой степень мобильности анализируемой сферы, и помнить: то, что воспринимается как актуальная и остросоциальная технология сегодня может потерять свою функциональность и необходимость уже завтра.

В этой связи технологи делают самые смелые предположения, например, по мнению когда-то взорвавшего информационное поле своими смелыми прогнозами на информационно-техническое развитие общества

Н. Негропонте: «мы будем проглатывать информацию. Принимаешь таблетку – и ты знаешь английский. Другую – и знаешь Шекспира. И сделать это можно через кровь. Как только она попадает в кровь, по сосудам доходит до

мозга, и так как таблетка знает, что у мозга есть разные зоны, она вводит информацию в нужную» [15]. Форрест Норрод, старший вице-президент AMD и бывший директор DELL прогнозирует, что «в следующие 30 лет люди будут все больше и активнее интегрировать технологии в свои тела в информационных и развлекательных целях. Подросток в 2044 г. будет изумляться, насколько свободными наши тела были от технологий в 2014 г., и как мы вообще тут жили». Грегори Миллер, сооснователь мобильного радио Spacebar, бывший управляющий директор Google.org уже предвидит негативные последствия для бюрократии в негативном ее понимании: «мы сможем установить в свой организм одобренный чип- сенсор, который следит за здоровьем. И нас в целом не очень волнует, что страховые компании получат доступ к таким данным, если их цены снизятся, они станут работать более справедливо, без лишнего крючкотворства, будут более доступными» [7].

Реальность может превзойти самые смелые ожидания, и, кто знает, какие информационные технологии будут использоваться в недалеком будущем? В любом случае, готовить необходимую базу нужно уже сейчас.

Литература

1. Ардельянова Я. А. Теоретико-методологические подходы к понятию «коррупция» // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2. № 3. С. 86-93.
2. Астанин В.В. Коррупция и борьба с ней в России второй половины XVI-XX вв. (Криминологическое исследование): дисс…канд.юр. наук. М.,2001.
3. Борзенков Г.Н. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник МГУ. Сер. 11. 1993. № 1. С.30-31.
4. В Китае отчитались о 1,3 млн наказанных за коррупцию чиновников. РБК. 08 октября 2017 г. URL: https://www.rbc.ru/politics/08/10/2017/59d9d3059a7947cce3835964 (Дата обращения: 12.12.2020).
5. Волженкин Б.В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 47 с.
6. Глобальный отчет по информационным технологиям Portulans Institute (2019): The Network Readiness Index 2019, стр 141, Washington D.C., USA. URL: https://networkreadinessindex.org/nri-2019-analysis/ (Дата обращения: 12.12.2020).
7. Как мы будем жить через 30 лет: таблетка для чтения, Google в голове и другие удивительные прогнозы. Идеономика. 2020 URL: https://ideanomics.ru/articles/1981 (Дата обращения: 12.12.2020).
8. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У — Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 147 с.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., ГУ ВШЭ, 2000. 51 с.
10. Контроль за оборотом наличных денег возможен// Налоговая политика и практика № 8(80). 2008. С.16-22.
11. Логинова Л.В. Институционализация коррупции в России // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 1. С.117-123.
12. Методика оценки уровня развития информационного общества в субъектах РФ. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/metodika-otsenki-urovnya-razvitiya-informatsionnogo-obschestva-v-subektah-rf-proekt.pdf (Дата обращения 3.08.2020)
13. Мишин Г.К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. М.: Акад. МВД СССР,1991. 34 с.
14. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (Дата обращения: 3.08.2020).
15. Николас Негропонте: 30-летняя история будущего. Лекции. Идеономика. 2020 URL: https://ideanomics.ru/lectures/14006 (Дата обращения: 6.08.2020)
16. Подсистема «Электронный регион» URL: https://portal.eskigov.ru/er (Дата обращения: 4.08.2020)
17. Статистический сборник «Состояние преступности в России за май 2020 г». URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/1876504/ (Дата обращения: 12.12.2020)
18. Статистический сборник «Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2020 года» URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/925/sbornik_9_2020.pdf (Дата обращения: 12.12.2020)
19. Global Corruption Barometer «The Corruption Perceptions Index» https://www.transparency.org/en/gcb (Accessed: 04.08.2020).
20. Global Digital 2020. URL: https://wearesocial.com/uk/blog/2020/07/digital-use-around-the-world-in-july-2020 (Accessed: 03.08.2020)
21. Harold J. Leavitt, Thomas L. Whisler «Management in the 1980's» from the November 1958 Issue. Harvard Business Rewiew. URL: https://hbr.org/1958/11/management-in-the-1980s (Accessed: 01.08.2020)
22. Internet World Stats. Usage and Population Statistics, Social Media Stats and Internet Market Research Data https://www.internetworldstats.com (Accessed: 01.08.2020)
23. Nicholas Negroponte «5 predictions, from 1984 «TED 1984. URL: https://www.ted.com/talks/nicholas_negroponte_5_predictions_from_1984 (Accessed: 20.12.2020)
24. Paul Baran. On Distributed Communication Network.1962 URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2005/P2626.pdf (Accessed: 03.08.2020)
25. People and Corruption: Asia Pacific (2017) // Transparency International. URL: https://www.transparency.org/en/publications/people-and-corruption-asia-pacific-global-corruption-barometer (Accessed: 04.08.2020)
26. Peter. F. Drucker Landmarks of Tomorrow: A Report on the New 'Post-Modern' World. New York, 1959. 270 p.

27. Rapport anticorruption de l'UE. Bruxelles, ANNEXE FRANCE le 3.2.2014 Acr France URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/organized-crime-and-human-trafficking/corruption/anti-corruption-report/docs/2014_acr_france_chapter_fr.pdf (Accessed: 12.12.2020).
28. The Network Readiness Index 2019: Towards a Future-Ready Society. Soumitra Dutta Co-Editor Professor of Management and Former Founding Dean, Cornell SC Johnson College of Business President and Co-Chair, Portulans Institute. 2019. URL: https://networkreadinessindex.org/wp-content/uploads/2020/03/The-Network-Readiness-Index-2019-New-version-March-2020-2.pdf (Accessed: 04.08.2020)

References

1. Ardel'janova Ja. A. Teoretiko-metodologicheskie podhody k ponjatiju «korrupcija» (Theoretical and methodological approaches to the concept of «corruption») // Idei i idealy. 2013. Vol. 2. No. 3. P. 86-93. (In Russian).
2. Astanin V.V. Korrupcija i bor'ba s nej v Rossii vtoroj poloviny XVI-XX vv. (Kriminologicheskoe issledovanie): abstract of thesis. (Corruption and the fight against it in Russia in the second half of the XVI-XX centuries. (Criminological research). Moscow, 2001. 35 p. (In Russian).
3. Borzenkov G.N. Ugolovno-pravovye mery bor'by s korrupciej (Criminal measures against corruption) // Vestnik MGU. Series 11. 1993. No. 1. P. 30-31.
4. V Kitae otchitalis' o 1,3 mln nakazannyh za korrupciju chinovnikov (China reported on 1.3 million officials punished for corruption). RBK. 08 oktjabrja 2017 g. URL: https://www.rbc.ru/politics/08/10/2017/59d9d3059a7947cce3835964 (Accessed: 12.12.2020). (In Russian).
5. Volzhenkin B.V. Sluzhebnye prestuplenija: Kommentarij zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki. (Official crime: Comment legislation and judicial practice). St.Petersburg: Juridicheskij centr Press, 2005. 47 p. (In Russian).
6. Global'nyj otchet po informacionnym tehnologijam Portulans Institute (Global Report on Information Technology Portulance Institute) (2019): The Network Readiness Index 2019, str 141, Washington D.C., USA. URL: https://networkreadinessindex.org/nri-2019-analysis/ (Accessed: 12.12.2020). (In Russian).
7. Kak my budem zhit' cherez 30 let: tabletka dlja chtenija, Google v golove i drugie udivitel'nye prognozy. (How we will live in 30 years: a tablet for reading, Google in the head and other amazing predictions) 2020 URL: https://ideanomics.ru/articles/1981 (Accessed: 12.12.2020). (In Russian).
8. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshlenija ob Internete, biznese i obshhestve (The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society) Ekaterinburg: U — Faktorija, 2004. 147 p. (In Russian).
9. Kastel's M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura. (Information Age: Economy, Society and Culture). Moscow, GU VShJe, 2000. 51 p. (In Russian).
10. Kontrol' za oborotom nalichnyh deneg vozmozhen (Control over the turnover of cash is possible) // Nalogovaja politika i praktika. 2008. No. 8(80). P. 16 – 22. (In Russian).
11. Loginova L.V. Institucionalizacija korrupcii v Rossii (Institutionalizing corruption in Russia) // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava. 2008. No. 1. P.117 – 123. (In Russian).
12. Metodika ocenki urovnja razvitija informacionnogo obshhestva v subektah RF. (Methodology for assessing the level of development of the information society in the constituent entities of the Russian Federation) URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/metodika-otsenki-urovnya-razvitiya-informatsionnogo-obschestva-v-subektah-rf-proekt.pdf (Accessed: 03.08.2020). (In Russian).
13. Mishin G.K. Korrupcija: ponjatie, sushhnost', mery ogranichenija (Corruption: concept, essence, measures of restriction). Moscow,1991. 34 p. (In Russian).
14. Nacional'naja programma «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii» (National program «Digital Economy of the Russian Federation») URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (Accessed: 03.08.2020). (In Russian).
15. Nikolas Negroponte: 30-letnjaja istorija budushhego. Lekcii. (30-year history of the future. Lectures) Ideonomika. 2020 URL: https://ideanomics.ru/lectures/14006 (Accessed: 06.08.2020). (In Russian).
16. Podsistema «Jelektronnyj region» (Subsystem «Electronic region») URL: https://portal.eskigov.ru/er (Accessed: 04.08.2020). (In Russian).
17. Statisticheskij sbornik «Sostojanie prestupnosti v Rossii za maj 2020 g». (Statistical collection «The state of crime in Russia in May 2020».) URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/1876504/ (Accessed: 12.12.2020). (In Russian).
18. Statisticheskij sbornik «Sostojanie prestupnosti v Rossii za janvar'-sentjabr' 2020 goda» (Statistical collection «The state of crime in Russia in January-September 2020») URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/925/sbornik_9_2020.pdf (Accessed 12.12..2020). (In Russian).
19. Global Corruption Barometer «The Corruption Perceptions Index» URL: https://www.transparency.org/en/gcb (Accessed: 04.08.2020).
20. Global Digital 2020. URL: https://wearesocial.com/uk/blog/2020/07/digital-use-around-the-world-in-july-2020 (Accessed 03.08.2020)
21. Harold J. Leavitt, Thomas L. Whisler «Management in the 1980's» from the November 1958 Issue. Harvard Business Rewiew. URL: https://hbr.org/1958/11/management-in-the-1980s (Accessed: 01.08.2020)
22. Internet World Stats. Usage and Population Statistics, Social Media Stats and Internet Market Research Data URL: https://www.internetworldstats.com (Accessed: 01.08.2020)
23. Nicholas Negroponte «5 predictions, from 1984 «.TED 1984. URL: https://www.ted.com/talks/nicholas_negroponte_5_predictions_from_1984 (Accessed: 20.12.2020)
24. Paul Baran. On Distributed Communication Network.1962 URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2005/P2626.pdf (Accessed: 03.08.2020)

25. People and Corruption: Asia Pacific (2017) // Transparency International. URL: https://www.transparency.org/en/publications/people-and-corruption-asia-pacific-global-corruption-barometer (Accessed: 04.08.2020)
26. Peter. F. Drucker Landmarks of Tomorrow: A Report on the New 'Post-Modern' World. New York, 1959. 270 p.
27. Rapport anticorruption de l'UE. Bruxelles, ANNEXE FRANCE le 3.2.2014 Acr France URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/organized-crime-and-human-trafficking/corruption/anti-corruption-report/docs/2014_acr_france_chapter_fr.pdf (Accessed: 12.12..2020).
28. The Network Readiness Index 2019: Towards a Future-Ready Society. Soumitra Dutta Co-Editor Professor of Management and Former Founding Dean, Cornell SC Johnson College of Business President and Co-Chair, Portulans Institute. 2019. URL: https://networkreadinessindex.org/wp-content/uploads/2020/03/The-Network-Readiness-Index-2019-New-version-March-2020-2.pdf (Accessed: 04.08.2020).

Сведения об авторах:

Клюковская Ирина Николаевна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ikliukovskaia@ncfu.ru

Тер-Аванесова Ирина Николаевна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / iteravanesova@ncfu.ru

Information about the authors:

Klyukovskaya Irina – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chair of Theory and History of State and Law, Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ikliukovskaia@ncfu.ru

Ter-Avanesova Irina – Lecturer, Chair of Theory and History of State and Law, Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / iteravanesova@ncfu.ru

УДК 349.6
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.21

К.В. Колесникова,
Т.И. Макарова

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕМЕНТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ЕАЭС[1]

В статье исследуются актуальные вопросы правового регулирования экономического механизма охраны окружающей среды и рационального природопользования в государствах, входящих в ЕАЭС, который включает в себя различные инструменты, имеющие специфические особенности и формы реализации в каждой стране-участнице.

Анализируются нормы законодательства Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Республики Армения, регламентирующие установление как налоговых, так и неналоговых платежей за пользование природными ресурсами и оказание различных видов воздействий на природную среду. Подробно рассматривается правовая природа платы за негативное воздействие на окружающую среду, экологический налог, эмиссии в окружающую среду. Дается авторская оценка эффективности указанных правовых инструментов для целей поддержания экологической безопасности и устойчивого природопользования.

Рассматриваются различные подходы к реализации экологической функции государств, которая требует грамотного сочетания административного, экономического и рыночного механизмов, с целью смягчения воздействия на экономику при возрастающих расходах на достижения принятых стандартов качества природной среды и обеспечения рационального использования природных ресурсов.

Аргументируется необходимость гармонизации экологического законодательства, конкретно в части создания экологических фондов всеми государствами-участниками ЕАЭС, которые позволят реализовать компенсационную функцию экологических платежей, выражающуюся в соотнесении их с размерами вреда, причиняемого окружающей среде, посредством аккумуляции в фондах денежных средств, поступающих из различных источников и целевого их расходования на экологически значимые мероприятия.

Предлагается принятие нормативно-правовых актов на уровне ЕАЭС, целью которых являлось бы регулирование отношений, касающихся вопросов природопользования и охраны окружающей среды, в том числе отношений финансирования. Это особенно актуально, учитывая стоящие перед мировым сообществом экологические вызовы, и учащающиеся в последнее время техногенные катастрофы. Помимо нормативной базы требуется создание наднациональных институтов и механизмов финансирования экологической сферы в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования, плата за негативное воздействие на окружающую среду, экологический налог, эмиссии в окружающую среду, экологические фонды.

Kira Kolesnikova
Tamara Makarova

ON THE ISSUE OF THE ELEMENTS OF THE ECONOMIC MECHANISM OF ENVIRONMENTAL PROTECTION AND NATURE MANAGEMENT IN THE EAEU COUNTRIES

The article examines the current issues of legal regulation of the economic mechanism of environmental protection and rational use of natural resources in the member states of the EAEU, which includes various tools that have specific features and forms of implementation in each member country.

The article analyzes the norms of the legislation of the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Belarus, the Republic of Armenia, regulating the establishment of both tax and non-tax payments for the use of natural resources and the provision of various types of impacts on the natural environment. The legal nature of payment for negative impact on the environment, environmental tax, emissions into the environment is considered in detail. The author gives an assessment of the effectiveness of these legal instruments for the purposes of maintaining environmental safety and sustainable use of natural resources.

Various approaches to the implementation of the environmental function of states are analyzed in the article, this function requires a competent combination of administrative, economic and market mechanisms, in order to mitigate the impact on the economy with increasing costs for achieving the accepted standards of environmental quality and ensuring the rational use of natural resources.

The author advocates the need for harmonization environmental legislation, specifically in terms of creating environmental funds by all EAEU member states, which will allow implementing the compensatory function of environmental payments, which is expressed in their correlation with the amount of harm caused to the environment, by accumulating monetary assets in funds from various sources and their purposeful spending on environmentally significant activities.

It is proposed to adopt regulatory legal acts at the level of the EAEU, the purpose of which would be the regulation of relations concerning environmental management and environmental protection, including financing relations. This is especially relevant, taking into consideration the environmental challenges facing the world community, and

1 Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований проект 20-511-00015 Бел_а «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств-членов Евразийского Экономического Союза».

the recent increase in man-made disasters. In addition to the regulatory framework, it is necessary to create supranational institutions and mechanisms for financing the environmental sphere within the framework of the EAEU.

Key words: economic mechanism of environmental protection and nature management, payment for negative impact on the environment, environmental tax, emissions into the environment, environmental funds.

Сложившаяся в мире, ситуация, связанная с закрытием границ, упадком производства и как следствие падением цен на энергоресурсы, несомненно, приведет к экономическому кризису, который, как представляется, будет достаточно болезненным для всех стран, входящих в ЕАЭС. В таком положении более глубокая интеграция и сотрудничество в рамках необходимости формирования единого правового пространства становится насущной потребностью. Государства должны стремиться эффективно и бережно использовать имеющиеся природные ресурсы, что невозможно без создания качественного экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования. При этом они должны обеспечивать не только качественный рост доходов от естественных рент и привлечение инвестиций, но и экологическую безопасность на всей территории ЕАЭС.

Экономическая составляющая является неотъемлемой частью механизма охраны окружающей среды. При этом надо заметить, что, несмотря на провозглашаемое в Договоре о Евразийском Экономическом Союзе, подписанном в г. Астане 29 мая 2014 г. стремление государств – членов ЕАЭС к гармонизации законодательства, все же экономическое регулирование в области охраны окружающей среды в национальном законодательстве стран имеет ряд существенных отличий.

Проводя сравнительный анализ основополагающих актов природоресурсного и прродоохранительного законодательства в интересующих нас государствах, можно выделить общие элементы данного механизма. К ним в частности относятся: взимание платы за пользование природными ресурсами, установление платы за воздействие на окружающую среду (они могут иметь как налоговую, так и не налоговую природу), проведение экономической оценки воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, экономическое стимулирование охраны окружающей среды (включая поощрение при внедрении наилучших существующих технологий.), экологическое страхование.

Существуют и специфические элементы механизма, характерные лишь для конкретного государства. К примеру, целевые экологические фонды сохранились только в Республике Беларусь.

Надо сказать, что российский законодатель, в отличие от иных, пошел по пути ликвидации норм, устанавливающих методы экономического регулирования из основного отраслевого акта – ФЗ «Об охране окружающей среды». Так, в 2014 г. из него была исключена статья, в которой в качестве методов предусматривались: разработка государственных прогнозов и программ в сфере экологии, разработка и проведение мероприятий по охране окружающей среды, проведение экономической оценки природных объектов и природно-антропогенных объектов, проведение экономической оценки воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, предоставление налоговых и иных льгот при внедрении наилучших существующих технологий, поддержка предпринимательской, инновационной и иной деятельности, возмещение вреда окружающей среде.

По сути, если судить по содержанию главы 4 ФЗ «Об охране окружающей среды» из действующих механизмов, сохранились только плата за негативное воздействие на окружающую среду; государственная поддержка хозяйственной и (или) иной деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды, заключающаяся в содействии осуществления инвестиционной деятельности, направленной на внедрение наилучших доступных технологий и реализацию иных мер по снижению негативного воздействия на окружающую среду; экономическое стимулирование прекращения производства и использования озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции; экологическое страхование.

В РФ также существуют различные виды платежей за пользование отдельными объектами природы, однако их установление регулируется не основным законодательным актом в области экологического права, а отдельными отраслевыми актами, а также также налоговым и гражданским законодательством. К ним можно отнести земельный налог, водный налог, НДПИ, арендные платежи, лицензионные платежи, платежи за пользование природными ресурсами (например, плату за пользование водными ресурсами).

Строго говоря, к видам экологический платежей, действующих в РФ, также относятся утилизационный сбор и экологический сбор. Утилизационный сбор уплачивается за ввозимые и (или) произведенные в РФ транспортные средства. Экологический сбор уплачивается производителями, импортерами товаров, которые подлежат утилизации после утраты ими потребительских свойств.

Как указывает А.А. Ялбулганов, «утилизационный сбор и экологический сбор имеют схожую правовую природу, цели, задачи и уплачиваются лицами, которые являются потенциальными загрязнителями окружающей природной среды… Формально это разновидность платы за негативное воздействие на ОС».[5] Необходимо также добавить, что установление этих платежей регулируется подзаконными актами, что еще раз

подчеркивает отсутствие в РФ логично выстроенной системы экономического механизма охраны природы.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду по российскому законодательству является видом неналогового платежа. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации она носит индивидуально-возмездный и компенсационный характер и, соответственно, не может относиться к налогам. [2]

Компенсационный характер платы выражается в соотнесении ее с размерами вреда, причиняемого окружающей среде. [3] Однако, нельзя говорить ни о какой непосредственной компенсации причиняемого вреда, так как платеж не является целевым.

Плата взимается за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками; сбросы загрязняющих веществ в водные объекты; хранение, захоронение отходов производства и потребления (размещение отходов).

Надо сказать, что этот перечень базы платежа сокращен в сравнении с тем, который существовал прежде. Ранее он также взимался и за загрязнение недр и почв, а также загрязнение природной среды шумом, теплом, электромагнитными, ионизирующими и другими видами физических воздействий. Хотя, что касается последнего, методики расчета данных воздействий и соответственно ставки платы по ним и тогда отсутствовали.

В отличие от платы за негативное воздействие на окружающую среду, строго определенным российским правом как неналоговый платеж, подобные платежи в других странах ЕАЭС имеют законодательно установленную налоговую природу.

Так в Республике Армения уплата экологического налога регулируется Налоговым кодексом Республики Армения. Экологический налог определяется как налог, уплачиваемый в государственный бюджет в целях образования денежных средств, необходимых для осуществления экологических мероприятий. Сразу обращает на себя внимание тот факт, что денежные средства, полученные от налоговых поступлений, по смыслу определения, имеют целевую направленность, то есть должны непосредственно расходоваться на выполнение экологических мероприятий. С 2001 года в РА действует Закон РА «О целевом использовании природоохранного налога, уплачиваемого компаниями». В 2020 году в него были внесены изменения, согласно которым экологический налог с горнодобывающих компаний будет перенаправляться в бюджеты общин. Природоохранные налоги горнодобывающих компаний, которые занимаются добычей металлов, должны отчислять средства на реализацию целевых программ тех общин, на которые деятельность этих компаний оказывает негативное воздействие.

В качестве объектов налогообложения НК РА определяет: выбросы вредных веществ в атмосферный воздух; сброс вредных веществ и (или) соединений в водный ресурс; отходы недропользования, производства и (или) потребления; товары, причиняющие вред окружающей среде.

Помимо экологического налога НК РА регулирует взимание платежей за природопользование. Объектами таких платежей являются: использование поверхностных вод; добыча пресных и термальных подземных вод; добыча минеральных подземных вод (в том числе производство углекислого газа); добыча соли; добыча твердых неметаллических полезных ископаемых (за исключением соли); пользование биоресурсами; объект роялти. Данные платежи, безусловно, являются разновидностью налога, так как имеют все присущие ему элементы.

Интересно, что НК РА содержит понятие экологического налога, но не содержит понятие природоресурсных платежей. Данная ситуация характерна для всех стран-участниц ЕАЭС.

В Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» природопользование делится на общее и специальное, что давно не характерно, к примеру, для российского законодательства. Специальное природопользование является платным, платежи взимаются в форме налогов, сборов (пошлин), иных обязательных платежей и арендной платы. К налоговым платежам относятся земельный налог, экологический налог и налог на добычу (изъятие) природных ресурсов.

Объекты налогообложения экологического налога практически идентичны российским.

К ставкам данного вида налога применяются повышающие и понижающие коэффициенты. Как представляется, с этим можно связать такой элемент экономического механизма охраны природной среды, как установление мер экономического стимулирования в сфере охраны природной среды, который закреплен в Законе РБ «Об охране окружающей среды». В частности, в НК РБ устанавливается, возможность ежеквартального уменьшения для плательщиков экологического налога за загрязняющие атмосферного воздуха платежей на сумму произведенных расходов на финансирование капитальных вложений в строительство и (или) реконструкцию газоочистных установок, установок по использованию возобновляемых источников энергии, а также в создание автоматизированных систем контроля за выбросами загрязняющих веществ в атмосферный воздух.

Аналогичный механизм предусмотрен и российским законодательством. Коэффициент 0 устанавливается за объем или массу выбросов загрязняющих веществ, сбросов загрязняющих веществ в пределах технологических нормативов после внедрения наилучших доступных технологий на объекте, оказывающем негативное воздействие на окружающую среду.

Представляется, что для целей стимулирования природопользователей к уменьшению воздействий на окружающую среду российский механизм является более совершенным, так как вложения в объекты капитального строительства совсем не означают, что данные объекты будут нести меньше антропогенной нагрузки на природу.

А вот законодательство Республики Армения практически не предусматривает применение стимулирующих мер в виде уменьшения ставки налога для загрязнителей природной среды. НК РА устанавливает льготы по уплате экологического налога для отдельных категорий субъектов (инвалидов) и плательщиков экологического налога за транспортные средства с гибридными двигателями и двигателями с электрическим питанием.

В Республике Казахстан «экологический налог» взимается в виде платы за эмиссию в окружающую среду. Само понятие эмиссии закреплено в Экологическом кодексе Республики Казахстан. Под эмиссией в окружающую среду понимаются выбросы, сбросы загрязняющих веществ, размещение отходов производства и потребления в окружающей среде, размещение и хранение серы в окружающей среде в открытом виде.

Заметим, что сам термин «эмиссия в окружающую среду» не характерен для стран постсоветского пространства и скорее заимствован Казахстаном из правовой системы ЕС. ЭК РК устанавливает несколько видов негативного воздействия на окружающую среду. Это традиционные выбросы загрязняющих веществ, сбросы загрязняющих веществ, размещение отходов производства и потребления и выделенное отдельно, размещение серы. Такой ход законодателя объяснялся в казахской прессе желанием чиновников пополнить бюджет за чет единственного предприятия, располагавшего значительными запасами серы. Тем не менее, данная норма, несмотря на многочисленные обжалования ее законности, сохранена в ЭК. Что интересно, в Кодексе, как в самом определении, так и в статье 25, посвященной нормативам эмиссий, речь идет о размещении серы в окружающей среде в открытом виде, а в Налоговом кодексе объектом налогообложения является размещение серы, образующейся при проведении нефтяных операций.

Но, как отмечает Ж.С. Елюбаев, в нормативном регулировании эмиссии есть и более существенные проблемы. Так к примеру, «принятое в ЭК РК определение лимита на эмиссии в окружающую среду как «нормативного объема эмиссий в окружающую среду, устанавливаемого на определенный срок» (пункт 44 статьи 1) неудачное и не позволяет ясно и четко разграничить данное понятие от нормативов эмиссий. Нормативы эмиссий, также как и лимиты на эмиссии, связаны с определенными допустимыми объемами эмиссий и устанавливаются на определенный срок.

В результате отсутствия ясного определения лимитов на эмиссии в законодательстве и правоприменительной практике понятия лимитов и нормативов эмиссий зачастую смешиваются, в то время как их правовой режим различен.

В связи с изложенным было бы желательно в ЭК РК определить лимиты на эмиссии в окружающую среду в качестве общих объемов эмиссий в окружающую среду, устанавливаемых уполномоченным органом в области охраны окружающей среды или местным исполнительным органом в разрешении на эмиссии в окружающую среду или Правительством Республики Казахстан в случаях и порядке, установленных в ЭК РК» [1].

Эмиссии в окружающую среду являются природопользованием специальным и соответственно субъектам их осуществляющим необходимо получить разрешение на эмиссии в окружающую среду, исключением являются только выбросы загрязняющих веществ от передвижных источников.

Сами нормативы эмиссий должны быть обоснованы в результате оценки воздействий на природную среду планируемой хозяйственной и иной деятельности.

Если эмиссии осуществляются без надлежаще оформленных документов, то они определяются как эмиссии сверх установленных нормативов эмиссий в окружающую среду.

Ставки платы установлены в Налогом кодексе РК и определяются исходя из размера месячного расчетного показателя, установленного законом о республиканском бюджете.

В ЭК РК прописан рыночный механизм управления эмиссиями в окружающую среду, которые применяются с целью сокращения этих самых эмиссий. Рыночный механизм представляет собой установление лимитов и квот на эмиссии в природную среду и утверждения порядка торговли квотами и обязательствами на сокращение эмиссии. В соответствии с законодательством РК рыночный механизм является видом механизма экономического регулирования охраны природы и природопользования.

В целом рыночный механизм или рыночный подход в экологической сфере введен Агентством по охране окружающей среды (EPA) с целью смягчить воздействие на экономику при возрастающих расходах на достижения принятых стандартов качества природной среды. Он призван обеспечивать рациональное использование природных ресурсов. Государство должно определить масштабы негативного воздействия на окружающую среду и распределить разрешения (лицензии) между природопользователями, а затем данным субъектам предоставляется право на продажу таких разрешений. Данная система отлична от экономической или административной модели. Роль органов государственной власти сводится к контролю над сделками, совершаемыми

хозяйствующими субъектами и к контролю над общими объёмами воздействий на природу. Государству также необходимо обеспечить рыночный механизм надлежащей правовой базой и соответствующей инфраструктурой.

Безусловно, один лишь рассматриваемый механизм не может стать эффективным инструментом, обеспечивающим экологическую безопасность, в широком смысле. Необходимо грамотное сочетание административного, экономического и рыночного механизмов.

Сущность торговли квотами и лимитами на выбросы, сбросы, размещение и так далее, заключается в том, что хозяйствующий субъект, у которого получилось сократить суммарную антропогенную нагрузку (уменьшить выбросы) имеет право или продать их другим предприятиям или поместить их излишки в так называемый «банк выбросов», в зависимости от выбранной государством модели.

Правила торговли квотами и обязательствами на сокращение эмиссий в РК урегулировано Приказом Министра энергетики Республики Казахстан от 31 марта 2015 года № 250.

В соответствии с ним, природопользователи, которые не использовали лимиты на эмиссию, предоставленные им в соответствии с экологическими разрешениями, могут торговать квотами на эмиссии и обязательствами на сокращение эмиссий. В свою очередь природопользователи, которые рискуют превысить собственные лимиты на эмиссии, могут купить недостающую часть квоты у других природопользователей.

В случае, если природопользователи имеют резервы фактических эмиссий в природную среду в сравнении с лимитами на эмиссии и обязательствами по сокращению эмиссий, установленных экологическими разрешениями, они могут предложить часть квоты на эмиссии и часть обязательств по сокращению эмиссий к продаже иным природопользователям.

Такая торговля между природопользователями возможна отдельно по выбросам, сбросам загрязняющих веществ, по размещению отходов производства и потребления, размещению и хранению серы в окружающей среде в открытом виде.

Сделки совершаются путём заключения договоров купли–продажи с последующим переоформлением экологических разрешений.

Торговля квотами на эмиссии в окружающую среду и обязательствами на сокращение эмиссий допускается между природопользователями в случае, если расстояние между источниками выбросов, сбросов загрязняющих веществ, объектами размещения отходов производства и потребления, размещение и хранение серы в окружающей среде в открытом виде не превышает десятикратной суммы радиусов санитарно-защитных зон, установленных для данных природопользователей.

Как представляется, в этом выражается так называемый принцип «пузыря» или «купола», когда множество источников загрязнения находятся в единой регулируемой системе и объем выбросов установлен для этой системы. Она может охватывать какой-либо регион с находящимися в нем предприятиями, или как в данном случае определенную территорию.

Денежные средства, полученные от эмиссий в окружающую среду, как в прочем и средства от иных природоресурсных платежей и налогов, в странах ЕАЭС, поступают в бюджеты разных уровней, являясь их доходами. По сути, они никаким образом не «окрашены», то есть растворяются в бюджетах, и не имеют целевой направленности. Исключением, пожалуй, является лишь Республика Беларусь, законодательство, которой прямо предусматривает направление платежей за специальное природопользование непосредственно на выполнение природоохранных мероприятий.

Как указывает А.А. Ялбулганов, все природоресурсные платежи имеют ряд функций: стимулирующую, фискальную и компенсационную. С помощью стимулирующей функции повышается экономическая заинтересованность природопользователей снижать негативное воздействие на природную среду и оказываться от сверх потребления ресурсов [4].

Так как данные платежи по своей природе являются рентными платежами, фискальная функция в любом случаи, присутствует. Государства или иные публично-правовые образования являются собственниками большинства природных ресурсов и соответственно имеют право забирать у пользователей часть дохода. Однако, как считает автор, если государство все-таки озабочено целью охраны природы, данная функция не может становиться главной при регулировании подобного рода платежей [4].

Компенсационная функция может реализовываться только через создание специальных фондов, куда будут поступать и откуда будут расходоваться средства на охрану окружающей среды, восстановление и воспроизводство природных ресурсов [4].

Как было сказано ранее, такие фонды сохранились только в Республики Беларусь. Создаются они как на республиканском так и на местном уровнях с целью финансирования государственных программ по охране окружающей среды и рациональному природопользованию. По своей форме являются бюджетными и целевыми.

В РФ тоже существовали экологические фонды. Сначала в форме целевых внебюджетных фондов, а в последующем, в форме целевых бюджетных фондов. В них аккумулировались денежные средства, полученные не только от платы за негативное воздействие на окружающую среду и природоресурсных платежей, но и отчисления

предприятий и организаций, добровольные взносы, поступления от иностранных субъектов, собственные заработанные средства фонда.

Вопрос о воссоздании экологических фондов периодически поднимался в рамках законодательных инициатив, но так и не получил положительного разрешения. Представляется, он мог бы решиться уже на уровне содружества государств.

Учитывая поставленные задачи по гармонизации законодательства, полагаем, что именно белорусская система финансирования экологических мероприятий через целевые фонды, формирующиеся из различных источников могла, бы быть воспринята правовыми системами всех стран-участниц ЕАЭС. Именно через подобные фонды могло бы осуществляться сотрудничество государств в экологической сфере, в том числе решаться вопросы, касающиеся иностранного инвестирования.

Вообще, необходимо отметить отсутствие каких-либо многосторонних договоров, соглашений, заключенных в рамках ЕАЭС, целью которых являлось бы регулирование природопользования и охраны окружающей среды. В самом Договоре о Евразийском Экономическом Союзе нет специальных норм, регулирующих отношения в интересующей нас области. Однако это не означает, что за все годы существования Союза не возникала необходимость в подобных правовых установлениях.

Можно назвать несколько актов, принятых государствами, входящими в ЕАЭС в рамках СНГ, направленных на охрану окружающей среды.

В Соглашении о сотрудничестве в области охраны окру¬жающей среды государств - участников СНГ 2013 г. речь шла о сотрудничестве в области охраны окружающей среды, в частности охраны и использования земель, почв, недр, лесов, вод, атмосферного воздуха, растительного и животного мира, озонового слоя атмосферы, а также предотвращения неблагоприятных изменений климата.

В соответствии со статьёй 5 Соглашения финансирование совместных мероприятий и программ предполагалось осуществлять из бюджетов соответствующих государств, а также за счет привлечения внебюджетных источников на договорной основе.

Как мы можем судить, из бюджета самого СНГ финансирование данных мероприятий не предполагалось, да и понятие внебюджетных источников, также не раскрывалось.

Из анализа Договора о Евразийском Экономическом Союзе также явственно следует, что из бюджета ЕАЭС конкретные мероприятия не финансируются.

Доходы бюджета Союза формируются за счет долевых взносов государств - членов Союза, а расходы направляются лишь на финансирование деятельности органов Союза и проведение заседаний.

Учитывая стоящие перед мировым сообществом экологические вызовы, и учащающиеся в последнее время техногенные катастрофы, данный подход представляется нам в корне неверным. Правительства стран, входящих в ЕАЭС, должны учитывать не только экономические выгоды от свободного перемещения товаров и услуг, которые дает объединение по макроэкономическому принципу, но и увеличивающиеся возможности предотвращения и ликвидации экологических угроз в регионе. К тому же положительный экономический эффект от совместного использования природных ресурсов, включая возможности выгодного инвестирования в данную сферу так же очевиден.

Литература

1. Елюбаев Ж.С. Общие институциональные основы регулирования экологических отношений URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37994949#pos=94 (Дата обращения: 21.01.2021).
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2002 г. N 284-О // СПС «Консультант-плюс». (Дата обращения: 21.01.2021).
3. Петрова Т.В. Правовые проблемы экономического механизма охраны окружающей среды. М.: Зерцало, 2000. 192 с.
4. Ялбулганов А.А. Правовое регулирование платежей за загрязнение окружающей природной среды в государствах Евразийского экономического союза // Реформы и право. 2015. № 4. С. 82 - 87.
5. Ялбулганов А.А. Правовое регулирование платы за негативное воздействие на окружающую природную среду: обновленная структура платежа // Реформы и право. 2016. № 1. С. 27 - 32.

References

1. Eljubaev Zh.S. Obshhie institucional'nye osnovy regulirovanija jekologicheskih otnoshenij (General institutional framework for the regulation of environmental relations) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37994949#pos=94 (Accessed: 21.01.2021). (In Russian).
2. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 10 dekabrja 2002 g. N 284-O (Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 10, 2002 N 284-O) // SPS "Konsultant plus" (Accessed: 21.01.2021). (In Russian).
3. Petrova T.V. Pravovye problemy jekonomicheskogo mehanizma ohrany okruzhajushhej sredy (Legal problems of the economic mechanism of environmental protection). Moscow: Zertcalo, 2000. 192 p. (In Russian).

4. Jalbulganov A.A. Pravovoe regulirovanie platezhej za zagrjaznenie okruzhajushhej prirodnoj sredy v gosudarstvah Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza (Legal regulation of payments for environmental pollution in the states of the Eurasian Economic Union) // Reformy i pravo. 2015. No. 4. P. 82-87. (In Russian).
5. Jalbulganov A.A. Pravovoe regulirovanie platy za negativnoe vozdejstvie na okruzhajushhuju prirodnuju sredu: obnovlennaja struktura platezha (Legal regulation of payments for negative impact on the environment: updated payment structure) // Reformy i pravo. 2016. No. 1. P. 27-32. (In Russian).

Сведения об авторах:

Колесникова Кира Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / mail.kira@yandex.ru

Макарова Тамара Ивановна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического и аграрного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь) / tamaramakarava@gmail.com

Information about the authors:

Kolesnikova Kira – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Environmental Land and Labor Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / mail.kira@yandex.ru

Makarova Tamara – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Chair of Environmental and Agrarian Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus) / tamaramakarava@ gmail.com

УДК 34.34.349
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.22

О.В. Погожева
С.М. Плиев

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВОВОЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ[1]

Предотвращение, предупреждение и пресечение деликтов, правонарушений и преступлений среди подростков является важнейшей национальной задачей любого государства. Нестабильность развития общества, социально-экономические, политические/геополитические, культурные изменения влияют на ценностные ориентации молодёжи, их личностные установки и, порой, провоцируют «дрейф» личности подростка в неблагоприятную среду. Сегодня негативное влияние средств массовой информации, социальных сетей, компьютерных сетевых игр особенно детерминирует девиантное поведение подростков.

В статье представлен анализ статистических данных по подростковым правонарушениям и преступлениям в России и Ставропольском крае, который позволил предположить, что эффективность нормативного и институционального сопровождения подростков в Ставропольском крае находится на высоком уровне. Ставропольский край формирует свою нормативную и институциональную базу на основе законодательных актов Российской Федерации, регулирующих деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, основывает региональное законодательство на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права. Анализ нормативной и институциональной системы профилактики девиантного поведения среди несовершеннолетних как в России, так и в Ставропольском крае выявил широкую межведомственную общность, которая эффективно функционирует и способствует формированию инфраструктуры других социальных служб, учреждений нового типа оказывающих социальные услуги семьям и подросткам, что, безусловно, создаёт условия для полноценного развития личности подростков.

Ключевые слова: девиантное поведение подростков; правонарушения, преступления, несовершеннолетние; законодательство Ставропольского края, институциональная система профилактики девиантного поведения.

Olga Pogozheva
Soslan Pliev

PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOUR OF MINORS IN THE TERRITORY OF THE STAVROPOL KRAI: A MODERN LEGAL AND INSTITUTIONAL ANALYSIS

Prevention and suppression of tort, delinquency and crime among adolescents is the most important national task of any state. Instability in the development of society, socio-economic, political / geopolitical, cultural changes affect the value orientations of young people, their personal attitudes and sometimes provoke a «drift» of the teenager's personality into an unfavorable environment. Today, the negative influence of the media, social networks, computer network games especially determines the deviant behavior of adolescents. The article presents an analysis of statistical data on juvenile delinquency and delinquency in Russia and the Stavropol Territory, which suggests that the effectiveness of regulatory and institutional support for adolescents in the Stavropol Territory is at a high level. The Stavropol Territory forms its regulatory and institutional framework on the basis of legislative acts of the Russian Federation regulating activities to prevent child neglect and juvenile delinquency, bases regional legislation on the Constitution of the Russian Federation, generally recognized principles and norms of international law. ... An analysis of the normative and institutional system for the prevention of deviant behavior among minors both in Russia and in the Stavropol Territory revealed a wide interdepartmental community that functions effectively and contributes to the formation of the infrastructure of other social services, new type institutions that provide social services to families and adolescents, which, of course, , creates conditions for the full development of the personality of adolescents.

Key words: deviant behavior of adolescents; offenses, crimes, minors; legislation of the Stavropol territory, the institutional system for the prevention of deviant behavior.

Происходящие в обществе социально-политические и экономические преобразования более всего отражаются на несовершеннолетних юношах и девушках 14 – 18 лет, зачастую сильнее, чем на других категориях населения.

Очевидно, что данная возрастная группа, представляет собой наиболее уязвимую категорию населения. Отклонения в поведении подростков могут быть результатом нестабильности развития общества ввиду социально-экономических, политических, культурных изменений, прежде всего, в содержании ценностных ориентаций молодёжи и их личностных установок.

В частности, в России, распространенность девиаций среди подростков составляет 40-60 %, которые склонны к асоциальным формам по-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РЮО в рамках научного проекта № 20-513-07003 МОН РЮО.

ведения (алкоголизм, наркомания, склонность к суициду) и противоправным, выражающимся, в частности, в совершении административные правонарушений. Но, при этом, по данным Генеральной Прокуратуры РФ, с 2014 г. неуклонно снижается количество несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений.

В целом же современное постиндустриальное общество характеризуется постоянным увеличением поведенческих отклонений среди несовершеннолетних, вызванных социальной, физиологической и психологической незрелостью. Эта проблема признана научным сообществом, практикующими психологами и психотерапевтами как комплексная, и выходит на государственный уровень, так как напрямую связана со степенью здоровья общества в целом.

Отклонения (девиации) имеют разнообразные формы проявления и все их объединяет то, что они проявляются в поступках, противоречащих принятым в обществе нормам – правовым или нравственным.

Причины девиаций у подростков могут быть объединены в две большие группы. Первая - особенности социальной среды: неполные семьи, конфликтные асоциальные семьи, учебно-воспитательные ошибки. Второй группой причин, приводящих к формированию девиантного поведения подростков, являются медико-биологические факторы: отягощенная наследственность, патологии центральной нервной системы, особенности пубертатного периода.

Социализирующее влияние общества оказывается под угрозой крена в девиацию в случае недостаточного внимания педагогов, неумения установить контакт с подростком, что в свою очередь становится основой для формирования неуспеваемости, конфликтов с классом и учителями, целенаправленной изолированности и пр.

С точки зрения работы с личностью подростка на первое место выходят психологические приемы и методы. Однако, когда речь идет о решении проблемы девиантного поведения среди молодежи на уровне государства, необходимо вести речь о государственной политике и формировании соответствующей правовой базы, например, в сфере образования.

Современный этап развития образования ориентирует общество на создание условий для полноценного развития человека, основываясь на целостном междисциплинарном подходе к формированию развивающей среды. Подростковый возраст, будучи переходной стадией взросления, является одним из критических и опасных. Во многом, это обусловлено тем, что именно в этот период жизни, большинство подростков подвержены влиянию негативных явлений, вследствие которых у них может сформироваться девиантное поведение либо обозначиться склонность к его формированию.

В последние время особенно актуальны массовые акции деструктивного характера отдельных лиц и общественных организаций, чья деятельность скоординирована с помощью сети Интернет, направленных на подростков среднего и старшего школьного возраста. Негативное влияние средств массовой информации, социальных сетей, особенно детерминирует девиантное поведение подростков. Среди них можно отметить, например, такие группы как «Суицид», «Дурь», «Знакомство для подростков», «Вред школы» и другие, в которых детям предлагается примкнуть к группе единомышленников, самореализоваться, самоидентифицироваться в неформальных подростковых организациях, участие в которых, может привести не только к формированию девиантного, аддиктивного, преступного поведения, но и к саморазрушающемуся поведению, вплоть до суицида.

Семейное неблагополучие также является важнейшим фактором формирования девиантного поведения подростков. Помимо того, что в пубертатный период, зачастую, во взаимоотношениях между родителями и детьми возникают конфликты, недопонимания, враждебность, проявление насилия и другое, дети могут проецировать на себя девиации и аддикции, которыми обладают их родители, например, пристрастие членов семьи к алкоголю, курению, наркомании, игромании, Интернет-зависимости и зависимости от социальных сетей и гаджетов.

Родители теряют контроль за поведением подростков, особенно в период вне учебной деятельности, что обусловлено, как правило, их чрезмерной занятостью, отсутствием комплексной системы сопровождения подростков как во время нахождения в школе, так и за её пределами. Данные факторы особенно актуальны сегодня, когда в условиях всемирной пандемии, распространения коронависрусной инфекции многие подростки получили больше свободного времени, которое зачастую способствует «дрейфу» в девиантное поведение.

В области образования и воспитания несовершеннолетних необходимо реализовывать комплексную систему мер профилактики, направленную на предотвращение, предупреждение и пресечение развития и проявления различных форм и видов девиантного поведения [4]. Так, В. Н. Иванов указывает, что профилактика – это «единство предупредительных мероприятий, имеющих цель – сохранение и укрепление нормального состояния порядка» или же «совокупность мероприятий (государственных и общественных социальных, гигиенических и медицинских), направленных на повышение уровня здоровья населения и предупреждение заболеваний [1]. Педагоги, психологи, юристы отмечают, что в настоящее время происходят качественные

изменения факторов, влияющих на формирование девиантного поведения подростков. Действия подростков, внешне не проявляющееся как административно-наказуемые проступки, влияют на деградацию личности, потерю собственных ценностных установок, усугубляют внутренние противоречия несовершеннолетнего между потребностями и возможностями их удовлетворения. Таким образом, стремление к удовлетворению собственных потребностей как внутреннего мотива провоцирующего подростка, с недостаточно развитой социальной ориентацией, приводит к формированию у него девиантного поведения, которое не соответствует общепринятым нормам и правилам поведения. На молодое поколение российское общество возлагает надежды, связанные с дальнейшим развитием нашего государства, поэтому проведение мероприятий по профилактике девиантного поведения подростков являются важной национальной задачей.

Несовершеннолетние правонарушители это основной ресурс для взрослой и рецидивной преступности. И чем меньше будет их численность, тем ниже будут показатели преступности в будущем.

Исходя, из анализа статистических данных по подростковым правонарушениям и преступности в России за 2019 – 2020 гг. наблюдается рост зарегистрированных преступлений, совершённых несовершеннолетними. По данным, которые приводят О. В. Погожева и В. А. Коваленко, количество зарегистрированных преступлений» совершённых на территории России на февраль 2020 г. составляет 327253 преступления. Из них совершённых несовершеннолетними лицами: особо тяжких преступлений – 308; тяжких преступлений – 1062; преступлений средней тяжести – 2840; преступлений небольшой тяжести – 1364; предварительно расследовано преступлений, совершённых несовершеннолетними или при их соучастии – 5574.

Число преступлений, совершённых в России организованными преступными группами, за первые три месяца 2020 года возросло на 22 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [5].

Тем не менее, анализ статистических данных по подростковой преступности в Ставропольском крае указывает: «на тенденцию снижения в целом совершения подростками правонарушений и преступлений за последнее время. По состоянию оперативной обстановки в Ставропольском крае и результатах деятельности органов внутренних дел ГУ МВД России по Ставропольскому краю за 2017 – 2018 гг. наблюдался рост особо тяжких преступлений, совершённых несовершеннолетними или при их соучастии – с 40,7 % до 50 % – с 16 до 24 соответственно, а с 2019 г. – по 1 квартал 2020 г. зарегистрировано снижение уровня показателя совершение несовершеннолетними преступлений» [6].

Таким образом, мы наблюдаем спад уровня подростковой преступности в Ставропольском крае по сравнению с цифрами федерального значения. Это даёт возможность предположить, что эффективность нормативного и институционального сопровождения подростков в Ставропольском крае находится на высоком уровне.

Ставропольский край формирует свою нормативную и институциональную базу на основе законодательных актов Российской Федерации, регулирующих деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, основывает региональное законодательство на нормах Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права.

В целях проведения комплексной системы мероприятий, направленной на предотвращение, предупреждение, пресечение, проявление и распространение различных форм и видов девиаций среди несовершеннолетних, в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями на 24.04.2020 г.) была создана и регламентирована на законодательном уровне специальная система органов и учреждений, направленная на проведение мероприятий, связанных с профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В частности, такую систему образуют: органы управления социальной защиты населения, учреждения социального обслуживания населения, специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации (социальные приюты для детей, социально реабилитационные центры для несовершеннолетних, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей), комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления образованием и образовательные учреждения, органы по делам молодежи, учреждения здравоохранения, подразделения по делам несовершеннолетних Органов Внутренних Дел Российской Федерации» [7].

В Российской Федерации разработана и действует эффективная система профилактических мероприятий по предупреждению правонарушений со стороны подростков. Она имеет многоуровневый характер и представлена на государственном, региональном, муниципальном и общественном уровнях.

Как показывает практика, на сегодняшний день наше государство уделяет большое внимание проблемам нормативного регулирования системы мер по профилактике девиантного поведения среди несовершеннолетних. Об этом свидетельствуют многие факты: так, была ратифицирована Международная Конвенция о правах ребенка от 1989 года; в 1996 году вступил в силу новый Се-

мейный кодекс Российской Федерации, отвечающий общепринятым международным нормам. В Конституции Российской Федерации, которая была принята 12 декабря 1993 г. с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г. гарантируется государственная поддержка семьи, охрана материнства, отцовства и детства; провозглашена государственная защита семьи и детства. В Конвенции ООН «О правах ребенка» (1989г.) и Всемирной Декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990 г.), определены универсальные правовые нормы, закрепляющие право ребёнка на защиту, полноценное развитие, жизнь в семье.

В Уголовном Кодексе Российской Федерации (1996 г.) установлена ответственность и наказание за наиболее тяжкие формы проявления насилия по отношению к детям (истязания, сексуальное насилие), влекущие нарушение здоровья, инвалидность и угрозу жизни ребёнка. В нем же также предусмотрены составы преступления и ответственность за совершение преступлений несовершеннолетними.

В Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации»; в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определены основные гарантии реализации прав несовершеннолетних в Российской Федерации и утверждены основы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Власти Ставропольского края также разработали систему региональных нормативных актов по предотвращению, предупреждению и пресечению деликтов, правонарушений и преступлений среди подростков:

1. Закон Ставропольского края от 10.04.2008 г. № 20-кз «Об административных правонарушениях в Ставропольском крае» (с изменениями на 3 июля 2020 г.);
2. Закон Ставропольского края от 29.07.2009 г. № 52-кз «О некоторых мерах по защите прав и законных интересов несовершеннолетних» (с изменениями на 09.11.2015);
3. Распоряжение Правительства от 17.11.2004 года № 474-рп Об исполнении Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в Ставропольском крае
4. Закон Ставропольского края от 25.12.2014 г. № 126-кз «Об Уполномоченном по правам ребенка в Ставропольском крае» (с изменениями на 2 апреля 2020 г.);
5. Закон Ставропольского края от 11.11.2010 г. № 94-кз «О дополнительных гарантиях защиты прав несовершеннолетних, признанных потерпевшими в рамках уголовного судопроизводства» (с изменениями на 11.05.2020 г.);
6. Приказ Министерства образования Ставропольского края от 28.12.2011г. № 1304-пр «Об утверждении плана мероприятий по профилактике суицидального поведения среди обучающихся образовательных учреждений»;
7. Закон Ставропольского края от 02.03.2017 г. № 14-кз «Об ограничении продажи электронных систем доставки никотина»;
8. Приказ министерства образования и молодежной политики Ставропольского края от 27.01.2016 г. № 63-пр «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии развития воспитания и Концепции развития служб медиации на территории Ставропольского края на 2016-2020 годы».

Таким образом, мы видим достаточно развитую систему федерального и регионального законодательства по реализации профилактических мероприятий девиантного (аддиктивного) поведения среди несовершеннолетних. Чётко выстроенная система профилактической деятельности играет важную роль в формировании личности подростка. Посредством осуществления профилактических мероприятий устраняются негативные факторы, влияющие на проявление и распространение девиантного поведения, что позволяет своевременно выявить подростков, склонных к проявлению различных форм девиаций и нуждающихся в квалифицированной помощи.

В нашей стране, как было отмечено выше, система профилактических мероприятий в данной сфере общественных отношений носит комплексный, многосторонний характер, что обуславливает участие различных органов и организаций в их осуществлении. В частности, в качестве государственного уровня профилактики девиантного поведения можно отметить органы социальной защиты, образовательные учреждения и медицинские учреждения.

Так, например, органы социальной защиты осуществляют выявление неблагополучных семей, оказывают необходимую социальную, психологическую помощь детям, проживающим в таких семьях. Что касается образовательных учреждений, то их роль заключается в выявлении и оказании помощи так называемым «трудным подросткам», которые обучаются в соответствующем образовательном учреждении. В свою очередь, медицинские учреждения осуществляют профилактическую деятельность через распространение санитарно-гигиенических знаний среди несовершеннолетних, их родителей, а также пропаганду здорового образа жизни.

В Ставропольском крае представленная система государственных органов и муниципальных органов также работает весьма эффективно. Среди них можно отметить:

– Министерство образования Ставропольского края, в полномочия которого входит издание и распространение методических материалов, подготовленных на основе

анализа эффективных практик развития системы правового просвещения несовершеннолетних, обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях Ставропольского края;

– Министерство труда и социальной защиты населения Ставропольского края – в качестве полномочий в данной сфере реализуется социальное сопровождение различных категорий семей с детьми, нуждающихся в социальной помощи;
– Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Ставропольскому краю. Для профилактики девиантного поведения несовершеннолетних проводит оперативно-профилактические мероприятия по выявлению: безнадзорных, беспризорных несовершеннолетних; несовершеннолетних, допускающих совершение противоправных действий; групп несовершеннолетних антиобщественной направленности; лиц, вовлекающих детей в совершение преступлений и правонарушений; детей, не приступивших к обучению в силу семейного неблагополучия, отсутствия контроля со стороны родителей (законных представителей);
– Министерство здравоохранения Ставропольского края, которое осуществляет информирование о службах, оказывающих помощь несовершеннолетним в случаях жестокого обращения;
– Министерство физической культуры и спорта Ставропольского края организует и проводит различные спортивные мероприятия, например, спортивный фестиваль «Мы выбираем жизнь!», посвященный Международному дню борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков;
– Управление по молодежной политике аппарата Правительства Ставропольского края осуществляет проведение семинаров-совещаний с работниками администраций муниципальных районов и городских округов Ставропольского края, курирующими вопросы реализации молодежной политики, и руководителями государственных и муниципальных учреждений по работе с молодежью по месту жительства по вопросам профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде;
– органы местного самоуправления края собирают и анализируют сведения о неблагополучных семьях, в которых родители не обеспечивают реализацию законных прав несовершеннолетних детей в сфере охраны здоровья и т. д.

Важной формой профилактической работы среди несовершеннолетних является создание в образовательных учреждениях Ставропольского края Советов по охране прав детства, профилактике социального сиротства, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В их работе задействованы специалисты правоохранительных органов, здравоохранения, социальной защиты, общественных и религиозных организаций, уполномоченные по правам ребёнка.

Соответственно, в регионах Российской Федерации на базе федерального законодательства представлена достаточно детально регламентированная институциональная система профилактики девиантного поведения среди подростков. Также анализ законодательства и практики реализации нормативных положений указывает на высокую эффективность межведомственного взаимодействия. Проведение комплексных мероприятий, нацеленных на формирование у подрастающего поколения правильных жизненных установок, ведение здорового образа жизни, профилактику суицидального поведения среди несовершеннолетних; осуществление мероприятий, направленных на профилактику ВИЧ-инфекции, проведение агитационной работы о пагубном влиянии алкоголя и наркотических средств на здоровье человека играют важную роль в реализации развёрнутой системы помощи подросткам в формировании социально-правомерного поведения [2].

Активное участие в решении социальных проблем по предотвращению, предупреждению и пресечению правонарушений среди подростков принимают общественные организации. Это различные спортивные объединения, добровольческие и волонтерские организации, творческие объединения. Их практическая деятельность и значимость в решении проблемы профилактики девиантного поведения в подростковой популяции не оставляет сомнений.

Таким образом, анализ нормативной и институциональной системы профилактики девиантного поведения среди несовершеннолетних как в России, так и в Ставропольском крае выявил широкую межведомственную общность, которая эффективно функционирует и способствует формированию инфраструктуры других социальных служб, учреждений нового типа оказывающих социальные услуги семьям и подросткам, что, безусловно, создаёт условия для полноценного развития личности подростков. Только все предпринятые меры воздействия в совокупности смогут дать положительный результат в сфере борьбы с подростковыми правонарушениями и преступностью несовершеннолетних.

Литература

1. Иванов В. Н. Социальные технологии: Толковый словарь / отв. ред. Иванов В. Н. М. – Белгород: Издательство Луч – Центр социальных технологий, 1995. 309 с.
2. Боев И. В. Психологическая диагностика девиантного поведения у подростков: метод. Рекомендации. Ставрополь: СГУ, 1994. 24 с.
3. Писаревская Е. А. О некоторых криминологически значимых показателях преступности несовершеннолетних в России и регионах // Уголовная юстиция. 2019. № 11. С. 206-209.
4. Погожева О. В. Активизация методов психологического консультирования, психокоррекции и психотерапии подростков в диапазоне нормальных психологических акцентуаций и признаков девиантного поведения // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2011. № 1. С. 62-64.
5. Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: https://genproc.gov.ru/ (Дата обращения: 02.11.2020).
6. Преступность в регионах - Портал правовой статистики URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (Дата обращения: 02.11.2020).
7. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ URL: http://base.garant.ru/12116087/ (Дата обращения: 02.11.2020).

References

1. Ivanov V. N. Social'nye tehnologii: Tolkovyj slovar' (Social technologies: Explanatory dictionary) / ed by Ivanov V.N. Moscow – Belgorod: Luch – Centr social'nyh tehnologij, 1995. 309 p. (In Russian).
2. Boev I. V. Psihologicheskaja diagnostika deviantnogo povedenija u podrostkov: metod. Rekomendacii (Psychological diagnostics of deviate behavior in adolescents: recommendations). Stavropol': SSU publ, 1994. 24 p. (In Russian).
3. Pisarevskaja E. A. O nekotoryh kriminologicheski znachimyh pokazateljah prestupnosti nesovershennoletnih v Rossii i regionah (On some criminologically significant indicators of juvenile delinquency in Russia and regions) // Ugolovnaja justicija. 2019. No. 11. P. 206-209. (In Russian).
4. Pogozheva O. V. Aktivizacija metodov psihologicheskogo konsul'tirovanija, psihokorrekcii i psihoterapii podrostkov v diapazone normal'nyh psihologicheskih akcentuacij i priznakov deviantnogo povedenija (Activation of psychological counseling, psycho-correction and psychotherapy methods for adolescents within the range of normal psychological accentuation and signs of deviant behavior) // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2011. No. 1. P. 62-64. (In Russian).
5. Sajt General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii (Website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation) URL: https://genproc.gov.ru/ (Accessed: 02.11.2020). (In Russian).
6. Prestupnost' v regionah - Portal pravovoj statistiki (Crime in the regions-Portal of legal statistics) URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (Accessed: 02.11.2020). (In Russian).
7. Federal'nyj zakon «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih» ot 24.06.1999 g. № 120-FZ (Federal Law No. 120-FZ of 24.06.1999 «On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile Delinquency») URL: http://base.garant.ru/12116087/ (Accessed: 02.11.2020). (In Russian).

Сведения об авторах:

Погожева Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доктор психологических наук, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / olga-pogozheva@mail.ru

Плиев Сослан Муратович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова (Цхинвал, Южная Осетия) / aza.plieva@mail.ru

Information about the authors:

Pogozheva Olga Vladimirovna – PhD in Law, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Constitutional and International Law, Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / olga-pogozheva@mail.ru

Pliev Soslan – PhD in Political Studies, Associate Professor, Chair of Political Science and Sociology, South Ossetian State University named after A.A. Tibilov (Tskhinval, South Ossetia) / aza.plieva@mail.ru

УДК 340.12
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.23

А.Я. Рыженков

ПРОЩЕНИЕ ДОЛГА КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Статья посвящена проблеме прощения долга как юридического факта. Отмечается, что в связи с прощением долга ни законодательство, ни цивилистическая доктрина не проводят должного различения между понятиями «прекращение требования» и «прекращение обязательства». Буквальное толкование положений о прощении долга означало бы, что в двустороннем обязательстве каждый из участников в любой момент может объявить, что освобождает другого от исполнения его обязанностей, и тем самым прекратить не только свое право требования, но и обязательство в целом, включая свои собственные обязанности вместе с соответствующими им правами контрагента. Систематическое толкование п.1 ст.415 ГК РФ в контексте других норм обязательственного права подталкивает к выводу, что прощение долга является юридическим фактом, прекращающим обязательство, только при том условии, что в рамках него сам кредитор не несет никаких обязанностей перед должником. Однако при такой интерпретации участники обязательства оказываются в неравном положении: правом на прощение долга обладают не обе стороны, а только та, которая изначально не имела обязанностей, или та, которая первой их исполнила. Прощение долга представляет собой одностороннее волеизъявление, при котором уведомление с одной стороны представляет собой достаточное основание для прекращения правоотношения, однако этот юридический эффект может быть заблокирован встречным односторонним возражением другой стороны.

Ключевые слова: долг, прощение, сделка, обязательство, договор, дарение.

Anatoly Ryzhenkov

DEBT FORGIVENESS AS A LEGAL FACT IN CIVIL LAW

The article is devoted to the problem of debt forgiveness as a legal fact. It is noted that in connection with debt forgiveness, neither legislation nor civil doctrine properly distinguish between the concepts of «termination of a claim» and «termination of an obligation». A literal interpretation of the debt forgiveness provisions would mean that in a bilateral obligation, each of the parties would at any time can declare that it relieves the other of its obligations, and thus terminate not only its right of claim, but also the obligation as a whole, including its own obligations together with the corresponding rights of the counterparty. A systematic interpretation of clause 1 of article 415 of the civil code of the Russian Federation in the context of other norms of the law of obligations leads to the conclusion that debt forgiveness is a legal fact that terminates an obligation only if the creditor itself does not bear any obligations to the debtor. However, under this interpretation, the participants in the obligation are in an unequal position: the right to forgive the debt is not held by both parties, but only by the one who initially had no obligations, or the one who first performed them. Debt forgiveness is a unilateral expression of will in which notification on the one hand is a sufficient reason for termination of the legal relationship, but this legal effect can be blocked by a counter-unilateral objection of the other party.

Key words: debt, forgiveness, transaction, obligation, contract, gift.

Модель прощения долга как правопрекращающего юридического факта в обязательственном правоотношении, закрепленная в действующем гражданском законодательстве, имеет по меньшей мере два источника.

Первый из этих источников – моральные основания гражданско-правового регулирования. Без сомнения, сама идея прощения и соответствующее понятие являются этическими по своему генезису. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что нет полного смыслового совпадения между моральными и юридическими представлениями о сути прощения.

С точки зрения этики, акт прощения рассматривается чаще всего как ответ на содеянное зло. Так, Т. Гувье характеризует прощение следующим образом: оно возникает в отношениях между обидчиком и жертвой; прощение не исключает наказания, а может быть его результатом; простить – значит преодолеть свое негодование и гнев, принять обидчика в качестве достойного и равного лица, что создает возможность примирения [2, с. 87 – 88].

В гражданском праве, напротив, возможность прощения не связана напрямую с причинением зла – такая связь существует только в случае, например, с охранительными обязательствами из причинения вреда [7, с. 106 – 107], однако прощение долга применяется в предельно широкой сфере взаимодействия, не предполагающей какого-либо антиобщественного или противоправного поведения.

Прощение долга не является, как в этике, обязательным условием примирения между субъектами, поскольку само по себе наличие долга никак не препятствовало их нормальным деловым или иным отношениям.

С другой стороны, в отличие от морального прощения, которое не исключает разворачивания других последствий совершенного деяния, прощение долга в гражданско-правовом смысле полностью погашает обязательственное правоотношение со всеми его элементами. Д. А. Томильцева так определяет основной принцип прощения: «восстанавливать отношения и освобождать(ся) от вины» [10, с.117].

Аналогична идея В. Янкелевича, автора наиболее известной работы о феномене прощения: главное, что объединяет все виды прощения – это устранение критической, напряженной ситуации [15, с.146].

Здесь неприемлемой с точки зрения гражданского права является презумпция, будто прощение требует вины, поскольку, как уже отмечалось, виновное поведение является лишь частным случаем деяния, порождающего сам долг.

Однако долг можно соотнести если не с виной, то более широко – с тяготой (обязанность), и в таком случае смысловым ядром прощения и в моральном, и в правовом смысле является принцип снятия ранее существовавшего обременения.

Вторым источником концепции «прощения долга» являются доктринальные установки гражданского права, и в первую очередь идея автономии воли, выражающаяся в свободе совершения юридически значимых действий, или, что то же самое, в беспрепятственности осуществления гражданских прав.

Исходя из этого, прощение долга совершается кредитором в рамках свободы своего распоряжения принадлежащим ему правом требования, что не требует согласия должника, так же как, например, и уступка этого права требования [4, с. 35; 8, с. 153-154].

Однако именно этот второй аспект порождает одну из принципиальных проблем, связанных с прощением долга, а именно тот факт, что ни законодательство, ни цивилистическая доктрина в этом контексте не проводят должного различения между понятиями «прекращение требования» и «прекращение обязательства».

Действительно, в соответствии с п.1 ст.415 ГК РФ, обязательство прекращается освобождением кредитором должника от лежащих на нем обязанностей, если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора [12].

Это положение сформулировано таким образом, как если бы априори считалось, что прекращаемое обязательство является односторонним: если все содержание обязательства сводится к тому, что один участник должен выполнить свои обязанности по отношению к другому, то отказ от этих требований, по логике, автоматически делает само обязательство исчерпанным.

Однако, если обратиться к двусторонним обязательствам, где обе стороны являются и должниками, и кредиторами одновременно, то указанное положение п.1 ст.415 может быть интерпретировано двумя принципиально разными путями.

Буквальное толкование означало бы, что в двустороннем обязательстве каждый из участников в любой момент объявить, что освобождает другого от исполнения его обязанностей, и тем самым прекратить не только свое право требования, но и обязательство в целом, включая свои собственные обязанности вместе с соответствующими им правами контрагента.

Другой, ограничительный вариант толкования п.1 ст.415 ГК РФ состоит в том, что прощение долга может вести к прекращению обязательства только в тех случаях, когда совершающий его кредитор изначально не имел никаких обязанностей перед должником, либо когда на момент прощения долга эти обязанности им уже были исполнены, поскольку именно при таких условиях никакого иного юридического содержания, помимо его права требования, в составе обязательства уже не остается.

С нашей точки зрения, неприемлемость буквального толкования п.1 ст.415 выявляется, если соотнести прощение долга с такими институтами, как односторонний отказ от исполнения обязательства, а также расторжение договора.

Согласно п.1 ст.310 ГК РФ, односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных настоящим кодексом, другими законами или иными правовыми актами.

Наличие исключений не меняет общего правила о неприемлемости одностороннего отказа в обязательственных отношениях: «Тот факт, что сторона утратила интерес к исполнению договора, сам по себе не дает этой стороне право произвольно выйти из контракта или изменить его условия, даже если она готова предложить другой стороне ту или иную компенсацию» [3, с.78].

Вместе с тем тот вариант толкования п.1 ст.415, который позволяет путем прощения долга прекратить не только чужие, но и свои собственные обязанности, представлял бы собой не что иное, как разновидность одностороннего отказа от исполнения обязательства, пусть даже одновременно с ним происходит и отказ от своих требований.

Юридическая некорректность этого варианта обусловлена тем, что в таком случае одна из сторон обязательства без должных оснований приобретала бы всю полноту контроля не только над собственными действиями, но и над всем обязательством в целом.

Оговорка в п.1 ст.415: «если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора», - не меняет дела, поскольку интересы другой стороны в обязательстве могут относиться не только к имуществу кредитора.

Кроме того, в сфере договорных отношений та схема прощения долга, которая основана на буквальном толковании п.1 ст.415 ГК РФ, по сути,

была бы равнозначна расторжению договора – ведь при прекращении обязательства не может существовать и договорное правоотношение.

Но тогда здесь возникал бы конфликт с положениями главы 29 ГК РФ «Изменение и расторжение договора», прежде всего с п.1 ст.450, которая требует изменения и расторжения договора, по общему правилу, соглашением сторон, и п.1 ст.452, предписывающей соглашение об изменении или о расторжении договора совершать в той же форме, что и сам договор.

Эти положения не имели бы никакого смысла, если бы существовал такой упрощенный способ прекращения договорного обязательства в одностороннем порядке, который вытекает из п.1 ст.415 и при котором любой из участников договора по собственному усмотрению в любой момент может, отказавшись принимать исполнение по договору, тем самым положить конец его действию.

Следовательно, систематическое толкование п.1 ст.415 ГК РФ в контексте других норм обязательственного права подталкивает к выводу, что прощение долга является юридическим фактом, прекращающим обязательство, только при том условии, что в рамках него сам кредитор не несет никаких обязанностей перед должником.

Однако при такой интерпретации появляется новая проблема, связанная на сей раз с таким принципом гражданского законодательства, как равенство прав участников гражданских правоотношений.

Дело в том, что с точки зрения предложенного ограничительного толкования участники обязательства оказываются в неравном положении: правом на прощение долга обладают не обе стороны, а только та, которая изначально не имела обязанностей, или та, которая первой их исполнила.

Возможно, в том числе именно этим вызваны ведущиеся в юридической литературе дискуссии относительно того, считать ли прощение долга односторонней или двусторонней сделкой, хотя для подобных сомнений законодательство, казалось бы, повода не дает.

Так, за признание прощения долга двусторонней сделкой активно высказывался А.М. Эрделевский, исходя из следующих аргументов: в соответствии с п. 2 ст. 154 ГК РФ, односторонней является такая сделка, для совершения которой в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон необходимо и достаточно выражения воли одной стороны. Однако, как указывает автор, в отношении ни п. 3 ст. 154 ГК, ни п. 1 ст. 420 ГК подобного указания не содержат. Отсюда делается вывод: «если норма закона, посвященная конкретному юридическому действию, совершение которого влечет возникновение, изменение или прекращение гражданских прав или обязанностей более чем у одного лица, не дает оснований достаточно определенно квалифицировать это действие в качестве односторонней сделки (именно такого рода ситуация возникает с прощением долга, в результате чего у кредитора прекращается право требования, а у должника – корреспондирующая этому требованию обязанность), то такое действие следует считать двусторонней или многосторонней сделкой» [14, с.24].

В рассуждении А.М. Эрделевского не совсем понятно, почему необходимо для решения поставленного вопроса необходимо обращаться именно к статьям 154 и 420 ГК РФ, а не к статье 415, непосредственно посвященной прощению долга.

Неясным остается и то, почему, с его точки зрения, не вытекает односторонний характер прощения долга из формулировки п.1 ст.415: «Обязательство прекращается освобождением кредитором должника от лежащих на нем обязанностей…», - учитывая, что в этой конструкции указано в качестве единственного юридического факта именно действие кредитора как достаточное основание для наступления правового последствия.

Ту же позицию занимает А.А. Серветник, полагая, что из ст.415 односторонний характер сделки прямо не вытекает, а значит, необходимо руководствоваться правилом о договорном прекращении обязательства, ссылаясь также на п. 2 ст. 407 ГК РФ о прекращение обязательства по требованию одной из сторон только в случаях, предусмотренных законом или договором [9, с.81].

Более обоснованной является позиция С.Н. Александровой, которая делает единственно правильный, с нашей точки зрения, вывод из отсутствия в п.1 ст.415 ГК РФ каких-либо упоминаний о волеизъявлении другой стороны: «выражение «обязательство прекращается освобождением» не содержит указания на какое-либо соглашение между кредитором и должником» [1, с.53].

Относительная ясность в этот вопрос была внесена Федеральным законом от 8 марта 2015 г. №42-ФЗ, который дополнил статью 415 ГК пунктом 2: «Обязательство считается прекращенным с момента получения должником уведомления кредитора о прощении долга, если должник в разумный срок не направит кредитору возражений против прощения долга» [11].

При этом необходимо открыто выраженное волеизъявление кредитора освободить должника от его обязанности выражено четко, либо путем объявления в прямой форме кредитором об этом, так и путем совершения им действий, определенно свидетельствующих об отказе от права требования, причем должен быть точно определен размер прощаемого долга. Так, в одном из судебных дел ответчик ссылался на письмо истца, в котором тот гарантировал, что в случае погашения задолженности по оплате товара в указанный срок в дальнейшем каких-либо претензий к ответчику иметь не будет. Суд пришел к выводу, что подоб-

ное обещание недостаточно конкретно выражает намерения кредитора, чтобы считать его прощением долга (Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 мая 2020 г. по делу № А60-67184/2019).

Таким образом, налицо односторонний характер сделки, где правопрекращающий характер придается такому юридическому факту, как получение уведомления, однако возможность встречного волеизъявления со стороны должника также предусмотрена, хотя в результате конструкция прощения долга приобрела несколько усложненный характер: односторонняя сделка (возражение) отменяет эффект другой односторонней сделки (уведомление) [3, с.796].

С этим же связан другой активно обсуждаемый вопрос: о возмездности или безвозмездности сделки прощения долга и ее соотношении с договором дарения.

Казалось бы, вопрос о сопоставлении прощения долга с дарением носит несущественный характер, ведь перед нами явления качественно разнородные: одно относится к общей части гражданского права в качестве основания прекращения обязательств, другое – к особенной части в качестве одного из вида договоров, и даже если они в каких-то случаях или частично совпадают, такое пересечение общего и частного явления вполне естественно и не представляет особого интереса.

С практической же точки зрения этот вопрос возник по той причине, что закон запрещает дарение в отношениях между коммерческими организациями (подп.4 п.1 ст.575 ГК РФ) [13].

Следовательно, отождествить прощение долга с дарением значило бы полностью исключить его из договорной практики коммерческих юридических лиц.

Собственно, именно такая позиция содержалась в Определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 08.10.2009 №ВАС-12372/09 по делу №А40-35257/08-51-364: «Прощение долга или списание задолженности между юридическими лицами не допускается» [5, с.35].

В настоящее время как более предпочтительная возобладала смягченная позиция, выраженная в Обзоре практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств, утв. Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 №104: из п.3 данного документа следует, что прощение долга является дарением только в том случае, если кредитор намеревается безвозмездно освободить должника от обязанности по уплате долга [6].

Именно эта позиция подтверждается и в более поздней судебной практике; например, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа по делу № А32-46147/2017 от 09 сентября 2019 г. доказательством наличия коммерческого интереса было признано то, что прощение долга обеспечило кредитору частичный расчет за выполненные работы, в противном случае эти средства могли быть взысканы с должника только в порядке очередности по реестру требований кредиторов.

Таким образом, в отношениях между коммерческими организациями сохраняется возможность прощения долга исключительно на возмездной основе.

Вместе с тем сама возможность возмездного прощения долга вступает в радикальное противоречие с самой идеей прощения.

В. Янкелевич, описывая прощение как «благодатный дар», убедительно показывает, что оно применимо лишь там, где вина остается не заглаженной; например, нельзя говорить о прощении человека, который отбыл полностью срок тюремного заключения, не получив досрочного освобождения или амнистии [15, с.149-150].

Как уже отмечалось, между этической и гражданско-правовой трактовками прощения существует ряд расхождений, однако они касаются только сферы действия этого понятия, в то время как отрицание безвозмездного прощения уже противоречило бы его природе.

При этом, представляя собой дар в самом общем значении, прощение долга никак не может быть приравнено к договору дарения в гражданско-правовом смысле, в пользе чего учеными-цивилистами высказан ряд сильных аргументов.

Так, М. А. Егорова обращает внимание на то, что «прощение долга в обязательствах охранительного содержания в целом не может рассматриваться как вид дарения имущества, по причине отсутствия в этом действии эффекта распорядительной сделки – фактической передачи имущества (исключение составляют случаи неосновательного обогащения)» [4, с.36].

С.Н. Александрова правомерно указывает, что идентификация прощения долга в качестве односторонней сделки уже достаточна для того, чтобы вопрос о применимости к ней конструкции договора дарения уже не возникал, поскольку односторонняя сделка по своей природе никак не может одновременно рассматриваться как договор [1, с.53].

Поскольку нельзя не считаться со сложившейся судебной практикой, приходится признать возможность прощения долга на возмездной основе исключением из правила, вызванным конкуренцией общей (п.1 ст.415) и специальной (подп.4 п.1 ст.575) норм гражданского права и противоречащим общей идее прощения.

Таким образом, специфика прощения долга как юридического факта в гражданском праве определяется следующим:

1. В отличие от этического понимания прощения, в гражданском праве оно не связывается с морально или юридически ущербным поведением, а применяется к нормальному ходу правового взаимодействия.

2. Законодательная формулировка п.1 ст.415 ГК РФ не вполне адекватно выражает суть прощения долга как правового явления.
3. Прощение долга представляет собой одностороннее волеизъявление, при котором уведомление с одной стороны представляет собой достаточное основание для прекращения правоотношения, однако этот юридический эффект может быть заблокирован встречным односторонним возражением другой стороны.
4. При прощении долга не в полной мере выдерживается принцип равенства участников гражданских правоотношений, поскольку возможностью простить долг обладают не все стороны обязательства, а только те, кто не несут собственных обязанностей или уже исполнили их на момент прощения долга.
5. По своей природе прощение долга является безвозмездной сделкой, но в силу особых требований правопорядка на практике дополняется возмездными формами.

Литература

1. Александрова С.Н. Прощение долга в коммерческих сделках // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2009. №10. С. 52-55.
2. Гувье Т. Прощение и непростительное // Этическая мысль. Вып.5. 2004. С. 86-108.
3. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. 1120 с.
4. Егорова М.А. Концепция реализации способов прекращения гражданско-правовых обязательств: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2013. 56 с.
5. Егорова М.А. Прощение долга: новый взгляд на старые проблемы // Юридический мир. 2012. №1. С. 35-41.
6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 №104 Об Обзоре практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств // СПС «Консультант-плюс»
7. Кархалев Д.Н. Прекращение охранительного обязательства // Российский юридический журнал. 2009. №1. С. 102-111.
8. Лукьянова И.Н. Сделки, направленные на прекращение обязательств // Труды Института государства и права РАН. 2016. №5. С. 131-155.
9. Серветник А.А. Пути преодоления проблем при применении норм о прощении долга // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. №1. С.81-85.
10. Томильцева Д.А. Прощение: социально-политическая эволюция проблемы в XX в. // Философия и общество. 2012. №3. С.104-120.
11. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. №42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. №10. Ст. 1412.
12. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. Ст. 3301.
13. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. №14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №5. Ст. 410.
14. Эрделевский А.М. О прекращении обязательств прощением долга // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2008. №2. С.23-27.
15. Янкелевич В. Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004. 335 с.

References

1. Aleksandrova S.N. Proshhenie dolga v kommercheskih sdelkah (Debt forgiveness in commercial transactions) // Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika. 2009. No.10. P. 52-55. (In Russian).
2. Guv'e T. Proshhenie i neprostitel'noe (Forgiveness and the unforgivable) // Jeticheskaja mysl'. 2004. Issue.5. P. 86-108. (In Russian).
3. Dogovornoe i objazatel'stvennoe pravo (obshhaja chast'): postatejnyj kommentarij k stat'jam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federaci I (Contractual and liability law (general part): article-by-article commentary on Articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation) / ed by A.G. Karapetov. Moscow: M-Logos, 2017. 1120 p. (In Russian).
4. Egorova M.A. Koncepcija realizacii sposobov prekrashhenija grazhdansko-pravovyh objazatel'stv (Concept for the implementation of methods of termination of civil obligations): abstract of thesis. Moscow, 2013. 56 p. (In Russian).
5. Egorova M.A. Proshhenie dolga: novyj vzgljad na starye problem (Debt Forgiveness: A New Look at Old Problems) // Juridicheskij mir. 2012. No. 1. P. 35-41. (In Russian).
6. Informacionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 21.12.2005 №104 Ob Obzore praktiki primenenija arbitrazhnymi sudami norm Grazhdanskogo kodeksa RF o nekotoryh osnovanijah prekrashhenija objazatel'stv (Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 21, 2005 No. 104 On the Review of the Practice of Application by Arbitration Courts of the Civil Code of the Russian Federation on Certain Grounds for Termination of Obligations) // SPS "Konsultant plus" (In Russian).
7. Karhalev D.N. Prekrashhenie ohranitel'nogo objazatel'stva (Termination of protective obligation) // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2009. No.1. P. 102-111. (In Russian).
8. Luk'janova I.N. Sdelki, napravlennye na prekrashhenie objazatel'stv (Termination Transactions) // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2016. No. 5. P. 131-155. (In Russian).
9. Servetnik A.A. Puti preodolenija problem pri primenenii norm o proshhenii dolga (Ways to Overcome Problems in Applying Debt Forgiveness Rules) // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii. 2013. No.1. P. 81-85. (In Russian).

10. Tomil'ceva D.A. Proshhenie: social'no-politicheskaja jevoljucija problemy v XX v. (Forgiveness: Socio-Political Evolution of the Problem in the 20th Century) // Filosofija i obshhestvo. 2012. No.3. P. 104-120. (In Russian).
11. Federal'nyj zakon ot 8 marta 2015 g. №42-FZ «O vnesenii izmenenij v chast' pervuju Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» (Federal Law of March 8, 2015 No. 42-FZ «On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation») // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2015. No.10. Art. 1412. (In Russian).
12. Chast' pervaja Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ot 30 nojabrja 1994 g. №51-FZ (Part one of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 51-FZ) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1994. No. 32. Art. 3301. (In Russian).
13. Chast' vtoraja Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ot 26 janvarja 1996 g. №14-FZ (Part two of the Civil Code of the Russian Federation dated January 26, 1996 No. 14-FZ) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. No. 5. Art. 410. (In Russian).
14. Jerdelevskij A.M. O prekrashhenii objazatel'stv proshheniem dolga (On termination of obligations by forgiving debt) // Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika. 2008. No. 2. P. 23-27. (In Russian).
15. Jankelevich V. Ironija. Proshhenie (Irony. Forgiveness). Moscow: Pecnyblika, 2004. 335 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Рыженков Анатолий Яковлевич – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета (Элиста) / 4077778@list.ru

Information about the author

Ryzhenkov Anatoly – Doctor of Science (Law), Professor, Chair of Civil Law and Process, Kalmyk state university (Elista) / 4077778@list.ru

УДК 347.1
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.24

С. А. Шаронов

ЮРИДИКО-ФАКТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ДОГОВОРА ОКАЗАНИЯ ОХРАННЫХ УСЛУГ

Актуальность темы объясняется активным развитием нового вида предпринимательства – охранной деятельности и, как следствие этого, ее фактическим воздействием на участников гражданского оборота.

Исследуемая деятельность обладает конституционным, гражданско-правовым, социально-экономическим, правоприменительным и иными аспектами, которые непосредственным образом влияют на договор оказания охранных услуг, выступающим юридическим фактом названной деятельности.

В качестве элемента методологии исследования отмечается, что правовое регулирование охранной деятельности зависит от состояния общественных отношений на отдельных этапах развития государства. Современная трансформация публично-правовой охранной деятельности в разновидность предпринимательства требует исследования юридико-фактических свойств договора оказания охранных услуг, посредством которого эта деятельность представляет собой процесс осуществления и защиты гражданских прав. Проведение такого исследования и является целью публикации.

Авторская идея направлена на постановку и решение задач по выявлению исходных предпосылок достижения цели – правовой природы предпринимательской охранной деятельности, признаков и свойств договора как юридического факта ее возникновения и определения его места в системе классификации таких фактов.

В ходе исследования получены новые научные результаты в изучаемой сфере. В частности, аргументировано положение о том, что юридико-фактическими свойствами договора являются «законность», «обоснованность» и направленность на возникновение, развитие и прекращение отношений охранной деятельности. Сделан вывод о том, что юридико-фактические свойства договора проявляются в признании его волевым положительным правомерным действием, которое совершается в виде юридического акта, влияющего на динамику соответствующих отношений. Установлены особенности исследуемых свойств договора, которые проявляются в его способности выступать в гражданском обороте как правоустанавливающий, правоизменяющий и правопрекращающий юридический факт.

Ключевые слова: договор оказания охранных услуг, юридический факт, предпринимательская охранная деятельность, свойства, классификация.

Sergey Sharonov

LEGAL AND FACTUAL PROPERTIES OF THE CONTRACT FOR THE PROVISION OF SECURITY SERVICES

The relevance of the topic is explained by the active development of a new type of entrepreneurship – security activities and, as a consequence, its actual impact on participants in civil turnover.

The activity under study has constitutional, civil, socio-economic, law enforcement and other aspects that directly affect the contract for the provision of security services, which is a legal fact of the said activity.

As an element of the research methodology, it is noted that the legal regulation of security activities depends on the state of public relations at certain stages of state development. The modern transformation of public-law security activity into a type of entrepreneurship requires the study of the legal and factual properties of the contract for the provision of security services, through which this activity is a process of implementation and protection of civil rights. Conducting such research is the purpose of the publication.

The author's idea is aimed at setting and solving problems to identify the initial prerequisites for achieving the goal – the legal nature of entrepreneurial security activities, signs and properties of the contract as a legal fact of its occurrence and determining its place in the classification system of such facts.

In the course of the study, new scientific results were obtained in the field under study. In particular, it is argued that the legal and factual properties of the contract are «legality», «validity» and focus on the emergence, development and termination of relations of security activities. It is concluded that the legal and factual properties of the contract are manifested in the recognition of its volitional positive lawful action, which is performed in the form of a legal act that affects the dynamics of the relevant relations. The features of the studied properties of the contract are established, which are manifested in its ability to act in civil circulation as a legal fact of title, law-changing and law-breaking.

Key words: contract for the provision of security services, legal fact, business security activities, properties, classification.

Одним из квалифицирующих признаков предпринимательской охранной деятельности является ее договорный характер. В настоящее время договор оказания охранных услуг является не только базовым средством правового регулирования, но и выступает юридическим фактом возникновения прав и обязанностей для участников указанного вида предпринимательства. Это становится особенно актуальным в условиях распространения коронавирусной инфекции, когда

фактически все участники гражданского оборота должны соблюдать определенные требования (носить маски и перчатки, соблюдать социальную дистанцию и др.). На объектах массового пребывания людей (объекты торговли, культуры, здравоохранения и др.) указанные меры представляют собой элементы пропускного и внутриобъектового режимов, обеспечение которых квалифицируется как вид охранных услуг и является предметом изучаемого договора.

Таким образом целью публикации является выявление и исследование юридико-фактических свойств договора оказания охранных услуг. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, определить актуальные аспекты предпринимательской охранной деятельности и раскрыть ее правовое содержание; во-вторых, выявить признаки договора как юридического факта возникновения охранной деятельности; в-третьих, установить место договора в системе классификации юридических фактов.

В начале публикации следует обратить внимание на особенности методологии исследования, сущность которой заключается в том, что юридическое содержание любой экономической деятельности непосредственно зависит от состояния общественных отношений, складывающихся в определенный период развития государства. В контексте проводимого исследования, обращает внимание тот факт, что советскому периоду был присущ исключительно публично-правовой вид охранной деятельности в силу нахождения в собственности государства как орудий труда, так и средств производства. Безусловно, такое положение не способствовало возникновению и развитию предпринимательской инициативы людей и отразилось на самом факте возникновения этой деятельности – договоре, который не получил правового оформления в актах гражданского законодательства и фактически не был исследован средствами цивилистической науки. Кроме того, такой подход не согласуется с правовой доктриной о той роли договора, благодаря которой опосредуется предпринимательская деятельность [2, с. 8-12].

Актуальные аспекты и правовое содержание предпринимательской охранной деятельности. Исследование юридико-фактических свойств договора невозможно без определения правовых свойств охранной деятельности и степени ее влияния на общественные отношения.

В современных условиях гражданского оборота изучаемая деятельность стремительно развивается и обладает многоаспектным характером. Его сущность проявляется в том, что, возникая из договора этот вид предпринимательства интегрируется в систему различного рода общественных отношений и проникает во многие сферы человеческой жизнедеятельности.

Конституционно-правовой аспект видится в том, что охранная деятельность содействует укреплению основ конституционного строя России о свободе передвижении услуг и защите частной собственности (ст. 8), а также дает возможность каждому человеку осуществить свое право на занятие предпринимательством (ст. 34 и др.) [8].

Гражданско-правовой аспект проявляется в высокой степени участия граждан в охранной деятельности, которое фактически начинается с момента рождения человека и заканчивается его смертью, поскольку и в родильных домах, и в других местах пребывания граждан установлены и обеспечиваются пропускной и внутриобъектовый режимы, характеризуемые как виды охранных услуг и как предмет изучаемого договора. При этом, участие физических и юридических лиц в этой деятельности квалифицируется как процесс осуществления и защиты гражданских прав.

Содействие охранной деятельности решению приоритетных государственных задач, реализации отдельных концепций и федеральных целевых программ свидетельствует о наличии социально-экономического аспекта. Одним из примеров такого содействия является способность изучаемой деятельности влиять на восстановление социального и экономического роста государства, опираясь при этом на свободу предпринимательства и частной собственности [15]. Это объясняется тем, что охранные услуги носят возмездный характер и направлены на защиту отдельных объектов гражданских прав, находящихся в собственности граждан и юридических лиц.

Влияние охранной деятельности на обеспечение национальной безопасности [19] и содействию в проведении антитеррористических мероприятий на отдельных объектах [9], продиктовано необходимостью совершения действий по обеспечению защиты общих объектов: жизни и здоровья людей, их имущества, порядка. В контексте изучаемого предпринимательства эти действия квалифицируются как виды охранных услуг и реализуются в гражданском обороте в качестве предмета изучаемого договора.

Предпринимательская охранная деятельность влияет на защиту прав учащихся, в том случае, когда объектами охраны становятся такие гражданско-правовые объекты, как жизнь и здоровье обучаемых, имущество организаций образования и другие. Думается, что надлежащее планирование и оказание услуг охраны смогли бы предотвратить или минимизировать трагические последствия от противоправных посягательств, совершенных в последние годы в ряде учебных заведений России.

Поскольку услуги непосредственно оказываются охранникам, то есть работниками охранных организаций, то становится явным высокая степень влияния названных юридических лиц

на образование дополнительных рабочих мест, что в свою очередь содействует занятости и трудоустройству граждан.

Правоприменительный аспект заключается в том, что структура правоотношения охранной деятельности, возникающей из договора, может воздействовать на структуру правоотношений различных отраслей права. Так, в ходе оказания услуг по защите жилища, земли, водных и других объектов, учитываются положения жилищного, земельного, водного и иного законодательства в котором названные вещи выступают объектами соответствующих правоотношений. Непосредственное оказание услуг работниками охранных организаций позволяет заявлять и о воздействии на структуру трудовых и иных, связанных с ними отношений.

Однако, несмотря на очевидность представленных аспектов государство не уделяет должного внимания совершенствованию правового регулирования рассматриваемого вида предпринимательства. Например, несмотря на наличие у этой деятельности предпринимательских свойств еще сохраняется советский и постсоветский подход в признании ее исключительно средством борьбы с административными и уголовными правонарушениями. Очевидно, по этой причине в качестве юридического факта изучаемой деятельности государством фактически навязываются публично-правовые нормативные акты, имеющие своей целью не развитие предпринимательской природы самой деятельности, а усиление государственного контроля и надзора. Вместе с тем, цивилисты обращают внимание на то, что юридико-фактические свойства договора проявляются уже в самом факте его заключения или наличия [7, с. 92].

Проведенные автором настоящей публикации исследования позволяют раскрыть правовое содержание предпринимательской охранной деятельности. Под ней понимается «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность специализированных коммерческих (охранных) организаций, имеющих лицензию на ее осуществление и зарегистрированных в этом качестве в установленном законом порядке, предусматривающая своей целью систематическое извлечение прибыли от оказания охранных услуг, направленных на защиту объектов охраны от противоправных посягательств на возмездной договорной основе».

Признаки договора как юридического факта возникновения охранной деятельности. В соответствии с ч. 1 ст. 8 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) гражданские права и обязанности возникают из договора и иных сделок, которые могут быть как предусмотрены, так и не предусмотрены законом, но в любом случае не противоречащие ему.

Таким образом, в контексте решения второй задачи публикации авторская идея будет заключаться в выявлении действующих законов, предусматривающих заключение договора в качестве основы возникновения охранной деятельности и разработке системы предпосылок соответствующих правоотношений, содержанием которых являются права и обязанности их участников.

Исследователи теории юридических фактов отмечают, что прямая или косвенная «предусмотренность» юридического факта «действующим законодательством» («законность» – прим авт.) является его базовым признаком, без учета которого невозможно «понять и объяснить» сущность этой категории в системе правового регулирования [5, с. 6]. По мнению В. Н. Синюкова связь юридического факта с определенной правовой нормой, «обоснованность» как «адекватное отражение» соответствующего жизненного обстоятельства, наряду с динамикой «правовых последствий» представляют собой основные признаки изучаемой категории [18, с. 8].

Обратим внимание на указанные признаки применительно к исследуемому договору.

В области правового регулирования предпринимательской охранной деятельности «законность» договора как юридического факта возникновения соответствующих отношений предусмотрена двумя правовыми актами. Одним из них является Закон РФ от 11 марта 1992 года № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [4] (далее – Закон о частной охране). Так, согласно ст. 12 названного акта оказание услуг частными охранными организациями становится законным лишь тогда, когда будет заключен соответствующий договор с заказчиком. Другим правовым актом является Федеральный закон от 14 апреля 1999 года № 77-ФЗ «О ведомственной охране» [20] (далее – Закон о ведомственной охране). Несмотря на то, что это вид охраны предназначен для защиты объектов государственной собственности и (или) объектов, находящихся в сфере ведения федеральных государственных органов (организаций), включенных в соответствующие перечни, ст. 8 допускает защиту отдельных объектов частной и иных форм собственности на основании соответствующего договора [20].

Таким образом, признак «законность» как признак юридического факта возникновения гражданских прав и обязанностей присущ и договору оказания охранных услуг.

Вместе с тем, юридико-фактические правовые свойства изучаемого договора практически не раскрываются в названных законах, а также и в иных правовых актах. Например, в ст. 12 Закона о частной охране законодатель лишь ограничивается указанием на наличие прилагаемых к договору документов, связанных с правом соб-

ственности и иным вещным правом в отношении объекта охраны, а также предписывает сторонам, заключать договор на оказание охранных услуг в соответствии с требованиями, предъявляемыми к договору на оказание услуг частного сыска, имеющего иной предметный состав (сыскные услуги). Однако как следует из ст. 3 рассматриваемого закона организациям частной охраны запрещается оказывать какие-либо иные услуги, кроме охранных, а непосредственному исполнителю охранных услуг (частному охраннику) нельзя использовать приемы и способы защиты, присущие частному детективу [4].

Что касается положений о договоре, изложенных в ст. 8 Закона о ведомственной охране, то их сущность имеет еще более лаконичный характер: «защита …объектов…осуществляется в соответствии с заключенными договорами» [20].

Подводя промежуточные итоги публикации, следует отметить, что договор оказания охранных услуг обладает признаком «законность» и в силу этого может быть признан юридическим фактом возникновения гражданских прав и обязанностей в рассматриваемой области деятельности. В тоже время изучаемые правовые свойства договора фактически не определены источниками правового регулирования.

Ученые отмечают, что при исследовании юридических фактов не следует «…ограничиваться их … перечнем», а «нужно не упускать из поля зрения» предпосылки, благодаря которым складываются соответствующие правоотношения [12, с. 8-9]. Это объясняется тем, что надлежащее определение «…основания и момента возникновения прав и обязанностей участников правоотношений» дает возможность на практике «решать юридические дела» в каждом определенном случае [18, с. 5].

Как известно из теории права предпосылки или «обоснованность» [18, с. 8] возникновения правоотношений можно определить как общие и специальные [13, с. 378-380].

Применительно к исследуемой области, к общей группе предпосылок относятся актуальные потребности людей, человеческие блага (отдельные объекты гражданских прав), подлежащие защите, правовое положение субъектов отношений и правовые средства, используемые для регулирования этих отношений. Так современные потребности людей носят индивидуальный или и групповой характер. При этом индивидуальные потребности заключаются в свободном передвижении охранных услуг, направленных на защиту отдельных объектов гражданских прав от противоправных посягательств. В свою очередь реализация групповых потребностей направлена на осуществления права субъекта вместе с другими лицами учреждать организации охраны, обеспечивать защиту общего имущества и отдельных видов поведения людей (например, пропускного режима).

Среди человеческих благ следует отметить материальные и нематериальные объекты, которые в контексте изучаемого вида деятельности приобретают правовой режим «объект охраны» и классифицируются как вещи (иное имущество), жизнь и здоровье человека, нуждающиеся в соответствующей защите. Следует отметить тот факт, что названные объекты находят свое официальное признание в статьях вышеуказанных правовых актов. Правовое положение субъектов рассматриваемых правоотношений определяется в законах и реализуется в практике охранной деятельности [4; 20]. При этом для проявления этого признака необходимо наличие двух и более субъектов, квалифицируемых как управомоченные и обязанные лица [17, с. 111].

Основным правовым средством, дающим возможность участникам правоотношений реализовать свои индивидуальные и групповые права и обязанности являются охранные услуги, правовая природа которых в настоящее время еще в недостаточной степени изучена гражданско-правовой наукой.

В качестве специальных предпосылок отношений изучаемого вида деятельности выступает наличие соответствующих норм права и правосубъектность ее участников.

В контексте первой предпосылки рассматриваемой группы следует выделить три фактора. Первый из них характеризует комплексный характер используемых правовых норм, юридическая сила которых распространяется от Конституции РФ, ГК РФ (других кодексов) и законов [4; 20], до специализированных подзаконных актов [3]. Второй фактор связан с тем обстоятельством, что охранные отношения представляют собой ничто иное как одну из форм реализации права, так как преобразуются в конкретное поведение их участников (например, действия лиц по учреждению организации охраны, заключению договора и т.п.). И наконец третий фактор констатирует о том, что правовые нормы законов и иных правовых актов выступают в качестве средств правового регулирования рассматриваемых отношений.

Правосубъектность проявляется в наличии у субъекта соответствующих видов право- и дееспособности, которые и характеризуют заказчика и исполнителя охранных услуг как участника правоотношения. Например, правоспособность частной охранной организации носит специальный характер и подтверждается наличием лицензии на оказание определенного вида (видов) охранных услуг.

Таким образом, правоотношения, складывающиеся из договора оказания охранных услуг обусловлены наличием общих и специальных предпосылок, которые придают договору его юридико-фактическую природу.

Место договора в системе классификации юридических фактов. Правовой науке известны многие виды классификаций юридических фактов. Однако не всегда основания этих классификаций имеют однозначный характер.

Одни ученые, например, М.М. Агарков считали, что система юридических фактов является лишь «предварительным» элементом и не решает вопросы о достижении определенных правовых целей, которые достигаются при помощи договора и обязательств [1, с. 84-85]. При этом «конкретизацию» фактов необходимо искать не в основаниях их классификации, а в определенных разделах гражданского права, например, «в учении об обязательствах» [1, с. 85].

Позиция других ученых, напротив, заключалась в применении «разнообразных юридических фактов…» как оснований возникновения обязательств, роль которых только возрастает и требует совершенствования классификаций [14, с. 71].

Наиболее полные классификации юридических фактов были представлены в работах О. А. Красавчикова [11, с. 13; 12, с. 80]. В качестве оснований ученый использовал «волю субъектов» и динамику гражданского правоотношения. В первом случае юридические факты подразделялись на юридические события и юридические действия [12, с. 81-82]. В свою очередь действия субъектов рассматривались в их согласованности с правовыми нормами. Те из них, которые соответствовали нормам права назывались правомерными действиями, а те, которые противоречили им – неправомерными [12, с. 99]. Во втором случае основания классификации были связаны с появлением, изменением и прекращением правоотношений и классифицировались как «правообразующие, правоизменяющие и правопрекращающие» [12, с. 86-87].

Следует обратить внимание на то, что исследованию юридических фактов в целом и их классификации в частности было посвящено большое количество научных исследований. Однако практически все они проводились с области теоретико-правовой науки и фактически не затрагивали сферу договорных отношений. Например, в докторской диссертации В.Б. Исакова отмечается, что классификация юридических фактов имеет определенную динамику, а в качестве ее оснований следует признать «волевой критерий», подразумевающий деление фактов «на события и действия (правомерные и противоправные)», принадлежность факта к определенной отрасли права, социально-экономические аспекты (например, факты связанные с правовым регулированием транспортных отношений, отношений здравоохранения, пенсионного обеспечения, бытового обслуживания и т.п.), а также иные основания [5, с. 11-12].

Наиболее полная по своему объему классификация юридических фактов была представлена в диссертации В.Н. Синюкова. Так в качестве оснований ученый выделял субъектный состав правоотношений, специфику «связи с механизмом формирования поведения», особенности функций в правовом регулировании отношений, «способы внешнего выражения», «форму выражения в реализации права», «содержание факта» и другие критерии [18, с. 19].

В диссертации М.А. Рожковой лишь обозначается, но детально не исследуется такое основание как «двух(много)сторонние сделки» (фактически договоры – прим. авт.), представляющие собой один из видов правомерных действий, базирующихся на «встречном волеизъявления двух и более сторон» [16, с. 23-24].

Проведенный анализ «юридико-фактических» научных исследований свидетельствует о том, что в них практически не были изучены свойства договора как юридического факта возникновения гражданского отношения в целом и договора оказания охранных услуг в частности.

В этой связи представляется логичным обратиться к тем диссертациям, в которых договорные отношения выступали непосредственным объектом концептуальных научных исследований.

Следует отметить тот факт, что авторы соответствующих докторских диссертаций, несмотря на комплексный характер исследований, фактически лишь упоминали о юридико-фактических свойствах договора. Так в работе М.Ф. Казанцева отмечается, что «многозначное понимание договора» как соглашения, сделки, юридического факта, правоотношения и документа является «методологически некорректным», поскольку и соглашение, и сделка, и юридический факт объясняют «одно и то же явление» [6, с. 14]. А. Д. Корецкий считает, что «наиболее удачной» природой договора является модель, согласно которой договор одновременно представляет собой «юридическое отношение и юридический факт» [10, с. 13].

В контексте решения третьей задачи публикации заслуживает внимание вывод О.А. Красавчикова о придании юридическому факту свойств юридического акта, сущность которого видится в понимании совершающими его лицами «своих действий и тех целей, на которые эти действия направлены» [12, с. 114]. В практике гражданского оборота это означает, что юридический акт может совершить лишь дееспособное лицо, что придает этому критерию «важнейшее отличие … от юридических поступков» [12, с.114].

В силу того, что договор оказания охранных услуг как сделка видится в наличии согласованных действий его сторон, направленных на защиту объекта охраны от противоправных посягательств, то договор представляет собой со-

гласованные действия сторон, совершаемые с целью защиты конкретных объектов гражданских прав (объектов охраны) от противоправных посягательств. Следовательно, рассматриваемый договор в структуре классификации юридических фактов обладает свойствами юридического акта.

Таким образом, определяя место договора оказания охранных услуг в системе классификации юридических фактов, следует отметить что он представляет собой волевое положительное правомерное действие, совершаемое в форме юридического акта направленное на возникновение и динамику правоотношения охранной деятельности, складывающегося на основе соглашения между заказчиком и исполнителем (охранной организации) о совершении исполнителем по заданию заказчика фактических действий, направленных на защиту объектов охраны от противоправных посягательств, совершаемых посредством оказания охранных услуг на возмездной основе. По своим юридическим последствиям договор является правоустанавливающим, правоизменяющим и правопрекращающим юридических фактом.

Подводя итоги публикации, можно сделать следующие выводы.

1. Договор оказания охранных услуг является юридическим фактом возникновения охранной деятельности, который обусловлен комплексной правовой природой этого вида предпринимательства.
2. Согласно правовой доктрине и положениям гражданского законодательства юридико-фактическими признаками договора являются:
   1) «законность», то есть его связь с конкретными правовыми нормами;
   2) «обоснованность» как отражение жизненных обстоятельств, представляющих собой совокупность общих и специальных предпосылок правоотношений охранной деятельности;
   3) направленность на возникновение и динамику соответствующего правоотношения.
3. В системе классификации юридических фактов договор оказания охранных услуг определяется как волевое положительное правомерное действие, совершаемое в форме юридического акта направленное на возникновение и динамику правоотношения охранной деятельности. Особенностью договора является способность по своим юридическим последствиям выступать правоустанавливающим, правоизменяющим и правопрекращающим юридических фактом.

В сформулированных выводах и проявляются юридико-фактические свойства договора оказания охранных услуг на современном этапе развития гражданского оборота.

Литература

1. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданское праву. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. 192 с.
2. Андреев В. К. Сделка и ее недействительность // Юрист. 2014. № 1. С. 8-12.
3. Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности: утв. Пост. Правительства РФ от 14 августа 1992 года № 587 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 24.08.1992. № 8. Ст. 506.
4. Закон РФ от 11 марта 1992 года № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» 1 // Ведомости Съезда нар. депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 23.04.1992. № 17.
5. Исаков В. Б. Проблемы теории юридических фактов: автореф. дис. …д-ра юрид. наук. Свердловск, 1985. 27 с.
6. Казанцев М. Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 42 с.
7. Казанцев М. Ф. Гражданско-правовое договорное регулирование: исходные положения концепции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. С. 90-102.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
9. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации 05.10.2009 // Российская газета. 2009. 20 октября.
10. Корецкий А. Д. Теория договорного регулирования гражданско-правовых отношений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 59 с.
11. Красавчиков О. А. Теория юридических фактов в советском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1950. 13 с.
12. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 182 с.
13. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2011. 528 с.
14. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М., Госюриздат, 1950. 416 с.
15. Путин В. В. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 04.12.2014 // Российская газета. 2014. 5 декабря.
16. Рожкова М. А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010. 55 с.
17. Российское гражданское право: Учебник: в 2 т. Т.1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. 958 с.

18. Синюков В. Н. Юридические факты в системе общественных отношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1984. 21 с.
19. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации.18.05.2009. №20. Ст. 2444.
20. Федеральный закон от 14 апреля 1999 года №77-ФЗ «О ведомственной охране» // Собрание законодательства Российской Федерации 19.04.1999. №16. Ст. 1935.

References

1. Agarkov M. M. Objazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskoe pravu (Obligation under Soviet civil law). Moscow: Legal publishing house of the NKJ of the USSR, 1940. 192 p. (In Russian).
2. Andreev V. K. Sdelka i ee nedejstvitel'nost' (Deal and its nullity) // Jurist. 2014. No. 1. P. 8-12. (In Russian).
3. Voprosy chastnoj detektivnoj (sysknoj) i chastnoj ohrannoj dejatel'nosti: utv. Post. Pravitel'stva RF ot 14 avgusta 1992 goda № 587 (Questions of private detective (detective) and private security activities: The Government of the Russian Federation of August 14, 1992 No. 587) // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF. 24.08.1992. No. 8. Art. 506. (In Russian).
4. Zakon RF ot 11 marta 1992 goda № 2487-1 «O chastnoj detektivnoj i ohrannoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii» (The Russian Federation Law of March 11, 1992 No. 2487-1 «On private detective and security activities in the Russian Federation») // Vedomosti S#ezda nar. deputatov RF i Verhovnogo Soveta RF. 1992. No. 17. (In Russian).
5. Isakov V. B. Problemy teorii juridicheskih faktov (Problems of the theory of legal facts): abstract of thesis. Sverdlovsk, 1985. 27 p. (In Russian).
6. Kazancev M. F. Koncepcija grazhdansko-pravovogo dogovornogo regulirovanija (The concept of civil contractual regulation): abstract of thesis. Ekaterinburg, 2008. 42 p. (In Russian).
7. Kazancev M. F. Grazhdansko-pravovoe dogovornoe regulirovanie: ishodnye polozhenija koncepcii (Civil contractual regulation: initial provisions of the concept) // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2003. P. 90-102. (In Russian).
8. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrja 1993 g.) (Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossijskaja gazeta. 1993. No. 237. (In Russian).
9. Koncepcija protivodejstvija terrorizmu v Rossijskoj Federacii: utv. Prezidentom RF 05.10.2009 (Concept of countering terrorism in the Russian Federation: approved by the President of the Russian Federation on 05.10.2009) // Rossijskaja gazeta. 2009. No. 198. (In Russian).
10. Koreckij A. D. Teorija dogovornogo regulirovanija grazhdansko-pravovyh otnoshenij (The theory of contractual regulation of civil law relations): abstract of thesis. Rostovo-on-Don, 2007. 59 p. (In Russian).
11. Krasavchikov O. A. Teorija juridicheskih faktov v sovetskom grazhdanskom prave (The theory of legal facts in Soviet civil law): abstract of thesis. Sverdlovsk, 1950. 13 p. (In Russian).
12. Krasavchikov O. A. Juridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave (Legal facts in Soviet civil law). Moscow.: Gosjurizdat, 1958. 182 p. (In Russian).
13. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teorija gosudarstva i prava (Theory of Government and Rights). Moscow: Delo, 2011. 528 p. (In Russian).
14. Novickij I. B., Lunc L. A. Obshhee uchenie ob objazatel'stve (General doctrine of commitment). Moscow, Gosjurizdat, 1950. 416 p. (In Russian).
15. Putin V. V. Poslanie Prezidenta Rossii Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii ot 04.12.2014 (President of Russia Report for the Federal Assembly of the Russian Federation dated 04.12.2014) // Rossijskaja gazeta. 2014. No. 278. (In Russian).
16. Rozhkova M. A. Teorii juridicheskih faktov grazhdanskogo i processual'nogo prava: ponjatija, klassifikacii, osnovy vzaimodejstvija (Theories of legal facts of civil and procedural law: concepts, classifications, basics of interaction): abstract of thesis. Moscow, 2010. 55 p. (In Russian).
17. Rossijskoe grazhdanskoe pravo (Russian civil law): Textbook: in 2 Vols. Vol.1 / ed by E.A. Suhanov. Moscow: Statut, 2011. 958 p. (In Russian).
18. Sinjukov V. N. Juridicheskie fakty v sisteme obshhestvennyh otnoshenij (Legal facts in the system of public relations): abstract of thesis. Sverdlovsk, 1984. 21 p. (In Russian).
19. Ukaz Prezidenta RF ot 12 maja 2009 g. № 537 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda» (Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2009 No. 537 «On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020») // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2009. No. 20. Art. 2444. (In Russian).
20. Federal'nyj zakon ot 14 aprelja 1999 goda № 77-FZ «O vedomstvennoj ohrane» (Federal Law of April 14, 1999 No. 77-FZ «On Departmental Protection») // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1999. No. 16. Art. 1935. (In Russian).

Сведения об авторе

Шаронов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя (Москва) / Sharonov345@mail.ru

Information about the author

Sharonov Sergey Alexandrovich – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chair of Civil and Labor Law, civil procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Kikot (Moscow) / Sharonov345@mail.ru

УДК 81’ 42
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.25

Ю. В. Винник

СПЕЦИФИКА АКТУАЛИЗАЦИИ ДИАЛОГИЗМА КОМИЧЕСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЫ)

В статье изучается проблема комического в широком контексте языковой игры – от методологической культурологической интерпретации в различных сферах человеческой деятельности до конкретной ее реализации в газетной политической карикатуре. Комическое характеризуется как стратегия, гипероним (родовое понятие) для реализации иронии, остроумия, юмора, сатиры, сарказма, цинизма как совокупности тактик. Объект исследования – характеристики актуализации комического в креолизованном тексте. Предмет – вербальные и невербальные средства формирования комического в жанре политической карикатуры, выявленные в процессе анализа эмпирического материала во французской прессе на тему «Политика». Креолизованный текст в единстве иконического (юмористический рисунок политического характера) и вербального (комментарий под рисунком) кодов представляется как убеждающая форма политической коммуникации. А карикатура, состоящая из двух элементов (гротеска, направленного на укрупнение человеческих пороков и недостатков, и аллюзии, создающей контекст для помещения в него объекта насмешки), как один из самых понятных и доступных жанров, способствует эффективному и легкому воздействию на массового адресанта. Новизна исследования – анализ жанра политической карикатуры как особой формы ее организации, выраженной в диалогизме комического в различных аспектах.

В качестве вывода утверждается необходимость дифференцированного понимания диалогизма в политической газетной коммуникации с учетом ее композиционной кодовой специфики, выраженной в сочетании невербального и вербального кодов. В данном процессе значим компонент «участники» дискурса, формирующий соответствующий вектор развития диалогизма в политической карикатуре. В результате проведенного анализа называются различные виды диалогизма, с точки зрения различных аспектов реализации – функциональный, семиотический, лингвистический. Функциональный аспект определяется базовой стратегией (побуждение, воздействие, убеждение), направленной на выражение коммуникативной ситуации сопричастности. Семиотический план актуализируется знаково, посредством «диалога» между невербальным и вербальным кодами; в случае асимметрии – отсутствии вербального составляющего наблюдается невербальная внутрикодовая дифференциация. Лингвистический аспект нормативно определяется реализацией вербального составляющего в различных видах (нормативный диалог, квазидиалог, одностороннее реплицирование). Таким образом, делается вывод о внутриаспектной специфической актуализации видов диалогизма.

Ключевые слова: комическое, вербальный и невербальный коды, специфика диалогизма, виды диалогизма, внутриаспектный диалогизм.

Julia Vinnik

PECULIARITIES OF COMIC DIALOGISM CONVEYANCE (ON THE MATERIAL OF FRENCH POLITICAL CARICATURE)

The article examines the problem of the comic in the broad context of a word play - from methodological culturological interpretation in various spheres of human activity to its specific implementation in a newspaper political caricature. The comic is characterized as a strategy, a hyperonym (generic concept) for the implementation of irony, wit, humor, satire, sarcasm, cynicism as a set of tactics. The object of the research is the characteristics of the actualization of the comic in the creolized text. The subject is verbal and non-verbal means of forming a comic in the genre of political cartoons, identified in the process of analyzing empirical material in the French press on the topic «Politics». The creolized text in the unity of the iconic (humorous drawing of a political nature) and verbal (comment under the drawing) codes is presented as a persuasive form of political communication. A caricature, consisting of two elements (a grotesque aimed at enlarging human vices and shortcomings, and an allusion that creates a context for placing an object of ridicule in it), as one of the most understandable and accessible genres, contributes to an effective and easy impact on the mass addressee. The novelty of the research is the analysis of the genre of political caricature as a special form of its organization, expressed in the dialogism of the comic in various aspects.

As a conclusion, the author affirms the need for a differentiated understanding of dialogism in political newspaper communication, taking into account its compositional code specificity, expressed in a combination of non-verbal and verbal codes. In this process, the component “participants” of the discourse is significant, which forms the corresponding vector of development of dialogism in political caricature. As a

result of the analysis, various types of dialogism are named, from the point of view of various aspects of implementation - functional, semiotic, linguistic. The functional aspect is determined by the basic strategy (motivation, impact, persuasion) aimed at expressing the communicative situation of involvement. The semiotic plane is actualized symbolically, through a «dialogue» between non-verbal and verbal codes; in the case of asymmetry - the absence of a verbal component, non-verbal intracode differentiation is observed. The linguistic aspect is normatively determined by the implementation of the verbal component in various forms (normative dialogue, quasi-dialogue, one-way replication). Thus, a conclusion is made about the intra-aspect specific actualization of the types of dialogism.

Key words: comic, verbal and non-verbal codes, specificity of dialogism, types of dialogism, intra-aspect dialogism.

С развитием функционального направления в лингвистике в конце второй половины XX столетия возросла актуальность исследования феномена языковой игры как в зарубежной, так и в отечественной науке о языке [1, 2, 3, 4, 9, 18, 21]. Тому способствовал ряд причин: бурное развитие прагмалингвистики (включая прикладные исследования в НЛП, вопросы языкового воздействия в области массовой коммуникации, рекламы, политической коммуникации); формирование интегративного поля лингвистических, литературоведческих, семиотических исследований, в котором получила наглядное воплощение постмодернистская литература, основанная на языковой игре.

Начало же XXI в. характеризуется актуальностью исследований с акцентом на сферу массовых коммуникаций, в частности возрастанием интереса к различным аспектам политического дискурса. Изучение феномена языковой игры в данном ключе является индикатором ее повсеместной реализации, указывающей на активные и наиболее чувствительные процессы в современную эпоху.

Комическое как феномен, исходно характеризуемый в эстетике художественного творчества, функционирует как гипероним, включающий в себя сатиру, юмор и др. формы, обусловленные такой когнитивной компетенцией, как остроумие. Функции комического различны. Основная функция с точки зрения самого языка, имеем в виду металингвистическую функцию, заключена в игровой актуализации. Людическая функция в свою очередь проявляется как особая форма коммуникации, в которой интегрированно присутствует эвокативная функция, обуславливающая активизацию воздействующей функции. При этом убеждающий эффект множится, яркое впечатление закрепляется за счет особенностей жанра политической карикатуры как креолизованного текста. В контексте политического дискурса уместны два следующих мнения – романиста и сатирика Жана Пауля относительно связи остроумия и свободы: «Свобода дает остроумие, а остроумие дает свободу. Остроумие является одной только игрой идеями» [17, с. 186]; а также Джона Локка, философа XVII в., который, в свою очередь, заключил, что острота содержится в чем-то, что не согласовывается с истиной или благоразумием [17, с. 152].

С методологической точки зрения Й. Хейзинга отмечал некоторые функции игры в обществе, а также сферы ее проявления – правосудие, политическая жизнь, искусство, философия, поэзия, подчеркивая агональный характер игры в двух аспектах – соревнование с партнером либо «с материалом». В процессе игры человек демонстрирует свое мастерство, соревнуется с самим собой, стремясь преодолеть самого себя [19]. Собственно, языковой аспект игры, не затрагиваемый ученым, исследуется как игра ради самой игры, ради шутки, ради удовольствия, доставляемого себе и другим. В такой игре происходит переделывание привычных форм. В жанре политической карикатуры людическая функция репрезентируется как источник вариативности на всех уровнях языка [7] в совокупности с художественными средствами карикатуры. Лингвистический аспект комического при этом выражен различными средствами – значимыми единицами языка (словами, выражениями, высказываниями, текстами, клише). Стилистические средства (эпитет, метафора, метонимия, сравнение) расширяют семантические возможности слова. В сатирическом искусстве широко используются полисемантичность слов, омонимия и синонимия, антонимия и комическая игра слов, или каламбур [3, с.48].

Языковая игра прошла функциональную эволюцию от древнейшего способа иносказания (интеллектуальная игра в загадки) в санскритских текстах до употребления остроты в качестве светской забавы. В названных исторических проявлениях языковой игры отмечаем основную форму ее актуализации – диалогичность. В настоящее время сфера актуализации комического расширилась, закрепив в качестве эффективной формы коммуникации – политическую коммуникацию, политический дискурс, в рамках которого особую значимость приобретает жанр политической карикатуры, реализуемый диалогично. Комическое в политической газетной коммуникации реализуется посредством следующих специфических функций: социально-политическая, идентификационная, компенсаторная и политической социализации [10]. Остановимся на некоторых из них, существенных для жанра политической карикатуры.

Социально-политическая функция актуальна всегда, в силу того, что политическая сфера – это пространство противоречий, классовой борьбы, разногласий между различными слоями общества. С помощью комического осуществляется, к примеру, дискретизация образа того или иного

политика. В зависимости от соотношения участников коммуникации происходит соответствующее распределение ролей. В этом отношении особое значение приобретает специфический характер диалогичности, выявляемый в жанре политической карикатуры. Идентификационная функция политического юмора отмечена ярко выраженной контекстуальностью, то есть зависит от временной актуализации, что отличает ее от социально-политической функции. Она интегрирована в социально-политическую функцию, проявляется в большей степени в исторически значимые периоды, формирующие специфику политического дискурса. Данная функция вербализует оппозицию «Мы» / «Они» («Свои» / «Чужие»). «Мы» («Свои») является идентифицирующим маркером для различных групп – социальные, политические, этнические и др. Целые государства, нации, этносы также считаются группами, объединяемыми общими целями, интересами, ценностями. Результатом такой идентификации выступают, к примеру, этнические стереотипы: психическая общность любой группы склонна проявляться в образовании так называемого «мы-чувство». Мы-чувство устанавливает осознание специфических черт своей группы, отличающих ее от других групп, более упрощенных в их понимании [15, с. 23]. «Мы-чувство» как инклюзивное «мы» характерно для любых групп, не только этнических. Инклюзивное «мы» – частотный маркер в современном политическом дискурсе. Он по-разному актуализируется в речах политиков [8]. В данном ключе можно говорить и о функции политической социализации.

Стратегия создания комического эффекта в политическом газетном тексте воплощена в вербальном формате в совокупности целого ряда тактик, выраженных в использовании юмора, остроумия, сатиры, сарказма, иронии, инвективы, цинизма, сардонического. В той или иной степени, перечисленные тактики взаимодействуют друг с другом, имеют общие точки пересечения. К примеру, юмор определяется следующим образом: «юмор – одна из базовых составляющих человека, способность принимать и воспринимать смешное». Каждая из них репрезентируется специфическим сценарием развития информации, для «нужной» дешифровки которой адресату предлагается набор языковых средств, способствующих формированию соответствующего отношения к публикации. Политическая карикатура как жанр представляет собой идеальную форму политической коммуникации в газетном дискурсе, поскольку активно и эффективно использует два коммуникативных кода – невербальный и вербальный.

Настоящее исследование посвящено изучению основных аспектов диалогизма комического, выраженного в форме политической карикатуры во французской прессе. Отличаясь диалогичностью текстового пространства, газетный дискурс, в том числе и политический газетный дискурс, создаёт у реципиента чувство диалога с автором информации и иллюзию сопричастности происходящему [12]. Креолизованный текст актуален в единстве иконического (юмористический рисунок политического характера) и вербального (комментарий под рисунком) кодов. Карикатура состоит из двух элементов: гротеска, направленного на укрупнение человеческих пороков и недостатков, и аллюзии, создающей контекст для помещения в него объекта насмешки. Карикатура – один из самых понятных и доступных жанров, легко воздействующий на массового адресанта. Эффект сопричастности, создаваемый посредством данного жанра, представляет функциональный аспект (реализация функции воздействия, убеждения) диалогизма. Политический газетный дискурс (ПГД) имеет междискурсивный, интегративный характер развития, в силу сочетания в нем политического дискурса, медиадискурса и газетного дискурса. Поскольку ПГД требует ответной реакции читательской аудитории (понимания, согласия с представленной оценкой), то следует также говорить о дискурсе как о социальной интеракции. Вступить в интеракцию – значит вовлечься в непрерывный процесс «переговоров», связанных как с предположениями о том, что намереваются сообщить другие, так и с контролем собственного речепроизводства [6, с. 107]. Убеждение – неотъемлемый компонент политического дискурса, что позволяет выделить два субдискурса: а) побудительный субдискурс учитывает неравноправие коммуникантов: адресант управляет действиями адресата, влияет на изменение его картины мира, на процесс принятия решений; он характеризуется значимостью эмоционального воздействия; б) аргументативный субдискурс выражается в убеждении посредством аргументации: при этом он тесно связан с побуждением, так как «всякая аргументация носит побудительный, императивный характер» [20, с. 270].

Политическая карикатура как креолизованный текст имеет широкий круг читателей. При этом ее верная интерпретация, ее адекватное понимание зависит от наличия соответствующих знаний в обсуждаемой области в пространстве политического дискурса, в котором реализуется игра идей посредством игры слов. Политическая газетная карикатура – дискурсивный, лингвокультурный и когнитивный феномен. Специфика анализируемого жанра выражена в приоритетности невербального знака над вербальным, поскольку невербальный компонент первичен: исходно он находится в активном поле зрения, затем находит лингвистическое подкрепление, комментирование картинки. Характер взаимодействия между вербальным и невербальным кодами политической газетной карикатуры определяет семиотический

аспект диалогизма. Данный аспект, на наш взгляд, соотносится с так называемой стратегией театральности, которая актуализируется в диалоге между политиком и электоратом. Она обеспечивается зрелищностью, подчеркиваемой невербальным кодом, обусловливающим высокую степень эмоционального воздействия. Рассмотрим тактики, реализующие данную стратегию.

1. Тактика побуждения в сочетании с тактикой презентации (самопрезентации): с целью побудить реципиента к действию, политик стремится презентовать себя с наиболее выгодной стороны, добиться доверия аудитории.
2. Тактика размежевания характеризует оппозицию «свои – чужие», способствует созданию у потенциального избирателя представление, что он не связан с негативными событиями, и отстраниться от действий бесчестного оппонента.
3. Тактика обещания состоит в том, что политический деятель берет на себя обязательство что-либо осуществить. При этом, оптимальным способом реализации тактики обещания является применение глаголов совершенного вида будущего времени [14, с. 256].

В некоторых случаях наблюдаем некоторую теримнологическую неопределенность относительно понятий «стратегия» и «технология речевого манипулирования». К примеру, при изучении воздействующего потенциала текстов политиков в средствах массовой информации, отмечается наличие пяти основных технологий речевого манипулирования в рамках политического дискурса:

1) технология манипуляции речью «свои / чужие»;
2) технология речевых манипуляций «хорошо / плохо»;
3) технология речевой манипуляции «комическое / трагическое»;
4) технология речевого манипулирования «герой / антигерой»;
5) технология вербальной манипуляции «истина / не-истина» [16, с. 68].

Следующий аспект диалогизма актуален в собственно лингвистическом аспекте (лингвистический аспект диалогизма), который выражен на уровне вербального кода. Диалогичность нацелена на установление контакта с реципиентом, побуждению аудитории к действию. Кроме того, диалогичность делает текст статьи запоминающимся и ярким:

“Y a-t-il un choc démographique? Oui, répond le document d’orientation. Non, a répondu à plusieurs reprises le Conseil d’orientation des retraites” (Le Figaro).

«Демографический шок правда существует? Да, гласит программный документ. Нет, ответил Совет по пенсионному руководству».

В данном примере ирония достигается за счет представления двух противоположных точек зрения. Вопрос вызывает расхождение во мнениях, что позволяет развивать рассуждения в аргументативной ориентации. Журналист тем самым пытается донести до аудитории свою позицию о том, что правительству нельзя доверять, власть лжива. Диалогичность нацелена на установление контакта с реципиентом, побуждению аудитории к действию (актуализация функционального аспекта).

Далее, в качестве эмпирического материала представим примеры политической карикатуры из современных французских СМИ, посвященных Э. Макрону, президенту Французской Республики, а также лидерам других стран. В данных примерах актуальны семиотический и собственно лингвистический аспекты диалогизма. В семиотическом аспекте диалогизм репрезентируется в комбинации невербального (рисунок) и вербального кодов. Вербальный код разнообразно представлен на различных уровнях языка. Лингвистический аспект реализуется в самой диалогической форме вербального кода.

Рассмотрим примеры.

Так, в заглавии карикатуры на тему движения «Желтых жилетов» “*Journée de protestation …*” (День протестов…) автор карикатуры ставит многоточие, прибегая к синграфемным средствам передачи информации на письме с намерением привлечь читателя к диалогу, к размышлению о ситуации. Многоточие эксплицирует смысловую интерференцию. На изображении два диалогизирующих персонажа – представитель движения в желтом жилете и полицейский в автомобиле. Полицейский интересуется, не нужна ли помощь человеку в жилете, не попал ли он в ДТП, поскольку по правилам движения водители должны надевать желтый жилет в случае аварийного происшествия:

“Vous portez un gilet jaune, vous avez eu un accident?”

«Вы надели желтый жилет, вы попали в аварию?».

Протестующий парирует:

“Oui! Emmanuel Macron vient d’ écraser mon droit d’achat”

«Да! Эммануэль Макрон только что сбил мое право на покупку».

Комизм ситуации проясняется при актуализации двух кодов: иконического и текстового. Реципиент должен быть в курсе событий, чтобы правильно воспринимать комический посыл и интенции автора политической карикатуры. Комический эффект создается за счет аллюзии на решения, принятые против прав потребителей. Аллюзия передается посредством ЛЕ ДТП (*accident*), совершенное Макроном. Языковая игра основана на сочетании слов *écraser + mon droit d’achat*, в котором семантически значимо употребление глагола écraser (сбить, раздавить) в качестве ЛЕ из семантического поля accident. Таким образом, происходит интерференция двух

тем (планов) – ДТП и права потребителя, объединенных семиотическим знаком – индексом «желтый жилет», задающим возможность актуализации лингвистической игры.

В данном примере выявляем диалогизм семиотический – между вербальным и невербальным кодами, а также диалогизм лингвистический, имеем в виду диалог между полицейским и протестующим. Рассмотрим аналогичный пример, в котором высмеивается неразбериха в отношении движения «Желтых жилетов». Однако действующими лицами являются представители власти – президент в окружении двух министров. Лицо Макрона озадачено: хмурые брови, озлобленный взгляд, складки губ опущены вниз. Низкий рост Макрона на контрасте с высокими министрами – возможная аллюзия на Бонапарта. Никаких амбиций, никаких тактик и стратегий. Название карикатуры *"Le gouvernement cherche une solution pour stopper les gilets jaunes …"* (Le Monde) / «Правительство ищет выход, как остановить движение жилетов» выделено крупным шрифтом. Само решение оказывается незатейливым, вызывает смех у реципиента, поскольку карикатура выражает общественную точку зрения относительно правления Макрона, его умственных способностей и смехотворных решений. Министр слева (с поднятым вверх пальцем, выражая гениальную мысль) произносит:

"Si on cède, on est foutus"

«Если уступить им, то нам конец».

Параллельно второй министр, в аналогичном изображении, заключает:

"Si on ne cède pas, on est foutus aussi"

«Если не уступим, нам тоже конец».

Эффект комизма достигает своего апогея в уравновешивающей бессмысленной, «пустой» реплике президента, в которой нет референта:

"Bien, faisons comme ça!"

«Хорошо, так и сделаем!».

Специфика семиотического диалогизма в данном примере характеризуется наличием в карикатуре трех участников коммуникации. Вербальный код, таким образом, представлен посредством трех реплик, выражающих особое мнение. Каждый участник играет свою роль. Восходящая градация мнений органично вписывается в контекст карикатуры в целом, создавая гротескность. Вопрос о том, как же все-таки разрешить конфликт с движением «Желтых жилетов» остается открытым. Намерение автора политической карикатуры заключается в демонстрации ненадежности и безответственности Макрона. Реплика «так и сделаем» порождает в умах общественности новые вопросы: в итоге, неясно, что этим хотел выразить «никудышный», каким представляет его пресса, президент.

Фигура Макрона активно используется как во внутриполитической, так и внешнеполитической карикатуре. К примеру, в материале с заголовком "*Macron: débuts en fanfare"* (Макрон: Торжественный дебют) наблюдаем двоякую ситуацию интерпретации. На карикатуре – Макрон, идущий впереди как лидер и ведущий за собой лидеров России – Владимира Путина, США – Дональда Трампа, Германии – Ангелу Меркель: с одной стороны, можно полагать, что карикатурист высмеивает французского президента, возомнившего себя самым главным и единственным, кто знает верный путь; с другой стороны, изображение можно трактовать как карикатуру, высмеивающую лидеров других стран, которые готовы «плясать под дудку» Франции, что на самом деле не отражает политическую действительность. Юмористический эффект создается за счет гротескного и контроверсивного изображения политических лидеров, следующих за «музыкой Макрона», что является аллюзией на его пустые речи. Контроверсивность указывает на возможность разновекторной интерпретации картинки, в которой закреплены диалогические реплики в виде инициирующих (ведущих) и реагирующих. Данный пример можно характеризовать как репрезентацию диалогизма в семиотическом аспекте, с дифференциацией двух сторон невербального кода, актуального контроверсивно. В этом случае можно говорить о внутрикодовой иконической дифференциации.

Рассмотрим пример внешнеполитической темы в карикатуре, в которой изображена встреча лидеров США и Северной Кореи, основной целью которой было заключение военного союза между странами, кооперация в ядерном вооружении. Автор карикатуры с заголовком "Rencontre Trump-Kim: une avancée significative…" (Встреча Трампа и Кима: значительное продвижение) иронизирует над политиками. Совершенно очевидно, что "*avancée significative*" есть не что иное, как сарказм, поскольку встреча политиков усугубила недопонимание между ними и отсрочила дату «примирения» еще на несколько месяцев. Реплицированный креолизованный текст воссоздает непродолжительный, быстрый разговор лидеров, а точнее Трампа, предложившего обсудить тему встречи онлайн, через социальные сети:

Trump: "Wesh man!..." "A ce soir sur Twitter. Okay?" "Give me five".

Трамп: «Ну че чувак!..» «Вечером в твиттере. Окей?» «Дай пять».

В незатейливых репликах президента США комбинируются два языка: французский служит для передачи информации французскому реципиенту, а английский используется с целью подчеркнуть манеру речи Трампа, высмеять его. Для реплик президента США характерны слова-паразиты, сленг, что отрицательно сказывается на речевом портрете Дональда Трампа и не внушает доверия со стороны электората: "Wesh" (Че), "give me five" (дай пять). Использование подобных ЛЕ автором карикатуры для изображения Трампа

создает комический эффект. Серьезный Ким в данном «диалоге» молчалив. Встреча мировой значимости, масштаба приравнивается к встрече между подростками, решающими проблемы посредством интернет-коммуникации. Таким образом, автор высмеял помпезность встречи политиков, от которой ожидался прогресс во взаимоотношениях, но которая ни к чему не привела. Вербальный код актуализирует квазидиалог между руководителями государств, который можно квалифицировать как способ характеризации участников «диалога». Реальное положение дел отражается таким образом в одностороннем реплицировании.

Рассмотрим следующий пример карикатуры на президента Макрона. Заголовок политической карикатуры: “Macron écrit sa lettre aux français…” (Макрон пишет свое обращение к французам) вводит реципиента в атмосферу, в которой работает Макрон, над созданиями своих публичных выступлений. На карикатуре изображен президент, сидящий за письменным столом, его мечтательный взгляд обращен в потолок, в зубах ручка, рукой держится за голову. Комический эффект создает присутствие на карикатуре жены президента, стоящей, как учитель (прецедентная ситуация – аллюзия на существующее положение дел) за спиной ученика и подсказывающей как писать правильно «сочинение». Креолизованный текст, оформленный в реплику Макрона усиливает эффект комизма изображаемой автором карикатуры ситуации:

“Chers loosers…chers casseurs…chers fainéants…chers illétrés…chers riens…” (Charlie Hebdo)

«Дорогие лузеры…дорогие бандиты…дорогие бездельники…дорогие невежы…дорогие ничто…».

Подбирая слова, Макрон придумывает обращение к народу и ломает голову над тем, как же назвать французов. Обилие отнюдь не положительных саркастичных номинаций в отношении французского народа выражено в креолизованном тексте карикатурного изображения. Автор карикатуры использует прием градации, чтобы передать истинное отношение лидера Франции к своему народу. С одной стороны, такое представление вызывает смех, с другой – противоречивые чувства от осознания, что в карикатуре есть доля правды, поскольку Макрон не считается с народом, не идет ему на уступки в вопросах, связанных с повышением цен, безработицы и т.д. На помощь президенту приходит супруга, которая просит не усложнять обращение, и вместо вышеперечисленных номинаций предлагает:

“Fais simple: “Française, Français”

«Обратись проще: «Французы и Француженки».

Смешное восприятие карикатуры создается автором за счет контраста. Автор акцентирует внимание реципиента на пренебрежительном отношении президента к народу. Данная ситуация выражает реальную ситуацию отсутствия диалога между властью и электоратом, который подменяется диалогом между супругами.

На другой карикатуре с заглавием “Littérature épistolaire” (Эпистолярная литература) представлен «диалог» между властью и электоратом, реализуемый в вопросно-ответном единстве между самими протестующими. На ней изображены французы, получившие письменное обращение Макрона, над которым он трудился всю ночь (что высмеивается карикатуристами наиболее часто). Письмо, как видно из обмена репликами между французами, одетыми в желтые жилеты, не произвело на них впечатления, не изменило мнения о Макроне как о много говорящем и мало делающим президентом. Один спрашивает другого:

“Tu as répondu à la longue lettre de Macron?” (Charlie Hebdo)

«Ты ответил на длиннющее письмо Макрона?».

“Oui…en deux mots! Macron démission”

«Да…двумя словами! Макрона в отставку».

Комический эффект создается за счет использования автором карикатуры приема контраста – письмо президента «длиннющее», а ответ «желтых жилетов» состоит из двух слов. Это подтверждает демонстративное неуважение французов к не оправдавшему их ожиданий президенту.

В заключение обозначим следующие выводы:

1) проведенный анализа примеров политической карикатуры на материале французских СМИ выявил дифференцированный характер диалогизма жанра политической карикатуры;
2) специфика диалогизма исследуемого жанра обусловлена особенностью кодовой – невербальной / вербальной – репрезентации, по-разному проявляемой в различных направлениях – функциональной, семиотической, собственно лингвистической; а также в актуализации внутриаспектного диалогизма;
3) функциональный аспект характеризует активизацию стратегической ориентации актов побуждения, воздействия, убеждения, формируя диалогическую ситуацию единения, сопричастности;
4) семиотический аспект диалогизма репрезентируется собственно в виде «коммуникации» между невербальным и вербальным кодами; в случае отсутствия вербального кода, возможна внутрикодовая иконическая дифференциации;
5) лингвистический аспект в качестве нормы предоставляет реализацию вербального кода в форме диалога, а также в виде квазидиалога, одностороннего реплицирования, квалифицируемого как способ характеризации участников «диалога».

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой “картины мира”). М.: Вопросы языкознания, 1987. С. 3-19.
2. Алексеев А. Б. Языковая игра в политическом дискурсе. Новосибирск: Вестник Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 1. С. 57-62.
3. Борев Ю. Б. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М.: Искусство, 1970. 275 с.
4. Бредихин С. Н. К вопросу о феномене «языковой игры» философов и писателей (введение в теорию «языковых игр» Л. Витгенштейна и практические исследования на материале философских текстов М. Хайдеггера): монография. Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2005. 245 с.
5. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Аномалии в тексте: проблема интерпретации. М.: Наука, 1990. С. 94-106.
6. Ворожцова Н. В. Предвыборный дискурс и его жанры. Иркутск: Вестник ИГЛУ. 2010. № 2 (10). С. 106-113.
7. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
8. Грушевская Е.С. Адресатность в политическом дискурсе: актуализация ценностно-стратегических приоритетов. Краснодар: КубГУ, 2019. 184 с.
9. Земская Е. А. Языковая игра. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Академия наук СССР, 1983. С. 172-214.
10. Иванюшкин А. А. Политический юмор как фактор взаимодействия общества и власти. М.: МПГУ, 2006.154 с.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
12. Лазарева Э. А. Использование приема когнитивного столкновения в политическом дискурсе СМИ. Екатеринбург: Лингвистика, 2003. С. 103-112.
13. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? Политическая лингвистика. Витебск: ВГПУ, 2008. 1(24). С. 43-47.
14. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.
15. Мищенко И. Е. Юмор в политике. М.: МГИМО, 2005. 89 с.
16. Никитина К. В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ: на материале газет США. Уфа: БГУ, 2006. 197 с.
17. Ойзерман Т. И. Краткий очерк истории философии. М.: Мысль, 1981. 927 с.
18. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.
19. Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры. М.: Прогресс, 1997. 416 с.
20. Храковский В. С. Семантика и типология императива. Л.: Наука, 2001. 272 с.
21. Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. 608 с.

References

1. Arutyunova N. D. Anomalii i yazyk (k probleme yazykovoj “kartiny mira”). (Anomalies and language). Moscow: Voprosy yazykoznaniya, 1987. 160 p. (In Russian).
2. Alekseev A. B. YAzykovaya igra v politicheskom diskurse. (The language game in political discourse). Novosibirsk: Vestnik Seriya: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikaciya. 2018. Vol. 16, No. 1. P. 57-62. (In Russian).
3. Borev YU. B. Komicheskoe ili o tom, kak smekh kaznit nesovershenstvo mira, ochishchaet i obnovlyaet cheloveka i utverzhdaet radost’ bytiya. (Comic or about how laughter punishes the imperfection of the world, cleanses and renews a person and confirms the joy of being). Moscow: Iskusstvo, 1970. 275 p. (In Russian).
4. Bredihin S. N. K voprosu o fenomene “yazykovoj igry” filosofov i pisatelej (vvedenie v teoriyu “yazykovyh igr” L. Vitgenshtejna i prakticheskie issledovaniya na materiale filosofskih tekstov M. Hajdeggera): monografiya. (On the phenomenon of the «language game» of philosophers and writers). Stavropol’: SevKavGTU publ., 2005. 245 p. (In Russian).
5. Bulygina T. V., SHmelev A.D. Anomalii v tekste: problema interpretacii. (Anomalies in the text: the problem of interpretation). Moscow: Nauka, 1990. P. 94-106. (In Russian).
6. Vorozhcova N. V. Predvybornyj diskurs i ego zhanry. (Election discourse and its genres). Irkutsk: Vestnik IGLU. 2010. No. 2 (10). P. 106-113. (In Russian).
7. Gak V. G. YAzykovye preobrazovaniya. (Language conversions). Moscow: YAzyki russkoj kul’tury, 1998. 768 p. (In Russian).
8. Grushevskaya E. S. Adresatnost’ v politicheskom diskurse: aktualizaciya cennostno-strategicheskih prioritetov. (Addressability in political discourse: updating of value-strategic priorities). Krasnodar: KubGU, 2019. 184 p. (In Russian).
9. Zemskaya E. A. YAzykovaya igra. Russkaya razgovornaya rech’. Fonetika. Morfologiya. Leksika. ZHest. (Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture). Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1983. P. 172-214. (In Russian).
10. Ivanyushkin A. A. Politicheskij yumor kak faktor vzaimodejstviya obshchestva i vlasti. (Political humor as a factor of interaction between society and government). Moscow: MPGU, 2006.154 p. (In Russian).
11. Karasik V.I. YAzykovoj krug: lichnost’, koncepty, diskurs. (Language circle: personality, concepts, discourse). Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. (In Russian).
12. Lazareva E. A. Ispol’zovanie priema kognitivnogo stolknoveniya v politicheskom diskurse SMI. (Using the cognitive collision technique in the political discourse of the media). Ekaterinburg: Lingvistika, 2003. P. 103-112. (In Russian).
13. Maslova V. A. Politicheskij diskurs: yazykovye igry ili igry v slova? Politicheskaya lingvistika. (Political discourse: Language games or word games? Political linguistics). Vitebsk: VGPU, 2008. 1(24). P. 43-47. (In Russian).
14. Mihaleva O. L. Politicheskij diskurs. Specifika manipulyativnogo vozdejstviya. (Political discourse. The specifics of manipulative influence). Moscow: Librokom, 2009. 256 p. (In Russian).
15. Mishchenko I. E. YUmor v politike. (Humor in politics). Moscow: MGIMO, 2005. 89 p. (In Russian).

16. Nikitina K. V. Tekhnologii rechevoj manipulyacii v politicheskom diskurse SMI: na materiale gazet SSHA. (Technologies of speech manipulation in the political discourse of the media: based on the material of US newspapers). Ufa: BGU, 2006. 197 p. (In Russian).
17. Ojzerman T. I. Kratkij ocherk istorii filosofii. (A brief outline of the history of philosophy). Moscow: Mysl', 1981. 927 p. (In Russian).
18. Sannikov V. Z. Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry. (Russian language in the mirror of the language game). Moscow: YAzyki russkoj kul'tury, 1999. 544 p. (In Russian).
19. Hejzinga J. Homo Ludens: Stat'i po istorii kul'tury. (Articles on the history of culture). Moscow: Progress, 1997. 416 p. (In Russian).
20. Hrakovskij V. S. Semantika i tipologiya imperativa. (Semantics and typology of the imperative). Leningrad: Nauka, 2001. 272 p. (In Russian).
21. SHpet G. G. Sochineniya. (Essays). Moscow: Pravda, 1989. 608 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Винник Юлия Вячеславовна – преподаватель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар) / dzhulia.vinnik@yandex.ru

Information about the author

Julia Vinnik – Teacher, Chair of French Philology, Kuban State University (Krasnodar) / dzhulia.vinnik@yandex.ru

УДК 811.161.1
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.26

В. М. Грязнова
А. Н. Мамедова

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С МЕЛИОРАТИВНОЙ ОЦЕНКОЙ В СИГНИФИКАТИВНО-ДЕНОТАТИВНОМ КОМПОНЕНТЕ ПРЯМОГО ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Цель статьи – выявить специфику семантической структуры оценочно-характеризующих существительных, в сигнификативно-денотативном компоненте прямого значения которых присутствует положительная оценка. На основе собранного материала авторы выявляют два переносных значения подобных существительных: а) оценочно-дескриптивное значение (промежуточное между прямым и собственно оценочным), б) самостоятельное оценочное значение, в) а также возникшее на их базе омонимичное междометие, и показывают разницу состава маркеров, различающих их. Оценочно-дескриптивное значение, для которого характерно сосуществование двух основных компонентов: положительного оценочного в качестве вершинного и дескриптивного в качестве сопровождающего, авторы относят к семантической неоднозначности как разновидности многозначности, языковой или речевой. Самостоятельное оценочное значение, в котором имеется один основной семантический компонент – прагматический (эмоциональная, эмоционально-эстетическая, эмоционально-этическая мелиоративная оценка), авторы относят к классической многозначности, являющейся результатом регулярного семантического развития по общим языковым моделям переноса (метафорического, метонимического, ассоциативного). Пределом развития семантической структуры изучаемых оценочно-характеризующих существительных является ее разрушение и появление омонимичного междометия, выражающего эмоцию. На значительном количестве текстов современного русского языка авторы демонстрируют несовпадающие маркеры выделенных ими семантических явлений: а) употребление имени в любой грамматической форме – употребление имени только в форме именительного падежа; б) наличие лексической сочетаемости, усиливающей оценку, – наличие лексической сочетаемости ограничивающего и конкретизирующего характера, в) употребление лексемы во всех возможных для имени синтаксических ролях – употребление лексемы только в функции предиката, г) реализация только функции оценки – одновременное присутствие номинативной функции – выражение только эмоции. В целом изученный материал позволяет авторам сделать вывод о том, что эмоциональный лексикон современного русского языка расширяется и меняется в соответствии с коммуникативными потребностями носителя языка.

Ключевые слова: семантическая структура, существительные, переносные значения, многозначность, неоднозначность, оценка, дескрипция.

Violetta Gryaznova
Asiyat Mamedova

PECULIARITIES OF SEMANTIC STRUCTURE OF NOUNS WITH MELIORATIVE EVALUATION IN THE SIGNIFICATIVE-DENOTATIVE COMPONENT OF DIRECT MEANING IN MODERN RUSSIAN

The purpose of the article is to identify the features of the semantic structure of evaluative-characterizing nouns, in the significative-denotative component of the direct meaning of which there is a positive assessment. Based on the collected material, the authors identify two figurative meanings of such nouns: a) an evaluative-descriptive meaning (intermediate between direct and proper evaluative), b) an independent evaluative value, c) and the homonymous interjection that arose on their basis, as well as show the difference in the composition of markers that distinguish them. The authors attribute the evaluative-descriptive meaning, which is characterized by the coexistence of two main components: the positive evaluative as a vertex and the descriptive as an accompanying one, to semantic ambiguity as a kind of polysemicity, language or speech. Independent evaluative value, which has one main semantic component-pragmatic (emotional, emotional-aesthetic, emotional-ethical meliorative assessment), the authors refer to the classical polysemicity, which is the result of regular semantic development according to common language models of transfer (metaphorical, metonymic, associative). The limit of the development of the semantic structure of the studied evaluative-characterizing nouns is its destruction and the appearance of homonymous interjections that express emotion. In a significant number of texts of the modern Russian language the authors demonstrate mismatched markers highlighted their semantic phenomena: a) the use of the name in any grammatical form – use the name only in the form of the nominative case; b) the presence of lexical compatibility, enhancing the assessment, – the availability of lexical compatibility limiting and specifying the nature, c) the use of tokens in all possible for the name of the syntactic roles – the use of the token only in the predicate function, d) implementation of the evaluation function only – simultaneous presence of the nominative function – expression of emotion only. In general, the material studied allows the authors to conclude that the emotional lexicon of the modern Russian language is expanding and changing in accordance with the communicative needs of a native speaker

Key words: semantic structure, nouns, figurative meanings, polysemy, ambiguity, assessment, description.

Материал исследования – оценочно-характеризующие существительные, в сигнификативно-денотативном компоненте прямого значения которых присутствует положительная оценка. В основном (прямом) значении они могут называть предметы (светильник, рахат-лукум, вещь, картинка, бальзам, изюминка, конфетка), состояния (блаженство, очарование, радость), абстрактные качества (блеск, гордость, прелесть, роскошь, шик), абстрактные понятия (великолепие, загляденье, красота, совершенство). Список подобных имен является открытым. В Русском семантическом словаре [11, Т.3, с. 570–574] отмечено 63 оценочно-характеризующих имени с мелиоративной оценкой и 81 имя с пейоративной оценкой.

По данным словарей и текстов многие подобные имена являются многозначными. Переносные значения названных существительных являются объектом исследования.

Многозначность является темой исследования многих ученых второй половины XX и начала XXI вв. Так, В.Г. Гак считает, что «Многозначность представляет собой языковую универсалию; она связана с самим функционированием языка как средства общения» [4, с. 256]. Д.Н. Шмелев в своих работах описал ряд примеров, в которых сложно разграничить многозначность и омонимию, а также различные виды семантического обособления грамматических форм слова [19, с. 79–81]. Ю. Д. Апресян в своей монографии на материале существительных и прилагательных продемонстрировал «внутреннюю близость лексической многозначности к словообразованию и синонимии» [1, с. 175–214], а в более поздних работах на конкретном материале выявил явление лексической неоднозначности [2, с. 44–46]. Л. А. Новиков акцентировал такой языковой признак лексической многозначности, как «типичность, повторяемость, регулярность, пропорциональность связей значений» и описал конкретные типы многозначности на материале имен и глаголов [8. С. 293]. Е. В. Урысон исследовала сдвиг семантического акцента в значении лексемы и варьирование вершинного компонента как промежуточного значения многозначного слова [13, с. 456–462; 14, с. 272–276, 15, с. 50–53]. Е.В. Падучева в своих работах описала явление регулярной многозначности как семантическую деривацию, «когда регулярная многозначность моделируется деривацией, из двух значений многозначного слова либо одно предстает как семантический дериват другого, либо оба они производны от какого-то третьего» [9, с. 395]. Анна А. Зализняк изучила в своей монографии соотношение многозначности, полисемии и смежных явлений, различные способы представления многозначности [5, с. 20–73]. В то же время специфика многозначности и неоднозначности оценочно-характеризующих существительных в современном русском языке является неизученной.

По данным текстов и словарей типичная семантическая структура изучаемых оценочно-характеризующих существительных включает два переносных значения, а также в значительном количестве случаев существует отделившееся от имени омонимичное междометие. Одно из переносных значений является результатом регулярного семантического развития по общим языковым моделям переноса (метафорического, метонимического, ассоциативного) – классическая многозначность. Это расширение значения, в новом значении имеется один основной семантический компонент – прагматический (эмоциональная, эмоционально-эстетическая, эмоционально-этическая мелиоративная оценка). Такое значение мы определяем как собственно оценочное переносное значение, которое является отдельным и самостоятельным, показателем чего являются специфические маркеры: лексические (определенная лексическая сочетаемость, усиливающая оценку), грамматические (использование только формы именительного падежа), синтаксические (употребление только в функции предиката), коммуникативные (реализация только функции оценки). Для данной группы имен регулярное явление.

Второе из переносных значений изучаемых существительных является результатом ослабления дескрипции и выведения оценки на первый план, на вершину значения, – семантическая неоднозначность как разновидность многозначности, языковой или речевой. Это расширение значения, в котором два основных компонента: положительный оценочный в качестве вершинного и дескриптивный в качестве сопровождающего. Такое значение мы определяем как оценочно-дескриптивное (промежуточное между прямым и собственно оценочным) переносное значение, показателем чего являются специфические маркеры: лексические (определенная лексическая сочетаемость ограничивающего и конкретизирующего характера, как узкая, так и широкая), грамматические (использование всех форм слова), синтаксические (употребление во всех возможных для имени синтаксических ролях), коммуникативные (реализация функции оценки с одновременным присутствием номинативной функции). Для данной группы имен также регулярное явление.

Пределом развития семантической структуры изучаемых оценочно-характеризующих существительных является ее разрушение и появление омонимичного междометия, выражающего эмоцию. Маркеры подобного междометия таковы: грамматические (использование только формы именительного падежа базового имени), синтаксические (употребление в качестве самостоятельного нечленимого высказывания), коммуникативные (выражение эмоции). Для данной группы имен это явление обнаруживает тенденцию к регулярности.

Опишем подробнее каждое из переносных значений. Промежуточное оценочно-дескриптивное переносное значение изучаемых имен характеризуется неоднозначностью своего содержания. Под лексической неоднозначностью понимают: 1) возможность «одновременной реализации у той или иной языковой единицы двух (или более) значений», такую неоднозначность Анна А. Зализняк считает возможным назвать «синтагматической многозначностью» [5, с. 20]; 2) наличие у языкового выражения одновременно нескольких различных смыслов [1, с. 176–178]; 3) сосуществование множества различных осмыслений текста [15, с. 248].

Анна А. Зализняк определяет понятие лексической неоднозначности так: «Если языковая неоднозначность - это способность слова, выражения или конструкции иметь различные смыслы, т.е. это свойство языковых единиц, то речевая неоднозначность – это реализация данного свойства в конкретном высказывании» [5, с. 22].

В широком смысле под неоднозначность подводятся такие приемы совмещения значений, как языковая игра (каламбур) [1, с. 180–187]; склеивание [12, с. 113; 10, с. 36]; мерцание (осцилляция), когда два различных значения попеременно обнаруживают себя [1, с. 179].

В нашей работе под лексической неоднозначностью понимается сосуществование в содержании значения слова таких двух компонентов, разъединение которых невозможно (это приведет к уничтожению данного значения), причем эти компоненты неравноправны: один из них является главенствующим, определяющим основную функцию лексемы (эмоционально-экспрессивную), а второй – подчиненным, выявляющим факультативную функцию слова (номинативную). Для большинства изучаемых существительных это языковая неоднозначность: подобные значения представлены в современных словарях (либо толкуются, либо показаны в иллюстративных примерах // авторских речениях).

Промежуточное значение в семантической структуре изучаемых лексем в диахроническом аспекте является первичным по отношению к собственно оценочному, которое является результатом дальнейшего ослабления дескрипции в содержании имени существительного, оно словно мостик между прямым значением слова и его оценочным значением. «Вершиной значения» (термин Е.В. Урысон) является оценка, на ней акцентируется внимание носителя языка, а дескриптивный компонент не попадает в фокус внимания коммуникантов. Он занимает подчиненное положение в содержании значения – ближняя или дальняя периферия в зависимости от степени выражаемой дескрипции.

В предложении оценочно-характеризующее существительное в промежуточном оценочно-дескриптивном значении может употребляться в любой грамматической форме (была прелесть познания, увлекся прелестью познания), быть подлежащим (прелесть свободы опьянила их), дополнением (узнала вполне всю прелесть жизни), сказуемым (встретить рассвет — своя неповторимая прелесть). Нас интересует функционирование изучаемых слов в промежуточном оценочно-дескриптивном значении в функции предиката, так как в этой синтаксической позиции оценочно-характеризующее существительное не идентифицирует, а характеризует предмет речи, на базе чего и возникает его оценка. В общем значение существительного в оценочно-дескриптивном значении можно охарактеризовать так: ‘положительная оценка кого-, чего-либо, которая сопровождается номинацией предмета оценки или его качеств’. В словарях дефиниция описывает только дескриптивный компонент, она, как правило, является следующей: надежда ‘то, на что можно надеяться, опереться, положиться’. «Ты догадался, мой читатель, С кем бился доблестный Руслан: То был кровавых битв искатель, Рогдай, надежда киевлян». Пушкин, Руслан и Людмила (БАС); отрада ‘о том, кто (или что) / тот, кто (или то, что) доставляет кому-либо удовольствие, утехи / радость’. «[г-жа Простакова:] Одна моя забота, одна моя отрада — Митрофанушка. Его готовлю в люди». Фонвизин, Недоросль (БАС) и др.

Лексические маркеры промежуточного оценочно-дескриптивного значения являются разнообразными.

1) Неопустошенные (недесемантизированные) прилагательные (редко причастия), которые употребляются в качестве определения изучаемых имен (немыслимая роскошь, новое чудо, особый шик. туристическая жемчужина, невероятный шик, единственная прелесть и т. п.). Это один из двух самых распространенных лексических показателей промежуточного оценочно-дескриптивного значения. «А Зина-то ещё школьницей была, то ли в восьмом, то ли в девятом. Карточку свою показывала – ну вылитая красота. (И. Грекова. Перелом (1987))» [НКРЯ]; «В половине шестого утра Павел Алексеевич приносил с госпитальной кухни ведро тёплой воды – немыслимая роскошь, как в иные времена ванна, полная шампанского, – и ждал за дверью, пока Елена вымоется. (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого (Путешествие в седьмую сторону света) // «Новый Мир», 2000)» [НКРЯ]; «Строят дома – сотни квартир с газом и электричеством; новые магазины – роскошь новая; новые мостовые, новый, не русский шик города. (Б. К. Зайцев. Улица св. Николая (1921))» [НКРЯ]; «Ее стиль – неувядаемый шик. Носит атласные и кружевные блузы, старинные броши и серьги. (Полина Морозова. Что подарить на

8 Марта // «Русский репортер», 2014)» [НКРЯ]; «А в августе уже не лебеду, не ягоды на картофеле черные, приторно-сладкий паслен, он же бздника, и не жесткие, как веревки, стебли щавеля, а горох да капустку тайно сгрызешь, а то и брюкву или свеколку – и вот оно, сытое блаженство. (Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005))» [НКРЯ].

2) Существительные, называющие субъект/объект, содержание оценки, чаще в родительном падеже, реже в других косвенных падежах (отрада слабаков, краса Северного флота, перл Архангельского края, жемчужина Мариинского оперного репертуара, чудо изящества, чудо хитроумия, соль человечества, находка для рекламного отдела, бальзам для души, жемчужина Кавказа, краса России, отрада стариков, услада глаз, чудо в моей жизни). Это второй из двух самых распространенных показателей промежуточного оценочно-дескриптивного значения. «На другой день принёс палку – чудо изящества. (И. Грекова. Перелом (1987))» [НКРЯ]; «Другой мир Энергодар – это чудо в моей жизни. Там можно остановится, оглянуться и прийти в себя после сумасшедшей Москвы. (Е. Кучеренко. Об Украине, Энергодаре и бабушке Кате (2015.02.10))» [НКРЯ]. «Еще в комнате находилась радиола «Симфония» – шик начала семидесятых – две здоровенные колонки на рахитичных ножках, затянутые веселенькой желтой тканью, и между ними – длинный гроб с музыкой. (Андрей Макаревич. Дом (2001))» [НКРЯ]; «О патефон – отрада послевоенной юности! (Анатолий Степанов. В последнюю очередь (1984))» [НКРЯ]; «Эти девушки добились самых высоких спортивных достижений за прошедший год. Они – краса и гордость Северо-Кавказского военного округа, а в целом – Вооруженных Сил. (Лучшие спортсменки СКВО (2003) // «Военный вестник Юга России» (Ростов-на-Дону), 2003.03.03)» [НКРЯ]; «Удачная схема – находка для учителя и ученика. (С. Виноградов. Система Шаталова. Годовой курс – за 10 часов! // «Наука и жизнь», 2008)» [НКРЯ]; «О рядовых никто и не вспомнит, никто и не помышляет сказать им, что это они – соль человечества. (Леонид Зорин. Глас народа (2007–2008) // «Знамя», 2008)» [НКРЯ]; «В христианском богословии говорится, что Христос – это солнце правды, свет истины. (Ольга Власова, Роман Зайцев. На одном корабле // «Эксперт», 2013)» [НКРЯ]; «Вот три с половиной буханки хлеба для голодного – это поистине сокровище живота! (Владимир Тимаков. Высокопреосвященный Кирилл, архиепископ Пензенский и Саранский (1998) // «Альфа и Омега», 2000–2001)» [НКРЯ].

3) Сочетание первого и второго маркеров. «Пахнет навозом и сеном; у сена сложный запах, он быстро меняется. Сенокос – льющаяся поэма запахов. Кое-где конные косилки. (Владимир Каганский. Внутренний Урал // «Отечественные записки», 2003)» [НКРЯ]. «Несомненно, Хубсугул – туристическая жемчужина Монголии мирового значения! (В. Полеванов. К истокам Амура в «страну непобедимых» // «Наука и жизнь», 2008)» [НКРЯ].

4) Местоимения (определительные, указательные, притяжательные), которые употребляются в качестве определения изучаемых имен (сама красота, его бальзам, моя отрада, наша благодать и т. п.). Менее распространенный лексический показатель промежуточного оценочно-дескриптивного значения. «Чтение вслух поэзии – для меня и труд, и мука, и отрада. (Михаил Козаков. Актерская книга (1978–1995))» [НКРЯ]; «Так уж ли все было благодатно, так уж все было в этих лучах? Как почитаешь жития святых – такая благодать. Все это – страшные вещи, в общем-то». (Александр Клейн. Два года в православном монастыре // «Пятое измерение», 2003)» [НКРЯ]; «Когда при ней сказали, что кто-то имел интригу с хорошенькой горничной своей жены, и Ротбек, бывший тут, воскликнул: «Как я понимаю его, их Танюша такая конфетка!» (П.Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 1) (1922))» [НКРЯ]; «Такое блаженство – жариться на солнце и, прищурясь, смотреть на океанский горизонт!» (Алексей Кузнецов. Между Гринвичем и Куреневкой (2002))» [НКРЯ]; «Ваш ребёнок – ваше сокровище. Он ещё мал и неуклюж, а вы уже думаете, как бы помочь ему стать состоявшимся, преуспевающим, знаменитым, а может быть, и великим. (Как попасть в элиту (2000) // «Туризм и образование», 2000.06.15)» [НКРЯ].

5) Определительные обороты, придаточные предложения, относящиеся к слову в данном значении и раскрывающие содержание оцениваемого объекта (блаженство, которое трудно забыть). Редкий лексический маркер промежуточного оценочно-дескриптивного значения. «Мы поделили махорку, и каждый закурил свою папиросу – роскошь, давно забытая. (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961))» [НКРЯ]; «Вера – это сокровище, которое ценой огромных мученических страданий, молитвенных воздыханий, постнических подвигов передано нам от наших предков. (Протоиерей Александр Ильяшенко. Экуменизм и глобализация (2004))» [НКРЯ]; «Он — профессионал успеха, народная мечта. Его жизнь — сказка. Ну,

если сказка, то только народная». (Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008)» [НКРЯ].

6) Широкий контекст, который усиливает и акцентирует дескриптивный компонент значения. Редкий лексический маркер промежуточного оценочно-дескриптивного значения. «Ножки – просто загляденье! (Урожай заботится о стройности // «Даша», 2004)» [НКРЯ]; «Визитки вышли – просто загляденье. Золото по матовому картону в обрамлении ажурной виньетки. (Ирина Павская. «Джоконда» Мценского уезда (2006))» [НКРЯ]. В данных случаях в тексте имплицитно присутствует компонент ‘’результат оценки глазами, то, от чего нельзя оторвать глаз’), который является дескриптивным.

Самостоятельное оценочное значение не включает номинативных семантических компонентов, состоит из эмоциональной // эмоционально-этической // эмоционально-эстетической // эмоционально-утилитарной оценки. В предложении изучаемые оценочно-характеризующие существительные в названном значении употребляются только в функции предиката, их грамматическая форма представлена только именительным падежом, что является результатом лексикализации отдельной формы существительного. В общем значение существительного в оценочном значении можно охарактеризовать так: ‘положительная оценка кого-, чего-либо’. В словарях дефиниция является совпадающей с толкованием оценочно-дескриптивного значения. Различия состоят в приводимых авторами примерах, которые относятся к самостоятельному оценочному значению: золото ‘о ком-, чем-либо отличающемся большими достоинствами’. «О, сердце девушки – это чистое золото!» Тургенев, Рудин (МАС); находка ‘нечто очень подходящее, ценное, удачное (разг.)’. «Это прямо находка!» (Ушаков); прелесть разг. ‘о том, кто (или что) вызывает восхищение, пленяет, чарует’. «Что за прелесть эти уездные барышни!». Пушкин, Барышня-крестьянка (БАС) и др. Приведем примеры из НКРЯ.

«Слова героев стали афоризмами и даже эпизодические роли – находка, вспомните, как товарищ Бубликов (Петр Щербаков) долго не мог сосредоточиться на работе, видя прекрасные ножки девушек. (Коллективный. Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006–2010))» [НКРЯ]; «Все на свете проспал. Такие льды были – конфетка. – Ты же обещал разбудить…» (Марк Борозин. Испытание морем // «Техника – молодежи», 1974)» [НКРЯ]. «Достался мне муж, Николай Прокофьевич, – не муж, а золото. Жила по-всякому, не так чтобы богато, недостатки знала, а зверства не знала, упас господь. (И. Грекова. Перелом (1987))» [НКРЯ]; «Середина апреля, земля оттаяла, она не предаст, она вся – солнце. (Екатерина Завершнева. Высотка (2012))» [НКРЯ]; «Мелкие бесы и ловцы душ стали плодиться с кошачьей скоростью. Разговорные таланты стали цениться выше литературных: читать – труд, слушать – отрада. (Владимир Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами (1975–1998))» [НКРЯ]; «И написала «Геленджикские мотивы» № 2, где были луна, море, одинокий челн, белая тень на берегу и… трель соловья, которого отродясь в Геленджике не водилось. Старик почтальон вернул мне этот второй мой опус с надписью редактора – «Рахат-лукум». (Семен Кирсанов. Как это у них было // «Юность», 1971)» [НКРЯ]; «Постойте, я лучше вам это место по книге прочитаю, тут нельзя своими словами, тут каждое слово – жемчужина… – Не надо, – взмолилась Полина Ивановна. – Вашими словами я ещё могу вынести, а его – нет. (И. Грекова. «Скрипка Ротшильда» (1980))» [НКРЯ]. «Когда печет солнце и млеют кошки, а на чердаке душно и жарко, в подвале — благодать. (Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007))» [НКРЯ].

Лексические маркеры самостоятельного оценочного значения (они могут отсутствовать, как в примерах, приведенных выше) разнообразны.

1) Частицы: это благодать, ведь жемчужина, вот находка, что за прелесть, просто сказка. «Погода всю неделю – загляденье просто. (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013))» [НКРЯ]; «Слушать их, любоваться ими. Люди, дающие наслаждение, – вот благодать! 25 июня 48 г. (Алексей Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь (2003))» [НКРЯ]; «Дожила до второго праправнука! А как умерла – это поэма! Собрала нескольких женщин из семьи – кого хотела видеть, – выстроила вокруг кровати, дала указания – кому что оставляет, где что лежит, сказала, что жизнь считает законченной и счастливой, несмотря на все потери, закрыла глаза и – умерла. (Дина Рубина. Медная шкатулка (сборник) (2015))» [НКРЯ]; «Ривз, любимчик, стиль, атмосфера, жутко харизматичные персонажи, не менее классно отыгранные… Просто сказка… Смотрел 2 раза в кино, и дома Стормаре знает сколько раз… (Коллективный. Форум: Константин, Constantine (2005-2007)» [НКРЯ]; «Сразу же после ее появления в печати, с нею ознакомился А. С. Пушкин, написавший брату из Михайловского 27 марта 1825 года, говоря об одном из «героев» этого произведения: «Душа моя, что за прелесть бабушкин кот! (Анатолий Садчиков. Автор «Черной курицы», участник Отечественной войны // «Знание-сила», 2012)» [НКРЯ].
2) Прилагательные, наречия с опустошенной семантикой: сплошной рахат-лукум, чистое золото, совсем конфетка, целая поэма,

настоящий клад. «Хороший продавец – настоящее сокровище, это знает любой владелец торговой точки. (Анастасия Воробьева. Записки кассира-операциониста (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.01.22)» [НКРЯ]; «Кать, а какие она дифирамбы мне пела! Сплошной рахат-лукум. Кать, что я ей устроила, вы можете себе представить? Нет, не можете, я и сама не представляла, как могу обидеться. (Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)» [НКРЯ]; «С другой стороны, если говорить откровенно… любое историческое кино — чистая сказка! Любое.. (Коллективный. Форум: Адмиралъ (2011)» [НКРЯ]; «Щелканье языком, и глаза летят кверху. Симпатичный, ароматичный, совсем рахат-лукум, пышный, белый, сладкий, — ай, ай… Иди за мной. Юноша залился краской, потом усмехнулся, пробормотал: «Что ты мне врешь, турецкая морда?» (А. Н. Толстой. Похождения Невзорова, или Ибикус (1924))» [НКРЯ];

3) Сочетание первых двух маркеров. «Повезло тебе, девка. Колька наш – ведь чистое золото! (Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012)» [НКРЯ]; «Ходят слухи, что на аэрокосмическом факультете студент может быть рекомендован в подразделение по подготовке космонавтов. Над таким предложением я бы всерьез подумала, в конце концов космос – это настоящая мечта и романтика! (Андрей Максимов, абитуриент Школы-студии МХАТ, Москва. «Почему вы выбрали этот вуз и эту специальность?» Коллективный. За балом – балл // «Огонек», 2015)» [НКРЯ]; «Но мне выпал более счастливый билет – я прокатился по этой реке не в сказке, а в яви. Поселок – это целая поэма! И счастливая, и печальная. (Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000))» [НКРЯ].

В нашем материале имеются сложные случаи употребления оценочно-характеризующих существительных в переносном значении, демонстрирующих синкретизм оценочно-дескриптивного и оценочного значений. Мы нашли два вида таких контекстов.

А. Сочетание лексических маркеров, противоречащих друг другу. «Вывод следовал один: Зоя – настоящее сокровище для этого мелкозубого, потерявшегося в жизни, застенчивого до мурашек человека. (Дарья Симонова. Половецкие пляски (2002))» [НКРЯ]. Десемантизированное прилагательное является показателем самостоятельного оценочного значения, а существительное в родительном падеже, называющее субъекта, который определяет оценку, – показателем дескриптивно-оценочного.

Б. неоднозначные контексты, в которых дескриптивный компонент то есть, то его нет. «Но Скалозуб? Вот загляденье! За армию стоит горой, И прямизною стана, лицом и голосом герой…» (А.С. Грибоедов. Горе от ума). Широкая лексическая сочетаемость показывает, что семантический компонент ‘результат оценки глазами’ то присутствует («загляденье» характеризует лицо, прямизну стана), то отсутствует («загляденье» относится к голосу). Аналогично в следующем примере. «В следующий раз я безешечек наделаю, – решительно сказала бабушка, – ничего, к Новому году откормим их, как молочных поросят. Будут такие сладкие, вкусные, с попками, с щечками – загляденье! (Маша Трауб. Танец со скрипкой // «Огонек», 2014)» [НКРЯ]. Дескриптивный компонент ‘результат оценки глазами’ присутствует в лексемах, описывающих щечки и т.п. детей и отсутствует при характеристике их «вкусноты».

Омонимичное междометие возникает на базе изучаемых оценочно-характеризующих существительных в результате того, что семантически обособленная от всей парадигмы слова отдельная форма существительного (форма именительного падежа соответствующего имени) стала выражать ту или иную эмоцию положительного спектра (восхищение, восторг, радость), а не эмоциональную оценку, как в самостоятельном оценочном значении. Это дальнейшая стадия отрыва формы именительного падежа соответствующего имени от своей парадигмы и дальнейшей ее лексикализации. Подобное междометие составляет самостоятельное нечленимое высказывание. В общем значение омонимичного междометия можно охарактеризовать так: ‘восклицание, выражающее положительную эмоцию (радость, восторг, восхищение)’. В словарях очень редко отмечаются изучаемые омонимичные междометия: красота ‘простореч. как междометие, выражающее восхищение, удовольствие’ «– Ну и гребет… Красота! – наблюдая за Черкизовым и любуясь им, сказал Павлин. Н. Никитин, Северная Аврора (БАС); благодать ‘о состоянии довольства, удовлетворении, радости’ «Люблю спать на чердаках, – сказал он. – Иззябнешься, умаешься, а там сухо, от солнышка под крышей все нагрето. – Благодать! Паустовский, Бабушкин сад (МАС).. Как правило, в дефиниции, описывающей оценочно-дескриптивное значение имени, автор словаря приводит контекст с междометием: прелесть ‘о том, кто (или что) возбуждает восхищение, пленяет, чарует; что-нибудь прелестное (разг.)’. «Я тосковал перед картинами… и лицемерно повторял за другими: «какая прелесть! Сколько воздуху! (Чехов, Рассказы. Повести. 1894–1897 (Ушаков) и др. Приведем примеры их НКРЯ.

«Ездила не так давно до Питера плацкартом – сказка. (Коллективный. Блоги // «Русский репортер», 2013)» [НКРЯ]; «Какой жеребец вырос! Сказка! В тренинг к хорошему спортсмену Волкову попал. (Елена Макарова. Русская верховая // «Русский репортер», № 18 (18), 4-11 октября 2007)» [НКРЯ]. «Как просторно здесь, тихо, спокойно! Благодать! – А потом я проснулся… Вот какие бывают сны. (В.Д. Алейников. Тадзимас (2002)» [НКРЯ]; «Стою в тенечке, пью квас. Благодать!.. С дороги к бочке сворачивает иномарка, вроде не «Мерс», но тоже что-то солидное. (Владимир Барский. Сибирь зовет (2004) // «64 – Шахматное обозрение», 2004.06.15)» [НКРЯ]; «Ах, что за молодчина! Конфетка! Положительно, конфетка! (С.Н. Сергеев-Ценский. Синопский бой (1940-1941)» [НКРЯ]; «Они сели на широкую скамью и разломили плитку пополам. – М-м, блаженство… Обожаю тебя, Пирогова! (Татьяна Тронина. Русалка для интимных встреч (2004)» [НКРЯ]; «У нас свой уклад – древний, – отбиваю удар, внутреннее сожалея, что для большего антуражу нет на плечах моих цветастой шали и не покуриваю я трубочку. Во картинка получилась бы! Блеск! – Уклад у нас древний, от предков доставшийся. (Ю.И. Андреева. Многоточие сборки (2009)» [НКРЯ]; «– Завтра пойдём в «Весну»? – Вдвоём? – Ага. – Блеск! – Ты меня любишь? Да. А ты меня?. (Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961)» [НКРЯ].

Омонимичное междометие в самостоятельном высказывании может сопровождаться частицами, местоимениями, употребленными в качестве эмоционально-экспрессивных частиц. «Она с восторгом осматривает обшарпанные стены, вздыбленный дощатый пол и ржавый умывальник в углу. – Какая прелесть! Но все не так ужасно, как ты рассказывал! (Евгения Горац. Сердце Манхеттена // «Сибирские огни», 2012)» [НКРЯ]; «А потом оказалось, что у нас были в это время такие кроткие хорошие лица, вот чудо! (Нина Горланова. Портрет в интерьере (1987–1999))» [НКРЯ]; «Вот это да! Вот это вещь! – говорили кругом. Толик стал подробно рассказывать, как он варил мертвую черепаху и у нее сначала отвалилась голова, потом лапы, и последним – хвост. (М. С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010))» [НКРЯ]; «Страшно так и храбро, особенно коли молодые офицерики с пистолетами в руках один против другого палят за которую-нибудь. Просто картинка. (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880))» [НКРЯ]; «Парижские интеллектуалы обсуждают теорию прогресса и футуристов-будетлян. Город будущего! Это видение. Какой шик! (Светлана Князева. XX век берет разбег // «Знание-сила», 2014)» [НКРЯ]; «На пункте, вне зоны обстрела, мы обедали, – и за фанерной стеной засмеялась сестра: я никогда не слышал лучшей музыки. Других слов я не нахожу: лучшей музыки. Это сестра пробиралась к госпиталю, её платье, её причёска – какая радость! Она что-то говорила заведующему пунктом, – я не знаю лучшей поэзии, чем её слова. Всё прекрасное, всё красивое, всё целомудренное, что есть во мне, что дала жизнь – женщина, женщина. Вот и всё. (Б.А. Пильняк. Простые рассказы (1923)» [НКРЯ]; «Нет, не в Москву, – упрямо ответила она, – вам надо не в Москву, а подальше куда-нибудь, туда, где вас никто не знает. Он посмотрел на неё. – Вот это блеск! (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978))» [НКРЯ].

В собранном материале есть контексты, в которых отнесение имени к междометию или оценочному существительному является затруднительным, их функция и значение синкретичны. «Петр Лаврентьевич сказал: – Прелесть, чудо, какая изящная прелесть. Я от всего сердца поздравляю вас. Какая удивительная сила, логика, изящество! (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2. 1960)» [НКРЯ]; «Вот, например, на твоей планете три четверти поверхности покрыто водой! Когда я читал это, то был просто шокирован. Какая фантастическая роскошь! Только в древнем Священном Треножнике Небоподобного Цароля вставлены три маленькие капсулы с этой драгоценной жидкостью. (Олег Тулин. Фантастическая шутка // Юный техник, 2012)» [НКРЯ]. Лексемы прелесть, роскошь выражают эмоцию и составляют отдельное высказывание, и это маркеры междометия. В то же время названные слова сопровождаются недесемантизированными дескриптивными прилагательными, выражающими номинативную функцию, что является показателем существительного в оценочно-дескриптивном значении.

В целом развитие семантической структуры оценочно-характеризующих существительных обнаруживает:

1) явление лексической неоднозначности как частный случай многозначности, выраженное в формировании оценочно-дескриптивного значения;
2) явление лексической многозначности, выраженное в формировании отдельного оценочного значения;
3) явление семантического отрыва лексикализованной формы именительного падежа и возникновение омонимичного междометия в определенных коммуникативных условиях.

Для прямого, оценочно-дескриптивного и оценочного значений исследуемых существительных характерны повторяемость и пропорциональность связей их значений. Функционально-семантическое обособление одноименного междометия выявляет тенденцию к регулярности.

Изученный материал демонстрирует, что эмоциональный лексикон современного русского языка расширяется и меняется в соответствии с коммуникативными потребностями носителя языка. «Эмоциональная картина мира находится в постоянной динамике, она «дышит» вместе с духом народа и обновляется» [14, с. 40].

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
2. Апресян Ю. Д. Словарная статья ВООБРАЖЕНИЕ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. / под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 1997.
3. БАС: Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / Т. 1– 17. М.– Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950–1965.
4. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Ленинград: Просвещение, 1977. 300 с.
5. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур. 2006. 672 с.
6. МАС: Словарь русского языка. В 4-х т. / 4-е изд., Т. 1-4. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
7. НКРЯ: Национальный корпус русского языка URL: http://www.ruscorpora.ru (Дата обращения: 21.09.2020).
8. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
9. Падучева Е. В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. С. 395–418.
10. Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М. Языки русской культуры, 2001. 280 с.
11. РСС: Русский семантический словарь / под. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. Т.3. 630 с.
12. Урысон Е. В. Несостоявшаяся полисемия (Типы толкований с союзом ‘или’) // Облик слова: Сб. статей памяти Д. Н.Шмелева. М.: ИРЯ РАН, 1997. С.113–121.
13. Урысон Е. В. Сдвиг семантического акцента в значении лексемы (предчувствие, голод, аппетит) // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей. / РАН. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. С. 456–463.
14. Урысон Е. В. Словарная статья ПРЕДЧУВСТВИЕ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. / под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 1997. С. 272–276.
15. Урысон Е. В. Словарная статья ГОЛОД // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. / под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 1997. С. 50–53.
16. Успенский Б. А. Анатомия метафоры у Мандельштама // Успенский Б. А. Избранные труды. Т.2. М.: Гнозис, 1994. С. 246–274.
17. Ушаков: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1-4. М.: Русские словари, 1995.
18. Шаховский В. И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // ж. Мир русского слова. СПб.: РОПРЯЛ, 2019. № 1. С. 35-44.
19. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977, 335 с.

References

1. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka. (Lexical semantics. Synonymous means of language). Moscow: Nauka, 1974. 367 p. (In Russian).
2. Apresyan Yu.D. Slovarnaya stat’ya VOOBRAZHENIE (Dictionary entry IMAGINATION) // Novyi ob»yasnitel’nyi slovar’ sinonimov russkogo yazyka. Pervyi vypusk. / ed by Yu.D. Apresyan. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul’tury, 1997. 511 p. (In Russian).
3. BAS: Slovar’ sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. (Dictionary of modern Russian literary language. In 17 vols.) / Vol. 1– 17. Moscow – Leningrad: SA of USSR publ., 1950–1965. (In Russian).
4. Gak V.G. Sravnitel’naya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov. (Comparative typology of French and Russian languages). Leningrad: Prosveshchenie, 1977. 300 p. (In Russian).
5. Zaliznyak Anna A. Mnogoznachnost’ v yazyke i sposoby ee predstavleniya. (Polysemy in the language and ways to represent it). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur. 2006. 672 p. (In Russian).
6. MAS: Slovar’ russkogo yazyka. V 4-kh t. (Dictionary of the Russian language. In 4 vols.). Moscow: Russkii yazyk; Poligrafresursy, 1999. T. 1-4. (In Russian).
7. NKRYa: Natsional’nyi korpus russkogo yazyka. (National corpus of Russian language). URL: http://www.ruscorpora.ru (In Russian).
8. Novikov L.A. Semantika russkogo yazyka. (Semantics of the Russian language). Moscow: Vysshaya shkola, 1982. 272 p. (In Russian).
9. Paducheva E.V.O semanticheskoi derivatsii: slovo kak paradigma leksem (About semantic derivation: the word as a paradigm of the lexemes). // Russkii yazyk segodnya. Issue. 1. / ed by L.P. Krysin. Moscow: Azbukovnik, 2000. P. 395–418. (In Russian).
10. Pertsov N.V. Invarianty v russkom slovoizmenenii. (Invariants in Russian inflection). Moscow: Yazyki russkoi kul’tury, 2001. 280 p. (In Russian).
11. RSS: Russkii semanticheskii slovar’ (Russian semantic dictionary) / ed by N.Yu. Shvedovoi. Vol.3. Moscow: Azbukovnik, 2003. 630 p. (In Russian).
12. Uryson E.V. Nesostoyavshayasya polisemiya (Tipy tolkovanii s soyuzom ‘ilI’) (Failed polysemy (types of interpretations with the conjunction ‘ or’). // Oblik slova. Moscow, 1997. P. 113–121. (In Russian).
13. Uryson E.V. Sdvig semanticheskogo aktsenta v znachenii leksemy (predchuvstvie, golod, appetit) (Shift of semantic emphasis in the meaning of the lexeme (premonition, hunger, appetite). // Russkii yazyk segodnya. Issue. 1. Moscow: Azbukovnik, 2000. P. 456–463. (In Russian).
14. Uryson E.V. Slovarnaya stat’ya PREDCHUVSTVIE (Dictionary entry FEELING) // Novyi ob»yasnitel’nyi slovar’ sinonimov russkogo yazyka. Pervyi vypusk / ed by Yu.D. Apresyan. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul’tury, 1997. P. 272–276. (In Russian).

15. Uryson E.V. Slovarnaya stat'ya GOLOD (Dictionary entry HUNGER) // Novyi ob»yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka. Pervyi vypusk / ed by Yu.D. Apresyan. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 1997. P. 50–53. (In Russian).
15. Uspenskii B. A. Anatomiya metafory u Mandel'shtama (Anatomy of a metaphor in Mandelstam). // Uspenskii B.A. Izbrannye trudy. Vol.2. Moscow, 1994. P. 246–274. (In Russian).
16. Ushakov: Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: V 4 t. (Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols.). / ed by D. N. Ushakov. Vol. 1-4. Moscow: Russkie slovari, 1995. (In Russian).
17. Shakhovskii V.I. Ehmotsional'naya kartina mira v verbal'noi prezentatsii (Emotional picture of the world in a verbal presentation). // zh. Mir russkogo slova. St.Petersburg: ROPRYAL, 2019. No. 1. P. 35-44. (In Russian).
18. Shmelev D. N. Sovremennyi russkii yazyk. Leksika. (Modern Russian language. Vocabulary). Moscow: Prosveshchenie, 1977, 335 p. (In Russian).

Сведения об авторах:

Грязнова Виолетта Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка гуманитарного институту Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / violetta-sgy@mail.ru

Мамедова Асият Низамиевна – аспирант кафедры русского языка, гуманитарного институту Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / dochenka.papina@mail.ru

Information about the authors:

Gryaznova Violetta – Doctor of Science (Philology), Professor, Chair of Russian Language, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / violetta-sgy@mail.ru

Mamedova Asiyat – Postgraduate student, Chair of Russian Language, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / dochenka.papina@mail.ru

УДК 347:801.3
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.27

О. Г. Суетина

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СЕГМЕНТАЦИИ И АРХИТЕКТОНИКИ В ТЕКСТАХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ВЕРХОВНЫХ СУДОВ СТРАН АНГЛО-САКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ[1]

Актуальность исследования текстов судебных решений в современном мире обусловлена как социальной заявкой на разработку юрислингвистических вопросов, так и необходимостью накопления, наблюдения и обобщения исследовательского материала в рамках юридических текстов. В статье, на материале решений верховных судов стран англо-саксонской правовой системы, исследуется характер реализации в текстах судебных решений таких планов структурной организации текста, как сегментация и архитектоника. Визуально-пространственная сегментация и фиксированность расположения компонентов текста являются важными принципами организации текста судебного решения. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о наличии универсальных и специфических для разных стран англо-саксонской правовой системы параметров реализации рассмотренных принципов, позволяющих организовать и направить восприятие реципиентом информации, что является приоритетно значимым для обеспечения точности, правильности и однозначности толкования содержания такого важного документа, как судебное решение. К таким параметрам могут быть отнесены как общепринятые (параграфирование, курсив текста, нумерация), так и уникальные (выделение в качестве самостоятельных частей ключевых слов, краткого изложение содержания решения, содержания параграфов, перечень ссылок на источники права, согласно традиционной иерархии источников англо-саксонской правовой системы: прецеденты, статуты и нормативные документы доктринальные источники). Композиционная архитектоника рассмотренных судебных решений соответствует классической трехчастной структуре судебного решения, состоящей из последовательно сменяющих друг друга вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей. Базовые реквизиты каждой из частей сохраняются в текстах рассмотренных судебных решений, однако характер их расположения не имеет фиксированных рамок.

Выявленные в результате анализа особенности реализации рассмотренных принципов позволяют реципиенту успешно ориентироваться в структуре и содержании судебного решения, что представляет несомненную ценность, принимая во внимание большой массив прецедентной базы.

Ключевые слова: судебный дискурс, текст судебного решения верховного суда, англо-саксонская правовая семья, структурная организация текста, сегментация, архитектоника.

Olesya Suetina

IMPLEMENTATION OF SEGMENTATION AND ARCHITECTONICS PRINCIPLES IN THE TEXTS OF JUDICIAL DECISIONS (BASED ON JUDICIAL DECISIONS OF SUPREME COURTS OF THE ANGLO-SAXON LEGAL SYSTEM)[2]

The relevance of the study of texts of court decisions in the modern world is due to both the social demand for the development of legal linguistic issues, and the need to accumulate, observe and generalize the research material of legal texts.

Based on the decisions of the Supreme courts of the countries of the Anglo-Saxon legal system, the article analyzes the nature of implementation in the texts of court decisions of such plans for the structural organization of the text as segmentation and architectonics. Visual-spatial segmentation and fixed location of text components are important principles for organizing the text of a court decision. In the result of the analysis the author comes to the conclusion about the existence of universal and specific to different countries of Anglo-Saxon legal system implementation options considered principles that allow to organize and direct perception by a recipient of information that is essential to the accuracy, correctness, and unambiguity of interpretation of the content of such important documents as court decision. These parameters can include both generally accepted (paragraphs, text italics, numbering) and unique (selection of keywords as independent parts, summary of the content of the decision, content of paragraphs, list of references to sources of law (according to the traditional hierarchy of sources of the Anglo-Saxon legal system): precedents, statutes and normative documents, doctrinal sources). The structure of the considered court decisions corresponds to the classical three-part structure of the court decision, which consists of successive introductory, descriptive-motivational and resolute parts. The basic details of each of the parts are preserved in the reviewed court decisions, however, the nature of their location does not have a fixed framework.

The features of the implementation of the principles identified in the analysis allow the recipient to quickly navigate the structure and content of the court decision, which is of great value, taking into account the large array of case law.

Key words: judicial discourse, Supreme Court judgment, Anglo-Saxon legal family, structural organization of the text, segmentation and architectonics.

1 Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90009, название проекта: «Структурно-семантические и прагматические особенности текстов судебных решений верховных судов стран англо-саксонской правовой системы».

2 Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-312-90009, project title: «Structural-semantic and pragmatic features of the texts of judicial decisions of the supreme courts of the countries of the Anglo-Saxon legal system».

Актуальность многоаспектного исследования текстов судебных решений на современном этапе развития правовой лингвистики продиктована, с одной стороны, социальной востребованностью разработки юрислингвистических вопросов, с другой стороны – необходимостью накопления материала, его первичного описания и обобщения, постановки проблем и гипотез в рамках изучения разножанровых юридических текстов.

В современном мире сложно переоценить феномен права, выполняющего роль ключевого координатора взаимоотношений между гражданами внутри государства, а также между гражданином и государством. При этом, неотъемлемой составляющей регулирования отношений в правовом государстве является законное, обоснованное и справедливое судебное разбирательство. В ситуации объективного роста правосознания и правовой культуры граждан разных стран неизбежен интерес к теме судебной коммуникации, правильная интерпретация которой может оказать положительный эффект на решение ряда социально-политических проблем. Исследование судебных решений носит междисциплинарный характер в силу их избрания в качестве объекта рядом гуманитарных наук, таких как юриспруденция, социология, психология и других. Развитие перевода в сфере права невозможно без всестороннего и объективного описания специфики юридических документов англо-саксонской правовой системы и их текстологических характеристик, что может быть обеспечено комплексными лингвистическими исследованиями.

Изучение текстов судебных решений входит в сферу интересов лингвистической науки, одной из задач которой является выявление и анализ специфичных для определенных сфер коммуникации особенностей. Судебное решение является многоаспектным текстовым феноменом, изучение которого в теоретическом и практическом планах предполагает обращение к разным уровням текста как семантического единства в соответствии с избранным направлением и аспектом исследования. Принимая во внимание очевидную для современных исследований взаимосвязь языкознания и юриспруденции, подчеркнем значимость для настоящей работы, взгляда на рассмотрения судебного решения в координатах лингвистики текста. Судебное решение является предметом интереса различных гуманитарных наук, нельзя также не отметить, что его изучению в первую очередь посвящены научные труды российских и зарубежных ученых в области юриспруденции и лингвистики.

Мы исходим из того, что судебное решение, будучи базовым правоприменительным актом правовой системы, в целом, и системы судопроизводства, в частности, является одним из ключевых понятий судебного дискурса. Изучаемый нами англо-саксонский судебный дискурс является предметом особого лингвистического интереса, поскольку предполагает вариативность и определенную долю свободы судей в возможности высказывать мнение относительно вопросов права. Судебное решение, таким образом, «приобретает статус вердикта благодаря рационализации, придающей ему символическую эффективность, которой обладает всякое действие в действительности произвольное, но признанное легитимным» [11, с. 91]. При этом сформулированное решение – это комплексный феномен, в котором, с одной стороны, фиксируется результат рассмотрения конкретного правового спора по существу, с другой стороны (в англо-саксонской правовой системе) данное решение также является источником права.

Задача данной статьи – выявление и анализ особенностей реализации в текстах судебных решений верховных судов стран англо-саксонской правовой системы таких принципов структурной организации текста, как сегментация и архитектоника.

В современной науке «актуализируется экспланаторный принцип описания языковых явлений» [8, с. 19], позволяющий проанализировать множество языковых феноменов. Важнейшим инструментом анализа основополагающих принципов организации текста являются текстовые категории, определяющие сущностные параметры текста как семантического единства. До настоящего момента в науке не существует единого мнения относительно градации основных и факультативных текстовых категорий, что объясняется многоаспектностью текста как коммуникативной единицы.

Так, ряд авторов выделяют в качестве ведущих текстовых категорий «целостность, членимость и модальность» [6, с. 366]. Некоторые ученые полагают универсальными категориями текста «целостность (план содержания) и связность (план выражения), вступающие друг с другом в отношения дополнительности, диархии» [3, с. 41]. Н. С. Болотнова указывает на наличие глобальных категорий события, времени и пространства и «глобальной категории диалогичности», реализуемой «в категориях субъективности и адресованности» [5, с. 162]. Важнейшими текстовыми категориями признаются также развернутость, целостность и дискретность. Е.А. Баженова подчеркивает при этом, что каждой категории свойственна типовая реализация в границах функционального стиля [4, с. 37]. О. П. Сологуб, характеризуя формализацию как базовый принцип организации делового текста, указывает на необходимость рассмотрения проявлений этого принципа в свете нескольких планов: членение текста на сегменты, архитектоники, логической организации текста, семантической стороны организации текста и языкового его оформления [9, с. 107].

В рамках данной работы мы сосредоточим внимание на способах проявления принципа формализации с акцентом на сегментации и архитектонике на примере текстов судебных решений стран англо-саксонской правовой системы.

Текст, являясь коммуникативной единицей высшего уровня, может быть рассмотрен с точки зрения формального аспекта как специфическое языковое структурное образование, в референциальном аспекте - как часть акта коммуникации, имеющего целью влияние на адресата (межличностный аспект) [10, с. 777]. Необходимо обратить внимание, что указанные аспекты находят свое выражение в структуре рассматриваемых нами текстов с использованием как языковых, так и паралингвистических средств, среди которых авторы выделяют графическую сегментацию, параграфирование, шрифтовый набор, отступы и интервалы [7, с. 1179]. Использование указанных средств обусловлено необходимостью фиксации внимания адресата на конкретных частях текста.

Рассматривая тексты судебных решений в свете триады «автор-текст-реципиент», необходимо обратить внимание на следующее. И. С. Алексеева указывает, что «источником юридических текстов являются профессиональные юристы» [1, с. 216]. Поскольку объектом настоящего анализа являются решения верховных судов стран англо-саксонской правовой системы, необходимо также отметить, что решения принимаются судом коллегиально, следовательно, источник рассматриваемых текстов коллективный. Указанная особенность находит свое непосредственное отражение в композиции и реквизитах текстов рассмотренных судебных решений. Поскольку каждый судья имеет право выразить особое мнение по делу, не совпадающее с мнением большинства, в композиционном плане указанная особенность находит свое выражение в выделении особого мнения в отдельный раздел тем или иным образом. Так, например, в решении Верховного суда Канады по делу «MacDonald v Canada» особое мнение судьи Côte J. отражено в отдельных параграфах (46-88), на что также указывается во вводной части решения. Сходную структуру (без отражения во вводной части) имеет решение Верховного суда Австралии по делу «De Silva v The Queen».

Относительно реципиента рассматриваемого типа текстов отметим, что, в первую очередь, текст судебного решения адресован сторонам судебного спора. Кроме того, принимая во внимание прецедентный характер судебной практики в странах англо-саксонской правовой системы, можно также сделать вывод о том, что реципиентом данной категории текстов выступает как судейский корпус, так и все юридическое сообщество.

Рассмотрим характер реализации принципа сегментации на примере судебных решений верховных судов стран англо-саксонской правовой системы. В качестве материала исследования в настоящей работе использованы судебные решения, размещенные на официальных сайтах верховных судов Великобритании, Канады, Австралии и США – стран, принадлежащих одной правовой семье.

Согласно нашим наблюдениям, тексты судебных решений как деловой тип текстов характеризуются членением на самостоятельные элементы, что обусловлено задачами их стандартизации и унификациии. Важно отметить, что традиционная композиция любого судебного решения имеет трехчастную структуру: вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная части. Так, проведенный анализ судебного решения Верховного суда Канады, вынесенного по делу «MacDonald v. Canada» показал, что указанное решение суда может быть условно разделено на смысловые части, соответствующие вышеуказанной трехчастной структуре, при этом каждая из отмеченных частей в свою очередь подразделяется на более мелкие и содержит множественные реквизиты.

В частности, вводная часть решения, выполняющая функцию «предисловия», вводит адресата в курс правовой ситуации, послужившей предметом судебного разбирательства. Так, во вводной части рассматриваемого судебного решения указываются: наименование суда (Supreme Court of Canada); сведения об истце по апелляции (James S.A. MacDonald), ответчике (Her Majesty Queen); даты слушания дела в апелляционном порядке (October 17, 2019) и вынесенного решения (March 13, 2020); содержание судебного решения (перечень параграфов), а именно: основания для пересмотра решения, основания для вынесенного решения (Reasons for Judgment), основания для особого мнения (Dissenting Reasons); индекс дела (MacDonald v. Canada), номер документа (38320); состав суда (Wagner C.J. and Abella, Moldaver, Karakatsanis, Côté, Brown, Rowe, Martin and Kasirer JJ.), ключевые слова (Taxation – Derivative contracts – Hedging – Subjective and objective intention – Linkage, etc.).

Сходную структуру, но с некоторыми изъятиями, обнаруживает и решение Верховного суда Великобритании по делу «Perry v Raleys Solicitors». Так, в нем отсутствуют содержание решения, а также ключевые слова, в остальном решение содержит схожие реквизиты. Помимо истца и ответчика есть также указание на представителей сторон (Instructed by…)

Особый интерес представляет структура вводной части решения Верховного суда США. Так, например, в судебном решении по делу «Nebraska v. Parker» самому решению предшествует краткое его изложение (Syllabus). Следующая за ним вводная часть судебного решения содержит: наименование суда (Supreme Court of the United States); сведения об истце по апел-

ляции (Nebraska, Petitioners), ответчике (Mitch Parker); дата вынесенного решения (March 22, 2016); краткое содержание решения; номер дела (14-1406); имя судьи (Justice Thomas).

Вводная часть судебного решения верховного суда Австралии по делу «De Silva v. Queen» имеет сходную структуру, но отличается и своими особенностями. В частности, во вводной части содержится решение апелляционного суда, которое подлежит пересмотру, здесь указываются также: наименование суда (High Court of Australia); сведения об истце по апелляции (Neranjan Agrajith Kalubuth De Silva), ответчике (The Queen); дата слушания по делу (4 September 2019), вынесенного решения (13 December 2019); краткое содержание решения суда; номер дела (B24/2019).

Таким образом, вводная часть имеет место в рассмотренных судебных решениях всех стран. Реквизиты, содержащиеся во вводной части варьируются, вместе с тем, некоторые из них, необходимые и достаточные для того, чтобы однозначно идентифицировать конкретное дело среди прочих, являются универсальными, а именно: наименование суда, сведения об истце и ответчике, дата вынесенного решения, номер дела.

Описательно-мотивировочная часть является ключевой и самой обширной составляющей судебного решения, поскольку она направлена на обеспечение принципа законности и обоснованности при принятии решения. Подтверждением этому служат приведенные выше судебные решения, анализ которых показал следующее. Процесс обоснования судебного решения имеет типичную структуру. Так, в первую очередь, имеет место описание фактической стороны дела. Указанная часть решения может быть выделена в отдельный подраздел и обозначена графически (например, «Introduction» или пронумерована) или не иметь подобного оформления. Анализ содержания указывает на первоочередное изложение в судебном решении фактов, ставших причиной конкретного судебного слушания.

За изложением фактической стороны дела (описательной частью), следует правовое обоснование позиции суда по данному делу – мотивировочная часть решения. Последовательным и логически точно выстроенным представляется обоснование решения составом Верховного суда Канады по делу «MacDonald v. Canada», где в мотивировочной части графически выделены смысловые части:

- ссылки на прецеденты (отдельно судей с совпадающим мнением и отдельно судьей, выразивших особое мнение по делу). Важно отметить графическое оформление каждого наименования прецедента (курсив), что значительно облегчает восприятие текста реципиентом во всех рассмотренных в рамках настоящей работы судебных решениях;
- ссылки на нормативную базу;
- ссылки на доктринальные источники.

Данная последовательность представляется весьма убедительной, принимая во внимание иерархию источников права в странах англо-саксонской правовой семьи. Далее следует собственно обоснование принятого решения (разбито на параграфы), и оно вновь подразделяется на совпадающее и особое мнение судей со ссылками на соответствующие источники.

Решение Верховного суда Великобритании по делу «Perry v Raleys Solicitors» также содержит раздел, посвященный отсылкам к прецедентному праву («The Law about Causation in Professional Negligence cases»). Далее судом рассматривается и подвергается оценке решение апелляционного суда в двух ключевых аспектах (разделены структурно и обозначены графически): подход суда к вопросам права («The Judge's Approach to the Law») и определение судьей фактической стороны дела («The Judge's Determination of the Facts»).

Решение верховного суда США по делу «Nebraska v. Parker» содержит мотивировочную часть, которая обозначена латинской цифрой «II» и содержит подразделы, обозначенные литерами «A», «B», «C».

Примечательно, что в решении верховного суда Австралии по делу «De Silva v. Queen» вся описательно-мотивировочная часть разбита на два пункта: совпадающее мнение судей Kiefel CJ., Bell J., Gadeler J. и Gordon J. и особое мнение судьи Nettle J.

Структурно-семантический анализ судебных решений показал наличие резолютивной части в каждом из них. Вместе с тем, можно отметить следующие особенности. В решении верховного суда Австралии по делу «De Silva v. Queen» резолютивная часть решения находится не в конце решения, но предшествует описательно-мотивировочной части и заключению судьи, выразившего особое мнение по делу. В решении Верховного суда США по делу «Nebraska v. Parker» резолютивная часть решения отделена от описательно-мотивировочной части графически (тремя звездочками) и завершается фразой «It is so ordered», также выделенной графически (курсив, центрирование текста по правому краю). В решении Верховного суда Великобритании по делу «Perry v Raleys Solicitors» резолютивная часть не выделена в отдельный раздел, а является заключительным параграфом решения. Указанные отличия в характере выделения резолютивной части являются свидетельством сложившейся судебной практики.

В данном контексте более убедительным представляется оформление резолютивной части в решении Верховного суда Канады по делу «MacDonald v. Canada», где она, являясь параграфом текста решения, выделена графически в отдельный раздел «Conclusion». Тем самым, на наш взгляд, удачно подчеркивается связь

резолютивной части решения со всем текстом, чем обеспечивается текстовая когезия и, одновременно, реализуется принцип сегментации путем выделения ее в отдельный раздел, что качественно влияет на восприятие текста как профессиональным, так и непрофессиональным реципиентом.

Таким образом, визуально-пространственная сегментация является важным принципом организации текста судебного решения. Анализ показал, что судебные решения разных стран одной правовой семьи обладают как сходными чертами, так и уникальными особенностями. На наш взгляд, некоторые такие особенности членения текста могут быть охарактеризованы как позволяющие наиболее универсально организовать и направить восприятие реципиентом информации. К таким чертам могут быть отнесены, помимо общепринятых (параграфирование, курсив текста, нумерация), также выделение в качестве самостоятельных частей:

- ключевых слов («CATCHWORDS» – Верховный суд Канады, Верховный суд Австралии);
- краткого изложения содержания решения («Syllabus» – Верховный суд США);
- содержания параграфов, а именно, основания вынесения решения («Reasons for Judgment» – Верховный суд Канады) и основания для вынесения особого мнения («Dissenting Reasons» – Верховный суд Канады);
- предшествующего мотивировочной части перечня ссылок на источники согласно традиционной иерархии источников англо-саксонской правовой системы: прецеденты («Cases Cited»), статуты и нормативные документы («Statutes and Regulations»), доктрина («Authors Cited») (Верховный суд Канады).

Указанные особенности позволяет реципиенту быстро ориентироваться и адекватно воспринимать структуру и содержание судебного решения, что представляет огромную ценность, принимая во внимание общий массив прецедентной базы.

Другим важным принципом текстовой организации является архитектоника, представляющая собой фиксированность расположения компонентов текста [9, с. 110]. Предшествующий анализ показал, что для решений верховных судов стран англо-саксонской правовой системы характерна классическая трехчастная структура, включающая в себя вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части, последовательно сменяющие одна другую. Рассмотрим более подробно характер реализации принципа архитектоники на примере расположения базовых реквизитов рассматриваемых судебных решений.

Как уже отмечалось, важнейшими реквизитами любого судебного решения являются: наименование суда, состав суда, дата рассмотрения дела и дата вынесения судебного решения. Указанные реквизиты присутствуют во всех рассмотренных судебных решениях, однако характер их расположения в тексте и относительно друг друга различается. Так, наименование суда в большинстве решений располагается в самом начале, по центру и выделено крупным жирным шрифтом. Особенностью решений Верховного суда Великобритании является использование вместо письменного обозначения собственной эмблемы, расположенной по левому краю верхней строки титульного листа решения.

В связи с тем, что в данной работе рассматриваются судебные решения стран англо-саксонской правовой системы, базовым источником права которой является судебный прецедент, ключевым реквизитом здесь также является само наименование дела (например, «Perry v Raleys Solicitors», «MacDonald v. Canada» и др.). Данный реквизит располагается в текстах всех рассмотренных судебных решений в числе первоочередных во вводной части. В решении Верховного суда США наименование дела «Nebraska v. Parker» помимо вводной части также сопровождает колонтитул каждого листа решения, что одновременно служит средством обеспечения текстовой когезии.

Дата рассмотрения дела («Date of Hearing»/ «Appeal Heard») и дата вынесенного решения («Date of Judgment»/ «Judgment Rendered»), состав суда, сведения об истце и ответчике, представителях сторон также содержится во вводной части рассмотренных в рамках данной работы судебных решений, однако последовательность их различается.

Относительно описательно-мотивировочной части текста изучаемых судебных решений необходимо отметить отсутствие однозначного фиксированного расположения ее компонентов, а лишь их общую логику: описание событий, ставших предметом правового спора, и последующее обоснование принимаемого решения.

В свете данного наблюдения интересна позиция Б. Н. Ариновой, указывающей на такую специфическую черту англо-саксонского юридического дискурса, как свобода усмотрения, позволяющая судьям выражать свою позицию относительно правового спора [2, с. 465]. Данная особенность, на наш взгляд, также находит свое отражение и в расположении компонентов внутри описательно-мотивировочной части текста решения, не имеющего однозначно установленных рамок и оставляющего таким образом, свободу выражения позиции суда.

В плане легкости восприятия текста можно отметить прагматически обоснованное расположение компонентов описательно-мотивировочной части судебного решения Верховного суда Великобритании по делу «Perry v Raleys Solicitors»,

где их последовательность выглядит следующим образом: Введение («Introduction») → Содержание искового заявления («Mr Perry's claim») → положения законодательства, регламентирующие правоотношения сторон в данной правовой ситуации («The Law about Causation in Professional Negligence cases») → Подход суда к интерпретации закона («The Judge's Approach to the Law») → Определение судьей фактической стороны дела («The Judge's Determination of the Facts»).

Резолютивная часть является заключительной во всех текстах рассмотренных судебных решений, где судьи «декларируют новую значимость и создают новые высказывания, обладающие значением и силой» [2, с. 465].

Анализ особенностей фиксированного расположения компонентов текстов судебных решений разных стран англо-саксонской правовой системы позволил сделать следующие обобщающие выводы.

Обязательные составляющие текста судебного решения расположены в рассмотренных материалах в строго определенной последовательности: вводная часть → описательно-мотивировочная часть → резолютивная часть. Базовые реквизиты каждой из частей сохраняются во всех текстах судебных решений, однако, характер их расположения в решениях верховных судов разных стран не имеет фиксированных рамок и варьируется.

В качестве примера прагматически обоснованного расположения компонентов описательно-мотивировочной части, позволяющей быстро ориентироваться в структуре и содержании правового документа, можно привести следующую последовательность: введение → содержание искового заявления → положения законодательства, регламентирующие правоотношения сторон в данной правовой ситуации → подход суда к интерпретации закона → определение судьей фактической стороны дела.

Таким образом, визуально-пространственная сегментация и фиксированность расположения компонентов текста являются прагматически значимыми принципами организации текста судебного решения. Анализ показал наличие универсальных и специфических особенностей реализации рассмотренных принципов и позволил выделить те из них, которые позволяют наиболее оптимально организовать и направить восприятие реципиентом информации, содержащейся в таком важном документе, как судебное решение, а именно: ключевых слов, краткого изложения содержания решения, содержания параграфов, перечня ссылок на источники, послуживших основанием для вынесенного решения (прецеденты, статуты и нормативные документы, доктринальные источники).

Реализация в текстах судебных решений таких важнейших принципов, как визуально-пространственная сегментация в сочетании с фиксированностью расположения компонентов текста позволяет качественно организовать и направить восприятие реципиентом содержания рассмотренной категории текстов в целях однозначного и единообразного их толкования. Указанные особенности позволяют легко ориентироваться в структуре и содержании текста судебного решения, что представляет огромную ценность, принимая во внимание общий массив прецедентной базы.

Литература

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Союз, 2001. 288 с.
2. Аринова Б. Н. Изучение лингвистических особенностей письменного судебного дискурса Великобритании: формальное и содержательное обоснование подхода // Неофилология. 2020. №23. С. 463-471.
3. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта, Наука, 2008. 496 с.
4. Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001. 269 с.
5. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. М.: Флинта; Наука, 2009. 520 с.
6. Ильенко С. Г. Русистика: Избранные труды. СПб: изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 674 с.
7. Попова Е. В. Судебные решения как вид юридического текста // Вестник Башкирск. ун-та. 2017. №4. С. 1179-1185.
8. Серебрякова С. В., Жукова Е. Г. Аддитивная информативность структурно-семантических элиминаций как когнитивно-дискурсивное событие // Наука. Инновации. Технологии. 2011. №73. С. 19-23.
9. Сологуб О. П. Структурно-семантические принципы организации делового текста (на материале судебных исков и обращений в официальные инстанции) // Сибирский филологический журнал. 2007. №1. С. 107-118.
10. Таюпова О. И. Современные подходы к изучению текстов // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. №3 С. 775-779.
11. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии: СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.

References

1. Alekseeva I. S. Professional'noe obuchenie perevodchika: Uchebnoe posobie po ustnomu i pis'mennomu perevodu dlja perevodchikov i prepodavatelej (Professional Translator Training: A Tutorial on Interpretation and Translation for Translators and Educators). St. Petersburg: Sojuz, 2001. 288 p. (In Russian).
2. Arinova B. N. Izuchenie lingvisticheskih osobennostej pis'mennogo sudebnogo diskursa Velikobritanii: formal'noe i soderzhatel'noe obosnovanie podhoda (A study of the linguistic features of written judicial discourse UK: formal and substantive rationale for the approach) // Neofilologija. 2020. No. 23. P. 463-471. (In Russian).

3. Babenko L. G., Kazarin Ju. V. Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta (Linguistic analysis of literary text). Moscow: Flinta; Nauka, 2008. 496 p. (In Russian).
4. Bazhenova E. A. Nauchnyj tekst v aspekte politekstual'nosti (Scientific text in the aspect of polytextuality). Perm', 2001. 269 p. (In Russian).
5. Bolotnova N. S. Filologicheskij analiz teksta (Philological analysis of the text). Moscow: Flinta; Nauka, 2009. 520 p. (In Russian).
6. Il'enko S. G. Rusistika: Izbrannye Trudy (Russian Studies: Selected Works). St. Petersburg: RSPU named after A. I. Gercen, 2003. 674 p. (In Russian).
7. Popova E. V. Sudebnye reshenija kak vid juridicheskogo teksta (Judicial decisions as a form of legal text) // Vestnik Bashkirskirskogo universiteta. 2017. No. 4. P. 1179-1185. (In Russian).
8. Serebrjakova S. V., Zhukova E. G. Additivnaja informativnost' strukturno-semanticheskih jeliminacij kak kognitivno-diskursivnoe sobytie (Additive informativeness of structural-semantic elimination as a cognitive-discursive event) // Nauka. Innovacii. Tehnologii. 2011. No. 73. P. 19-23. (In Russian).
9. Sologub O. P. Strukturno-semanticheskie principy organizacii delovogo teksta (na materiale sudebnyh iskov i obrashhenij v oficial'nye instancii) (Structural and semantic principles of organizing a business text (based on lawsuits and appeals to official authorities) // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2007. No.1. P. 107-118. (In Russian).
10. Tajupova O. I. Sovremennye podhody k izucheniju tekstov (Contemporary approaches to the study of texts) // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2009. Vol. 14. No.3 P. 775-779. (In Russian).
11. Burd'e P. Social'noe prostranstvo: polja i praktiki (Social space: fields and practices). Moscow: Institut jeksperimental'noj sociologii. St. Petersburg: Aletejja, 2005. 576 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Суетина Олеся Геннадьевна – аспирант кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь) / reddy85@mail.ru

Information about the author

Suetina Olesya – Postgraduate student, Chair of Translation Studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University, (Stavropol) / reddy85@mail.ru

УДК 82.42
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.28

М. В. Шатских

АКТУАЛИЗАЦИЯ РЕАЛИЙ КАК ДИСКУРСООБРАЗУЮЩЕГО МАРКЕРА РОМАНА БОРИСА ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» В ИНОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье исследуются реалии в знаковом произведении отечественной и мировой литературы в переводческом аспекте. Исходя из представления основных интегративных положений междисциплинарного гуманитарного знания, теория перевода рассматривается как часть теории языка, а процесс перевода позиционируется как инокультурная интерпретация. В этой связи в качестве значимых лингвистических и филологических направлений в области теории языка называются лингвокультурология, филологическая герменевтика. В работе обобщаются частотные виды реалий и способы их реализации в инокультурной интерпретации. Проблема актуализации реалий характеризуется в трех аспектах: 1) при трансляции с ИЯ на ПЯ профессиональным переводчиком; 2) при сравнительно-сопоставительном исследовании результатов инокультурной интерпретации; 3) в прогнозируемом восприятии реакции англоязычного читателя, заинтересованного творчеством значимого в мировой литературе инокультурного автора. В анализируемом произведении отмечается высокая концентрация использования различных видов реалий, актуализирующих предметность, время, место. В силу сложности, которую представляет трансляция реалий оригинального произведения – романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго», их инокультурная интерпретация производится с использованием разных средств – описание, реже – уподобление, облегчающее восприятие текста англоязычным адресатом, вместе с тем, утрачивающее лингвокультурную информацию; а также опущение важных для понимания авторского замысла сверхфразовых единств – недопустимая стратегия при переводе, свидетельствующая о безвыходной интерпретационной ситуации. Показано, что адаптивными средствами при трансляции оригинального текста в анализируемом романе являются транскрипция, калькирование, а также, что очень важно, комментарии, данные в сносках. Делается вывод о том, что характер использованных приемов перевода свидетельствует о лингвокультурной насыщенности исходного текста, в котором реалии занимают позицию дискурсообразующего маркера. Результат сравнительно-сопоставительного анализа двух переводов романа выявляет причины разночтений исходного текста при интерпретации реалий: включение когнитивного опыта двух коллективно-авторских вариантах перевода не обеспечивает так называемого объективного толкования.

Ключевые слова: междисциплинарность, интегративность, реалии, маркер дискурсообразования, теория перевода, теория языка, инокультурная интерпретация.

Marina Shatskih

ACTUALIZATION OF REALITIES AS A DISCOURSE-FORMING MARKER OF BORIS PASTERNAK'S NOVEL «DOCTOR ZHIVAGO» IN FOREIGN CULTURAL INTERPRETATION

The article explores the realia in the iconic work of domestic and world literature in the translation aspect. Based on the presentation of the main integrative provisions of interdisciplinary humanitarian knowledge, translation theory is considered as part of the language theory, and the translation process is positioned as a foreign cultural interpretation. In this regard, linguaculturology and philological hermeneutics are called as significant linguistic and philological directions in the field of language theory. The paper summarizes the frequency types of realia and methods of their implementation in a foreign interpretation. The problem of actualization of realia is characterized in three aspects: 1) when broadcasting from SL to TL by a professional translator; 2) in a comparative study of the results of foreign cultural interpretation; 3) in the predicted perception of the reaction of the English-speaking reader, interested in the work of a foreign author who is significant in the world literature. In the analyzed work, a high concentration of the use of various types of realia, actualizing objectivity, time, place, is noted. Due to the complexity of the translation of the realia of the original work - Boris Pasternak's novel "Doctor Zhivago", their foreign cultural interpretation is carried out using various means - a description, less often an appraisal, which facilitates the perception of the text by an English-speaking addressee, at the same time, losing linguistic and cultural information; as well as the omission of superphrase unities, which are important for understanding the author's intent, is an unacceptable translation strategy, indicating a hopeless interpretation situation. It is shown that transcription, tracing, and, what is very important, comments given in footnotes are adaptive means for translating the original text in the analyzed novel. It is concluded that the nature of the translation techniques used indicates the linguistic and cultural richness of the source text, in which realities occupy the position of a discourse-forming marker. The result of a comparative analysis of two translations of the novel reveals the reasons for the discrepancies in the source text in the interpretation of realities: the inclusion of cognitive experience in two collective author versions of the translation does not provide the so-called objective interpretation.

Key words: interdisciplinarity, integrativity, realities, marker of discourse formation, translation theory, language theory, foreign cultural interpretation.

Современная лингвистика как междисциплинарная область гуманитарного направления приоритетно обращается к исследованиям, основанным на интеграцию таких теорий и направлений, как теория текста и дискурса, теория перевода как часть теории языка, лингвокультурология и межкультурная коммуникация. При этом проблемы теории перевода, на наш взгляд, должны рассматриваться в контексте проблем теории языка, поскольку теория перевода составляет часть теории языка, базируясь на общей методологии.

Актуальность статьи определяется интересом к общей проблеме вариативности перевода художественных текстов, в контексте которой могут найти решение частные вопросы, к примеру, касающиеся отдельных средств выражения, например, реалий, характеризующих конкретную лингвокультуру и формирующих адаптивный процесс межкультурной коммуникации. В процессе перевода художественного произведения, рассматриваемого нами как инокультурная интерпретация, перевод реалий порождает вопрос о необходимости выявления причин разночтений при существовании общих закономерностей интерпретации реалии.

Объект изучения – реалии в тексте романа «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. Предметом исследования являются способы их трансляции в сравнительно-сопоставительном аспекте в двух вариантах переводческих решений. Цель работы – установить способы трансляции различных видов реалий как одного из дискурсообразующих элементов идиостилистики романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» в процессе инокультурной интерпретации. Задачами соответственно явились: определение понятия «реалия» в различных видах; рассмотрение приемов передачи реалий; выявление частотных видов реалий и специфики их реализации в инокультурной интерпретации. Решение задач проводилось посредством применения ряда методов: наблюдение и сплошная выборка, статистический метод, контекстуальный метод, комментирование, интерпретативный метод и дискурс-анализ.

Материал исследования представлен тремя текстами – исходным романом Бориса Пастернака «Доктор Живаго» на русском языке, а также текстами, выполненными двумя командами переводчиков, в каждой паре их которых по одному носителю русской и англоязычной лингвокультуры. М. Хэйуорд и М. Хэрари (1958), Р. Пивер и Л. Волохонская (2010).

Научная новизна характеризуется герменевтико-интерпретативным подходом, впервые предпринятом в данной работе, с целью проанализировать реалии, рассматриваемые в качестве доминантных маркеров идиостиля Бориса Пастернака, при сравнительно-сопоставительном анализе демонстрирующие неоднозначное переводческое решение в коллективно-авторской интерпретации.

Теоретическая значимость работы состоит в позиционировании процесса перевода реалий как процесса инокультурной интерпретации.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования результатов на занятиях по теории и практике перевода, филологическому анализу, интерпретации художественного текста.

Методологическая основа работы представлена трудами, формирующими междисциплинарный характер исследования: по герменевтике и проблемам текста, лингвокультурологии, теории перевода, в частности по вопросам интерпретации реалий (Г. И. Богин, А. Вежбицкая, С. Влахов и С. Флорин, В. С. Виноградов, В. В. Красных, Л. Л. Нелюбин, А. В. Федоров, А. Д. Швейцер, Л. В. Щерба и мн. др.).

Понимание художественного произведения другой культуры содержит механизм дешифровки национального культурного кода, частью которого является языковой код, представленный, прежде всего, национально-культурными реалиями, своеобразными трансляторами национального колорита [7]. Исходное условие понимания, не привязанное к инокультурному фону, представляет собой немаловажную проблему, изучение которой имеет солидную традицию в области филологической герменевтики, исследующей проблемы связи понимания и интерпретации через рефлексию [2]. Инокультурная интерпретация реалий знакового произведения как культурно значимого текста сопряжена с пониманием исходных смыслов, заложенных в них и механизмы феноменологической рефлексии и рефлексии ноэматической, применяемой переводчиками представляют наиболее эффективные приемы вскрытия домирнантных в исходной лингвокультуре глубиных смыслов [3].

Реалии – это слова и словосочетания в качестве носителей национально-исторического колорита, обозначающие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому. Обычно они, не имеющие эквивалентов в других языках, требуют особого подхода при переводе [6, с. 257]. Аналогичное определение, с привлечением терминов лингвокультурологии, находим у А.Д. Швейцера: реалии – единицы национального языка, реферирующие к специфическим объектам, относящимся к одной лингвокультуре и отсутствующим в сопоставляемой лингвокультуре [16]. Дефиниция понятия связана с указанием на дифференцирующие критерии: предмет, место, время [5]. Перечисленные реалии актуализируются в таких реалиях-словах, как антропонимы; конкретные понятия; фразеологизмы, устойчивые фразы и выражения; абстрактные понятия; топонимы; историзмы и анахронизмы.

Таким образом, реалии как понятие определяются в двух ипостасях – «реалии-предметы» и «реалии-слова», между которыми и возникает проблема установления соответствий при переводе. При этом вводятся следующие элементы, формирующие понятие «реалия»: экстралингвистические факторы; слова/выражения, номинирующие предметы, понятия, ситуации, отсутствующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке; слова, выражающие национальную специфику [10, с. 170]. Грамотная адаптация национально-культурных реалий в литературном произведении, совершаемая переводчиком, обусловливает успешный диалог читателя с иноязычным автором. Данный процесс наиболее емко представлен в художественном переводе. При этом формулируются два основных вопроса: что и как мы переводим. «Что» связывается с проблемой единицы перевода; «как» ориентировано на средства их репрезентации. Выделение единиц перевода разных уровней (фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложения и тексты) зависит от (экстра)лингвистических факторов – профессионализма переводчика и специфики языков, участвующих в переводе. Единица перевода трактуется как: наименьшая единица исходного текста, имеющая соответствие в переводном тексте; может быть многосоставна, но ее отдельно взятые части не переводятся, ввиду отсутствия соответствий в тексте перевода [1]; шире она рассматривается как «отдельный абзац в его лингвистическом, лингвострановедческом, литературном или стилистическом определении» [12, с. 107]; это – «единица речи, требующая самостоятельного решения на перевод», среди которых «штампы, ситуационные клише, термины, пословицы и образные выражения» [9, с. 166]; для письменного перевода данной проблемы не существует, ввиду ее различного объема – от слова до текста, в зависимости от идеи, стиля, речевой характеристики персонажа [14]. Первоначальным понятием адаптационного свойства стал термин «эквивалент слова», введенный Л. В. Щербой, понимаемый как группа слов, обозначающая одно и то же понятие [18, с. 72].

Определение реалий как самостоятельных объектов перевода обусловливает наличие методов и приемов, необходимых для их трансляции из одного инокультурного текстового пространства в другое. Среди них – транслитерация, транскрипция, калькирование, полукалька, описательный перевод, трансформационный перевод. Транслитерация и транскрипция понимаемые как «материальное заимствование», заимствование в собственном смысле [8, с. 112], чаще всего применяются при трансляции антропонимов. Калькирование считается «наиболее приемлемым средством компенсации фразеологической лакунарности». При отсутствии возможности использования калькирования, прибегают к описательному переводу [17, с. 178]. Полукалькирования – это фрагментарные заимствования, «состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала другого языка». Описательный перевод – самый распространенный способ; это – передача значения лексической единицы при помощи развернутых словосочетаний, эксплицирующих ее значение, то есть дающих более или менее полное объяснение или определение значения на ПЯ [16]. В случае искаженной рецепции, связанной с недопониманием читателем инокультурных реалий-слов, возникает необходимость во введении сносок с комментариями переводчика. Приблизительный перевод – один из способов трактовать безэквивалентную лексику, «родо-видовая замена, функциональный аналог и описание, объяснение, толкование» [5, с. 120]. Трансформационный перевод – межъязыковые преобразования при отсутствии эквивалента на лексико-грамматическом или текстовом уровне, способствующие полному изменению значения исходных слов [1]. Таким образом, виды и методы перевода в целом сформулированы и актуализируются на основе нежесткой оппозиции буквальный / свободный.

В контексте художественного перевода критике подвергались малейшие вольности при переводе, в котором звучало «Я» переводчика. Полагается, что с возникновением художественного перевода можно говорить о трех литературах – литературе исходного и принимающего языков и переводной, т.е. третьей литературе [16]. На наш взгляд, с учетом всех трудностей в процессе перевода как деятельности необходимо понимать статус переводной литературы в качестве третьей литературы как метафору, указывающую на сложность деятельности переводчика, что требует умения соблюдать все требования с учетом чувства меры.

Рассмотрим непосредственно, как реализуются теоретически охарактеризованные понятия на эмпирическом материале.

В произведении Бориса Пастернака «Доктор Живаго» реалии в силу их частотности в тексте, актуальности во всех трех позициях, относящихся к предметам, месту и времени, представляют особый интерес для лингвокультурологического исследования. Сложный процесс адаптации реалий в ходе инокультурной интерпретации, ведущий к неоднозначным решениям, свидетельствует о высокой лингвокультурной значимости и определенной специфичности исходного текста, в связи с этим они могут рассматриваться в качестве дискурсообразующих маркеров идиостиля писателя. В романе реалии репрезентированы весьма разнообразно: пища и напитки; одежда, обувь и головные уборы; жилье с внутренним убранством, транспорт и профессии; обычаи

и ритуалы; мифология и религия; мера и денежные знаки; общественно-политическая сфера – административно-территориальное устройство, звания, степени, титулы, обращения, учреждения.

Обратимся к контекстам, в которых представлены бытовые реалии с национальным колоритом. В первой части романа ночью маленький «Юра в одной рубашке подбежал к окну и прижался лицом к холодному стеклу» [13, с. 7]. Для инокультурного читателя (переводчика) слово «рубашка», понимаемая нами как «ночная рубашка», в качестве единицы перевода в одном случае представляет проблему. Рассмотрим толкование, данное Хейуордом и Хэрари (1958): “with nothing on but his shirt”, где рубашка – короткая (shirt), что вызывает недоумение. Пивер и Волохонская (2010) используют корректный вариант “night shirt” («ночная рубашка»), способствующий реализации адекватного оригиналу перлокутивного эффекта.

В романе часто встречаются упоминания национальных блюд и напитков. Так, традиционные для русского православия блюда «куличи» и «пасхи», Хэйуорд и Хэрари (1958) интерпретировали сочетанием описательного варианта и транскрипции: “kulich buns” и “paskha cakes”, а Пивер и Волохонская (2010) использовали лишь транскрипцию. В том же предложении «квашеную капусту» Хэйуорд и Хэрари интерпретировали посредством немецкого “sauerkraut”, известного английскому читателю. При этом в контекст привносится иная культурная коннотация. С учетом того, что в этом же эпизоде дается описание солдат, недавно воевавших в Первой мировой войне против немцев, описательный вариант Пивера и Волохонской “pickled cabbage” («маринованная капуста») мы считаем предпочтительным и нивелирующим негативные обертоны в немецкоязычном варианте трансляции.

В позиции «виды труда и занятия» приведем следующий пример: слово «извозчик» в переводе 1958 года – “sleigh driver” («водитель саней»). Такой описательный вариант выглядит адекватно, поскольку в контексте оригинала речь шла о зиме и санках. Во втором варианте ему соответствует слово “cabby”, имеющее два значения: таксист и извозчик. Первый контекстуально-описательный вариант в силу лингвокультурной маркированности представляется лучшим решением, так как лексема “cabby” несет в себе дополнительные культурные коннотации, актуализирующие англоязычное восприятие (ср. cab).

Обращение как реалия – важная позиция для этого произведения, поскольку роман описывает период, когда из употребления постепенно начинают уходить старые формы обращения (сударь, сударыня, милостивый государь и т. д.) и вместе со сменой власти появляются новые формы обращения (гражданин, гражданка, товарищ). Отобразить специфику смены подобных обращений – сложная задача для инокультурной интерпретации. Рассмотрим, к примеру, обращение «товарищ» в следующем контексте: доктор попросил портниху Тунцеву постричь Живаго после его дезертирства из партизанского отряда и долгого пешего пути в город Юрятин. Призывая Живаго сидеть неподвижно, она говорит: «Опять вы за свое, товарищ дорогой?» [13, с. 493]. Заметим, что обращение «товарищ» только начало входить в широкое употребление для обозначения марксистов, что не соответствовало личности Живаго в данный момент. При этом лексема «дорогой» вносит ласково-иронический характер в это обращение. Хэйуорд и Хэрари интерпретировали его как “my dear man” («дорогой мой человек»), использовав лексику с широким значением, а Пивер и Волохонская – “dear comrade”, дословный вариант оригинала. В первом случае контекстуальный колорит утрачен. Во втором – он сохранен посредством использования со временем устоявшихся понятий. Определенные сложности могли возникнуть с фамильярным обращением к мужчине «батенька». В первом варианте ему соответствует “my dear fellow” («мой дорогой приятель»), в новом варианте ему соответствует “old boy” («старина»). В обоих случаях используется уподобление на семантическом уровне при потере стилистического, соответственно, национального колорита.

Сложность трансляции национального колорита демонстрируется на материале этнографических и мифологических реалий. Показателен пример образа юродивой оборванки, данного соответствующим словосочетанием: «У этого окна стоял церковный староста и громко на всю церковь, не обращая внимания на службу, вразумлял какую-то глуховатую юродивую оборванку, и его голос был того же казенного будничного образца, как окно и переулок» [13, с. 78]. У Хэйуорда и Хэрари «юродивая оборванка» интерпретируется как “half-witted beggarwoman” («слабоумная попрошайка»). Используя описательный прием, они передали лишь негативную коннотацию, упустив важную часть национальной культуры. Тот же прием позволил Пиверу и Волохонской точнее передать семантику – “a ragged holy fool” («одетая в лохмотья святая дура/сумасшедшая»), при отсутствии значения национального компонента. Верное переводческое решение в данном случае, как и во многих других, возможно лишь при обращении к объяснению, комментированию. Такого же подхода требуют интерпретации божеств, сказочных существ, легендарных мест. Так, для передачи слова «богатырь» на английский язык Хэйуорда и Хэрари использовали слово с широким значением: “hero” («герой»). В варианте Пивера и Волохонской нет опущения, имя передано при помощи транскрипции: “Ha, ha, ha! A mighty

man! Ha, ha, ha! Eruslan Lazarevich!" [19, p. 111] («Ха-ха-ха! Могучий человек! Ха-ха-ха! Еруслан Лазаревич!») Слово «богатырь» здесь передано при помощи описательного варианта "mighty man", а также сноски с подробным объяснением истории этого героя народных сказок.

Ландшафт, пейзаж, животные и растения с национальным колоритом также представляют сложность для инокультурной интерпретации. В песне Кубарихи звучит строчка: «То все травушки-муравушки уплетаются…» [13, с. 366]. В варианте Хэйуорда и Хэрари «травушка-муравушка» – лексическая единица с широким значением: "The grass" («трава»), у Пивера и Волохонской наблюдаем описательный вариант: "All the grassy masses" («все покрытые травой массы»). К сожалению, ни один из вариантов не может передать поэтичность народной песни, а словосочетание "grassy masses" скорее применительно для научного дискурса.

В романе «Доктор Живаго» описываются события, коренным образом изменившие общественный порядок в стране. В реалиях государственно-административного устройства и общественной жизни запечатлена история России в начале XX века, поэтому на интерпретацию в этой категории стоит обратить особое внимание. Государственные учреждения советского периода знамениты своими сокращениями и аббревиатурами. Так, «райсовет» (районный совет) Хэйуорд и Хэрари перевели как "borough council"» («городской/районный совет»), используя калькирование. У Пивера и Волохонской – это "district soviet" («районный совет»), посредством калькирования и транскрипции.

Рассмотрим топонимы. Интересно предложение, в котором Пастернак перечисляет все города и села, через которые пролегал старый почтовый тракт. Это 12 названий самых разных типов населенных пунктов, среди которых – «город», «станица», «починок», «слобода», «станок», «заимка», «посад» и «село». В варианте 1958 это предложение опущено. Хотя из предыдущего предложения «Стояли города, села, станки» [13, с. 390], интерпретированного как "There were towns, villages, and Cossack settlements along the highway" [20, p. 376] («Вдоль дороги были города, деревни и казачьи поселения») понятен и общий смысл абзаца. В варианте 2010 года авторы как можно точнее приблизились к оригиналу. Типы населенных пунктов они перевели соответственно: "town" («город»), "the Cossack settlement" («казачье поселение»), "«the hamlet" («селение, деревушка»), "the farmstead" («хутор; усадьба») и др. Названия переданы при помощи транскрипций: "Omelchino", "Pazhinsk", "Tysiatskoe" и др. Отметим, что перечисления в тексте оригинала нужны автору не для документальности, а для создания художественного эффекта и национального колорита. Передавая этот абзац при помощи транскрицпии, Пивер и Волохонская сохраняют фактуальную информацию, но не способны передать национальный колорит, поскольку англоязычный читатель не может увидеть внутренних форм этих названий. Два варианта решения представляют собой два удаленных друг от друга выбора.

Особую сложность при инокультурной интерпретации могут представлять русские имена как по причине наличия отчеств, но и по причине многообразия уменьшительно-ласкательных форм, образованных посредством различных суффиксов [4]. Так, в следующем примере наблюдаем три варианта имени «Иннокентий»: «Она обожала Нику и из его имени Иннокентий делала кучу немыслимо нежных и дурацких прозвищ вроде Иночек или Ноченька и возила его показывать своей родне в Тифлис» [13, с. 37]. Представляем их в следующем порядке: оригинал – вариант Хэйуорда и Хэрари – вариант Пивера и Волохонской: «Ника» – "Nika" – "Nika", «Иннокентий» – "Innokentii" – "Innokenty", «Иночка» – "Inochek" – "Inochka", «Ноченька» – "Nochenka" – "Nochenka". В них отмечаем некоторые различия в транскрипции, связанные с изменившейся традицией. В одном случае возникает вопрос с падежом и числом слова «Иночка», употребленного в род. падеже мн. ч. – «Иночек». Однако Хэйуорд и Хэрари восприняли единицу перевода в именительной форме, подобно традиционным польским именам. В целом следует заметить, что при транскрипции теряются дополнительные коннотации, придающие, как правило, этим именам уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Обобщим результаты наблюдения и сравнительно-сопоставительного анализа двух инокультурных интерпретаций оригинального текста. В первом случае вариант Макса Хэйуорда и Мани Хэрари отличается более частым употреблением нейтральной лексики, чем в оригинале, полном просторечий. Многие из русских реалий передаются либо при помощи лексики с широким значением, либо посредством описания, реже – уподобления, что позволяет инокультурному читателю лучше воспринимать текст, при потере значительной части национально-культурной информации. Переводчики осуществляют также опущение важных для художественного замысла предложений, абзацев, что неприемлемо при адекватном переводе. Во втором случае использование транскрипции и калькирования во многом позволяет Ричарду Пиверу и Ларисе Волохонской приблизить свой вариант к оригиналу. При этом далеко не во всех случаях используются сноски, что значительно затрудняет понимание текста, а скрупулезное следование тексту оригинала иногда приводит к чрезмерному буквализму, что делает английский текст неестественным и сложным для понимания. Однако следует признать, что именно

введение в пространство повествования подобных маркеров формирует единое дискурсивное пространство, репрезентирующее лингвокультуру как доминантный бэкграунд исходного и переводного текстов.

Таким образом, проблема актуализации реалий выявляется при инокультурной интерпретации в нескольких ипостасях:

1) в процессе перевода с ИЯ на ПЯ профессиональным переводчиком;
2) при сравнительно-сопоставительном анализе результата этих интерпретаций;
3) в прогнозируемом восприятии реакции заинтересованного инокультурного читателя, учитывая фигуру автора оригинального текста, его роль в мировом литературном процессе.

Исходя из интегрированности названных позиций, проблему перевода целесообразно рассматривать как проблему инокультурной интерпретации, в результате которой адекватная рецепция новых текстов, данных в ПЯ, будет обусловлена учетом принципа междисциплинарных связей направлений, формирующих как область теории языка, так и область различных концепций гуманитарного знания.

Сравнительно-сопоставительный анализ двух переводов романа Бориса Пастернака указывает на причины разночтений исходного текста при интерпретации реалий. Несмотря на, казалось бы, равнозначный статус переводчиков относительно их языковой компетенции, реалии в их интерпретациях актуализируются по-разному. В инокультурной интерпретации, таким образом, значение приобретает весь когнитивный опыт переводчика, включая особенности восприятия фактов действительности, которые, в свою очередь, должны не только адекватно транслироваться, но и восприниматься читателем – целевым участником художественного дискурса.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Изд-во ЛКИ, 2014. 240 с.
2. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь: Психология и Бизнес, 2001. 731 с.
3. Бредихин С. Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации. Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 458. URL: http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=13920 (Дата обращения: 21.01.2020).
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
5. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: ИОСО РАО, 2001. 224 с.
6. Влахов С. И. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 344 с.
7. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
8. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
9. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999. 176 с.
10. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь 5-е изд. М.: Флинта, 2016. 320 с.
11. Огнева Е. А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода: Монография. М.: Эдитус, 2012. 234 с.
12. Ольховников Д. Б. Проблемы адекватной передачи языковых единиц текста при переводе. Семантика текста и проблемы перевода. М.: АН СССР ИЯ, 1984. С. 103 – 112 с.
13. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. М.: Эксмо, 2010. 704 с.
14. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Библиотека лингвиста, 2007. 244 с.
15. Садыкова М. Г. Социо- и лингвокультурологические проблемы адаптации коннотативных единиц языка в тексте. Проблемы культурной адаптации текста. Воронеж: Центр «Русская словесность», 1999. 278 с.
16. Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан: Кордис, 1997. 197 с.
17. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
18. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1958. 180 с.
19. Pasternak B. Doctor Zhivago. Translated from the Russian by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York: Vintage, 2010. 675 p.
20. Pasternak B. Doctor Zhivago. Translated from the Russian by Max Hayward and Manya Harari. New York: Pantheon Books, Inc., 1958. 592 p.

References

1. Barhudarov L. S. YAzyk i perevod. Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda (Language and translation. Problems of the general and specific theory of translation). Moscow: LKI publ., 2014. 240 p. (In Russian).
2. Bogin G. I. Obretenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v filologicheskuyu germenevtiku (Attainment of understanding skill: Introduction to philological hermeneutics). Tver', 2001. 731 p. (In Russian).
3. Bredikhin S. N. Skhemopostroenie v ramkakh metaedinits germenevticheskogo protsessa ponimaniya i interpretatsii (Scheme derivation within metaunits of hermeneutic processes of understanding and interpretation) // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (Modern problems of science and education). 2014. No. 4. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/ view?id=13920 (Accessed: 21.01.2020). (In Russian).

4. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie (Language. Culture. Noesis). Moscow: Russkie slovari, 1997. 416 p. (In Russian).
5. Vinogradov V. S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) (Introduction to translation science (general and lexical questions). Moscow: IOSO RAO, 2001. 224 p. (In Russian).
6. Vlahov S. I. Neperevodimoe v perevode (Untranslatable in translation). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 344 p. (In Russian).
7. Krasnyh V. V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lekcij (Ethno psycholinguistics and linguoculturology: lecture course). Moscow: Gnozis, 2002. 284 p. (In Russian).
8. Maslov YU. S. Vvedenie v yazykoznanie (Introduction to linguistics). 2nd izd., pererab. i dop. Moscow: Vysshaya shkola, 1987. 272 p. (In Russian).
9. Min'yar-Beloruchev R. K. Kak stat' perevodchikom? (How to become a translator?). Moscow: Gotika, 1999. 176 p. (In Russian).
10. Nelyubin L. L. Tolkovyj perevodcheskij slovar' (Translation defining dictionary). Moscow: Flinta, 2016. 320 p. (In Russian).
11. Ogneva E. A. Hudozhestvennyj perevod: problemy peredachi komponentov perevodcheskogo koda (Literary translation: problems of transferring of translation code components). Moscow: Editus, 2012. 234 p. (In Russian).
12. Ol'hovnikov D. B. Problemy adekvatnoj peredachi yazykovyh edinic teksta pri perevode (Problems of adequate transferring of language textual units by translation process) // Semantika teksta i problemy perevoda (Text semantics and problems of translation). Moscow: AN SSSR IYA, 1984. P. 103–112. (In Russian).
13. Pasternak B. L. Doktor Zhivago (Doktor Zhivago). Moscow: Eksmo, 2010. 704 p. (In Russian).
14. Recker YA. I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika (Translation theory and praxis). Moscow: Biblioteka lingvista, 2007. 244 p. (In Russian).
15. Sadykova M. G. Socio- i lingvokul'turologicheskie problemy adaptacii konnotativnyh edinic yazyka v tekste (Social- and linguoculturologycal problems of connotative language units adaptation within text) // Problemy kul'turnoj adaptacii teksta (Problems of cultural txt adaptation). Voronezh: Russkaya slovesnost', 1999. 278 p. (In Russian).
16. Chajkovskij R. R. Real'nosti poeticheskogo perevoda (tipologicheskie i sociologicheskie aspekty) (Poetic translation realities (typological and sociolinguistic aspects). Magadan: Kordis, 1997. 197 p. (In Russian).
17. Shvejcer A. D. Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty (Translation theory: status, problems, aspects). Moscow: Nauka, 1988. 215 p. (In Russian).
18. Shcherba L. V. Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike (Selekta in linguistics and phonetics). Leningrad: LSU publ., 1958. 180 p. (In Russian).
19. Pasternak B. Doctor Zhivago. Translated from the Russian by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York: Vintage, 2010. 675 p.
20. Pasternak B. Doctor Zhivago. Translated from the Russian by Max Hayward and Manya Harari. New York: Pantheon Books, Inc., 1958. 592 p.

Сведения об авторе

Шатских Марина Викторовна – соискатель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар) / marineska.simf@gmail.com

Information about the author

Shatskih Marina – applicant, Chair of French Philology, Kuban State University (Krasnodar) / marineska. simf@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(43-46).092
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.29

А. А. Вартумян

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: СПОРНЫЕ ТЕРРИТОРИИ И ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЕ (1938 – 1949 гг.)

[Рецензия: Сальков А.П. Национально-территориальные конфликтов в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938 – 1949 гг.). Минск: БГУ, 2019. – 743 с. (70,7 п.л.).]

Arushan Vartumyan

HISTORY OF NATIONAL-TERRITORIAL CONFLICTS IN CENTRAL EASTERN EUROPE: DISPUTED TERRITORIES AND THEIR SETTLEMENT (1938 – 1949)

[Review: Salkov A. National-territorial conflicts in Central and Eastern Europe in the foreign policy of the USSR (1938 - 1949). Minsk: BSU publ., 2019. 743 p. 500 copies]

Отечественная историческая наука давно не радовала ученых изданием подобного масштаба. Ученый из Минска Сальков А.П. в издательстве Белорусского государственного университета издал в 2019 г. объемный труд «Национально-территориальные конфликтов в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938 – 1949 гг.)».

Сальков А.П. восполнил пробел в отечественной историографии, уделяя внимание балансу исторических и этнических аргументов на обладание спорной территорией, их использованию конфликтующими сторонами и великими державами в своих региональных и геополитических интересах. Благодаря высочайшему профессионализму, кропотливому и скрупулезному исследованию источников, тщательному анализу последних достижений европейской историографии удалось создать уникальный труд, существенно расширяющий представления военных и дипломатических событиях в Центрально-Восточной Европе в 1938 – 1949 гг.

Монография включает в себя введение, восемь глав, заключение, список использованных источников и литературы, именной указатель, географический указатель, список карт, список условных сокращений.

Во введении автором утверждается тезис о том, что в историческом славяноведении и восточноевропейском регионоведении одним из наименее изученных вопросов остается проблема национально-территориальных конфликтов в Центрально-Восточной Европе в период Новейшего времени.

Череда конфликтов в обозначенных территориальных границах пришлась на предвоенные, Вторую мировую войну, послевоенные годы. Автор филигранно оценивает роль СССР в их разрешении от незначительной до определяющей. Конфликты между малыми государствами всегда подразумевают «заочное» участие больших государств в их разрешении. Поэтому авторская трактовка анализа предпосылок, периодизации, протекания и международно-правового урегулирования является несомненной удачей автора.

Собственно, сама новейшая история стран Центральной и Восточной Европы прошла под знаком двух мировых войн, вместила несколько этнотерриториальных и национально-государственных реструктуризацией. Современный период историй включил несколько этногражданских войн и самопровозглашенные суверенизованные политии, позволяют анализировать новый генезис незавершенности реструктуризации границ, слабосвязанных с послевоенным урегулированием. Можно согласиться с мнением автора о значительном расширении изучения феномена национально-территориального размежевания «требующего концептуального переосмысления истории международных отношений и картины политического развития стран региона».

Сальков А.П. дает свое классическое определение такой дефиниции как «национально-территориальный конфликт». Определяя, что конфликтам подобного генезиса присущи глубокие исторические корни, своя внутренняя периодизация, в рамках которой могут быть длительные

латентные этапы. Совершенно организую автор расширяет принцип историзма введением еще одного понятия «исторический узел национально-территориальных противоречий».

В авторской интерпретации это понятие звучит следующим образом – «системная совокупность нескольких взаимосвязанных национально-территориальных конфликтов в рамках обширного региона, отражающая сквозную структуру исторического процесса, которая зависит от масштаба взаимной компенсации сторон».

Исходя из данного подхода, автор выделяет девять исторически сложившихся узлов национально-территориальных противоречий в ЦВЕ:

1. Западноевропейский (Шлезвиг-Гольштейн-Эйпен-Мальмеди-Саар-Эльзас-Лотарингия-Южный Тироль);
2. Центральноевропейский (Польское Поморье – Верхняя Силязия – Судетская область – Тешенская Силезия);
3. Восточноевропейский (Западная Украина – Западная Беларусь – Виленский край – Восточная Пруссия – Мемельский край);
4. Днестровско-Прутский (Бессарабия – Северная Буковина – область Герца);
5. Верховинско-Западнокорпатский (Подкарпатская Русь с проблемой русин – Верхняя Венгрия – Братиславское предмостье - Бургенланс);
6. Трансильванско-Нижнедунайский (Банат – Северная Трансильвания – Южная Добруджа);
7. Южноальпийско-Североадриатический (Словенская Каринтия – Словенские районы Южной Штирии – Юлийская Крайна – Триест – Истрия – Далматинские острова);
8. Пиндско-Западнобалканский (Северный Эпир – Чамерия – Косово – Леринско-Костурский район с проблемой Славяномакедонцев);
9. Пиринско-Восточнобалканский (Вардарская Македония – Западные подкраины – Пиринская Македония – Западная Фракция с проблемой помаков).

Существующий стереотип отсутствие глубинных территориальных претензиях в Европе оказался развеянным приведенными в работе фактами, которые свидетельствуют о «многослойных» и многоаспектных противоречиях, имеющих многовековую историческую константу.

Хронологические рамки рассматриваемой проблемы нижней границей обозначены 1938 годом, ознаменованный разрушением Версальской системы. Верхняя граница 1949 год совпадает с началом «холодной войны» и «устаканием территориальных претензий».

Территориальные границы и новое районирование Европы автор избрал концепцию американо-канадского историка и картографа Пола Роберта Магочия. Будучи этническим венгро-русином, П.Р. Магочий очень тонко прочувствовал этнокультурные границы региона. Его «Исторический атлас Центральной Европы» выдержал три издания (1993, 2002, 2018) и учитывает свои исторически сложившиеся, ярко выраженные политико-исторические, этнополитические и ментальные особенности.

На страницах научного издания автор предлагает исследовать последовательно в хронологических параметрах исторические формы миропорядка в европейском региональном формате:

1. Вестфальская система международных отношений (1648 – 1815 гг.);
2. Венская система международных отношений (1815 – 19 14 гг.);
3. Версалько-Вашингтонская система международных отношений (1918 – 1938 гг.);
4. Ялтинско-Потсдамская система международных отношений (1945 – 1991 гг.);
5. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. с распадом социалистического блока в Европе и самого СССР де-факто сложилась пока недефинированная и некодифицированная однополярная система международных отношений при гегемонии США с неустойчивой тенденцией к многополярности.

Сильнейшей стороной исследования является огромный по количеству и качеству обзор источников. В ходе «архивных революций» в России и странах ЦВЕ произошел взрывообразный рост массива релевантных исторических источников как за счет открывшегося доступа к архивам, так и в результате многочисленных документальных публикаций. Автор широко исследовал Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), 16 исследовательских фонда архива (фонды секретариатов наркомов и их заместителей; фонды референтур по странам; фонды международных форумов); материалы международных конференций, сессий, комиссий, совещаний; информационных бюллетеней; обзоры зарубежной прессы. Указанная документация, в высшей степени содержательная и информативная, позволила составить панорамную картину участия и роли СССР в урегулировании национально-территориальных конфликтов в ЦВЕ. Большинство документов впервые введено в научный оборот, выявлен ряд уникальных материалов. Автор досконально изучил Государственный архив РФ (ГАРФ). Особую ценность представляют фонд ТАСС – представлен архивным информационным артефактом и фонд «Особая папка» с рассекреченными донесениями дипломатов, разведки, перевозами трофейных материалов. Российский государственный социально-политической истории (РГАСПИ), фонд «Внутренние сообщения», фонд «Исполкома Комитерна», информационной бюллетени НИИ № 205 при Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ),

Фонд коллекции рассекреченных документов; Национальный архив Республики Беларусь, фонд «МИД БССР», впервые обработан и опубликован.

Документальные публикации, изданные в России и странах ЦВЕ за последние 30 лет:

- «Документы внешней политики СССР» в 30-ти томах;
- «Документы внешней политики СССР» в 10-ти томах;
- Сборники по изучению сталинизма в Восточной Европе, документальные обзорные и томатические публикации национальных источников – чехословацкие, югославские, болгарские, румынские, венгерские.

Следует признать сожаление автора о прекращении финансирования Международного фонда «Демократия» (Фонд А.Н. Яковлева), издавшего с 1997 г. около 100 томов в серии «Россия XX век. Документы».

Такой специфический источник как «Дневники» при умном прочтении дает громадный «очеловеченный» материал. Дневник Георгия Дмитрова, дневник И.М. Майского, этнографа С. А. Токарева, Галеаццо Чиано «Дневник фашиста», дневник болгарского археолога Богдана Филова – позволяют лучше прочувствовать атмосферу и противоречивость эпохи.

Историографический обзор носит откровенно страноведческий характер, автор констатирует отсутствие обобщающих трудов по тематике, и рецензируемая монография является единственной и всеохватывающей по роли СССР в конфликтах 1938 – 1949 гг.

Следует согласиться с авторской мыслью о том, что широта дискурсного поля, важность и недостаточная изученность проблематики обусловили привлечение весьма широкого круга источников и исследовательской литературы на языках почти всех стран региона, что повлекло значительный объем книги. Однако в рецензируемой работе автором не ставилась задача воссоздания всеобъемлющей картины национально-территориальных конфликтов в ЦВЕ в силу масштаба и сложности вопроса. Предпринятый автором опыт разработки данной темы связан с надеждой на импульс к дальнейшему изучению с учетом ее постоянно растущей остроты и актуальности, возведением коммеморативных практик и политики исторической памяти в государственный ранг, воздействием новых политических реалий и центробежных национальных процессов в современном мире.

Особую ценность в монографии представляет картографический материал. Каждая глава и параграф сопровождаются красочными на языке оригинала картами, которые сами по себе представляют научный интерес. Лейтмотивом исследования А. П. Салькова выступает мысль о том, что СССР – творец в статусе великой державы политической карты Европы, доминант советской сферы влияния до ноября 1949 г. В условиях биполярного мира в Европе воцарилась тишина и период экономического процветания и успехов социалистического лагеря. Произошла грандиозная депортация населения Европы (20 млн человек).

Историческая наука пополнилась интереснейшим изданием, насыщенным энциклопедическим содержанием. Пожелания автору будут следующие: «разбить» весь труд на 3-4 тома, основав серию изданий «Трансформации в Европе», придав территориальному подходу источниковедческое и историографическое дополнение.

Сами документы уникальны и их включение в приложениях, несомненно, увеличат научную ценность изданий.

Автору пожелаем заявленную тему продолжить до новых хронологических рубежей и условий современного мира.

Сведения об авторе

Вартумян Арушан Арушанович – доктор политических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / pragpu@mail.ru

Information about the author

Vartumyan Arushan – Doctor of Political Sciences, Professor, Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / pragpu@mail.ru

НЕКРОЛОГИ

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ ПЛОХОТНЮК (7.11.1958 г. – 30.12.2020 г.) известного ученого, педагога, друга…

IN MEMORIAM OF TAT'YANA PLOKHOTNYUK (7.11.1958 – 30.12.2020)

Российская историческая наука понесла большую утрату. Ушла из жизни Татьяна Николаевна Плохотнюк, известный ученый, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. Не стало нашего коллеги, друга, человека в котором удивительным образом сочетались широта ума, глубина души, добропорядочность, сердечность и чувство долга. Она ушла от нас под занавес непростого 2020 года, тогда, когда мы все по-новому стали осознавать эти человеческие качества через призму общей беды и общей опасности.

Вся жизнь Татьяны Николаевны Плохотнюк (урож. Чмыкалова) была посвящена служению науке и образованию. Она родилась 7 ноября 1958 г. в с. Кучерли Благодарненского района, Ставропольского края в семье рабочих. После окончания с отличием в 1983 г. факультета истории и английского языка Ставропольского государственного педагогического института она получила распределение в среднюю школу №1 в г. Усть-Джегута Карачаево-Черкесской автономной области. Пять лет проработала в школе учителем истории, позже заместителем директора по воспитательной работе школы № 26 г. Ставрополя.

В 1989 г. Татьяна Николаевна пришла работать в родную альма-матер, старшим преподавателем кафедры всеобщей истории исторического факультета Ставропольского государственного педагогического института. Вся ее дальнейшая педагогическая и научная деятельность были связаны со Ставропольским государственный педагогическим институтом – Ставропольским государственным университетом – Северо-Кавказским федеральным университетом. В 1994 г. она была переведена на кафедру истории России, где работала до конца своей жизни.

Особое влияние на профессиональное становление Татьяны Николаевны, еще в студенческие годы, оказала профессор Невская Валентина Павловна. Под ее руководством Т. Н. Плохотнюк выполняла свое первое диссертационное исследование, посвященное истории немцев Северного Кавказа. Интерес к этой теме зародился в 1990 г., когда Татьяна Николаевна познакомилась со статьей крупнейшего специалиста по истории заселения степного Предкавказья А.С. Чекменева «Иностранные поселения на Ставрополье» и начала заниматься историей российских немцев. В 1996 г. Татьяна Николаевна успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.)» в диссертационном совете Ставропольского государственного университета. Все последующие годы она хранила верность своему выбору в науке. В 2004 г. там же успешно прошла защита ее докторской диссертации на тему «Российско-германские трансграничные перемещения населения 1871–1925 гг.: историко-компаративный анализ». Научным консультантом был доктор социологических наук, профессор В.А. Шаповалов. В основу ее работ были положены архивные документы, которые впервые вводились в научный оборот, автор восстановила факт участия немцев в заселении и освоении природных ресурсов Северного Кавказа.

За прошедшие годы Татьяна Николаевна стала крупным специалистом по проблемам немцев Северного Кавказа, своими работами получила международное признание. Она была членом Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, принимала участие в учреждении ассоциации, в 1995 г. Все годы была активным участником традиционных конференции по истории российских немцев, которые проводила ассоциация, входила в редколлегию «Ежегодника Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев». Ее статьи всегда были основаны на глубоком теоретическом анализе исторических источников.

В 1999 – 2000 гг. в качестве стипендиата Немецкой службы академических обменов Т. Н. Плохотнюк стажировалась в Институте восточно-европейских и германских исследований в городе Гёттинген (ФРГ). Принимала участие в 1999 – 2004 гг. в международном проекте «Энциклопедия «Немцы России», являлась членом рабочей группы, автором ряда статей. В 2001 и в 2002 гг. получала гранты МИД ФРГ и Министерства национальностей РФ на публикацию монографии «Российские немцы на Северном Кавказе» (М., 2001) и сборника документов: «Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX вв.)» (Ставрополь, 2002). Сегодня это настольные книги кавказоведов.

С 2009 г. активно сотрудничала с Американским историческим обществом немцев из России, принимала участие в рабочей группе по исследованиям истории северокавказских немцев (Форт-Коллинз, Колорадо, США (Colorado State University, Fort Collins, Colorado USA, Working Group of Project “Caucasus Germans Studies”); Менло Парк, Калифорния, США (Menlo Park California USA, Working Group of Project “Caucasus Germans Studies”)). Участвовала в работе Конвенции Американского исторического общества немцев из России: в 2013 г. - Форт-Коллинз, Колорадо, США; в 2015 г. - Биллингс, Монтана, США.

В сфере научных интересов Татьяны Николаевны Плохотнюк были проблемы: трансграничной миграции; интеркультурных влияний как результат миграционных процессов и социальной адаптации; влияния процессов колонизации на состояние экосистем; трансформации религиозных учений как фактор и последствие миграции; использования привлеченных ресурсов в процессе колонизации.

С 1991 по 2019 г. Татьяна Николаевна вступила с докладами на более чем 40 международных научных конференциях в России, Германии, Украине, Азербайджане, Казахстане, Канаде, в том числе на Первой конференции «Российские немцы – свидетельства их истории в постсоветских архивах» (Университет Пассау, Германия, 2015); культурно-историческом семинаре Международного Союза немецкой культуры и Института этно-культурного образования (г. Галл, Саксония, Германия, 2017); Второй конференции «Российские немцы – свидетельства их истории в постсоветских архивах» (Университет Пассау, Германия, 2017); на конференции Центра меннонитских исследований университета Виннипега (Канада, 2017), на международной научно-практической конференции Общественного Фонда Казахстанского объединения немцев «Возрождение» «Немцы Казахстана: историческая память этноса и цифровизация информационных ресурсов» (2019); на I международной научно-практической конференции Баварского культурного центра немцев из России (Bayerisches Kulturzentrum der Deutschen aus Russland e.V.) «Культура российских немцев как элемент национальной идентичности: проблемы изучения и сохранения» (г. Нюрнберг, ФРГ, 2019) и др.

В основе ее докладов лежали не только архивные документы, но и материалы экспедиций, поездок в бывшие меннонитские и немецкие колонии Северного Кавказа, которые Т.Н. Плохотнюк проводила с 2007 г. по 2010 г. В ходе них был собран полевой и этнографический материал, что позволило ей восстановить список всех немецких поселений на Северном Кавказе, составить кар-

ты их расположения, побывав в каждом из этих поселений, зафиксировать все сохранившиеся архитектурные сооружения и другие артефакты, связанные с историей российских немцев Северного Кавказа. Занималась она и популяризацией истории российских немцев, выступая с лекциями на радио и телевидении.

В последние годы Т. Н. Плохотнюк плодотворно работала над проектом создания школьного учебника по истории Ставропольского края. При ее непосредственном участии был разработан план-макет учебника, написаны ряд глав. Учебник знакомит учащихся с историей Ставропольского края с древнейших времен до наших дней. С учетом современных подходов в нем освещаются ключевые события и явления истории региона в контексте истории России. Его выход в 2021 г. будет лучшей памятью Татьяне Николаевне.

Научно-исследовательская деятельность Т. Н. Плохотнюк неотделима от ее педагогической работы. В течение многих лет она преподавала на историческом факультете Ставропольского пединститута, позже университета, с 2003 г. по совместительству работала на кафедре регионоведения и региональной экономики экономического факультета СГУ, с 2012 г. являлась профессором кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета. Много лет читала курсы по методике преподавания истории, истории государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации, «Современные проблемы исторической науки», «История иммиграций в России и на Северном Кавказе», «История России XIX в.», вела лекции на английском языке для иностранных студентов СКФУ. Являлась руководителем педагогической и научно-исследовательской практики студентов бакалавриата и магистратуры.

Татьяна Николаевна всегда была открыта новому, интересному, инновационному, отвечала на вызовы времени и задачи, которые ставило руководство университета перед кафедрой и каждым преподавателем в отдельности. В 2015 – 2016 гг. она прошла профессиональную переподготовку по программе «Мировая политика» в Центре профессиональной переподготовки Дипломатической Академии МИД Российской Федерации, когда встал вопрос об открытии нового направления «Международные отношения». Владела двумя языками: английским и немецким.

Благодаря Т.Н. Плохотнюк в университете была открыта программа магистратуры «Педагогическое образование. Историческое образования», руководителем которой она длительный период была. Татьяна Николаевна Плохотнюк успешно руководила работой аспирантов и соискателей по научной специальности «Отечественная история», являлась членом докторского диссертационного совета, созданного при СКФУ. За многолетнюю плодотворную научно-педагогическую работу, большой личный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов была награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации.

Татьяна Николаевна была замечательной, заботливой мамой и бабушкой, вырастила двух детей, успехами которых гордилась, воспитывала внучку. Татьяна Николаевна умела ценить дружбу, у нее было много верных и хороших друзей и подруг, которым ее будет очень не хвать. Она была ярким, солнечным человеком, тепла и внимания которой хватало многим. Память о ней останется навсегда в сердце каждого, кто имел счастье знать и вместе работать с Татьяной Николаевной Плохотнюк. Дело ее продолжится в трудах ее учеников, студентов и преподавателей университета.

Благодарим, скорбим, помним…

Светлая память!

Кафедра истории России
Гуманитарного института СКФУ

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ГЕОРГИЕВИЧА ПОНОМАРЕВА (18.03.1952 г. – 29.12.2020 г.) гражданина, ученого, педагога…

29 декабря 2020 года на 69 году жизни скончался Евгений Георгиевич Пономарев, ученый-историк, правовед и замечательный педагог, кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Евгений Георгиевич родился 18 марта 1952 г. в Москве, в семье военнослужащего Пономарева Георгия Филипповича. Огненные годы войны навсегда остались в памяти, сформировали характер, активную гражданскую позицию фронтовика Пономарева-отца, которые он передал своим двум сыновьям. На долю семьи Пономаревых пришлось много испытаний. Все детство Евгений и его старший брат провели в авиационных гарнизонах, разбросанных по всему СССР и за его пределами. Отец, который по профессии, как в известном советском фильме, был защитником Родины, пользовался у сыновей неограниченным авторитетом, являлся для них примером служения Отечеству. Не случайно старший брат Евгения Георгиевича Александр пошел по отцовским стопам, стал боевым летчиком. Он прошел афганскую войну, выполнял воинский долг, обеспечивая государственные интересы нашей страны в других регионах мира.

Несомненную роль в формировании личностных и профессиональных качеств сыновей, сыграла мама Евгения Георгиевича - Лидия Семеновна Пономарева, прекрасный человек и воспитатель по призванию. Она была медицинской сестрой, спасала солдатские жизни, приближая победу в самой страшной и кровопролитной войне XX в.

Успешно окончив советскую школу для детей военнослужащих в Польской народной республике, где проходил службу отец, отслужив в рядах Советской Армии (в железнодорожных войсках), Евгений в 1973 г. поступил в Ставропольский государственный педагогический институт на историко-филологический факультет.

С этого момента в его жизни начинается новый этап. Евгений Георгиевич не только блестяще учился, но и принимал активное участие в общественной жизни факультета и института. Как наиболее выдающийся студент высшего учебного заведения Пономарев Е.Г. со 2 курса стал обладателем Ленинской стипендии, самой престижной и высокой стипендии в Советском Союзе.

Одним из ярких периодов его студенческой жизни была работа в студенческих строительных отрядах, которые в 70–начале 80-х гг. XX в. действовали не только на Ставрополье, но практически по всей стране. Студенческие стройотряды, состоявшие из ставропольцев, среди которых был Евгений Георгиевич, не просто работали на стройках, они досрочно выполняли правительственный план по созданию сельскохозяйственной инфраструктуры в Казахстане и в других регионах СССР. Это было замечательное время, пора надежд и стремлений советской молодежи. Пономарев Евгений Георгиевич был награжден медалью «За трудовое отличие». Армейская закалка, работа в стройотрядах, опыт общения со сверстниками и старшими товарищами помогли Евгению Георгиевичу в будущем быть лидером во многих сферах его жизни.

Быстро пролетели студенческие радостные годы. В 1977 г. Евгений Георгиевич окончил историко-филологический факультет Ставропольского государственного педагогического института по специальности «История», квалификация «Учитель истории и обществознания» (диплом с отличием).

Его сразу же пригласили работать на трех кафедрах факультета. Он выбрал должность ассистента кафедры истории КПСС и научного коммунизма, которую в ту пору возглавлял известный ученый, доктор исторических наук, профессор Ставропольского государственного педагогического института (ныне СКФУ) Д.В. Кочура. С тех пор Пономарев Е.Г. посвящает себя служению исторической науке, одновременно сочетая научную деятельность с педагогической.

С первого шага педагогической и управленческой деятельности Пономарев Е.Г. заявил о себе как несомненный лидер, руководитель-новатор и талантливый педагог, отличающийся творческим подходом к делу, смелостью в принятии решений, внимательным отношением к преподавателям, учителям, сотрудникам, студентам, учащимся.

В 1982 г. он стал старшим преподавателем кафедры, а в 1983 г. по целевому направлению поступил в аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. В качестве научного направления аспирант Пономарев Е.Г. выбрал историю КПСС. Данная отрасль советской исторической науки в начальный период учебы Евгения Георгиевича являлась ведущей и идеологически востребованной. В 1985 г. в стране грянула «перестройка». Однако в контексте развернувшихся в стране демократизации и гласности проблемы, выбранные молодым соискателем в качестве предмета исследования, не только не утратили своего научного значения, а напротив приобрели еще большую актуальность и практическую значимость.

Годы обучения в аспирантуре не прошли даром для Евгения. В дали от дома, в непростых бытовых условиях, в напряженной исследовательской работе в столичных библиотеках и архивах он приобрел необходимый профессиональный опыт ученого, что не препятствовало ему по окончанию аспирантуры уже в Ставрополе в родной альма-матер испытать себя на управленческом поприще. В 1987 г., не оставляя научно- исследовательскую работу, Пономарев Е.Г. начал работу освобожденным секретарем парткома СГПИ.

В силу должностных обязанностей и специфики работы ему приходилось заниматься различными вопросами функционирования научных и высших учебных учреждений, школ, общественной и политической жизни города и края, культурного строительства. Организаторская и пропагандистская деятельность, помимо специальных знаний, требовала широкого кругозора, умения понимать людей, работать с ними, быть одновременно и требовательным и демократичным, тактичным и корректным. Всеми этими качествами обладал Евгений Георгиевич.

Пономарев Е.Г. вел активную социально-общественную работу. Отличительной чертой общественной деятельности ученого-пропагандиста являлось широкое взаимодействие не только с образовательными, но и с социальными учреждениями региона, институтами культуры по возрождения традиционной для Кавказа духовной культуры и сохранения национально-исторического наследия Ставропольского края.

Работа управленцем не помешала Евгению Георгиевичу в 1988 г. подготовить и успешно защитить в Ленинградском ордена Трудового Красного Знамени государственном педагогическом институте им. А.И.Герцена диссертацию «Партийное руководство советским строительством на селе в 1926-1932 годы» на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности - 07 00 01 История КПСС.

С 1990 г. по 2002 годы Пономарев Е. Г. выполнял обязанности проректора по международным связям Ставропольского государственного педагогического института, который вскоре был переименован в педагогический университет (СГПУ, а затем в Ставропольский государственный университет (СГУ). За время работы в должности проректора он внес большой вклад в дело подготовки специалистов для зарубежных стран и развития профессиональных связей между вузами г. Ставрополя и университетами Греции, Германии, Узбекистана, Вьетнама, Лаоса, Южной Кореи, США и др.

При этом, оставаясь верным своему призванию, Евгений Георгиевич не оставлял научную и педагогическую работу. Он разрабатывал учебные курсы, готовил методические пособия по дисциплинам, читал лекции, вел практические занятия на давно полюбившемся ему физико-математическом факультете СГПУ и на других отделениях университета. По итогам конкурса в 1998 г. он был избран доцентом кафедры политической истории, а 1999 г. Министерство общего и профессионального образования России присвоило ему ученое звание доцента кафедры политической истории.

Евгений Георгиевич шел в ногу со временем, его чутье ученого и исследователя подсказывало ему новое, неизведанное поле научной деятельности. Он вплотную занялся малоизвестным в то время явлением общественно-политической жизни России - парламентаризмом, который давно требовал подробного научного осмысления и оценки в историко-правовой литературе. Тема докторской диссертации, которую он избрал, называлась: «Политико-правовые основы

многопартийности в Российской империи и особенности перехода к однопартийной системе: историко-правовой анализ». Ее актуальность была и остается неоспоримой, ведь парламентская демократия во многих странах всегда была основой государственного развития. В России же на протяжении всей ее истории она не являлась эффективным представительным и законодательным органом государственной власти, представляющим самостоятельное значение в политической системе. Не имеет полноценного содержания российский парламентаризм, к сожалению, и на современном этапе.

Защита диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук успешно состоялась в 2000 году в Нижегородской академии МВД России. В 2001 г. он был избран на должность профессора кафедры политической истории Ставропольского государственного педагогического университета (СГПУ).

По проблемам истории и права им было издано более 120 научных публикаций и 6 монографий:

- Пономарев Е. Г. Российские политические партии: от кризиса к распаду. М.: МПУ «Сигналъ», 1988. 165с.
- Пономарев Е. Г. Становление многопартийной системы в России: исторический опыт и современность. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999. 249 с.
- Пономарев Е. Г. Политико-правовые основы многопартийности в Российской империи. Нижний Новгород: Институт МВД РФ, 2000. 328 с.
- Пономарев Е. Г. Образование и парламентская деятельность политических партий в России; Ставрополь: Ставропольский госуниверситет, 2000. 218 с.
- Пономарев Е. Г., Петриашвили Г. Г. Опыт правовой институционализации традиций местного самоуправления в странах Запада; СПб.: Юридический институт, 2009. 90 с.
- Пономарев Е. Г., Басов О. Г. Учение о государстве и праве в трудах теоретиков классического европейского анархизма. Ставрополь – Астрахань, СГПИ, 2012. 150 с.

Как зрелый ученый он всегда помогал молодым соискателям, передавая им свой богатый исследовательский опыт, являлся членом ряда диссертационных советов: докторского регионального диссертационного совета по юридическим наукам при государственном научном учреждении «Северо-Кавказский научный центр высшей школы» Минобрнауки РФ; докторского регионального совета по юридическим наукам при Ростовском государственном экономическом университете (РИНХ).

С новой силой талант Пономарева Е. Г. как ученого и педагога раскрылся в Ставропольском государственном педагогическом институт, куда он перешел работать из СГУ в 2002 г. В трудовой книжке значится всего два учебных заведения, где он работал: СГПИ (преобразованный в СГПУ, СГУ, СКФУ) и СГПИ, реорганизованный из педагогического училища и института детства). В 2002 г. Евгений Георгиевич был назначен заведующим вновь созданной кафедры истории и права, которая была выделена из кафедры философских и культурологических дисциплин приказом № 108 от 10.10.2002 года. Ученое звание профессора по кафедре истории и права Министерство образования РФ присвоило ему в феврале 2005 г.

Кафедра обеспечивала подготовку специалистов, бакалавров, магистров и аспирантов в области истории, обществознания и юриспруденции. Особенностью профессиональной деятельности кафедры явилось сочетание исторических и правовых дисциплин. 16 лет Евгений Георгиевич формировал историко-правовую и социально-культурную платформу подготовки студентов в системе высшей школы: от самого сложного периода становления и развития научного и творческого потенциала историко-филологического факультета до его полноценного функционирования; он видел перспективы развития высшей школы в условиях российской действительности и своевременно преобразовывал содержание образование в вузе, соответствующее меняющимся требованиям и запросам общества.

Учебно-методическая, научная и воспитательная работа коллектива кафедры, которой руководил Е.Г. Пономарев, обеспечивала подготовку и воспитание молодых учителей, отвечающих современным профессиональным и гражданским качествам, для школ г. Ставрополя и Ставропольского края, России и зарубежья.

Административная работа неразрывно связана с его преподавательской деятельностью. Евгений Георгиевич прилагал все усилия и использовал дар педагога для того, чтобы строить взаимодействие с обучающимися на основе антропологических знаний, педагогики сотрудничества, личностно-ориентированной модели обучения. Его высокий профессионализм и благородные человеческие качества побуждали всех с большим желанием идти к замечательному педагогу за знаниями, за опытом и помощью.

Глубина преподаваемого материала восхищала студентов и коллег. Студенты учились анализировать исторические источники. В ходе студенческой научно-исследовательской работы формировалось чувство сопричастности у слушателей, желание работать с первоисточниками. Результаты исследований выносились на ежегодные межвузовские научно-практические конференции «Молодежь и образование XXI века».

Свойством Пономарева Е.Г. как преподавателя и методиста было умение поддерживать связь времен, далекие события делать близкими, при-

водить примеры из личной жизни, интерпретировать исторические события на основе новых методологических подходов.

С 2003 г. Евгений Георгиевич руководил аспирантурой в Астраханском государственном университете по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, с 2009 г. – аспирантурой в ГБОУ ВПО «Ставропольский государственный педагогический институт» по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Под его руководством было подготовлено и защищено более десяти диссертаций на соискание:

а) ученой степени кандидатов исторических наук (специальность 07.00.02 – Отечественная история): Трибунских Н.И. Исторический опыт становления и развития системы советского образования в 20-30-е гг. XX в. (на материалах Ставрополья) (Владикавказ, 2015); Дюльденко А.А. Иоганн Иериг: исторический портрет представителя российской академической науки второй половины XVIII века (Ставрополь, 2017).

б) ученой степени кандидатов юридических наук (специальность 12.00.01 – теория и история права и государства; история правовых учений, преобразованная в 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве): Погожева О.В. Монархия как форма правления в Российской империи (историко-правовой аспект) (Ростов-на-Дону, 2004); Рублева О.Н. Правовое регулирование института имущественных отношений супругов в доктрине российского семейного права (историко-правовой аспект) (Ростов-на-Дону, 2004); Гулямов Р. П. Государственная измена в средневековой Англии до и после статута 1352 года (Ростов-на-Дону, 2004); Воронин Д.Ю. Государство как механизм осуществления фашистской диктатуры в Германии 1933-1945 гг. (историко-правовой аспект) (Ростов-на- Дону, 2004); Хусаинова Е.Н. Отношение личности и государства в концепциях естественного права (XVII-XIX вв.) (Ростов-на-Дону, 2004); Кинжибаев Д. Р. Политический терроризм в России в 70-80-х годах XIX века (историко-правовой аспект) (Астрахань, 2008); Ганичев И. В. Законодательное регулирование эколого-правовых отношений в Российской Федерации (Ростов на Дону, 2008); Петриашвили Г. Г. Правовая институционализация местного самоуправления в структуре гражданского общества (историко-теоретическое исследование) (Санкт-Петербург, 2010); Басов В.О. Учение о государстве и праве в трудах теоретиков классического европейского анархизма (Санкт-Петербург, 2011).

Все исследования отличались актуальностью и новизной рассматриваемых проблем, тщательно отобранными источниками и литературой. Поражает многообразие тематики научных исследований молодых ученых, которых курировал профессор Пономарев Е. Г.

На основании приказа Министерства образования Ставропольского края в структуре Ставропольского государственного педагогического института была открыта комплексная научно-исследовательская лаборатория «Антропология детства». Научным координатором программ являлся Е. Г. Пономарев, который смог в рамках лаборатории объединить усилия именитых ученых России, Северного Кавказа и Ставрополья при активном участии коллег с Украины, Белоруссии, Приднестровья, Армении, Польши, а также молодых исследователей и педагогов-практиков в решении таких приоритетных антропологических проблем, как: методологические проблемы педагогической и детской антропологии; психолого-педагогическая поддержка жизнедеятельности ребенка; антропологические проблемы специальной психологии и педагогики; проблемы педагогической и детской антропологии в области физической культуры; технологическое обеспечение антропологической подготовки педагога в системе непрерывного педагогического образования; искусство и образование: антропологические аспекты и проблемы взаимодействия и др.

Профессор Пономарев Е. Г. лично возглавлял работу временных научно-исследовательских коллективов (ВНИК) по глобальным направлениям: антропологический аспект исторического исследования: история образования, семьи и детства»; антропологический подход к изучению гуманитарных дисциплин в профильной школе; психологическое и педагогическое сопровождение учащегося в условиях профильного обучения; антропологические проблемы историко-правовых, филологических и экономических исследований; защита прав несовершеннолетних в Ставропольском крае и др.

Результатом работы команды ученых под руководством Пономарева Е.Г. явились:

1) создание портфеля нормативной базы по проблемам защиты прав ребенка на уровне субъектов федераций (в Ставропольском крае) и муниципальных образований (в городе Ставрополе) на основе издания сборников международных документы, федеральные нормативно-правовых актов, нормативных актов СК и г. Ставрополя:
   - Права ребенка: Сборник документов. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2005. 580 с.;
   - Право на образование: возможности реализации в России (Сборник документов);
   - Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2007. 528 с.

2) разработка и внедрение концепции Ставропольского национально-регионального компонента государственного стандарта среднего (общего) и высшего профессионального образования (Ставрополь, 2006) путем издания учебно-методических пособий разных жанров: библиографические указатели, научные статьи, монографии, учебно-методические пособия, хрестоматии, альманахи, например:
   - Дети города: Россия (вторая половина Х1Х – начало ХХ веков): Хрестоматия. Ставрополь, СГПИ, 2008. 228 с.;
   - Деревенские дети России XIX – начала XX вв.: Хрестоматия. Часть I; Ставрополь: СГПИ, 2009. 204 с.;
   - Деревенские дети России XIX – начала XX вв.: Северный Кавказ, Кубань и Ставрополье: Хрестоматия. Часть II. Ставрополь: СГПИ, 2009. 100 с.;
   - Дети страны Советов: 1917 – 1941 гг. (антропологический аспект): Хрестоматия. – Ставрополь: СГПИ, 2010. 252 с.;
   - Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках: библиографический указатель. Ставрополь, СГПИ, 2010. 122 с.
   - Дети войны: 1941 – 1945 гг. (антропологический аспект): Хрестоматия. Ставрополь: СГПИ, 2011. 243 с.;
   - История русского учительства: коллективная монография. Ставрополь: СГПИ, 2011. 376 с.;
   - История детства (1945-1964гг.): возрождение страны и мечты о коммунизме (антропологический аспект): Хрестоматия. Ставрополь, СГПИ, 2012. 242 с.;
   - Детство «эпохи «застоя» или «развитого социализма» (1965-1985 гг.): Хрестоматия. Ставрополь: СГПИ, 2013. 210 с.;
   - Моя родословная: биографический метод формирования российской идентичности. Методическое пособие. Ставрополь: СГПИ, 2014. 96 с.;
   - Антрополого-ориентированный подход к изучению русского языка, литературы и истории в условиях инклюзивного обучения представителей некоренного населения в средней школе: Учебно-методическое пособие. – Ставрополь, СГПИ, 2015. 202 с.;
   - Изучение проблем формирования российской государственности и расширения границ до начала XX вв. в образовательных учреждениях. Учебное пособие. Часть I. Становление российской государственности: присоединение территорий и развитие страны в доимперский период. Ставрополь: СГПИ, 2016. 287с.
   - Изучение проблем формирования российской государственности и расширения границ до начала XX вв. в образовательных учреждениях. Учебное пособие. Часть II. Россия в имперский период: колонизация, освоение новых земель, покорение и воссоединение народов в рамках единого государства. Ставрополь: СГПИ, 2017. 355 с.
3) антропологический анализ учебно-методического обеспечения исторических и филологических дисциплин в средней и высшей школе и издание ряда монографий и пособий, в числе которых:
   - Антропология детства и проблемы ювенального права. Методологические и теоретические проблемы детской и педагогической антропологии: Коллективная монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2004. 512 с.
   - Педагогическая антропология: учебное пособие. Ставрополь–Москва: Сервис-школа, 2005. 696 с. и др.

Пономарев Е. Г. всегда был организатором и активным участником различных по направленности научно-практических конференций и круглых столов, посвященных важнейшим проблемам истории педагогики и права. Многие из них навсегда запомнятся ученикам Евгения Георгиевича, студентам историко-филологического факультета СГПИ, коллегам, преподавателям других вузов, аспирантам. Это, например, мероприятия, посвященные 175–летию со дня рождения великого русского ученого, представителя российской историографии дореволюционного периода В. О. Ключевского; круглый стол «Человек в истории. Человек в культуре», посвященный известному историку-новатору И. Я. Фроянову.

Пономарев Е.Г. стал основателем научно-исследовательской лаборатории «Историческая антропология», результатом деятельности которой стали три выпуска научного альманаха «ЧелоВЕК» по различным проблемам: теоретико-методологические аспекты антропологии; история семьи и детства; благотворительность, как социальный феномен; интеллектуалы и общество; Северный Кавказ: история современности и повседневность.

Кроме того, по его инициативе на кафедре истории и права СГПИ действовало научно исследовательское объединение, специализировавшее в области исторической антропологии. В соответствие с планом НИР кафедры в 2016 – 2017 гг. были подготовлены и выпущены в тираж две части учебного пособия «Изучение проблем формирования российской государственности и расширения границ страны до начала XX в. в образовательных учреждениях».

Отдельно следует сказать о прирожденных способностях и заслугах Евгения Георгиевича как основателя и бессменного главного редактора журналов в двух учебных заведениях, в которых он проработал 41 год своей трудовой биографии: это регулярно издавшиеся научные журналы «Вестник Ставропольского государственного педагогического университета» (СГПУ) (1995), преобразованного в «Вестник государственного университета» (СГУ) (1996 – 2001), и «Вестник Ставропольского государственного педагогического института» (СГПИ) (2003 – 2016).

Пономарев Е. Г. владел профессиональными качествами главного редактора: не просто возглавлял редакцию и координировал ее работу, а нес полную ответственность за информационное наполнение, содержание и выпуск подотчетного ему издания. На нем держалась вся работа журнала. Он полностью руководил творческим процессом, и именно он решал: какова будет концепция печатного издания; что будет включать тематика номеров; какие статьи будут там главными, а какие – второстепенными; какие иллюстрации будут присутствовать на страницах...

Под его руководством вышло 3 номера в СГПУ только в 1995 г. и 24 номера в СГУ. Всего 27 выпусков с блестящими статьями ученых ведущего вуза на Ставрополье.

Активно и плодотворно сотрудничал Пономарев Е.Г. с коллективами ученых и преподавателей Северо-Кавказского федерального университета, поддерживал многолетние рабочие связи с кафедрами истории России и зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института СКФУ, публиковал научные статьи в журнале «Гуманитарные и юридические исследования», редактором которого является ученик Пономарева Евгения Георгиевича доктор исторических наук, профессор Крючков И.В., в диссертационном совете университета успешно защищались его аспиранты.

Много лет являлся членом правления Ставропольского краевого общества «Знание», одним из соучредителей Северо-Кавказского регионального отделения Всероссийского фонда Мира.

Сила Пономарева Е.Г. в том, что он никогда не подвергал циничному осмеянию высокие гуманистические идеалы и заповеди. Он знал цену не только бедам, но и великим победам русского XX и XXI столетий.

В последние годы профессор Пономарев Е. Г. стал автором ряда статей по борьбе с коррупцией. Он констатировал: «Все попытки обратиться к сознанию человека в контексте борьбы с коррупцией, его совести, разуму, стыду, наконец, как показывает тысячелетняя практика, обречены на провал» и «говорить однозначно о положительном результате, к сожалению, невозможно не только в современной России, но и практически во многих странах мира». На основе наблюдений указал: «Основное направление борьбы с коррупцией – резкое сокращение в разы аппарата государственного управления всех уровней сверху донизу и развитие местного самоуправления. Только зрелое гражданское общество способно победить коррупцию».

Оглядывая созидательный сложный путь, пройденный Евгением Георгиевичем, невольно ловишь себя на мысли, что в его судьбе, как в капле воды, отражается история нашей родины. Общий процесс развития великой страны не просто отразился на внешних сторонах жизни Пономарева Е. Г., но и нашел отражение в его внутреннем мире, оказал существенное влияние на формирование его мировоззрения, сказался на научном творчестве.

Он любил науку, педагогическую деятельность, свои научные и учебно-методические труды, публицистические очерки и новеллы. Остались незаконченными статьи…

Ему принадлежат свыше 250 опубликованных научных работ, 50 публицистических очерков и новелл. В числе его учеников 10 кандидатов исторических и юридических наук, тысячи специалистов, бакалавров и аспирантов. Его научная смелость и бескомпромиссность не знали пределов и нередко пугали власть держащих, восхищали друзей и сдерживали врагов. Все это сочеталось в удивительно интересном, любящем жизнь и людей Человеке.

Активный участник двух эпох в жизни страны, Пономарев Евгений Георгиевич стал человеком-легендой, объединяющим историю с настоящим и будущим. За многолетний труд и активную педагогическую работу, которой Пономарев Е. Г. посвятил более 40 лет, за значительный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов он был удостоен звания Почетного работника высшего профессионального образования РФ, награжден медалью «За трудовое отличие», грамотами Российской правовой академии Минюста России, грамотой Министерства науки и образования РФ, грамотами Министерства образования Ставропольского края, грамотой Губернатора СК, дипломами (восемь) лауреата конкурсов, проводимых Фондом развития отечественного образования за лучшие научные книги, медалью «Подвижнику просвещения» в память 300-летия М.В.Ломоносова; медалью российского Фонда мира «За миротворческую и благотворительную деятельность», грамотами Общества «Знание в России»; почётным званием в РФ «Ветеран труда» и др.

Память о гражданине, противостоит уничтожающей силе времени: он навсегда останется в сердцах любящих его родных, благодарных учеников, преданных коллег и людей, которым посчастливилось хотя бы раз в жизни пообщаться с этим незаурядным ученым, многогранным человеком, радующимся жизни, отдавшим ее без остатка своему народуученом, педагоге Пономареве Евгении Георгиевиче.

Д. И. Состин, Е. Н. Атарщикова

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2021. № 1

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. – 2021. – № 1. – 230 с.

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка И. В. Бушманова

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 22.03.2021
Дата выхода в свет 29.03.2021
Формат 60x84 1/8 Усл. п. л. 26,74 Уч.-изд. л. 26,29
Бумага офсетная Заказ 157 Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2